СЫМА ЦЯНЬ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

史記

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА

XXXII, 1

Серия основана в 1965 году

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН

СЫМА ЦЯНЬ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

(ШИ ЦЗИ)

Том I

Перевод с китайского
и комментарий
Р.В.Вяткина и В.С.Таскина
под общей редакцией
Р.В.Вяткина.
Вступительная статья
М.В.Крюкова

Издание второе,
исправленное и дополненное

Москва
2001

УДК 94(3)
ББК 63.3(5Кит)
С95

Редакционная коллегия серии
«Памятники письменности Востока»
О.Ф.Акимушкин (и.о. председателя), *С.М.Аникеева*,
С.С.Аревшатян, *Г.М.Бонгард-Левин* (зам. председателя),
В.Н.Горегляд, *Д.В.Деопик*, *Дж.В.Каграманов*,
У.И.Каримов, *Е.И.Кычанов*, *Л.Н.Меньшиков*,
Е.П.Метревели, *Э.Н.Темкин* (отв. секретарь),
А.Б.Халидов, *К.Н.Юзбашян*

Сыма Цянь

С95 Исторические записки (Ши цзи). Т. I. Пер. с кит. и коммент. Р.В.Вяткина и В.С.Таскина под общей редакцией Р.В.Вяткина. Вступит. ст. М.В.Крюкова. Издание второе, исправленное и дополненное. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. — 415 с. (Памятники письменности Востока. XXXII, 1).

ISBN 5-02-018277-X
ISBN 5-02-018264-8

«Исторические записки» древнекитайского историка Сыма Цяня (145–86? гг. до н.э.) — выдающийся памятник китайской историографии. До настоящего времени этот труд остается незаменимым источником разнообразных сведений о древнем Китае. В первый том вошли четыре главы «Основных записей» — первой части книги Сыма Цяня.

ББК 63.3(5Кит)

ISBN 5-02-018277-X
ISBN 5-02-018264-8

© Издательская фирма
«Восточная литература» РАН, 2001

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В феврале 1972 г. в Москве вышел в свет первый том «Исторических записок» (*Ши цзи*), бесценного творения Сыма Цяня, в академическом переводе — раздел «Основные записи» (*Бэнь цзи*), главы 1–4. За прошедшие годы вышло еще шесть томов. Все они изданы в серии «Памятники письменности Востока»:

XXXII, 2. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. II. Перевод с китайского и комментарий Р.В.Вяткина и В.С.Таскина под общей редакцией Р.В.Вяткина. М., 1975 — раздел «Основные записи» (*Бэнь цзи*), главы 5–12.

XXXII, 3. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. III. Перевод с китайского, предисловие и комментарий Р.В.Вяткина. М., 1984 — раздел «Хронологические таблицы» (*Бяо*), главы 13–22.

XXXII, 4. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. IV. Перевод с китайского, вступительная статья, комментарий и приложения Р.В.Вяткина. М., 1986 — раздел «Трактаты» (*Шу*), главы 23–30.

XXXII, 5. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. V. Перевод с китайского и комментарий Р.В.Вяткина. Вступительная статья Р.В.Вяткина. М., 1987 — раздел «История наследственных княжеских домов» (*Ши цзя*), главы 31–40.

XXXII, 6. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VI. Перевод с китайского, вступительная статья и комментарий Р.В.Вяткина. М., 1992 — раздел «История наследственных княжеских домов» (*Ши цзя*), главы 41–60.

XXXII, 7. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VII. Перевод с китайского Р.В.Вяткина. Комментарий Р.В.Вяткина и А.Р.Вяткина. Предисловие Р.В.Вяткина. М., 1996 — раздел «Жизнеописания» (*Ле чжуань*), главы 61–85.

Готовится к выходу в свет предпоследний, VIII том, продолжающий раздел *Ле чжуань* (главы 86–110). Таким образом, грандиозный по объему и невероятно трудный по исполнению проект выдающегося российского синолога Рудольфа Всеволодовича Вяткина приближается к завершению. К сожалению, Р.В.Вяткин не смог увидеть последних томов, но его труд усилиями А.М.Карапетьянца и А.Р.Вяткина, несомненно, будет закончен в ближайшие годы. Это означает, что впервые на европейском языке появится полный научно комментированный перевод ценнейшего памятника древнекитайской историографии.

Прошло 30 лет с момента начала публикации *Ши цзи* в нашей серии. Согласно древнекитайской традиции, смена поколений происходит через 30 лет. Для нового поколения востоковедов издательство предпринимает переиздание вышедших ранее томов с некоторыми исправлениями и уточнениями.

Полный список книг серий «Памятники литературы народов Востока» и «Памятники письменности Востока» за 1959–1985 гг. опубликован в брошюре «Памятники литературы народов Востока. Каталог серийных изданий. 1959–1985». М., 1986. Ниже приводится список книг, вышедших в свет после публикации каталога и готовящихся к изданию.

LXXVIII. Книга деяний Ардашира, сына Папака. Транскрипция текста, пер. со среднеперсидского, введ., коммент. и глоссарий О.М.Чунаковой. М., 1987.

LXXIX. Мебде-и канун-и йеничери оджагы тарихи (История возникновения законов янычарского корпуса). Факсимиле рукописи. Изд. текста, пер. с турецкого, коммент. и введ. И.Е.Петросян. М., 1987.

LXXX. Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньякапарва). Пер. с санскрита, коммент. и предисл. Я.В.Василькова и С.Л.Невелевой. М., 1987.

LXXXI, 1–4. Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149–1169). Изд. текста, пер. с тангутского, исслед. и примеч. Е.И.Кычанова. В 4-х кн.
Кн. 1. Исследование. М., 1987.
Кн. 2. Факсимиле, пер. и примеч. (гл. 1–7). М., 1987.
Кн. 3. Факсимиле, пер. и примеч. (гл. 8–12). М., 1989.
Кн. 4. Факсимиле, пер., примеч. и глоссарий (гл. 13–20). М., 1989.

LXXXII. Шихуа о том, как Трипитака Великой Тан добыл священные книги (Да Тан Сань-цзан цюй цзин шихуа). Пер. с китайского, исслед. и примеч. Л.К.Павловской. М., 1987.

LXXXIII. ʻАджаʼиб ад-дунйа (Чудеса мира). Критич. текст, пер. с персидского, введ., коммент. и указатели Л.П.Смирновой. М., 1993.

LXXXIV. ʻАли ибн Мухаммад ибн ʻАбдаллах ал-Фахри. Китаб талхис ал-байан фи зикр фирак ахл ал-адйан (Краткое разъяснение к перечню последователей разных вер). Факсимиле рукописи. Изд. текста, вступит. статья, краткое изложение содержания, примеч. и указатели С.М.Прозорова. М., 1988.

LXXXV. Аннамбхатта. Тарка-санграха («Свод умозрений») и Тарка-дипика («Разъяснение к своду умозрений»). Пер. с санкрита, введ., коммент. и историко-философские исслед. Е.П.Островской. М., 1989.

LXXXVI. Васубандху. Абхидхармакоша (Энциклопедия Абхидхармы). Пер. с санскрита, исслед. и коммент. В.И.Рудого. М., 1990 (Bibliotheca Buddhica. XXXV).

LXXXVII. Вновь собранные записи о любви к младшим и почтении к старшим. Изд. текста, вступит. статья, пер. с тангутского, коммент. и прил. К.Б.Кепинг. М., 1990.

LXXXVIII. Вопросы Милинды (Милиндапаньха). Пер. с пали, исслед. и коммент. А.В.Парибка. М., 1989 (Bibliotheca Buddhica. XXXVI).

LXXXIX. Дзэами Мотокиё. Предание о цветке стиля (Фуси кадэн), или Предание о цветке (Кадэнсё). Пер. со старояпонского, вступит. статья и примеч. Н.Г.Анариной. М., 1989.

XC. История Чойджид-дагини. Факсимиле рукописи. Транслитерация текста, пер. с монгольского, исслед. и коммент. А.Г.Сазыкина. М., 1990 (Bibliotheca Buddhica. XXXVII).

XCI. Махабхарата. Книга восьмая. О Карне (Карнапарва). Пер. с санскрита, предисл. и коммент. Я.В.Василькова и С.Л.Невелевой. М., 1990.

XCII. Мах Шараф-ханум Курдистани. Хроника дома Ардалан (Та'рих-и Ардалан). *Пер. с персидского, введ. и примеч. Е.И.Васильевой. М., 1990.*

XCIV. Изведать дороги и пути праведных. Пехлевийские назидательные тексты. Введ., транскрипция, пер., коммент., глоссарий и указатели О.М.Чунаковой. М., 1991.

XCV. Кабир. Грантхавали (Собрание). Пер. с браджа и коммент. Н.Б.Гафуровой, введ. Н.Б.Гафуровой и Н.М.Сазановой. М., 1992.

XCVI. Ме'ор айин («Светоч глаза»). Караимская грамматика древнееврейского языка. По рукописи 1208 г. Изд. текста, пер., исслед. и коммент. М.Н.Зислина. М., 1990.

XCVII. Норито. Сэммё. Пер. со старояпонского, коммент. и предисл. Л.М.Ермаковой. М., 1991.

XCVIII. Та'рих-и Бадахшан (История Бадахшана). Факсимиле рукописи. Изд. текста, пер. с персидского А.Н.Болдырева при участии С.Е.Григорьева. Введ. А.Н.Болдырева и С.Е.Григорьева. Примеч. и прил. С.Е.Григорьева. М., 1997.

XCIX. Хуэй цзяо. Жизнеописания достойных монахов (Гао сэн чжуань). Раздел 1. Переводчики. Пер. с китайского, исслед. и коммент. М.Е.Ермакова. М., 1991 (Bibliotheca Buddhica. XXXVIII).

C. Биджой Гупто. Сказание о Падме (Подмапуран). Пер. с бенгальского, предисл., коммент. и прил. И.А.Товстых. М., 1992.

CII. Каталог Петербургского рукописного «Ганджура». Сост., введ., транслитерация и указатели З.К.Касьяненко. М., 1993 (Bibliotheca Buddhica. XXXIX).

CIV. Мухаммад ибн ал-Харис ал-Хушани. Книга о судьях (Китаб ал-кудат). Пер. с арабского, предисл. и примеч. К.А.Бойко. М., 1992.

CV, 1. Угаритский эпос. Введ., пер. с угаритского и коммент. И.Ш.Шифмана. М., 1993.

CV, 2. О Ба'лу. Угаритские поэтические повествования. Пер. с угаритского, введ. и коммент. И.Ш.Шифмана. М., 1999.

CVI. Шамс ад-Дин Мухаммад ибн Кайс ар-Рази. Свод правил персидской поэзии (ал-Му'джам фи ма'айир аш'ар ал-'аджам). Часть II. О науке рифмы и критики поэзии. Пер. с персидского, введ. и коммент. Н.Ю.Чалисовой. М., 1997.

CVII. Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад ан-Насави. Сират Султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны). Критич. текст, пер. с арабского, коммент. и введ. З.М.Буниятова. М., 1996.

CIX. Классическая йога («Йога-сутры» Патанджали и «Вьяса-бхашья»). Пер. с санскрита, введ., коммент. и реконструкция системы Е.П.Островской и В.И.Рудого. М., 1992.

CX. Малик Шах-Хусайн Систани. Хроника воскрешения царей (Та'рих-и ихйа' ал-мулук). Пер. с персидского, предисл. и коммент. Л.П.Смирновой. *М., 2000.*

CXI. Ватсьяяна Малланага. Камасутра. Пер. с санскрита, вступит. статья и коммент. А.Я.Сыркина. М., 1993.

CXII. Джаядева. Гитаговинда. Пер. с санскрита, вступит. статья, коммент. и прил. А.Я.Сыркина. М., 1995.

CXIII, 1. Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли). Часть 1. Пер. с китайского, исслед., примеч. и прил. Н.П.Свистуновой. М., 1997.

CXIII, 2. Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли). Часть 2. Пер. с китайского, исслед., примеч. и прил. Н.П.Свистуновой.

CXIV. Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадестан-и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты. Издание подготовлено О.М.Чунаковой. М., 1997.

CXV. Кефалайа («Главы»). Коптский манихейский трактат. Пер. с коптского, исслед., коммент., глоссарий и указатели Е.Б.Смагиной. М., 1998.

CXVI. Арабские источники XIII–XIV вв. по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Т. 4. Пер. с арабского В.В.Матвеева, Л.Е.Куббеля, М.А.Толмачевой при участии Н.А.Добронравина. Предисл. М.А.Толмачевой. Издание подготовлено Н.А.Добронравиным и В.А.Поповым.

CXVII Запись у алтаря о примирении Конфуция. Факсимиле рукописи. Издание текста, пер. с тангутского, вступит. ст., коммент. и словарь Е.И.Кычанова. М., 2000.

CXVIII. История Эрдэни-дзу. Факсимиле рукописи. Пер. с монгольского, введ., коммент., прил. А.Д.Цендиной. М., 1999.

CXX. Вспомоществование верующим излиянием скорби (Игасат ал-умма би кашф ал-гумма). Пер. с арабского, введ. и коммент. Ф.Асадова, Э.Агаевой.

CXXI. Цзы цза (Смешанные знаки). Тангутский словник. Факсимиле текста. Вступит. статья, пер. с тангутского А.П.Терентьева-Катанского под ред. М.В.Софронова, исслед. и коммент. М.В.Софронова.

CXXII. Чжу Си. Проблема сознания. Пер. с китайского, исслед., коммент., грам. очерк и указ. А.С.Мартынова, И.Т.Зограф.

CXXIII. Сутры философии Ньяя (Ньяя-сутры и Ньяя-бхашья). Пер. с санскрита, исслед. и коммент. В.К.Шохина. М., 2001.

CXXIV. Толкование Корана (Лахорский тафсир). Пер. с персидского, примеч. и указ. Ф.И.Абдуллаевой. М., 2001.

CXXV, 1. Хуань Куань. Спор о соли и железе (Янь те лунь). Т. I. Пер. с китайского, введ. и коммент. Ю.Л.Кроля. М., 2001.

CXXV, 2. Хуань Куань. Спор о соли и железе (Янь те лунь). Т. II. Пер. с китайского, коммент. и указ. Ю.Л.Кроля. М., 2001.

CXXVI. Пехлевийская Божественная комедия. Книга о праведном Виразе (Арда Вираз намаг) и другие тексты. Введ., транслитерация пехлевийских текстов, пер. и коммент. О.М.Чунаковой. М., 2001.

CXXX. Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы). В 8-ми томах. Т. 1. Пер. с китайского К.Ю.Леонова, А.В.Никитина. Предисл., вступит. статья, коммент. и указ. К.Ю.Леонова, А.В.Никитина при участии В.И.Антощенко, М.Ю.Ульянова, А.Л.Федорина.

CXXXI. Чжоу Цюй-фэй. За Хребтами. Вместо ответов (Лин вай дай да). Пер. с китайского, введ., коммент. и прил. М.Ю.Ульянова.

Рудольф Всеволодович
ВЯТКИН
(1910–1995)

CONTENTS

M. V. Kryukov. Ssu-ma Ch'ien and His "Historical Records" 12
R. V. Vyatkin. "Basic Annals" as a Historical Source 66
BASIC ANNALS (*PEN CHI*) 131
Chapter One. The Five Emperors' Basic Annals 133
Chapter Two. The Hsia Basic Annals 150
Chapter Three. The Yin Basic Annals 166
Chapter Four. The Chou Basic Annals 179
COMMENTARY 219
APPENDIX 343
Ssu-ma Chen. Three Rulers. Basic Annals 345
List of Abbreviations 355
Bibliography (works in Russian, in other Western languages, and in Chinese and Japanese) 356
Index of Chinese sources 367
Yin Rulers' Table 369
Chou Rulers' Table 371
Index of proper names 373
Index of place names 385
Index of ethnic names (tribes and clans) 393
Index of Chinese terms 395
SUMMARY 402
ADDENDA 406
Yu. L. Krol'. Rudolf Vsevolodovich Vyatkin and Ssu-ma Ch'ien's "Historical Records" 406
D. Bodde. Syma Tsyan. Istoricheskie Zapiski ("Shi Tsi") 414

СОДЕРЖАНИЕ

М.В.Крюков. Сыма Цянь и его «Исторические записки» 12
Р.В.Вяткин. «Основные записи» как исторический источник 66
ОСНОВНЫЕ ЗАПИСИ (*БЭНЬ ЦЗИ*). Главы 1–4 131
Глава первая. У ди бэнь цзи — Основные записи [о деяниях] пяти императоров 133
Глава вторая. Ся бэнь цзи — Основные записи о [деяниях дома] Ся 150
Глава третья. Инь бэнь цзи — Основные записи [о деяниях дома] Инь 166
Глава четвертая. Чжоу бэнь цзи — Основные записи [о деяниях дома] Чжоу 179
КОММЕНТАРИЙ 219
ПРИЛОЖЕНИЯ 343
Основные записи о трех властителях 345
Список сокращений 355
Список литературы 356
Указатель китайских источников 367
Таблица имен правителей Инь 369
Таблица титулов и имен правителей Чжоу 371
Указатель имен 373
Указатель географических названий 385
Указатель этнических названий (племена и роды) 393
Указатель китайских терминов 395
SUMMARY 402
ADDENDA 406
Ю.Л.Кроль. Рудольф Всеволодович Вяткин и «Исторические записки» Сыма Цяня 406
Д.Бодде. Syma Tsyan. Istoricheskie Zapiski ("Shi Tsi") 414

СЫМА ЦЯНЬ И ЕГО «ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ»

Свое современное название «Исторические записки» *(Ши цзи)* труд Сыма Цяня получил уже после смерти автора; сам Сыма Цянь называл свое сочинение «Книгой Придворного историографа» *(Тайшигун шу)*. Название это символично. Оно явилось своеобразной данью уважения «отца китайской историографии» к древним, уходящим в глубь веков традициям, созданным и ревниво сохранявшимся придворными историками-летописцами. О той исключительно важной роли, которую сыграли эти предшественники Сыма Цяня в истории формирования исторических представлений древних китайцев, говорит уже тот факт, что в древнекитайском языке само понятие «история» является производным от знака *ши,* в своей первоначальной форме изображавшего руку, державшую табличку для письма; отсюда его первоначальное значение — «человек, ведающий записями». Древнейшие образцы таких записей — иньские надписи на костях и черепашьих щитках — по своему назначению не являются летописью в узком смысле этого слова, но их составление входило в компетенцию историографа, что наложило на них определенный отпечаток. Это проявляется прежде всего в исключительном внимании, уделявшемся категориям места и времени — непременное условие летописных записей. Кроме этого, отнюдь не все иньские надписи связаны с ритуалом гадания (хотя они и вошли в науку под названием «гадательных надписей»). Среди них есть записи событий, происшедших при дворе (присылка дани, совершение жертвоприношений и т. д.), а также записи речей вана, обращенных к знати или к войску. Таким образом, уже в иньских надписях мы находим истоки двух типов

исторических записей, характерных для «летописного» периода древнекитайской историографии: записи речей и записи событий.

Один из древнейших исторических памятников Китая, *Шан шу,* представляет собой образец записей «речей правителя». Сопоставление текста *Шан шу* с надписями на бронзовых сосудах чжоуской эпохи позволило не только установить аутентичность той его части, которая имеет отношение к эпохе Чжоу, но и показать, что составление *Шан шу* было непосредственно связано с деятельностью придворных анналистов.

Надписи на бронзе свидетельствуют, что историограф при дворе чжоуского вана не только выполнял функции скриба, но и оглашал приказы правителя во время торжественной церемонии инвеституры, сопровождал его в военных походах, занимался вопросами астрологии и предсказаниями судьбы. Оценка событий и лиц под кистью анналиста была мерилом добра и зла — это в первую очередь и определяло высокое общественное положение историографа и его непререкаемый авторитет.

В то же время в такой оценке роли историографии нельзя не видеть истоки принципа «поощрения и порицания», связанного с другим памятником древнекитайской историографии — *Чунь-цю.* Ортодоксальная традиция приписывает авторство *Чунь-цю* Конфуцию, однако в основе летописи, несомненно, должна была лежать хроника, составленная в царстве Лу. О существовании подобных хроник в целом ряде других царств говорят многочисленные свидетельства. Мэнцзы упоминает названия некоторых из них: *Чэн* в царстве Цзинь, *Тао-у* в царстве Чу, *Чунь-цю* в царстве Лу. Характеризуя *Чунь-цю* как образец древнекитайской летописи, Лян Ци-чао указывал на следующие ее особенности:

1. Исключительная лапидарность. Каждая запись содержит не более 40 иероглифов, а есть такие, которые состоят всего лишь из одного иероглифа.

2. Каждая запись посвящена одному событию, и между записями нет органической связи. Несколько записей, относя-

щихся к одному году, составляют самостоятельные части летописи.

3. В летописи отражены только события, происходившие при дворах правителей — *чжухоу*.

4. С исключительной подробностью рассказано о стихийных бедствиях, землетрясениях, солнечных и лунных затмениях [1].

Характерная черта этих ранних летописей состояла в том, что анналист видел свой долг в фиксировании событий, но не пытался анализировать и обобщать их. Не случайно ни в одном из исторических сочинений доханьской эпохи, по существу, не ставился вопрос об исторической закономерности, о причинной зависимости в развитии истории и т. д. Такая задача могла быть решена лишь после длительного периода первоначального накопления исторических знаний.

Впервые такая задача была поставлена в двух исторических сочинениях древности: «Истории» Полибия и «Исторических записках» Сыма Цяня [2]. Многие черты сближают эти труды (их авторы были почти современниками), и в первую очередь представление о цели и назначении истории. Полибий справедливо считал, что частные истории его предшественников оказались бессильными «обнять и узреть духовным взором прекраснейшее зрелище прошлых событий», и сам называл свою историю «всеобщей» [3]. Сыма Цянь видел цель своего труда в «проникновении в суть изменений древности и нынешнего времени» [4].

И все же труды Полибия и Сыма Цяня во многом отличаются друг от друга.

«История» Полибия всеобща в том смысле, что она включает историю нескольких стран (хронологически же она ограничивается периодом в 50 с небольшим лет); «Исторические записки» Сыма Цяня всеобщи в том смысле, что, во-первых,

---

[1] Лян Ци-чао, *Методы изучения...*, стр. 17.

[2] Н. И. Конрад, *Полибий и Сыма Цянь*,— в кн.: «Запад и Восток», стр. 54—88.

[3] В. Бузескул, *Введение...*, стр. 184.

[4] ХШБЧ, т. 6, стр. 4270.

будучи написаны в конце II в. до н. э., они излагают историю Китая начиная с мифических времен и кончая периодом жизни автора, т. е. охватывают эпоху по меньшей мере в две тысячи лет; во-вторых, включают историю не только ханьцев, но и других народов, связанных с Китаем исторически и территориально.

«Исторические записки» состоят из 130 глав, содержащих более 500 тысяч иероглифов. Такого колоссального труда не знала не только историография, но и вообще наука того времени.

«Исторические записки» ознаменовали начало нового этапа в развитии китайской историографии. Об этом наглядно свидетельствует тот факт, что даже в эпоху Сыма Цяня такие сочинения, как *Го юй, Цзо чжуань, Чжаньго цэ* и другие, рассматривались в первую очередь как классические произведения типа конфуциевой *Чунь-цю,* а не как исторические памятники. Не случайно, составляя на грани нашей эры каталог книг императорской библиотеки, Лю Сян и Лю Синь отнесли все эти сочинения к разделу *Чунь-цю.* Появление «Исторических записок» в значительной мере стимулировало интерес к изучению истории. Если до Сыма Цяня в Китае было написано всего 190 цзюаней исторических сочинений, то за одно столетие после появления *Ши цзи* их число достигло 235 цзюаней[5]; к VII в. общий объем произведений исторического характера исчислялся уже 16 585 цзюанями, т. е. за несколько столетий увеличился более чем в сорок раз[6]. Исторические сочинения, включаемые в каталоги книг, выделялись уже в особый раздел. Тем самым за историей было окончательно признано право на существование в качестве самостоятельной отрасли науки.

---

[5] ХШБЧ, т. 5, стр. 3109—3114.

[6] СШ, стр. 39—70.

ЖИЗНЬ ИСТОРИКА

ТРАДИЦИИ РОДА

Из «Автобиографии» Сыма Цяня известно, что в период правления чжоуского Сюань-вана (827—782 гг. до н. э.) один из далеких предков Сыма Цяня занимал должность историографа при дворе Чжоу. После его смерти эта должность передавалась по наследству на протяжении нескольких поколений, и весьма вероятно, что среди историков по фамилии Сыма, упоминаемых в надписях на бронзовых сосудах VIII—VII вв. до н. э., были и предки Сыма Цяня. В VII в. до н. э. предки Сыма Цяня покинули пределы Чжоу и переселились в царство Цзинь; пять столетий спустя прерванная традиция была возрождена Сыма Танем, отцом Сыма Цяня. Тань был широко образованным человеком. Он изучал астрологию и философию у известных ученых того времени, а его сочинение «Сущность шести философских школ» свидетельствует о том, что он не только превосходно знал классическую философию, но смог подняться до критического изложения основных ее направлений[7]. В 140 г. до н. э. Сыма Тань был назначен на должность главного придворного историографа при дворе только что взошедшего на престол императора У-ди.

Одна из наиболее колоритных фигур в галерее правителей ханьской династии, император У-ди пришел к власти спустя 80 лет после первого объединения Китая и создания Цинь Ши-хуаном единой централизованной империи. Просуществовав всего лишь 15 лет, империя Цинь пала под ударами народного восстания. Длительная междоусобная война претендентов на власть пагубно сказалась на состоянии экономики страны. Первый император новой, ханьской, династии был вынужден пойти на ослабление налогового гнета и принять ряд других мер, направленных на восстановление хозяйства. Он сделал серьезные уступки и старой аристократии из бывших княжеств, уничтоженных Цинь Ши-хуаном. В результате восстановления системы наследственных владений усилились

[7] Ф. С. Быков, *Зарождение...*, стр. 74—76.

центробежные устремления знати, что привело в конечном счете к ее открытому выступлению против центральной власти. Мятеж был подавлен, но проблема централизации не была еще решена окончательно. Только к середине II в. до н. э. общий подъем хозяйства и укрепление экономических связей между отдельными районами страны постепенно создали базу для целой серии мероприятий, ознаменовавших начало правления императора У-ди. Ликвидация наследственных владений, укрепление центрального государственного аппарата, успешная внешняя политика и значительное расширение территории государства — все это, вместе взятое, характеризовало «золотой век» У-ди. Ханьский Китай наряду с Римом и Парфией входит в число крупнейших держав мира.

Введение должности придворного историографа было одним из многочисленных свидетельств специализации высших чиновников в государстве и детализации их функций. Сама по себе должность историографа располагалась невысоко на служебной лестнице: его содержание составляло лишь 600 даней зерна, в то время как *чэнсян* (первый советник) получал 2 тысячи даней; согласно придворному церемониалу *чэнсян* носил серебряную печать на синем шнурке, а главный историограф имел право лишь на бронзовую печать с черным шнурком и т. д. Но именно к историографу попадали теперь прежде всего документы, поступавшие с периферии в столицу. Помимо систематизации и хранения документов главный историограф выполнял целый ряд функций, связанных с астрологией и составлением календаря. В его обязанности входил также выбор дней для совершения религиозных церемоний и жертвоприношений.

ДАТА РОЖДЕНИЯ СЫМА ЦЯНЯ

«Придворный историограф,— пишет Сыма Цянь о своем отце,— служил в период *цзянь-юань — юань-фэн* (т. е. с 140 по 110 г. до н. э.)... [у него] родился сын, которого назвали Цянь. Цянь родился в Лунмэне»[8]. Таким образом, точной

[8] ШЦ, т. 6, стр. 3293.

даты своего рождения Сыма Цянь не указывает. Современные ученые проделали большую работу, чтобы решить этот вопрос, однако полного единства во мнениях на этот счет до сих пор не достигнуто.

Косвенные данные, на основании которых могут быть установлены даты жизни Сыма Цяня, сами по себе противоречивы. Комментатор Сыма Чжэн, поясняя сообщение Сыма Цяня в автобиографии о занятии им после смерти отца должности придворного историографа, цитирует следующее место из сочинения *Бо-у чжи:* «Придворный историограф, [который приписан к] уезду Маолин, селению Сяньули, дафу Сыма [Цянь], 28 лет от роду, назначен на должность с жалованием 600 даней, на третьем году в шестом месяце в день *и-мао*» [9]. Согласно этому свидетельству, в июне 107 г. до н. э. Сыма Цяню было 28 лет, т. е. он родился в 135 г. до н. э. Однако другой ранний комментатор «Исторических записок», Чжан Шоу-цзе, после фразы: «...через пять лет после того, как Цянь стал Придворным историографом, в первый год *тай-чу*»,— отмечает: «Цяню 42 года» [10]. Таким образом, по версии Чжан Шоу-цзе, в 103 г. до н. э. Сыма Цяню было 42 года, т. е. он родился в 145 г. до н. э. Дискуссия ведется в основном между сторонниками этих двух версий, хотя китайскими и японскими учеными выдвигались и иные датировки рождения Сыма Цяня (129 г., 150 г., 163 г. до н. э. и др.).

Доказательства, выдвигаемые в защиту даты 135 г. до н. э., представляются нам более убедительными. Действительно, цитированные Сыма Чжэном данные *Бо-у чжи* полностью совпадают с канцелярской формой аттестации государственных чиновников ханьского времени, которая достаточно хорошо изучена после обнаружения в Цзюйяне подлинных ханьских документов на деревянных табличках. Правда, Ван Го-вэй, являвшийся сторонником версии 145 г., также признавал достоверность цитаты из *Бо-у чжи,* но считал, что при переписке в ней допущена ошибка: вместо «28 лет лет от роду»

[9] ШЦ, т. 6, стр. 3296.

[10] Там же.

должна стоять цифра 38[11]. Другие ученые, однако, показали, что с таким же успехом результатом ошибки переписчика могла быть и цифра 42 в комментарии Чжан Шоу-цзе. Поэтому решающее значение имеет сопоставление некоторых других свидетельств первоисточников. В письме к Жэнь Шао-цину, написанном, как полагают, в 93 или 91 г. до н. э., Сыма Цянь упоминает, что он служил при дворе «более двадцати лет»[12]. Если бы он родился в 145 г., то в момент написания письма ему было бы уже 52—54 года, между тем известно, что службу при дворе Сыма Цянь начал в 20 с чем-то лет. Если же он родился в 135 г., то письмо к Жэнь Шао-цину написано им в возрасте 42—44 лет, т. е. действительно спустя 20 лет после начала службы при дворе.

По мнению Чэн Цзинь-цзао, дата 135 г. противоречит собственным словам историка: «Цянь родился в Лунмэне. Пахал и пас скот на южных склонах гор»[13], так как в 140 г. отец его, Сыма Тань, переселился в столицу[14]. Но если вслед за Чэном предположить, что Сыма Цянь родился в 145 г. и вместе с отцом уехал из Лунмэна, то окажется, что он «пахал и пас скот» в возрасте 4—5 лет! Более логичным будет предположить, что хотя придворный историограф и занимал должность в столице, но сын его родился и провел детство на родине[15]. Там же Сыма Цянь, видимо, начал учиться, быстро овладев древней классикой[16].

К сожалению, скупые строки автобиографии не дают нам никаких сведений о том, когда Сыма Цянь переселился в Чанъань. Мы видим его уже 25-летним юношей, отправляющимся в путешествие по стране — первое свое путешествие. Маршрут этого путешествия Сыма Цяня, то, чем он интересовался в пути, дает возможность сделать определенные выводы о цели его поездки.

[11] Ван Го-вэй, *Гуаньтан цзи-линь*, т. 2, стр. 493.

[12] ХШБЧ, т. 6, стр. 4261.

[13] ШЦ, т. 6, стр. 3293.

[14] Чэн Цзинь-цзао, *Четыре исследования о датах рождения и смерти Сыма Цяня*, — в кн.: «Сыма Цянь и *Ши цзи*», стр. 151.

[15] Ли Чан-чжи, *Сыма Цянь как человек...*, стр. 79.

[16] ШЦ, т. 6, стр. 3293.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Путь Сыма Цяня в его первой поездке по Китаю представляется в следующей последовательности. Начав свое путешествие в Чанъани, он доехал до Лояна, затем повернул на юг, в современную провинцию Хунань, где в верховьях реки Сянцзян находится гора Цзюишань. Там, по преданию, умер легендарный император Шунь. Оттуда Сыма Цянь спустился вниз по течению реки Сянцзян и прибыл в Чанша. Здесь в водах реки Мило некогда погиб великий поэт Цюй Юань. «Читая „Скорбь отлученного", „Вопросы к небу", „Призывание души", я скорбел вместе с ним. Приехав в Чанша и побывав у реки Мило, где покончил с собой Цюй Юань, я не мог сдержать слез: мне казалось, что я увидел самого поэта»,— писал Сыма Цянь [17].

Из Чанша Сыма Цянь направился на восток и побывал на горе Куайцзи (современная провинция Чжэцзян, уезд Шаосин), с которой связано множество исторических легенд. Именно здесь легендарный Юй собрал будто бы совет своих военачальников; в горе сохранилась пещера, названная его именем.

Из Чжэцзяна Сыма Цянь едет на север, в бывшие княжества Ци и Лу — места, связанные с жизнью Конфуция. В Лу Сыма Цянь «осматривал родовой храм Конфуция, повозку, в которой он ездил, одежду, которую он носил, обрядовые атрибуты, которые он употреблял при жертвоприношениях» [18]. Обратный путь в Чанъань лежал через Пэнчэн (современный Сюйчжоу), где были еще живы предания о деятельности основоположника ханьской династии Лю Бана и его сподвижников. «Я был в Фэн и Пэй, расспрашивал стариков о прошлом, видел могилы Сяо Хэ, Цао Шэня, Фань Куая, Тэнгуна... Поистине странные вещи услышал я!» — пишет историк [19]. Сыма Цянь узнал, например, что Фань Куай, видный сановник начала ханьской династии, был в молодости живо-

[17] ШЦ, т. 5, стр. 2503.
[18] ШЦ, т. 4, стр. 1947.
[19] ШЦ, т. 5, стр. 2673.

дером; знаменитые генералы Сяо Хэ и Цао Шэнь начали свою карьеру тюремщиками; Чжоу Бо некогда зарабатывал на жизнь, ударяя в барабан на похоронах! Все это впоследствии было использовано Сыма Цянем при написании биографий приближенных Лю Бана. Своей яркостью и обилием фактического материала эти главы «Исторических записок» в значительной мере обязаны сведениям, полученным Сыма Цянем во время этого путешествия. Сыма Цянь проехал не менее 3—4 тыс. *км,* его поездка могла продолжаться, как полагают, 3—4 года.

Вскоре после возвращения Сыма Цяня в столицу перед ним открываются широкие возможности новых путешествий: он поступает на государственную службу в чине *ланчжуна,* что вводило его в число приближенных императора [20]. Должность при дворе не накладывала на *ланчжуна* каких-либо постоянных обязанностей. Он должен был сопровождать императора как в столице, так и во всех его поездках, а также, в случае необходимости, ездить по поручению императора в дальние области страны, выполняя функции его доверенного лица. Так, в первом году под девизом юань-фэн (110 г. до н. э.) Сыма Цянь был послан во вновь присоединенные районы Ба и Шу (современная провинция Сычуань), населенные некитайскими народностями. Побывав в этих краях, Сыма Цянь смог лично ознакомиться с жизнью племен юго-западных *и;* впечатления этой поездки дали ему материал для гл. 116 «Исторических записок».

СМЕРТЬ СЫМА ТАНЯ

120—110-е годы до н. э. были отмечены крупными успехами внешней политики У-ди. В 115 г. У-ди посылает Чжан Цяня к правителю *юэчжи* для заключения союза против сюнну, намереваясь окончательно покончить с ними. В 110 г. до н. э. 18-тысячная ханьская армия вышла за Великую китайскую стену и в районе Гуйсуя нанесла сюнну тяжелый удар. Затем она повернула обратно и направилась в Шаньдун, где на

[20] ШЦ, т. 6, стр. 3293.

священной горе Тайшань император решил совершить жертвоприношения небу и земле. Подготовку к церемонии возглавлял Сыма Тань. Однако когда армия прибыла в Лоян, Придворный историограф внезапно заболел и не мог сопровождать У-ди дальше. В это время Сыма Цянь возвращался из поездки в Сычуань и собирался доложить о ее результатах императору. Прибыв в Лоян, Сыма Цянь нашел отца уже при смерти.

В своей автобиографии он рисует трагическую сцену прощания с умирающим отцом. «...Придворный историограф взял Цяня за руку и со слезами на глазах сказал: „Мои предки были историографами царства Чжоу. Старшие поколения моего рода прославились при Шуне и Ся... Но затем род наш захирел. Я — последний его представитель! Если ты займешь мою должность — ты продолжишь дело моих предков. Ныне император, возродив традиции тысячелетий, приносит жертвы на горе Тайшань, а я не мог последовать за ним... Это — судьба! Это — судьба! Когда я умру, ты непременно будешь Придворным историографом... Не забывай того, что я хотел написать...“ Цянь плакал, уронив голову на грудь»[21].

Сыма Тань завещал сыну продолжить дело, начатое им,— завершить труд по истории Китая. Сыма Цянь обещал отцу выполнить его волю.

По истечении трехлетнего траура он наследовал дело отца, заняв должность Главного историографа императорского двора. Должность обеспечивала Сыма Цяню исключительно благоприятные условия для работы: ему был разрешен доступ в императорские библиотеки, к сокровищам древней литературы. Он получил в свое распоряжение ценнейшие исторические материалы из секретных хранилищ.

Занимая должность историографа, Сыма Цянь, как и его отец, должен был ведать вопросами, связанными с хранением и систематизацией архивных материалов. Таким образом, он располагал источниками, совершенно недоступными для других. Большая часть времени историографа уходила на

[21] ШЦ, т. 6, стр. 3295.

«приведение в порядок исторических записей и книг императорских библиотек и хранилищ». Однако помимо этого по характеру своей должности он должен был систематически заниматься астрономией и календарем. Несомненно, что гл. 27 «Исторических записок» могла быть написана Сыма Цянем лишь на основе личного опыта и широких, в рамках развития науки того времени, теоретических познаний в астрономии. В этой главе дается описание звездного неба, которое специалисты считают крупной вехой в истории древнекитайской астрономии. Сыма Цянь включил в нее 98 созвездий с общим числом звезд — 360[22]. Систематические занятия астрономией были связаны с другим грандиозным трудом, участие в котором принимал Сыма Цянь и который был закончен через несколько лет после его вступления в должность. Речь идет о создании «Календаря Великого Начинания» (по названию периода правления, когда он был введен,— 104—101 гг. до н. э.), послужившего основой современного китайского лунного календаря. В этой работе принимало участие несколько десятков ученых, среди которых был известный астроном Тан Ду — учитель Сыма Таня. Роль придворного историографа в этой работе была весьма значительна.

Как и раньше, Сыма Цянь использует каждую возможность для поисков новых материалов. Продолжением первых путешествий Сыма Цяня по стране была поездка в составе императорской свиты на гору Тайшань и к морю (в год смерти Сыма Таня). Так Сыма Цянь во второй раз побывал в Шаньдуне. На обратном пути он проезжал мимо Великой китайской стены. Величайшее сооружение, поглотившее огромную массу человеческого труда и десятки тысяч жизней, произвело на историка неизгладимое впечатление. «Я... возвращался в столицу по прямому тракту и видел пограничные башни Великой стены, построенной циньским генералом Мэн Тянем. Срывали горы, засыпали ложбины — прокладывали прямой тракт. Как дешево ценили труд простого на-

[22] Цянь Вэй-чан, *Научные открытия...*, стр. 33—34.

рода!» — восклицает Сыма Цянь[23]. И после этого Сыма Цянь неоднократно покидал столицу. Он принимал участие в ирригационных работах на Хуанхэ; побывал на территории современных провинций Ганьсу, Шаньси, Хубэй. Позднее Сыма Цянь писал: «На западе я доезжал до Кунтуна, на севере переходил через Чжолу, на востоке доходил до моря, на юге плавал по Янцзы и Хуайхэ»[24].

В 104 г. до н. э. Сыма Цянь завершает работу по систематизации материала и приступает к написанию «Исторических записок».

«ДЕЛО ЛИ ЛИНА»

Тем временем разыгрывались события, изменившие всю последующую жизнь историка. «Дело Ли Лина», та роль, которую сыграл в нем Сыма Цянь, и его дальнейшая участь не были, конечно, лишь трагическим стечением обстоятельств. Письмо Сыма Цяня к Жэнь Шао-цину[25] позволяет восстановить картину борьбы при дворе У-ди, достигшей своего апогея в 99 г. «О, что еще сказать? О, что еще сказать? Да кроме этого всего, о самом деле рассказать с начала все и до конца, ах, нелегко все выяснить как есть!» — пишет Сыма Цянь. «...Я смолоду уже все проморгал свои неудержимые таланты. Когда же вырос я, то также я не знал похвальных отзывов моих односельчан. Владыка-царь, по счастью для меня и ради моего покойного отца, дал мне возможность исполнять мои нехитрые дела, входить всегда и выходить в дворцовых кулуарах. Вот я и рассудил тогда, что тому, кто держит таз на голове, зачем смотреть на небо вверх? И вслед за этим прекратил свои знакомства и прием гостей, дела по дому запустил. Стал днем и ночью думать лишь о том, чтоб исчерпать усилия своих совсем никчемных дарований, сосредоточив мысль свою на том единственно одном лишь побужденьи, чтобы снискать себе фавор у государя нашего ца-

[23] ШЦ, т. 5, стр. 2570.
[24] ШЦ, т. 1, стр. 46.
[25] ХШБЧ, т. 6, стр. 4262.

ря»[26]. Но сама жизнь порождала противоречия, разрешить которые Сыма Цянь был не в силах. Постепенно он убеждался, что и «Сын неба» обладает недостатками смертных; он видел ничтожность сильных мира сего, пробравшихся к кормилу власти «подобно мухам на хвосте лошади».

«Отец мой заслуг не имел, отмечаемых грамотой царской... История звездных фигур и звездных расчетов для календаря так близка ведь к разным гаданьям, заклятьям и прочему! Понятно, что с людьми такими лишь забавляется владыка-государь, содержит их он как актеров и веселых дев; они в презренье даже у самых пошлых»[27]. «Самые пошлые» — это окружение императора, его приближение, в среду которых попал историк. Но придворная атмосфера всегда оставалась чуждой ему. Недаром так часто говорит Сыма Цянь о «посредственностях, которым недоступно понимание высоких человеческих чувств». Этот антагонизм и явился в конечном счете первопричиной трагедии.

В 99 г. один из китайских генералов, Ли Лин, был послан с небольшим отрядом против сюнну. Имея в своем распоряжении всего лишь 5 тысяч пеших воинов, Ли Лин все же сумел достичь ставки вождя сюнну — *шаньюя*. Ему удалось потеснить сюнну, но обещанное подкрепление не подходило, а тем временем вызванная *шаньюем* конница начала окружение отряда. Стрелы и провиант были на исходе; воины устали от непрерывных 10-дневных боев; число убитых и раненых непрерывно росло. Подкрепление так и не подошло. Несмотря на героическое сопротивление, отряд был частично уничтожен, частично пленен. В плен к сюнну попал и генерал Ли Лин.

Сначала Ли Лин посылал в столицу победные реляции, и высокие сановники ханьского двора наперебой поднимали чаши, поздравляя императора с успехом. Но вот через несколько дней пришло известие о поражении Ли Лина. Им-

[26] Сыма Цянь, *Ответ Жэнь Шао-цину*,— цит. по: «Китайская классическая проза...», стр. 84—85.

[27] Там же, стр. 89.

ператор, услышав об этом, потерял аппетит и не выходил из своих покоев. Перепуганные сановники не знали, что предпринять. Сыма Цянь хорошо знал Ли Лина и не мог поэтому остаться в стороне от развертывающихся событий. «Начну с того, что я с Ли Лином в одном и том же учрежденье пребывал. Мы никогда с ним не могли жить так, как полагается друзьям; у нас с ним были разные пути: что брал один, то отвергал другой. Мы никогда с ним вместе не держали у губ своих за чаркой чарку и никогда мы не сближались в той неизбывной радости друзей, что создается искренне и прямо. Но тем не менее его я наблюдал, и видел я, что этот человек — муж удивительный на редкость из тех, кто соблюдать себя умеют хорошо. Он родителям служил благоговейно; он был честен с теми, с кем служил; прикасаяся к деньгам, он был умерен; брал, давал всегда по совести своей. При разнице лет, положений он был донельзя уступчив. Он с низшими сдержанным был и вежливым очень. Он только о том и мечтал, чтобы ринуться в бой беззаветно и жизнь всю отдать за дело большое отчизны... И что же? Чины при дворе, за целость особы своей стоящие крепко и жизнь обеспечить жене и детям норовя, сейчас же его недостатки, как на дрожжах, раздули...»[28]. Действительно, приближенные императора, напуганные тем, что гнев Сына неба может обратиться против них, поспешили очернить Ли Лина, обвиняя его в предательстве. Лишь Сыма Цянь нашел в себе силы, чтобы поступить так, как диктовала ему его совесть.

«И вот так однажды случилось, что был во дворец я вызван к допросу, и я в этом смысле построил всю речь о заслугах Ли Лина. Хотел я всем этим расширить как мог кругозор царя-государя, конец положить речам тех белками сверкающих злобно людей. Но выяснить все до конца мне так и не удалось»[29]. Сыма Цянь был обвинен в намерении ввести императора в заблуждение и приговорен к позорному наказанию — кастрации.

[28] Там же, стр. 85—86.

[29] Там же, стр. 88.

С содроганием вспоминает историк время, проведенное в тюрьме.

«И вот я, представьте, сижу со связанными руками, ногами, с колодкой, веревкой на шее и с голою кожей, ничем не прикрытый, палками бьют меня, прутьями хлещут; я заперт средь стен, что повсюду вокруг»[30]. В тюрьме завершился перелом, назревавший в сознании историка. Завещанные отцом «Исторические записки» отныне представлялись ему единственной возможностью высказать все, что накопилось у него на душе. Не случайно Сыма Цянь заметил, что все выдающиеся творения прошлого были написаны мудрецами «в пылу гнева». Он сравнивал себя с Цюй Юанем, написавшим в изгнании «Скорбь Отлученного», с Цзо Цю-мином, создавшим *Го юй* после того, как он был ослеплен, с Сунь-цзы, изложившим основы военного искусства после того, как он был искалечен. «Все эти люди в душе имели скопленье чувств и грустных дум о том, что им не удавалось свой путь продвинуть пред людьми. Поэтому они нам говорят о днях былых и думают о тех, что будут впредь еще»[31].

О последних годах жизни Сыма Цяня почти ничего не известно. Бань Гу сообщает, что после освобождения из тюрьмы[32] Сыма Цянь был назначен на должность хранителя императорской печати[33]; но эта «почетная должность» была для Сыма Цяня лишь постоянным напоминанием о перенесенном им унижении (по обычаю хранителем печати императора мог быть только евнух). «Когда сижу я у себя, я в забытьи каком-то отдаленном, как будто что-то потерял. Когда ж за двери выхожу, то сам, куда иду, не знаю. Когда я вспоминаю о позоре, пот на спине сейчас же выступает, одежда вся моя сыреет... Поэтому я временно иду вслед за толпой, с которой вместе я всплываю иль ныряю, и вместе с миром всем

[30] Там же, стр. 91.

[31] Там же, стр. 106.

[32] Это произошло, по всей вероятности, в 96 г., когда У-ди объявил всеобщую амнистию.

[33] ХШБЧ, т. 6, стр. 4258.

то вверх иду, то вниз, чтобы заблужденья мира разделять» [34], — пишет Сыма Цянь.

Некоторые ученые считают, что Сыма Цянь умер вскоре после того, как им было написано это письмо. Точную дату смерти историка установить не удалось.

ПОДЛИННОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ТЕКСТА *ШИ ЦЗИ*

Удалось ли Сыма Цяню завершить работу над «Историческими записками»? Многие средневековые ученые, отвечавшие на этот вопрос отрицательно, основывались на свидетельстве Бань Гу о том, что в его время (I в. до н. э.) в «Исторических записках» недоставало десяти глав. Комментатор Чжан Янь высказал предположение, что эти десять глав были утеряны после смерти Сыма Цяня, но убедительных доказательств этого не привел. Многие современные ученые решительно выступают в защиту того мнения, что «Исторические записки» были завершены Сыма Цянем. Чжэн Хао-шэн, например, ссылается на заключительные строки «Автобиографии» Сыма Цяня: «Я изложил историю, начиная от Хуанди и кончая периодом *тай-чу*, в ста тридцати главах». «Автобиография» представляет собой, таким образом, послесловие к «Историческим запискам», а древние авторы писали послесловие, как правило, уже после того, как весь труд в целом был закончен [35]. Указывают также на то, что количество иероглифов в сочинении Сыма Цяня было им самим подсчитано и зафиксировано в «Автобиографии» [36].

Согласно комментарию Чжан Яня, к числу утерянных глав относятся следующие: 1. «Основные записи [о деяниях] Цзин-ди» (гл. 11); 2. «Основные записи [о деяниях] У-ди» (гл. 12); 3. Хронологическая таблица военачальников, министров и заслуженных чиновников с начала правления ханьской династии» (гл. 22); 4. «Трактат о ритуалах» (гл. 23); 5. «Трактат о музыке» (гл. 24); 6. «Трактат о военном искусстве» (гл. 25); 7. «История наследственных домов трех

[34] «Китайская классическая проза», стр. 96—97.

[35] Чжэн Хао-шэн, *Исследование «Ши цзи» и «Хань шу»*, стр. 29.

[36] Ли Чан-чжи, *Сыма Цянь как человек*..., стр. 151.

ванов» (гл. 60); 8. «Жизнеописание Фу Куаня» (гл. 98); 9. «Жизнеописания гадателей» (гл. 127); 10. «Жизнеописания предсказателей судьбы» (гл. 128).

Однако вопрос об истинности таких утверждений остается открытым, и многие исследователи не берут на себя смелость делать на их основании какие-либо выводы [37]. Так или иначе, но уже в то время, когда Чжан Янь писал свой комментарий к «Хань шу» (3 в. н. э.), в тексте «Исторических записок» были все 130 глав. Чжан Янь объясняет это тем, что в период правления императоров Юань-ди и Чэн-ди (48—7 гг. до н. э.) отсутствовавшие главы были восполнены неким Чу Шао-сунем. В связи с этим возникает вопрос о подлинности современного текста «Исторических записок» — одна из сложнейших проблем изучения наследия Сыма Цяня.

ИСТОРИЯ РУКОПИСИ

При рассмотрении проблемы аутентичности десяти утраченных (или недописанных Сыма Цянем?) глав нельзя не учитывать обстоятельств, при которых «Исторические записки» впервые увидели свет. Принято считать, что это произошло в период правления императора Сюань-ди (73 — 49 гг. до н. э.), когда внук Сыма Цяня, Ян Хуй, обнаружил рукопись своего деда [38]. Между тем одна из глав «Исторических записок» цитируется (устами сановника Сан Хун-яна) уже в книге Хуань Куаня «Рассуждения о соли и железе», составленной около 81 г. до н. э., т. е. еще до того, как сочинение Сыма Цяня было найдено Ян Хуем [39]. Объяснение этому следует, по всей вероятности, искать в том, что Сыма Цянь подготовил два экземпляра своей книги: «...спрятал [один из них] на горе знаменитой, в столице — второй экземпляр» [40].

Мнения комментаторов относительно того, как понимать эти слова Сыма Цяня, расходятся. Сыма Чжэн считает, что

---

[37] B. Watson, *Ssu-ma Ch'ien Grand Historian of China*, стр. 214.

[38] ХШБЧ, т. 6, стр. 4271.

[39] Впервые это было отмечено Сигэдзава Тосиро. См. «Исследования идеологии в эпохи Чжоу и Хань», стр. 309.

[40] ШЦ, т. 6, стр. 3320.

под «знаменитой горой» автор имел в виду императорскую библиотеку[41]. Янь Ши-гу (581—645), напротив, понимает эту фразу в том смысле, что основной экземпляр «Исторических записок» был спрятан где-то в надежном месте, не имеющем отношения к официальным учреждениям. По-видимому, именно этот экземпляр был найден и размножен Ян Хуем. Сан Хун-ян, а затем Бань Гу благодаря своему положению при дворе получили доступ к экземпляру, спрятанному «в столице» — т. е. в столичном архиве. Императорская библиотека и архивы сильно пострадали после свержения Ван Мана и занятия столицы повстанцами. Это обстоятельство и могло явиться причиной утраты ряда глав «Исторических записок». По-видимому, именно в этом экземпляре текста «Исторических записок», хранившемся в императорской библиотеке, утраченные главы были дополнены интерполятором. Но основной экземпляр, обнаруженный Ян Хуем и хранившийся в частном собрании, мог сохраниться в целости. Возможно, что именно этот экземпляр текста получил распространение не только в столице, но и в провинции. Во время раскопок ханьской крепости в Лобноре среди документов, датируемых второй половиной I в. до н. э., была найдена табличка с отрывком из 110 гл. «Исторических записок»; находка части текста 126 гл. имела место в Дуньхуане[42]. Трудно предположить, что эти главы были переписаны с единственного экземпляра, хранившегося в императорском архиве. Поэтому вполне возможно, что дошедший до нас текст «Исторических записок» имеет в своей основе экземпляр, в котором сохранялись все 130 оригинальных глав Сыма Цяня.

Таким образом, одного свидетельства Чжан Яня, по-видимому, недостаточно, чтобы отказать в достоверности 10 перечисленным им главам. Тем не менее можно считать доказанным, что «Исторические записки» действительно претерпели на протяжении столетий значительные текстологические из-

[41] ШЦ, т. 6, стр. 3321.

[42] Хуан Вэнь-би, *Записки об археологических изысканиях...*, стр. 211—212.

менения. Вероятно, уже Ян Хуй внес некоторые коррективы в рукопись Сыма Цяня. Во всяком случае, Бань Гу говорит о том, что Ян Хуй не просто переписал, а«изложил» сочинение своего деда. Если это так, Ян Хуй должен быть признан первым интерполятором *Ши цзи*, но он не был, к сожалению, последним.

ПОЗДНЕЙШИЕ ИНТЕРПОЛЯЦИИ

Современные исследователи насчитывают до 20 интерполяторов «Исторических записок»[43].

Больше других нам известно о некоем Чу Шао-суне (48—7 гг. до н. э.), которому приписывается «заслуга» восполнения лакун в тексте «Исторических записок»[44]. Определенный свет на характер деятельности Чу Шао-суня проливают его замечания к 70-й главе. «Удостоившись чести сдать экзамен и получить чин *шилана,*—пишет Чу Шао-сунь,—я любил читать биографию Придворного историографа. В биографии говорится, что „Сочинения [изложенные в] „Истории наследственных домов трех ванов" заслуживают прочтения". Я стал искать эту „Историю наследственных домов", но так и не смог найти ее. Тогда, разыскав у стариков — любителей истории их жалованные грамоты, я систематизировал содержащиеся в них факты и составил биографию»[45].

Из слов Чу Шао-суня следует, во-первых, что уже в его время 70-я глава была утрачена; во-вторых, восполнив лакуну, Чу Шао-сунь не приписал плоды своего творчества Сыма Цяню, а поставил под ними свою собственную подпись. Таким образом, интерполяции Чу Шао-суня носят «легальный» характер, в тексте «Исторических записок» они выделяются вводной формулой: «Учитель Чу сказал...».

Иной характер носили «Продолжения» «Исторических за-

---

[43] Ли Чан-чжи, *Сыма Цянь как человек...*, стр. 201.

[44] Чжан Янь утверждал, что Чу Шао-сунем были заново написаны четыре главы: 12, 60, 127 и 128; комментатор Чжан Шоу-цзе считал Чу Шао-суня автором всех 10 утраченных глав (ШЦ, т. 6, стр. 7223).

[45] ШЦ, т. 4, стр. 2114.

писок», составление которых получило широкое распространение в конце I в. до н. э. В *Хань шу* упоминается, в частности, «Продолжение к книге Придворного историографа, составленное Фэн Шаном, в 7 главах». Из комментария следует, что Фэн Шан написал это «Продолжение» во исполнение императорского указа. Если книга Фэн Шана была самостоятельным сочинением, лишь тематически связанным с «Историческими записками», то некоторые современники Фэн Шана, также составлявшие «Продолжения» отдельных глав «Исторических записок», присоединяли их непосредственно к первоначальному тексту Сыма Цяня без указания авторства.

Особое место среди интерполяторов конца I в. до н. э.—начала I в. н. э. занимает Лю Синь. По версии, выдвинутой Кан Ю-вэем и развитой впоследствии Цуй Ши, Лян Ци-чао, Ли Куй-яо и другими, Лю Синь подверг переработке текст «Исторических записок» и некоторых других сочинений, стремясь опереться на них для оправдания узурпации власти Ван Маном. Ряд современных ученых не согласны с этой гипотезой, однако вопрос о роли Лю Синя в редактировании «Исторических записок» заслуживает пристального внимания. Во всяком случае, сам Ван Ман проявлял к «Запискам» большой и, видимо, отнюдь не бескорыстный интерес: он, в частности, разыскал потомков Сыма Цяня и особым указом пожаловал одному из них почетный титул [46].

Одним из важнейших этапов в истории рукописи Сыма Цяня следует считать 70—80-е годы н. э., когда Ян Чжун по поручению императора Чжан-ди произвел изъятия из текста «Исторических записок», сократив текст с 526 500 до 100 000 иероглифов, т. е. примерно на $^{6}/_{10}$ [47]. Как показано Ли Куй-яо, в начале Поздней ханьской династии практика составления сокращенных вариантов исторических сочинений приобрела значительное распространение. Ян Чжун сократил *Ши цзи*, уже подвергавшиеся до этого интерполяциям; в результате

[46] ХШБЧ, т. 6, стр. 4271—4272.

[47] Ли Куй-яо, *Решение спорных вопросов в изучении «Ши цзи»*, стр. 1181—1191.

разновременные наслоения в тексте были в значительной степени перемешаны, что еще более затрудняет работу по установлению аутентичности современного текста «Исторических записок».

КРИТЕРИИ УСТАНОВЛЕНИЯ ПОДЛИННОСТИ ТЕКСТА

В настоящее время не представляется возможным надежно выделить в тексте *Ши цзи* включения, не принадлежащие кисти Сыма Цяня. Объясняется это недостатками имеющихся в распоряжении ученых критериев подлинности текста. Для применения основного из них — хронологического — необходимо прежде всего установить дату, до которой Сыма Цянь довел свое повествование. На этот счет существует несколько противоречивых свидетельств:

1) Сыма Цянь в «Автобиографии» пишет о том, что он «изложил историю, начиная от Хуан-ди и кончая [периодом] *тай-чу*» (т. е. 104—101 гг. до н. э.) [48];

2) в другом месте той же «Автобиографии» говорится, что Сыма Цянь «описал [события] от Тао-тана до цилиня» [49]. Некоторые комментаторы и позднейшие исследователи полагают, что в этой фразе содержится указание на поимку белого единорога («цилиня») во время поездки У-ди в Юн зимой 122 г.[50]. Однако существует иная трактовка этого свидетельства: «довести изложение до цилиня» может означать завершение повествования в 95 г. до н. э., когда по приказу У-ди была отлита бронзовая статуя в виде ноги цилиня [51];

3) Бань Гу в «Биографии Сыма Цяня» говорит: «Придворный историограф изложил [факты, содержащиеся] в *Чу Хань чунь-цю,* и присоединил к ним последующие события вплоть до Да-Хань» [52]. По мнению некоторых авторов, это

[48] ШЦ, т. 6, стр. 3321.

[49] Там же, стр. 3300.

[50] Так понимал эту фразу Чжан Янь (ШЦ, т. 6, стр. 3301).

[51] Версия комментатора Фу Цяня (ШЦ, т. 6, стр. 3300).

[52] ХШБЧ, т. 6, стр. 4272.

сочетание следует читать Тянь-Хань — период правления У-ди (100—97 гг. до н. э.) [53];

4) Чу Шао-сунь в своем добавлении к гл. 20 «Исторических записок» отмечает: «Сочинение Придворного историографа завершается концом [правления] У-ди» (т. е. 87 г. до н. э.) [54].

Какая же из этих версий соответствует истине? Что касается свидетельства Бань Гу, то оно (если, следуя за Ян Шу-да, понимать выражение *да-хань* как обозначение эры *тянь-хань*) противоречит не только утверждению самого Сыма Цяня, но и словам авторов *Хань шу* [55]. По-видимому, прав Чжу Дун-жунь, объясняющий сочетание «Да-Хань» (или «Тянь-Хань») в смысле «Великая Ханьская династия» или «Небесная Ханьская династия», т. е. как обозначение всей династии Хань в целом [56]. В этом значении выражение Тянь-Хань нередко употреблялось ханьскими авторами, и в том числе самим Бань Гу [57]. При таком толковании текста «Биографии Сыма Цяня» в нем невозможно отыскать точное указание на хронологический предел повествования в *Ши цзи*. Бань Гу говорит лишь о том, что Сыма Цянь в своем изложении захватывает события времен ханьской династии.

Однако чем объясняется само противоречие в датах, приводимых Сыма Цянем? Многие исследователи уклонялись от прямого ответа на этот вопрос и ограничивались доказательствами в пользу достоверности одной из этих двух дат. Разрешить противоречие впервые попытался Ли Куй-яо. По его мнению, приводя первую дату (период *тай-чу*), Сыма Цянь говорит о том, до какого времени доведено в «Исторических

[53] Ян Шу-да, *Заметки о «Хань шу»*, стр. 376. К мнению Яна присоединился Ю. Л. Кроль в статье «Критическая работа Сыма Цяня над текстом „Весны и осени княжеств Чу и Хань" Лу Цзя», стр. 138.

[54] ШЦ, т. 3, стр. 1059.

[55] В «Биографии Ян Сюна» Бань Гу говорит: «Придворный историограф описал [историю] шести царств, изложил [события] Чу и Хань, доведя [повествование] до цилиня».

[56] Чжу Дун-жунь, *Исследование ...Ши цзи...*, стр. 1—2.

[57] В частности, выражение Да-Хань употреблено в этом смысле в «Биографии Ян Сюна»,— ХШБЧ, т. 8, стр. 5115.

записках» изложение событий, а во фразе о цилине речь идет о том, когда было закончено составление «Исторических записок»[58]. Несмотря на всю заманчивость такой трактовки, она не может быть принята. Ли Куй-яо, упоминая о цилине, имеет в виду отливку статуи в 95 г. до н. э.; однако, как следует из письма Сыма Цяня к Жэнь Шао-цину, во всяком случае в 93 г. до н. э. «Исторические записки» еще не были закончены.

Чжу Дун-жунь дает иное толкование приведенным данным. По его мнению, сам Сыма Цянь рассматривал 122—104 гг. до н. э. как период утверждения могущества ханьской династии, выразившегося в «обнаружении добрых предзнаменований, совершении жертвоприношений Земле и Небу, реформе календаря и изменении цвета одежды»[59]. Этот период начался в 122 г. (первый год *юань-шоу*), когда был пойман цилинь, воплощавший в себе небесное знамение; закончился — в 104 г. (первый год *тай-чу*), когда был реформирован календарь. Рассматривая весь этот период как единое целое, Сыма Цянь завершает его в одном месте начальной датой (цилинь), в другом — конечной (*тай-чу*)[60]. Таким образом, события, относящиеся к более позднему времени, нежели 104 г. до н. э., следует считать позднейшей интерполяцией (подобные события упоминаются в гл. 18, 19, 20, 28, 54, 58, 60, 93, 103, 104, 109, 110, 111 и некоторых других).

Изучая вопрос об интерполяциях в тексте *Ши-цзи,* следует иметь в виду следующее.

Сыма Цянь начал писать «Исторические записки» в первом году *тай-чу* (104 г. до н. э.) — та самая дата, до которой, по его словам, было доведено в *Ши цзи* изложение событий. Видимо, закончив к 104 г. сбор материалов, Сыма Цянь сознательно ограничил себя этим хронологическим рубежом. Однако в ряде случаев он был вынужден сделать незначительные отступления от этого основного принципа. Чэн Цзиньцзао убедительно показывает это на примере гл. 18—20

[58] Ли Куй-яо, *Решение спорных вопросов...*, стр. 1191.

[59] ШЦ, т. 6, стр. 3299.

[60] Чжу Дун-жунь, *Исследование...*, стр. 7.

«Исторических записок»[61]. История большинства наследственных владений, розданных основателем ханьской династии, закончилась в начале правления У-ди: «Больше ста человек из числа заслуженных подданных,— пишет Сыма Цянь,— получили наследственные пожалования после воцарения Хань... За сто лет, вплоть до [периода правления] *тай-чу,* осталось [лишь] 5 хоу»[62]. Как должен был поступить историк в данном случае? Прервать изложение истории на периоде *тай-чу* или, нарушая самим им установленное правило, продолжать записки вплоть до момента ликвидации последних пожалований? Вполне вероятно, что в «Хронологических таблицах», посвященных наследственным пожалованиям (гл. 18, 19, 20), Сыма Цянь мог сделать отступление от правила и выйти за рубеж 104 г. до н. э., чтобы не разрывать единую ткань повествования. Нельзя поэтому согласиться с Цуй Ши, который, определив хронологические рамки повествования *Ши цзи,* объявлял неаутентичным все, что выходило из этих рамок, без каких-либо исключений[63]. С другой стороны, применение хронологического критерия нельзя сводить к удалению из текста «Исторических записок» явных анахронизмов.

В действительности проблема оказывается более сложной. Многие ученые отмечали многочисленные текстуальные совпадения некоторых глав «Исторических записок» Сыма Цяня и *Хань шу* Бань Гу. Однако, как правило, объясняли это тем, что при составлении *Хань шу* Бань Гу использовал материалы «Исторических записок». Однако Ли Куй-яо, специально изучивший вопрос о сокращении «Исторических записок» Ян Чжуном, выдвинул гипотезу, проливающую дополнительный свет на причины совпадений текста в сочинениях Сыма Цяня и Бань Гу. Составитель *Хань шу* нигде не упоминает о деятельности Ян Чжуна по сокращению *Ши цзи,* текст *Ши цзи* был им использован до того, как подвергся сокращению. Между тем уже в *Цзинь шу* (сост. в VII в. н. э.) снова гово-

[61] Чэн Цзинь-цзао, *Четыре исследования о датах рождения и смерти Сыма Цяня,*— в сб. «Сыма Цянь и *Ши цзи*», стр. 184.

[62] ШЦ, т. 2, стр. 878.

[63] Цуй Ши, *Ши цзи тань юань,* гл. 1, стр. 11—12.

рится о книге Сыма Цяня, насчитывающей 500 тысяч иероглифов. Очевидно, что еще в III—V вв. н. э. сокращенный текст «Исторических записок» был реконструирован на основе *Хань шу* и прежний объем его был восстановлен.

Это еще более осложняет вопрос. Известно, что многие исторические факты подчас получали у Сыма Цяня и Бань Гу диаметрально противоположные оценки. Поэтому следует быть осторожным, привлекая для характеристики исторического метода Сыма Цяня те главы его труда, в которых встречаются анахронизмы; их наличие может быть истолковано как свидетельство заимствования всей главы или какой-либо ее части из *Хань шу*.

Следует остановиться также на другом критерии подлинности *Ши цзи*, связанном с одним из специфических явлений китайской политической жизни и традиций. Вплоть до революции 1911 г. в Китае запрещалось упоминание имен императоров царствующей династии, а также имен родителей пишущего, особо уважаемых лиц и т. д. Этот обычай, восходящий к чжоуской эпохе, окончательно оформился уже в ханьское время. Табуирование имен внесло немало путаницы в исторические сочинения; в то же время оно было использовано учеными для установления подлинности текстов, их эпохи и т. д.[64]. В ханьскую эпоху табу осуществлялось одним из двух способов:

1. Замена иероглифа его синонимом. Так, в тексте древних классиков, высеченных на каменных плитах в ханьскую эпоху, иероглифы *бан* всюду были заменены на *го*, так как основателя ханьской династии звали Лю Бан;

2. Опущение иероглифа. В гл. 10 «Исторических записок» есть такая фраза: «Старшим из сыновей был „такой-то", его и предложили объявить наследником». «Такой-то» (*Моу*) заменяет здесь имя императора Цзин-ди. Иногда же вместо имени императора просто делали пропуск.

Приведенные примеры[65] показывают, что соблюдение в

[64] Чэнь Юань, *Примеры табуирования имен в исторических сочинениях*, стр. 1.

[65] Они заимствованы нами из работы Чэнь Юаня, стр. 2 и 4.

«Исторических записках» табу по отношению к именам императоров не подлежит сомнению. Но для Сыма Цяня табу было и имя его отца — Тань. И действительно, в ряде глав «Исторических записок» этот иероглиф заменен другим. Так, в гл. 125 читаем: «Из числа фаворитов при императоре Сяо Вэнь-ди среди чиновников следует упомянуть Дэн Туна, среди евнухов — Чжао Туна». Комментарий Сыма Чжэна поясняет: «В *Хань шу* написано: „Чжао Тань". Здесь говорится Тун для того, чтобы избежать упоминания имени отца Придворного историографа»[66]. Аналогичные примеры, на которые неоднократно обращали внимание многие авторы, обнаруживаются в гл. 18, 21, 43, 76, 100, 101, 125. В письме к Жэнь Шао-цину Сыма Цянь, упоминая о евнухе Чжао Тане, также заменяет иероглиф в его имени[67]. Таким образом, вне зависимости от того, стало ли табуирование имени предка в ханьскую эпоху всеобщим правилом или нет, очевидно, что Сыма Цянь достаточно строго соблюдал это правило. В то же время внимание исследователей давно привлек тот факт, что в ряде глав «Исторических записок» иероглиф *тань* остался незамененным. Д. Бодде заинтересовался этим вопросом в связи с исследованием биографии Ли Сы (гл. 87 «Исторических записок»), где упоминается о некоем Хань Тане[68]. Он установил, что табу нарушено помимо этого в пяти главах *Ши цзи*. «Изучая эти пять глав,— пишет Бодде,— я был поражен тем фактом, что каждая из них содержит моменты, указывающие (помимо связи со словом *тань*) на эти главы или по крайней мере на их части как не принадлежащие Сыма Цяню»[69].

1. Глава 39 (знак *тань* встречается в имени Хуй-бо Тань)[70] содержит факты, расходящиеся с данными летописи *Цзо чжуань*, которую в качестве одного из источников использовал Сыма Цянь.

---

[66] ШЦ, т. 6, стр. 3192.
[67] ХШБЧ, т. 6, стр. 4261.
[68] ШЦ, т. 5, стр. 2563.
[69] D. Bodde, *China's First Unifier*, стр. 103.
[70] ШЦ, т. 4, стр. 1682.

2. Глава 74 — «Жизнеописание Мэн-цзы и Сюнь-цзы». Знак *тань* встречается здесь в прозвище Цзоу Яня[71], жизнеописание которого не связано органически с повествованиями и, по-видимому, представляет собой позднейшую интерполяцию.

3. Глава 83 — «Жизнеописание Цзоу Яня». Здесь иероглиф *тань* зафиксирован дважды[72]. Маловероятно, чтобы Сыма Цянь располагал меньшими сведениями о Цзоу Яне, нежели автор *Хань шу*.

4. Глава 117 — «Жизнеописание Сыма Сян-жу», напротив, отличается от параллельного текста *Хань шу* большей точностью и детализацией; она оставляет такое впечатление, словно «Жизнеописание Сыма Сян-жу» в *Хань шу* было стилистически обработано и после этого включено в текст *Ши цзи*. Далее, в конце главы содержится анахронизм — упоминание имени Ян Сюна.

5. Глава 126 содержит явные ошибки в хронологии, которые вряд ли мог допустить такой внимательный ученый, как Сыма Цянь; заслуживает внимания также тот факт, что глава содержит продолжение, составленное Чу Шао-сунем[73].

Бодде пришел к выводу, что те главы или части глав «Исторических записок», в которых встречается знак *тань*, являются, по-видимому, позднейшими интерполяциями[74].

АВТОРСТВО ОТЦА И СЫНА

Вывод Бодде, однако, требует уточнения: несоблюдение табу на имя Сыма Таня говорит о том, что главы, части глав или отдельные фразы, в которых употреблено имя Тань, не были написаны Сыма Цянем. Но нельзя утверждать, что нарушение табу явилось результатом деятельности интерполятора, так как «Исторические записки» могли содержать главы, написанные отцом Сыма Цяня. Таким образом, еще одним специфическим вопросом, возникающим в связи с исследованием подлинности *Ши цзи*, является вопрос о том, в какой

[71] ШЦ, т. 5, стр. 2348.

[72] ШЦ, т. 5, стр. 2479.

[73] ШЦ, т. 6, стр. 3203.

[74] D. Bodde, *China's First Unifier*, стр. 111.

мере Сыма Цянь использовал материалы, подготовленные его отцом.

Когда умирающий Сыма Тань завещал сыну задуманный им труд, он сказал: «Не забывай того, что я хотел написать». Означает ли это, что он не начинал работать над «Историческими записками»? Видимо, не означает, так как на эти слова Сыма Цянь ответил: «Я прошу разрешения подробно изложить известия о былом, систематизированные вами! Я не осмелюсь допустить, чтобы они пропали»[75]. Вопрос о том, насколько выполнил он свое обещание, представляет не только биографический интерес: он связан с принципиальными проблемами оценки Сыма Цяня как историка. На решение этого вопроса издавна были направлены усилия многих ученых; был выдвинут ряд критериев авторства «Исторических записок». Рассмотрим основные из этих критериев.

Говоря о должности Придворного историографа, Сыма Цянь неизменно употреблял термин *тайшигун,* хотя в ханьском табеле о рангах эта должность называлась *тайшилин.* Комментатор Пэй Инь высказал предположение, что Сыма Цянь называл своего отца *тайшигун* в знак уважения к нему, заменяя последний иероглиф в названии его должности знаком *гун.* Далее Пэй Инь добавляет: «Всюду, где упоминается *тайшигун,* Сыма Цянь излагает сочиненное его отцом»[76].

Многие западные ученые безоговорочно приняли утверждение Пэй Иня: все части «Исторических записок», которые начинаются словами «Придворный историограф сказал... (*тайшигун юе*:...)», по их мнению, суть не что иное, как цитаты из сочинения Сыма Таня.

В настоящее время необоснованность такого вывода не вызывает сомнений. Достаточно сослаться на следующую фразу из «Автобиографии» Сыма Цяня: «Семь лет спустя *тайшигун* попал в беду в связи с делом Ли Лина»[77]. Ясно,

[76] ШЦ, т. 6, стр. 3295.
[76] ШЦ, т. 6, стр. 3288.
[77] ШЦ, т. 6, стр. 3300.

что тот же самый термин Сыма Цянь использовал применительно к самому себе. Таким образом, применение термина «Придворный историограф» не может служить критерием для суждения об авторстве того или иного отрывка «Исторических записок»[78].

Столь же ненадежен и другой критерий, суть которого становится ясной из следующих слов американского синолога Р. Блю: «К сожалению, наименование *тайшигун* в нынешнем варианте „Исторических записок" не указывает, к отцу или сыну оно относится. Поэтому, определяя автора различных отрывков... мы взяли за основу философскую сущность отдельных высказываний. Отец был заметно склонен к метафизике; сына же можно назвать „реалистом"...»[79]. Эта идея, исходящая из предпосылки, что мировоззрение Сыма Цяня коренным образом отличалось от взглядов его отца, получила довольно широкое распространение среди современных исследователей *Ши цзи*. При этом для определения философского кредо историка и его отца зачастую используется традиционное деление китайской классической философии на «школы».

---

[78] Чем же все-таки объяснить факт появления в этом термине иероглифа *гун*? На этот счет было высказано несколько точек зрения:

1. Сыма Чжэн, ссылаясь на «Новые рассуждения» Хуань Таня, сообщал, что Сыма Цянь, закончив свою книгу, показал ее Дунфан Шо и тот сделал добавления к ней под заголовком *Тайшигун* (ШЦ, т. I, стр. 161). Однако, как было показано Т. Покорой, это свидетельство Сыма Чжэна недостоверно (T. Pokora, *The First Interpolation in the Shihchi*, стр. 311—315).

2. Комментатор Вэй Чжао утверждал: «В „Исторических записках" [Сыма] Цянь именуется *тайшигуном*. Это было добавлено внуком Цяня, Ян Хуем» (ШЦ, т. 1, ст. 461). Однако термин *тайшигун* встречается не только в *Ши цзи*, но и в письме Сыма Цяня к Жэнь Шао-цину.

3. Комментатор Юй Си говорил, что «в древности все, кто занимался астрономией, а не только [Сыма] Цянь, прибавляли к своей должности иероглиф — *гун*...» (ШЦ, т. 1, стр. 47).

4. Юй Чжэн-се считал, что иероглиф *гун* в ханьское время нередко добавлялся к фамилии или названию должности и имел значение «ученый» (Юй Чжэн-се, *Черновики 1833 года*, стр. 431). Это толкование, подтверждаемое данными источников, представляется наиболее убедительным.

[79] R. C. Blue, *The Argumentation of the Shih-huo Chih*, стр. 16—17.

Однако субъективный характер этого критерия отчетливо проявляется уже в том, что исследователи до сих пор не могут прийти к единому мнению: к какой же именно школе следует отнести Сыма Цяня. И не случайно: Сыма Цянь стремился не замыкаться в рамках какой-то определенной школы, а высказать в «Исторических записках» «свое собственное мнение»[80]. Таким образом, в вопросе о принадлежности отдельных глав *Ши цзи* Сыма Цяню или его отцу применение этого критерия требует особой осторожности.

По нашему мнению, прав Ли Чан-чжи, указывающий на необходимость параллельного использования нескольких различных критериев. Беря за основу философские идеи «Сущности шести школ» Сыма Таня, он сопоставляет их с содержанием тех глав «Исторических записок», которые, возможно, были написаны им; однако решающее слово в выводах об авторстве текста остается за более объективными критериями, одним из которых является нарушение табу на упоминание имени Сыма Таня. Поэтому Ли Чан-чжи считает, что такие главы, как «История наследственного дома Цзинь» (гл. 39) и «Биография Ли Сы» (гл. 87), по-видимому, написаны Сыма Танем: там не соблюдается табу на знак *тань* и, кроме того, нет следов позднейших интерполяций.

Наконец, при решении вопроса об авторстве может быть применен и хронологический критерий, хотя и в несколько ином плане, нежели при выявлении позднейших вставок. Одним из примеров тому может служить исследование гл. 86 «Исторических записок» («Жизнеописания мстителей»). Цзин Кэ, о котором идет речь в этой главе, совершил покушение на Цинь Ши-хуана в 227 г. до н. э., т. е. за 117 лет до смерти Сыма Таня и за 62 года до рождения Сыма Цяня. В послесловии к главе автор говорит, что Ся У-цзюй, очевидец покушения, рассказал об обстоятельствах дела Гунсунь Цзи-гуну и Дун Шэну, а те «рассказали мне»[81]. Если Гунсунь Цзи-гун и Дун Шэн были современниками Ся У-цзюя, то Сыма Тань

[80] Ли Чан-чжи, *Сыма Цянь как человек...*, стр. 160.

[81] ШЦ, т. 5, стр. 2538.

мог беседовать с ними, только будучи еще совсем молодым; что же касается Сыма Цяня, то он уж никак не мог встречаться и разговаривать с ними. На этом основании Ли Чанчжи вполне обоснованно считает, что биография Цзин Кэ была написана Сыма Танем [82].

Хронологические выкладки могут быть использованы и для доказательства «от противного»: некоторые главы не доводят повествование до времени жизни Сыма Цяня, а обрывают его раньше. Так, генеалогию потомков Лао-цзы автор излагает вплоть до Ли Цзе, который умер задолго до рождения Сыма Цяня, в период правления императора Цзин-ди [83].

В целом следует подчеркнуть, что поскольку текстологические исследования не могут опираться на «универсальный» научный критерий определения авторства и подлинности *Ши цзи,* постольку необходимо перекрестное использование нескольких частных критериев. Только на такой базе в дальнейшем могут быть решены сложные проблемы изучения наследия Сыма Цяня.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД СЫМА ЦЯНЯ

«Я как тенетами весь мир Китая обнял со всеми старинными сказаньями, подверг сужденью, набросал историю всех дел, связал с началами концы, вникая в суть вещей и дел, которые то завершались, то разрушались, то процветали, то упадали, и в верх веков считал от Сюань Юаня, и вниз дошел до нынешнего года. Составил десять я таблиц, двенадцать основных анналов; трактатов, обозрений — восемь, наследственных родов-фамилий — тридцать, отдельных монографий — семьдесят, а итого сто тридцать в общем глав. И у меня желанье есть: на этом протяженье исследовать все то, что среди неба и земли, проникнуть в сущность перемен, имевших место как сейчас, так и в дни древности далекой. Дать речь отдельного совсем авторитета...» [84].

Так определяет Сыма Цянь цели своего труда.

[82] Ли Чан-чжи, *Сыма Цянь как человек...,* стр. 160—161.

[83] ШЦ, т. 5, стр. 2143.

[84] «Китайская классическая проза...», стр. 95—96.

АРХИТЕКТОНИКА «ИСТОРИЧЕСКИХ ЗАПИСОК»

В противовес хронологическому принципу, господствовавшему дотоле в китайской историографии, Сыма Цянь положил в основу «Исторических записок» совершенно иной принцип — жизнеописания исторических личностей. Для того чтобы понять, как Сыма Цяню удалось осуществить свой замысел, необходимо обратиться к архитектонике «Исторических записок», состоящих из пяти разделов:

1. «Основные записи»;
2. «Хронологические таблицы»;
3. «Трактаты»;
4. «Истории наследственных домов»;
5. «Жизнеописания».

«Основные записи» *(Бэнь цзи)* — первая по расположению и основная по замыслу часть «Исторических записок». Это — записи *(цзи)* об основном *(бэнь)*, на чем строится все здание истории. Сам термин *бэнь цзи* не был впервые введен Сыма Цянем,— так назывались древнейшие исторические хроники до него, например ныне утраченные «Основные записи о деяниях Юя»[85]. Однако Сыма Цянь вложил в этот термин новое содержание. Он писал: «[Я хотел] в деяниях царей уяснить причину начала и рассмотреть конец, увидеть расцвет и обозреть падение...»[86]. Другими словами, Сыма Цянь пытался проследить в величии и падении династий общую линию развития истории. *Бэнь цзи* явились историческим фоном, раскрытию конкретного содержания которого должны были послужить последующие разделы «Исторических записок»[87].

«Истории наследственных домов» *(Ши цзя)* — второй биографический раздел «Исторических записок». Термин *ши цзя* в значении «наследственное владение», «дом» встречается в трактате *Мэн-цзы*, но как название одного из разделов исто-

[85] Сыма Цянь упоминает об этом сочинении в гл. 123 (ШЦ, т. 6, стр. 3179).

[86] ШЦ, т. 6, стр. 3319.

[87] Подробнее о *Бэнь цзи* см. статью Р. В. Вяткина в настоящем издании.

рического сочинения *ши цзя* впервые появляется только у Сыма Цяня[88]. В «Исторических записках» *Ши цзя* — это история царств эпохи Чжоу, или биографии крупнейших представителей наследственной знати. Сыма Цянь писал: «Подобно тому, как 28 созвездий вращаются вокруг Полярной звезды, а 30 спиц составляют вместе колесо, способное двигаться бесконечно, так и ближайшие помощники правителя занимают отведенное им место, своей преданностью и добродетелями служа императору, поэтому я и написал 30 *Ши цзя*»[89]. Исключение из общего правила составляют лишь гл. 47 и 48 — жизнеописания Конфуция и Чэнь Шэ, не принадлежавших к знатным наследственным домам. Чем объяснить это отступление историка от первоначальной схемы? Сыма Цянь высоко ценил роль Конфуция в истории китайской культуры, как и роль Чэнь Шэ в политических судьбах Китая накануне воцарения ханьской династии. Конфуций оставил в наследство грядущим поколениям «шесть канонов»; Чэнь Шэ был первым, кто восстал против беззаконий циньской династии[90]. Поэтому, по мысли Сыма Цяня, Конфуций и Чэнь Шэ были достойны помещения в разделе «Истории наследственных домов».

«Жизнеописания» (*Ле чжуань*) — третий биографический раздел «Исторических записок». Термин *ле чжуань* единодушно признается нововведением Сыма Цяня (до него *чжуань* назывались традиционные комментарии к классическим книгам — *Цзо чжуань, Гулян чжуань* и др.). *Ле чжуань* —

[88] Правда, Чжао И предполагал, что еще до Сыма Цяня существовали сочинения, носившие названия *ши цзя* (Чжао И, *Записки о 22 историях*, стр. 3). Основанием для такого вывода послужили слова самого Сыма Цяня: «Я читал *ши цзя*, где говорится...» (ШЦ, т. 4, стр. 1605). Сыма Цянь часто ссылается в своем труде на то, что «говорится в *ши цзя*... или что говорится в *бэнь цзи*...». Во всех этих случаях Сыма Цянь имел в виду отдельные главы «Исторических записок». Сомнение тут может вызвать слово «читал», словно эта книга не принадлежала ему самому. Возможно, это говорит о том, что указанные главы или их части были написаны Сыма Танем.

[89] ШЦ, т. 6, стр. 3319.

[90] ШЦ, т. 6, стр. 3310—3311.

наиболее законченное выражение «биографической» системы изложения истории, вскрывающей общую картину прошлого через частное — жизнеописания исторических деятелей.

Однако принятый в западной литературе перевод этого термина — «биографии» не вполне точно и полно отражает его содержание, так как в раздел *Ле чжуань* Сыма Цянь включает описания многих сопредельных племен и государств: Кореи, Намвьет, сюнну, юго-западных *и* и т. д.[91].

В разделе *Ле чжуань* мы находим жизнеописания знаменитых философов (гл. 63, 74), ученых (гл. 67, 121), поэтов (гл. 84, 117), полководцев (гл. 64, 65, 73, 88, 109, 111), «дипломатов» (гл. 69, 70), государственных деятелей (гл. 68, 79, 85, 87, 96), чиновников (гл. 119, 122) и т. д. и т. п. Подавляющее большинство этих исторических деятелей принадлежало к средним и высшим слоям общества той эпохи. Но Сыма Цянь в своих *Ле чжуань* предоставляет место и простолюдинам. В гл. 105 мы встречаем лекарей, в гл. 129 — рыночных торговцев, в гл. 127 и 128 — гадателей и предсказателей судьбы, в гл. 124 — людей без определенных профессий, прославившихся своей готовностью помочь ближнему в трудную минуту, в гл. 126 — актеров и шутов. Историк поместил их биографии в свои «Записки» потому, что эти люди представляли различные социальные слои и их биографии могли дать широкое представление об обществе в целом.

По своему характеру раздел *Ле чжуань* представляет собой огромное разнообразие форм и средств повествования. Здесь есть главы, посвященные одному лицу, и объединенные биографии нескольких лиц; жизнеописания двух равноценных героев и биографии, в которых один персонаж главный, а другой занимает второстепенное положение; в некоторых главах — два основных и несколько второстепенных героев, и т. д. В целом «монобиографий» в «Исторических записках» немного. В основе так называемых совместных биографий лежит сходство в характере деятельности или в личных качествах исторических деятелей. Особое место занимает первая

[91] Это отмечено Уотсоном (B. Watson, *Ssu-ma Ch'ien...*, стр. 122).

глава раздела *Ле чжуань* — «Жизнеописание Бо И»: в ней Сыма Цянь ставит вопрос об исторической судьбе личности и ее оценке; сама биография Бо И — лишь вставной эпизод, иллюстрация основной мысли автора. Таким образом, *Ле чжуань* превращается в гибкую форму исторического повествования, которая творчески используется историком.

Бэнь цзи, Ши цзя и *Ле чжуань* — три основных раздела «Исторических записок», в основу которых положен биографический принцип. Но, введя в китайскую историографию жизнеописание как форму исторического повествования, Сыма Цянь не ограничился этим. Особенностью труда Сыма Цяня является сочетание различных способов изложения истории.

Так, «Основные записи» представляют собой соединение биографического и хронологического принципов изложения истории. «Хронологические таблицы» *(Бяо)* представляют собой попытку систематизации и унификации хронологии. В «Таблицах» Сыма Цянь нередко дает сравнительный анализ хронологических данных, имеющихся в различных исторических документах, с целью разрешения противоречий между ними. Сыма Цянь сообщает, что мысль о необходимости составить сводные хронологические таблицы появилась у него после завершения работы над первым разделом «Исторических записок». «Когда я систематизировал их (т. е. «Основные записи»),— пишет историк,— я обнаружил, что при сопоставлении дат различных поколений возникают расхождения и неясности, поэтому я и составил десять таблиц»[92].

Сыма Цянь был первым китайским историком, приложившим к историческому труду хронологические таблицы, и, хотя ему не удалось избежать ряда ошибок и противоречий, этот раздел «Исторических записок» и в наше время незаменим при составлении хронологических таблиц по древней истории Китая[93].

«Трактаты» *(Шу)* посвящены различным отраслям обще-

[92] ШЦ, т. 6, стр. 3319.

[93] См.: Фань Вэнь-лань, *Древняя история Китая,* стр. 288—292.

ственной жизни, культуры, науки. В отличие от предыдущих разделов главы «Трактатов» строятся не по биографическому или хронологическому, а по тематическому принципу. Сыма Цянь писал, что в «Трактатах» он рассматривает «преобразования в ритуалах и музыке, усовершенствования в календаре, военное искусство, жертвоприношения духам гор и рек, взаимоотношения Неба и человека, ошибки [в экономической политике], унаследованные от прошлого, и всеобщие изменения [в жизни]» [94]. Как попытка обобщения исторического процесса по отдельным областям жизни общества «Трактаты», введенные Сыма Цянем в историческое сочинение, были смелым новаторством в мировой историографии (ничего подобного мы не находим ни у одного историка древности). Кроме того, этот раздел «Исторических записок» является ценнейшим источником сведений, получить которые из биографий было бы невозможно. В «Трактатах» во весь рост встает фигура историка-энциклопедиста: главы этого раздела охватывают экономическую историю и теорию (обмен, деньги, налоговая политика) — в «Трактате о балансе торговли» (гл. 30), ирригацию — в «Трактате о реках и каналах» (гл. 29), астрономию — в «Трактате о небесных светилах» (гл. 27), календарь — в «Трактате о календаре» (гл. 26), музыку — в «Трактате о музыке» (гл. 24), религию — в «Трактате о жертвоприношениях» (гл. 28) и т. д.

Такова структура «Исторических записок». С современной точки зрения она, разумеется, не во всем совершенна. «Главный недостаток такой методы, очевидно, тот, что события не обозреваются в одном месте, но одна часть их является в жизнеописаниях императоров, другая по частям в биографиях различных лиц, принимавших в них участие»,— писал академик В. П. Васильев [95].

Однако если мы попытаемся оценить метод Сыма Цяня с точки зрения развития китайской историографии II—I вв. до н. э., то увидим, что Сыма Цянь отнюдь не разорвал еди-

[94] ШЦ, т. 6, стр. 3319.

[95] В. Васильев, *Материалы по истории китайской литературы,* стр. 241.

ную ткань истории на отдельные части хотя бы уже потому, что единой писаной истории тогда вообще еще не существовало. Историк не имел в своем распоряжении сводных трудов по истории Китая, их место занимали разрозненные исторические материалы, памятники, свидетельства и записи, лишенные всякой системы. Перед Сыма Цянем стояла задача обобщения и систематизации этих материалов. Ясно, что хронологический метод изложения, использовавшийся в исторических сочинениях до Сыма Цяня, не мог помочь в решении такой задачи. Крупнейший вклад Сыма Цяня в китайскую историографию состоит в том, что он создал и практически применил новый историографический метод, с помощью которого сумел привести в систему и изложить историю Китая от мифических времен до современного ему периода на основе обобщения большого количества исторических источников.

ИСТОЧНИКИ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СЫМА ЦЯНЕМ

Краткая характеристика источников, привлеченных Сыма Цянем при составлении «Исторических записок», была впервые дана Бань Гу. «Сыма Цянь,— пишет он,— основывался на *Цзо чжуань* и *Го юй,* использовал *Ши бэнь* и *Чжаньго цэ,* изложил события, описанные в *Чу Хань чунь-цю...*» [96]. Видимо, под влиянием этого перечня Бань Гу сунский историк Чжэн Цяо бросил Сыма Цяню несправедливый упрек: «Среди исторических сочинений трех тысячелетий он ограничился привлечением семи-восьми книг! Если и есть в чем укорить Сыма Цяня, так это в недостаточности его эрудиции» [97].

Бань Гу и Чжэн Цяо основывались на непосредственных указаниях Сыма Цяня в эпилогах глав об использовании им письменных исторических источников [98]. При составлении био-

[96] ХШБЧ, т. 6, стр. 4272.

[97] Чжэн Цяо, *Всеобщий свод,* т. I, стр. 1.

[98] Например: «*Для изложения периода после Чэн-тана я использовал Ши цзин и Шан шу*» (ШЦ, т. 1, стр. 109); «Я читал *Чунь-цю* и *Го юй*» (ШЦ, т. 1, стр. 46); «читал „Хронику Цинь"» (ШЦ, т. 2, стр. 685); «читал сочинения периода междуцарствия Цинь-Хань» (ШЦ, т. 2, стр. 759), и т. д.

графий философов, ученых, поэтов, государственных деятелей Сыма Цянь, как правило, предварительно изучал их труды и опирался на них. Однако письменные памятники такого рода в ряде случаев отнюдь не были основным, а тем более единственным источником Сыма Цяня. Он максимально использовал свое положение придворного историка, дававшее ему доступ к архивным материалам [99]. Благодаря этому он имел возможность «ознакомиться с архивами *чжухоу*» [100], мог «читать указы о заслугах» [101]. Эти источники дали Сыма Цяню обильный фактический материал, широко использованный им в «Исторических записках».

Особенностью метода Сыма Цяня было то, что историк не ограничивался одними лишь письменными источниками, сколь бы обширны они ни были. Он постоянно стремился пополнить собранные им материалы за счет иных источников. Самые разнообразные исторические сведения получал Сыма Цянь во время своих путешествий по стране. Историк знакомился с легендами и преданиями, распространенными в различных частях страны [102], он побывал на местах знаменитых битв, на развалинах разрушенных городов, где окрестные жители еще помнили их историю [103], познакомился с бытом инородческих племен Юго-Западного Китая [104].

Многочисленные сведения Сыма Цянь получил путем расспросов старожилов, осмотра жилищ, предметов обихода — некогда принадлежавших историческим деятелям прошлого [105]. Все эти материалы он не смог бы почерпнуть из письменных источников. Подчеркивая значение путешествий Сыма Цяня в процессе создания его труда, сунский ученый и поэт Су Чэ писал: «Великий историограф объехал всю Поднебес-

[99] На протяжении ста лет все старые записи и документы собирались (в канцелярии придворного историографа) (ШЦ, т. 6, стр. 3319).

[100] ШЦ, т. 3, стр. 977.

[101] ШЦ, т. 6, стр. 3115.

[102] ШЦ, т. 1, стр. 46.

[103] ШЦ, т. 4, стр. 1864; т. 5, стр. 2385.

[104] ШЦ, т. 6, стр. 3293.

[105] ШЦ, т. 4, стр. 1947; т. 5, стр. 2673.

ную, лично осматривал знаменитые горы и реки, общался с героями из княжеств Янь и Чжао. Поэтому он пишет так свободно и широко, так оригинально» [106].

Общение с известными современниками или с людьми, близко знавшими тех или иных деятелей, во многом облегчило Сыма Цяню задачу составления жизнеописаний. Сыма Цянь часто упоминает о том, что он встречался и беседовал с героями своих *Ле чжуань* или с их близкими родственниками и друзьями [107].

Сыма Цянь использовал любые дополнительные сведения, проливающие свет на события прошлого. Он, в частности, внимательно знакомился с картинами на исторические сюжеты и портретными изображениями исторических личностей. Э. Шаванн высказал мысль о том, что, например, гл. 86 («Жизнеописания мстителей») могла быть написана на основе изучения изображений, отражавших историю покушения Цзин Кэ на Цинь Ши-хуана. Эта точка зрения была поддержана Дьювендаком в более общей форме: если подобные изображения были известны Сыма Цяню, то их влияние на описание историком соответствующих событий вполне вероятно [108]. Поскольку вопрос об авторстве гл. 86 остается спорным, то пример, приведенный Шаванном, может быть, не вполне убедителен. Однако использование Сыма Цянем такого рода данных не подлежит сомнению. В частности, в гл. 55 историк рассказывает об одном из соратников Гао-цзу, Чжан Ляне: «Судя по его личным качествам, я считал, что сам он должен быть рослым и мужественным на вид. Что же предстало моим глазам, когда я увидел его портрет?! По внешнему облику и чертам лица он был похож на очаровательную женщину!» [109]. Излагая биографию Тянь Хэна, Сы-

[106] Цит. по: «Избранные места из сочинений философов классических книг и истории», т. 3, стр. 58.

[107] «Я видел Го Цзе» (т. 6, стр. 3189); «Я видел генерала Ли. Был он скромен, как простолюдин, и не умел красиво говорить» (т. 6, стр. 2878); «Сын Пинъюань-цзюня был в хороших отношениях со мной, что и позволило мне подробно изложить все это» (т. 5, стр. 2705), и т. д.

[108] Duyvenduk, *An illustrated Account,*— «Asian Major», 1939.

[109] ШЦ, т. 4, стр. 2049.

ма Цянь с сожалением пишет о том, что не имел возможности увидеть, каким был Тянь Хэн в жизни. «Ведь есть же у нас прекрасные художники. Так почему никто не написал его портрета?» [110].

Наконец, некоторые главы «Исторических записок» написаны Сыма Цянем на основе сведений, приобретенных им в процессе собственной служебной деятельности. Помимо «Трактата о небесных светилах» и «Трактата о календаре» сюда относится «Трактат о реках и каналах», написанный после того, как Сыма Цянь принял личное участие в ирригационных работах на реке Хуанхэ [111]. Все эти главы не могли бы быть написаны человеком, не имевшим столь широких практических знаний, какими обладал Сыма Цянь.

Разнообразие привлеченных материалов говорит о несостоятельности точки зрения некоторых синологов, пытавшихся охарактеризовать «Исторические записки» как компиляцию. «Вся работа Сыма Цяня,— писал, например, Э. Шаванн,— заключалась лишь в подборе более ранних текстов и материалов в полной подлинной неприкосновенности их в виде общего целого, связанного хотя бы внешним образом» [112]. Шаванн ссылается при этом на то, что «само название означает скорее компилятивную сводку: „Записки историков", чем „Исторические записки"...». Однако Шаванн упускает из виду тот факт, что не сам Сыма Цянь назвал так свой труд. В действительности, существующее название книги Сыма Цяня произошло от сокращения его первоначального наименования [*Тай*] *ши* [*гун*]-*цзи* и впервые зафиксировано в надписи

[110] ШЦ, т. 5, стр. 2649.

На эти слова Сыма Цяня спустя 2 тысячи лет после его смерти откликнулся известный китайский художник Сюй Бэй-хун. В 1927 г. он создал одно из лучших своих исторических полотен — «Пятьсот воинов Тянь Хэна». Картина рисует сцену прощания Тянь Хэна с друзьями, когда он решил отправиться в столицу к императору Гао-цзу и там покончить с собой. Сюй Бэй-хун создал яркий образ героя-патриота.

[111] ШЦ, т. 3, стр. 1415.

[112] Цит. по: Н. В. Кюнер, *Исторический очерк развития основ китайской материальной культуры*, гл. 1, стр. 141.

на стеле, датируемой 159 г. н. э.[113]. Малоубедительна также и ссылка Шаванна на следующие слова Сыма Цяня: «То, что я называю „изложением дел прошлого", есть лишь систематизация преданий [минувших] поколений. Это не то, что называют сочинением»[114]. Конечно, историк собирал и использовал все материалы прошлого. Но он не просто компилировал их, а отбирал, перерабатывал, осваивал и обобщал. Так понимал, на наш взгляд, Сыма Цянь «изложение дел прошлого». В его труде нет места вымыслу, он пишет только о том, что подтверждается надежными свидетельствами. Неизменное стремление Сыма Цяня к установлению степени достоверности используемых им исторических данных характеризует его как историка-ученого, а не как «трудолюбивого чиновника», «летописца-компилятора», каким представляют его некоторые исследователи[115].

В процессе работы над «Историческими записками» Сыма Цяню постоянно приходилось встречаться с противоречиями в показаниях источников. Особенно много неясностей встречалось в материалах, относившихся к древнейшей эпохе. Так, «в *Шан-шу*,—замечает Сыма Цянь,—записаны лишь события, начиная с Яо, а в сочинениях философов, принадлежащих к ста школам, упоминается и о Хуан-ди»[116]. Стремясь найти более достоверные данные путем сопоставления различных версий, Сыма Цянь упоминает о подходе, характерном для ученых-конфуцианцев его времени: «Сколь ни разнообразны сочинения и книги, ученые полагаются при отыскании истины на 6 канонов»[117]. Полагают, что и Сыма Цянь пользовался тем же критерием, т. е. считал достоверными все свидетельства источников, которые совпадали с данными шести конфуцианских канонических книг

[113] Чэнь Чжи, *Исследование названия книги придворного историографа*,— в кн.: «Сыма Цянь и *Ши цзи*», стр. 110—111.

[114] ШЦ, т. 6, стр. 3299—3300.

[115] H. Dubs, *The Land of Humanistic Scholarship;* G. Haloun, *Die Rekonstruction der chinesischen Urgeschichte durch die Chinesen,* стр. 246, и др.

[116] ШЦ, т. 1, стр. 46.

[117] ШЦ, т. 5, стр. 2121.

(Шан шу, Ши цзин, Ли цзи, Чунь-цю, И цзин, Юэ цзин) [118]. Этот вывод, однако, нуждается в существенном уточнении. Дело в том, что официальный текст конфуцианских канонов, сожженных при Цинь Ши-хуане, был восстановлен в начале ханьской династии, записан почерком «лишу» и получил название «современного текста» [119]. Однако, несмотря на указ Цинь Ши-хуана о запрещении изучать сочинения Конфуция, некоторые из его последователей сохранили книги, переписанные еще до реформы циньской письменности, т. е. так называемые «древние тексты». Между двумя этими вариантами одного и того же сочинения имелись подчас значительные расхождения, приведшие позднее к возникновению двух враждебных школ в изучении классических книг. Во времена Сыма Цяня одним из наиболее видных ученых, преподававших «древние тексты», был Кун Ань-го; Сыма Цянь, по свидетельству Бань Гу, был его учеником [120]. Поэтому, используя в своем труде данные *Шан шу, Ши цзина* и других канонических сочинений, Сыма Цянь основывался, в противовес официальной конфуцианской школе, на древних текстах. Так, в «Основных записях Инь» он приводит цитаты из *Шан шу,* которые не совпадают с «современным текстом» этой книги: они, по-видимому, были заимствованы историком из «древнего текста». В ряде глав Сыма Цянь прямо говорит об использовании им версий, отличавшихся от «современного текста» классиков.

Привлекая древние тексты «шести канонов» в качестве критерия достоверности исторических свидетельств, Сыма Цянь считал их «близкими к истине», но решающим критерием истины для него оставалось широкое сопоставление различных версий. Так, он устанавливает ошибочность утвержде-

[118] Цзи Чжэнь-хуай, *Сыма Цянь,* стр. 77.

[119] О том, что представлял собой в ханьское время современный текст одного из шести канонов *Ли цзи,* можно судить по подлинному экземпляру этой книги, найденному недавно в одном из захоронений ханьской эпохи в Ганьсу (см. статью «Научное значение ханьских деревянных табличек из Увэй», стр. 29—33).

[120] ХШБЧ, т. 8, стр. 5160.

ния, что столица Чжоу была перенесена в Лои во время похода против Инь, и «на основании обобщения фактов» [121] приходит к выводу, что У-ван лишь ненадолго останавливался в Лои, а затем снова вернулся на запад.

Путешествие Чжан Цяня на запад значительно расширило географические представления китайцев. Наблюдения Чжан Цяня позволили историку установить ошибочность сведений, сообщаемых «Основными записями Юя» и другими древними сочинениями. «Там,— пишет Сыма Цянь,— утверждается, что Хуанхэ берет свои истоки на горе Куньлунь; Куньлунь достигает более 2500 ли в высоту; солнце и луна, сменяя друг друга, постоянно освещают ее, не давая ей погрузиться во мрак; на ней есть источник Лицюань и озеро Яочи. Ныне, после того как Чжан Цянь побывал в Дася, он осматривал истоки Хуанхэ, но нигде не видел того, что в анналах называется горой Куньлунь. Поэтому если *Шан шу* в основном верно излагает расположение гор и рек девяти областей, то о чудесах, упоминаемых в *Юй бэнь цзи* и *Шань хай цзине,* я не решаюсь говорить» [122].

Подобных указаний на то, что Сыма Цянь отказывался от свидетельства, считая его ложным, в тексте «Исторических записок» в целом немного. Это объясняется тем, что основным принципом Сыма Цяня в использовании исторических данных было изложение фактов, которые он считал достоверными, и опущение всего, что он считал ложным. Это видно на примере работы Сыма Цяня над хронологической таблицей наследственных пожалований Гао-цзу (гл. 18): «Тщательно исследовал ход событий, включил в таблицу документы, и, хотя многое не может быть выяснено во всех деталях, я изложил достоверное и опустил сомнительное» [123]. Поэтому установить материалы, известные историку, но отвергнутые им за их недостоверностью, можно сейчас главным образом по косвенным данным.

---

[121] ШЦ, т. 1, стр. 170.
[122] ШЦ, т. 6, стр. 3179.
[123] ШЦ, т. 2, стр. 878.

ИСТОРИЧЕСКАЯ КРИТИКА

Сыма Цянь отдавал себе ясный отчет в том, каковы были цели его труда. Он писал историю не только для того, чтобы изложить события прошлого, но и для того, чтобы помочь людям сделать выводы из этого прошлого для их настоящей и будущей деятельности. Сам историк сравнивал себя с теми, кто «говорят о днях былых и думают о тех, что будут впредь еще». Поэтому он утверждал: «Жить в настоящее время и писать о пути древних — это для того, чтобы увидеть в нем, как в зеркале, свои достоинства и недостатки, хотя отражение это и не будет вполне точным» [124].

Много веков спустя Сыма Гуан озаглавил свой исторический труд *Цзы чжи тун-цзянь* («Зерцало всеобщее, управлению помогающее»). Это название отражает ту же самую идею и прямо перекликается с приведенным высказыванием Сыма Цяня. Такой подход к истории Сыма Цянь считал духовным наследием Конфуция. «В *Чуньцю*,— говорил он,— указывается на хорошее и порицается дурное, выдвигается добродетель трех династий и восхваляется Чжоу» [125]. Основываясь на этом принципе, Сыма Цянь мечтал написать «вторую *Чуньцю*»; свой долг он видел в том, чтобы «разрешить сомнения, отличить правду от лжи... назвать добро — добром, а зло — злом» [126]. И действительно, в «Исторических записках» читатель увидит, с одной стороны, довольно резкую критику императоров и знати (наряду с возданием должного тем из них, кто, по мнению историка, заслуживал этого), с другой — высокую оценку тех личностей, которых называли во времена Сыма Цяня «бандитами».

Именно поэтому суждения потомков о труде Сыма Цяня подчас прямо противоположны. Лю Сян и Ян Сюн называли историю Сыма Цяня «правдивыми записями», отмечали его исторический талант, восхваляли смелость пера, никогда «не принижавшего прекрасное и не утаившего

[124] ШЦ, т. 2, стр. 878.
[125] ШЦ, т. 6, стр. 3299.
[126] Там же, стр. 3297.

дурное» [127]. Бань Гу же считал, что у Сыма Цяня «суждения об истине и лжи извращают учение Конфуция» [128]. Находились и такие, кто называл «Исторические записки» «клеветническим сочинением» [129], отрицая историческую объективность Сыма Цяня.

Правда, историк сам признавал, что он писал (или, во всяком случае, заканчивал) свой труд в «пылу гнева». «Верить — и встречать недоверие, быть преданным — и оказаться оклеветанным, разве это может не вызвать ненависть?!» — говорил Сыма Цянь о Цюй Юане [130], но говорил с такой горечью потому, что его судьба была похожа на судьбу Цюй Юаня. Однако можно ли утверждать, что «гнев Сыма Цяня» и его историческая объективность взаимоисключают друг друга? Очевидно, нельзя. Об объективности Сыма Цяня свидетельствует его внимательное отношение к историческим памятникам, тщательность при сопоставлении данных, наконец, то, что многие материалы, приведенные в «Исторических записках», находят подтверждение в археологических открытиях.

Критики ссылаются на ошибки Сыма Цяня в оценке отдельных исторических явлений, в хронологии и т. д. Между тем эти ошибки, возможные в любом труде, были неизбежны при тогдашнем уровне развития науки, в условиях, когда Сыма Цяню пришлось впервые осуществить систематизацию большого количества разнообразных и часто противоречивых источников. Эти ошибки не могут служить доказательством необъективного подхода историка к описываемым фактам. Перелом, происшедший в сознании Сыма Цяня после «дела Ли Лина», его «гнев» лишь способствовали тому, что он смело и открыто говорил о вещах, о которых другой вряд ли осмелился бы говорить.

Отношение Сыма Цяня к изображаемой им исторической личности проявляется сразу уже в том, в какую из глав «Исторических записок» он помещает жизнеописание того или

[127] ХШБЧ, т. 6, стр. 4273.

[128] Там же.

[129] Ван Чун, *Лунь-хэн с комментариями.*

[130] ШЦ, т. 5, стр. 2482.

иного человека [131]. Изложив биографию Сян Юя в разделе *Бэнь цзи,* историк тем самым высоко оценивает роль Сян Юя в период междуцарствия Цинь — Хань. Признанием значения деятельности Конфуция и Чэнь Шэ был сам факт помещения их биографий в раздел *Ши цзя.* В *Ле чжуань* Сыма Цянь подчас помещает биографии некоторых лиц не туда, куда их, казалось бы, следовало поместить. Так, некоторых последователей Конфуция он относит к «стяжателям» (гл. 129), и в «Жизнеописаниях учеников Конфуция» (гл. 67) их биографий нет. Сами названия ряда глав в разделе *Ле чжуань* сразу дают героям обобщенную характеристику: «Жестокие чиновники» (гл. 122), «Стяжатели» (гл. 129), «Фавориты» (гл. 125) и т. д.

Одна из специфических форм исторической критики Сыма Цяня была правильно подмечена ученым XVII в. Гу Янь-у: «Некоторые из древних авторов при написании истории не *высказывали непосредственно своего суждения, но их отно*шение к изображаемому становилось ясным из самого повествования. Великий историограф сумел достичь этого» [132]. Гу Янь-у приводит примеры того, как отношение Сыма Цяня к событиям и людям выражено в тексте словами другого исторического лица: Бо Ши — в «Трактате о балансе торговли» [133], Лу Гоу-цзяня — в конце биографии Цзин Кэ [134], У-ди — в биографии Тянь Фэня [135], и т. д. Особенно отчетливо этот метод характеристики может быть прослежен в «Жизнеописании Шусунь Туна» (гл. 99). Сочетая в своем изложении факты и меткие замечания современников, Сыма Цянь рисует фигуру беспринципного приспособленца, с одинаковым успехом служившего сначала Эр Ши-хуану, а затем Гао-цзу. Автор не навязывает читателю своего мнения, и все же оно убе-

[131] Цзянь Бо-цзань, *О Сыма Цяне как историке,*— в кн.: «Сборник статей по истории Китая», т. 2, стр. 61.

[132] Хуан Жу-чэн, *Комментарий к «Записям познаваемого ежедневно»,* т. 9, гл. 26, стр. 1.

[133] ШЦ, т. 3, стр. 1442.

[134] ШЦ, т. 5, стр. 2538.

[135] ШЦ, т. 6, стр. 2855.

дительно выражается благодаря мастерски примененной форме изложения.

Если в тексте главы Сыма Цянь лишь излагает события и никогда не упоминает своего имени, то послесловие к каждой главе он начинает словами: «Я, Придворный историограф, скажу так...». Избегая прерывать изложение выводами, сделанными от своего собственного имени, он сообщает их читателю после того, как написал всю главу в целом. В послесловии Сыма Цянь подводит итог всему изложенному, давая оценку герою биографии (если это биографическая глава) или приведенным историческим фактам (в трактатах и таблицах). Излюбленный прием Сыма Цяня — привести изречение философа древности, а подчас и меткую народную поговорку в подтверждение высказанного суждения и завершить резюме обращением непосредственно к читателю, которому он доказывает свою мысль. В целом «если окинуть взором все эти резюме, то можно увидеть, что любил Сыма Цянь и что он ненавидел, что ценил и что презирал, что считал истинным и что — ложным» [136].

В связи с вопросом о формах исторической критики в *Ши цзи* следует остановиться на характеристике метода Сыма Цяня, данной Су Сюнем. В своем трактате «Об истории» Су Сюнь (1009—1066) анализирует влияние идей Конфуция на Сыма Цяня и Бань Гу и приходит к выводу, что оно находит выражение в четырех особенностях *Ши цзи* и *Хань шу*. Поскольку четвертая особенность имеет отношение только к *Хань шу*, метод Сыма Цяня характеризуется, по Су Сюню, тремя чертами:

1. «Сокрытие и тем не менее показ»;
2. «Правдивость и вместе с тем великодушие»;
3. «Опущение и все же характеристика» [137].

Поясняя сущность первого из этих принципов, Су Сюнь говорит, что при составлении жизнеописания какого-либо по-

[136] Цзянь Бо-цзань, *О Сыма Цяне...*, стр. 67.

[137] Су Сюнь, *Об истории,*— в кн.: «Сборник исторических трактатов», т. 2, стр. 12.

ложительного деятеля прошлого Сыма Цянь отмечал лишь его заслуги; что же касается его недостатков или ошибок, то историк умалчивал о них в данной главе, но приводил их в биографии какого-нибудь другого лица. По мнению Су Сюня, Сыма Цянь поступал так потому, что «если упомянуть одну ошибку и тем самым умалить значение десяти заслуг, то простые смертные последующих поколений непременно скажут: „Даже десять заслуг таких мудрых людей, как Лянь По, таких красноречивых, как Шэнь И-цзи, таких преданных, как Чжоу Бо, таких достойных, как Дун Чжун-шу,— и те не смогут окупить одну ошибку!" Они сочтут путь к совершенствованию слишком трудным и перестанут стремиться к нему» [138].

Второй принцип в трактовке Су Сюня заключается в том, что, давая характеристику отрицательной личности прошлого, Сыма Цянь обращал особое внимание на то, не было ли у его героя каких-либо положительных черт или поступков, и, если таковые находились, историк неизменно упоминал о них в биографии данной личности. Он поступал так потому, что «если указать на десять недостатков и умолчать об одном положительном качестве, то злодеи последующих поколений непременно скажут: „Даже Су Цинь, Бэй-гун, Бо-цзы, Чжан Тан и жестокие чиновники сделали что-то хорошее, но историк не упомянул об этом! А на что уже надеяться нам!" Это закрыло бы им путь к искуплению их преступлений и укрепило бы их стремление ко злу» [139].

Третий выдвинутый им принцип Су Сюнь поясняет на примере гл. 14 «Исторических записок». Хотя она носит название «Хронологической таблицы двенадцати *чжухоу*», однако включает хронологию тринадцати царств эпохи Чжоу. По мнению Су Сюня, это объясняется тем, что хотя Сыма Цянь и включил в эту главу царство У, но не счел возможным отнести его к числу *чжухоу*, так как У и Юэ были «варварами». «Если бы Сыма Цянь упомянул их в ряду *чжухоу*, то он должен был присоединить к ним также племена

[138] Там же.
[139] Там же.

западных *жунов* и *сяньюнь*. Поэтому он провел между ними грань и отбросил варваров, чтобы правители будущих поколений сказали: „Даже такой достойный, как Гоу-цзянь, не избежит участи быть отброшенным историей, если он не знает китайского ритуала и музыки“» [140].

В целом, в этих рассуждениях Су Сюня, написанных в духе конфуцианства сунской эпохи, заметно стремление усмотреть между строк «Исторических записок» значительно больше, чем хотел сказать сам их автор. О концепции Су Сюня не было бы необходимости говорить столь подробно, если бы Б. Уотсон не вспомнил о Су Сюне в своей монографии, посвященной Сыма Цяню. Уотсон считает, что первые два принципа, сформулированные Су Сюнем, «должны быть учтены» при характеристике исторического метода Сыма Цяня. Разобрав приведенные Су Сюнем примеры, Уотсон пишет далее, что наиболее ярким примером систематизации материала в духе этих принципов являются биографии двух претендентов на власть после падения циньской династии: Сян Юя и Гао-цзу (гл. 7 и 8); «Недостатки каждого из них упоминаются лишь в главе, посвященной его сопернику, тогда как в его собственной главе он представлен в наиболее благоприятном свете» [141]. На определении этого принципа вновь останавливается Ю. Л. Кроль [142].

Нам, однако, представляется, что при распределении материала по главам Сыма Цянь руководствовался иными критериями и что принцип «сокрытия и тем не менее показа» не характерен для метода Сыма Цяня.

Составляя биографии исторических деятелей, Сыма Цянь давал им ту или иную оценку с тем, чтобы «честные из их числа могли служить примером, а недостойные — предостережением» [143]. Однако противопоставление добра и зла в по-

---

[140] Там же, стр. 13.

[141] B. Watson, *Ssu-ma ch'ien...*, стр. 95.

[142] Ю. Л. Кроль, *О некоторых особенностях метода использования источников в «Исторических записках» Сыма Цяня*,— в кн.: «Дальний Восток», стр. 138.

[143] ШЦ, т. 6, стр. 3154.

ступках людей, их положительных и отрицательных качеств, к которому столь часто прибегает Сыма Цянь в своей книге, было подчинено у него исторической правде. Су Сюнь, например, весьма произвольно толкует идею, выраженную в главе «Жизнеописание Су Циня», относя последнего к числу людей, имевших «десять ошибок и одну заслугу». Напротив, Сыма Цянь не соглашается с распространенной в его время отрицательной оценкой деятельности Су Циня и рисует его в «Исторических записках» в совершенно ином свете.

В послесловии к «Жизнеописанию Су Циня» историк специально оговаривает, что его герою часто приписываются поступки, совершенные разными лицами в разное время. «Поэтому, — пишет Сыма Цянь, — я изложил события его жизни, установив их последовательность во времени, чтобы о нем было известно не одно только дурное» [144].

Это замечание Сыма Цяня чрезвычайно важно. Оно свидетельствует о том, что, давая оценку историческим деятелям, он не пытался превратить живую личность в застывшую схему, абстрактное олицетворение добра или зла. Мастерство Сыма Цяня как раз и заключалось в том, что он изображал деятелей прошлого как реально существовавших людей с их достоинствами и недостатками, вскрывал подчас противоречивый характер их мировоззрения и деятельности. Историк гневно осуждает бесчеловечие «жестоких чиновников» ханьской эпохи, однако признает положительное значение некоторых сторон их деятельности [145].

В то же время Сыма Цянь отнюдь не стремился к идеализации тех личностей, которым он давал положительную оценку. Он высоко ценил Чэнь Шэ, сравнивая его роль в низвержении циньской династии с деяниями Чэн-тана и У-вана. Однако, составляя жизнеописание Чэнь Шэ, историк не скрыл от читателя ошибок этого народного вождя. Сыма Цянь нарисовал образ в развитии, показав, как постепенно Чэнь Шэ отрывался от родной почвы, от среды, из которой сам вышел.

[144] ШЦ, т. 5, стр. 2277.
[145] ШЦ, т. 6, стр. 3154.

Достаточно вспомнить яркий эпизод, помещенный Сыма Цянем в конце биографии Чэнь Шэ. Во дворец к Чэнь Шэ, ставшему ваном, приходит его земляк, с которым они некогда вместе батрачили. Пораженный богатством палат вана, он вспоминает былое, что вызывает недовольство приближенных Чэнь Шэ. По их совету Чэнь Шэ велит казнить непрошеного гостя. По мнению Сыма Цяня, именно из-за подобных ошибок Чэнь Шэ потерпел в конце концов поражение.

В «Основных записях» Сян Юя и Гао-цзу (гл. 7 и 8) историк, хотя и говорит о многих положительных сторонах своих героев, не умалчивает и об их недостатках, не опускает тех деталей, которые противоречат идеализированному образу этих правителей.

Таким образом, многие примеры убеждают нас в том, что при распределении материала по различным главам «Исторических записок» Сыма Цянь не руководствовался принципами, впервые сформулированными Су Сюнем.

Однако почему в таком случае историк умалчивал в биографии одного лица о некоторых фактах, имеющих к нему отношение, и включал их в биографию кого-либо другого? Нам представляется, что убедительный ответ на этот вопрос дан Цзи Чжэнь-хуаем [146]. Прежде всего придворный историограф отнюдь не стремился включать в биографию той или иной личности все известные ему свидетельства об этом человеке. Это явствует из следующих слов Сыма Цяня: «На досуге [Чжан Лян] обсуждал с императором многие дела Поднебесной, но эти беседы не оказали влияния на судьбы Поднебесной, поэтому я не привожу их» [147].

Далее, выбрав наиболее существенные факты биографии данного лица, Сыма Цянь подчас не дает их детального описания, а упоминает о них мимоходом, оговаривая, в какой главе «Исторических записок» читатель может найти подробности. Такого рода ссылки на другую главу часто встречаются в тексте книги, благодаря им автор избегает повторений.

[146] Цзи Чжэнь-хуай, *Сыма Цянь*, стр. 112—114.

[147] ШЦ, т. 4, стр. 2048—2049.

В ряде случаев, наконец, Сыма Цянь вовсе не упоминает о каком-либо факте в биографии одного лица, но включает его в биографию другого. Здесь он руководствуется тем, какую роль в жизни этих людей сыграло данное событие. Например, в биографии Чжан Ляна ничего не сказано о предложенном им плане уничтожения армии Сян Юя; подробности этого плана содержатся в «Основных записях Сян Юя», потому что для Чжан Ляна этот план был одной из многих разработанных им стратегических операций и не представлял в этом смысле ничего исключительного, но для Сян Юя, напротив, это был вопрос жизни или смерти.

Метод, примененный Сыма Цянем, в значительной мере способствовал тому, что отдельные главы его труда превращаются в органически связанное целое, взаимно дополняют и уточняют друг друга. В этом — положительная черта архитектоники «Исторических записок», заимствованной у Сыма Цяня последующими историками и положенной в основу всех «династийных историй» феодального Китая.

* * *

Рассказав об «Исторических записках» и Сыма Цяне, мы ставили перед собой цель дать общее представление об этом выдающемся памятнике древнекитайской мысли, его авторе, некоторых спорных проблемах, связанных с *Ши цзи,* об основных принципах исторического метода историографа.

Интерес к творчеству выдающегося ученого-энциклопедиста Древнего Китая Сыма Цяня в мире не ослабевает. За последнее десятилетие появился ряд новых переводов глав «Исторических записок» и исследований памятника [148]. Советские

[148] «Records of the Grand Historian of China» Translated from the Shih chi of Ssu-ma Ch'ien by Burton Watson, vol. I, II, New York, 1961; F. A. Kierman, *Ssu-ma Ch'ien's Historiographical Attitude as reflected in four late Warring States Biographies,* Wiesbaden, 1962; Fritz Jager, *Das 82 Kapital des Shi-Gi,* — «Sino-Japonica». Festschrift Andre Wedemeyer *zum 80.* Geburstag. Leipzig, 1956, стр. 107—117; Fritz Jager, *Die Biographie des Wu Tsu-hsü,* — «Oriens Extremus», 1960, № 1, стр. 1—16; E. Haenisch, *Gestalten aus der Zeit der Chinesischen Hegemoniekampfe. Ubersetzungen*

ученые, продолжая традиции отечественного китаеведения, также расширяют изучение творчества Сыма Цяня и осуществляют переводы отдельных частей его труда[149]. Вместе с тем нельзя не заметить, что советский читатель до настоящего времени не имеет в своем распоряжении полного текста важнейших разделов «Исторических записок» на русском языке. Научный перевод текста *Ши цзи* на русский язык — задача, несомненно, важная и назревшая.

Настоящее издание призвано начать осуществление этой научно-культурной задачи. В I и II томах будет представлен первый из пяти разделов *Ши цзи* — «Основные записи» в 12 главах. Знакомство с «Историческими записками» на русском языке поможет еще лучше понять историю и культуру древнего Китая.

М. В. Крюков

---

aus Sema Ts'ien's historischen Denkwurdigkeiten,— «Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes», 1962, Bd XXIV, H. 2; W. Eichhorn, *Die Volkshelden der Han-Zeit nach dem Biographien des Schih-chi,*— «Studia Sino-Altaica», Festschrift für Eric Haenisch zum 80. Geburtstag. Wiesbaden, 1961, стр. 47—58.

B. Watson, *Ssu-ma Ch'ien. Grand Historian of China,* New York, 1958; R. Crauford, *The Social and Political Philosophy of the Shih chi,*— «The Journal of Asian Studies», vol. XXII, 1963, № 4; T. Pokora, *The First Interpolation in the Shihshi,*— «Archiv Orientalni», 1961, vol. 29, стр. 311—315.

[149] Сыма Цянь, *Избранное,* пер. В. Панасюка. Общая редакция, предисловие и комментарии Л. И. Думана, М., 1955; Л. С. Переломов, 48 глава Ши цзи (перевод),— «Советское китаеведение», 1958, № 4, стр. 192—205; «Китайская классическая проза» в переводах академика В. М. Алексеева, М., 1958, стр. 79—155; «Хрестоматия по истории Древнего Востока», М., 1963, стр. 472—485; а также статьи Л. И. Думана, Н. И. Конрада, Ю. Л. Кроля, Л. Д. Позднеевой (см. «Библиографию»).

«ОСНОВНЫЕ ЗАПИСИ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК [1]

МЕСТО «ОСНОВНЫХ ЗАПИСЕЙ» В «ИСТОРИЧЕСКИХ ЗАПИСКАХ» СЫМА ЦЯНЯ

Первый по порядку раздел «Исторических записок» Сыма Цяня *Бэнь цзи,* включающий двенадцать глав, составляет примерно шестую часть труда древнекитайского историка (если не включать в подсчет таблицы *бяо*). В самом общем плане это — «Хронологические записи» или просто «Записи» *(цзи)* об «основном» (*бэнь*), или об «основах» (управления, исторического хода событий) [2]. Термин *Бэнь цзи* не был изобретен Сыма Цянем, такие анналы существовали и раньше, историк упоминает о существовании до него «Основных записей [о деяниях] Юя» — *Юй бэнь цзи* [3], которые он знал и использовал.

Однако, став частью большого раздела сводного труда,

---

[1] Перевод «Основных записей», представленных в I и II томах настоящей публикации, основан на двух изданиях «Исторических записок»: на южносунском издании XII в., напечатанном книжным домом Хуан-шаньфу, которое считается одним из наиболее ранних и точных ксилографических воспроизведений *Ши цзи* (этот ксилограф переиздан в 1936 г. издательством «Шанъу иншугуань» в Шанхае), и на новом издании «Исторических записок» с тремя основными комментариями Пэй Иня, Сыма Чжэня и Чжан Шоу-цзе, напечатанном в 1959 г. в Пекине издательством «Чжунхуа шуцзюй». Последнее издание имеет современную пунктуацию, внесенную в текст группой ученых под руководством профессора Гу Цзе-гана. «Основные записи» занимают в нем I том.

[2] *Цзи* — первоначально: «уток, моток в 40 нитей» (*Шо вэнь цзе цзы,* гл. 12), позднее: «записывать, записи, анналы, хроника». Так трактует в этом названии иероглиф *цзи* и комментарий *Со инь.*

[3] ШЦ, т. 6, гл. 123, стр. 3179.

Бэнь цзи получили у Сыма Цяня новое содержание и наполнились большим историческим смыслом. «Основные записи» — это не просто хронология важных событий, генеалогическое древо правивших домов и перечень императоров и ванов, но одновременно и широкий исторический фон, общая канва развития древнего Китая, раскрывающаяся в связном изложении, хотя и в лапидарном стиле. Характерно, что Сыма Цянь назвал этот раздел «Основными записями», а не «Хронологическими записями [правлений] императоров» (*Ди цзи*), как это сделал в I в. н. э. автор *Хань шу* Бань Гу, так как рассказывал не только об императорах, но и о целых эпохах (Ся, Инь), княжествах и деятелях, официально не правивших Китаем (Сян Юй).

Именно на основе этой общей картины, общей канвы истории Китая Сыма Цянь в остальных разделах «Исторических записок» и главным образом в «Трактатах» (*Шу*), «Историях наследственных домов» (*Ши цзя*) и «Жизнеописаниях» (*Ле чжуань*) сумел раскрыть многие стороны жизни древнекитайского общества, показать судьбы десятков исторических деятелей и целых народностей, рассказать о культуре и идеях древности. Вот почему «Основные записи» — весьма важная, органически необходимая часть труда Сыма Цяня, связывающая все разделы общей нитью повествования, единой идеей.

Отчетливо определил назначение двенадцати глав *Бэнь цзи* сам историк в своей автобиографии. Он писал:

«Я, как в сети, собрал разбросанные по Поднебесной и уже утраченные старинные сказания, [я хотел] в деяниях царей уяснить причину начала и рассмотреть конец, увидеть расцвет и обозреть падение [правлений]. Я подверг суждению и изучению поступки и дела [прошедшего], в общих чертах вник в историю трех эпох, описал правление [династий] Цинь и Хань. В своих записях я поднялся [в глубь времен] до Сюань-юаня, вниз спустился и дошел до сегодняшнего дня. Таким образом я и составил двенадцать „Основных записей", определив им свое место»[4].

[4] ШЦ, т. 6, гл. 130, стр. 3319.

Изучение «начал» и «концов», расцвета и упадка древних царств и государств, т. е. богатой истории древнего Китая в ее длительном развитии,— вот одна из главных целей анналов. В «Основных записях» действуют или упоминаются почти все персонажи, исторические деятели, в последующих разделах более тщательно и всесторонне изображенные; в *Бэнь цзи* так или иначе затронуты все главные события огромного периода истории китайского общества от III тысячелетия до н. э. (к которому мы относим легендарный период «пяти императоров» и «династию» Ся) вплоть до правления ханьского императора У-ди, фактически до 104 г. до н. э. (в гл. 12). Уже это само по себе не может не вызвать интереса любого историка [5].

Однако ценность и роль «Основных записей» в *Ши цзи* до сих пор, на наш взгляд, несколько недооценивались. За *Бэнь цзи* укоренилась репутация сухих хроникальных перечислений *царствований царей, князей и императоров. Не случайно* главы из этого раздела переводятся редко, чаще используются *Ле чжуани* (например, «Избранное» Сыма Цяня в переводе В. А. Панасюка, переводы Б. Уотсона и др.). В таком понимании отражена лишь одна сторона анналов, хотя и немаловажная. Более тщательное знакомство с «Основными записями» дает возможность увидеть в них не просто хронологию и генеалогию правителей, но и общую схему развития Китая, характеристику господствовавших в разные исторические периоды идей и представлений.

Следует учитывать и еще несколько моментов. В *Бэнь цзи* содержатся описания периодов, не охарактеризованных в других разделах «Исторических записок». Если гл. 1 и 2 относятся к легендарному доисторическому для наших современных представлений периоду и отражают мифологические представления древних жителей китайской равнины и их предания, что само по себе тоже имеет большую ценность, то

[5] Анналы как записи наиболее значительных событий по годам были распространенной формой исторических произведений древности. Они были известны древним египтянам, ассирийцам, персам, римлянам.

гл. 3 — «Основные записи [о деяниях] дома Инь» повествует о первом историческом обществе Китая во второй половине II тысячелетия до н. э. и остается до сих пор основным письменным источником об Инь, подтвержденным в XX в. археологическими данными, в частности надписями на гадательных костях.

Большую ценность представляют гл. 5 и 6, содержащие подробный рассказ о возвышении царства Цинь и создании первой централизованной деспотии в Китае, ибо почти все другие источники по истории этого периода утрачены. Приводимые в главе о Цинь Ши-хуане тексты надписей на каменных стелах, воздвигнутых первым императором Китая, подтвержденные самими памятниками, делают данные этих глав вполне достоверными.

Не меньшее значение в древней китайской историографии имеют гл. 7 и 8, посвященные Сян Юю и Гао-цзу. В них описывается период падения династии Цинь, годы междуцарствия и обстоятельства прихода к власти новой династии Хань. Многие источники тех лет, например сочинение *Чу Хань чунь-цю*, давно утрачены, поэтому рассказ о восстании против дома Цинь, ожесточенной борьбе за власть между различными группировками, яркие образы наиболее выдающихся участников этой борьбы: Сян Юя и Лю Бана — крайне ценен для понимания эпохи и хода дальнейших событий.

Все это, вместе взятое, делает *Бэнь цзи* ценным источником по древнейшей и древней истории Китая. Разумеется, подчеркивая важное значение «Основных записей», следует видеть их неразрывную связь с остальными разделами *Ши цзи: Шу, Ши цзя, Ле чжуань,* без которых общая картина древнекитайской истории выглядела бы неполной.

ПЕРЕВОДЫ И ТОЛКОВАНИЯ «ОСНОВНЫХ ЗАПИСЕЙ»

Переводов глав «Основных записей» на русский язык практически не было. Имеются лишь переводы двух коротких послесловий Сыма Цяня к 1 и 7 главам, выполненные

В. М. Алексеевым[6], перевод некоторых стел Цинь Ши-хуана в монографии Л. С. Переломова «Империя Цинь», отдельных пассажей из 6, 7 и 8 глав *Бэнь цзи* в статьях и книге Ю. Л. Кроля и в «Хрестоматии по истории Древнего Востока»[7], цитаты из *Бэнь цзи* в некоторых работах других ученых.

Что касается переводов «Основных записей» на другие языки, то здесь первое место занимает единственный полный перевод всего раздела *Бэнь цзи* на французский язык, осуществленный в конце прошлого века известным синологом Эдуардом Шаванном (1865—1919). Половина первого тома и весь второй том его выдающегося труда заняты главами «Основных записей»[8]. Перевод Э. Шаванна является образцом строгого научного подхода к тексту древнекитайского памятника и сохраняет свою ценность, хотя требует отдельных уточнений в свете достижений науки нашего времени.

Европейские ученые многократно обращались к *Ши цзи*, но, как правило, их внимание сосредоточивалось на других разделах, а *Бэнь цзи* оставались в стороне. Из прежних переводов *Бэнь цзи* нам известна только работа Герберта Аллена «Основные записи о пяти богах»[9], представляющая собой перевод главы о «пяти императорах», уступающий по точности работе французского ученого. После длительного перерыва, в 1961 г., вновь появились переводы «Основных записей». Бартон Уотсон, издав переводы более чем 60 глав *Ши цзи*, включил в их число также 7—12 главы из раздела

[6] «Китайская классическая проза в переводах академика В. М. Алексеева», стр. 133—136.

[7] Ю. Л. Кроль, *О связи некоторых исторических взглядов Сыма Цяня с его позицией критика современности; Критическая работа Сыма Цяня над текстом «Весны и осени княжеств Чу и Хань» Лу Цзя* «Хрестоматия по истории Древнего Востока», под ред. академика В. В. Струве и Д. Г. Редера, стр. 472—474, 482. См. также Ю. Л. Кроль, *Сыма Цянь — историк*, стр. 24, 85, 127, 138 и др.

[8] «Les memoires Historiques de Se-ma Ts'ien, traduits et annotés par Edouard Chavannes, vol. 1—2.

[9] Herbert Allen, *Historical Record*, ch. 1— *Original record of the Five-gods*, стр. 278—295.

Бэнь цзи[10], посвященные исключительно ханьскому времени. Однако целью Уотсона было дать читателю не научно комментированный перевод памятника, а доступное чтение, не загроможденное комментариями. Перевод Уотсона хотя и *близок* к подлиннику, но содержит немалое число вставок, пояснений, в ряде случаев спорен и в силу этого занимает несколько особое положение в общем ряду переводов.

В Китае в конце 50-х годов появилось несколько сборников глав *Ши цзи,* которые снабжены новыми пояснениями и комментариями *на современном языке, что в известном* смысле адекватно их переводу или толкованию трудных для понимания мест. В таких изданиях встречаются и некоторые отрывки из *Бэнь цзи.* Так, в «Избранных главах „Исторических записок" с комментариями» помещены 6, 7 и 8 главы *Ши цзи,* в книге «Избранное из „Исторических записок"» имеется глава о Сян Юе, оснащенная подробным и во многом новым комментарием и картами[11]. Однако остальные главы *Бэнь цзи* не включались в такого рода издания, так как, по-видимому, считались менее ценными и нехарактерными для антологий.

Некоторую помощь в правильной интерпретации отдельных мест в главах «Основных записей» могут оказать переводы «Исторических записок» на современный японский язык, выполненные Отаке Фумио и Отаке Такео «Гэндай Гояку Сики». Том первый этого издания занимают *Бэнь цзи.* Однако в целом переводы Отаке не выходят за рамки традиционных толкований, как правило, лишены комментариев и в ряде случаев носят характер пересказа, что снижает их ценность. (*Существуют также японские переводы Кода* Рентаро, Ногути Садао и др.)

Число комментариев и толкований к *Ши цзи* огромно. Ниже мы коснемся лишь тех, которые привлекались перевод-

[10] «Records of the Grand Historian of China translated from the Shih chi of Ssu-ma Ch'ien by Burton Watson, vol. 1, стр. 37—119, 321—375.

[11] *Ши цзи сюань чжу* с комментариями Чэнь Эр-дуна, Гу Сюэ-цзе, Чжан Ю-луаня, стр. 1—119; *Ши цзи сюань* с комментариями Ван Бо-сяна, стр. 1—65.

чиками при комментировании глав I и II томов. Первым полным комментарием к «Историческим запискам» считается труд лянского Пэй Иня *Цзи цзе* («Собрание пояснений [к *Ши цзи*]»), относящийся к V в. Последующими наиболее полными и известными толкованиями являются комментарии танских историков Сыма Чжэня (713—742) *Со инь* («Поиски сокровенного») и Чжан Шоу-цзе (VIII в.) *Чжэн и* («Исправление смысла»). Указанные три комментария — *Цзи цзе, Со инь* и *Чжэн и* — считаются основными, называются вместе *Сань цзя чжу* («Комментарии трех школ») и стали неотъемлемой частью большинства более поздних изданий «Исторических записок». В этих трех работах рассматривается ясно очерченный круг вопросов: имена, географические названия, должности, начертание и чтение иероглифов, вариации написаний, вероятные интерполяции. Можно ли полагаться на эти традиционные и признанные в науке комментарии? По упомянутым вопросам в значительной степени — да. В первую очередь потому, что Пэй Инь, Сыма Чжэнь и Чжан Шоу-цзе жили через 6—7 веков после Сыма Цяня. Они располагали источниками, нам уже недоступными, они могли подметить описки, ошибки в рукописи, сопоставить координаты географических названий, отождествить имена и т. д. Это не означает, что следует безоговорочно полагаться на толкования трех комментариев. В них встречаются явно натянутые мотивировки, тенденциозный подход, противоречия, ошибки. Критически подходя к ним в свете современных научных изысканий, археологических находок, эпиграфических памятников и, наконец, просто логики, вполне можно отделить в комментариях средневековых ученых правильное от ошибочного.

В своей работе над комментарием к главам «Основных записей» мы неоднократно обращались к трудам целой плеяды ученых и комментаторов разных эпох, в числе которых следует назвать: Сюй Гуана (352—425), Лю Чжи-цзи (661—721), Цюань Цзу-вана (1705—1755), Фан Бао (1668—1749), Ван Мин-шэна (1720—1798), Чжао И (1727—1814), Лян Юй-шэна (1745—1819), Цянь Да-синя (1728—1804), Чжан Вэнь-ху (1808—1885), Цуй Ши (1852—1924). Значительную по-

мощь в анализе глав *Бэнь цзи* оказал многотомный труд Лян Юй-шэна *Ши цзи чжи и* («Записи о сомнительных местах в „Исторических записках“»), в котором тщательно и весьма критически осмыслены ошибки в тексте *Ши цзи*, интерполяции, перестановки и неточности. Вместе с тем в работе Лян Юй-шэна обнаруживаются отдельные передержки, крайний критицизм, на что уже указывалось в научной литературе.

При работе над *Бэнь цзи* был использован труд японского ученого Такигава Каметаро «Свод комментариев и критическое исследование „Исторических записок“», в котором наряду с текстом *Ши цзи* дан свод основных комментариев, приведены изыскания ученых минского и цинского периодов и дополнительные соображения самого составителя и других японских историков и текстологов. Японский исследователь Мидзусава Тоситада, продолжая источниковедческую работу Такигава, опубликовал труд «Сверка и дополнения к своду комментариев и критического исследования „Исторических записок“». Мидзусава провел изучение сохранившихся списков *Ши цзи* и дал сводку текстуальных разнописей иероглифических вариантов, ошибок с краткими комментариями. Первые два тома его труда также использовались в настоящей работе [12]. Свою роль в предлагаемом толковании сыграли статьи и комментарии Ли Ли, Ван Бо-сяна, Гу Цзе-гана и других современных знатоков древних текстов, а также другая литература, отмеченная в примечаниях по главам.

Значительную помощь в переводе и особенно толковании «Основных записей» оказали работы советских ученых, посвятивших свои исследования, статьи и книги древнейшим периодам китайской истории Инь, Чжоу, Цинь и Хань (труды Л. С. Васильева, Л. И. Думана, Н. И. Конрада, Ю. Л. Кроля, М. В. Крюкова, Л. С. Переломова, А. А. Серкиной, Т. В. Степугиной, Э. М. Яншиной и др.). Весьма полезными в этом отношении оказались труды западных ученых, в частности работы Д. Бодде (D. Bodde), Б. Уотсона (B. Watson), перевод анналов *Хань шу*, выполненный Г. Дабсом (H. Dubs),

[12] *Ши цзи хуй-чжу као-чжэн цзяо бу* (далее — КЧЦБ).

и некоторые другие, отмеченные в примечаниях в каждом конкретном случае.

Задачей советских исследователей и переводчиков «Основных записей» было выбрать из этого океана исторических и текстологических комментариев и изысканий наиболее существенное и важное, раскрывающее и историю текста и содержание понятий, дающее читателю представление об описываемой эпохе и некоторых социальных процессах того времени, в силу чего русский комментарий значительно вырос и отличен от традиционного [13].

АВТОРСТВО И АУТЕНТИЧНОСТЬ *БЭНЬ ЦЗИ*

Участие отца историка, Сыма Таня, в создании «Исторических записок» несомненно отразилось на первой части *Ши цзи,* главы которой могли нести на себе следы его кисти. Трудно, однако, достоверно разделить работу отца и сына. Можно предположить только, что отец историка подготовил многие материалы для *Бэнь цзи,* быть может, оставил черновые наброски истории некоторых эпох и царствований, которые его сын обработал и которым придал окончательную литературную форму. Попытки отдельных историков (например, Ли Чан-чжи) на основе некоторых фраз, обнаруживающих идеи Сыма Таня, приписать ему целые главы — это касается, в частности, 11 главы — недостаточно убедительны.

Деятельность многих интерполяторов (танский Лю Чжицзи называл 15 имен) поставила перед переводчиками представленных томов вопрос, в какой степени эта часть «Исторических записок» аутентична, представляют ли *Бэнь цзи*

[13] Переводчики глав «Основных записей» на русский язык имели возможность получить по спорным местам текста научные консультации в Китае и выражают свою признательность проф. Гу Цзе-гану, проф. Ван Бо-сяну, Чжао Ю-вэню и Гао Чжи-синю. Большую помощь своими критическими замечаниями оказали нам сотрудники Отдела Китая Института востоковедения АН СССР и Китайского кабинета Ленинградского отделения Института востоковедения, а также лично проф. В. С. Колоколов и проф. И. М. Ошанин, просмотревшие отдельные главы *Бэнь цзи,* за что авторы выражают свою искреннюю благодарность.

действительно то, что создали в свое время Сыма Тань и Сыма Цянь, или же внесенные в главы дополнения и исправления, а может быть, и добавленные главы, не принадлежащие кисти историков, настолько изменили оригинальный текст, что трудно говорить о сохранении первоначального облика «Основных записей»? Мы отвечаем на этот вопрос достаточно уверенно: в основном текст анналов не может вызвать сомнений в своей аутентичности. В самом деле, кому может быть приписана третья глава об обществе Инь, которой вообще нет параллелей в китайской литературе и материал которой надежно подтвердился археологическими раскопками и гадательными надписями на костях, или блестящая глава о Цинь Ши-хуане с включенными в нее полными надписями с его стел? Таково, на наш взгляд, большинство глав *Бэнь цзи*. Однако, как показало изучение текста, без интерполяций эта часть *Ши цзи* тоже не обошлась.

Инородные включения в «Основные записи» можно условно разбить на две группы: первая — это ясно отличимые более поздние вкрапления чужих текстов, добавления, крупные переделки или предполагаемые замены утраченного текста позднейшими сочинениями; вторая группа — это мелкие интерполяции, замены имен и названий или отдельных иероглифов в них, ошибки переписчиков, обнаруживаемые в сопоставлении с другими главами *Ши цзи* и *Хань шу* и с аналогичными древними сочинениями. Обе группы интерполяций и ошибок отмечаются в комментариях по главам. Остановимся на некоторых примерах интерполяций этих двух типов и связанных с ними дискуссий.

Бань Гу в «Жизнеописании Сыма Цяня» в *Хань шу* сообщает об утрате десяти глав из первоначального состава *Ши цзи*, от которых сохранились якобы лишь их названия. В комментарии к этой фразе приводится мнение ученого III в. Чжан Яня, перечислившего «утраченные» главы. В их числе Чжан Янь назвал 11 и 12 главы «Основных записей»: *Цзин цзи* и *У цзи*[14]. Уничтожение записей о правлении Цзин-ди и

[14] *Хань шу*, гл. 62. Двадцать пять династийных историй, т. 1, стр. 512.

У-ди нередко приписывалось императору У-ди, затребовавшему якобы эти главы у историка и обнаружившему недостаточно уважительное описание их деяний. Об этом писал ханьский ученый Вэй Хун (25—57) и упоминалось в истории царства Вэй *Вэй шу*. В современной синологии широко распространено мнение, идущее от Бань Бяо, что Сыма Цянь критически оценил правление Цзин-ди и его сына У-ди и за это жестоко поплатился (так считали Э. Шаванн, Х. Крил, Б. Уотсон, Инь Мэн-лунь, Дэн Тань-чжоу и др.). В последующие века комментаторы высказывали различные мнения по поводу утверждения Бань Гу. Так, Люй Цзу-цянь (1137—1181) и Ван Мин-шэн бесспорной считали лишь утрату 12 гл.— об У-ди [15].

Юй Цзя-си, написавший исследование об утраченных главах «Исторических записок», также склоняется к выводу о неправомерности версии об утрате всех десяти глав [16]. Таким образом, вопрос этот остается открытым.

Остановимся подробнее на вопросе аутентичности 11 и 12 гл. *Бэнь цзи*, которая ставится многими исследователями под сомнение. Обычным аргументом в пользу неоригинальности 11 гл. *Сяо-цзин бэнь цзи* служит факт сходства ее с 5 главой *Хань шу*, причем последняя рассматривается как эталон.

Утверждение о том, что 11 гл. *Ши цзи* заимствована из *Хань шу*, достаточно убедительно опровергается, на наш взгляд, сопоставлением этих глав. Оригинальность главы, написанной Сыма Цянем, прежде всего доказывается наличием данных и фактов, отсутствующих в соответствующем описании в *Хань шу*. Такие данные, как верно отметил историк XX в. Цуй Ши, встречаются под третьим, пятым и шестым годами правления Цзин-ди [17]. Отдельные неточности Сыма Цяня перекочевали в 5 главу *Хань шу* без исправления, что

[15] Ли Чан-чжи, *Сыма Цянь как человек...*, стр. 152.

[16] Юй Цзя-си, *Тай шигун шу ван-пянь као (Исследование об утраченных главах книги Придворного историографа)*.

[17] Цуй Ши. *Исследование основ «Исторических записок»*, кн. 1, гл. 3, стр. 15.

может говорить лишь об одном — о некритическом использовании Бань Гу оригинала *Ши цзи*, а не наоборот. Так, в 11 гл. *Ши цзи* говорится, что в 149 г. до н. э. император «...пожаловал Пину — внуку бывшего главного цензора Чжоу Хэ титул Шэн-хоу, а Цзо-цзюю — сыну бывшего главного цензора Чжоу Чана титул Аньян-хоу» [18]. Бань Гу повторил это утверждение в 5 гл. *Хань шу*. Между тем в 18 гл. «Исторических записок» сообщаются уже иные сведения, из которых явствует, что титул Шэн-хоу получил правнук, а не внук Чжоу Хэ, по имени Ин [19], а Цзо-цзюй именуется внуком, а не сыном Чжоу Чана [20]. Измененные данные воспроизведены также в 16 и 42 гл. *Хань шу*. Имитация несовпадающих с другими главами мест может говорить также о первичности 11 гл. «Исторических записок». Таково мнение и переводчика *Хань шу* Г. Дабса, высказанное в его введении к переводу 5 гл.[21]. Следовательно, есть основания присоединиться к мнению о подлинности 11 гл. *Ши цзи*.

Что же касается 12 гл. «Исторических записок» о деяниях императора У-ди в первую половину его царствования, то большинство ученых подвергает ее аутентичность серьезному сомнению. В нынешнем виде *Сяо-у бэнь цзи* представляют собой, за исключением небольшой вступительной части, почти полное текстуальное воспроизведение второй части 28 гл. *Ши цзи*. Между тем в 130 гл. Сыма Цянь, определяя задачи и цель главы, указывает на расцвет ханьского правления в эти годы, на оттеснение варваров, усовершенствование законов и т. д., т. е. говорит о намерении достаточно широко обрисовать правление этого императора, свидетелем деяний которого был историк [22]. Из этого можно заключить, что существующий текст 12 гл., посвященный в основном жертвоприношениям, гаданиям и другим подобным же действиям

[18] ШЦ, т. 2, стр. 444.

[19] ШЦ, т. 2, стр. 949.

[20] ШЦ, т. 2, стр. 896.

[21] «The History of the Former Han Dynasty by Pan Ku. A critical translation with annotations by Homer Dubs», vol. 1, стр. 291.

[22] ШЦ, т. 6, стр. 3303.

У-ди, скорее всего не является оригиналом анналов. К тому же дублирование текста в других главах нехарактерно для метода Сыма Цяня и больше не встречается в его труде. Вероятно, заметив лакуну на месте 12 гл., утраченной по неизвестным нам причинам, ханьские историки решили применить метод подмены и использовали часть главы о жертвоприношениях. Западные переводчики этой главы Шаванн и Уотсон, присоединившись к мнению о неаутентичности нынешнего текста, опустили перевод части, интерполированной из 28 гл. Мы, хотя и дали полный перевод главы в существующем виде (поскольку 28 гл. в нашу работу не включена), считаем ее неоригинальность бесспорной [23].

Из крупных интерполяций в составе отдельных глав следует отметить инородные включения в 6 гл. После обычного послесловия историка к главе, начинающегося словами: «Я, Придворный историограф, скажу...», идут части известного сочинения Цзя И (201—169) *Го Цинь лунь* («Об ошибках дома Цинь»). Причину интерполяции этого сочинения в главу можно понять, так как в нем изложены в обобщенном виде причины падения империи Цинь, однако в *Ши цзи* явно нарушен порядок частей *Го Цинь лунь*. Вначале помещена III часть, за ней I и последней II часть этого сочине-

[23] Новую мысль высказал в связи с этим Ли Чан-чжи в упоминавшейся уже книге «Сыма Цянь как человек и его стиль». Он пишет: «Кто знает, не нарочно ли Сыма Цянь повторил главу о жертвоприношениях, чтобы выразить сильнейшую иронию? Смысл этого таков: „Гляньте-ка! Ты (У-ди) считал себя и свои военные заслуги необычайными, а фактически ты всю жизнь был одурачен магами. Хотя временами ты и прозревал, но, как курильщик опиума, незаметно опять подпадал под власть болтовни этих оракулов". Подумайте! Кто, кроме Сыма Цяня, осмелился бы повторить дважды одну и ту же главу? Кто, кроме великого сатирика Сыма Цяня, мог обладать таким юмором и весельем? Ведь способов дополнения книг множество, к чему же было обязательно брать кусок из той же существующей книги, чтобы заменить утраченное?..» (стр. 152—153).

При всей оригинальности этого предположения с ним все же трудно согласиться. Мы встречаем в других главах *Ши цзи* (гл. 87, 110, 122 и др.) немало упоминаний о делах У-ди, критику его действий, что свидетельствует об умении Сыма Цяня оценить по достоинству и открыто царствование своего повелителя, не прибегая к самоповторению.

ния[24]. Более того, первая часть сочинения Цзя И вновь появляется в 48 гл., причем ей предшествуют слова «Чу сяньшэн юэ», обычно указывающие на вставку, сделанную ханьским интерполятором Чу Шао-сунем[25]. Все это вызвало многочисленные толкования и предположения. Цинский ученый Ван Мин-шэн считал, что к 6 гл. Сыма Цянь добавил лишь II и III части трактата Цзя И, посвященные Эр Шихуану и Цзы-ину, а I часть этого сочинения поместил в 48 гл. Таким образом, позднейшей вставкой является I часть трактата в 6 гл. и упоминание Чу Шао-суня в 48 гл.[26]. Японский ученый Накаи Сэкитоку признает за Сыма Цянем включение в 6 гл. лишь III части *Го Цинь лунь* с основными соображениями о причинах гибели дома Цинь, а I и II части считает позднейшими интерполяциями[27]. Какой точки зрения ни придерживаться, ясно, что путаница в разделах *Го Цинь лунь* и их повторение в 6 и 48 гл. говорят о вмешательстве в это историков и комментаторов последующих эпох.

После цитирования *Го Цинь лунь* в тексте 6 гл. вновь следует перечень всех правителей дома Цинь, начиная с Сянгуна (771 г. до н. э.). Генеалогия циньского дома была дана ранее, в 5 гл., поэтому такой возврат к истории дома, после того как описана уже его гибель, вызывает оправданные сомнения в принадлежности этих страниц (т. I, стр. 285—290) кисти Сыма Цяня. Учитывая к тому же стиль изложения и наличие многих ошибок в указанном перечислении, мы считаем данный кусок полностью интерполированным в текст главы (такого же мнения придерживается Такигава)[28].

Наконец, не вызывает каких-либо сомнений инородность заключительного абзаца, начинающегося со слов:

«На семнадцатом году правления [ханьского] императора Сяо-мина в десятой луне, пятнадцатого числа в день *и-чоу* [Бань Гу] сказал...». О позднейшем включении говорит пре-

[24] ШЦ, т. 1, стр. 276—284.
[25] ШЦ, т. 4, стр. 1961.
[26] Ван Мин-шэн, *Суждения о 17 династийных историях*, гл. 2, стр. 14.
[27] ХЧКЧ, т. 2, гл. 6, стр. 91.
[28] ХЧКЧ, т. 2, гл. 6, стр. 104.

жде всего сама дата — 74 г. н. э., отделенная от жизни историка более чем полутора столетиями, и ссылка на Бань Гу. Чжан Шоу-цзе сообщает, что Бань Гу был призван императором Мин-ди и спрошен о причинах гибели империи Цинь. Его объяснения писцы записали, а позднее ретивые переписчики включили их в текст «Исторических записок».

Таковы примеры интерполяций первого типа: достаточно крупные и заметные инородные включения в «Основные записи» либо целых глав (в случае с 12 гл.), либо отдельных их частей (в случае с 6 и др. гл.).

Что касается интерполяций второго типа: мелких включений, отдельных замен, ошибок, то они весьма многочисленны, что и отмечается в поглавных комментариях. Существует большая литература, досконально рассматривающая каждый такой случай. Приведем лишь два примера: так, в 5 гл. относительно Чжун-яня историк говорит: у него «было тело птицы, а говорил он, как человек». К фантастическим образам подобного рода Сыма Цянь не прибегал даже по отношению к мифологическим героям, поэтому следует признать чужеродность этих слов в *Ши цзи*. Случайной вставкой, например, являются семь иероглифов, стоящих перед текстом стелы в Цзеши и повторяющихся почти следом в надписи на самой стеле. Все такие добавления являются следствием многократного копирования оригинала *Ши цзи* и вмешательства комментаторов и переписчиков в текст.

ОБ ИСТОЧНИКАХ

Круг источников, лежащих в основе «Исторических записок», очерчен самим Сыма Цянем в различных главах его труда. Этот круг достаточно обширен и не раз уже служил предметом исследования ученых. Укажем в дополнение к сказанному в предыдущей статье основные группы источников, переработанных в творческой лаборатории историка и позволивших Сыма Цяню создать, в частности, раздел *Бэнь цзи*.

1. Материалы различных хранилищ, дворцового архива, библиотек, т. е. довольно многочисленные официальные и полуофициальные записи. В главах *Бэнь цзи* встречаются упо-

минания и цитаты из указов и приказов, донесений, летописей, родословных табличек и других форм переписки и делопроизводства. Сыма Цянь говорит об использовании им записей, хранившихся в «каменных палатах и золотых ларях» [29], т. е. в дворцовых архивах и библиотеках. Это обстоятельство подтвердил ханьский философ Ван Чун (27 — ок. 97), говоря о людях, сосредоточившихся на изучении записей: «... [они] обладают текстами, оставленными им предками, и могут завершить дела по их упорядочению, они могут читать и взирать [на эти записи], заучивая их на память. Так поступали писцы с документами, так это делали Придворный историограф и Лю Цзы-чжэн (Лю Сян), у которых была обязанность ведать всеми писаниями и записями, благодаря чему они приобрели славу начитанных и очень сведущих лиц...» [30]. Термин *ши цзи*—«исторические записи (анналы, летописи)»— неоднократно упоминается Сыма Цянем, что служит свидетельством использования им самых различных записей, хранившихся в архивах. Эти записи велись еще в VIII в. до н. э. В 4 гл. упоминается чжоуский историограф Бо-ян, читавший *ши цзи* в 779 г. до н. э. В 36 и 39 гл. говорится о том, что Конфуций читал такие записи и использовал их. В предсмертных словах Сыма Таня (см. гл. 130) звучит тревога за судьбы записей периода Чжаньго. В 27 гл. Сыма Цянь отмечает, что он читал подобные записи и по ним изучал ход событий за последние сто лет [31]. В главе о конфуцианцах историк упоминает о чтении *гунлин* [32], вероятно, приказов о заслугах чиновников и князей — еще одном типе официальных источников. Сделанные на бамбуковых дощечках, эти записи, таблицы, приказы хранились при дворах *чжухоу*, позднее собирались при дворах гегемонов и правителей династий Чжоу, Цинь и Хань. Несмотря на утраты во время войн, перевозок и при сожжении книг Цинь Ши-хуаном, часть

[29] ШЦ, т. 6, стр. 3296.

[30] *Лунь хэн* («Критические суждения»), гл. 27, *Дин сянь;* см. *Чжу цзы цзи чэн* («Собрание сочинений всех философов»), т. 7, стр. 266.

[31] ШЦ, т. 3, стр. 1350.

[32] ШЦ, т. 6, гл. 121, стр. 3115.

таких записей сохранилась до ханьского времени и была использована историком. Ценность такого рода материалов для книги Сыма Цяня трудно преувеличить.

2. Не менее важны материалы, почерпнутые Сыма Танем и Сыма Цянем из неофициальных источников. В них содержались высказывания различных лиц, чиновников, астрологов, ученых, иногда именуемых «ста школами» (*бай-цзя*), многочисленные рассказы о прошлом, сказания и пр.[33]. Все эти источники Сыма Цянь настойчиво собирал, обрабатывал и приводил в порядок, включая в свои главы то, что считал самым существенным. Об этом автор «Исторических записок» упоминает:

«[Я] упорядочил разнообразные суждения и речи ста школ...».

«Я, как в сети, собрал разбросанные по Поднебесной и уже утраченные старинные сказания...».

«И не было таких старинных историй и записей, сохранившихся в Поднебесной за эту сотню лет, которые не оказались бы в конце концов собранными [мной], Придворным историографом...»[34].

«То, что называю изложением дел прошлого, есть лишь приведение в порядок того, что нам передали минувшие поколения. Это не то, что называют сочинением»[35].

Все эти высказывания доказывают значение этой группы источников, их разнообразие к периоду жизни Сыма Цяня.

---

[33] В «Исследовании о книгах, которые читал Сыма Цянь» китайский ученый Цзинь Дэ-цзянь выдвинул свое толкование термина *бай-цзя*. Он приводит цитату из 112 гл. *Ши цзи*, в которой это слово следует непосредственно за названиями *И цзин* и *Чунь-цю* (ШЦ, т. 6, стр. 2953), а также сообщения *Хань шу* о книге *Бай цзя* в 139 главах, и на этом основании предполагает, что в руках Сыма Цяня находилась книга именно под таким названием (стр. 372—375). С этим трудно согласиться. Сыма Цянь очень часто употребляет этот термин; в 71 и 79 гл. *бай-цзя чжи шо*, в 1 и 112 гл. *бай-цзя янь*, в 130 гл. *бай-цзя цза-юй* и во всех случаях после него идет определяемое «речи, слова, разные суждения», что подтверждает собирательное значение слова «сто школ» (все школы).

[34] ШЦ, т. 6, стр. 3319.

[35] ШЦ, т. 6, стр. 3299—3300.

3. К третьей, исключительно важной группе источников относятся все книги и сочинения, созданные до Сыма Цяня, доступные ему как главному историографу и широко использованные в переведенных ниже главах. В числе книг и сочинений, использованных Сыма Цянем, упоминаются в той или иной форме или подразумеваются следующие: *Ши цзин, Шан шу, Чунь-цю, Цзо чжуань, Го юй, Ши бэнь, Ицзин, Ли цзи, Лунь юй, Чу цы, Сыма бин-фа, Чжоу шу, Го Цинь лунь, Синь юй, Чжун юн* и др. Таким образом, «Исторические записки» как бы вобрали в себя все богатство духовной культуры древнего Китая[36].

4. В качестве особой группы материалов следует выделить записи личных впечатлений Сыма Цяня от путешествий по стране и посещения исторических мест, от бесед с людьми. Известно, что в 20-летнем возрасте Сыма Цянь совершил первое, почти трехлетнее путешествие по Китаю, посетив юг страны (современные провинции Цзянсу, Чжэцзян, Хунань), восточные районы: «Я ездил в Лу, осматривал храм Конфуция...» (гл. 47) и центральные области. В 111—110 гг. Сыма Цянь был послан во вновь завоеванные земли на юго-западе, а затем ездил на север, к Великой стене: «Я видел башни Великой стены, построенной циньским военачальником Мэн Тянем...» (гл. 88). Эти поездки с императором продолжались и после того, как историк был подвергнут тяжелому наказанию. Путешествия обогатили Сыма Цяня знанием жизни, обычаев и языка многих народностей, населявших тогда Китай. Всего этого не могли дать летописи или книги; личные наблюдения в огромной мере расширили рамки *Ши цзи*.

5. Назовем еще одну группу источников, использованных Сыма Цянем, хотя вопрос о ней может быть поставлен лишь гипотетически.

В 107 гл. Сыма Цянь упоминает о том, что в конце правления ханьского Сяо-цзина один из чиновников, по имени

[36] В упоминавшейся выше книге Цзинь Дэ-цзяня эта группа источников прослеживается довольно подробно. Ее анализ дан и Шаванном (т. 1). Обзор источников и древних сочинений дан в приложении к кн.: H. Creel, *The Origins of Statecraft in China*, pp. 444—486.

Тянь Фэнь, изучал записи и книги под названием *Пань юй*[37]. (*Пань юй* дословно означает «блюда и сосуды».) Ин Шао в комментарии упоминает книгу под таким названием, состоящую из 26 глав, которая, по его мнению, содержала надписи на всякого рода сосудах. В *Мо-цзы* говорится, что записи в эпоху Чжоу наносились на бамбук, на металл и камень, а также на разные сосуды[38]. Таким образом, Сыма Цянь мог, коль скоро он упоминает о таких записях и их изучении в близкую к его времени эпоху, иметь в своем распоряжении образцы сосудов или копии надписей на них. В этом убеждает и воспроизведение в 6 гл. шести надписей на каменных стелах, поставленных Цинь Ши-хуаном. Мы присоединяемся к мнению о наличии такого собрания надписей и использовании его Сыма Цянем, мнению, высказанному китайским ученым Цзинь Дэ-цзянем в упомянутом выше исследовании.

Совокупность всех названных источников: официальных и неофициальных, письменных и устных, прошедших творческую лабораторию Сыма Цяня, дали возможность великому историку создать свой замечательный труд.

Намеченные выше главные группы источников и материалов полностью использованы в двенадцати переведенных главах «Основных записей». Если конкретизировать источники и литературу по главам *Бэнь цзи,* то получается следующая картина. Источниками для «Основных записей [о деяниях] пяти императоров» послужили древние сочинения *Чуньцю, Го юй, Шан шу, Мэн-цзы,* главы впоследствии утраченных сочинений *Да Дай ли* и *Кун-цзы цзя юй,* а также устные сказания, легенды и предания, еще жившие в народе в эпоху Хань. «Я объединил имеющиеся сказания, [расположил их] по порядку, отобрал из них лучшее и наиболее правильное и написал [эту главу], сделав ее началом „Основных записей“»[39], — пишет Сыма Цянь.

В предисловии к 13 гл. историк сообщает об использова-

[37] ШЦ, т. 6, стр. 2841—2842.

[38] ЧЦЦЧ, т. 4, *Мо-цзы сянь гу,* гл. 4, стр. 75.

[39] ШЦ, т. 1, стр. 46. Книга *Кун-цзы цзя-юй* в 27 главах отмечена в *Хань-шу* (*Цинь-дин Цянь Хань-шу,* гл. 30, стр. 48).

нии им древних родословных записей, в которые могли, вероятно, включаться и легендарные сюжеты[40]. Вместе с тем для формирования главы *У ди бэнь цзи*, а также построения схемы правления пяти правителей, связанных с чередованием пяти стихий, большую роль сыграли идеи древнего натурфилософа Цзоу Яня, жившего в IV в. до н. э. (его биография помещена в 74 гл. «Исторических записок»); следовательно, писания этого философа, как и другие конфуцианские сочинения, также могут рассматриваться в качестве источников первой главы.

В числе источников второй главы анналов — *Ся бэнь цзи* следует прежде всего назвать известную главу книги *Шан шу Юй гун* («Дары Юя»). Эта глава — один из первых географических трудов древнего Китая, составленный, как полагают, в III в. до н. э. в царстве Цинь. Частично использованы во второй главе и другие главы *Шан шу*, в частности *Гао-яо мо* («Планы Гао-яо»), *Гань ши* (*«Клятва в Гань»*). Вероятно, Сыма Цянь мог использовать полностью раздел *Ся шу* в *Шан шу*, четыре главы которого позднее были утрачены. Упоминаемое в других главах *Ши цзи* сочинение *Юй бэнь цзи* («Основные записи о деяниях Юя»), о котором говорилось выше, по всей вероятности, должно было в совокупности с сохранившимися устными преданиями помочь Сыма Цяню создать жизнеописание легендарного Юя. Генеалогия сяских «правителей», приводимая во второй главе, основывается на неизвестных нам и нигде не отмеченных источниках. Судя по некоторым отрывкам из позднее реконструированной книги *Ши бэнь*, в которой имеется раздел, правда очень краткий, генеалогии «императоров» Ся — *Ся шиси*[41], можно предпола-

[40] ШЦ, т. 2, стр. 488.

[41] *Ши бэнь ба чжун* («Восемь списков книги об основных генеалогических древах»), стр. 6, 25 и др.

Хотя Сыма Цянь в своих послесловиях к *Бэнь цзи* прямо книгу *Ши бэнь* не называет, но о существовании подобной книги ко времени Хань упоминали Бань Бяо и Лю Чжи-цзи, а у Сыма Цяня неоднократно встречаются ссылки на генеалогические таблицы и хронологические записи, в частности в 1 и 13 гл., поэтому мы придерживаемся мнения, что этой книгой историк располагал.

гать, что эта книга также входила в круг источников данной главы. Во 2 гл. Сыма Цянь привлек и астрономическое сочинение *Ся сяо чжэн*. Несомненно также, что в первых главах использованы устные предания, мифы, легенды, дошедшие до эпохи Хань.

Об источниках 3 гл.— *Инь бэнь цзи* Сыма Цянь сообщает в послесловии к ней: «Основываясь на „Гимнах", я по порядку изложил деяния Се, а [сведения] о том, что произошло со времени Чэн-тана, отобрал в *Шу цзине* и *Ши цзине*» [42].

Если судить по дошедшему до нас тексту гимнов *Ши цзина*, то о деяниях Се там мало что можно найти, поэтому понятие «Гимны» в вышеприведенной цитате недостаточно ясно. Пять гимнов дома Шан, имеющихся в *Ши цзине,* рассказывают в основном о Чэн-тане, У-дине и их ближайших предках. Упоминается в них и имя Сян-ту («Сян-ту прославился славой великих заслуг, добрый порядок царил за морями вокруг...»). О последнем правителе иньцев Чжоу-сине и поражении Инь упоминается в «Больших одах», в частности в оде «Слово Вэнь-вана последнему государю Шан».

Более важным источником главы являлась, несомненно, *Шан шу* [43]. Ее раздел «Книга дома Шан» содержал в свое время 32 главы, из которых 14 числятся утраченными (сохранились лишь заголовки) [44]. Можно думать, что утраченные теперь главы в эпоху Хань еще существовали, так как ряд из них поименован в тексте 3 гл. *Ши цзи.* Например: «Походы Тана», *Жу-цзю, Жу-фан,* «Драгоценность», «Алтарь дома Ся» и др. Тем более это верно в отношении всех сохранившихся глав: «Клятва Тана», «Обращение Тана», «Поучения И-иня» и *Пань-гэн.* Как те, так и другие, судя по описанию различных событий, деяний Чэн-тана, Тай-цзя, Хэ Тань-

[42] ШЦ, т. 1, стр. 109.

[43] Мы не рассматриваем здесь проблему двух текстов *Шан шу,* «нового текста» *(цзинь вэнь)* и «древнего текста» *(гу вэнь).* Сыма Цянь упоминает оба текста в 121 гл. в связи с деятельностью Фу-шэна и Кун Ань-го (подробно об этом: МИС, т. 1, стр. CXIII—CXXXVI).

[44] *Шан шу чжэн и,* кн. 1, в издании тринадцатикнижия с комментариями *Ши сань цзин чжушу* в 40 томах (далее — ШСЦ), т. 3, стр. 259—380.

цзя, И-иня, У-дина, Во-дина и их обращениям и речам, были активно использованы Сыма Цянем. Значительная часть 3 гл. заимствована Сыма Цянем почти текстуально из *Шан шу*. Некоторые сведения об эпохе Инь имеются в *Цзо чжуань, Ши бэнь* и других трактатах; в стихах Цюй Юаня «Вопросы к небу» встречаются имена иньских правителей Ван-хая, Цзи, Ван-хэна, Цзя Вэя, Шао-кана, Цзе. Эти источники историк, несомненно, знал и тоже мог привлечь.

И вместе с тем ни в одном из известных в Китае и упомянутых выше источников не было столь полной хронологии иньских правителей от Се до Чжоу-синя, которая наличествует в *Инь бэнь цзи*. Это со всей очевидностью свидетельствует о том, что в распоряжении Сыма Цяня находились и другие, неизвестные современным исследователям и не упомянутые историком источники эпохи Инь или начала Чжоу. Лишь однажды в 3 гл. историк косвенно подтверждает, что: «В записях о Чжун-дине многое утрачено, и [они] неполны»[45]. Это значит, во-первых, что подобные записи существовали и, во-вторых, что записи о других правителях, по-видимому, оказались более полными.

Длительное время, вплоть до 30-х годов XX в., данные Сыма Цяня по генеалогии иньских *ванов* и *ди* оставались единственными источниками для изучения этого периода и, вызывая всеобщий интерес ученых, подвергались в то же время сомнению как легендарные или основанные на преданиях более поздних поколений и поэтому столь же недостоверные, как и генеалогия 1 и 2 глав *Бэнь цзи*. Лишь когда археологи нашли на месте иньской столицы архив оракула и постепенно расшифровали гадательные надписи на костях и щитках, пролежавших в земле более трех тысяч лет, оказалось, что данные гадательных костей и 3 гл. «Исторических записок» в значительной части идентичны. Пока выявлены относительно небольшие несовпадения: в надписях на гадательных костях и щитках еще не обнаружены имена восьми правителей, названных в 3 гл., не всегда полностью соответствуют друг дру-

[45] ШЦ, т. 1, гл. 3, стр. 101.

гу порядок правлений, начертания имен. Но все это не меняет общей картины. Блестяще подтвердилась историческая достоверность данных хронологии *Инь бэнь цзи* и факт использования Сыма Цянем неизвестных нам, но вполне надежных источников эпохи Инь — первой подлинной исторической эпохи в истории Китая.

Источники 4 гл.— *Чжоу бэнь цзи,* посвященной огромному чжоускому периоду в истории древнего Китая (XI—III вв. до н. э.), весьма многочисленны, и определить их, с одной стороны, легче, так как эти источники в основном сохранились до наших дней и достаточно изучены; но, с другой — труднее, поскольку не все чжоуские книги использованы в главе непосредственно.

Практически в 4 гл. в разной степени использован почти весь материал раздела «Книги дома Чжоу», охватывающий *цзюани* 11—20 *Шан шу* и содержащий ныне 32 главы (не считая 8 утраченных). В числе глав *Шан шу,* несомненно использованных, можно назвать: «Великая клятва [У-вана]»; «Клятва в Муе»; «Завершение военных дел» (ныне текст ее утрачен, но, по мнению Чжэн Сюаня, она существовала почти до середины I в. и была знакома Сыма Цяню); «Великий закон»; «Распределение иньской утвари»; «Великое обращение»; «Повеление вэйскому княжичу»; «Передача [благовещего] колоса»; «Благовещий колос»; «Обращение к Кан-шу»; «Обращение по поводу вина»; «Искусство плотника»; «Обращение к Чжао-гуну»; «Обращение относительно [столицы] Лои»; «Множество мужей»; «Множество местностей»; «Не будьте нерадивыми»; «Чжоуские чиновники»; «Пожаловал повеление *сушэням*»; «Предсмертная воля»; «Обращение Кан-вана»; «Повеление Би-гуну»; «Повеление Бо-цзюну»; «Кодекс наказаний, [составленный] Фу-хоу»[46]. То обстоятельство, что исто-

[46] Возможно, что в главе была использована книга *И Чжоу шу,* известная ныне во фрагментах с комментариями цзиньского Кун Чао. По мнению Цуй Шу (1740—1816), *И Чжоу шу,* основанная частью на действительных фактах, создана не позднее начала Хань и представляет известную ценность. Если это так, то *И Чжоу шу* могла находиться в распоряжении Сыма Цяня, однако окончательного мнения по поводу этой книги в науке еще нет.

рик активно привлекал и использовал материалы *Шан шу*, подтверждается сопоставлением 4 гл. и указанных выше глав, их упоминание в *Чжоу бэнь цзи* и включение в текст «Исторических записок» целых абзацев из речей и обращений. Следует отметить, что текст источника Сыма Цянь нередко упрощал, излагал своими словами, перерабатывал.

Широко использован в главе также *Ши цзин*, особенно «Большие оды» и «Гимны». В тексте главы есть отрывки из гимна *Ши май* (IV.I.9), «Гимна Государю-зерно» (IV.I.10) и из «Оды Вэнь-вану» (I.I.I.), в некоторых случаях ощущается влияние *Ши цзина* на интерпретацию событий и личностей.

Изучение *Чжоу бэнь цзи* позволяет прийти к выводу, что Сыма Цянь использовал при составлении этой главы и такие сочинения доханьской эпохи, как: *Го юй* (главным образом раздел *Чжоу юй* — притча о Бао-сы, совет Му-гуну не ходить в поход на *цюаньжунов* и др.), *Цзо чжуань* (в таких сюжетах, как мятеж против Чжоу-гуна, борьба дома Чжоу с княжеством Чжэн), *Люй-ши чунь-цю* (гл. 15 и 22), *Ши бэнь*, *Чжаньго цэ*, *Ли цзи* и некоторые другие.

Уже говорилось о частом упоминании в «Исторических записках» летописей различных царств. Если вспомнить, что согласно 4 гл. чжоуский историограф Бо-ян, изучая западночжоуские анналы, еще в 779 г. до н. э. предсказывал гибель Чжоу[47], можно сделать вывод, что подобные анналы велись еще до составления *Чунь-цю*. Какая-то часть их дошла до автора «Исторических записок». В 14 гл. историк сообщает, что он читал хронологические родословные таблички периода Чуньцю *Чунь-цю ли пуде*[48]. Архивы, которые использовал Сыма Цянь, могли содержать и ряд других, не упомянутых им материалов.

В «Исторических записках» эпохе Чжоу посвящены не только 4 и 5 гл. *Бэнь цзи*, но и «Родословные знатных домов», значительная часть «Жизнеописаний», при составлении которых использовались наряду с уже названными сочинениями

[47] ШЦ, т. 1, стр. 147.

[48] ШЦ, т. 2, гл. 14, стр. 509.

такие книги, как *Шан-цзюнь шу, Гуань-цзы, Чжуан-цзы, Хань Фэй-цзы, Сунь-цзы, Сыма бин фа* (упоминаются в 57, 58, 65, 68 и других главах). В предисловии к 14 гл. с хронологическими таблицами двенадцати домов *чжухоу* (841—481 гг.) Сыма Цянь отмечает наряду с *Чунь-цю* и *Цзо чжуань* сочинения чуского До Цзяо *До-ши вэй*, чжаоского Юй Цина *Юй-ши чунь-цю*, называет книги ханьского советника Чжан Цана «Рассказ о начале и конце пяти добродетелей», своего учителя Дун Чжун-шу *Чунь-цю фань лу*, также описывавшие период Чжоу, но позднее утраченные. Список использованных источников можно было бы увеличить.

На основании всех этих сочинений складывалось общее представление Сыма Цяня об эпохе Чжоу и ее людях; опираясь на них, он написал десятки глав, связанных с историей этих веков, поэтому в большей или меньшей степени все чжоуские книги можно считать основой и для 4 гл. *Бэнь цзи*. Необходимо оговорить одно важное обстоятельство: названные выше чжоуские источники имели во времена Сыма Цяня в ряде случаев иной текст и дошли до нас через тысячелетия в более позднем и нередко деформированном варианте. Поэтому, называя то или иное сочинение (*Чунь-цю, Го юй, Хань Фэй-цзы* и др.), мы лишь условно отождествляем его с признанным в настоящее время текстом (аутентичность каждого из них — предмет особого изучения). Важно также и то, что в чжоуских книгах нередко встречаются упоминания других сочинений, которые не сохранились до наших дней, но могли находиться в руках Сыма Цяня в то время. Так, например, притча о Бао-сы, приведенная в 4 гл., бесспорно, могла быть заимствована из *Го юй*, но в *Го юй* она попала из не дошедших до наших дней «Записей о духах», следовательно, и Сыма Цянь мог взять ее оттуда.

В 5 гл.— *Цинь бэнь цзи* излагается история циньского дома с древнейших легендарных времен до конца циньской империи. Источниками этой главы послужили многие из тех сочинений, которые назывались в качестве основы предыдущей, ибо история царства и княжества Цинь тесно связана со всем, что происходило в Чжоу и других царствах и кня-

жествах, и укладывается в те же хронологические рамки, что и история дома Чжоу. Поэтому естественно, что в упомянутых книгах содержатся многочисленные сведения по истории дома Цинь и его борьбы против остальных княжеств.

К каким же из книг эпохи Чжоу, если судить по тексту 5 гл., чаще всего прибегал Сыма Цянь при описании событий циньской истории? Наибольшее число фактов по ранней истории Цинь и его соседей можно отыскать в *Цзо чжуань* (о борьбе Му-гуна с княжеством Цзинь, о смерти Му-гуна, об основных военных кампаниях Цинь в княжестве Вэй, о Линване и др.). Ряд эпизодов встречается в *Го юй* (о Чу-ча, о Байли, о Го-шу), в *Чжаньго цэ*, в *Люй-ши чунь-цю* (о Чу-цзы, диалог Му-гуна и Ю-юя), в сочинениях древних философов: *Хань Фэй-цзы* (о мятеже Янь-вана, о беседах Му-гуна, о Байли Си), *Хуайнань-цзы, Чжуан-цзы, Ле-цзы, Мо-цзы.* Для ранних этапов Цинь могли быть использованы *Шан шу* (глава «Клятва в Цинь»), *Ши цзин* (песня «Там иволги»), *Янь-цзы чунь-цю* (о силе Э-лая). Можно с полным правом считать, что все эти сочинения были использованы историком.

Однако в этих книгах история Цинь затрагивается все-таки косвенно, в связи с событиями главным образом в чжоуском государстве, и поэтому на их основе Сыма Цяню едва ли удалось бы с такой полнотой создать *Цинь бэнь цзи* с родословной циньских правителей и хроникой их дел. Несомненно, существовали более основательные, именно циньские источники, что подтвердил и сам историк в 15 гл. Там сказано: «Достигнув своих целей, Цинь[ский правитель] сжег по всей Поднебесной *Ши цзин* и *Шу цзин,* особенно сильно при этом пострадали исторические записи владетельных князей, так как в них содержались нападки и насмешки [над Цинь]. Но коль скоро *Ши цзин* и *Шу цзин* в большом числе хранились в домах у людей, они вновь появились на свет. Что же касается исторических записей [княжеств], которые хранились только в дворцах дома Чжоу, то они [все] подверглись уничтожению. О, сколь прискорбно, сколь это прискорбно!

Остались только „Записи дома Цинь", но в них к тому же

не обозначены месяцы и дни, да и изложение сделано с сокращениями, не полное...».

И далее Сыма Цянь резюмирует: «Я, со своей стороны, последовал за „Записями дома Цинь", продолжив [описание событий] после хроники *Чунь-цю*. [Я] начинаю с чжоуского Юань-вана, показываю в таблицах события периода шести княжеств и заканчиваю на правлении Эр Ши-хуана, охватив ими в общей сложности 270 лет...» [49].

Значит, в распоряжении главного историографа ханьского двора при создании истории Цинь находились сохранившиеся после бурных событий циньские летописи, которые и явились основным источником 5 гл., хотя Сыма Цянь и отмечает их краткость и неполноту. «Записи дома Цинь» — это летописи, составлявшиеся историографами царства и княжества Цинь с VIII по III в. до н. э. В главе упоминается о том, что на 13-м году правления Вэнь-гуна (753 г.) в Цинь впервые назначили историографов, вменив им в обязанность записывать важнейшие события. С этого времени, следовательно, и стал накапливаться необходимый летописный материал, что дало возможность Сыма Цяню подробно обрисовать общую историю Цинь в 5, а также в 6 главах. Более того, именно этот источник позволил дать в *Ле чжуань* с большой полнотой биографические портреты многих циньских деятелей (Чжан И, Шу Ли-цзы, Гань Мао, Жан-хоу, Бай Ци, Ван Цзянь, Фань Суй, Ча Цзэ, Люй Бу-вэй, Ли Сы, Мэн Тянь и др.). Автор *Хань шу* Бань Гу упоминает о том, что читал «Записи дома Цинь», но позднее, к эпохе Тан, они уже были утрачены, и с тех пор 5 гл. (как и другие главы о Цинь) «Исторических записок» является почти единственным полным источником по истории циньского периода.

В 6 гл.— *Цинь бэнь цзи*, одной из наиболее интересных и насыщенных, также широко использованы записи дома Цинь.

Изучение текста главы приводит, кроме того, к выводу, что историк использовал сочинения многих философов, особенно тех, которые отражали не только взгляды ортодоксаль-

[49] ШЦ, т. 2, стр. 686—687.

ного конфуцианства, но и воззрения легистов, приверженцев даосской доктрины и др. Так, в уста Эр Ши-хуана вложены слова Хань Фэй-цзы о простоте жизни Яо и Шуня; в *Ши цзи* и *Хань Фэй-цзы* совпадает изложение некоторых эпизодов: о том, как Чжао Гао выдавал оленя за лошадь, о «ненужности» книг для народа и т. д. И это не случайно. Хань Фэй-цзы, ученик Сюнь-цзы, был одним из наиболее выдающихся легистов, а трактат, носящий его имя, был написан, вероятно, в конце III в. Вполне естественно, что Сыма Цянь для характеристики взглядов эпохи Цинь, когда торжествовали идеи легизма, не мог не воспользоваться этим сочинением. В главе встречаются притчи из *Чжуан-цзы* (о святых праведниках) и других философских сочинений.

Некоторые исследователи усматривают черты сходства в изложении событий и стиле между 6 гл. и главой *Ши цзэ сюнь* в трактате *Хуайнань-цзы*[50], что позволяет и трактат *Хуайнань-цзы* включить в число источников *Ши-хуан бэнь цзи*.

Для всей 6 гл., особенно для ее заключительной части, первостепенное значение в качестве источника имела книга ханьского ученого и государственного деятеля Цзя И (201—169) *Синь-шу* («Новые писания»), упоминаемая Сыма Цянем. Особенно та ее часть, которая носит название *Го Цинь лунь* («Об ошибках дома Цинь») и входит в качестве первых трех глав в *Синь шу*. *Го Цинь лунь* критически оценивает, причем с позиций, близких к конфуцианству, правление императоров Цинь, анализирует их ошибки (в I части — правление Цинь Ши-хуана, во II части — правление Эр Ши-хуана, в III части — события, связанные с Цзы-ином и концом династии Цинь), допускает даже возможность продолжения власти Цинь при ином подходе к управлению страной и в целом очень важна для понимания событий тех времен. Не слу-

[50] Цзинь Дэ-цзянь, *Исследование о книгах...*, гл. 55. Сочинение даоса — мистика II в. до н. э. *Хуайнань-цзы* должно было быть известным Сыма Цяню, хотя он не называет прямо этот труд, так как свое название книга получила позднее от Лю Сяна (77 г. до н. э. — 6 г. н. э.).

чайно Сыма Цянь включил все три части сочинения Цзя И в ткань повествования в 6 и 48 гл.[51].

Наряду с летописями и книгами в распоряжении историка при написании *Ши-хуан бэнь цзи* оказались и многие другие источники. На первое место среди них следует поставить эпиграфические памятники — стелы Цинь Ши-хуана, выбитые по его приказанию в разных частях страны после высочайшего посещения тех мест. На некоторых из этих стел позднее появились дополнения, сделанные по повелению Эр Ши-хуана. Эти стелы — совершенно уникальный источник для историка. Большая часть надписей на стелах полностью воспроизводится в 6 гл. В их числе надписи на Тайшаньской, Ланъетайской, Чжифуской, Цзешиской, Куайцзиской стелах. Аутентичность текста стел не вызывает каких-либо сомнений, так как некоторые из этих памятников сохранялись в течение многих веков, были эстампированы и полностью подтвердили точность копий Сыма Цяня (известно, что стелу в Куайцзи читали еще в 479 г., часть стелы в Чжифу дожила до 1076 г., а фрагменты Ланъетайской стелы существовали вплоть до XIX в.). Хотя текст специфичен, так как призван восхвалять царствующий дом, однако и он дает представление об эпохе Цинь и дополняет источниковедческую базу 6 гл.[52].

Немаловажную роль в создании этой главы сыграли личные впечатления историка. Он передвигался по дорогам, проложенным в период Цинь, мог осмотреть остатки столичных дворцов, в том числе и дворца Эпангун, часть кладки стен которого сохранилась до наших дней. При жизни Сыма Цяня еще стояли двенадцать гигантских бронзовых статуй, выплавленных из оружия, собранного в княжествах (только в III в., в период Саньго, их переплавили на деньги). Наконец, во

[51] Нами использовано современное переиздание *Го Цинь лунь* в сборнике «Избранные страницы китайской прозы и поэзии», кн. 2. Комментарий Чжан Ши-лу.

[52] Источниковедческое исследование всех стел Цинь Ши-хуана проведено Жун Гэном в работе *Цинь Ши-хуан кэ-шу као*. К статье приложены фотографии некоторых фрагментов и эстампов стел.

времена Сыма Цяня, через столетие с небольшим после эпохи Цинь, должны были жить в народе еще достаточно отчетливые воспоминания о тех годах.

Все это, вместе взятое, и создало широкую источниковедческую основу для 6 гл. *Ши-хуан бэнь цзи.*

Источниковедческая база 7 гл.— «Основные записи [о деяниях] Сян Юя», описывающей главным образом события между последними годами династии Цинь и началом династии Хань (209—202 гг. до н. э.), была, как и для других глав, достаточно широкой. Из письменных источников в виде книг Сыма Цянь, по мнению многих ученых, в первую очередь опирался на сочинение ханьского Лу Цзя *Чу Хань чунь-цю* («Вёсны и осени княжеств Чу и Хань»), которое хотя прямо Сыма Цянем и не названо, но, судя по изложению и сохранившимся отрывкам этой книги, совпадающим с рассказом о Сян Юе в *Бэнь цзи,* было активно использовано историком *при описании событий этого периода. О книге Чу Хань чунь-цю* имеются упоминания в *Хань шу, Хоу Хань шу, Суй шу,* у ряда средневековых историографов. И во всех случаях авторы доказывают использование Сыма Цянем «Весны и осени княжеств Чу и Хань» [53]. Такого же мнения современный историк Цзинь Юй-фу [54], Г. Дабс, Ф. Йегер и др.

Сведений о других сочинениях этого периода до нас не дошло, хотя в самом общем виде в 16 гл. сказано, что «Придворный историограф читал [все, что касалось] периода Цинь-Чу».

Источниковедческую базу гл. 8 — *Гао-цзу бэнь цзи,* 9 — *Люй тай-хоу бэнь цзи,* 10 — *Сяо-вэнь бэнь цзи,* 11 — *Сяо-цзин бэнь цзи* и 12 — *Сяо-у бэнь цзи,* посвященных одному и тому же периоду — победы ханьского дома и правления первых ханьских императоров, целесообразно рассмотреть в целом, так как круг материалов для этих глав в общем совпадает.

В число источников прежде всего входят разнообразные

[53] Подробно этот вопрос освещен в статьях Ю. Л. Кроля «„Весна и осень княжеств Чу и Хань" Лу Цзя» и «Критическая работа Сыма Цяня над текстом „Весны и осени княжеств Чу и Хань" Лу Цзя».

[54] Цзинь Юй-фу. *История исторической науки Китая,* стр. 38.

архивные материалы в столице и на местах, к которым имели доступ Сыма Тань и Сыма Цянь как главные историографы двора, многочисленные записи, доклады, документы. Сыма Цянь сообщает об этом в 17 гл. «Исторических записок»: «Я, слуга своего государя, Цянь, со старанием записал [сведения о] владетельных князьях, начиная с года воцарения Гао-цзу и вплоть до годов *тай-чу*...» [55].

И в 18 гл.: «Я, [Сыма Цянь], читал о том, как жаловал титулы *хоу* [император] Гао-цзу своим заслуженным чиновникам, изучал его первые пожалования и причины, по которым они их утрачивали, и скажу: „Сколь разнится [от прошлого] то, что я узнал!“» [56].

Упоминавшаяся ранее книга *Чу Хань чунь-цю,* судя по сохранившимся отрывкам, описывала не только период до 202 г. до н. э., но захватывала царствование Лю Бана, Люй-тайхоу и даже Вэнь-ди. Хотя споры ученых о хронологических рамках книги продолжаются, но для 8 и 9 глав «Вёсны и осени княжеств Чу и Хань» также может считаться источником.

В 97 гл., в биографии Лу Цзя, Сыма Цянь передает диалог между ханьским императором Гао-цзу и Лу Цзя, из которого явствует, что Лу Цзя составил для императора книгу *Синь юй* («Новые речи»). В этой книге Лу Цзя поведал о причинах существования и гибели государств, изложив это в 12 главах. Сыма Цянь пишет: «Я читал двенадцать глав сочинения Лушэна „Новые речи“, в котором он, несомненно, выступает как защитник [своего] века» [57]. Следовательно, и книга под таким названием побывала в руках историка.

Помимо всего этого в распоряжении Сыма Цяня при описании империи Хань были памятники материальной культуры, надписи на сосудах, помогающие глубже понять эпоху. Еще большую роль в этом случае сыграли поездки Сыма Таня и Сыма Цяня по стране, по живым следам событий.

[55] ШЦ, т. 2, стр. 803.

[56] ШЦ, т. 2, стр. 877.

[57] ШЦ, т. 5, гл. 97, стр. 2705. Мы не касаемся здесь проблем, связанных с этой книгой.

Выше вкратце были охарактеризованы главные источники глав «Основных записей». Обзор показывает разнообразие источников, которыми пользовался Сыма Цянь, его стремление максимально отразить их в своем труде, часто предоставляя слово самим источникам. На это указывают многочисленные совпадения с трактовкой событий в других сочинениях, интерполяция в текст цитат из памятников, воспроизведение надписей на стелах и т. д. Сумма разных источников, однако, интенсивно перерабатывалась в лаборатории историка, дававшего всестороннее представление о том или ином событии.

ХАРАКТЕРИСТИКА ОТДЕЛЬНЫХ ГЛАВ

Попытаемся теперь определить историографическую ценность и значение отдельных глав «Основных записей».

Первая глава «Исторических записок» посвящена древнейшему периоду истории — тем предкам китайцев, которые жили на землях, расположенных в долинах крупнейших рек Восточной Азии: Хуанхэ, Хуайхэ, Янцзы, и о жизни которых Сыма Цянь и его современники могли судить по многочисленным устным преданиям («Я бывал в местах, где почтенные старцы по отдельности и вместе постоянно рассказывали мне о Хуан-ди, Яо и Шуне...» — пишет историк в послесловии к главе), по некоторым уже созданным к этому времени письменным сочинениям и летописям, позднее утерянным. Если исходить из датировки эпохи Инь — XIV—XI вв. до н. э. и принять во внимание гипотетическую датировку эпох Шан и Ся, описанных во 2 и 3 гл., то все, о чем рассказано в 1 гл., можно соотнести с III тысячелетием до н. э., т. е. периодом, отделенным от Сыма Цяня по меньшей мере двумя тысячами лет.

Мифы и легенды, собранные историком, говорят о множестве событий и о деяниях героев древнейших эпох. В них вымысел и фантастика перемежаются с отголосками подлинных далеких процессов в жизни первобытных людей, дошедших до потомков в смутной, измененной форме. «Всякая мифология,— писал К. Маркс,— преодолевает, подчиняет и формирует силы природы в воображении и при помощи воображе-

ния...»[58]. В мифах о Суй-жэне, научившем людей добывать огонь, о Ю-чао, построившем жилища на деревьях, Шэньнуне, положившем начало земледелию, и других «культурных героях» древности нашли свое отражение борьба человека с природой, определенные этапы развития производительных сил древнего общества. Ко времени Сыма Цяня существовало уже множество легенд и сказаний, в которых история ханьцев началась с самых легендарных героев — «императоров». В таком развитом классовом обществе, каким была империя Хань, в какой-то степени завершился процесс историзации мифологии, и это достаточно ясно отражено в 1 гл.

Под кистью Сыма Таня (который мог быть автором 1 гл.) и Сыма Цяня древнейший период истории Китая изображается в виде достаточно развитого общества со сменяющимися на престоле *ди* — «императорами», в их распоряжении существуют разветвленный аппарат помощников и чиновников, войска, законы, т. е. все атрибуты сложившегося государства. По *У ди бэнь цзи,* уже при Хуан-ди были князья — *чжухоу,* система жертв и гаданий, верительные бирки; в период Шуня историк упоминает о наличии системы вассалитета, областей, законов, т. е. явлений, характерных по меньшей мере для эпохи Чжоу. Эту тенденцию к идеализации древности подметил полвека назад русский синолог С. Георгиевский. Он иронизировал по поводу рассуждений Конфуция о Шуне: «Оказывается, что китайцы, начавшие при императоре Фу-си выходить из дикого состояния, в 23 веке до Р. Х., представляли собою народ, организованный в стройное государство, народ богатый, просвещенный, высоконравственный, исполненный гуманности, всесторонне благоденствующий. Но разве было так на самом деле? Не было ничего подобного, насколько можно судить по дальнейшему ходу жизни китайцев, да и само существование поименованных нами государей многие синологи отрицают как недоказуемое непреложными данными. Что цивилизация китайская началами своими вос-

[58] К. Маркс, *Введение (из экономических рукописей 1857—1858 годов)*, стр. 737.

ходит к глубокой древности и вырабатывалась постепенно — это неоспоримая действительность; что насадителями культуры и цивилизаторами китайцев являлись императоры Фу-си, Шэнь-нун, Хуан-ди, Ди-ку, Яо и Шунь — это не более как мифы, сложившиеся в народе на основе его мифических воззрений; что во времена Шуня китайская цивилизация достигла той завидной для всякого народа высоты, о которой мы говорили, — это вымысел Конфуция, распространенный его многочисленными продолжателями. Прибегая к вымыслу, Конфуций находил для себя в мифах опору, но имел в виду не закругление народных мифических сказаний, квазиобъясняющих минувшую действительность, а изображение идеала, долженствовавшего направлять историческую жизнь китайцев в будущем...»[59].

В силу подобной историзации легендарного периода Сыма Цянь почти совершенно исключил из 1 гл. различную фантастику и «сверхъестественные» явления. Правители, изображенные им,— живые люди, хотя и с необыкновенными талантами и свойствами.

Первая глава *Бэнь-цзи* отражает в основном древнеконфуцианские традиции, представленные наиболее отчетливо в известной триаде идеальных правителей древности: Яо, Шуне и Юе. Идеализированные изображения этих правителей и их деяний лежали в основе важнейших канонов конфуцианства — *Чунь-цю, Лунь юй, Мэн-цзы, Шан шу* и др. В главе проводится, хотя и в скрытой форме, идея «воли Неба», принципы человеколюбия правителя, умеренности наказаний, верности государю, сыновней почтительности. Все это основные идеи и взгляды конфуцианской школы. Правда, в некоторых фразах автора можно усмотреть и влияние воззрений древнего даосизма, например: «[Хуан-ди] следовал законам Неба и Земли, гаданиям по темному и светлому, толкованиям о жизни и смерти, превратностям существования и гибели...», но они нехарактерны для главы в целом.

[59] С. Георгиевский, *Мифические воззрения*..., стр. 116—117.

Конечно, напрасно было бы в подобных древних сюжетах у Сыма Цяня искать полного соответствия какой-либо одной легенде или схеме. В его генеалогии «императоров» творчески переработаны разные варианты мифов, причем в качестве первого правителя поставлен Хуан-ди, который почти не присутствует в классических конфуцианских построениях. Если сравнить, например, *Ши цзи* с *Чжу шу цзи-нянь,* то мы увидим отличия: в «Бамбуковых анналах» между Хуан-ди и Юем лежит 30 поколений правителей, т. е. значительно больше, чем в «Исторических записках».

При всем том в 1 гл. *Бэнь-цзи* вдумчивый историк, несмотря на легендарный характер сюжетов, найдет немало косвенных данных, намеков, как-то раскрывающих древнейшие этапы истории китайского народа. В борьбе Хуан-ди с Янь-ди и Чи-ю, в походах против непокорных (*сяньюйцы, саньмяо, мань, и*) слышны отголоски ожесточенных межплеменных битв той эпохи. Предания о Хуан-ди, женившемся на девушке из рода Силин, о Яо, женившемся на девушке из рода Саньи, о Шуне, взявшем в жены девушку из рода Таотан, Юе, породнившемся с родом Тушань, косвенно говорят о строгом соблюдении, даже в мифах, правил родовой экзогамии. Упоминания во многих преданиях лишь матери героя, а не отца (Гу-соу и Гунь появились явно позднее), частые рассказы о непорочных зачатиях от молнии, дракона, радуги, яйца ласточки и т. д. свидетельствуют о существовании матриархальных отношений, отраженных в мифах. О формах родовой демократии говорят форумы, сеймы, советы при «императорах», их совещания с *сы-юэ*, с *цюнь-му* (старейшины, совет вождей?), выборы преемников из числа достойных на пост правителя и многое другое.

В главе отмечены определенные этапы в покорении природы древним человеком: «насадил пять видов злаков», «добывал землю, камни, металлы и яшму», «добывал богатства у земли», «обуздывал воды», упоминается рост земледелия, гончарного ремесла, торговли, обмена и других видов производственной деятельности, персонифицированных в деятельности легендарных правителей. Таким образом, глава о дея-

ниях пяти «императоров» при всей ее легендарности и лаконичности представляет определенный историографический интерес.

Следующая глава *Бэнь-цзи,* посвященная периоду Ся, предлагает читателю своеобразное переплетение легендарных сюжетов и преданий с реальными сведениями о древнем Китае, относящимися, правда, к I тысячелетию до н. э. Если исходить из доказанного ныне существования государства Инь в XIV—XI вв. до н. э., то эпоху Ся, как предшествовавшую шанско-иньской, следует условно отнести к концу III и первой половине II тысячелетия до н. э. Условно потому, что точных археологических данных, которые можно определенно связать с племенем или народностью Ся, до сих пор не обнаружено.

Тот период развития китайского общества, который стал известен под именем Ся, современные ученые более или менее единодушно относят к позднеолитическому периоду, когда в Китае совершался переход к бронзовому веку [60]. К концу эпохи Ся, по мнению некоторых ученых, родовое общество уже переживало кризис, зарождались классы, т. е. Китай вступал в эпоху классового общества.

Вторая глава начинается описанием деяний сяского Юя — легендарного родоначальника «династии». Ему приписывают «усмирение» вод потопа, поразившего Китай во времена правления Яо. По-видимому, в китайском варианте легенды о потопе отразились воспоминания о каком-то действительном стихийном бедствии тех веков. Юю приписываются благоустройство всей территории страны, создание областей, упорядочение рек и озер и многие другие деяния, суммирующие процессы не одной тысячи лет. Таким образом, Юй — собирательный образ героического борца со стихией и покорителя природы, воплощавшего лучшие черты древнего человека. Мы присоединяемся к определению образа Юя, дан-

[60] См., например, Цзянь Бо-цзань, *Очерки истории Китая,* стр. 110. Цзянь Бо-цзань и Фань Вэнь-лань не исключают появления первых бронзовых изделий еще в конце эпохи Ся.

ному Л. Д. Позднеевой: «Великий Юй — один из замечательных героев китайской древней мифологии. В его титанической борьбе с наводнениями отразилась многовековая тяжелая борьба народа со стихийными бедствиями, с капризами рек, менявших свое русло, и мечта земледельца — найти силу, которая избавит его от вечного страха перед наводнением»[61].

Большой интерес представляет та часть 2 гл., которая содержит географическое описание древнего Китая. Сыма Цянь почти текстуально заимствовал главу *Юй гун* из канонической книги *Шан шу*. Описывая один за другим крупные районы Китая, историк следует единой схеме изложения, которая включает: физические границы (по крупным ориентирам), проведенные там работы по ликвидации последствий наводнения, характер и качество земель, состав подношений от диких племен и поставок от каждого из районов и пути их доставки. Кроме того, в *Ся бэнь цзи* дано и общее генерализированное описание основных горных и речных систем. Таким образом, перед нами как бы схематическая гидрография и орография древнего Китая, характеристика его почв, сведения по этнографии. Коль скоро глава *Юй гун*, по мнению китайских ученых, создана не ранее III в. до н. э., вероятнее всего в царстве Цинь, следовательно, она отражает уровень географических познаний древних китайцев эпохи Чжоу. Казалось бы, что к эпохе Ся это имеет отдаленное отношение, однако в главе приведены разные по своему характеру показатели. Горные системы, крупные реки — это такие элементы территории, которые существенно не меняются в течение длительного времени. Поэтому общая картина поверхности Китая, данная во 2 гл., может быть с достаточной степенью вероятности отнесена и к раннеисторическим эпохам. Относительно нескоро менялись и почвы, так как процесс окультуривания земель шел в те тысячелетия медленно. Очевидно, сведения о богатствах областей, поставках и подношениях центральной власти относятся лишь к эпохе Чжоу. Перечисление даров вместе с тем отражает специфику каждого райо-

[61] «Литература Древнего Востока», стр. 347—348.

на, особенности климата. Если на северо-западе и северо-востоке это — соль, шкуры, шелк от дикого шелкопряда, продукты моря, дерево, продукты скотоводства и т. д., то в более южных областях — бамбук, кожи носорога, ткани, раковины, металлы, жемчуг, черепахи, редкие породы деревьев и т. п. Описание богатств страны о многом говорит историку.

Гидрография Китая, пусть и представленная как результат деятельности одного Юя («...направил девять рек»), все же дает картину состояния основных речных бассейнов Китая, включая и крупные озера того времени (в числе девяти речных систем: Жошуй, Хэйшуй, Хуанхэ, Яньшуй, Янцзы, Цзишуй, Хуайхэ, Вэйшуй, Лошуй). На ее основе можно провести важное для исторической географии изучение происшедших за последние три тысячелетия изменений в этой сфере.

Во 2 гл. мы находим оценку почв и земель всех районов по девятибалльной шкале (три категории с тремя разрядами в каждом) по составу, цвету, плодородию. Это, по сути дела, один из древнейших кадастров земель, в котором, исходя из качества земельных угодий, определяется их доходность и отсюда мера платы.

Даже из сугубо идеализированной схемы пяти поясов, несущих якобы различные повинности — *фу,* можно видеть, что ареал власти того времени был узок, только ближние земли поставляли необходимые продукты, все остальные были почти бесконтрольны, что говорит о слабой централизации власти даже в начале I тысячелетия до н. э.

Немаловажное место в данной главе (как и в остальных главах *Бэнь цзи*) занимает изложение конфуцианских идеалов управления, вложенное в уста Юя и старшего судьи Гаояо. Прославляются такие принципы, как самоусовершенствование правителя, забота о народе, соблюдение порядка, установленного Небом, вера в волю верховного владыки, призыв к соблюдению законов, к опоре на способных помощников и др. Отнесение всех этих конфуцианских установлений к древней эпохе Ся — дань Сыма Цяня господствующей идеологии. Эта тенденция сказалась и в 130 гл., где историк определил задачи 2 гл.:

«Юй [своими] трудами объединил воедино все девять областей [Поднебесной] и прославил тем самым [деяния] Тана и Юя; [его] добродетели распространились на его потомков; [однако] сяский Цзе был порочным и высокомерным и в результате бежал в Минтяо. [Об этом я и] написал вторую главу „Основные записи [о деяниях дома] Ся“» [62].

Что касается перечня правителей Ся после Юя, то пока не получено данных, подтверждающих реальность их существования, поэтому их, как и Юя, мы относим к легендарным персонажам.

С точки зрения социальной истории китайского общества интересно сообщение Сыма Цяня в его послесловии к главе. Он дополнительно счел нужным подчеркнуть, что из рода Сы, к которому принадлежал Юй, позднее выделились 13 других родов, получивших названия от своих территорий. Это говорит о том, что в эпоху Ся продолжался рост родо-племенных коллективов и их расселение, и о том, что наименования родов и племен были тесно связаны с географическими названиями, с местами их проживания и, следовательно, общество стояло еще на низкой ступени развития, соответствовавшей эпохе первобытнообщинного строя. С полным основанием можно утверждать, что материал 2 гл., несмотря на свою связь с мифологическими сюжетами и использование чжоуских источников, дает немало пищи для раздумий исследователю древнего общества.

Третья глава *Инь бэнь цзи* по объему невелика, но значение ее в историографическом плане несомненно. Если первые две главы, несмотря на отмечавшиеся выше достоинства и отдельные верные догадки, в целом принадлежат к сочинениям о легендарных периодах, то глава об Инь, как неопровержимо доказано археологическими раскопками в Сяотуне, Чжэнчжоу и других местах, рассказывает нам о первом подлинно историческом этапе жизни китайского народа [63].

[62] ШЦ, т. 6, стр. 3301.

[63] Существует значительная литература на китайском, японском, русском и других языках, посвященная обществу эпохи Инь, базирующаяся главным образом на изучении надписей на костях. В числе таких исследо-

Рассматриваемая глава состоит как бы из двух родов различных по характеру и ценности материалов. В ней содержится единственный по своей полноте и последовательности хронологический перечень всех правителей иньской эпохи, начиная с легендарного основателя дома Шан-Инь — Се и до последнего ее правителя — Чжоу-синя (Ди-синя). Всего в 3 гл. *Бэнь цзи* упомянуто 44 иньских правителя (часть которых была, несомненно, вождями шанских племен), из которых 36 имен уже подтверждено расшифрованными гадательными надписями. До настоящего времени среди надписей на костях не найдены имена первых семи правителей Инь, открывающих список в *Инь бэнь цзи:* Се, Чжао-мин, Сян-ту, Чан-жо, Цаоюй, Мин, Чжэнь. В 12 именах расходятся отдельные знаки, не всегда совпадает последовательность правлений. Большая часть расхождений между главой *Инь бэнь цзи* и гадательными надписями падает на начальный период Инь, смыкающийся с легендарными временами. Но общая канва истории Инь, представленная в перечне ее правителей в 3 гл., подтверждена эпиграфикой, и тем самым сомнения в ценности *Инь бэнь цзи* как исторического источника отпали. К этому же роду материалов следует отнести свидетельства *Инь бэнь цзи* о местах расположения иньских центров в Бо, Ао, Шанцю, о частых переездах иньских правителей (Сыма Цянь насчитывает восемь перемен ставки правителя до Чэн-тана и еще пять до Пань-гэна), отражающих неразвитость общественных отношений и значительную роль кочевого уклада. Географические данные главы подтверждаются и археологией.

В 3 гл. приведено известное число фактов, которые могут помочь сделать некоторые выводы о жизни иньского общества. Сообщения о том, что советник И-инь имел право сослать правителя Тай-цзя на три года в отдаленные места для исправления, что правители Инь часто обращались к *байсинам* (народу или старейшинам) с речами, клятвами, с просьбами

ваний можно назвать работы китайских ученых: Ли Я-нуна, Ли Сюэ-циня, Тан Ланя, Чэнь Мэн-цзя, Чжао Пэй-синя и многих других; статьи советских авторов: Л. И. Думана, Р. Ф. Итса, М. В. Крюкова, Т. В. Степугиной, Л. Серкиной; японских авторов Сима Кунио, Акацука Киёси и др.

о помощи, позволяют усмотреть в этом предания о каких-то реликтах коллективных органов древней власти, принципах древней демократии. Глава рассказывает о непрекращающейся борьбе иньских племен с соседями за гегемонию, за господство над землями в центральной равнине, о случаях неповиновения *чжухоу,* о бунтах племен *куньи* и других, о походах против непокорных (нередко такая борьба завершалась не в пользу иньцев, и тогда Сыма Цянь констатирует очередное ослабление Инь). Но в целом глава как хронологическая запись не дает достаточно подробных сведений о жизни иньского общества.

В то же время в *Инь бэнь цзи* имеются многочисленные материалы, которые никак нельзя соотнести с эпохой Инь. Заимствуя целые абзацы из *Шан шу,* Сыма Цянь, как и в первых двух главах, приписал Инь многие чжоуские понятия и порядки. К таким материалам мы бы отнесли все истории, связанные с Чэн-таном и его мудрым помощником И-инем, с У-дином и его помощником Фу-юэ, принцип «заботы о народе» и преданности идеальным ванам, обращения Пань-гэна к *чжухоу,* сочиненную конфуцианцами версию о последнем иньском царе — Чжоу-сине и основателе династии Чжоу — Си-бо или Вэнь-ване. К сожалению, Сыма Цянь именно в этих явно придуманных чжоусцами событиях видел главное содержание главы. В 130 гл. он писал: «Се положил начало [дому] Шан, и так продолжалось до Чэн-тана; [когда] Тай-цзя поселили в Тун [гуне], добродетели стали процветать [благодаря] А-хэну; У-дин заполучил [Фу] Юэ и впоследствии был прозван Гао-цзуном («Высоким предком»); император же [Чжоу] Синь всецело погряз в пьянстве, и *чжухоу* перестали представляться ему. [Об этом я и] составил третью главу „Основные записи [о деяниях дома] Инь“»[64].

Понятно, что в этих записях отражены более поздние версии чжоусцев, сочиненные в соответствии с господствовавшими в период Чуньцю и Чжаньго взглядами (*Шан шу* — один из характернейших образцов канонического конфуциан-

[64] ШЦ, т. 6, стр. 3301.

ского мышления). Такого рода записи Сыма Цянь включил в 3 гл., по нашему мнению, вполне осознанно (об этом говорит его послесловие), отдавая дань, с одной стороны, господствующей традиции, а с другой, вероятно, не располагая, кроме краткой генеалогии правителей, существенными материалами по истории иньцев. Можно думать, что из-за неразвитости иньской письменности и культуры вообще, от иньского периода и не могло остаться большого числа письменных памятников. Историографическая оценка *Инь бэнь-цзи*, таким образом, двойственна, она должна учитывать плюсы и минусы главы, исходя из эпохи и уровня развития общества.

Четвертая глава — *Чжоу бэнь цзи* посвящена истории постепенного возвышения, длительного правления и, наконец, упадка власти дома Чжоу. Как и в описании предшествующих «династий», историк ищет начало Чжоу в легендарном прошлом. Первооснователь дома Чжоу Ци, или Хоу-цзи, считался управителем земледелия *(нунши)* во времена Яо и Шуня. Его рождение, как и у других «культурных героев» мифологии, связано с непорочным зачатием и всякими необыкновенными явлениями. Предания говорят о первых чжоусцах, об их вождях Хоу-цзи, Гун-лю, Гу-гун Дань-фу как о старательных земледельцах, хотя племя *чжоу* формировалось в землях диких племен *жунов* и *ди* и было скорее скотоводческим. С именем Гу-гун Дань-фу легенды связывают начало прочной оседлости чжоусцев, создание населенных пунктов, начал государственности.

Сыма Цянь точно следует канонам в описании деяний Вэнь-вана и У-вана — тех правителей Чжоу, коим приписывается честь разгрома государства Инь и установления чжоуской власти над всем Китаем. Почти треть главы посвящена описанию событий, связанных с этой победой, хотя они занимают всего несколько лет из многовекового господства дома Чжоу. Разумеется, трудно предположить, что чжоусцы, стоявшие даже на более низкой ступени развития, чем иньцы, могли во II тысячелетии до н. э. столь подробно записать ход событий и те речи, которые при этом произносились. Сыма

Цянь старательно использовал для этого главы *Шан шу,* гимны *Ши цзина, Го юй* и другие более поздние сочинения, в которых дана овеянная легендами, главным образом конфуцианская интерпретация давних событий.

Говоря о целях написания главы, Сыма Цянь намечает как бы основную канву истории эпохи Чжоу через крупнейшие ее события:

«Это Ци стал производить просо [и злаки], и добродетели [Чжоу] расцвели тогда при Си-бо; [после этого] У-ван [в битве] под Муе действительно овладел Поднебесной; [но] Ю[-ван] и Ли[-ван] сбились с пути и потеряли [столицы] Фэн и Хао; затем, постепенно приходя в упадок, [власть] пришла к Нань [-вану], и в Лои [в конце концов] перестали приносить жертвы [предкам Чжоу]. [Об этом я и] составил четвертую главу — *Чжоу бэнь цзи*» [65].

Но если отвлечься от нарочитой идеализации фигур древних правителей, пронизывающей всю главу, от рассуждений о добродетелях царей, их мягкости и любви к народу — моментов, характерных для любых летописей и хроник тех тысячелетий, и попытаться вникнуть в глубь текста, то мы найдем в 4 гл. некоторые важные указания, фактические свидетельства, проливающие свет на историю развития китайского общества I тысячелетия до н. э., а также на идеологию той эпохи.

Так, из описания ранней истории чжоусцев мы узнаем о судьбе иньцев, поставленных под надзор — в рабское положение, об их восстании, о неоднократных походах чжоуской армии против соседних племен, что говорит о недовольстве покоряемых народов, о длительном сопротивлении многих племен чжоускому завоеванию. Об острой борьбе в самом чжоуском обществе — выступлениях горожан и селян, соперничестве в среде знати свидетельствуют приводимые в главе сообщения о свержении ванов; о восстании против Ли-вана, убийстве Ю-вана, возведении на престол жителями столицы княжича Мэна в 525 г. до н. э., а затем другого княжича,

[65] ШЦ, т. 6, гл. 130, стр. 3301—3302.

Гая, и др. Упоминание о том, что Сюань-ван в 815 г. перестал работать на ритуальном поле в тысячу *му*, указывает на ослабление системы общественных земель и, по-видимому, на рост частного землевладения. Учет населения, произведенный Сюань-ваном в 789 г., указывает на рост значения государственного аппарата в этот период и т. д.

В главе встречается несколько интересных отрывков, проливающих свет на методы управления, на идеологию правящих классов Чжоу. В этом смысле, например, примечательна мысль о необходимости при управлении народом «не перегибать палку» и время от времени открывать какой-то клапан для смягчения социального протеста (заимствованная Сыма Цянем из *Го юй*): «Если реку преградить, а она прорвет запруду, то от этого непременно пострадает множество людей. Народ тоже подобен реке. Вот почему тот, кто следит за рекой, делает брешь в преграде, чтобы направить в нее [лишнюю] воду, а тот, кто управляет народом, дает ему волю высказываться...» [66].

Великолепен по своей логической завершенности монолог, приписываемый Му-вану, в котором излагаются основы системы наказаний и законов вообще. Здесь мы находим определение роли следствия, свидетельских показаний, проверки обстоятельств дела, ответственности судей, шкалу тяжелых и легких наказаний и откупов от них. Историк, используя данные *Шан шу*, говорит о наличии 3000 статей в древнем уголовном кодексе *Фу-син* (или *Люй-син*). Конечно, столь законченная система едва ли существовала даже в середине эпохи Чжоу (известен треножник с выгравированными на нем законами, составленными Фань Сюань-цзы для княжества Цзинь, относящийся к 513 г.), но сам факт упоминания такого законодательства контрастирует с разговорами о добродетелях чжоуских ванов.

Немалое число страниц в заключительной части главы историк отвел показу всех перипетий хитроумной дипломатии чжоуских правителей, стремившихся даже ценой угодничест-

[66] ШЦ, т. 1, гл. 4, стр. 142.

ва и унижений лавировать между сильными противниками, чтобы продлить свою власть и существование.

Несмотря на все сказанное, в целом 4 гл. охватывает слишком большой отрезок времени, что неизбежно приводит к схематизму, она заполнена в значительной доле перечислением правлений ванов дома Чжоу.

Разумеется, в связи с общей идеей «Основных записей» в данной главе как раз и взята основная канва событий, происходивших вокруг царского дома, и предъявлять обвинение древнему автору в искажении исторической перспективы было бы наивно, да и размер главы не позволил Сыма Цяню дать более детальное описание семи-восьмивекового господства Чжоу. Но все же при отборе материалов из других сочинений об этом периоде (прежде всего из *Цзо чжунь*) историк, как представляется, отдал непомерно большую дань легитимистским идеям, конфуцианской традиции в ущерб фактам реальной жизни. Все это позволяет считать, что «Основные записи о [деяниях дома] Чжоу» не принадлежат к лучшим главам «Исторических записок», более полнокровный материал об этой эпохе представлен в *Цзо чжуань, Го юй, Чжаньго цэ* и других книгах, а также в разделах *ши цзя* и *лечжуань* у самого Сыма Цяня.

Пятая глава — *Цинь бэнь цзи,* излагающая историю циньского племени с самых ранних времен и затем историю циньского дома вплоть до объединения под его эгидой всего Китая, представляет определенный интерес. Основанная прежде всего на «Записях дома Цинь», позднее утраченных, глава обрисовывает многовековую борьбу и усиление царства Цинь, одного из многих на территории древнего Китая.

Начинается повествование, как и в предыдущих главах, с легендарных времен, и присутствуют в нем знакомые нам атрибуты генеалогических легенд: непорочное зачатие Нюйсю, родившей одного из основателей рода, Да-е, служба предков Цинь у мифических героев древности Юя, Се, Хоу-цзи (вероятно, эти притчи были созданы много позднее, когда циньцы уже претендовали на главенство в Поднебесной и им требовалось обосновать свои притязания какими-то связями

со знаменитыми предками китайцев). Далее Сыма Цяню удается на фоне обычной хронологической цепи следующих друг за другом десятков правителей показать, в каких сложных условиях поднималось это отсталое северо-западное племя, как его правители сумели превратиться в гегемонов Китая. Отчетливо видно, что вся ранняя история циньцев тесно переплетена с жизнью *жунов* и связана со скотоводством и охотой.

Собственно история дома Цинь начинается с VIII в., когда Сян-гун помог дому Чжоу в борьбе с *жунами* и заложил основы циньской государственности. Почти вековая история этого периода заполнена войнами с соседними племенами *жунов, дацзы, фэн, датэ* (крупные сражения упоминаются в 750, 739, 713, 697, 688, 659 гг. до н. э.) и с другими царствами. Не раз циньцы терпят поражения, но, используя благоприятные условия местности и применяя достаточно умелую тактику, восстанавливают свои силы и продолжают завоевательную политику. Отдельные, разбросанные по всей главе сведения дают представление о суровой действительности тех веков: в 746 г. до н. э. Вэнь-гун вводит наказание обвиняемого и его близких в трех коленах родства, в 678 г. впервые отмечаются захоронения живых людей с умершим правителем: с У-гуном захоронили 66 человек (эти варварские обычаи существовали в Цинь почти 300 лет, до 384 г. до н. э.) и др.

Даже в кратком определении главных событий 5 гл. в своей автобиографии Сыма Цянь упоминает о захоронениях людей с покойным правителем: «Среди предков Цинь Бо-и помогал [великому] Юю; Му-гун [постоянно] думал о справедливости и скорбел о воинах, [павших] смертью храбрых, [но] с ним захоронили людей, и об этом пропето в пьесе *Хуан няо* („Там иволги"); [что касается] Чжао-сян-вана, [то он уже стал] управлять целой империей. [Об этом я и] составил пятую главу „Основные записи [о деяниях дома] Цинь"» [67].

Рассказывая о первых веках истории циньцев, Сыма Цянь упоминает о том, что «народ [Цинь] стал более просвещенным», т. е. отходил, по-видимому, от первоначального дикого

[67] ШЦ, гл. 130, т. 6, стр. 3302.

состояния, о том, что в 753 г. была введена должность историографа, о многочисленных завоевательных войнах Цинь, о смутах и борьбе за власть как в Цинь, так и в других царствах и княжествах. Эпизод с Хоу-цзы Цянем, который бежал в Цзинь с тысячью нагруженных добром повозок, позволяет судить об имущественном неравенстве в обществе того времени.

Представляет интерес диалог между циньским Му-гуном и посланцем *жунов* Ю-юем, датируемый 626 г. до н. э. В этом разговоре (несомненно, придуманном) содержится определенный политический и философский смысл. Все начинается с того, что Му-гун демонстрирует Ю-юю свои богатства, а тот укоряет циньского правителя: «...если вы принуждали людей создавать все это, то вы просто замучили народ!» — т. е. представитель дикого племени осуждает накопление богатств, которое было еще чуждо его соплеменникам.

Затем Му-гун вопрошает:

«Срединные государства осуществляют управление на основе стихов и [исторических] записей, обрядов и музыки, законов и мер, но, несмотря на это, в них часто происходят беспорядки. А вот племена *жунов* и *и* до сегодняшнего дня не имеют всего этого. На основе чего же они управляются? Разве не возникает трудностей [в управлении]?»

И собеседник из страны *жунов* с известным чувством превосходства отвечает ему: «Именно это и является причиной беспорядков в срединных государствах. Ведь с тех пор, как мудрейший Хуан-ди составил обряды и музыку, установил законы и меры, он давал личный пример их исполнения, почти не прибегая к какому-либо управлению. Его же потомки день ото дня становились все более высокомерными и развращенными. Они строго надзирали за низшими, опираясь лишь на силу законов и установлений, в результате чего все низшие устали до предела и, ратуя за человеколюбие и справедливость, стали роптать на высших. Так между высшими и низшими из-за взаимных обид возникла борьба. Захват власти, убийства друг друга и даже уничтожение целых родов являются [ясными] примерами подобного рода.

Совсем не так у *жунов* и *и*. Там высшие придерживаются простоты и добродетели в отношениях с низшими, а низшие сохраняют искренность и человечность, служа высшим. Управление целым государством подобно управлению собственным телом, когда не думают о том, с помощью чего оно управляется. Таково подлинное управление мудрого человека».

В приведенном диалоге, встречающемся также в трактате III в. до н. э. *Хань Фэй-цзы*[68], Сыма Цянь сталкивает два направления в древней политике и в какой-то мере отдает предпочтение простоте нравов у *жунов*, их методам управления.

В словах Ю-юя об основах управления отражены некоторые положения древнего даосизма: «Когда правительство спокойно, народ становится простодушным...», «Мудрый человек отказывается от излишеств...» и т. п.[69]. В тираде жунского посланца можно усмотреть как критику конфуцианских понятий *жэнь* и *и*, прикрывающих неблаговидную практику правителей, так и злоупотребления законами.

Большое число фактов о социальной жизни дает нам вторая половина главы. Из нее мы узнаем, что в IV в. в Цинь проводится размежевание полей, вводятся законы о податях, строятся дороги и мосты, города окружаются стенами, т. е. продолжается несомненный рост производительных сил. Все эти меры связываются с реформами Шан-яна, предложенными им в 359 г. до н. э. Сыма Цянь пишет: «Вэйский Шан-ян посоветовал Сяо-гуну изменить законы и усовершенствовать наказания, [он предложил] внутри страны поощрять пахоту и сев, вне страны поощрять награды погибшим в боях и наказания [нерадивым]...»[70] (более подробно эти реформы освещены в 68 гл. *Ши цзи*).

Конец главы заполнен довольно утомительным перечислением царствований, походов и войн, назначений и смещений в княжестве Цинь. Однако и в этом калейдоскопе событий

[68] ЧЦЦЧ, т. 5, *Хань Фэй-цзы цзи цзе*, гл. 3, стр. 48—50.

[69] Ян Хин-шун, *Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение*, стр. 131, 147.

[70] ШЦ, т. 1, стр. 203.

ясно проглядывает общая тенденция постепенного и неуклонного усиления Цинь. Часто при этом историк сообщает о разного рода тревожных знамениях (кометах, затмениях, метеоритах и др.), что, по уверению летописцев, предвещало грядущую беду — приход к власти Цинь Ши-хуана, преданного анафеме во всей конфуцианской литературе [71].

Таким образом, 5 гл., бесспорно, представляет интерес как почти единственная летопись царства и княжества Цинь, несмотря на то, что значительная часть ее заполнена довольно однообразным перечислением правителей и описанием внешних событий.

Шестая глава «Исторических записок» — *Ши-хуан бэнь цзи*, посвященная недолговечному правлению циньских императоров, одна из самых больших и ценных глав «Основных записей». В отличие от первых пяти глав в ней описаны события не за столетия, а всего за несколько десятилетий, что позволило детальнее раскрыть историю династии. Включение в текст главы шести подлинных надписей на стелах, водруженных при Цинь Ши-хуане, и отдельных частей сочинения Цзя И *Го Цинь лунь* придало еще большую доказательность изложению.

Об основном содержании главы Сыма Цянь писал: «Ши-хуан, став у власти, соединил в одно и прибрал к рукам все шесть княжеств, [он] переплавил мечи и копья [княжеств] и отлил из них [колокола] и перекладины к ним, чтобы таким путем приостановить все войны; [он избрал себе] почетный титул и стал называться императором, он бахвалился военной [мощью] и прибегал к применению силы. Эр Ши[-хуан] получил [уготованное ему] судьбой, а Цзы-ин сдался и стал пленником. [Вот об этом я и] составил шестую главу „Основные записи [о деяниях] циньского Ши-хуана“» [72].

Текст шестой главы *Ши цзи* наряду с некоторыми *ле чжуанями* — один из основных источников наших познаний о

[71] Так и у Тацита явления природы и чудесные знамения неизменно служили «вестниками предстоящих бедствий» (Тацит, Сочинения, т. 1—2, СПб., 1886—1887).

[72] ШЦ, т. 6, гл. 130, стр. 3302.

Цинь — первом централизованном государстве в истории Китая. Сведения, приведенные в главе, несмотря на строгие рамки жанра *бэнь цзи,* достаточно разнообразны и позволяют исторической науке определить основные вехи истории империи Цинь. В мировой историографии имеется сравнительно немного работ, специально посвященных периоду Цинь[73]. Это, по-видимому, объясняется относительной ограниченностью источников, усугубленной тем, что в средневековой китайской историографии преобладала тенденция замолчать историю этого периода как историю «незаконной» власти и антиконфуцианского правления. Все это лишь подчеркивает важность изучения *Ши хуан бэнь цзи* как исторического источника. Конечно, нельзя забывать, что Сыма Цянь писал свою историю в годы правления ханьского У-ди, в годы господства конфуцианских представлений об империи Цинь, это не могло не наложить свой отпечаток на 6 гл.

В целом, однако, история империи Цинь предстает у Сыма Цяня как пора больших свершений и острой борьбы. Власть досталась Цинь Ши-хуану нелегко. Помимо затяжной борьбы с княжествами (об этом рассказывалось еще в 5 гл.) ему приходилось справляться с многочисленными мятежами и восстаниями против Цинь (в 246 г.— восстание в Цзиньяне, в 239 г.—мятеж его брата в Туньлю, в 238 г.—мятеж Лао Ая, в 227 г.— покушение Цзин Кэ, в 224 г.— восстание Сян Яня в Чу, и т. п.), бороться с идейными противниками — конфуцианцами. Присоединив к Цинь все княжества, Ши-хуан по совету Ли Сы и других легистов проводит ряд реформ, закрепляющих централизацию и ограничивающих права князей. Ликвидация местных армий и лишение их оружия, унификация мер, законов, письма, повозок, переселение знатных семей в Сяньян, разрушение городских стен и защитных укреплений в столицах князей — таков далеко не полный перечень серьезных мер, осуществленных Цинь Ши-хуаном в стране и нанесших смертельный удар по центробежным тен-

[73] В числе исследований такого рода можно в первую очередь назвать книгу Ян Куаня *Цинь Ши-хуан,* монографию Л. С. Переломова *Империя Цинь* и труд американского ученого D. Bodde *China's first unifier.*

денциям. Историк показывает, какой дорогой ценой достигалось все это. В ответ на сопротивление новой власти применялись строгие наказания, суровому времени соответствовали и суровые нравы. В главе говорится: «[В это время] господствовали твердость, решительность и крайняя суровость, все дела решались на основании законов; [считалось, что] только жестокость и угнетение без малейшего проявления человеколюбия, милосердия и справедливости может соответствовать порядку пяти добродетельных сил [стихий]».

В круг наказанных при этом попадают представители самых разных слоев населения. В 214 г. Ши-хуан собирает всех бежавших от наказаний и повинностей, всех отданных за долги в чужие дома и торговцев и переселяет их в Лулян, перебрасывает ссыльных в новые районы, а в 213 г. ссылает на строительство даже недобросовестных судей. Наказанию подвергаются широкие массы населения, о чем говорит цифра в 700 тыс. преступников, отправленных на строительство дворца Эпангун и царской усыпальницы на горе Лишань (пусть даже сама цифра и преувеличена).

В оценках Сыма Цяня, как уже отмечалось, отдана дань господствовавшим в ханьское время представлениям об империи Цинь. Уже начало главы призвано создать представление о грядущей беде. Год за годом природа насылает на людей всяческие бедствия (244 г.— голод, 243 г.— саранча, 242 г.— зимний гром, 240 г.— комета, 239 г.— рыба уходит в верховья, 238 г.— комета, морозы, 235 г.— засуха, 234 г.— комета, 232 и 230 г.— землетрясения, 228 г.— голод, 226 г.— большой снег, 211 г.— метеориты, и т. д. и т. п.). Эти бедствия выступают как предзнаменования несчастья — прихода к власти деспота.

В главе даны резко отрицательные характеристики Цинь Ши-хуана, вложенные в уста его противников. Вэй Ляо говорит о нем: «Циньский ван человек с крупным носом, удлиненными косыми глазами, с грудью, как у хищной птицы, с голосом, как у шакала. В нем мало доброты, а сердце, как у тигра или волка...». Конфуцианцы Хоу-шэн и Лу-шэн называют его жестоким и деспотичным. К такой оценке, в общем, склонился и Цзя И.

Однако Сыма Цянь все же сумел показать и другую сторону циньского правления, выявить позитивную суть некоторых мер Цинь Ши-хуана. Это ему удалось прежде всего благодаря помещению в текст главы надписей с каменных стел. Именно в этих хвалебных надписях подчеркивается справедливость императора, значение его деяний: «Он истребил и уничтожил сильных и мятежных, спас „черноголовых" от гибели и помог им, утвердив порядок в четырех пределах страны» (стела в Ланъе); «среди простого народа колебаний не было» (стела в Цзе-ши); «Император на широких просторах объединил земли Поднебесной, все бедствия и напасти совершенно прекратились, навсегда было покончено с оружием и войсками» (стела в Чжифу) и т. д. Мы находим в главе критику междоусобиц периода Чжаньго и, следовательно, критику раздробленности страны. Ши-хуан говорит: «Поднебесная страдала от непрерывных сражений и войн, и все из-за *чжухоу* и ванов...» [73а].

Заслугой историка является и объективное изложение взглядов легистов с критикой некоторых конфуцианских положений. Когда Шунь-юй Юэ, прославляя правление Инь и Чжоу, предлагает вновь раздать земли князьям, ибо «...никто еще не слышал о правителях, которые могли бы долго править без подражания древним», Ли Сы развертывает целую концепцию изменчивости условий и связанных с ними форм правления:

«Пять императоров древности не повторяли друг друга, три предшествующие династии не шли по одному и тому же пути, все управляли по-своему, и это происходило не из-за отрицания [порядков] друг друга, а из-за изменений во времени. Ныне Вы, государь, впервые свершили великое дело, сделали то, слава о чем просуществует десятки тысяч поколений, и этого, разумеется, не понять тупому ученому-конфуцианцу. При этом [Шунь-юй] Юэ разглагольствует о деяниях

[73а] Некоторые авторы (Б. Уотсон, Ю. Кроль) считают, что эти надписи были приведены Сыма Цянем для иллюстрации мании величия Цинь Ши-хуана, чтобы тем самым подкрепить общую концепцию гибели Цинь. Мы полагаем, что это верно лишь отчасти.

трех предшествующих эпох, но разве они могут быть образцом для подражания?.. А вот ученые не учатся у современности, изучают лишь древность, чтобы поносить наш век и вносить тем самым сомнения и сеять смуты среди „черноголовых“» [74]. То же утверждает Ланъетайская стела: «При пяти императорах и трех ванах древности знания и наставления не были едиными, законы и правила не были ясными...».

Во всех этих сентенциях находили отражение взгляды легизма, и в частности идеи древнекитайского мыслителя Хань Фэй-цзы. Последний, как писал А. А. Петров, «отрицал абсолютное значение и ценность древней традиции, подражание которой, при игнорировании изменяющихся обстоятельств, приводит к социальному беспорядку» [75]. Развивавшиеся прослойки общества — новая знать, торговцы, военачальники, рабовладельцы предъявляли свои требования к императору. От их имени говорит Чжао Гао: «Мудрый правитель собирает [вокруг себя] и выдвигает людей без положения, делает низких знатными, делает бедных богатыми, а далеких — близкими, в результате между высшими и низшими устанавливается согласие, а в государстве наступает мир» [76].

Немало в главе и конкретных данных из области экономики: мы узнаем, например, что впервые металлические деньги стали применяться в Цинь лишь в 335 г., что в 216 г. *дань* риса стоил 1600 монет — цена, свидетельствующая о серьезном кризисе в империи.

Приводя слова Цзя И, историк формулирует основные причины гибели власти Цинь. Цзя И считает, что из-за отсутствия гибкости в управлении, из-за единообразия методов, примененных при захвате власти и при ее закреплении и удержании, излишней жестокости, а также из-за измены чиновников и отсутствия хороших помощников у преемников Цинь Шихуана империя Цинь быстро пришла к своей гибели. В *Го*

[74] ШЦ, т. 1, стр. 254—255.

[75] А. А. Петров, *Очерки философии Китая*, стр. 259.

[76] ШЦ, т. 1, стр. 268.

Цинь лунь изложена целая программа действий, которая могла бы, по мысли Цзя И, предотвратить полную гибель династии Цинь. Кстати, эти высказывания вызвали резкую реакцию ханьских историографов (в частности, Бань Гу), так как допускали возможность сохранения и продолжения циньской власти и тем самым ставили под сомнение закономерность прихода ханьской династии.

В целом 6 гл. «Исторических записок», несомненно, может служить надежным источником по истории этого интересного периода в жизни китайского народа.

Времени между восстанием против циньской династии и первыми годами власти новой династии Хань (209—195 гг. до н. э.) посвящены 7 и 8 главы *Бэнь цзи,* которые целесообразно рассмотреть совокупно. Седьмая глава — «Основные записи [о деяниях] Сян Юя» повествует о жизни человека, официально не признанного правителем Китая, хотя и сыгравшего *большую роль в истории страны. Включение в «Исторические записки»* биографии Сян Юя причислялось средневековой историографией Китая к «ошибкам» Сыма Цяня. Так подходил к этому ханьский историк Бань Гу, поместивший биографию Сян Юя в раздел *Ле чжуань.* Позднее танский историограф Лю Чжи-цзи писал по этому поводу: «Коль скоро [Сян] Юй узурпировал титул императора, фактически его можно сравнить с разбойником, а был он лишь гегемоном из Западного Чу. Гегемон же — это *чжухоу* тех времен и помещение [описания деяний] простого *чжухоу* в „Основные записи" означает не что иное, как только погоню за дутой славой и попирание действительности, и это совершенно неверно»[77]. Между тем «Основные записи», как мы уже отмечали, не записи об императорах в узком смысле слова, а «Записи об основном», и поэтому Сыма Цянь лишь признавал историческую роль Сян Юя в разгроме империи Цинь и его фактическую власть над значительной частью страны в 206—202 гг. Такое построение позволяло сохранить непрерывность анналов. Наконец, китайский историк использовал рас-

[77] Лю Чжи-цзи, *Ши тун,* кн. 1, гл. 2, стр. 5.

сказ о судьбе Сян Юя для политических уроков будущим правителям.

В 7 и 8 гл. описан более короткий, чем в предыдущих главах, но весьма насыщенный событиями период, когда шла борьба за главенство между двумя основными враждующими лагерями — Сян Юя и Лю Бана. Эта борьба развертывалась в условиях краха империи Цинь и поднявшейся по стране волны народных восстаний.

В 7 гл. детально показаны процесс постепенного возвышения Сян Юя, его заслуги в разгроме циньского воинства, короткий период его гегемонии и кровопролитная война Сян Юя и его сторонников с группировкой Лю Бана, закончившаяся гибелью первого в 202 г. Глава интересна не только описанием сложной междоусобной войны, но и колоритным, полнокровным образом Сян Юя, созданным Сыма Цянем. Сян Юй хитер и жесток. Свою карьеру он начинает с убийства правителя области Туна, с резни в Чэнъяне, убийства Сун И. По его совету были истреблены 200 тыс. сдавшихся в плен циньских солдат. С его именем связаны резня в Сяньяне, разрушения и убийства в княжестве Ци, убийство 100 тысяч солдат у Пэнчэна в 205 г. до н. э. Военачальники говорили о нем: «Сян Юя как человека отличают быстрота, дерзость, хитрость и жестокость. В свое время Сян Юй напал на Сянчэн, и там никого в живых не осталось, он всех казнил. Где бы он ни проходил, все разрушается и уничтожается...». Продолжая ту же мысль, Сыма Цянь в эпилоге говорит: «Действуя как гегемон, [Сян Юй] хотел одной лишь силой и военными походами управлять Поднебесной»[78].

В то же время в главе неоднократно подчеркивается личная храбрость Сян Юя, его военный талант, умение найти подход к солдатам, даже его простодушие и недальновидность в определенных ситуациях. Окруженный врагами, он не печалится о собственной гибели, а раздумывает о причине своих неудач, приписывая все Небу. Устами Лю Бана в обвинительной речи о десяти преступлениях Сян Юя передано не-

[78] ШЦ, т. 1, стр. 339.

годование конфуцианцев поведением последнего, особенно убийством чуского правителя И-ди. Таким образом, описание деяний Сян Юя использовано и для морализирования в связи с его судьбой [79].

Восьмая глава посвящена сопернику Сян Юя — Лю Бану, ставшему первым императором новой династии Хань. Хотя начало главы заполнено разного рода мистикой, в дальнейшем перед читателем встает достаточно реальный облик Лю Бана. Сыма Цянь отнюдь не идеализирует основателя династии, при которой он создавал *Ши цзи*. Давая в целом канонически положительный образ Лю Бана, отмечая его великодушие и любовь к людям, историк сопровождает это показом совсем иных его качеств: высокомерия, наглости, склонности к пьянству. В то же время Лю Бан, по свидетельству Сыма Цяня, ведет достаточно осторожную политику по отношению к народу, советуется со старейшинами, отменяет суровые циньские законы и тем самым постепенно обеспечивает себе победу. Сыма Цянь в этой главе показывает, с каким серьезным сопротивлением столкнулось восстановление единой централизованной власти. Первые годы царствования Гао-цзу — это целая цепь подавленных восстаний (Хуань Вэя, Цзан Ту, Ли Цзи, Синя, Чэнь Си и др.). Материал 8 гл. дает общее представление о процессе создания империи Хань на рубеже III—II вв. до н. э. Большой смысл вложен историком в эпилог 8 гл., в котором излагается целая концепция основ управления государством.

В эпилоге говорится: «Правление дома Ся отличалось прямодушием — *чжун*. Но недостатком такого прямодушия было то, что простые люди оставались неотесанными — *е*, и поэтому иньцы, восприняв правление [от Ся], прибегли к почтительности — *цзин*. Но недостатком такой почтительности

[79] В современной китайской историографии в последние годы вновь обсуждались вопросы, как трактовать роль Сян Юя в истории Китая. В статьях Хэ Цы-цюаня «Сыма Цянь и Сян Юй» и Сюй Лян-цзи «Коротко о Сян Юе» ставятся вопросы о классовой базе Сян Юя и причинах его поражения. Однако в этой дискуссии отразились уже чисто политические аспекты сегодняшнего Китая, не связанные с научным рассмотрением вопроса о Сян Юе.

было то, что простые люди стали суеверными — *гуй,* поэтому чжоусцы, восприняв правление [от иньцев], прибегли к внешней изысканности — *вэнь.* Но недостатком внешней изысканности было то, что простые люди стали неискренними — *сы,* поэтому избавиться от такой неискренности можно, только [вернувшись] к прямодушию.

Таким образом, путь [управления] трех ванов [древности] подобен движению по кругу, закончившись, он начинается вновь...» [80]. В этом примечательном заключении Сыма Цянь изложил свою концепцию исторического кругооборота, назвал главные движущие силы меняющихся обществ и связал их с прошедшими в истории Китая эпохами: Ся, Инь, Чжоу, Цинь, Хань. Как показал в своей работе «Полибий и Сыма Цянь» Н. И. Конрад, концепция этих двух историков есть «философия истории, раскрытая через философию власти» [81].

Главы 9—12 *Бэнь цзи* содержат записи о последовавших за Гао-цзу императорах Хань, правивших на протяжении всего II в. до н. э.: Хуй-ди и Люй-хоу (195—180), Вэнь-ди (179—157), Цзин-ди (156—141) и У-ди (с 140 г.). Это было время, хорошо знакомое отцу и сыну Сыма и частично связанное с их жизнью и работой при ханьском дворе. Поскольку о династии Хань и всем этом периоде имеются многочисленные источники, в частности главы *Хань шу* (основанные на *Ши цзи* и дополненные значительным материалом), анализ историографической ценности соответствующих глав «Основных записей» упрощается.

Девятая глава — «Основные записи [о деяниях] императрицы Люй» — знакомит читателя с правлением первой в истории Китая женщины-императрицы. Хотя формально власть принадлежала сыну Гао-цзу Хуй-ди, а после него еще двум наследникам, по существу делами государства ведала императрица, сильная и властная женщина из рода Люй, и ее родичи, поставленные на главные посты. Включение в *Ши цзи* главы о правлении вдовствующей императрицы, официально не занимавшей трон, также рассматривалось ортодоксальной

[80] ШЦ, т. 1, стр. 393—394.

[81] Н. И. Конрад, *Запад и Восток,* стр. 84.

китайской историографией как нарушение определенных принципов. Бань Гу в *Хань шу,* уступая, по-видимому, критике, несколько погрешил перед истиной и создал две главы, посвященные правлению Хуй-ди (фактически не управлявшему) и Люй-тайхоу. Сыма Цянь в этом случае стоял на более реалистических позициях.

По содержанию 9 гл. не очень богата, заполнена описанием дворцовых назначений, перемещений, борьбы за власть разных кланов, однако в своем послесловии Сыма Цянь дает высокую оценку политического и экономического положения Китая в годы правления императрицы Люй, подчеркивает облегчение тягот народа, спокойствие в стране. Отсюда можно заключить, что основное направление политики Гао-цзу еще сохранялось, хотя в правящей среде происходили постоянные распри.

Десятая глава — «Основные записи [о деяниях] императора Сяо-вэня» — отличается от предыдущей большей насыщенностью фактическим материалом. Именно в этот период Центральный Китай становится объектом нападения кочевых народов — *сюнну.* Их нападения отмечены в 177, 166 и 159 гг. Ханьский двор усиливал оборону и одновременно вел мирные переговоры. Большое место в главе занимают общие сентенции об управлении, о земледелии, о жизни и смерти и др. Образ Вэнь-ди в главе и описание его правления даны в идеализированном плане, перечисление его добродетелей призвано показать, что в это время наступил как бы период образцового правления, соответствующий тому, о котором говорил Конфуций.

В послесловии прямо указано: «Конфуций говорил, что необходимо целое поколение, прежде чем наступит человеколюбивое правление...». Глава призвана убедить в том, что Вэнь-ди создал такое правление. В эдикте его преемника говорилось: «[В годы, когда] император Сяо Вэнь-ди правил Поднебесной, он открыл заставы и мосты, и далекие земли стали как близкие. Он отменил наказания за злословие и наговоры, отказался от тяжелых телесных наказаний, награждал и одаривал старших и старых, заботился о сирых и оди-

ноких, чтобы тем самым воспитать всех живущих на земле. [Император] старался обуздать свои пристрастия и желания, не принимал подношений, не гнался за личной выгодой. [Он] не превращал в рабов семьи преступников, не казнил невиновных, отменил наказание кастрацией...»[82]. Ясно, что 10 гл. *Бэнь цзи,* если не выражать сомнений в ее принадлежности кисти Сыма Цяня, следует рассматривать как апологетику конфуцианской доктрины в вопросах управления обществом. Глава в какой-то степени опровергает, как и многие другие главы, тезис некоторых ученых о приверженности историка только даосским взглядам.

Небольшая 11 гл. знакомит нас с правлением ханьского Сяо-цзина. Судя по изложению, Сяо-цзин продолжал линию своего добродетельного отца. Но картина жизни Китая, данная в этой главе, менее благополучна, чем в предыдущей. Чуть ли не каждый год правления Сяо-цзина отмечен стихийными бедствиями и грозными явлениями: засухи, землетрясения, ураганы, затмения чередуются с неумолимой последовательностью. Возобновляются набеги *сюнну.* В главе сообщается, что император принимает срочные меры: в 156 г. подать за пахотные земли сокращается наполовину, в том же году составляются военные списки, в 143 г. проводятся меры по экономии продовольствия. Серьезно потрясло империю восстание семи ванов в 154 г., которое с трудом удалось подавить. В целом 11 гл. дает важный историографический материал по своему периоду, в некоторых вопросах уникальный.

Что касается 12 гл. *Бэнь цзи,* то, коль скоро ее текст не может быть нами признан аутентичным (см. выше), ее характеристика представляется излишней.

В главах «Основных записей» содержится также значительное число фактов и сведений о духовной жизни китайцев, об их верованиях и культах. Хотя все эти материалы разбросаны и довольно отрывочны, но даже отдельные упоминания об обрядах и обычаях того времени все же дают общее представление об идеологии чжоусцев и ханьцев, их

[82] ШЦ, т. 1, стр. 436.

религиозных представлениях и ритуалах. В совокупности с описаниями этих сюжетов в древней литературе, с археологическими и этнографическими данными *Бэнь цзи* помогают глубже понять верования и культы древнего Китая. Главы убеждают в том, что, как и у других древних народов, в Китае существовали тотемистические и анимистические верования, культ космических сил, культ мертвых, разнообразные магические обряды, жертвоприношения — все то, что было характерно для древних эпох человечества.

Конечно, те верования, обычаи и обряды эпох Ся, Инь и Чжоу, которые описаны в главах «Основных записей», созданных историком в II—I вв. до н. э., в период первой Ханьской империи, не адекватны тем, которые существовали за тысячелетие или 500 лет до Сыма Цяня. За большой исторический период в сложных условиях развития древнего общества они изменялись, модифицировались, приспосабливались к действительности, постепенно перерабатывались в единую синтезированную систему. Но, несмотря на все это, память человеческая, предания и легенды, летописи и памятники многое сохранили ко времени создания *Ши цзи*, и историк умело использовал доступный ему письменный и фольклорный материал.

О сохранившихся пережитках тотемистических верований говорят названия некоторых родов (род Хуан-ди, например, назывался Ю-сюн — «владеющий медведем»), имена диких животных, за которыми стояли племенные тотемы (барсы, леопарды, ягуары, тигры — 1 гл.), названия древних управителей («облачные управители», «огненные управители») и т. д.

Анимизм особенно широко представлен в *Бэнь цзи*. Пантеон богов и духов обитателей древнего Китая был многообразен и сложен. Наряду с почитанием Верховного владыки и божества Шан-ди — главы всех потусторонних сил, некоей высшей управляющей силы (ему приносилась жертва *лэй*) существовали культы Неба и Земли, обожествлялись небесные светила, ветер, гром, дождь и другие природные явления, в борьбе с которыми рос древний насельник китайской равни-

ны. Небо, по древним представлениям, делилось, кроме того, на четыре стороны света, каждая из которых отождествлялась с духом какого-либо необыкновенного животного: Восток — с синим драконом, *цан лун*; Запад — с белым тигром, *бай ху;* Север — с черной черепахой, *сюань у;* Юг — с красной птицей, *чжу-няо.* С древнейших времен, и особенно в эпоху Чжоу, китайцы почитали духов пяти священных гор: Тайшань, Суншань, Хуашань, Хэншань, Хошань; духов четырех важнейших рек: Янцзы, Хуанхэ, Хуайхэ, Цзишуй; духов холмов и низин. В *Бэнь цзи* встречаются неоднократные упоминания о службах и жертвах духам гор, рек и небесных светил: жертвы *инь, ван,* «шести почитаемым» и др.

Важнейшее место занимал, конечно, культ Неба и Земли. Воля Неба выступает как высший судья и арбитр, олицетворение высшей целесообразности. Большую роль играло и поклонение духу Земли, особенно усилившееся с переходом китайских племен к земледелию. Прародитель ханьцев легендарный Хуан-ди — «Желтый император» — олицетворение стихии земли. Вспомним, как сяский Ци («Государь-просо») угрожал непокорным и нерадивым: «Кто не выполнит моего приказа, будет казнен перед [алтарем] духа Земли» (гл. 2). Это считалось высшим позором.

Система духов и божеств была в древнем Китае, как это отражено в *Бэнь цзи,* дополнена почитанием духов предков, их обожествлением. Когда в 1 гл. говорится о «трех ритуалах», имеются в виду: служение духам Неба — *тянь шэнь,* служение духам Земли — *ди чжи,* служение духам людей — *жэнь гуй.* По представлениям эпохи Чжоу, в человеке существовали материальная субстанция *по* и духовная субстанция *хунь.* Первая после смерти человека уходит в землю и превращается в земной дух *гуй,* а вторая возносится на небо и превращается в небесный дух *шэнь.* В *Бэнь цзи* часты упоминания о жертвах и службах в честь *гуй шэнь,* т. е. земных и небесных духов людей, предков, у которых живые испрашивают советов и благословения. Души предков, гласит легенда, явились на музыку Куя. Иньский царь Кун-цзя (2 гл.) благоговейно почитал земных и небесных духов предков. По-

клонение духам умерших предков привело к созданию системы жертвоприношений, храмов и алтарей предков, сложного ритуала траура, культа стариков. У ванов и князей в честь предков создавалась целая система храмов в зависимости от знатности и положения того или иного правителя. Храмов могло быть 7, 5, 3, 1. Сложный ритуал жертвоприношений поддерживал этот мертвящий культ.

Большую роль в идеологии древних китайцев играли гадательные (мантические) обряды. Главы *Бэнь цзи* дают материал для понимания некоторых явлений в этой области. Упоминаются гадания на костях животных, на стеблях тысячелистника, а позднее триграммы и гексаграммы *Ицзина*, к помощи которых прибегали во многих случаях жизни. Гадатели и прорицатели занимали почетное место при дворах князей и императоров. Была создана наука о влиянии местности на судьбы царств — геомантия. Так, иньский Пань-гэн при переселении, чжоуский ван при выборе столицы испрашивали совета оракула. Когда Эр Ши-хуан увидел во сне, как белый тигр загрыз его пристяжную, то гадатель объяснил это гневом духа реки Цзиншуй и потребовал принесения новых жертв. Родственник Лю Бана, Дай-ван, прежде чем принять ханьский престол, обратился к оракулу, только получив положительный ответ, принял власть. Из истории со слюной дракона (гл. 4) мы узнаем о магических обрядах выставления обнаженных женщин для борьбы с нечистой силой. Число примеров такого рода можно умножить.

Таким образом, изучение глав *Бэнь цзи* историками и этнографами сможет дать науке новые данные о верованиях и культах, показать их тесную связь с политикой правящих классов, раскрыть более полно всю сложную систему религиозных представлений, философских взглядов и мышления древних китайцев.

* * *

Краткий разбор глав «Основных записей», сделанный в данной статье, позволяет дать общую оценку анналов, являю-

щихся, как уже подчеркивалось, лишь частью «Исторических записок» и общей канвой древней истории Китая.

Бэнь цзи — источник своеобразный. Иногда целые страницы отведены утомительному перечислению имен сменяющих друг друга правителей, географических пунктов, перипетиям борьбы князей, передвижения войск. Но эти обычные для древних летописей хронологические и генеалогические подробности перемежаются у Сыма Цяня фактами реальной жизни, речами действующих лиц (скорее всего придуманными самим историком или взятыми из фольклорной, былинной традиции), сентенциями самого Сыма Цяня или других философов и ученых эпохи, в которых раскрывается мораль правящих классов, философские идеи, государственные устои и установления, обычаи и верования. Подобные сведения, которых в «Основных записях» немало, и составляют главную ценность переведенных глав. Исследователь древнекитайского общества увидит в этих 12 главах достаточно отчетливую картину жизни Китая тех столетий.

Разумеется, в *Бэнь цзи* не все периоды освещены с одинаковой полнотой. Так, например, около половины четвертой главы занято подробным описанием прихода к власти и царствования первых чжоуских правителей — Вэнь-вана и У-вана, описанием, во многом придуманным и далеким от реальности, в то время как на остальные 600—700 лет чжоуского господства отпущено сравнительно немного места, поэтому периоды Чуньцю и Чжаньго освещены слишком коротко. Та же неравномерность заметна в 7 и некоторых других главах. Объяснить это можно только увлеченностью историка, его желанием изложить определенные концепции и идеи, порождавшим акценты и тенденции в освещении различных проблем и периодов. Для Сыма Цяня история была наполнена примерами хорошего и плохого управления, достойного и недостойного поведения сильных мира сего, на этих уроках и должны были учиться читающие *Ши цзи*. В *Бэнь цзи* примеры такой точки зрения мы находим в 6—8, 11 главах. Следует помнить также, что те же периоды Чжоу или Хань нашли более полное и детальное отражение в других разделах «Историче-

ских записок»: *Ши цзя* и *Ле чжуань*, где изложение истории отдельных царств и домов, жизнеописания государственных мужей, военачальников, философов позволяют полнее проследить все стороны общественной жизни тех веков. *Бэнь цзи* служат как бы отправным началом, общей схемой событий, сконцентрированных вокруг правящего дома. Поэтому было бы преждевременно, на наш взгляд, делать выводы об историческом методе Сыма Цяня, его философских воззрениях только на основе *Бэнь цзи*. Следует, однако, подчеркнуть особую историографическую ценность этой части «Исторических записок», особенно в отношении древнейших периодов, по которым совершенно отсутствуют другие источники. Творение великого китайского историка, созданное более двух тысяч лет тому назад, безусловно заслуживает пристального и глубокого внимания в любой его части.

Р. В. Вяткин

ОСНОВНЫЕ ЗАПИСИ БЭНЬ ЦЗИ

ГЛАВЫ 1-4

ГЛАВА ПЕРВАЯ

У ДИ БЭНЬ ЦЗИ[1] — ОСНОВНЫЕ ЗАПИСИ [О ДЕЯНИЯХ] ПЯТИ[2] ИМПЕРАТОРОВ[3]

Хуан-ди[4] — потомок [рода] Шао-дянь[5], носил фамилию Гунсунь и имя Сюань-юань. От рождения он обладал необыкновенными дарованиями, младенцем уже умел говорить, в детстве отличался смышленостью, в отрочестве — сообразительностью, а став совершеннолетним, проявлял большую ясность ума.

Ко времени Сюань-юаня род Шэнь-нуна[6] хирел из поколения в поколение. Владетельные князья — *чжухоу*[7] нападали друг на друга, мучили и терзали народ — *байсинов*[8], но род Шэнь-нуна не был в состоянии покарать *чжухоу*. Тогда Сюань-юань стал упражняться в применении щита и копья, чтобы покарать тех, кто не являлся с дарами[9], и все владетельные князья прибыли ко двору с изъявлением учтивости и покорности. Только одного Чи-ю, отличавшегося наибольшей жестокостью, никак не удавалось покарать[10].

[Когда] Янь-ди возымел желание урезать в правах и владениях *чжухоу*, все владетельные князья стали переходить на сторону Сюань-юаня. Сюань-юань стал тогда совершенствовать свои добродетели и поднимать военное дело. Он упорядочил пять стихий, насадил пять видов злаков[11], успокоил народ, навел порядок в четырех частях страны, обучил [воинов, как] черных и бурых медведей, барсов, леопардов, ягуаров и тигров[12], и сразился с Янь-ди на поле у Баньцюань[13]. После трех сражений [Сюань-юань] осуществил свои устремления. Только Чи-ю поднял бунт и не подчинялся повелениям

императора. Тогда Хуан-ди призвал войска владетельных князей и сразился с Чи-ю на поле у Чжолу [14], захватил Чи-ю и убил его. После чего все владетельные князья провозгласили Сюань-юаня Сыном Неба [15], сменив [таким образом] род Шэнь-нуна. Так вот и стал Хуан-ди императором.

Если кто-нибудь в Поднебесной не подчинялся, Хуан-ди выступал и карал его, а успокоив, уходил оттуда [16]. [Хуан-ди] расчищал горные склоны и прокладывал дороги, никогда не пребывая в покое. На востоке он доходил до моря и поднимался на гору Хуаньшань [17] и гору Дайцзун [18], на западе доходил до Кунтуна и поднимался на гору Цзитоу [19], на юге добирался до реки Янцзы и поднимался на горы Сюншань и Сяншань [20], на севере [Хуан-ди] прогнал *сюньюйцев* [21], сверил верительные бирки [князей] на горе Фушань [22] и создал поселение у Чжолу. Переезжая то туда, то сюда и не занимая постоянного места, [Хуан-ди] использовал [обычно] воинов для *защиты своей ставки* [23].

Для названия всех чиновников [Хуан-ди] использовал [слово] «облако», назначив «облачных управителей» [24]. Поставил левого и правого великого надзирателя, чтобы наблюдать за всеми владениями. [Когда же] между всеми владениями установился мир, [Хуан-ди] принес наибольшее число жертв, [чем кто-либо до него], духам людей и небесным духам, горам и рекам [25]. [Он] нашел драгоценный треножник и рассчитал грядущие дни по тысячелистнику [26]. Назначил Фэнхоу, Ли-му, Чан-сяня и Да-хуна управлять народом [27]. [Хуан-ди] следовал законам Неба и Земли, гаданиям по темному и светлому, толкованиям о жизни и смерти, превратностям существования и гибели [28].

[Он] своевременно сеял все злаки и травы, [сажал] деревья, приручал и разводил птиц, зверей, червей и бабочек, наблюдал за солнцем, луной, звездами и созвездиями [29], добывал землю, камни, металлы и яшму, в трудах не жалел своих способностей и сил, ушей и глаз, бережливо использовал воду, огонь, лес и другие богатства [30]. Поскольку [в свое время] появилось благовещее знамение стихии земли, его прозвали Хуан-ди («Желтый император»).

У Хуан-ди было двадцать пять сыновей, из которых четырнадцать, [возглавив роды], получили фамилии[31].

Хуан-ди жил в поселении Сюаньюань[32], а женился на девушке из [рода] Силин, это была Лэй-цзу. Лэй-цзу стала старшей женой Хуан-ди[33]. Она родила двух сыновей, потомки которых владели Поднебесной. Первого сына звали Сюань-сяо, это был Цин-ян[34]. Цин-яна пожаловали [владением] и поселили на реке Цзяншуй. Второго сына звали Чан-и, его пожаловали [владением] и поселили на реке Жошуй[35]. Чан-и взял в жены девушку из рода Шушань по имени Чан-пу, которая родила Гао-яна. Гао-ян обладал совершенными добродетелями.

[Когда] Хуан-ди скончался, его похоронили на горе Цяошань[36]. На престол вступил его внук Гао-ян — сын Чан-и. Это и был император Чжуань-сюй.

Император Чжуань-сюй, по прозвищу Гао-ян, был внуком Хуан-ди и сыном Чан-и[37]. Он был спокойным и глубоким в своих замыслах и решал дела, вникнув в их суть. [Он] создавал богатства, сообразуясь с особенностями земли[38]; действовал, исходя из сезонов года, беря пример с Неба; устанавливал отношения людей, подражая духам людей и небесным духам[39]; управлял стихиями с целью просветить и изменить [людей]; очищал свое тело и сердце, чтобы совершать жертвоприношения. [Вот почему] на севере вплоть до Юлина, на юге до Цзяочжи, на западе до Люша, на востоке до Паньму[40] все что [в этих пределах] двигалось и было неподвижно, все большие и малые духи[41], все, освещаемое солнцем и луной, смирилось и подчинилось ему.

У императора Чжуань-сюя родился сын по имени Цюншань[42]. Когда Чжуань-сюй скончался, на престол вступил его внук Сюань-сяо, по прозвищу Гао-синь, это был император Ку[43]. Император Ку, по прозвищу Гао-синь, был правнуком Хуан-ди, отца Гао-синя звали Цзяо-цзи, отца Цзяо-цзи звали Сюань-сяо, отца Сюань-сяо звали Хуан-ди. Ни Сюань-сяо, ни Цзяо-цзи не стояли у власти, и только Гао-синь занял императорский престол. Гао-синь был связан с Чжуань-сюем кровным родством[44].

Гао-синь от рождения обладал необыкновенными способностями и, [родившись], сам назвал свое имя. Он повсюду приносил пользу всему живому, не думая о себе. Обладая прозорливостью, [он] знал о самом далеком, отличаясь проницательностью, вникал в самое малое, следуя справедливости, установленной Небом, знал нужды народа. [Гао-синь] был человеколюбив и строг, милостив и тверд в своем слове, совершенствовал себя, и Поднебесная подчинилась ему. [Он] брал богатства у земли и бережно использовал их; ласково наставлял народ[45] и учил его получать выгоду; исчислял движение солнца и луны, встречая и провожая их; распознавал духов и с почтением служил им. Внешность его была величественной, а добродетели высокими. Действия его были всегда своевременными, а одежда — как у простого чиновника[46]. Император Ку отличался беспристрастностью, распространяя ее на всю Поднебесную, и [поэтому] все, освещаемое солнцем и луной, овеваемое ветром и омываемое дождем, подчинялось ему.

Император Ку взял в жены девушку из рода Чэньфэн, которая родила Фан-сюня, взял в жены девушку из рода Цзюйцзы, которая родила Чжи[47]. [Когда] император Ку скончался, его сменил Чжи. [Но], находясь на престоле, император Чжи оказался плохим [правителем][48]. Когда он умер, на престол взошел его младший брат Фан-сюнь. Это был император Яо.

Императора Яо [звали] Фань-сюнь, в человеколюбии он был подобен Небу, а в знаниях подобен небесным духам. К нему устремлялись, как к солнцу, на него взирали, как на [благодатное] облако. Будучи богатым, он не был заносчивым, будучи знатным, он не был надменным. [Яо] носил желтую шапку и простую черную одежду, ездил в красной повозке, запряженной белой лошадью.

[Яо] сумел проявить добродетели, ведущие [людей] к повиновению, и с их помощью сблизил [все] девять поколений[49]. [Когда] среди девяти поколений установилось согласие, [он] навел порядок среди *байсинов* и просветил их[50]. [Когда] *байсины* просветились, [он] объединил и привел к согласию десять тысяч владений[51].

Затем [он] повелел Си и Хэ[52] почтительно следовать [законам] Великого Неба, исчислять [движение] солнца, луны, звезд и созвездий и со старанием сообщать народу о сроках [работ]. [Он] повелел Си-чжуну поселиться в Юйи, [в месте], называемом Янгу, [чтобы] оттуда с почтением сообщать о появлении солнца и регулировать ход весенних работ, а в день весеннего равноденствия по звезде Няо определять второй месяц весны[53]. В это время народ разделялся[54], птицы откладывали яйца, у животных происходила случка.

И еще повелел Си-шу поселиться в Наньцзяо[55], регулировать ход летних работ, чтобы достигать [поставленной цели], а в день летнего солнцестояния по звезде Хо[56] правильно определять второй месяц лета. В это время народ следовал [на поля], птицы сбрасывали [перья], а животные линяли.

И еще повелел Хэ-чжуну поселиться на западных землях, [в месте], называемом Мэйгу, [чтобы] оттуда с почтением сообщать об уходе [летнего] солнца и регулировать ход осенней уборки, а в день осеннего равноденствия по звезде Сюй[57] правильно определять второй месяц осени. В это время народ успокаивался[58], птицы и животные обрастали перьями и шерстью.

И еще повелел Хэ-шу поселиться на севере, [в месте], называемом Юду[59], [чтобы] регулировать [работы], наблюдать за спячкой животных, а в день зимнего солнцестояния по звезде Мао[60] правильно определять второй месяц зимы. В это время народ собирался в тепле, а животные и птицы [были уже] покрыты шерстью и перьями.

Год состоял из трехсот шестидесяти шести дней, а с помощью добавочного месяца выправлялись четыре времени года. Все чиновники надлежаще наставлялись, и [поэтому] все дела процветали[61].

Яо спросил: «Кто сможет успешно продолжить мое дело?» Фан-ци ответил: «Ваш сын, [наследник] Дань-чжу, весьма просвещен». Яо на это сказал: «Ну нет! Он упрям и свиреп, [поэтому] не годится»[62]. Яо снова спросил: «Кто же сможет?» Хуань-доу ответил: «Гун-гун[63] повсюду приумножает и распространяет [свои] заслуги, его можно поставить». Яо на это

сказал: «Гун-гун красиво говорит, но стремления его низки. С виду он кажется почтительным, [но на деле] пренебрегает Небом[64]. Он не годится». Яо снова сказал: «О мои помощники — *сыюэ*![65] Бушующие воды разлились до небес, беспредельно распространяясь, они окружили горы и залили холмы, из-за этого народ, живущий в низинах, пребывает в печали[66]. Есть ли такой, которому можно поручить обуздать [воды]?». Все ответили, что Гунь сможет. [Но] Яо сказал: «Гунь нарушает приказы и вредит сородичам, он не годится». *Сыюэ* тогда сказали: «Других нет! Испытайте [Гуня], если окажется неподходящим — уберете». После этого Яо послушался своих помощников и использовал Гуня [на работе]. Прошло девять лет, [но] Гунь не добился успеха. Яо тогда снова сказал: «О *сыюэ*! Я нахожусь на престоле уже семьдесят лет, кто из вас мог бы, следуя воле Неба, встать на мое место?»[67] Его помощники в ответ сказали: «Низки наши добродетели, мы [только] опозорим трон императора». Яо сказал: «Тогда предложите кого-нибудь из моих знатных родичей или из живущих далеко [от меня] и пребывающих в безвестности!» Приближенные ответили: «Есть одинокий человек, живущий среди народа, зовут его юйский Шунь». Яо сказал: «Да, я слышал о нем. Каков же он?» *Сыюэ* ответили: «[Он] — сын слепого, отец [его] склонен к порокам, мать — сварлива, младший брат — заносчив, но [Шунь] своей сыновней почтительностью умеет поддерживать [среди них] согласие, постепенно направляя [их] к добру, так что они не дошли до преступления». Яо воскликнул: «Я испытаю его!» После чего отдал [Шуню] в жены двух своих дочерей[68], [чтобы] посмотреть, как [повлияют] его добродетели на двух женщин.

Шунь приказал поселить женщин на реке Гуйжуй[69], и они [строго] блюли обязанности жен. Яо одобрил это и приказал тогда Шуню со старанием привести в гармонию пять отношений[70], с тем чтобы им можно было следовать. Так [пять отношений] проникли в среду чиновников, и все чиновники вовремя стали исполнять свои дела[71].

[Шунь] принимал приезжающих у четырех ворот[72], и у ворот царил строгий порядок, а владетельные князья и при-

бывающие из дальних мест гости все держались с почтением. Затем Яо послал Шуня в горы, поросшие лесом, и в низины, пересеченные реками. Там свирепствовали ураганы и сильные грозы, но Шунь не сбился с пути. Яо стал считать Шуня совершенномудрым и, призвав его, сказал: «Три года твои планы были совершенны, а слова приводили к успеху. Ты вступишь на императорский престол». Шунь стал отказываться, уступая [более] добродетельным и не выразив радости[73]. [Однако] в первый день первой луны Шунь принял дела управления в [храме] Вэнь-цзу. Вэнь-цзу был великим предком Яо[74].

И вот император Яо, состарившись, приказал Шуню управлять делами от имени Сына Неба, чтобы посмотреть, какова будет воля Неба[75]. Шунь тогда стал наблюдать в астролябию *сюань-цзи юй-хэн,* [чтобы проверить] расположение семи ведущих [светил][76]. Вслед за тем Шунь [принес] жертву *лэй* верховному владыке, жертвы *инь* — шести почитаемым, жертвы *ван* — горам и рекам, жертвы *бянь* — различным духам[77].

[Шунь] собрал пять знаков власти[78], выбрал благоприятный месяц и день для приема всех старейшин и вождей и для вручения им знаков [их] власти[79].

Во второй луне [Шунь] выехал на восток для объезда владений. Доехал до горы Дайцзун, возжег [там жертвенный] костер и по порядку принес жертвы горам и рекам.

Вслед за тем [Шунь] принял вождей восточных земель, привел в соответствие сезоны и месяцы и выправил [обозначения] дней[80], ввел одинаковые музыкальные тоны, меры длины, объема и веса, упорядочил пять ритуалов[81], установил подношения пятью видами яшмы, шелком трех цветов, двумя живыми и одной мертвой тварью[82]. [Что касается] пяти драгоценных изделий из яшмы, то по окончании представления их возвращали обратно[83].

В пятой луне [Шунь] выехал на юг для объезда владений, в восьмой луне выехал на запад для объезда владений, в одиннадцатой луне выехал на север для объезда владений и везде действовал, как в первой поездке. Возвратившись,

[Шунь] проследовал в храм предков, где принес в жертву особого быка.

Каждые пять лет [Шунь] совершал один объезд [владений], а *чжухоу* представлялись [ему] четыре раза. Владетельные князья подробно докладывали ему о положении [дел] по разговорам [людей], [они] ясно проверялись по [своим] успехам и [награждались] повозками и одеждой по заслугам[84].

[Шунь] впервые учредил двенадцать областей[85] и прочистил [русла] рек. Закон он построил на определенных наказаниях: ссылкой смягчались пять [тяжелых] наказаний[86], плеть служила для наказания чиновников, палки — для наказания при обучении, золото — для откупа от наказания. Нанесение вреда по ошибке прощалось, упорство до конца в преступлении наказывалось.

Достойно уважения! Достойно уважения! Ведь наказания применялись умеренно![87]

Когда Хуань-доу выдвинул Гун-гуна, Яо говорил, что он не подходит, [но все же] испытал его [на должности] смотрителя работ. Гун-гун действительно оказался порочным и злым. [Когда] *сыюэ* предложили Гуня для обуздания разлившихся вод, Яо считал, что он не подходит, но помощники настойчиво просили испытать его. Гуня испытали, однако успеха он не добился, и народ поэтому оказался в затруднении.

[Кроме того, племена] *саньмяо* неоднократно поднимали восстания между реками [Янцзы]цзян и Хуай[хэ] и в области Цзинчжоу[88]. Поэтому Шунь, возвратившись, доложил [обо всем] императору и просил сослать Гун-гуна в Юлин, чтобы повлиять на племена *ди* на севере; изгнать Хуань-доу в Чуншань, чтобы повлиять на племена *мань* на юге; переселить *саньмяо* в Саньвэй, чтобы повлиять на племена *жун* на западе; выслать Гуня в Юйшань, чтобы повлиять на племена *и* на востоке[89]. [После того как] все четверо были наказаны, вся Поднебесная покорилась[90].

Пробыв на престоле семьдесят лет, Яо обрел Шуня. Через двадцать лет [после этого] Яо состарился и повелел Шуню править от имени Сына Неба и представил его Небу. Через двадцать восемь лет после того, как Яо отошел от управления, он

скончался[91]. *Байсины* были глубоко опечалены, словно лишились отца или матери. Три года во всех четырех сторонах не играли на музыкальных инструментах, скорбя о Яо.

Яо, зная, что сын Дань-чжу непохож [на него] и недостоин, [чтобы ему была] вручена Поднебесная, стал [думать] о передаче власти Шуню: [он считал, что, если] передать управление Шуню, от этого выиграет Поднебесная, но пострадает Дань-чжу; [если] передать управление Дань-чжу, от этого пострадает Поднебесная, но выиграет Дань-чжу.

Яо сказал: «Ни в коем случае не нанесу вреда Поднебесной ради выгоды одного человека»,— и вручил в конце концов Поднебесную Шуню. По окончании трехгодичного траура после кончины Яо Шунь уступил престол Дань-чжу и удалился на юг от Наньхэ[92]. Владетельные князья, приезжавшие представиться ко двору, направлялись не к Дань-чжу, а к Шуню; все, у кого были тяжбы и жалобы, тоже направлялись не к Дань-чжу, а к Шуню. А те, кто слагал песни, воспевали не Дань-чжу, а Шуня. [Тогда] Шунь сказал: «[Такова воля] Неба!» — после чего направился в Срединное владение и вступил на престол Сына Неба. Это и был император Шунь.

Юйский Шунь носил имя Чун-хуа[93]. Отца Чун-хуа звали Гу-соу, отца Гу-соу звали Цяо-ню, отца Цяо-ню звали Гоу-ван, отца Гоу-вана звали Цзин-кан, отца Цзин-кана звали Цюн-шань, отца Цюн-шаня звали император Чжуань-сюй, а отца Чжуань-сюя звали Чан-и — до Шуня прошло семь поколений. От Цюн-шаня до императора Шуня все занимали низкое положение, будучи простолюдинами[94].

Отец Шуня Гу-соу был слепым. Когда умерла мать Шуня, Гу-соу снова женился, и у него родился сын Сян. Сян [отличался] заносчивостью. Гу-соу любил сына от второй жены и поэтому много раз хотел убить Шуня, [но] Шунь убегал и скрывался. Когда [Шунь] совершал небольшой проступок, он [послушно] принимал наказание. [Шунь] покорно служил отцу, мачехе и младшему брату, каждодневно проявлял искренность и почтительность, ни в чем не допуская нерадивости.

Шунь был уроженцем области Цзичжоу. Он обрабатывал землю у гор Лишань, ловил рыбу в озере Лэйцзэ, гончарничал

на берегу [Хуан]хэ, изготовлял домашнюю утварь в Шоуцю, в нужное время отправлялся в Фуся, [чтобы торговать][95]. Отец Шуня Гу-соу был склонен к порокам, мачеха — сварлива, а младший брат Сян — заносчив, и все они хотели убить Шуня. Но Шунь покорно следовал [их воле], не нарушая сыновнего долга, дружески относился к младшему брату и почтительно к мачехе[96]. Когда хотели убить Шуня, то не находили его, когда же [от него] что-то требовали, он всегда оказывался рядом.

К двадцати годам Шунь прославился своей сыновней почтительностью. Ему было тридцать лет, когда Яо спросил, кого можно использовать [для управления], и его *сыюэ* рекомендовали юйского Шуня, сказав, [что он] подходит. Вслед за тем Яо отдал Шуню в жены двух дочерей, чтобы посмотреть за ним в семье, и послал девять сыновей пожить вместе с ним, чтобы посмотреть за ним вне семьи.

Шунь жил на реке Гуйжуй, держа семью в строгости. [Поэтому] дочери Яо не осмеливались кичиться своей знатностью и прислуживали родственникам Шуня, полностью соблюдая обязанности жен. С еще большим почтением держались девять сыновей Яо.

[Когда] Шунь обрабатывал землю у гор Лишань, все, кто жил у этих гор, стали уступать друг другу межи; [когда] он ловил рыбу на озере Лэйцзэ, все, жившие у этого озера, стали уступать друг другу места; [когда] он гончарничал на берегу реки [Хуан]хэ, вся посуда, выделываемая на берегу [Хуан]хэ, больше не имела изъянов.

По прошествии года в месте, где жил Шунь, образовывался поселок, через два года образовывалось селение, через три года образовывался городок[97].

[Видя все это], Яо подарил Шуню одежду из тонкой ткани, [музыкальный инструмент] *цинь*, построил ему амбары и дал волов и баранов.

Гу-соу по-прежнему хотел убить Шуня, поэтому велел ему залезть наверх, обмазать глиной амбар, сам же внизу развел огонь и поджег строение. Тогда Шунь, защитив себя

двумя соломенными шляпами, спустился вниз и ушел, избежав смерти. Позднее Гу-соу заставил Шуня рыть колодец. Копая колодец, Шунь сделал потайное отверстие, выходящее вбок. Когда Шунь углубился, Гу-соу вместе с Сяном сбросили вниз землю и засыпали колодец, но Шунь выбрался через потайное боковое отверстие и ушел. Гу-соу и Сян радовались, считая, что Шунь уже мертв.

Сян сказал: «Главный зачинатель этого плана — я, Сян». Поэтому, когда Сян начал делиться с отцом и матерью [тем, чем владел Шунь], он сказал: «Я, Сян, возьму себе двух дочерей Яо — жен Шуня и *цинь*, а волов, баранов и амбары отдам вам, отец и мать». Затем Сян поселился в доме Шуня и стал играть на его *цине*.

Шунь отправился повидаться с ним. Сян, [увидев Шуня], оторопел и не обрадовался, [но] сказал: «Я думал о тебе, Шунь, действительно с глубокой печалью!» Шунь ответил: «В самом деле, тебе близки такие чувства!»[98] Шунь вновь стал служить Гу-соу, еще больше любить брата, проявляя старание. После этого Яо испытал Шуня на [распространении] пяти отношений, и все чиновники [стали хорошо] управлять.

В прошлом в роду Гао-яна было восемь талантливых потомков, они приносили пользу миру, и их прозвали «восемь приветливых». В роду Гао-синя [тоже] было восемь талантливых потомков, которых мир прозвал «восемь умелых»[99]. Эти шестнадцать родов из поколения в поколение приумножали свои совершенства и не роняли своего имени. Так продолжалось до Яо, но Яо не сумел их использовать. Шунь же выдвинул «восемь приветливых» и поручил им управление землей, они начали [успешно] распределять дела, и всякая работа стала выполняться своевременно; выдвинул «восемь умелых», приказав им во всех четырех сторонах распространять пять правил поведения, [тогда] отцы стали справедливыми, матери любящими, старшие братья дружественными к младшим, младшие братья уважающими старших, сыновья почтительными к родителям, [и тогда] внутри, в семьях, установилось спокойствие, а вне, в обществе, наступил мир[100].

В прошлом в роду императора Хуна был бесталанный

потомок, который устранял справедливых, покрывал преступных [101] и охотно творил всякие злодеяния, [за что] в Поднебесной его прозвали «Хунь-дунь» («Беспорядочный») [102]. В роду Шао-хао [тоже] был бесталанный потомок, который вредил честным, ненавидел преданных, ценил и умел приукрашивать дурные речи, [за что] в Поднебесной его прозвали «Цюн-ци» («Странный») [103].

[И] в роду Чжуань-суя был бесталанный потомок, которого невозможно было наставить [на путь истинный], который не хотел понимать обращенных к нему слов, за что в Поднебесной его прозвали «Тао-у» («Упрямец») [104]. Эти три рода причиняли [большое] беспокойство миру. Так продолжалось до Яо, но Яо тоже не смог избавиться [от них].

Был и в роду Цзинь-юнь бесталанный потомок, жадный до питья и еды, алчный до богатств и подарков, за что в Поднебесной его прозвали «Тао-те» («Жадина»). Поднебесная ненавидела его и сравнивала с первыми тремя злодеями [105]. Когда Шунь стал принимать приезжающих [ко двору] у четырех ворот, он сослал эти четыре злодейских рода, переселив их на четыре окраины для отражения горных и лесных демонов [106], после чего открыл четверо ворот и заявил, что злодеев [в царстве] больше нет.

Когда [как-то] Шунь вошел в большой лес на склоне горы и под сильным ветром и грозовым дождем не сбился с пути, Яо понял, что Шунь достоин того, чтобы ему была вручена Поднебесная. Состарившись, Яо повелел Шуню править от имени Сына Неба и объезжать владения.

С того времени как Шунь был выдвинут, он занимался делами [управления] двадцать лет, после чего Яо повелел ему править [Поднебесной] за него. Шунь правил от имени Сына Неба восемь лет, когда скончался Яо. По окончании трехлетнего траура [Шунь] уступил престол Дань-чжу, но Поднебесная обратилась к Шуню.

Что касается Юя, Гао-яо, Се, Хоу-цзи, Бо-и, Куя, Луна, Чуя, И, Пэн-цзу, то все они были выдвинуты и использованы на службе еще при Яо, но их обязанности не были [ясно] разделены [107].

Шунь прибыл в [храм] Вэнь-цзу, посоветовался со своими помощниками, открыл четверо ворот, чтобы хорошо знать все, что слышат уши и видят глаза людей в четырех сторонах [Поднебесной]. [Он] приказал двенадцати правителям [областей] оценить [в полной мере] добродетели императора [Яо], проявить [самим] высокие добродетели и отдалить от себя льстецов, тогда племена *мань* и *и* все изъявят покорность [108].

Обратившись к *сыюэ*, Шунь сказал: «Есть ли [среди людей] такие, кто мог бы совершить выдающиеся подвиги и [еще более] прославить деяния Яо, чтобы поставить [таких людей] чиновниками и сделать моими советниками в делах?»

Приближенные ответили: «[Если] Бо-юя поставить начальником земляных работ, он сможет прославить деяния Яо» [109]. Шунь сказал: «О, правильно! Ты, Юй, будешь приводить в порядок воды и земли, будь же в этом старателен!»

Юй, поклонившись до земли, стал уступать [должность] Цзи, Се и Гао-яо. [Но] Шунь сказал: «Будет так. Иди!» Затем Шунь сказал: «Ци! Среди простого народа [110] начинается голод. Ты будешь начальником земледельческих работ [111], сей все злаки в соответствующее время». И еще Шунь сказал: «Се! Среди *байсинов* нет согласия, пять отношений [между людьми] не соблюдаются. Ты будешь блюстителем нравов, почтительно распространяй пять правил поведения и будь снисходителен [к людям]». Далее Шунь сказал: «Гао-яо! [Племена] *мань* и *и* тревожат наше Ся [112], грабители и разбойники свирепствуют внутри и вне [113] [страны]. Ты будешь старшим судьей [114], [при применении] пяти наказаний добивайся покорности, при покорности пяти [мерам наказания] осуществляй их в трех местах, при применении пяти видов ссылки соразмеряй их с виной и в соответствии с пятью мерилами поселяй [виновных] в трех местах [115]. Только ясность [в наказаниях] сможет установить доверие [к закону]» [116].

[После этого] Шунь спросил своих помощников: «Кто сможет управлять моими работами?» Они ответили, что Чуй сможет. Тогда [Шунь] назначил Чуя управителем работ. Шунь [далее] спросил: «Кто сможет ведать травами и деревьями, птицами и зверями на моих высотах и низинах?» Приближен-

ные ответили, что И сможет. Тогда [Шунь] назначил И на должность смотрителя лугов и лесов[117]. И поклонился до земли и стал уступать [должность] чиновникам Чжу-ху и Сюн-пи[118]. [Но] Шунь сказал: «Ступай! Ты подходишь»,— а Чжу-ху и Сюн-пи назначил [его] помощниками.

[И еще] спросил Шунь: «О *сыюэ*! Есть ли [среди людей] такой, кто сможет ведать нашими тремя ритуалами?»[119] Приближенные ответили, что Бо-и сможет. Шунь [тогда] сказал: «О Бо-и! Назначаю тебя ведающим обрядами и жертвоприношениями[120], почтительно служи днем и ночью, будь прям и чист сердцем». Бо-и стал уступать [должность] Кую и Луну, [но] Шунь сказал: «Будет так! Тебя, Куй, назначаю на должность ведающего музыкой. Обучай детей знатных, [чтобы они были] прямыми, но добрыми, великодушными, но строгими, твердыми, но не жестокими, простыми, но не фамильярными[121]. [Ведь] в стихах выражаются мысли, в песнях продлевается [жизнь] слов, звуки основываются на тоне, в звуковом ряде *люй* согласно звучат все звуки. [Если] все восемь звуков смогут стать гармоничными и не будут мешать друг другу, тогда установится согласие среди духов и людей»[122]. Куй ответил: «О! [Если] я застучу в большое и ударю в малое каменные била, [то] все животные пустятся в пляс».

Шунь сказал: «Лун! Я боюсь и ненавижу лживые речи и дурные проступки, они волнуют и тревожат мой народ; повелеваю тебе быть глашатаем, утром и вечером объявлять мои приказы и представлять мне [доклады], будь только предан [мне]!»

[Наконец] Шунь сказал: «О вы, двадцать два помощника, действуйте со тщанием, всегда сообразуясь с волей Неба!»[123]

В три года раз [Шунь] проводил проверку заслуг [каждого], а после трех проверок повышал или снижал [в должности], [в результате] заслуги всех близких и далеких [чиновников] приумножались. [Шунь] отделил непокорных *саньмяо*[124].

Эти двадцать два человека все добились успехов в своей работе: Гао-яо, исполнявший обязанности старшего судьи, был справедлив, и в народе каждый с покорностью принимал

то, что заслужил[125]; Бо-и ведал ритуалами, и все высшие и низшие уступали друг другу; Чуй занимал должность управителя работ, и везде были достигнуты успехи; И занимал должность смотрителя лугов и лесов, и все горы и низины раскрыли [свои богатства]; Ци ведал злаками, и хлеба постоянно находились в цветущем состоянии; Се занимал должность блюстителя нравов, и *байсины* жили в дружбе и согласии; Лун ведал приемом гостей, и они прибывали издалека; двенадцать правителей управляли, и никто в девяти областях не смел ослушаться[126]. Но наибольшие заслуги были у Юя, он прорубил девять гор, устроил стоки для девяти озер, проложил русла для девяти рек и установил девять областей, каждая из которых приносила дары сообразно с занятиями ее [населения], что не нарушало интересов областей[127].

[Так было] во все стороны на пять тысяч *ли* вплоть до земель, несших неопределенные повинности *хуанфу*[128]. [Шунь] на юге умиротворил [племена] *цзяочжи* и *бэйфа*, на западе — [племена] *жун, сичжи, цзюйсоу, ди* и *цян*, на севере — [племена] *шаньжун, фа* и *сишэнь*, на востоке — [племена] *чан и няоу*[129], и в пределах четырех морей[130] все прославляли заслуги императора Шуня.

Затем Юй сыграл девять напевов[131], [на звуки которых] явились удивительные твари, прилетела и стала кружить пара фениксов. [Так] со времени юйского императора [Шуня] в Поднебесной началось раскрытие всех добродетелей.

В возрасте двадцати лет Шунь прославился сыновней почтительностью; в тридцать лет Яо выдвинул его, в пятьдесят лет Шунь стал править [Поднебесной] от имени Сына Неба; когда ему исполнилось пятьдесят восемь лет, Яо скончался, и Шунь в возрасте шестидесяти одного года вступил на императорский престол, сменив Яо. Пробыв на престоле тридцать девять лет, Шунь во время объезда южных владений скончался на поле Цанъу. Он был похоронен на [горе] Цзюи, к югу от реки [Янцзы]цзян. Это место называется Линлин[132].

Вступив на престол, Шунь, взяв с собой знамя Сына Не-

ба, отправился посетить своего отца Гу-соу и держался с необыкновенной почтительностью, как полагается сыну. Он возвел младшего брата Сяна в ранг *чжухоу*. [Коль скоро] сын Шуня Шан-цзюнь тоже не походил на своего отца [способностями], Шунь заранее представил Небу Юя. Через семнадцать лет Шунь скончался. По окончании трехгодичного траура Юй также уступил престол сыну Шуня, как Шунь уступал престол сыну Яо. [Но] владетельные князья склонились на его сторону, после чего Юй вступил на престол Сына Неба.

Сын Яо Дань-чжу и сын Шуня Шан-цзюнь оба имели земли, чтобы приносить жертвы своим предкам. Они носили [прежнюю] одежду, сохраняли [прежние] церемонии и музыку. Они являлись к Сыну Неба как гости, и Сын Неба обращался с ними не как с простыми подданными, показывая этим, что не смеет единолично пользоваться властью.

От Хуан-ди до Шуня и Юя все [правители] носили общую фамилию, но различались по названиям своих владений, чтобы прославить блестящие добродетели каждого. Вот почему Хуан-ди назывался Ю-сюн, император Чжуань-сюй назывался Гао-ян, император Ку назывался Гао-синь, император Яо назывался Яо-тан, император Шунь назывался Ю-юй. Императора Юя называли Ся-хоу, но, будучи другого рода, он носил фамилию Сы. Се, которого называли шанским, носил фамилию Цзы. Ци, которого называли чжоуским, носил фамилию Цзи [133].

* * *

Я, *тайшигун*[134], скажу так.

Ученые часто говорят о пяти императорах как о древнейших. Однако *Шан шу* излагает [события] начиная только с Яо. Когда же ученые ста школ рассуждают о Хуан-ди, то их сочинения не служат образцом и поучением, а поэтому придворным господам трудно говорить об этом [135].

[Сочинения] «Цзай-юй вопрошает о добродетелях пяти императоров» и «Родословная императоров», идущие от Конфуция, некоторыми учеными-конфуцианцами не распространяются [136].

Я в свое время на западе доезжал до Кунтуна, на севере переходил через Чжолу[137], на востоке доходил до моря, на юге плавал по рекам [Янцзы]цзян и Хуай[хэ]; я бывал в местах, где почтенные старцы по отдельности и вместе постоянно рассказывали мне о Хуан-ди, Яо и Шуне. Хотя поверья и поучения, конечно, были различными, но вообще-то они недалеки от древних записей и близки к истине[138].

Я читал *Чунь-цю* и *Го юй,* в них ярко раскрыты добродетели Пяти Императоров и их родословные[139], и пусть я[140] еще не глубоко изучил их, но все, что в них выражено и показано, отнюдь не пустая выдумка.

В летописях[141] многое утеряно и имеются пробелы, но утраченное в них часто встречается в других сказаниях. Конечно, тем, кто не любит учиться и глубоко обдумывать, кто не понимает сердцем смысла этих сказаний, тем трудно толковать об этом из-за [своей] узости и малой осведомленности.

Я объединил имеющиеся сказания, [расположил их] по порядку, отобрал из них лучшее и наиболее правильное и написал [эту главу], сделав ее началом «Основных записей».

ГЛАВА ВТОРАЯ

СЯ БЭНЬ ЦЗИ — ОСНОВНЫЕ ЗАПИСИ О [ДЕЯНИЯХ ДОМА] СЯ [1]

Сяский Юй [2] носил имя Вэнь-мин. Отца Юя звали Гунь, отца Гуня звали император Чжуань-сюй, отца Чжуань-сюя звали Чан-и, а отца Чан-и звали Хуан-ди. [Таким образом], Юй являлся праправнуком Хуан-ди и внуком императора Чжуань-сюя. Прадед Юя Чан-и и его отец Гунь не занимали императорского престола, а были простыми подданными.

Во времена Яо воды потопа разлились до небес, они на неоглядных пространствах окружили горы и залили холмы, и народ, живший в низинах, пребывал из-за этого в печали. Тогда Яо стал искать человека, способного обуздать воды. Все [приближенные к нему] чиновники и помощники сказали, что это сможет сделать Гунь. Яо возразил: «Гунь — тот, кто нарушает приказы и вредит сородичам, [он] не годится». Его помощники ответили: «Если сравнить его [с другими], то нет таких, кто был бы мудрее Гуня. Желательно, чтобы вы, император, испытали его». Послушал Яо своих помощников и поручил Гуню обуздание вод. Прошло девять лет, но наводнение не утихало, и усилия [Гуня] не увенчались успехом [3].

Тогда император Яо опять стал искать подходящего человека и на смену [Гуню] обрел Шуня. Шунь был выдвинут и использован [в делах], он стал править от имени Сына Неба и объезжать владения. Во время поездок [он] увидел, что в обуздании вод Гунь ничего не добился, поэтому выслал Гуня пожизненно в горы Юйшань [4].

В Поднебесной все считали наказание, наложенное Шунем

[на Гуня), правильным. После этого Шунь выдвинул сына Гуня Юя и повелел ему продолжить дело Гуня[5].

Когда Яо умер, император Шунь, обратившись к помощникам, спросил: «Есть ли среди людей такой, кто мог бы завершить и прославить деяния Яо, чтобы поставить его на должность чиновника». Приближенные ответили: «Если Бо-юя поставить начальником земляных работ, он сможет завершить их и прославить деяния Яо». Шунь, сказав «О, правильно!», отдал приказ Юю: «Ты будешь приводить в порядок воды и земли. В этом будь старателен!».

Юй, поклонившись до земли, стал уступать [должность] Се, Хоу-цзи и Гао-яо, но Шунь сказал: «Ступай и занимайся порученным тебе делом!».

Как человек Юй отличался острым умом и усердием, добродетели никогда не покидали его, его человеколюбие вызывало любовь к нему[6], его слова [всегда] заслуживали доверия. Голос [Юя] служил основой тонов, тело его служило основой мер длины и мер веса[7]. [Юй был] неутомимым в делах, сохранял величественный вид и служил [для всех] образцом и примером.

Затем Юй, удостоившись вместе с И и Хоу-цзи повеления императора, приказал владетельным князьям и *байсинам* поднять тягловых, чтобы они занялись устройством земли[8]. [Он] объехал горные хребты и обозначил их вехами[9], определил высокие горные вершины и большие реки[10].

Юя огорчало, что его предшественник — [родной] отец Гунь не добился успеха [в обуздании вод] и был наказан, поэтому он упорно трудился и напряженно обдумывал [порученное ему]. Тринадцать лет [Юй] жил вне дома и, даже проходя мимо ворот своего дома, не смел заходить в него[11].

[Юй] одевался скромно, ел просто, [но зато] с крайней почтительностью служил духам людей и небесным духам. Живя [сам] в бедном жилище, [он] ничего не жалел для устройства каналов и рвов[12]. По суше [Юй] ездил в повозке, по воде передвигался на лодке, по грязным местам ходил с помощью мокроступов *цуй*[13], по горам ходил в обуви с шипами.

[Около Юя] слева [всегда находились] уровень и веревка,

справа — циркуль и угольник. [Юй] вел записи четырех сезонов года [14]. Так Юй создал девять областей, проложил девять дорог, оградил [насыпями] девять озер и измерил девять горных хребтов [15].

Юй приказал И выдать народу рис и разрешил людям сеять его в низких и сырых местах [16]. Повелел Хоу-цзи выдать народу ту пищу, которая добывалась с большим трудом [17]. При нехватке пищи приказал переправлять излишки [из других мест], чтобы снабжать друг друга и тем уравнять положение владетельных князей [18]. После этого Юй поехал ознакомиться с тем, что производит земля, чтобы установить подношения правителю; ознакомиться с удобствами и выгодами, даруемыми горами и реками.

Юй начал объезд [страны] с области Цзичжоу [19].

Область Цзичжоу: в ней по завершении работ в Хукоу [20] были приведены в порядок горы Ляншань и Цишань [21]; была упорядочена Тайюань (Великая равнина) вплоть до южных склонов гор Юэшань [22]; были достигнуты успехи в Таньхуай [23], и так вплоть до рек Хэншуй и Чжаншуй [24].

Почва в области была белой и рыхлой. Подати определялись по первому и частично второму разряду высшего класса [25], а поля относились к второму разряду средней категории [26]. После того как реки Чаншуй и Вэйшуй [27] потекли по своим руслам, образовалось озеро Далу [28].

Племена *няои* [подносили] одежду из шкур [29]. Держась близко к правой стороне горы Цзеши [30], [они с дарами] входили в море (реку) [31].

Реки Цзишуй и Хуанхэ ограничивали область Яньчжоу [32]. Когда девять рек [33] были направлены по своим руслам, а Лэйся стало озером [34], то реки Юншуй и Цзюйшуй встретились и слились воедино [35]. Когда на землях, поросших тутом, появились шелковичные черви, народ смог спуститься с холмов и поселиться на [равнинных] землях.

Почва в области была черной и тучной [36], травы цветущими, деревья высокими. Поля относились к третьему разряду средней категории, а подати [определялись] справедливо; только по прошествии тринадцати лет они стали одинаковыми

[с другими областями][37]. Область подносила: лак, шелк и в бамбуковых корзинах узорчатую ткань[38]. Проплыв по рекам Цзишуй и Лошуй, [люди с дарами] попадали в реку Хуанхэ[39].

Море и гора Дайцзун ограничивали область Цинчжоу[40].

Когда [земли] Юйи были устроены[41], реки Вэйшуй и Цзышуй потекли по своим руслам[42]. Почва в области была белой и тучной, по берегу моря тянулись обширные солончаки, на полях [тоже встречались] солончаки[43]. Поля относились к третьему разряду высшей категории, а подати [определялись] по первому разряду среднего класса.

Область подносила: соль, тонкое полотно, различные продукты моря; шелк, коноплю, свинец, сосновое дерево, редкие камни из долин горы Дайцзун; [продукты] скотоводства [племен] *лайи*[44]; в корзинах подносился шелк от дикого шелкопряда. Проплыв по реке Вэньшуй, [люди с дарами] попадали в реку Цзишуй[45].

Море, гора Дайцзун и река Хуайхэ ограничивали область Сюйчжоу[46]. Когда реки Хуайхэ и Ишуй были укрощены[47], склоны гор Мэншань и Юйшань[48] [смогли быть] засеяны. Когда озеро Дае вошло в берега[49], в Дунъюань образовалась равнина[50]. Почва в области была красной, глинистой и тучной, [на ней] пышно росли травы и деревья. Поля области относились к второму разряду высшей категории, а подати [определялись] по второму разряду среднего класса. [Область] подносила: землю пяти цветов[51], разноцветных фазанов из долин горы Юй[52], редкое тунговое дерево с южных склонов горы Ишань[53], камни для бил с берегов реки Сышуй[54], жемчужные раковины и рыбы, [добываемые племенами] *хуайи*[55], в корзинах подносилась тонкая черная и белая шелковая ткань[56]. Проплыв по рекам Хуайхэ и Сышуй, [люди с дарами] попадали в реку Хуанхэ.

Река Хуайхэ и море ограничивали область Янчжоу[57]. Когда озеро Пэнли вошло в берега[58], здесь стали останавливаться перелетные птицы. Когда три реки потекли [в море][59], озеро Чжэньцзэ[60] утвердилось [в своих границах]. Тонкий бамбук появился повсюду, травы в области стали густыми, деревья — высокими. Почва в области была влажной и илистой, поля

области относились к третьему разряду низшей категории, а подати [определялись] по первому разряду низшего класса и частично по третьему разряду среднего класса. [Область] подносила: металл трех видов[61], яшмы *яо* и *кунь*, тонкий бамбук, [слоновые] бивни, кожи [носорога], перья [птиц], хвосты [буйволов], одежды из трав [племен] *даои*, в корзинах подносились ткани и раковины, а в свертках — помелоны и апельсины, поставлявшиеся по особому повелению[62]. Проплыв по реке Янцзы и по морю, [люди с дарами] попадали в реку Хуайхэ [и затем] Сышуй[63].

Горы Цзиншань[64] и южные склоны гор Хэншань ограничивали область Цзинчжоу[65]. [Когда] воды Янцзыцзяна и Ханьшуй, словно подданные к правителю, устремились к морю[66], девять рек[67] потекли в правильном направлении, реки Тоцзян и Чэньшуй[68] вошли в свои русла, а озера Юнь (ту) и Мэн были приведены в порядок[69]. Почва в области была влажной и илистой, поля относились к второму разряду низшей категории, а подати [определялись] по третьему разряду высшего класса. [Область] подносила: перья [птиц], хвосты [буйволов], бивни [слонов], шкуры [носорогов], металл трех видов, лаковое дерево, дерево *гань* [для луков], кедр, кипарис, грубые и мягкие точильные камни, камни для наконечников стрел[70], киноварь. Бамбук *цюнь* и *лу* и дерево *ху* подносились тремя владениями[71], составляя их славу; растение *цзин-мао* [подносилось] в свертках и ящиках[72], черные и ярко-красные краски и нитки жемчуга [подносились] в корзинах; по особому повелению поставлялись большие черепахи из района девяти рек[73]. Проплыв по рекам Янцзы, Тоцзян и Чэньшуй, [люди с дарами] попадали в Ханьшуй[74], [волоком] перебирались в реку Лошуй и достигали Наньхэ[75].

Горы Цзиншань и река Хуанхэ ограничивали область Юйчжоу[76]. [Когда] реки Ишуй, Лошуй, Чаньшуй и Цзяньшуй[77] потекли в Хуанхэ и озеро Синбо[78] вошло в берега, [воды] озера Хэцзэ были направлены в озеро Минду и покрыли его[79]. Почва в области была рыхлой, а в низинах тучной и твердой. Поля относились к первому разряду средней категории, а подати [определялись] по второму и частично первому разряду

высшего класса. Область подносила: лак, шелк-сырец, волокна пуэрарии[80] и конопли, а в корзинах — тонкий хлопок. По особому повелению поставлялся камень для обработки музыкальных бил. Проплыв по реке Лошуй, [люди с дарами] достигали реки Хуанхэ.

Южные склоны гор Хуашань и река Хэйшуй ограничивали область Лянчжоу[81]. Когда склоны гор Вэньшань и Бошань были обработаны[82], а реки Тоцзян и Чэньшуй направлены в свои русла, на горах Цайшань и Мэншань[83] были проложены ровные дороги[84], а в землях Хэи достигнуты успехи[85]. Почва в области была синевато-черного цвета, поля относились к первому разряду низшей категории, а подати [определялись] по второму разряду и, частично, по первому и третьему разряду низшей категории. [Область] подносила: яшму *цю,* железо, серебро, твердое железо[86], камни для наконечников стрел, камни для музыкальных бил, шкуры медведей, лисиц, диких кошек и войлок[87]. От гор Сицин[88] сюда прибывали по реке Хуаньшуй[89], затем [люди с дарами] плыли по реке Цянь, [волоком] перебирались в реку Мяньшуй[90], попадали в реку Вэйшуй и переправлялись через Хуанхэ[91].

Река Хэйшуй и Западная река[92] *ограничивали область* Юнчжоу[93]. Когда река Жошуй была направлена на запад[94], река Цзиншуй стала впадать с севера в реку Вэйшуй[95]; когда реки Цишуй и Цзюйшуй последовали за ней[96], то река Фэншуй потекла туда же[97]. На горах Цзиншань и Цишань были сооружены дороги, [они были проложены также] от гор Чжуннань и Дуньу вплоть до горы Няошу[98]. Были достигнуты успехи на возвышенных и низменных местах, вплоть до озера Дуе[99]. Когда горы Саньвэй были устроены, среди племен *саньмяо* [установился] полный порядок[100]. Почва в области была желтой и рыхлой. Поля относились к первому разряду высшей категории, а подати [определялись] по третьему разряду среднего класса. Область подносила: яшмы *цю* и *линь* и драгоценные камни *лан* и *гань*. [Люди с дарами], плывя от гор Цзиши, достигали Западной реки у Лунмэня[101] и встречались на северном берегу Вэйхэ [с другими][102]. Среди западных

жунов с Куньлуня, из Сичжи и Цзюйсоу, одетых в шкуры и войлок [103], установился порядок.

[Юй] определил направление девяти горных [цепей] [104]: от гор Цяньшань [105] и Цишань [106] до гор Цзиншань, переходящих через Хуанхэ; от гор Хукоу и Лэйшоу до гор Тайюэ [107]; от гор Дичжу и Сичэн до гор Ванъу [108]; от гор Тайхан и Чаншань до горы Цзеши [109], уходящей в море; от гор Сицин, Чжуюй и Няошу до гор Тайхуа [110]; от гор Сюнъэр, Вайфан и Тунбо до гор Фувэй [111], определил направление от гор Бочжун до гор Цзиншань [112]; от гор Нэйфан до гор Дабешань [113]; от южных склонов гор Вэньшань до гор Хэншань [114], переходивших девятиречье и достигавших гор Фуцяньюань [115].

[Юй] направил воды девяти рек. Реку Жошуй — до гор Хэли, а излишние воды отвел в зыбучие пески [116]. Направил реку Хэйшуй до гор Саньвэй и оттуда в Наньхай [117]. Направил Хуанхэ от гор Цзиши до Лунмэня [и далее] на юг до *Хуайня, [затем] на восток до гор Дичжу и еще на восток до* Мэнцзиня, [далее] к востоку мимо устья реки Лошуй до гор Дапэй, на север мимо реки Цзяншуй до озера Далу, [еще далее] на север разделил ее на девять рукавов, которые затем сливались в одно русло, [называемое] Нихэ, и впадали в море [118].

Направил воды реки Яншуй от гор Бочжун на восток, где она текла под названием Ханьшуй, еще [далее] на восток — под названием Цанлан; миновав реку Саньши, ее воды вступали в горы Дабешань, текли на юг и впадали в реку Янцзыцзян, восточнее которой воды скапливались и образовывали озеро Пэнли; еще [далее] на восток река текла под названием Бэйцзян и впадала в море [119].

[Юй] направил воды реки Янцзы от гор Вэньшань [120], она текла на восток, отделив от себя реку Тоцзян, восточнее доходила до реки Лишуй, проходила девятиречье и достигала Дунлина [121], далее на востоке разветвлялась [на рукава], которые на севере соединялись в озеро, откуда [река] вытекала [вновь] на восток под названием Чжунцзян и впадала в море [122].

[Юй] направил воды реки Яньшуй на восток, где она текла

под названием Цзишуй [123] и впадала в Хуанхэ; излишние ее воды образовали озеро Син, из которого она вытекала на восток, проходила севернее Таоцю, восточнее достигала озера Хэцзэ, далее на северо-востоке соединялась с рекой Вэньшуй [124] и еще дальше на северо-восток впадала в море.

[Юй] направил воды реки Хуайхэ от гор Тунбо на восток, [протекая далее], она соединялась с реками Сышуй и Ишуй и, [продолжая свой путь] на восток, впадала в море [125].

[Юй] направил воды реки Вэйшуй от гор Няошутунсюэ на восток, где она соединялась с рекой Фэньшуй, [после чего] текла на северо-восток до реки Цзиншуй, далее к востоку проходила реки Цишуй и Цзюйшуй [126] и впадала в Хуанхэ.

[Юй] направил воды реки Лошуй от гор Сюнъэршань на северо-восток, где она сливалась с реками Цзяньшуй и Чаньшуй, далее на востоке сливалась с рекой Ишуй и, [продолжая течь] на северо-восток, впадала в Хуанхэ [127].

Так, в девяти областях установился единый порядок. Во всех четырех сторонах стали жить [люди], на девяти горах были прорублены дороги, русла девяти рек прочищены, девять озер ограждены, и все в пределах четырех морей слилось воедино [128].

Шесть управлений были хорошо налажены, [качество] всех земель определено правильно, и тем достигнута осмотрительность в [определении] податей на все богатства, во всех случаях подати взимались соответственно трем категориям полей. [Правитель] Срединного владения жаловал земли и фамилии, [говоря]: «Прежде всего уважайте добродетели и не противьтесь моим действиям!» [129]

[Юй] приказал землям, находящимся в пределах пятисот *ли* от владения Сына Неба, нести полевые повинности — *дянь фу* [130]; с первых ста *ли* взимались и вносились стебли с колосьями, со вторых ста *ли* вносились одни колосья, с третьей сотни *ли* вносились стебли и [отбывалась еще] повинность, с четвертой сотни *ли* вносилось необрушенное зерно, а с пятой сотни *ли* — обрушенный рис [131].

[Приказал] землям, находящимся в пределах пятисот *ли* за землями, несшими повинности *дянь фу*, нести сторожевые

повинности — *хоу фу*[132]: на первых ста *ли* несли разные повинности[133], на вторых ста *ли* служили [главному] владению, на остальных трехстах *ли* несли различные сторожевые службы.

[Приказал] землям, находящимся в пределах пятисот *ли* за землями, несшими повинности *хоу фу,* нести повинности умиротворенных подданных — *суй фу;* на первых трехстах *ли* руководствовались гражданскими установлениями, на следующих двухстах *ли* проявляли рвение к военной службе и защите [границ][134].

[Приказал] землям, находящимся в пределах пятисот *ли* от земель, несших повинности *суй фу,* нести повинности по принуждению — *яо фу;* на первых трехстах *ли* подчинялись простым [указаниям], на следующих двухстах *ли* опирались [лишь] на законы[135].

[Приказал] землям, находящимся в пределах пятисот *ли* от земель, несших повинности *яо фу,* нести неопределенные повинности — *хуан фу;* на трехстах *ли* [там царила] дикость, а на остальных двухстах *ли* люди [еще] кочевали[136].

На востоке доходя до моря, на западе захватывая зыбучие пески, на севере и юге страны доходя [до пределов], слава и влияние [Сына Неба повсюду] распространились среди четырех морей[137].

Тогда император пожаловал Юю нефритовый скипетр черного цвета[138], чтобы объявить Поднебесной об успешном завершении [работ]. В Поднебесной после этого наступил мир и порядок[139].

Гао-яо, занимая должность [старшего] судьи, разбирал дела народа. [Однажды] император Шунь устроил прием, на котором Юй, Бо-и и Гао-яо вели беседу между собой перед лицом императора[140]. Гао-яо, излагая свои планы, сказал: «Если искренне следовать его, [Яо], добродетелям, то планы будут мудрыми, а помощники в согласии»[141]. Юй сказал: «Верно, но каким образом [осуществить это]?» Гао-яо ответил: «О! [Нужно] тщательно совершенствовать себя, думать о постоянном[142], установить твердый порядок среди девяти поколений, [и тогда] все знатные вознесут [правителя] высоко, как

на крыльях, и [достигнутое] вблизи можно будет распространять на далекое» [143].

Юй, склонив голову перед [такими] прекрасными словами, сказал: «Правильно». Гао-яо продолжал: «О! [Путь к этому] в знании людей и успокоении народа». Юй сказал: «Увы! Все это так, но даже император [Яо] испытывал в этом затруднения [144]. Ведь знание людей — мудрость, которая дает возможность [правильно] назначать их на должности, а способность успокоить народ — благодеяние, [на которое] простой народ отвечает любовью. Если бы [Яо] мог знать [людей] и был способен к благодеяниям, то к чему [ему] было тревожиться из-за Хуань-доу, к чему было переселять [племена] *юмяо,* к чему было бояться коварного человека, краснобая и развратника?» [145] Гао-яо ответил: «Действительно так! Действия [необходимо] проверять их соответствием девяти добродетелям, а слова проверять их соответствием добродетельным делам» [146]. А затем добавил: «[Если] при совершении [всякого] дела [человек] великодушен, но строг, мягок, но решителен, застенчив, но почтителен, властен, но вежлив, податлив, но тверд, прям, но добр, прост, но сдержан, непреклонен, но правдив, могуществен, но справедлив [147] и эти качества проявляются постоянно — это прекрасно!

[Тот, кто] каждодневно распространяет три добродетели, утром и вечером содействует их пониманию, [достоин] иметь дом [148]; [тот, кто] каждодневно держится с достоинством, почитает шесть добродетелей и разумеет в делах, [достоин] иметь владение; [тот, кто] соединит в себе [девять добродетелей], воспримет и будет повсюду их распространять, [руководствуясь ими] во всех делах, у того выдающиеся и талантливые займут должности, и все чиновники будут строги и почтительны. Нельзя позволять совершать коварные дела и строить хитрые планы. Назначение человека на неподходящую должность называется нарушением порядка, установленного Небом. Небо карает виновного [одним из] пяти видов наказаний, предусмотренного для [одного из] пяти видов преступлений. Можно ли осуществить то, о чем я сказал?»

Юй сказал: «Если осуществить то, о чем ты говорил, это

может привести к успеху». Гао-яо сказал: «Я не обладаю [достаточными] знаниями, я [лишь] думал и вникал в путь [древних]» [149].

Император Шунь, обратившись к Юю, сказал: «Ты тоже говори без утайки». Юй, поклонившись, ответил: «О, что мне сказать? Я целыми днями думаю [лишь о том, как] усердно трудиться». Гао-яо, желая поставить Юя в затруднительное положение, спросил: «Что называешь ты „усердно трудиться“?»

Юй ответил: «[В прошлом] бушующие воды разлились до небес, на неоглядных пространствах они окружили горы и залили холмы, народ, живший в низинах, оказался бессильным перед водой. Я, передвигаясь по суше в повозках, по воде на лодках, по топи пробираясь в мокроступах *цуй,* по горам шагая в обуви с шипами, обошел горы и обозначил их вехами. Вместе с И дал народу рис и свежее мясо. Благодаря всему этому проложил русла девяти рек, направив их в четыре моря, прокопал рвы и канавы, направив их в реки.

Вместе с Цзи я дал народу пищу, которую трудно добывать. При нехватке пищи привозил ее оттуда, где были излишки, [чтобы] восполнить недостаток, или же переселял народ. [Жизнь] народа установилась, и все владения стали [хорошо] управляться».

Гао-яо сказал: «Верно, это твои прекрасные [заслуги]».

Юй [далее] сказал: «О император! Будьте осмотрительны, находясь на престоле, установите границы вашим [желаниям]. Поддерживайте добродетели, и Поднебесная откликнется [на ваши призывы]. Очистите [свои] помыслы, чтобы просветленно ожидать волю Верховного владыки, и Небо не раз удостоит вас своими благостями».

Император воскликнул: «О сановники, сановники! Вы — мои ноги и руки, глаза и уши. Я хочу во всем помочь своему народу, и вы содействуйте мне в этом. Я хочу видеть рисунки древних, солнце и луну, звезды и созвездия вышитыми на одеждах, вы хорошо разберитесь в них [150]. Я хочу слышать шесть полутонов *лю-люй,* пять основных тонов *у-шэн* и зву-

ки восьми музыкальных инструментов[151], чтобы проверять [с их помощью], как управляется [страна], чтобы передавать мои слова и принимать слова [народа][152]. Вы послушайте! Если я поступлю неправильно, воспротивьтесь и поправьте меня. Вы не должны льстить [мне] в лицо, а удалившись, поносить меня. К [моим] четырем помощникам относитесь с уважением[153]. Если добродетели правителя действительно распространятся, то клевета на [моих] любимых сановников станет очевидной».

Юй сказал: «Правильно! Если император будет действовать не вовремя, ставить в одинаковое положение добрых и злых, то успеха не будет».

Император продолжал: «Не будьте высокомерными, как Дань-чжу. [Он] любил только праздные развлечения, там, где [даже] не было воды, катался на лодке; развратничал дома с друзьями и этим погубил свой род. Я не могу следовать этому». Юй сказал: «Я в дни *синь, жэнь, куй* и *цзя* женился в Тушани, [когда] у меня родился Ци, я не растил его как сына, вот почему сумел успешно [обуздать] воды и [устроить] земли[154]. [Я] помог установить [районы] пяти повинностей, распространяющиеся на пять тысяч *ли;* поставил в областях двенадцать управителей, охватив все в пределах четырех морей; поставил пять старших начальников[155], и во всех направлениях достигнуты успехи. Только [племена] *мяо* проявляют упорство и не добились успехов. Подумайте об этом, император!»

Император сказал: «Распространение моих добродетелей — твоя, [Юй], заслуга».

После этого Гао-яо выразил уважение к добродетелям Юя и приказал народу брать с Юя пример. Того же, кто не следовал словам [приказа], принуждали наказаниями. А добродетели Шуня еще больше засияли.

Затем Куй заиграл на музыкальных инструментах, [на звуки которых] явились [души] предков. Все князья стали уступать друг другу, птицы взлетели, а звери пустились в пляс; когда же на свирелях была исполнена мелодия *шао* в девяти вариациях, торжественно прилетели фениксы. Все животные

пустились в пляс, и среди чиновников установились доверие и согласие [156].

Император по поводу этого сложил песню, в которой говорилось: «Ушедший на Небо повелел делать все вовремя и вникать в мельчайшее». И далее: «Когда руки и ноги радостно [трудятся], голова — возвеличивается, и все дела процветают!» Гао-яо, воздев руки и низко поклонившись, громко сказал: «Запомните это! Руководите всеми делами, тщательно соблюдайте законы, будьте почтительны!»

Сменив речь на песню, он запел: «Когда голова мудра, то руки и ноги крепки — и все дела тогда процветают!» После чего пропел: «Когда ж голова мелка, то руки и ноги ленивы. И тотчас упадок во всем наступает!»

Император с поклоном сказал: «Правильно. Ступайте и с почтением [служите]!» После этого в Поднебесной все стали почитать Юя за то, что он ясно разбирался в рангах и музыке, и стали считать старшим над духами гор и рек.

Император Шунь представил Юя Небу как своего преемника. Через семнадцать лет император Шунь скончался. По окончании трехгодичного траура Юй отказался от власти в пользу сына Шуня Шан-цзюня и удалился в Янчэн [157]. [Однако] все владетельные князья в Поднебесной покинули Шанцзюня и стали являться на прием к Юю. Тогда Юй вступил на престол Сына Неба и, обратившись лицом к югу, стал управлять Поднебесной. Государство назвал Сяхоу и принял фамилию Сы-ши.

Взойдя на престол, император Юй выдвинул Гао-яо, представил его Небу и поручил ему дела управления, но Гао-яо умер. [Юй] пожаловал потомкам Гао-яо земли в Ин, Лю и в Сюй [158]. После этого он выдвинул И, поручив ему дела управления. Через десять лет император Юй отправился на восток для объезда владений, но, достигнув горы Куайцзи, скончался [159]. [Перед кончиной он] вручил Поднебесную И. По окончании трехгодичного траура И уступил власть Ци — сыну императора Юя, а сам удалился на южные склоны гор Цишань.

Сын Юя Ци был мудр, и к нему устремились помыслы Поднебесной. Когда Юй скончался, то хотя он и вручил [Под-

небесную] И, но И помогал Юю лишь короткое время, и Поднебесная не успела узнать [его]. Вот почему все владетельные князья покинули И и стали являться на приемы к Ци, говоря: «[Ци] — сын нашего правителя императора Юя». После этого Ци взошел на престол Сына Неба. Это и был сяхоуский император Ци [160]. Матерью сяхоуского императора Ци, сына Юя, была женщина из рода Тушань.

Род Ю-ху не подчинился, и Ци отправился покарать этот род. Большой бой произошел в Гань [161]. Перед боем [Ци] составил «Клятву в Гань», после чего вызвал шесть высших сановников — *цинов* [162] и объявил им свою клятву.

Ци сказал: «О люди, руководящие шестью делами, я объявляю вам свою клятву:

Род Ю-ху попирает пять отношений [между людьми], пренебрегает тремя основами [163], за что Небо с помощью силы прекращает его жизнь. Ныне я только с почтением осуществляю наказание, определенное Небом. Если находящиеся слева не будут наступать налево, а находящиеся справа — направо, вы не выполните [моего] приказа. Если управляющие колесницами не поведут коней правильно, вы не выполните [моего] приказа. Кто выполнит приказ — будет награжден перед алтарем предков, кто не выполнит приказа — будет казнен перед алтарем духа земли [164]. Я тогда превращу вас в рабов или казню» [165]. Вслед за тем он уничтожил род Ю-ху. Вся Поднебесная стала являться к его двору.

Когда сяхоуский император Ци скончался, на престол вступил его сын — император Тай-кан. Когда император Тай-кан лишился государства [166], пять младших братьев, ожидая его на северном берегу реки Лошуй, сложили «Песню пяти сыновей» [167]. После кончины Тай-кана на престол вступил его младший брат Чжун-кан, это и был император Чжун-кан. Во времена императора Чжун-кана [потомки астрологов] Си и Хэ, погрязнув в пьянстве и разврате, забросили [определение] сезонов и перепутали [счет] дням. Инь отправился покарать их, и тогда был написан «Поход Иня».

После кончины Чжун-кана на престол вступил его сын — император Сян. [Когда] скончался император Сян, на пре-

стол вступил его сын — император Шао-кан[168]. [Когда] скончался император Шао-кан, на престол вступил его сын — император Чжу[169]. [Когда] скончался император Чжу, на престол вступил его сын — император Хуй. [Когда] скончался император Хуй, на престол вступил его сын — император Ван[170]. [Когда] скончался император Ван, на престол вступил его сын — император Се. [Когда] скончался император Се, на престол вступил его сын — император Бу-цзян. [Когда] скончался император Бу-цзян, на престол вступил его младший брат — император Цзюн. [Когда] скончался император Цзюн, на престол вступил его сын — император Цзинь[171]. [Когда] скончался император Цзинь, на престол был возведен сын императора Бу-цзяна Кун-цзя, это и был император Кун-цзя. Император Кун-цзя, вступивший на престол, любил ворожбу, [почитал] духов людей и небесных духов, а в делах был распущен и беспорядочен[172]. Добродетели рода Ся-хоу пришли в упадок, и владетельные князья восстали против него. Небо ниспослало [на землю] двух драконов, самку и самца, которых Кун-цзя не был в состоянии кормить [сам] и не смог найти для них смотрителя.

Когда род Тао-тана пришел в упадок, среди его потомков был [некий] Лю Лэй, который учился приручать драконов в семье смотрителей драконов. [Он] стал служить Кун-цзя. Кун-цзя пожаловал ему фамилию Юй-лун («Управляющий драконами») и сделал наследником владений Шивэй. Самка дракона умерла и была отдана в пищу [правителю] Ся-хоу. Когда же [правитель] Ся-хоу послал потребовать [еще мяса, Лю Лэй] испугался и бежал.

[Когда] скончался Кун-цзя, на престол вступил его сын — император Гао. [Когда] скончался император Гао, на престол вступил его сын — император Фа. [Когда] скончался император Фа, на престол вступил его сын — император Ли-гуй, это и был Цзе[173].

[Хотя] начиная со времен Кун-цзя большинство владетельных князей бунтовало против Ся, император Цзе в период своего правления не заботился о добродетелях, а, [наоборот], с помощью военной силы вредил *байсинам,* и *байсины* больше

не могли этого терпеть. [Цзе] призвал Тана и заключил его в Сятай [174], но вскоре освободил. Тан совершенствовал [свои] добродетели, и все князья склонились на сторону Тана. После этого Тан встал во главе войск, чтобы покарать сяского Цзе. Цзе бежал в Минтяо, затем был сослан и умер [175].

Цзе говорил [до этого] окружающим: «Я раскаиваюсь в том, что не убил Тана в Сятае, вот и довел себя до подобного состояния».

Вслед за тем Тан вступил на престол Сына Неба и стал управлять Поднебесной вместо [рода] Ся. Тан пожаловал земли потомкам [дома] Ся. При [правлении дома] Чжоу им были пожалованы земли в Ци [176].

Я, *тайшигун*, скажу так.

Юй носил фамилию Сы, но его потомкам были пожалованы земли в разных местах, и они названия владений сделали своими [родовыми] фамилиями. Так появились роды Ся-хоу, Ю-ху, Ю-нань, Чжэнь-сюнь, Тун-чэн, Бао-ши, Фэй-ши, Ци-ши, Цзэн-ши, Синь-ши, Мин-ши, Чжэнь-ши и Гэ-ши [177]. Конфуций выправил [исчисление] сезонов Ся, а большинство ученых истолковывали календарь *Ся сяо чжэн* [178]. Со времен Юй и Ся (Шуня и великого Юя) подношения и подати были упорядочены. Некоторые говорят, что Юй встретился с владетельными князьями к югу от реки [Янцзы] и во время подсчета их заслуг скончался. Его похоронили там, назвав [это место] Гуйцзи. [Иероглифы] *гуйцзи* означают [то же, что] *куайцзи* («подсчет»).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ИНЬ БЭНЬ ЦЗИ — ОСНОВНЫЕ ЗАПИСИ [О ДЕЯНИЯХ ДОМА] ИНЬ [1]

Мать иньского Се [2] — женщину из рода Ю-сун — звали Цзянь-ди, она была второй женой императора Ку. {Как-то} три женщины отправились купаться и увидели, как пролетавшая ласточка уронила яйцо. Цзянь-ди взяла его и проглотила, вслед за чем понесла и родила Се [3]. Когда Се вырос, он помогал Юю в покорении вод и добился в этом успехов [4]. Император Шунь тогда приказал Се:

«Среди *байсинов* нет согласия, {они} не наставляются в пяти отношениях, ты будешь блюстителем нравов, почтительно распространяй пять правил поведения, {помни, что} пять правил поведения основываются на снисходительности» [5]. [После чего] пожаловал ему владение в Шан и даровал родовую фамилию Цзы [6].

Се возвысился в период {правления} Тана, Юя и великого Юя, своими заслугами и деяниями прославился среди *байсинов*, и благодаря этому среди них установилось спокойствие. После смерти Се на престол вступил его сын Чжао-мин. После смерти Чжао-мина на престол вступил его сын Сян-ту [7]. После смерти Сян-ту на престол вступил его сын Чан-жо. После смерти Чан-жо на престол вступил его сын Цао-юй. После смерти Цао-юя на престол вступил его сын Мин [8]. После смерти Мина на престол вступил его сын Чжэнь. После смерти Чжэня на престол вступил его сын Вэй [9]. После смерти Вэя на престол вступил его сын Бао-дин. После смерти Бао-дина на престол вступил его сын Бао-и. После смерти Бао-и на престол вступил его сын Бао-бин [10].

После смерти Бао-бина на престол вступил его сын Чжу-жэнь. После смерти Чжу-жэня на престол вступил его сын Чжу-гуй [11]. После смерти Чжу-гуя на престол вступил его сын Тянь-и, это и был Чэн-тан [12].

[Ко времени] Чэн-тана [13] от Се и до Тана переезжали восемь раз [14]. [Чэн]-тан первым поселился в Бо [15], следуя в этом прежним правителям, и составил там «Доклад императора» [16].

Тан карал [непокорных] князей. Гэ-бо не приносил [положенных] жертв, и Тан прежде всего покарал его [17].

Тан сказал: «У меня есть такая поговорка: когда смотрят в воду, то видят свое изображение; когда смотрят на народ, то узнают, как он управляется». И-инь сказал: «Сколь мудро! Если уметь слушать слова [народа], то путь [правления] бывает успешным. [Если] при управлении государством относиться к народу по-отечески, то все творящие добро будут в числе чиновников вана. Старайтесь же, старайтесь!» Тан сказал: «Кто из вас не сможет почитать [мои] приказы, того я накажу сурово и казню без всякой пощады»,— и составил «Походы Тана» [18].

И-иня звали А-хэн [19]. А-хэн хотел служить Тану, но не знал, как [устроиться к нему], тогда он сделался слугой у девушки из рода Ю-синь и стал носить на себе сосуды *дин* и кухонные доски *цзу*. [Начав] толковать с Таном о вкусе [пищи], он дошел [до бесед] о путях правителя [20]. Другие говорят, что И-инь был достойным человеком, не состоявшим на службе [у князя], и Тан послал людей пригласить и встретить его. Только приглашенный в пятый раз, [И-инь] согласился прибыть и служить Тану [21]. [Он] рассказывал [Тану] о деяниях непорочных ванов и девяти властителей [22]. Тогда Чэн-тан выдвинул [И-иня], поручив ему управление делами государства. [Затем] И-инь покинул Тана и направился в Ся [23], но возненавидел правителя Ся и вновь вернулся в Бо [24]. Войдя через северные ворота, [И-инь] встретил Жу-цзю и Жу-фана и составил *Жу-цзю* и *Жу-фан* [25].

[Однажды] Тан выехал [из столицы] и в поле увидел раскинутые с четырех сторон сети-силки [и человека, который]

произносил заклинания, говоря: «Со всех четырех сторон Поднебесной входите же все в мои сети». Чэн-тан сказал: «О! Так все [твари] будут переловлены!» И, убрав сети с трех сторон, [произнес такое] заклинание:

«Кто хочет налево, пусть [идет] налево, кто хочет направо, пусть [идет] направо. [Только тот, кто] не исполняет приказов, пусть входит в мои сети» [26].

Владетельные князья, услышав об этом, сказали: «Добродетели Тана [действительно] совершенны и простираются даже на птиц и зверей» [27].

В это время сяский Цзе правил с большой жестокостью, погрязнув в распутстве, а среди князей поднял мятеж род Куньу [28]. Тогда [Чэн-]тан поднял войска, став во главе князей. И-инь последовал за Таном. Тан, взяв в руки секиру, сам покарал род Куньу, после чего напал на Цзе [29].

Тан сказал: «Приблизьтесь ко мне все [30], выслушайте мои слова. Не я, недостойный [31], осмеливаюсь поднимать вас на мятеж, а правитель Ся совершает множество преступлений. Я слышал, что вы все говорите о том, что дом Ся творит зло. Боясь [гнева] Верховного владыки, я не смею не приступить к исправлению [зла].

Дом Ся совершает ныне множество преступлений, и Небо повелевает казнить его [правителя]. Сейчас вас множество, и вы говорите: „Наш правитель не жалеет своего народа, он забросил дела земледелия и обирает нас“ [32]. Вы говорите о нем также: „[Цзе] преступен, что же делать с ним?“ [Но в то время как] правитель Ся стоит во главе тех, кто истощает силы народа, кто грабит владения Ся, среди вас царят нерадивость и несогласие. Вы [только] восклицаете: „Когда же исчезнет это солнце! Пусть и я и ты погибнем вместе [с ним]!“ [33].

Раз мораль дома Ся дошла до этого, я должен ныне выступить. Вы помогите мне, вашему владыке [34], исполнить наказание, [определенное] Небом, и я справедливо отнесусь к вам [35]. Вы должны верить мне, я не нарушу слова. [Но если] вы не выполните этой клятвы, я обращу вас в рабов или казню без снисхождения».

Чтобы сказанное им передать войскам, Тан составил «Клятву Тана». После этого он сказал [о себе]: «Я очень воинственный»,— за что его прозвали У-ван («Воинственный») [36].

Цзе был разбит у поселения рода Ю-сун и бежал в Минтяо [37], а войска Ся были разгромлены. Затем Тан пошел походом на Саньцзун [38] и захватил там драгоценную яшму Цзе, [по поводу чего] И-бо и Чжун-бо составили «Вечную драгоценность» [39]. [Чэн-]тан, одержав победу над домом Ся, хотел перенести их жертвенник [духам земли], но сделать это было невозможно, он тогда составил «Жертвенник дома Ся» [40]. И-инь объявил об одержанной победе, вслед за чем владетельные князья все покорились [Чэн-тану]. Тан занял престол Сына Неба и умиротворил всех в пределах [четырех] морей [41].

Когда, возвращаясь обратно, Тан достиг Тайцзюань (тао) [42], Чжун-лэй составил обращение [43]. Коль скоро судьба дома Ся была решена, [Тан] вернулся в Бо и составил «Обращение Тана», [в котором говорилось]: «В третьей луне я, ван, лично прибыл в восточный пригород [44]. Объявляю владетельным князьям и всем *хоу:* нельзя не иметь заслуг перед народом, будьте же усердны в ваших делах, [иначе] [45] я строго накажу или казню вас, и не ропщите тогда на меня» [46].

[Далее] говорилось: «В древности Юй и Гао-яо долгое время трудились в дальних местах. У них были заслуги перед народом, и народ обрел [при них] спокойствие. Когда четыре реки: Янцзы на востоке, Цзишуй на севере, Хуанхэ на западе и Хуайхэ на юге [47] — были полностью устроены, весь народ получил места для расселения. Хоу-цзи научил людей сеять, и земледельцы стали выращивать все злаки. Каждый из трех *гунов* имел заслуги перед народом [48], поэтому их потомки занимали [высокое] положение.

Когда же в древние времена Чи-ю со своими сановниками поднял смуту среди *байсинов,* верховный владыка [49] отказал ему [в поддержке] и [его преступления] стали ясны. Поэтому [то, что] завещали прежние ваны, нужно стараться выполнять» [50].

[Еще] говорилось: «Кто не будет этому следовать, тому не быть в [нашем] государстве, и не ропщите [тогда] на меня». Такой приказ [Чэн-тан] отдал владетельным князьям. И-инь сочинил «Для всех одна добродетель», а Гао-шань составил «Разъяснение о жительстве»[51].

Вслед за тем Тан изменил счет начала года[52], сменил цвета [придворных] одежд, [причем] выше всего поставил белый цвет. Приемы во дворце стали устраивать днем.

[Когда] Тан скончался, а его наследник Тай-дин умер, не успев прийти к власти, на престол был возведен младший брат Тай-дина Вай-бин, это и был император Вай-бин[53]. Император Вай-бин, процарствовав три года, скончался, и на престол возвели младшего брата Вай-бина Чжун-жэня, это и был император Чжун-жэнь[54]. Император Чжун-жэнь, процарствовав четыре года, скончался, и тогда И-инь возвел на престол сына Тай-дина Тай-цзя. Тай-цзя был старшим прямым внуком Чэн-тана, он и стал императором Тай-цзя[55]. В первый год правления императора Тай-цзя И-инь составил «Поучения И-иня», «Изложение повелений» и «Ушедшие правители»[56].

Император Тай-цзя процарствовал три года. [Он был] неумным, жестоким и бесчеловечным, не следовал примеру [Чэн-]тана, нарушал добродетели, вот почему И-инь сослал его в Тунгун[57]. Три года И-инь управлял вместо него государством и принимал на аудиенциях владетельных князей. Император Тай-цзя, прожив в Тунгуне три года, раскаялся в ошибках, осудил себя за них и обратился к добру, тогда И-инь встретил императора Тай-цзя и вручил ему [вновь] управление. Император Тай-цзя совершенствовал добродетели, и князья все вернулись [под власть] Инь, а в народе благодаря этому [установилось] спокойствие. И-инь восхвалял Тай-цзя и написал сочинение «Поучения Тай-цзя» в трех частях, в которых превозносил императора Тай-цзя и называл его Тай-цзуном — «Великим родоначальником»[58].

[Когда] скончался Тай-цзун, на престол вступил его сын Во-дин. При императоре Во-дине И-инь умер. После того как И-инь был похоронен в Бо, Гао-шань стал наставлять [людей

на примере] деяний И-иня и составил *Во-дин*[59]. [Когда] скончался Во-дин, на престол вступил его младший брат Тай-гэн, это и был император Тай-гэн. [Когда] скончался император Тай-гэн, на престол вступил его сын — император Сяо-цзя[60]. [Когда] скончался император Сяо-цзя, на престол вступил его младший брат Юн-цзи, это и был император Юн-цзи[61]. [При нем] добродетели Инь ослабли, и некоторые из владетельных князей не являлись [ко двору].

[Когда] скончался император Юн-цзи, на престол вступил его младший брат Тай-у, это и был император Тай-у. Вступив на престол, Тай-у сделал И-чжи первым советником[62]. [В это время] в Бо явилось [необычное] знамение: при дворе выросли вместе два дерева шелковицы[63], за вечер достигнув толщины в один обхват. Император Тай-у испугался и спросил у И-чжи [об этом]. И-чжи сказал: «Я, ваш слуга, слышал, что нечистая сила не в состоянии одолеть добродетель, может быть, в вашем правлении имеются недостатки? Совершенствуйте, император, свои добродетели». Тай-у последовал этому [совету], и тогда шелковицы, [появившиеся как] знамение, засохли и сгинули[64].

И-чжи с одобрением говорил об У-сяне. У-сянь управлял государевыми делами и добился успехов, [поэтому] были составлены: «Управление Сяня» и *Тай-у*[65].

Император Тай-у хвалил И-чжи в храме предков и говорил, что не [считает его] простым чиновником. И-чжи отказывался [от такой чести], тогда [Тай-у] составил «Повторный приказ»[66]. Дом Инь вновь поднялся, и князья вернулись под его власть, поэтому [Тай-у] прозвали Чжун-цзуном — «Вторым родоначальником».

[Когда] Чжун-цзун скончался, на престол вступил его сын Чжун-дин. Император Чжун-дин переселился в Ао[67]. Хэ Тань-цзя поселился в Сян[68]. Цзу-и переехал в Син (Гэн)[69]. [Когда] император Чжун-дин скончался, на престол вступил его младший брат Вай-жэнь, это и был император Вай-жэнь. В записях о Чжун-дине многое утрачено, и они неполны[70].

[Когда] скончался император Вай-жэнь, на престол всту-

пил его младший брат Хэ Тань-цзя, это и был император Хэ Тань-цзя. При Хэ Тань-цзя [дом] Инь вновь пришел в упадок[71].

[Когда] скончался Хэ Тань-цзя, на престол вступил его сын — император Цзу-и[72]. [Когда] император Цзу-и стоял у власти, Инь вновь расцвело. У-сянь был назначен на должность[73]. [Когда] скончался Цзу-и, на престол вступил его сын — император Цзу-синь. [Когда] скончался император Цзу-синь, на престол вступил его младший брат Во-цзя, это и был император Во-цзя[74].

[Когда] скончался император Во-цзя, на престол был возведен Цзу-дин — сын Цзу-синя, старшего брата Во-цзя. Это и был император Цзу-дин. [Когда] скончался император Цзу-дин, на престол был возведен Нань-гэн — сын младшего брата Во-цзя. Это и был император Нань-гэн. [Когда] скончался Нань-гэн, на престол был возведен сын императора Цзу-дина Ян-цзя, это и был император Ян-цзя. При императоре Ян-цзя [дом] Инь [вновь] пришел в упадок.

Со времени Чжун-дина нарушили законное наследование и вместо этого возводили на престол младших братьев и их сыновей[75]. Некоторые младшие братья и их сыновья боролись друг с другом за власть. Дошло до того, что на протяжении девяти поколений [продолжались] смуты[76] и владетельные князья перестали являться ко двору[77].

[Когда] скончался император Ян-цзя, на престол вступил его младший брат Пань-гэн, это и был император Пань-гэн. Ко времени императора Пань-гэна столица Инь находилась к северу от Хуанхэ. Пань-гэн переправился на юг от Хуанхэ и вновь обосновался в древнем поселении Чэн-тана. Так [произошло] пять переездов, и не было постоянного местожительства[78]. Народ Инь, вздыхая, как один, роптал, не желая переселяться. Тогда Пань-гэн обратился с наставлением к владетельным князьям и сановникам, говоря: «В прошлом наш высокий предок Чэн-тан совместно с вашими предками утвердил Поднебесную, [их] примеру и образцу можно следовать. [Если] отбросить [пример предков] и не стараться [следовать им], то как можно достичь добродетели?» Затем

он переехал на юг от Хуанхэ, устроил [столицу] в Бо[79] и стал проводить политику Тана, после чего среди *байсинов* установилось спокойствие, а добродетели Инь вновь расцвели. Князья стали являться ко двору, так как он (Пань-гэн) следовал добродетелям Чэн-тана.

[Когда] скончался император Пань-гэн, на престол вступил его младший брат Сяо-синь, это и был император Сяо-синь. [Во время] царствования императора Сяо-синя [дом] Инь вновь пришел в упадок. *Байсины* вспоминали Пань-гэна, и тогда составили *Пань-гэн* в трех частях. [Когда] скончался император Сяо-синь, на престол вступил его младший брат Сяо-и, это и был император Сяо-и[80]. [Когда] скончался император Сяо-и, на престол вступил его сын — император У-дин. Император У-дин, взойдя на престол, задумал возродить Инь, но не мог найти себе [достойных] помощников. [Император] три года не говорил [ни слова][81], и все дела управления решались его главным министром, так как [император лишь] наблюдал за нравами в государстве.

[Однажды] ночью У-дин во сне увидел мудреца, которого звали Юэ. [Помня] увиденное во сне, [он] осмотрел своих приближенных и чиновников, но никто не был таким, [как Юэ]. Тогда [У-дин] заставил чиновников[82] принять меры и найти мудреца вне города[83]. Нашли Юэ в Фусяни[84]. В это время Юэ как колодник работал на строительстве в Фусяни[85]. [Когда найденного человека] показали У-дину, У-дин сказал, что это он и есть. Обретя Юэ и поговорив с ним, [У-дин понял], что это действительно мудрый человек, и выдвинул его, сделав своим первым советником. Иньское государство [с тех пор] стало хорошо управляться. Поэтому впоследствии по местности Фусянь ему дали фамилию, прозвав Фу Юэ.

[Однажды] император У-дин принес жертвы [духу] Чэн-тана. На следующий день прилетел фазан, который сел на ушко треножника и закричал, У-дин испугался. Цзу-цзи[86] сказал: «Вы, государь, не печальтесь, а прежде всего совершенствуйте дела управления». И далее, поучая правителя, продолжал: «Ведь Небо следит за тем, как те, кто внизу, соблюдают свой долг, и ниспосылает годы длинные и недлин-

ные. [Следовательно], *не Небо губит людей и прерывает их жизнь*[87]. [Когда же] народ не следует добродетелям и не повинуется наказаниям, тогда Небо ниспосылает свою волю, выправляя его поведение, и говорит ему, как поступать[88]. О! Государь, наследуя [власть], должен почитать [дела] народа и не отвергать установления Неба[89], должен приносить обычные жертвоприношения и не совершать неположенных обрядов[90]».

У-дин усовершенствовал управление, творил добро, и Поднебесная вся радовалась, а добродетели [дома] Инь вновь расцвели.

[Когда] скончался император У-дин, на престол вступил его сын — император Цзу-гэн[91]. Цзу-цзи, восхваляя У-дина за то, что тот, увидев знамение [в виде] фазана, обратился к добродетели, соорудил в его честь храм и назвал [У-дина] Гао-цзуном — «Высоким предком». После этого составил «День повторной жертвы Гао-цзуну» и «Поучения»[92].

[Когда] скончался император Цзу-гэн, на престол вступил его младший брат Цзу-цзя, это и был император Цзя. Император Цзя *был распутным и беспорядочным, и [дом] Инь* вновь пришел в упадок. [Когда] император Цзя скончался, на престол вступил его сын — император Линь-синь. [Когда] скончался император Линь-синь, на престол вступил его младший брат Гэн-дин, это и был император Гэн-дин. [Когда] скончался император Гэн-дин, на престол вступил его сын — император У-и[93]. Дом Инь вновь покинул Бо и переселился к северу от Хуанхэ.

Император У-и был совершенно лишен добродетелей. Он [приказал] сделать фигурку человека и назвал ее «духом Неба». [Затем он] стал играть с этой фигуркой в азартные игры, заставляя приближенных играть за нее. [Когда же] «дух Неба» проигрывал, император поносил и оскорблял его. [У-и приказал] сделать кожаные торбы, наполнял их кровью и, подвесив, стрелял по ним, называя это «стрельбой по Небу».

Как-то У-и охотился между реками Хуанхэ и Вэйхэ, разразилась гроза, и У-и был убит ударом молнии[94]. На престол вступил

сын [У-и] — император Тай-дин [95]. [Когда] скончался император Тай-дин, на престол вступил его сын — император И. При императоре И [дом] Инь пришел в еще больший упадок [96].

Старшего сына императора И звали Вэй-цзы Ци, [но] мать Ци занимала низкое положение, и [он] не мог стать наследником. Младший сын был Синь. Мать Синя была законной императрицей, и Синь стал наследником. [Когда] скончался император И, на престол вступил его [младший] сын Синь, это и был император Синь, которого в Поднебесной звали Чжоу [97].

Император Чжоу отличался красноречием [98], живостью и остротой, воспринимая все быстро, а способностями и физической силой превосходил окружающих. [Он мог] голыми руками бороться с дикими зверями [99]. Чжоу знал достаточно, чтобы отвергать увещевания, был достаточно красноречив, чтобы приукрасить неправду. [Он] бахвалился перед подчиненными [своими] способностями, славой вознося себя над Поднебесной, считая всех остальных ниже себя. [Чжоу] любил вино, распутство и развлечения, питая пристрастие к женщинам.

[Чжоу] полюбил Да-цзи и исполнял все, что она говорила [100]. [Он] заставил Ши-цзюаня [101] создать новые непристойные мелодии, танцы, [принятые в] северных селениях [102], и разнузданную музыку. [Он] умножил подати и обложения, чтобы наполнить деньгами [подвалы в] Лутай [103] и заполнить зерном [склады в] Цзюйцяо, усердно собирал собак, лошадей и необыкновенных животных, заполнив ими все дворцовые помещения. [Чжоу] еще более расширил парки и башни в Шацю [104], в большом числе набрал диких зверей и птиц, поместив их туда.

[Чжоу] пренебрежительно относился к духам людей и небесным духам. [Он] собирал большие увеселительные сборища в Шацю, вином наполнял пруды, развешивал мясо, [из туш как бы] устраивая лес, заставлял мужчин и женщин нагими гоняться друг за другом [между прудов и деревьев] и устраивал оргии на всю ночь.

Байсины роптали, [обманутые в своих] ожиданиях, а не-

которые из князей восстали, поэтому Чжоу усилил наказания и казни, введя пытку огнем[105]. Си-бо Чана, Цзю-хоу и Э-хоу он сделал тремя *гунами*[106]. Цзю-хоу[107] имел красавицу дочь, которую он ввел [во дворец] Чжоу[-синя]. Но дочь Цзю-хоу не любила распутства, и Чжоу, разгневавшись, убил ее, а затем разрубил Цзю-хоу на куски[108]. Э-хоу соперничал с Чжоу в силе, в спорах был острее, [Чжоу убил его] и завялил [тело] Э-хоу[109]. Си-бо Чан, услышав об этом, тайком стал вздыхать. Чун-хоу Ху узнал про это и донес Чжоу[-синю]. Чжоу заточил Си-бо в Юли[110].

Хун-яо и другие слуги Си-бо нашли красивую девушку, редкостные изделия и добрых коней и поднесли Чжоу[-синю], тогда Чжоу помиловал Си-бо.

Си-бо, выйдя [из заключения], поднес [Чжоу] земли к западу от реки Ло и за это просил отменить пытку огнем[111]. Чжоу дал согласие на это и пожаловал [Чану] лук, стрелы, боевой топор и секиру, предоставив ему право проводить карательные походы и присвоив [ему титул] Си-бо — «Предводитель Запада».

После этого [Чжоу] привлек Фэй-чжуна к управлению. Фэй-чжун был искусным льстецом, корыстолюбцем, [поэтому] иньцы не любили его. Чжоу[-синь], кроме того, привлек Э-лая[112]. Э-лай умело прибегал к наговорам и клевете, по этой причине владетельные князья еще более отдалились [от Чжоу-синя].

Си-бо вернулся [к себе] и стал скрыто совершенствовать [свои] добродетели и творить добро. Многие князья восставали против Чжоу-синя и переходили к Си-бо. [Сила] Си-бо разрасталась и увеличивалась, а Чжоу[-синь] из-за этого мало-помалу терял свою власть и влияние. Сын вана Би-гань[113] увещевал [Чжоу-синя], но тот не слушал [советов]. Шан-жун был мудр и любим *байсинами*, но Чжоу[-синь] отстранил его. [В это время] Си-бо пошел походом на царство Цзи и уничтожил его[114]. Чиновник Чжоу[-синя] Цзу-и, услышав об этом, возненавидел [правителя владения] Чжоу и, испугавшись, поспешил доложить Чжоу-синю, сказав:

«Небо уже установило предел жизни нашего Инь, мудрые

люди и большие черепахи [115] не осмеливаются давать счастливые предсказания [и не потому, что] наши предки, ваны, не помогают нам, их потомкам, а потому, что вы, ван, распутничая и тиранствуя, губите себя. Вот почему Небо покинуло нас и [народ] не имеет возможности спокойно существовать [116]. [Вы] не заботитесь о том, чтобы узнать волю Неба, не руководствуетесь постоянными правилами. Ныне среди народа нет никого, кто не желал бы [вашей] гибели. [Люди] говорят: „Почему Небо не проявляет величия, почему не осуществляется его великая воля?" Ныне, государь, как же быть?» Чжоу[-синь] воскликнул: «Разве моя жизнь не определяется повелением Неба?» Цзу-и, вернувшись [от вана], сказал: «Чжоу[-синя] невозможно предостеречь!»

Когда Си-бо умер, чжоуский У-ван выступил в поход на восток, достиг Мэнцзиня [117], где [собралось] восемьсот князей, которые восстали против Инь и соединились с Чжоу. Владетельные князья единодушно говорили: «Чжоу-синя можно покарать!» [Но] У-ван сказал: «Вы еще не знаете воли Неба»,— и возвратился обратно [118].

Чжоу[-синь] распутствовал и безобразничал, не зная удержу. Вэй-цзы много раз увещевал [его], но [Чжоу] не слушал, тогда он сговорился с *тайши* и *шаоши* покинуть Инь [119]. Би-гань сказал: «Тот, кто является слугой правителя, должен [бороться], не боясь смерти»,— и стал настойчиво увещевать Чжоу. Разгневавшись, Чжоу[-синь] сказал: «Я слышал, что сердце мудреца имеет семь отверстий». [Он] разрезал [грудь] Би-ганя, чтобы посмотреть его сердце. Ци-цзы напугался, прикинулся сумасшедшим и стал изображать раба, но Чжоу все же посадил его [в тюрьму]. Тогда иньские *тайши* и *шаоши,* захватив с собой музыкальные инструменты, [употребляемые при] жертвоприношениях, бежали в Чжоу.

Вот тогда чжоуский У-ван встал во главе князей, чтобы покарать Чжоу[-синя]. Чжоу[-синь] также двинул войска, чтобы дать отпор У-вану в Муе [120].

В день *цзя-цзы* армия Чжоу[-синя] была разбита. Чжоу бежал и, вступив [в столицу], поднялся на террасу Лутай, оделся в украшенные драгоценной яшмой одежды, бросился

в огонь и погиб [121]. Чжоуский У-ван после этого отрубил голову Чжоу[-синя] и подвесил ее к [большому] белому знамени [122]; убил [его наложницу] Да-цзи; освободил из заключения Ци-цзы; насыпал холм над могилой Би-ганя и написал о заслугах Шан-жуна на воротах [его деревни]. Пожаловал земли сыну Чжоу[-синя] У-гэну по имени Лу-фу [123], чтобы [тот] продолжал приносить жертвы [предкам] Инь, повелел совершенствовать управление на примере Пань-гэна. Народ Инь сильно радовался [124].

Затем чжоуский У-ван стал Сыном Неба [125]. Его потомки, порицая титул *ди* («император»), назвали себя ванами [126]. А потомкам дома Инь были пожалованы звания князей, и [они] подчинялись дому Чжоу. [Когда] скончался чжоуский У-ван, У-гэн совместно с Гуань-шу и Цай-шу [127] поднял бунт. Чэн-ван приказал Чжоу-гуну казнить их и поставил Вэй-цзы на владение [землями] Сун, чтобы он продолжал [дела] потомков Инь.

Я, *тайшигун*, скажу так.

Основываясь на «Гимнах» [128], я по порядку изложил деяния Се, а [сведения] о том, что произошло со времени Чэн-тана, отобрал в *Шу цзине* и *Ши цзине*. Се носил фамилию Цзы, его потомкам были пожалованы земли в разных местах, и названия владений они сделали фамилиями. [Так] появились роды: Инь-ши, Лай-ши, Сун-ши, Кунтун-ши, Чжи-ши, Бэйинь-ши, Муи-ши [129]. Конфуций говорил, что иньские экипажи были превосходными, а из цветов превыше всего [ставился] белый цвет [130].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЧЖОУ БЭНЬ ЦЗИ — ОСНОВНЫЕ ЗАПИСИ [О ДЕЯНИЯХ ДОМА] ЧЖОУ [1]

Чжоуский Хоу-цзи носил имя Ци. Его мать, девушку из рода Ю-тай, звали Цзян Юань, она была старшей женой императора Ку [2]. [Однажды], выйдя в поле, Цзян Юань увидела след [ноги] великана, сердце ее наполнилось радостью, и она захотела наступить на этот след, а наступив на него, [почувствовала] *в себе движение, похоже, как понесла плод.* Наступил срок, и у нее родился сын. Считая это плохим предзнаменованием, она бросила ребенка в узком проулке [3], однако проходившие здесь лошади и быки обходили [брошенного] и не наступали на него; [тогда Цзян Юань] перенесла ребенка в лес, но в это время на горе в лесу находилось множество людей, [поэтому она вновь] перенесла его и бросила на льду в канаве, но прилетели птицы и своими крыльями укрыли младенца со всех сторон. Тогда Цзян Юань поняла, что родила необыкновенное дитя, подобрала сына, вскормила и вырастила его. [Так как] вначале она стремилась бросить младенца, ему дали имя Ци — «Брошенный».

Еще в младенчестве Ци обладал свойствами великого человека [4], в своих играх и забавах любил сажать коноплю и бобы, [притом его] конопля и бобы [вырастали] превосходными. Затем, став взрослым, [Ци] любил возделывать землю, [он знал, что] нужно земле, засевал ее подходящим зерном и собирал [хороший] урожай. Весь народ брал с него пример.

Император Яо, прослышав про это, выдвинул Ци на должность управителя земледелия, и Поднебесная получила от этого пользу, [а Ци] стал известен заслугами. Император

Шунь сказал ему: «Ци! Простой народ начинает голодать, ты будешь начальником земледельческих работ — *хоуцзи*, сей все злаки в соответствующее время»,— и пожаловал Ци земли в Тай[5]. [С тех пор его] прозвали Хоу-цзи, носил он и другую родовую фамилию Цзи[6]. Возвышение Хоу-цзи произошло во времена Тао-тана, Юя и Ся[7], при которых он и проявил [свои] высокие добродетели.

[Когда] Хоу-цзи умер, [место отца] занял его сын Бу-ку. В последние годы жизни Бу-ку правление рода Ся-хоу ослабло, должность начальника земледельческих работ была упразднена, хлебопашество забросили. Бу-ку, лишившись своей должности, бежал в земли *жунов* и *ди*[8].

[Когда] умер Бу-ку, ему наследовал его сын Цзюй[9]. [Когда] умер Цзюй, ему наследовал его сын Гун-лю. Хотя Гун-лю и жил среди *жунов* и *ди*, но он снова вернулся к занятиям Хоу-цзи, пахал и сеял, давая земле то, в чем она нуждалась. [Гун-лю] из районов рек Цишуй и Цзюйшуй переправлялся через реку Вэйшуй [в новые места] и добывал там различные материалы[10]. Так у тех, кто кочевал, появились богатства, а у тех, кто жил оседло, появились запасы, и народ благодаря ему жил в радости.

Байсинов влекло к Гун-лю, и они во множестве переселялись, становясь под его руку. С этого времени начался подъем дома Чжоу. Вот почему стихотворцы воспевали Гун-лю, вспоминая его добродетели[11].

[Когда] Гун-лю умер, ему наследовал его сын Цин-цзе, [при котором] княжество находилось в Бинь[12]. [Когда] умер Цин-цзе, ему наследовал его сын Хуан-пу. [Когда] умер Хуан-пу, ему наследовал его сын Ча-фу. [Когда] умер Ча-фу, ему наследовал его сын Хуй-юй[13]. [Когда] умер Хуй-юй, ему наследовал его сын Гун-фэй. [Когда] умер Гун-фэй, ему наследовал его сын Гао-юй. [Когда] умер Гао-юй, [ему] наследовал его сын Я-юй[14]. [Когда] умер Я-юй, ему наследовал его сын Гун-шу Цзу-лэй. [Когда] умер Гун-шу Цзу-лэй, ему наследовал его сын Гу-гун Дань-фу. Гу-гун Дань-фу вернулся к занятиям Хоу-цзи и Гун-лю. [Он обладал] множеством добродетелей, действовал по справедливости, и люди на его землях

поддерживали его. Когда сюньюйские *жуны* и *ди*[15] напали на Гу-гуна, желая заполучить [его] богатства, [Гу-гун] дал им требуемое. Добившись своего, они вновь напали, желая заполучить земли и людей. [Тогда] все население вознегодовало и решило воевать. [Но] Гу-гун сказал: «[Когда] появляется народ, над ним ставится правитель, чтобы действовать ему на пользу[16]. Ныне *жуны* и *ди* напали [на нас] и ведут войну из-за моих земель и народа. Какая же разница народу быть под моей или под их [властью]? Народ выражает желание воевать из-за меня, [но] править народом, убивая его отцов и сыновей, такого я допустить не могу». После чего он вместе с домочадцами поспешно покинул Бинь[17], переправился через реки Цишуй и Цзюйшуй, перешел через горы Ляншань и остановился у подножия гор Цишань. Все жители Бинь, поддерживая старых и неся малых, как один, вновь перешли к Гу-гуну у подножия гор Цишань. Многие жители соседних владений, услышав о человеколюбии Гу-гуна, также перешли к нему. Тогда Гу-гун отверг обычаи *жунов* и *ди*, стал сооружать города, окруженные стенами, и предместья вокруг них, строить здания и дома и расселил там народ. [Он] установил пять управлений со своими обязанностями[18]. Весь народ воспевал в песнях Гу-гуна, прославляя его добродетели[19].

Старшего сына Гу-гуна звали Тай-бо, второго сына звали Юй-чжун. [Жена Гу-гуна] Тай-цзян родила младшего сына Цзи-ли[20]. Цзи-ли [вырос и] женился на Тай-жэнь[21]. Обе женщины были мудрыми. [Когда у Тай-жэнь] родился сын по имени Чан, появилось благовещее знамение. Гу-гун сказал: «В моем роду кто-то должен возвыситься, не будет ли это Чан»? Старшие сыновья Тай-бо и Юй-чжун поняли, что Гу-гун намерен поставить у власти Цзи-ли, чтобы впоследствии ему наследовал Чан, и они оба бежали к цзинским *маням*[22]. [Там они] татуировали тело, обрезали волосы, тем самым уступив [право наследования] Цзи-ли.

[Когда] Гу-гун умер, ему наследовал Цзи-ли, это был правитель Гун-цзи[23]. Гун-цзи совершенствовал пути управления, завещанные Гу-гуном, поступал всегда по справедливости, и владетельные князья повиновались ему.

[Когда] Гун-цзи умер, ему наследовал его сын Чан, это и был Си-бо («Повелитель Запада»). Си-бо, названный [позднее] Вэнь-ваном[24], следовал деяниям Хоу-цзи и Гун-лю, брал за образец установления Гу-гуна и Гун-цзи, был неизменно милосерден, чтил старых, заботился о малых, уважал мудрых и склонялся перед ними[25]. [Он] целыми днями принимал служилых, не имея времени на еду, и поэтому служилые в большом числе шли под его руку. Бо-и и Шу-ци, которые жили в Гучжу[26], услышав о том, с какой любовью Си-бо печется о старых, отправились [в Чжоу] и покорились ему. Тай-дянь, Хун-яо, Сань И-шэн, Юй-цзы, сановник Синь-цзя и другие[27] — все отправились [в Чжоу] и покорились Си-бо.

Чун-хоу Ху оклеветал Си-бо перед иньским Чжоу[-синем], сказав: «Си-бо творит добрые дела, множит добродетели, и владетельные князья все устремляются к нему, что сулит вам, государь, беду». Император Чжоу[-синь] заточил тогда Си-бо в Юли. Горюя о Си-бо, Хун-яо и другие [его приближенные] *нашли красавицу в роде* Ю-синь, *разномастных скакунов у* [племен] *лижунов*[28], девять четверок лошадей у *ю-сюнов* и другие редкостные изделия и через любимца правителя Инь — Фэй-чжуна поднесли все это Чжоу[-синю]. Чжоу очень обрадовался и сказал: «Одного такого дара достаточно, чтобы *освободить Си-бо, а тут даров так много!*» — *после чего* помиловал Си-бо, пожаловал ему лук, стрелы, боевой топор и секиру, предоставив Си-бо право проводить карательные походы. [Чжоу-синь] сказал: «Это Чун-хоу Ху оклеветал Си-бо». Си-бо поднес [Чжоу-синю] земли к западу от реки Ло и просил его отменить пытку огнем. Чжоу[-синь] *согласился на* это.

Си-бо скрыто творил добро, и все владетельные князья прибывали [к нему] решать [споры] по справедливости. В это время между жителями Юй и Жуй[29] возникла тяжба, которую они не могли разрешить, и они направились в Чжоу. Вступив в пределы [Чжоу, люди увидели, что] землепашцы все уступают друг другу межи, а в народе царит обычай во всем уступать старшим[30]. Люди из царств Юй и Жуй, еще не встретившись с Си-бо, устыдились и сказали друг

другу: «То, из-за чего мы спорим, чжоусцы считают постыдным, зачем же идти [к «Повелителю Запада»], только осрамимся!» И [они] возвратились обратно, уступив во всем друг другу. Владетельные князья, услышав об этом, сказали: «Си-бо, наверное, будет правителем по воле Неба».

На следующий год [Си-бо] пошел походом на *цюаньжунов*, через год предпринял поход на царство Мисюй[31], еще через год разбил царство Ци. Иньский [чиновник] Цзу-и, услышав про эти [походы], испугался и доложил императору Чжоу[-синю]. Чжоу[-синь] сказал: «Разве не существует воли Неба? Что же в этом случае можно сделать!» На следующий год [Си-бо] пошел походом на Юй[32], а еще через год напал на Чун-хоу Ху. Основав город Фэнъи, [Си-бо ушел] от гор Цишань и перенес столицу в Фэн[33]. На следующий год Си-бо скончался, ему наследовал его старший сын Фа, это был У-ван[34].

Си-бо находился на престоле, вероятно, пятьдесят лет. И, вероятно, во время своего заключения в Юли [он] увеличил восемь символов из трех черт «Книги перемен» до шестидесяти четырех символов из шести черт[35]. Стихотворцы рассказывали о Си-бо, что, вероятно, в год, когда он получил мандат Неба и [стал] именоваться ваном[36], прекратилась тяжба между [людьми] Юй и Жуй. Через десять лет он скончался[37] и получил посмертное имя Вэнь-ван. [Он] изменил [прежние] законы, определил начало первой луны; дал Гу-туну посмертное имя Тай-ван, а Гун-цзи — [посмертное имя] Ван-цзи, вероятно, потому, что благовещее знамение для правителей [дома Чжоу] стало появляться начиная с Тай-вана[38].

У-ван, заняв престол, сделал Тай-гуна по имени Ван наставником[39], Чжоу-гуна по имени Дань — помощником. Чжао-гун, Би-гун и другие [тоже] помогали вану. [Они] подражали[40] в делах Вэнь-вану и совершенствовали [управление].

На девятом году [правления] У-ван принес жертвы [звезде] Би[41]. Он дошел на востоке до Мэнцзиня[42], чтобы показать [свою] военную силу. Сделав из дерева поминальную табличку Вэнь-вана[43], [У-ван] возил ее на повозке в средней колонне войск. У-ван сам называл себя «наследником Фа» и за-

являл, что выступил в поход по повелению Вэнь-вана и не решился бы [на это] самочинно.

Затем [У-ван] обратился к начальникам военного приказа, приказа просвещения, приказа общественных работ и всем высшим чинам[44] [со следующими словами]: «Будьте все почтительны и верьте [мне]! У меня нет знаний, [но] благодаря тому, что мои предки обладали добродетелями, я, недостойный, воспользовался их прошлыми заслугами, [сумел] установить в конце концов награды и наказания и тем упрочить их доблести»[45]. Следом [он] поднял войско в поход. Ши Шанфу[46] объявил [начальникам]: «Соберите ваших людей, предоставьте ваши лодки и весла, тот, кто опоздает, будет казнен».

[Когда] У-ван переправлялся через реку Хуанхэ, на середине потока в его лодку прыгнула белая рыба; У-ван нагнулся и взял рыбу, чтобы принести ее в жертву. Когда переправились, [вдруг] появился огонь, который, [поднявшись], вновь опустился вниз. Достигнув дома, [где остановился] ван, огонь превратился в ворона красного цвета, который [громко] закаркал[47].

В это время владетельные князья, не сговариваясь, собрались в числе восьмисот у Мэнцзиня. Они единодушно сказали: «Чжоу[-синя] можно покарать!» У-ван сказал: «Вы не знаете воли Неба, еще нельзя», — после чего повернул войска и вернулся обратно[48]. Прождав два года, [У-ван] узнал, что безрассудство и жестокость проявились у Чжоу[-синя] еще больше и что [он] убил сына вана Би-ганя и заточил в тюрьму Ци-цзы. [Иньские] *тайши* Цы и *шаоши* Цзян, захватив с собой музыкальные инструменты, [используемые при жертвоприношениях], прибежали в Чжоу. Тогда У-ван объявил владетельным князьям: «[Дом] Инь совершил тягчайшие преступления, нельзя не покарать его полной мерой». И, повинуясь [посмертной воле] Вэнь-вана[49], [он] возглавил триста боевых колесниц, три тысячи удальцов[50], сорок пять тысяч латников и выступил на восток в карательный поход против Чжоу[-синя][51]. В день *у-у* двенадцатой луны на одиннадцатом году [правления У-вана] армия полностью пере-

правилась [через Хуанхэ] у Мэнцзиня, где собрались все владетельные князья. [Они] говорили: «[Мы будем] стараться изо всех сил, не допуская нерадивости!»[52]. У-ван составил «Великую клятву» и объявил ее народу: «Ныне иньский ван Чжоу внимает только словам своей наложницы, он сам порвал с Небом и разрушил три основы[53], отдалил от себя близких родичей: отца, мать и брата, отбросил музыку своих предков, сложил вместо нее непристойные мелодии и всякими безобразными звуками веселит и ублажает женщину. Поэтому ныне я, Фа, с почтением исполняю наказание, определенное Небом [Чжоу-синю]. Постарайтесь же, доблестные мужи, нельзя откладывать кару на второй или третий раз!»

В день *цзя-цзы* второй луны, перед рассветом, У-ван [выступил] и утром прибыл в Муе[54], в окрестностях [столицы] Шан, где принес клятву. В левой руке У-ван держал желтую секиру[55], а правой рукой сжимал белый бунчук, чтобы давать команду. *[Ван] сказал: «Далеко мы [зашли], люди западных земель!»* — и продолжал: «О! Вы, высокие вожди, владеющие землями, начальники приказа просвещения, военного приказа и приказа общественных работ, чиновники, начальники стражи, тысячники и сотники[56], люди [царств] Юн, Шу, Цян, Моу, Вэй, Лу, Пэн и Пу[57], поднимите ваши копья, подравняйте ваши щиты, выставьте ваши пики, я [принесу сейчас] свою клятву». [После чего] ван сказал: «У древних была поговорка „Курица не вещает утра, но, если курица возвестила утро, значит, конец дому“[58]. Ныне иньский ван Чжоу внимает только словам женщины, самочинно прекратил жертвоприношения своим предкам, не уделяя этому никакого внимания. [Он] по неразумию забросил управление своими владениями, отдалил родичей: отца, мать, брата — и не прибегает [к их] помощи, зато почитает и возвышает преступников и беглецов из всех частей страны, доверяет им и [широко] использует их, дабы тиранить народ и обирать шанское государство. Ныне я, Фа, с почтением исполняю наказание, определенное [Чжоу-синю] Небом. В сегодняшнем бою, сделав не свыше шести-семи шагов, останавливайтесь и подравнивайтесь. Старайтесь, доблестные мужи! Сделав не более четырех-пяти-шести-семи уда-

ров [своим оружием], останавливайтесь и подравнивайтесь, будьте усердны, доблестные мужи! Держитесь воинственно[59], деритесь, как тигры, как медведи, как барсы, как драконы; в окрестностях столицы[60] не нападайте на тех, кто может перебежать к [нам], чтобы [заставить их] работать на [наших] западных землях. Будьте усердны, доблестные мужи мои! [Если] не будете стараться, то навлечете на себя смерть!» [Когда] клятва была принесена, собравшиеся войска владетельных князей в числе четырех тысяч колесниц построились в боевые порядки в Муе.

Император Чжоу[-синь], узнав о приближении У-вана, также выставил армию, насчитывающую семьсот тысяч человек, чтобы дать отпор У-вану[61]. У-ван послал Ши Шан-фу вместе с сотней воинов завязать с врагом бой[62] и быстро двинулся во главе главных сил на войска императора Чжоу[-синя][63]. И хотя армия Чжоу-синя была многочисленной, но никто не хотел сражаться, все желали, чтобы У-ван скорее вступил [в столицу]. [Поэтому] войска Чжоу[-синя] повернули оружие и стали сражаться против него, открыв [путь] У-вану[64]. [Когда] У-ван [с войсками] стремительно подошел, иньская армия развалилась и взбунтовалась против Чжоу[-синя].

Чжоу[-синь] бежал, вернулся [в столицу], поднялся на террасу Лутай[65], покрыл себя одеждами с драгоценной яшмой, бросился в огонь и погиб.

У-ван, держа в руках большой белый флаг, подал знак *чжухоу, которые все низко склонились перед* У-ваном. У-ван сделал в их сторону легкий поклон. *Чжухоу*, следуя за У-ваном, направились в [столицу] шанского государства[66]. Шанские *байсины* ожидали [их] в предместьях. Тогда У-ван послал чиновников объявить шанским *байсинам* [следующее]: «Верховное Небо ниспослало [вам] счастье!» Шанцы дважды поклонились до земли, У-ван также ответил им низким поклоном[67].

Затем [У-ван] вступил [в столицу] и подъехал к месту, где погиб Чжоу[-синь]. У-ван лично выпустил в его труп три стрелы, после чего сошел с колесницы, легким мечом пронзил тело[68], желтой секирой отсек голову Чжоу[-синя] и подве-

сил ее к большому белому знамени[69]. Вслед за тем [У-ван] направился к двум любимым наложницам Чжоу[-синя], но обе женщины [уже] повесились, сами лишив себя жизни[70]. У-ван также выпустил три стрелы в них, пронзил [их тела] мечом, черной секирой отсек головы и подвесил их к малому белому знамени. После этого У-ван покинул [столицу] и возвратился в войска.

На другой день [в столице] расчищали дороги, восстанавливали жертвенник [духу земли] и дворец шанского Чжоу. Когда наступил срок, сотня воинов, неся на плечах знамена, выстроилась впереди[71], младший брат У-вана Шу Чжэнь-до[72] почтительно подал парадную колесницу[73], Чжоу-гун Дань с большой секирой и Би-гун с малой секирой[74] встали по бокам У-вана. Сань И-шэн, Тай-дянь и Хун-яо с мечами в руках охраняли У-вана. Прибыв на место, они встали по южную сторону жертвенника. Помощники [У-вана] из главных сил армии следовали [за ним][75]. Мао-шу Чжэн поднес чистую воду[76], вэйский Кан-шу [по имени] Фэн разостлал циновки, Чжао-гун [по имени] Ши[77] помог расстелить цветные ткани, Ши Шан-фу подвел жертвенных животных. Инь-и[78] [прочел] на дощечке обращение к духам, гласившее: «Последний потомок Инь, младший сын в семье Чжоу, пренебрег славными добродетелями прежних ванов и отбросил их. [Он] оскорблял и поносил духов Неба и Земли и не приносил им жертв, утратив разум, жестоко обращался с *байсинами* шанской столицы. Это стало ясным [для всех] и было услышано Верховным правителем — Владыкой небес». После этого У-ван дважды склонился до земли в поклоне [жертвеннику] и сказал: «Во исполнение изменившейся великой воли [Верховного правителя] мы устранили [дом] Инь и выполнили мудрое повеление Неба»[79]. У-ван вновь дважды поклонился до земли и покинул [жертвенник].

[У-ван] пожаловал Лу-фу, сыну шанского Чжоу, оставшееся население Инь. Но так как Инь только что было умиротворено и еще не было сведено вместе, У-ван приказал своим младшим братьям Гуань Шу-сяню и Цай Шу-ду помогать Лу-фу управлять инь[цами][80]. Затем приказал Чжао-

гуну освободить из заключения Ци-цзы, приказал Би-гуну освободить из заключения *байсинов* и написать о заслугах Шан-жуна на воротах его деревни. Приказал Нань-гун Ко[81] раздать богатства, [собранные] в Лутае, распределить зерно, [хранившееся] в Цзюйцяо[82], чтобы помочь бедному и слабому люду[83]; приказал Нань-гун Ко и Ши-и перевезти [в Чжоу] девять треножников и драгоценные яшмы[84]; приказал Хун-яо насыпать холм над могилой Би-ганя; приказал управляющему молениями принести жертвы в войсках[85]. После этого [У-ван] распустил войска[86] и выехал обратно на запад. По пути объехал владения и записал свои деяния, составив *У чэн* («Завершение военных дел»)[87].

[У-ван] пожаловал владетельным князьям земли, одарил по рангам жертвенными сосудами, употребляемыми в храме предков, и составил *Фэнь Инь чжи цию* («Распределение иньской утвари»)[88]. У-ван, вспоминая о прежних мудрых правителях, пожаловал в награду потомкам Шэнь-нуна владение в Цзяо, потомкам Хуан-ди — владение в Чжу, потомкам императора Яо — владение в Цзи, потомкам императора Шуня — владение в Чэнь, потомкам великого Юя — владение в Ци[89]. Вслед за тем одарил землями [своих] заслуженных чиновников и советников, в первую очередь Ши Шан-фу. Пожаловал Шан-фу владение в Инцю, названное Ци, пожаловал младшему брату Чжоу-гуну Даню владение в Цюйфу, названное Лу, пожаловал Чжао-гуну Ши владение в Янь, младшему брату Шу-сяню — владение в Гуань, младшему брату Шу-ду — в Цай. Остальные получили наделы по их заслугам[90].

У-ван, собрав всех вождей и управителей[91], поднялся [с ними] на холм у Бинь, чтобы обозреть шанские поселения[92]. [После чего] У-ван вернулся в Чжоу, [но] ночами никак не мог уснуть[93]. Чжоу-гун Дань, придя к вану, спросил: «Почему [вы, ван], не спите?» У-ван ответил: «Скажу тебе, [Дань]: ведь Небо не стало принимать даров от Инь, еще когда я, Фа, не родился, и [так продолжалось] доныне в течение шестидесяти лет. [Дошло до того, что] лоси стали пастись на лугах, а дикие гуси заполнили поля[94]. [Коль скоро] Небо не принимает

жертв от [дома] Инь, [я] ныне добился успеха. Когда Небо установило власть Инь, оно выдвинуло триста шестьдесят мужей, известных в народе, но [иньские правители] их не возвышали и не почитали, [а, наоборот,] устраняли вплоть до последнего времени [95]. Как же могу я беспечно спать, не упрочив еще покровительства Неба [ко мне]?»

Ван продолжал: «[Только когда] покровительство Неба [96] будет утверждено и я буду опираться на небесные чертоги [97], [когда я] найду всех преступных, разжалую всех тех, кто следовал за иньским ваном Шоу, денно и нощно буду заботиться [о народе], привлекать [его к себе], чтобы устроить наши западные земли [98], тогда [наконец] я покажу себя в делах, и [мои] добродетели засияют повсюду.

От излучины реки Лошуй до излучины реки Ишуй места для жительства удобные, без [естественных] препятствий, там когда-то располагалось владение Ю-ся. Глядя на юг, мы видим [оттуда] Саньту, глядя на север, видим селения у гор, оглянувшись назад, видим реку Хуанхэ, вглядываясь вперед, видим реки Лошуй и Ишуй, не удаляясь отсюда, [воздвигнем] чертоги» [99].

[Поэтому У-ван] стал строить столицу Чжоу в Лои, но затем уехал. [Он] пустил коней пастись у южных склонов гор Хуашань, пустил быков пастись на холмах Таолинь; [приказал] спрятать щиты и копья, отвел в полном порядке и распустил войска, показывая Поднебесной, что больше применять их не намерен [100].

Через два года после покорения Инь У-ван спросил Ци-цзы о причинах гибели Инь. Ци-цзы было больно говорить о преступлениях Инь[ского дома], поэтому он стал рассказывать о том, что способствует существованию и гибели государства [101], У-ван тогда устыдился и тоже стал спрашивать о путях [правления, определенных] Небом [102].

[Впоследствии] У-ван заболел. [Коль скоро] Поднебесная еще не была собрана [воедино], высшие сановники испугались и благоговейно стали гадать [об исходе болезни]. Чжоу-гун молился об отвращении беды, предлагал себя в жертву, выражая готовность [умереть] за вана. У-вану стало лучше, [но]

через какое-то время он скончался[103]. На престоле его сменил старший сын Сун, это и был Чэн-ван.

[Так как] Чэн-ван был еще мал, а [дом] Чжоу только что утвердился в Поднебесной, Чжоу-гун боялся, что владетельные князья взбунтуются, и взял управление государством на себя. Гуань-шу, Цай-шу и другие младшие братья [У-вана], подозревая Чжоу-гуна [в стремлении захватить власть], совместно с У-гэном подняли мятеж против Чжоу[104]. Чжоу-гун, заручившись повелением Чэн-вана, пошел походом [на восставших], казнил У-гэна и Гуань-шу и сослал Цай-шу. Вэйский княжич Кай был поставлен править [землями] Сун вместо иньского потомка [У-гэна][105]. [Затем Чжоу-гун] собрал в большом числе оставшихся иньцев и пожаловал их младшему брату У-вана, даровав ему титул вэй[ского] Кан-шу.

Цзиньский Тан-шу нашел благовещий колос[106] и преподнес его Чэн-вану. Чэн-ван переслал колос Чжоу-гуну в военный лагерь. Чжоу-гун получил [благовещий] колос, находясь на восточных землях, и объявил [народу] волю Сына Неба[107]. Вначале, [когда] Гуань-шу и Цай-шу восстали против Чжоу, Чжоу-гун выступил покарать их, и по прошествии трех лет все были усмирены. Вот почему сначала были составлены *Да гао* («Великое обращение»), затем *Вэй-цзы чжи мин* («Повеление вэйскому княжичу»), *Гуй хэ* («Передача колоса»), *Цзя хэ* («Благовещий колос»), *Кан гао* («Обращение к Кан-шу»), *Цзю гао* («Обращение по поводу вина») и, наконец, *Цзы цай* («Искусство плотника»)[108]. Эти события [описаны] в разделе, посвященном Чжоу-гуну[109].

Чжоу-гун ведал делами управления семь лет. [Когда] Чэн-ван стал взрослым, Чжоу-гун возвратил управление Чэн-вану, [а сам], став лицом к северу, занял место среди чиновников.

Чэн-ван, проживавший в Фэн, послал Чжао-гуна возобновить строительство города Лои согласно воле У-вана. Чжоу-гун вновь прибег к гаданию, которое объяснило, что по окончании сооружения [столицы] туда следует поместить девять треножников. [Чжоу-гун] сказал: «Там, [в Лои], среди-

на Поднебесной, и при доставлении дани с четырех сторон страны длина пути будет одинаковой [для всех]». Были составлены *Чжао гао* («Обращение к Чжао-гуну») и *Лои гао* («Обращение, касающееся Лои»).

Когда Чэн-ван переселил оставшихся иньцев [в отведенные места], Чжоу-гун объявил иньцам волю правителя, составив *До ши* («Множеству мужей») и *У и* («Нельзя быть нерадивым»)[110]. Назначив Чжао-гуна на должность воспитателя, а Чжоу-гуна — на должность наставника[111], [Чэн-ван] выступил на восток в поход против племен *хуайи,* сокрушил царство Янь и переселил его правителя в Богу[112]. Возвратясь из Янь, Чэн-ван остановился в Цзунчжоу[113] и составил *До фан* («Множество местностей»).

Покончив с существованием Инь, Чэн-ван внезапно напал на племена *хуайи,* после чего вернулся в Фэн[цзин] и сочинил *Чжоу гуань* («Чжоуские чиновники»)[114]. [Он] возродил правильные обряды и музыку, и тогда изменились установления и порядки, народ [зажил] в мире и согласии, и [повсюду] слышались хвалебные песни. Как только Чэн-ван покарал племена восточных *и, сишэни* явились к вану с поздравлениями[115]. Ван одарил [их правителя] Жун-бо и составил *Хуй сишэнь чжи мин* («Пожаловал повеление *сишэням*»)[116].

Незадолго до смерти Чэн-ван, опасаясь, что его наследник Чжао не удержит власть, повелел Чжао-гуну и Би-гуну, встав во главе *чжухоу,* оказать помощь наследнику и возвести его на престол.

Когда Чэн-ван скончался, оба *гуна,* возглавляя владетельных князей, представили [Небу] наследника Чжао в храме прежних ванов. [Они] подробно рассказали [наследнику], как нелегко было Вэнь-вану и У-вану создавать свое государство, как необходимо быть бережливым и рачительным, не проявлять излишних желаний, [как надо] с честностью и искренностью наблюдать за делами государства. [После этого] они составили *Гу мин* («Предсмертная воля»)[117].

Вслед за тем наследник Чжао вступил на престол. Это был правитель Кан-ван. Вступив на престол, Кан-ван обратился ко всем владетельным князьям и рассказал им о дея-

ниях Вэнь[-вана] и У[-вана] и [о своем намерении] продолжать их дело. Было составлено *Кан гао* («Обращение Кан-вана») [118]. Вот почему во времена Чэн-вана и Кан-вана в Поднебесной царили спокойствие и мир, наказания были приостановлены и сорок с лишним лет не применялись [119]. Кан-ван повелел составить приказ, по которому Би-гуну предлагалось разделить поселения и [населить] пригороды столицы Чжоу. Было составлено *Би мин* («Повеление Би-гуну») [120].

[Когда] Кан-ван умер [121], на престол вступил его сын Чжао-ван по имени Ся. При Чжао-ване в управлении государством [проявились] слабости и изъяны. Во время объезда южных владений Чжао-ван погиб на реке Цзян и не вернулся [в столицу].

О его смерти [долго] не сообщали [в столицу], утаивая [его гибель] [122]. На престол возвели сына Чжао-вана по имени Мань, это был Му-ван. Когда Му-ван вступил на престол, ему исполнилось уже пятьдесят лет. Управление страной [к этому времени] пришло в упадок и ослабло, и Му-ван, скорбя о том, что пути правления Вэнь[-вана] и У[-вана] соблюдаются слабо, повелел Бо-цзюну, занимавшему должность главного церемониймейстера — *тайпу,* быть [более] осмотрительным в делах государственного управления. Было составлено *Цзюн мин* («Повеление Бо-цзюну») [123]. [В стране] вновь восстановилось спокойствие.

[Когда] Му-ван собрался идти походом против *цюаньжунов,* Цзи-гун Моу-фу [124], увещевая [его], сказал: «Нельзя так [поступать], ведь прежние ваны славились добродетелью и не стремились показывать военную силу. Если войска укрыты и действуют [только] в нужное время, то их действия внушают страх, а если выставлять [войска], то [к ним] привыкают, а привыкнув, не боятся. Именно поэтому в гимне чжоуского Вэнь-гуна говорится:

Копья, а также щиты
повелели собрать,
Луки и стрелы вложить
обратно в колчаны.
К доблести мудрой мы тогда

устремнлись,
Распространяя ее по [древнему] Ся.
Истинный царь, мы будем все это
хранить! [125]

По отношению к народу прежние ваны старались улучшать его добродетели, облегчать его жизнь, умножать его богатства. [Помогали] с пользой применять орудия, разъясняли, что полезно и что вредно, просвещением совершенствуя всех [126]. [Они] побуждали людей служить полезному и искоренять дурное, стремиться к добродетели и избегать насилия, вот почему [они] сумели сохранить [власть] из поколения в поколение, все более умножая [свое] величие. В прошлом наши правители ряд поколений занимали должности начальника земледельческих работ, служа Юю и Ся. [Однако] когда правление [дома] Ся ослабло, хлебопашество было заброшено, и им перестали заниматься, наш прежний правитель Бу-ку, лишившись своей должности, по собственной воле ушел и укрылся в землях *жунов* и *ди*.

[Находясь среди *жунов* и *ди*], Бу-ку не смел пренебрегать делами, всегда и во всем проявлял свои добродетели, заботливо совершенствовал свои занятия, улучшал наставления и правила. [Бу-ку] с утра до вечера оставался внимательным и прилежным [в труде], придерживался честности и искренности, поддерживал преданность и верность. [Так Бу-ку] ряд поколений блистал добродетелями и не посрамил своих предков [127].

Когда же подошло время [правления] Вэнь-вана и У-вана, то они не только засияли прежним блеском, но и приумножили [достигнутое] своей любовью и мягкостью. [Они] ревностно служили небесным духам и оберегали народ, и не было таких, кто бы не радовался.

Шанский правитель Ди-синь причинял народу большое зло, простой народ больше не в состоянии был терпеть и с радостью поддержал У-вана, вот и произошел бой при шанском Му[е].

Случилось так потому, что прежние ваны не усердствовали в военных делах, [они] старательно оберегали покой народа и стремились устранять то, что приносило вред. По системе,

установленной прежними правителями, в средине государства [лежали земли] *дянь-фу*, за этой срединой [лежали земли] *хоу-фу*, [далее], в поясе владений знати всех рангов [лежали земли] *бинь-фу* [128], где жили *и* и *мань*, [лежали земли] *яо-фу*, где жили *жуны* и *ди*, [лежали земли] *хуан-фу*. Жившие в поясе *дянь-фу* [поставляли необходимое] для ежедневных жертв *цзи;* жившие в поясе *хоу-фу* [поставляли необходимое] для месячных жертвоприношений *сы;* жившие в поясе *бинь-фу* [поставляли необходимое] для сезонных жертвоприношений *сян;* жившие в поясе *яо-фу* [поставляли] годичные дары *гун;* а жившие в поясе *хуан-фу* должны были являться на поклон к новому правителю [129].

[Так] ежедневно приносились жертвы *цзи,* ежемесячно приносились жертвы *сы,* посезонно приносились жертвы *сян,* раз в год подносились дары *гун,* и соблюдалось представление новому вану. Таков был порядок, установленный прежними ванами в жертвоприношениях [130].

Если не поставлялось необходимое для ежедневных жертв, то [ваны] совершенствовали свои намерения, если не поставлялось необходимое для месячных жертв, [они] совершенствовали слова [приказов], если не поставлялось необходимое для сезонных жертв, [они] совершенствовали записи [законов], если не приносились годичные дары, [они] совершенствовали наименования [даров], если не представлялись новому правителю, [они] совершенствовали добродетели; если же, несмотря на установленный порядок, дары все же не приносились, тогда совершенствовали наказания.

В этом случае не поставлявших [необходимое для] ежедневных даров наказывали, не поставлявших [необходимое для] месячных даров карали, против не поставлявших [необходимое для] сезонных даров шли походом, не приносящим годичных даров делали внушение, не представлявшихся новому вану предупреждали.

Таким образом, существовали законы для наказаний, имелись войска для кары, накоплялись средства для походов, существовали приказы для внушающих страх укоров, имелись слова для письменных предупреждений.

[Если же] и приказы были распространены и предупреждения были сделаны, а дары, несмотря на это, не приносились, то [прежние ваны] еще более совершенствовались в своих добродетелях, но не утруждали народ [походами] в далекие земли [131]. Вот почему вблизи не было таких, кто бы ослушался, а вдали не было таких, кто бы не покорился.

Ныне, со времени смерти Да-би и Бо-ши [132], роды *цюаньжунов* вовремя прибывают с положенными им дарами представляться вану, а вы, Сын Неба, говорите: „Я должен пойти походом на *цюаньжунов* за то, что они не приносят [необходимого для] сезонных жертв, и показать им свою военную мощь". Это не что иное, как отказ от наставлений прежних правителей, и не сулит ли такой поход вам, ван, поражения? [133] Я слышал, что вождь *цюаньжунов* Шу-дунь [134] следует во всем прежним добродетелям, неизменно их соблюдая и твердо придерживаясь [135]. Он имеет [основания] сопротивляться нам!»

Му-ван [все-таки] [136] пошел походом на *цюаньжунов* и, [только] получив в дар четырех белых волков и четырех белых оленей, возвратился обратно. С тех пор те, кто пребывал на землях *хуан-фу*, перестали являться [ко двору вана]. Среди владетельных князей появились несогласные [с ваном], о чем Фу-хоу доложил Му-вану. [Тогда] ван приступил к совершенствованию [системы] наказаний, сказав:

«Эй, подойдите ко мне, имеющие владения и земли! [Я] поведаю вам о том, как правильно применять наказания. Когда вы ныне умиротворяете *байсинов*, разве вы не должны выбирать достойных людей [судьями], разве вы не должны быть осмотрительными в применении наказаний, разве вы не должны [тщательно] оценивать обстоятельства [преступления]?

[Порядок определения наказаний таков]: когда обе [спорящие] стороны налицо, судьи должны выслушать их, [руководствуясь при этом] пятью внешними признаками [137]. Если пять признаков ясны и неоспоримы, определяется [одно] из пяти тяжелых наказаний. [Если в определении] одного из пяти тяжелых наказаний нет ясности, то определяется [одно из] пяти легких наказаний. [Если же] ни одно из легких наказа-

ний неприменимо, тогда определяется [один из] пяти проступков [судей]. Изъянами, ведущими к пяти проступкам, [считаются]: превышение власти закона и использование родственников. Если проверка подтвердила такое злоупотребление, то оценивается и [тяжесть] проступка [138].

[Если судьи] сомневаются [в необходимости применения] пяти тяжелых наказаний, они милуют, [смягчая приговор], если сомневаются [в необходимости применения] пяти легких наказаний, они милуют, [смягчая приговор], но для этого требуется проверка. [Когда] множеством [данных] доказана неоспоримость [преступления], лишь допросы создают основание [для приговора]. Если же нет ясности [в совершении преступления], не должно быть сомнений [в невиновности]. Во всем благоговейте перед величием Неба!

При сомнении в [необходимости] наказания клеймением милуйте и налагайте наказание [в виде откупа] в сто *шуа* [139], проверив действительную вину. При сомнении [в необходимости] наказания отрезанием носа милуйте, а наказание [откупом] удваивайте [140], проверив действительную вину. При сомнении [в необходимости] наказания отрубанием ног милуйте, а наказание [откупом] увеличивайте еще почти в два раза, проверив действительную вину. При сомнении [в необходимости] наказания кастрацией милуйте, а наказание [откупом] устанавливайте в пятьсот *шуа* [141], проверив действительную вину. При сомнении [в необходимости] наказания смертной казнью милуйте и устанавливайте наказание [откупом] в размере тысячи *шуа,* проверив действительную вину.

Наказания клеймением описаны в тысяче [статей], наказания отрезанием носа описаны в тысяче [статей], наказания отрубанием ног описаны в пятистах [статьях], наказания кастрацией описаны в трехстах [статьях], наказания смертной казнью описаны в двухстах [статьях]. [Таким образом], пять тяжелых наказаний описаны в трех тысячах [статей закона]».

Это называлось *Фу син* («Кодекс наказаний, составленный Фу-хоу») [142].

Пробыв на престоле пятьдесят пять лет, Му-ван скончался. На престол вступил его сын Гун-ван по имени И-ху [143].

[Однажды] Гун-ван путешествовал по реке Цзин в сопровождении Кан-гуна из царства Ми. [Кан-гуну] прислали в дар трех девушек[144]. Мать Кан-гуна сказала ему: «Нужно поднести девушек вану. Ведь трое диких животных составляют *цюнь* — стаю, три человека составляют *чжун* — толпу, а три женщины составляют *цань* — роскошь. Ван на охоте не бьет всей стаи, *гун*, разъезжая, не снисходит до всех людей, ван, используя [прислужниц], не берет трех из одного рода[145]. [Присланные] три девушки — прекрасные создания. [Хотя] народ и дает тебе красавиц, но какими же добродетелями ты заслужил их? Даже ван не заслуживает такого, что же говорить о таких ничтожных, как ты! [Если ты], ничтожный, заберешь эти создания, то в конце концов непременно погибнешь».

Кан-гун не преподнес [женщин вану], и через год Гун-ван уничтожил царство Ми. [Когда] скончался Гун-ван, на престол вступил его сын И-ван по имени Цзянь[146]. Во время [правления] И-вана дела царского дома пришли в упадок, и стихотворцы сочиняли [о нем] сатиры. [Когда] скончался И-ван, на престол вступил младший брат Гун-вана Би-фан, это был Сяо-ван. [Когда] скончался Сяо-ван, владетельные князья возвели на престол, как и следовало, старшего сына И-вана по имени Се, это и был И-ван[147]. [Когда] скончался И-ван, на престол вступил его сын Ли-ван по имени Ху.

Ли-ван пробыл на престоле тридцать лет. Любя богатства и выгоды, [он] приблизил к себе жунского И-гуна. Жуйский сановник Лян-фу[148], увещевая Ли-вана, сказал: «Не придет ли дом вана из-за этого в упадок? Ведь жунский *гун* стремится прибрать к рукам богатства и не понимает, [что это несет] большие беды. Богатства — это то, что порождается всем сущим, то, что создается Небом и Землей, поэтому, если кто-либо захватывает их единолично, этим причиняется огромный вред. Все сущее, все созданное Небом и Землей должно использоваться всеми, как же можно захватывать это одному? Гнев, вызванный [такими действиями], будет весьма велик, и [страна] не будет готова [на случай] больших бед. Если так наставлять правителя, то разве он сможет долго

[править]? Кто управляет людьми, должен открывать путь к богатствам, но распределять их между верхними и нижними [149], чтобы все духи, люди и все сущее получали по справедливости. [Ван] должен все время находиться в страхе, опасаясь вызвать недовольство.

Поэтому в „Гимнах" поется:

Думаем о просвещенном Хоу-цзи,
Достойном сравняться с Небом,
Ты утвердил весь наш народ,
Нет никого справедливее тебя [150].

А в „Больших одах" сказано: „Одаряя своими милостями, [Вэнь-ван] создал Чжоу" [151]. Таким образом, разве [наши прежние правители] не распределяли богатств, опасаясь [грядущих] бед? Поэтому-то им удалось создать Чжоу, которое сохранилось до сегодняшнего дня. Ныне вы, ван, учитесь захватывать богатства только для себя, разве это допустимо? Даже если простолюдин захватывает богатства для себя одного, это называют грабежом, если же ван будет поступать так, мало кто покорится ему. Если вы используете Жун-гуна, Чжоу непременно потерпит неудачу». Ли-ван не послушал его и все же поставил Жун-гуна на пост высшего сановника, чтобы тот управлял делами.

[Ли-]ван был жесток и бесчеловечен, предавался излишествам и проявлял высокомерие, за что население страны [152] хулило его. Чжао-гун, увещевая вана, сказал: «Народ не вынесет [такой] жизни!» [Но] ван разгневался и призвал колдуна из Вэй, приказав ему следить за теми, кто хулит его, и по его доносам казнил их. Число хулителей вана уменьшилось, [но] и *чжухоу* перестали являться ко двору. На тридцать четвертом году [правления] [153] ван стал еще суровее, люди в царстве не осмеливались разговаривать [друг с другом] и, [встречаясь] на дорогах, только обменивались взглядами. Ливан возрадовался этому и сказал Чжао-гуну: «Я сумел прекратить хулу, [никто] не смеет разговаривать».

Чжао-гун ответил: «[Вы] лишь преградили путь молве, но закрыть людям рты труднее, чем преградить путь воде.

[Если] реку преградить, а она прорвет запруду, то от этого непременно пострадает множество людей. Народ тоже подобен реке. Вот почему тот, кто следит за рекой, делает брешь в преграде, чтобы направить в нее [лишнюю] воду, а тот, кто управляет народом, дает ему волю высказываться. Поэтому Сын Неба, осуществляя свое правление, обязывает как высших сановников, так и чиновников всех рангов[154] представлять ему стихи, слепцов — представлять песни[155], летописцев — представлять записи; наставники правителя должны предостерегать, подслеповатые почтенные старцы — декламировать оды[156], слепцы — петь, чиновники — увещевать, простолюдины — передавать [наверх] разговоры, приближенные чиновники — открыто давать советы, родичи — выявлять ошибки и поправлять промахи. [Таким образом], слепцы и летописцы наставляют и вразумляют, а старцы совершенствуют [поучения][157]. После чего ван, приняв все это в соображение, действует, и тогда дела осуществляются [успешно] и нет нарушений.

Люди имеют рты, подобно тому как на земле есть горы и реки, которые рождают все богатства, подобно тому как на ней есть возвышенные и низкие места, плодородные и орошаемые земли, которые дают одежду и пищу. Рот [человека] распространяет слова, которые являются источником хорошего и дурного. Делая добро и остерегаясь плохого, можно производить богатства, одежду и пищу. Ведь чаяния народа лежат в сердце, а высказываются они ртом, складываясь вместе, они проводятся в жизнь. Если же закрыть рты народу, долго ли все это сможет продолжаться?»[158]. Ван не послушал [советов]. Теперь в государстве никто не осмеливался высказываться, а по прошествии трех лет все взбунтовались и напали на Ли-вана. Ли-ван бежал в Чжи[159].

Старший сын Ли-вана Цзин спрятался [от восставших] в доме Чжао-гуна. Население столицы, узнав об этом, окружило дом. Чжао-гун сказал: «Ранее я неоднократно увещевал вана, но ван не следовал [моим советам], и из-за этого [он] дошел до столь бедственного положения. Ныне, [если] будет убит старший сын вана, разве ван не посчитает меня врагом

и не разгневается на меня?[160]. Тот, кто служит повелителю, в опасности не должен роптать и негодовать, а если [повелитель] обижает его, не должен сердиться, тем более [когда речь идет о] службе государю!» Затем он выдал [народу] своего сына вместо старшего сына вана, и наследник сумел в конце концов избежать [гибели].

Управление государством стали осуществлять два первых советника Чжао-гун и Чжоу-гун, и это правление было названо *Гун-хэ* («Общее согласие»). На четырнадцатом году правления *Гун-хэ* (827 г. до н. э.) Ли-ван умер в Чжи[161]. Когда наследник Цзин возмужал в семье Чжао-гуна, оба первых советника возвели его на престол, объявив ваном. Это был Сюань-ван. После того как Сюань-ван занял престол, оба советника [продолжали] помогать ему, совершенствовали управление, беря за образец методы Вэнь-вана, У-вана, Чэн-вана и Кан-вана, и владетельные князья вновь стали почитать дом Чжоу своим главой. На двенадцатом году правления Сюань-вана (815 г. до н. э.) луский У-гун явился ко двору[162].

Сюань-ван не возделывал землю на поле в тысячу му[163], и Вэнь-гун из Го, увещевая вана, сказал: «Нельзя так [поступать]!»[164] Однако ван не послушался. На тридцать девятом году правления Сюань-вана (789 г. до н. э.) произошло сражение в Цяньму[165]. Войска вана были наголову разбиты *жунами* из цянских родов.

Коль скоро Сюань-ван потерял свои войска из южных царств[166], [он] стал пересчитывать население в Тайюани. Чжун Шань-фу убеждал его: «Народ нельзя считать». [Но] Сюань-ван не послушал его и все-таки пересчитал народ[167].

На сорок шестом году правления (782 г. до н. э.) Сюань-ван скончался[168], и на престол вступил его сын Гун-шэн, принявший титул Ю-ван[169]. На втором году правления Ю-вана (780 г. до н. э.) в Западном Чжоу в районе Трехречья произошло землетрясение[170]. Бо Ян-фу сказал: «Чжоу ожидает гибель! [Известно, что] взаимодействие сил Неба и Земли не теряет своего порядка, если же этот порядок нарушается, то народ восстает. [Когда] сила *ян* повержена и не в состоянии выйти [наверх] и, будучи подавлена силой *инь*, не в состоянии

воспарить, тогда случается трясение земли. Ныне в районе Трехречья произошло землетрясение, и это означает, что сила *ян* утратила присущее ей место и подавлена силой *инь*. [Когда] сила *ян* теряет [свое место] и находится под давлением силы *инь*, истоки [рек] обязательно закупориваются; если же истоки закупорятся, то государство непременно гибнет. Когда вода и земля [должным образом] взаимодействуют, народ пользуется этим, а когда земля не взаимодействует [с водой], у народа недостает всего необходимого, чего же тогда ожидать, кроме гибели? В прошлом, когда реки Ишуй и Лошуй обмелели, погиб [дом] Ся. [Когда] обмелела река [Хуан]хэ, погиб [дом] Шан. Ныне добродетели [дома] Чжоу в таком же [состоянии], как в конце тех двух династий. К тому же истоки рек вновь закупорены, а закупорка обязательно приведет к их обмелению. Ведь [существование] страны всегда зависит от гор и рек, [когда же] горы рушатся, а реки мелеют — это признак гибели государства. Обмеление рек непременно приводит к обвалу гор. Что же касается государства, оно гибнет на протяжении не более десяти лет, такова основа [большого] счета. То, что отвергается Небом, не просуществует более этого срока». В том году обмелели три реки и случился обвал в горах Цишань.

На третьем году правления (779 г. до н. э.) Ю-ван страстно полюбил Бао-сы. Бао-сы родила ему сына Бо-фу, и Ю-ван решил отстранить [законного] наследника престола. Мать наследника, дочь Шэнь-хоу, была старшей женой Ю-вана. Когда же Ю-ван взял к себе Бао-сы и полюбил ее, он хотел убрать государыню из рода Шэнь и вместе с ней устранить старшего сына И-цзю, чтобы сделать Бао-сы старшей женой, а Бо-фу — наследником.

Чжоуский историограф Бо-ян, читая исторические записи, сказал: «Чжоу погибнет!» [В этих записях говорилось, что] в прошлом, когда род Ся-хоу пришел в упадок, появились два необыкновенных дракона, которые сели во дворце императора Ся и проговорили: «Мы два правителя [владения] Бао». Император Ся стал гадать, убить ли [драконов], прогнать ли их или задержать у себя, но ответ [оракула] был неблагоприят-

ным. [А когда] погадал, не попросить ли слюны драконов, чтобы сохранить ее, то ответ оказался благоприятным. Тогда разложили цветные ткани и обратились с такой просьбой к драконам, написав ее на бамбуковой дощечке. Драконы исчезли, оставив слюну, которая была собрана [в сосуд] и спрятана. [Когда] Ся погибло, сосуд со слюной перешел к дому Инь. [Когда] Инь погибло, то сосуд перешел к дому Чжоу. Во время этих трех династий никто не осмеливался открыть сосуд. Только в последний год правления Ли-вана [дерзнули] открыть [сосуд] и посмотреть в него. Слюна [драконов] растеклась по дворцу, и ее никак не могли убрать. Ли-ван приказал тогда [дворцовым] женщинам раздеться догола и громко кричать [171]. Слюна превратилась в черную черепаху, которая заползла в заднее дворцовое помещение. Находившаяся в заднем дворцовом помещении юная служанка, у которой только что выпали молочные зубы, встретилась с черепахой. *Позднее, достигнув зрелости* [172], *она забеременела без мужа и* родила ребенка, но, испугавшись, бросила свое дитя.

[Еще] в годы правления Сюань-вана дети пели такую песню:

> Лук из дерева *янь* и колчан из дерева *цзи* —
> Вот что погубит дом Чжоу.

Услышав эту песню и узнав, что есть муж и жена, которые продают подобные изделия, Сюань-ван приказал схватить и убить их. [Но] муж и жена бежали и увидели выползшего на дорогу необыкновенного ребенка, брошенного ранее юной служанкой из заднего дворцового помещения. Услышав жалобный крик в ночи, [супруги] пожалели и подобрали ребенка, после чего оба скрылись, убежав в Бао. Баосцы были виноваты [перед ваном] и, чтобы искупить вину, попросили дозволения поднести ему девочку, брошенную юной служанкой. [А так как] брошенная девочка была передана из Бао, ее и назвали Бао-сы.

На третьем году правления Ю-ван увидел эту девушку в задних дворцовых помещениях и полюбил ее. Бао-сы родила сына Бо-фу. В конце концов [Ю-ван] устранил старшую

жену из рода Шэнь и старшего сына — наследника, сделав Бао-сы государыней, а Бо-фу — наследником. Историограф Бо-ян сказал: «Беда произошла, ничего уже поделать нельзя» [173].

Бао-сы не любила смеяться, Ю-ван всеми способами старался ее рассмешить, [но] она не смеялась. Ю-ван соорудил [на горах] сигнальные вышки и [установил] большие барабаны. Когда приближался противник, на сигнальных вышках зажигали огни. Владетельные князья [в этом случае] все прибывали [на помощь]. [Однажды] все прибыли, но увидели, что неприятеля нет, вот тогда-то Бао-сы громко рассмеялась. Ю-ван обрадовался этому и много раз зажигал сигнальные огни. После этого [сигналам] перестали верить, и владетельные князья один за другим также перестали являться [на помощь] [174].

Ю-ван сделал Ши-фу из княжества Го своим высшим сановником, [поручив ему] управлять делами, что вызвало ропот среди населения страны. Ши-фу был человеком коварным, искусным в лести, любил наживаться, [но] ван все равно привлек его. К тому же ван устранил старшую жену из рода Шэнь и сместил наследника престола. [Отец старшей жены] Шэнь-хоу разгневался и вместе с [царством] Цзэн и племенами *цюаньжунов* из западных варваров напал на Ю-вана [175]. Ю-ван зажег сигнальные огни, призывая на помощь войска, но войска [*чжухоу*] не пришли. Затем [нападающие] убили Ю-вана у подножия горы Лишань [176], схватили Бао-сы, забрали все богатства [дома] Чжоу и ушли. После этого владетельные князья соединились с Шэнь-хоу и совместно возвели на престол прежнего наследника — старшего сына Ю-вана И-цзю. Это и был Пин-ван, который продолжил принесение жертв [предкам] Чжоу.

Взойдя на престол, Пин-ван переехал на восток, в Лои, с целью укрыться от нападений *жунов* [177]. Во время [правления] Пин-вана чжоуский дом ослаб, сильные князья присоединяли к себе [земли] слабых, началось усиление княжеств Ци, Чу, Цинь и Цзинь, и управление [все больше] зависело от местных правителей [178].

На сорок девятом году правления Пин-вана (722 г. до н. э.) в Лу пришел к власти Инь-гун[179]. На пятьдесят первом году правления (720 г. до н. э.) Пин-ван скончался, и, [так как] его старший сын Се-фу рано умер, на престол был возведен сын последнего Линь. Это был Хуань-ван. Он был внуком Пин-вана.

На третьем году правления Хуань-вана (717 г. до н. э.) чжэнский Чжуан-гун прибыл ко двору, но Хуань-ван не оказал ему должных почестей[180]. На пятом году правления (715 г. до н. э.) [правитель] Чжэн, будучи обиженным, выменял у [князя] Лу поля в Сюй[181], а поля в Сюй использовались Сыном Неба для принесения жертв горе Тайшань. На восьмом году правления Хуань-вана (712 г. до н. э.) в Лу убили Инь-гуна[182] и поставили у власти Хуань-гуна. На тринадцатом году правления (707 г. до н. э.) напали на Чжэн, [один из] чжэнцев выстрелил в Хуань-вана из лука и ранил его. Хуань-ван тогда покинул [Чжэн] и вернулся обратно[183].

На двадцать третьем году правления (697 г. до н. э.) Хуань-ван скончался, и на престол вступил его сын Чжуан-ван по имени То. На четвертом году правления Чжуан-вана (693 г. до н. э.) чжоуский *гун* Хэй-цзянь вознамерился убить Чжуан-вана и поставить на престол сына [Хуань-]вана Кэ. Синь-бо доложил об этом Чжуан-вану, и ван казнил чжоуского *гуна*. Сын вана Кэ бежал в княжество Янь[184].

На пятнадцатом году правления (682 г. до н. э.) Чжуан-ван скончался, и на престол вступил его сын Си-ван по имени Ху-ци. На третьем году правления Си-вана (679 г. до н. э.) циский Хуань-гун впервые стал гегемоном среди князей[185].

На пятом году правления (677 г. до н. э.) Си-ван скончался, и на престол вступил его сын Хуй-ван по имени Лан. Наступил второй год правления Хуй-вана (675 г. до н. э.). В свое время[186] Чжуан-ван полюбил наложницу Яо. Она родила ему сына по имени Туй, который стал любимцем отца.

Когда Хуй-ван вступил на престол, он отобрал у своих высших сановников сады и превратил их в свои парки, и

из-за этого Бянь-бо и другие пять сановников подняли мятеж. [Они] намеревались призвать на помощь войска княжеств Янь и Вэй, чтобы напасть на Хуй-вана. Хуй-ван бежал в Вэнь, а затем поселился в Ли в княжестве Чжэн. [Восставшие] возвели на престол младшего брата Си-вана Туя [187], [в связи с чем] везде играла музыка и устраивались танцы [188]. [Смена вана] рассердила правителей княжеств Чжэн и Го. На четвертом году правления Хуй-вана (673 г. до н. э.) правители Чжэн и Го напали на Туя, объявленного ваном, и убили его, вновь вернув на престол Хуй-вана.

На десятом году правления (667 г. до н. э.) Хуй-ван даровал цискому Хуань-гуну титул гегемона.

На двадцать пятом году правления (652 г. до н. э.) Хуй-ван скончался, и на престол вступил его сын Сян-ван Чжэн [189]. Мать Сян-вана умерла очень рано, и [он рос при мачехе], старшей жене Хуй-вана — Хуй-хоу. Хуй-хоу родила сына по имени Шу-дай, который стал любимцем Хуй-вана, [поэтому] Сян-ван опасался его. На третьем году правления Сян-вана (649 г. до н. э.) Шу-дай задумал с помощью *жунов* и *ди* напасть на Сян-вана [190]. [Узнав об этом], Сян-ван решил убить Шу-дая, и Шу-даю пришлось бежать в княжество Ци. Циский Хуань-гун послал тогда Гуань Чжуна [191] помирить *жунов* с домом Чжоу и отправил Си-пэна — помирить *жунов* с княжеством Цзинь [192].

[Чжоуский] ван оказал прибывшему Гуань Чжуну почести, как первому министру. Гуань Чжун, отказываясь [от таких почестей], сказал: «Я — лишь небольшой чиновник, [у нас в Ци] служат назначенные вами, Сын Неба, два высших инспектора — Го и Гао. Когда весной и осенью они прибудут за получением ваших приказаний, то какие же почести вы окажете им? [Вот почему] я, слуга вашего владетельного князя [193], осмеливаюсь отказаться [от высоких почестей]». Ван сказал: «О [посланец] моего дяди! [194] Я лишь отмечаю этим ваши заслуги, и вы не противьтесь моей воле!»

Гуань Чжун в конце концов согласился принять почести, соответствующие рангу младшего министра, и после этого вернулся [в княжество Ци]. На девятом году правления Сян-

вана (643 г. до н. э.) умер циский Хуань-гун. На двенадцатом году правления Сян-вана (640 г. до н. э.). Шу-дай вновь вернулся в Чжоу [195].

На тринадцатом году правления Сян-вана (639 г. до н. э.) княжество Чжэн напало на Хуа[196]. Сян-ван послал Ю-суня и Бо-фу просить за Хуа, но чжэнцы арестовали его послов. Чжэнский Вэнь-гун был обижен на то, что Хуй-ван, вернувшись [в столицу], не подарил большого кубка [его отцу] Ли-гуну [197], и еще был обижен на то, что Сян-ван действовал в пользу княжеств Вэй и Хуа, поэтому он и задержал Бо-фу. Ван разгневался и хотел с помощью племен *ди* напасть на Чжэн. Фу-чэнь, увещевая его, сказал: «Во многих случаях — и когда наш дом Чжоу переезжал на восток, [правители] Цзинь и Чжэн оказали нам поддержку, и когда сын вана Туй поднял мятеж, опять-таки Чжэн помогло усмирить его. Ныне же вы из-за малой обиды отвергаете Чжэн!» Но ван не послушал [совета]. На пятнадцатом году правления (637 г. до н. э.) [Сян-]ван послал войска племен *ди* напасть на Чжэн. В благодарность племенам *ди* [за помощь] он намеревался девушку из этого племени сделать своей старшей женой. Фу-чэнь, [опять] увещевая вана, сказал: «Пин[-ван], Хуань[-ван], Чжуан[-ван] и Хуй[-ван] — все получали помощь княжества Чжэн, а вы отбрасываете родственных вам и хотите породниться с [инородными] *ди*, так поступать нельзя!» Но ван [опять] не послушался [совета]. На шестнадцатом году правления (636 г. до н. э.), когда Сян-ван низложил свою старшую жену из племени *ди* [198], *дисцы* напали на Чжоу и убили Тань-бо [199]. Фу-чэнь сказал: «Я несколько раз увещевал [вана], но он не следовал [моим советам]. Если сейчас я не выйду [на бой], то разве ван не подумает, что я обижен на него?» И, встав во главе своих людей, погиб в бою [с племенами *ди*].

В свое время старшая жена Хуй-вана хотела возвести на престол сына вана [Шу-]дая. Поэтому она с помощью своих сообщников подстрекала дисцев, и те вторглись в Чжоу. Сян-ван, спасаясь от беды, бежал в Чжэн, где чжэнский [*гун*] поселил его в Фань. На престол вступил и стал ваном

[Шу]-дай. Он забрал с собой [свою мать], низложенную Сян-ваном старшую жену [Хуй-вана] из племени *ди*, и поселился с ней в Вэнь. На семнадцатом году правления (635 г. до н. э.) Сян-ван попросил помощи у княжества Цзинь. Цзиньский Вэнь-гун вернул вана [в столицу] и убил Шу-дая. После этого Сян-ван подарил цзиньскому Вэнь-гуну нефритовый жезл, вино для жертвоприношений[200], лук и стрелы, сделал его гегемоном [среди князей] и отдал правителю Цзинь земли в Хэнэй[201]. На двадцатом году правления (632 г. до н. э.) цзиньский Вэнь-гун вызвал Сян-вана, и Сян-ван встретился с ним в Хэяне и Цзяньту[202]. Все владетельные князья явились туда на прием. В записях это скрывается, и там написано: «Ван, правящий по воле Неба, объезжал владения в Хэяне»[203]. На двадцать четвертом году правления Сян-вана (628 г. до н. э.) умер цзиньский Вэнь-гун. На тридцать первом году (621 г. до н. э.) умер циньский Му-гун.

На тридцать втором году правления (620 г. до н. э.)[204] Сян-ван скончался, и на престол вступил его сын Цин-ван по имени Жэнь-чэнь. На шестом году правления (613 г. до н. э.) Цин-ван скончался, и на престол вступил его сын Куан-ван по имени Бань.

На шестом году правления (607 г. до н. э.) Куан-ван скончался, на престол вступил его младший брат Юй, это был Дин-ван.

На первом году правления Дин-вана чуский Чжуан-ван напал на лухуньских *жунов*[205] и дошел до реки Ло, откуда послал гонцов узнать о девяти треножниках. Ван поручил Ван-сунь Маню найти способ отвергнуть [эти притязания], и чуские войска удалились[206]. На десятом году правления Дин-вана (597 г. до н. э.) чуский Чжуан-ван окружил [столицу] Чжэн, и правитель Чжэн сдался, но вскоре был восстановлен на своем месте[207]. На шестнадцатом году правления Дин-вана (591 г. до н. э.) умер чуский Чжуан-ван.

На двадцать первом году правления (586 г. до н. э.) Дин-ван скончался, на престол вступил его сын Цзянь-ван по имени И. На тринадцатом году правления Цзянь-вана (573 г. до н. э.) цзиньцы убили своего правителя Ли-гуна и призвали

его сына Чжоу, находившегося в землях дома Чжоу, поставив его у власти под именем Дао-гуна[208]. На четырнадцатом году правления (572 г. до н. э.) Цзянь-ван скончался, на престол вступил его сын Лин-ван по имени Се-синь. На двадцать четвертом году правления Лин-вана (548 г. до н. э.) Цуй-чжу в княжестве Ци убил своего правителя Чжуан-гуна.

На двадцать седьмом году правления (545 г. до н. э.) Лин-ван скончался, на престол вступил его сын Цзин-ван по имени Гуй. На восемнадцатом году правления Цзин-вана (527 г. до н. э.) старшая жена вана и старший сын Шэн преждевременно умерли[210]. На двадцатом году правления (525 г. до н. э.) Цзин-ван, любивший своего сына Чжао, захотел сделать его наследником[211], но в это время скончался[212]. Сторонники другого княжича, Гая, боролись за престол [для него], но население столицы поставило у власти старшего сына [Цзин-]вана по имени Мэн. Тогда сын вана Чжао напал на Мэна и убил его. Мэну [посмертно] был дан титул Дао-ван. Цзиньцы напали затем на княжича Чжао и возвели на престол Гая. Это и был Цзин-ван[213].

Когда в первый год правления Цзин-вана (519 г. до н. э.) цзиньцы хотели ввести его в столицу, княжич Чжао сам себя возвел на престол, поэтому Цзин-ван не смог вступить [в столицу] и поселился в Цзэ[214]. На четвертом году правления (516 г. до н. э.) правитель Цзинь, возглавив князей, ввел Цзин-вана в [столицу] Чжоу, а княжич Чжао стал его подчиненным[215]. Владетельные князья обнесли стеной [столицу] Чжоу[216]. На шестнадцатом году правления Цзин-вана (504 г. до н. э.) сторонники княжича Чжао вновь подняли мятеж, и Цзин-ван бежал от опасности в Цзинь. На семнадцатом году правления (503 г. до н. э.) цзиньский Дин-гун вновь вернул Цзин-вана в [столицу] Чжоу. На тридцать девятом году правления Цзин-вана (481 г. до н. э.) циский Тянь-чан убил правителя Ци Цзянь-гуна. На сорок первом году правления Цзин-вана (479 г. до н. э.) Чу уничтожило Чэнь[217]. Умер Конфуций[218].

На сорок втором году своего правления (478 г. до н. э.) Цзин-ван скончался[219], и на престол вступил его сын Юань-

ван по имени Жэнь. На восьмом году правления (469 г. до н. э.) Юань-ван скончался, и на престол вступил его сын Дин-ван по имени Цзе[220]. На шестнадцатом году правления Дин-вана (453 г. до н. э.) три [сильных] дома в Цзинь убили Чжи-бо и разделили между собой его земли[221]. На двадцать восьмом году правления (441 г. до н. э.) Дин-ван скончался, на престол вступил его старший сын Цюй-цзи, это был Ай-ван. Ай-ван пробыл на престоле три месяца, когда его младший брат Шу неожиданно напал на него и убил и сам вступил на престол, это был Сы-ван. Сы-ван пробыл на престоле пять месяцев, когда его младший брат Вэй напал на него и убил и сам вступил на престол, это был Као-ван; все эти три вана были сыновьями Дин-вана.

На пятнадцатом году правления (426 г. до н. э.) Као-ван скончался, на престол вступил его сын Вэй Ле-ван по имени У. [Еще при жизни] Као-ван пожаловал своему младшему брату земли в Хэнани, дав ему титул Хуань-гуна, чтобы он продолжал нести обязанности чжоуского *гуна*. Когда умер Хуань-гун, его место занял его сын Вэй-гун, а когда умер Вэй-гун, его место занял его сын Хуй-гун, который пожаловал своему младшему сыну земли в Гун, чтобы тот служил [чжоускому] вану, его стали титуловать Хуй-гун Восточного Чжоу[222].

На двадцать третьем году правления Вэй Ле-вана (403 г. до н. э.) девять треножников покачнулись. [Ван] повелел правителей Хань, Вэй и Чжао отнести к рангу владетельных князей — *чжухоу*[223].

На двадцать четвертом году правления (402 г. до н. э.) [Вэй Ле-ван] скончался, на престол вступил его сын Ань-ван по имени Цзяо. В тот год разбойники убили чуского Шэн-вана. Пробыв на престоле двадцать шесть лет, Ань-ван скончался, на престол вступил его сын Ле-ван по имени Си. На второй год правления Ле-вана (374 г. до н. э.) Дань — историограф Чжоу посетил циньского Сянь-гуна и сказал ему:

«Вначале Чжоу составляло одно целое с владением Цинь, но потом они разъединились, это разъединение продлится пятьсот лет и сменится новым объединением, а по прошест-

вии семнадцати лет такого объединения в [стране] появится ван-деспот»[224].

На десятом (седьмом) году правления (369 г. до н. э.)[225] Ле-ван скончался, на престол вступил его младший брат Бянь, это был Сянь-ван. На пятом году правления (364 г. до н. э.) Сянь-ван принес поздравления циньскому Сянь-гуну. Сянь-гун был объявлен гегемоном.

На девятом году правления Сянь-вана (360 г. до н. э.) [чжоуский ван] послал циньскому Сяо-гуну жертвенное мясо из подношений [духам] Вэнь-вана и У-вана. На двадцать пятом году правления Сянь-вана (344 г. до н. э.) правитель Цинь собрал владетельных князей в [столице] Чжоу. На двадцать шестом году правления Сянь-вана (343 г. до н. э.) дом Чжоу даровал циньскому Сяо-гуну звание гегемона [среди *чжухоу*]. На тридцать третьем году правления (336 г. до н. э.) [чжоуский ван] послал поздравление циньскому Хуй-вану. На тридцать пятом году правления (334 г. до н. э.) Сянь-ван послал циньскому Хуй-вану жертвенное мясо, поднесенное [духам] Вэнь-вана и У-вана. На сорок четвертом году правления Сянь-вана (325 г. до н. э.) циньский Хуй-ван стал именовать себя ваном. После этого все владетельные князья тоже сделались ванами. На сорок восьмом году правления (321 г. до н. э.) Сянь-ван скончался и на престол вступил его сын Шэнь Цзин-ван по имени Дин. Пробыв на престоле шесть лет, Шэнь Цзин-ван скончался, и на престол вступил его сын Нань-ван по имени Янь[226]. Во время правления вана Наня Восточное и Западное Чжоу стали управляться раздельно. Ван Нань перенес столицу в Западное Чжоу.

[В это время] у западночжоуского У-гуна[227] умер старший сын по имени Гун. Из пяти побочных сыновей ни один не имел права занять престол. Сыма Цзянь сказал чускому вану: «Не лучше ли [наши] земли подарить княжичу Цзю и просит [вана] сделать его престолонаследником»[228]. Цзо-чэн[229] сказал на это: «Нельзя! Чжоуский [правитель] не послушает вас, и ваши намерения тогда трудно [будет осуществить], а мы только отдалимся от дома Чжоу. Не лучше

ли [сначала] узнать у правителя Чжоу, кого он хочет поставить на престоле, чтобы он намекнул об этом Цзяню, и Цзянь тогда [как бы] попросит чуского вана распорядиться о преподнесении княжичу земель»[230]. Наследником престола, действительно, сделали княжича Цзю.

На восьмом году правления Нань-вана (307 г. до н. э.) Цинь напало на город Иян[231], [войска] Чу пришли ему на помощь. Чуский ван считал, что Чжоу на стороне Цинь, поэтому намеревался напасть и на Чжоу. Су Дай, выступая в защиту Чжоу, сказал чускому вану: «Зачем навлекать на себя беду, считая дом Чжоу сторонником Цинь? Те, кто говорят, что Чжоу стоит за Цинь больше, чем за Чу, стремятся [тем самым] побудить Чжоу войти в союз с Цинь и поэтому говорят о [союзе] „Чжоу-Цинь“[232]. Если [правитель] Чжоу будет знать, что не сможет рассеять [ваши подозрения], он непременно вступит в союз с Цинь, а для Цинь это лучший способ захватить Чжоу. Действуя в ваших, ван, интересах, [в случае] если Чжоу будет склоняться к Цинь, тоже следует одобрять это; не будет склоняться к Цинь, тоже следует одобрять это, чтобы тем самым отдалить Чжоу от Цинь. [Если же] Чжоу порвет с Цинь, оно обязательно придет в [нашу столицу] Ин»[233].

[Правитель] Цинь попросил предоставить ему дорогу, лежащую между двумя Чжоу, с намерением напасть на княжество Хань. [Правитель Западного] Чжоу боялся, что, если он предоставит дорогу, ему придется опасаться Хань, если же не предоставит дорогу, то придется опасаться Цинь. Ши-янь сказал тогда правителю Чжоу: «Почему бы не послать человека сказать ханьскому Гун-шу [следующее]: „Цинь осмеливается пройти через [земли] Чжоу и напасть на Хань [потому, что] доверяет Восточному Чжоу. Почему бы вам, *гун*, не отдать [Восточному] Чжоу земли и не послать заложника в Чу? [В таком случае] Цинь наверняка заподозрит Чу и не будет доверять [Восточному] Чжоу, и княжество Хань не подвергнется нападению“. В то же время [послать другого человека] сказать циньскому вану так: „Хань настойчиво предлагает свои земли [Западному] Чжоу с целью вызвать подо-

зрения Цинь к [Западному] Чжоу, а Чжоу не смеет не принять [эти земли]". В этом случае правитель Цинь несомненно не найдет что сказать против принятия [Западным] Чжоу земель. Так мы получим земли от Хань и не ослушаемся Цинь».

Цинь[ский ван] вызвал к себе правителя Западного Чжоу, но тот относился неприязненно к поездке и поэтому послал гонца сказать ханьскому вану: «Цинь[ский ван] призывает к себе правителя Западного Чжоу с намерением заставить его напасть на ваш, ван, Наньян[234], почему бы вам не послать войска в Наньян? Правитель Чжоу, использовав это [в качестве предлога], отклонил бы [вызов] Цинь. [А если] правитель Чжоу не присоединится к Цинь, то Цинь, разумеется, не посмеет перейти [Хуан]хэ и напасть на Наньян».

Когда Восточное Чжоу и Западное Чжоу начали воевать [друг с другом], княжество Хань пришло на помощь Западному Чжоу. Некто, выступая в пользу Восточного Чжоу, говорил ханьскому вану: «Западное Чжоу в прошлом было владением Сына Неба, в нем множество известных [ритуальных] сосудов и драгоценностей. [Если вы], ван, остановите войска и не выступите в поход, то окажете благодеяние Восточному Чжоу, и все ценности Западного Чжоу, несомненно, станут вашими».

Чжоуский ван Нань сказал Чэн-цзюню[235]: «...[Когда], чуские войска окружили Юнши[236], Хань потребовало от Восточного Чжоу предоставить ему солдат и зерно. Правитель Восточного Чжоу испугался и, призвав Су Дая, рассказал ему об этом [требовании]. Су Дай сказал: „Почему вас это тревожит, правитель? Я сумею заставить Хань не требовать солдат и зерно от Чжоу, более того, я сумею приобрести для вас Гаоду"[237]. Правитель Чжоу ответил: „Если ты сумеешь осуществить [все это], то я попрошу тебя вести государственные дела".

[Затем] Су Дай явился к первому советнику княжества Хань и сказал: „Чуские [войска] окружили Юнши, предполагая [взять его] за три месяца, сейчас прошло уже пять месяцев, но они не могут взять город. Это [говорит о] слабости

Чу. Ныне вы, советник, требуете от Чжоу солдат и зерно, тем самым осведомляя Чу о своей слабости". Первый советник Хань ответил: „Верно. Наш посланец уже отправился" [238]. [Су] Дай продолжал: „Почему бы [вам] не передать Чжоу Гаоду?" Первый советник Хань в гневе сказал: „То, что мы не будем требовать с Чжоу солдат и зерна, уже многое, зачем же еще отдавать Чжоу Гаоду?" [Су] Дай сказал: „[Если вы] отдадите Гаоду Чжоу, то правитель Чжоу изменит [свою позицию] и перейдет на сторону Хань, а цинь[ский ван], услышав про это, несомненно, разгневается, обидится на правителя Чжоу и прервет с ним обмен послами. Тем самым вы взамен истощенного Гаоду приобретете целое Чжоу. Почему же не отдать [Гаоду]?" Советник сказал: „Верно". Так Гаоду было отдано Чжоу».

На тридцать четвертом году правления Нань-вана (281 г. до н. э.) Су Ли сказал правителю [Западного] Чжоу: «[Армия] Цинь разбила [войска] Хань и Вэй, нанесла поражение [полководцу] Ши-у [239], на севере захватила Линь и Лиши, принадлежащие Чжао, и все это [благодаря] Бо-ци [240]. Это потому, что он умело руководит войсками и ему покровительствует Небо. Ныне [Бо-ци] вновь во главе армии прошел горный проход [241] и напал на княжество Лян. [Если] Лян будет разбито, то Чжоу окажется в опасности. Почему вы, правитель, не пошлете кого-либо уговорить Бо-ци [отказаться от нападения]? Ему надо рассказать [такую историю]: „В Чу жил [когда-то] Ян Ю-цзи, очень искусный в стрельбе из лука [242]. Стреляя на расстоянии ста шагов от ивы, он на сто выпущенных стрел имел сто попаданий. Тысячи людей, наблюдавших за его стрельбой, все говорили, что он превосходный стрелок. Но один из стоящих рядом мужчин сказал: „Прекрасно, но его еще можно учить стрелять!" Ян Ю-цзи рассердился, отбросил лук и, выхватив меч, сказал: „Как ты, пришелец, можешь учить меня стрелять?" Пришелец ответил: „Дело не в том, что я смогу учить вас, как поддерживать [лук] левой рукой и как сгибать правую. Вы, стреляя на расстоянии ста шагов от ивы, на сто выпущенных стрел имеете сто попаданий, но, [увлекшись стрельбой], вы не от-

дыхаете. Пройдет немного [времени], и ваша энергия ослабнет, силы иссякнут, лук искривится, а стрелы погнутся, и тогда, если вы не попадете один только раз, все сто попаданий сойдут на нет".

[Точно так же и вы, Бо-ци], ныне разбили [войска] Хань и Вэй, разгромили [полководца] Ши-у, на севере захватили [местности] Линь и Лиши, принадлежащие Чжао, ваши подвиги поистине многочисленны! Сейчас вы снова с войсками вышли из горного прохода, прошли владения двух Чжоу, поссорились с Хань и напали на Лян, но если одним ударом вам не удастся [достигнуть цели], то прошлые ваши подвиги окажутся забытыми. Не лучше ли вам объявиться больным и не идти в поход?»

На сорок втором году правления Нань-вана (273 г. до н. э.) Цинь нарушило договор, заключенный в Хуаяне[243]. Ма Фань сказал правителю [Западного] Чжоу: «Прошу приказать княжеству Лян соорудить стену вокруг [столицы] Чжоу». После этого он сказал лянскому вану: «Чжоуский ван заболел, если он умрет, то и мне, Фаню, угрожает гибель. Прошу разрешить мне, Фаню, поместить у вас, ван, девять треножников. Вы, приняв треножники, тем самым окажете помощь мне, Фаню». Лянский ван ответил: «Хорошо!» — и предоставил Фаню солдат, заявив, что посылает их для защиты [Западного] Чжоу. Вслед за тем [Ма Фань] сказал циньскому вану: «Лян не думает защищать Чжоу, а, [наоборот], намерено напасть на Чжоу. Вы, ван, попробуйте послать войско на свои границы, чтобы понаблюдать [за действиями лянского вана]».

Циньский ван, действительно, послал свои войска. Ма Фань вновь обратился к лянскому вану, говоря: «Чжоуский ван поправляется[244]. [А поэтому] я, Фань, прошу позднее, когда предоставится возможность, вновь передать вам треножники. Вы, ван, сейчас послали солдат в Чжоу, отсюда у владетельных князей возникли подозрения, и к вашим дальнейшим действиям не будет доверия. Лучше прикажите солдатам заняться постройкой стены в [столице] Чжоу, чтобы скрыть истинную причину ваших действий»[245].

Лянский ван сказал: «Правильно!» — и велел [солдатам] соорудить стену в Чжоу.

На сорок пятом году правления Нань-вана (270 г. до н. э.) правитель [Западного] Чжоу отправился в Цинь. Один из пришельцев сказал чжоускому Цзюю[246]: «Вам лучше всего *восхвалять сыновнюю почтительность циньского вана, в связи* с чем преподнести его матери-государыне земли в Ин на кормление, это, несомненно, обрадует циньского вана, и у вас установятся отношения с Цинь. А если отношения ваши станут хорошими, правитель Чжоу, несомненно, посчитает это за вашу заслугу. Если же отношения ухудшатся, то виноватым окажется тот, кто уговаривал его присоединиться к Цинь».

А когда Цинь [собралось] напасть на Чжоу, чжоуский Цзюй *сказал циньскому вану*: «Исходя из ваших интересов, не следует нападать на Чжоу. Нападение на Чжоу в действительности не сулит вам выгоды, но молва об этом обеспокоит Поднебесную. А коль скоро Поднебесная, услышав [о нападении], будет опасаться Цинь, [владетельные князья] непременно устремятся на восток и объединятся вокруг Ци, а ваша армия окажется ослабленной в Чжоу. [Если же] Поднебесная объединится вокруг княжества Ци, Цинь не будет главенствовать [в Поднебесной]. В Поднебесной хотят ослабления Цинь и поэтому уговаривают вас, ван, напасть на Чжоу. Когда же Цинь окажется перед лицом Поднебесной ослабленным, ваши приказы не будут выполняться».

На пятьдесят восьмом году правления Нань-вана (257 г. до н. э.) три цзиньских княжества отразили [наступление] Цинь. [Правитель] Чжоу приказал своему первому советнику направиться в Цинь, но из-за того, что Цинь относилось к Чжоу с пренебрежением, [он] задержал его отъезд. Один из пришельцев сказал первому советнику [чжоуского правителя]: «Относится ли Цинь с уважением или пренебрежением [к Чжоу], это еще неизвестно, но цинь[ский ван] хочет знать о положении в трех [цзиньских] княжествах. Лучше вам побыстрее увидеться с циньским ваном и сказать ему: «Прошу разрешения сообщить вану о переменах, [происходящих] на востоке».

Нет сомнения, что циньский правитель отнесется к вам с уважением, а уважение к вам означает уважение Цинь к Чжоу, таким путем дом Чжоу заручится [помощью] Цинь. [Что же касается] уважения со стороны Ци, то мы, собственно, имеем чжоуского Цзюя[247], могущего приобрести [расположение] княжества Ци, таким путем Чжоу на долгое время сохранит [хорошие] отношения с сильными государствами». Циньский ван, поверив Чжоу, послал войска против трех цзиньских княжеств.

На пятьдесят девятом году правления Нань-вана (256 г. до н. э.) Цинь захватило Фушу близ Янчэна[248], принадлежавшее Хань. Правитель Западного Чжоу испугался, отвернулся от Цинь и заключил с *чжухоу* союз *цзун* (по вертикали)[249]. Став во главе отборных войск Поднебесной, [правитель Чжоу] прошел с ними через проход Ицзюэ и напал на Цинь, чтобы прервать связи Цинь с войсками в Янчэне. Циньский Чжаован разгневался и послал военачальника Цзю напасть на Западное Чжоу. Правитель Западного Чжоу после этого поспешил в Цинь, склонив голову, признал там свою вину и поднес Цинь тридцать шесть поселений с тридцатью тысячами душ. Цинский ван принял подношение и вернул правителя в Чжоу.

[Когда] чжоуский правитель ван Нань умер[250], население Чжоу бежало на восток. Циньцы захватили девять треножников и драгоценные сосуды, а западночжоуского *гуна* переселили в Даньху[251]. Через семь лет циньский Чжуан Сян-ван [окончательно] покончил с Западным и Восточным Чжоу[252]. Так Западное и Восточное Чжоу вошли в состав Цинь, и жертвы дому Чжоу больше не приносились.

* * *

Я, *тайшигун*, скажу так.

Ученые все говорят, что [дом] Чжоу, покарав Чжоу[-синя], обосновался в Лои, но, [если] собрать факты об этом, окажется, что это не так. У-ван строил Лои, Чэн-ван велел Чжао-гуну погадать о том, где быть столице, чтобы поместить в ней девять треножников, однако столицами Чжоу все еще

оставались Фэн[цзин] и Хао[цзин]. [Лишь] когда *цюаньжуны* нанесли поражение Ю-вану, дом Чжоу переехал на восток в Лои. [Недаром] говорят: «Чжоу-гун похоронен в Би», а Би находилось в Дучжуне, расположенном к юго-востоку от Хао[цзина][253]. [Позднее] Цинь уничтожило Чжоу. Через девяносто с лишним лет после появления [династии] Хань Сын Неба, желая принести жертвы Небу на горе Тайшань, выехал на восток в объезд своих владений и достиг Хэнани, где нашел потомков дома Чжоу. Он даровал их потомку Цзя тридцать *ли* земли, титул чжоуского правителя Цзы-наня[254] и приравнял его к удельному князю — *лехоу,* чтобы тот совершал жертвоприношения своим предкам.

КОММЕНТАРИЙ

«ОСНОВНЫЕ ЗАПИСИ»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. Автор «Исторических записок», отобрав в преданиях все, с его точки зрения, ценное и обоснованное, начинает изложение истории Китая с деяний «пяти императоров»: Хуан-ди, Чжуань-сюя, Ку, Яо и Шуня. Известно, что исторические мифы и легенды создавались у древних народов не сразу и не в одном варианте. И в Китае существовало несколько версий преданий о легендарных правителях. В *Люй-ши чунь-цю*, например, называются: Тай-хао, Янь-ди, Хуан-ди, Шао-хао, Чжуань-сюй (*Чжу цзы цзи-чэн* — «Собрание сочинений древних философов», т. 6, стр. 12, 34, 55, 65, 94; далее — ЧЦЦЧ) *.

Историки новейшего времени стремятся проследить происхождение этих преданий. Ян Куань, например, приходит к выводу, что принятая Сыма Цянем версия возникла в западных районах страны, в то время как вариант *Ли цзи* и *Люй-ши чунь-цю* появился в восточном царстве Ци (*Гу-ши бянь* — «Дискуссии по древней истории», т. 7, ч. I). К аналогичному выводу пришел и современный историк Сюй Сюй-шэн в книге *Чжунго гу-дай ши ди чуань-шо шидай* («Легендарный период в древней истории Китая», гл. 5).

2. Выбор числа пять не случаен. В эпоху Чжоу уже сложились те представления о взаимосвязи явлений, о борьбе различных сил в природе, которые отражены в теории о пяти первоэлементах или пяти стихиях *у-син*: земля, дерево, металл, огонь и вода (сравни с четырьмя элементами у древних греков, пятью элементами у древних индийцев). Одно из ранних изложений идей первоэлементов мы находим в главе *Хун-фань* книги *Шан шу*. Явления природы рассматривались как результат непрекращающейся борьбы пяти стихий, в ходе которой последние бесконечно взаимоуничтожают и взаимопорождают друг друга. Философ Цзоу Янь 鄒衍 (336—280 гг. до н. э.) распространил эту теорию на жизнь человека и на общественные явления. Он считал, что судьба благоприятствует тому или иному правителю до тех пор, пока господствует покровительствующая ему стихия. Когда же эта стихия оказывается побежденной, то правление клонится к упадку,

---

* Выходные данные и иероглифическое наименование источников и литературы см. в Списке литературы в конце тома.

и с приходом к господству новой стихии появляется новый правящий дом. Исходя из подобных представлений, традиция обычно связывает имя Хуан-ди со стихией земли, Яо — со стихией металла, Юя — со стихией воды и т. д. (*Люй-ши чунь-цю,* гл. 13,— ЧЦЦЧ, т. 6, стр. 126—127).

3. Иероглиф *ди* 帝 переведен здесь словом «император». Такой перевод для описываемого древнейшего периода может вызвать известные возражения. Однако если прочитать главу о пяти *ди* с точки зрения историка, жившего в эпоху расцвета империи Хань и мыслившего соответствующими категориями, то напрашивается вывод, что историк не делал разницы в толковании знака *ди* в приложении его к пяти полулегендарным императорам или к современным Сыма Цяню ханьским правителям.

4. Хуан-ди, букв. «Желтый император». Титул этот также связан с теорией пяти стихий. В книге *Люй-ши чунь-цю* рассказывается: «При грядущем возвышении каждого правителя Небо обязательно заранее являет народу благовещее знамение. Ко времени Хуан-ди Небо сначала явило огромного червя и кузнечика, после чего Хуан-ди сказал: „Победила стихия земли!" А коль скоро победила стихия земли, он отдавал предпочтение желтому цвету, а в делах подражал земле» (ЧЦЦЧ, т. 6, гл. 13, стр. 126). Ян Куань, исследуя древнейшие письменные источники, нашел, что в произведениях, созданных до периода Чжань-го (главы *До фан, До ши, Ли чжэн* в книге *Шан шу;* большие и малые оды и гимны домов Чжоу, Лу и Шан в книге песен *Ши цзин*), наиболее древними правителями названы Юй и Хоу-цзи, но ничего не говорится о Хуан-ди. Нет имени Хуан-ди и на бронзовых сосудах периода Чунь-цю (772—481 гг. до н. э.), а также в известных философских трактатах *Лунь юй, Мо-цзы* и *Мэн-цзы.* Впервые имя Хуан-ди встретилось на сосуде цинского Вэй-вана 威王 , т. е. в период Чжаньго (403—221 гг. до н. э.). Среди письменных памятников наиболее раннее упоминание о Хуан-ди содержится в труде Цзоу Яня. На этом основании Ян Куань делает выводы, что, во-первых, легенда о Хуан-ди появилась в период Чжаньго и, во-вторых, что она зародилась впервые в царстве Ци (*Гу ши бянь,* т. 7, ч. I, стр. 190—199). Этой же точки зрения придерживается Гу Цзе-ган: «В представлении людей чжоуской эпохи самым древним правителем был Юй, ко времени Конфуция таковыми считались Яо и Шунь, в период Чжаньго — Хуан-ди и Шэнь-нун, при династии Цинь „три владыки", а с Ханьской династии считался Пань-гу и другие» (*Гу ши бянь,* т. 7, ч. I). В указанном процессе постепенного «старения» мифов, все более глубокого отхода к истории виден сложный путь стихийного осознания древними китайцами протяженности истории мира и несомненное влияние новых социальных отношений на формирование мифов.

Хуан-ди относят также к роду Ю-сюн 有熊 — «Владеющих медведем». Медведь в данном случае мог служить тотемом племени или рода *хуанди.* В легендах Хуан-ди выступает высшим правителем в царстве богов, «правителем центра» (см. *Шань хай цзин*).

5. В трактовке названия Шао-дянь и слова *цзы* 子 существуют две точки зрения.

По мнению ученого III в. Цяо Чжоу 譙周 , Хуан-ди следует считать сыном (*цзы* — в прямом значении) Шао-дяня — правителя владения Ю-сюн (комментарии Пэй Иня *Цзи цзе*). В *Го юй* Шао-дянь — не имя правителя, а название владения (*Го юй* — «Речи царств»; далее — ГЮ, гл. 10, стр. 128).

В далекой древности существовала определенная топонимическая связь между названием рода и территорией его проживания, отраженная в древних мифах и сказаниях. Поэтому мы приняли Шао-дянь как название рода или владения, а слово *цзы* в более широком значении — «потомок».

6. Миф о Шэнь-нуне отражает определенный этап развития производительных сил. В то время, как утверждает *Си цы чжуань,* один из основных комментариев к *Ицзин* («Книге перемен»), люди «тесали сошники из дерева и гнули сохи...», т. е. все больше переходили к земледелию. Территориально род Шэнь-нуна связывают с районом реки Цзяншуй 姜水 , где якобы родился основатель этого рода, поэтому его сородичи носили фамилию Цзян.

В древних легендах Шэнь-нун нередко выступает и как фантастическое существо. В трактате *Ле-цзы* говорится, что «Пао-си, Нюй-гуа, Шэнь-нун и Ся-хоу имели тело змеи, а лицо человека, голову быка, а пасть тигра, все они не имели человеческого подобия, но обладали достоинствами святых» (ЧЦЦЧ, т. 3; *Ле-цзы чжу,* стр. 27). В этих сказаниях — пережитки тотемистических и анимистических воззрений древних людей.

7. *Чжухоу* (все *хоу*) — древний титул или название группы знати. В советской научной литературе нет общепринятого перевода. Вот несколько вариантов: «ван и его подчиненные [*чжухоу*]» («Китай», стр. 112); «владетельные князья» (Шан Юэ, *Очерки истории Китая,* стр. 35); «местные правители» (Го Мо-жо, *Бронзовый век,* стр. 47); «военачальники» («Всемирная история», т. I, стр. 444) и т. д. Как показывает исследование современного историка Чэнь Мэн-цзя *Инь-сюй бу-цы цзун-шу* (стр. 325—332), уже на иньских гадательных костях имеются иероглифические сочетания — термины *фан-бо, бан-бо, хоу, цзюнь* 方伯, 邦 伯, 侯, 君 , обозначающие правителей отдельных земель или вождей племен, которых в совокупности можно рассматривать как *чжухоу* — «всех *хоу*» или «всех правителей и вождей», хотя сам термин *чжухоу* относится к более позднему чжоускому времени. Нами термин передается транслитерацией и одновременно русским словосочетанием «владетельные князья».

8. *Байсин* — досл. «сто фамилий». В различных древних текстах слово *байсин* выступало как в узком, так и в более широком смысле, меняя значение в различные исторические периоды. Оно могло означать: все роды — *бай цзу* 百族 , все чиновники — *бай гуань* 百官 , весь народ — *миньшу* 民庶 (*Шан шу, Мо-цзы, Чжоу ли* и другие памятники).

Современные историки Китая исследуют эволюцию термина *байсин*. Фань Вэнь-лань, например, пишет: «*Байсин* — это старинные рода, существовавшие со времени системы „отречения от власти"» (так автор именует добровольную уступку власти древними правителями Яо, Шунем и другими их преемниками.— *Прим. перев.*). В главе *Пань-гэн* в *Шу цзине байсин* противопоставляются *ваньминь* 万民 (весь народ), а в «Малых одах» *Ши цзина* в разделе *Тянь-бао* — 群黎 *цюньли* (масса черноголовых, чернь). Таким образом, *байсин* было общим названием аристократии. В эпоху Шан это был класс рабовладельцев, в эпоху Чжоу — класс феодальных правителей...» (Фань Вэнь-лань, *Древняя история Китая*, стр. 82—83). Учитывая трудность отождествления термина *байсин* каждый раз с определенной социальной группой для описываемого легендарного периода, мы большей частью даем его транслитерацию.

9. «Стал упражняться в применении щита и копья...» — образ, под которым имеются в виду как упражнения самого Сюань-юаня, так и обучение им воинов-соплеменников, без чего усмирение непокорных было бы невозможно.

10. Относительно Чи-ю в китайской историографии существует несколько точек зрения: а) ханьский комментатор Ин Шао 应邵 (140—206) считал его верховным правителем, Сыном Неба; б) судя по сочинению *Кун-цзы сань чао цзи*, он был алчным человеком из простолюдинов; в) в трактате *Гуань-цзы* говорится, что Чи-ю получал металл с гор Лушань и делал пять видов оружия, т. е. принадлежал к знати; г) Кун Ин-да (574—648) и потом Гао Ю (III в.) в комментарии к *Люй-ши чунь-цю* считают Чи-ю вождем племени *цзюли*.

Чи-ю не только лицо историческое, но и персонаж старинных легенд и сказаний. В них он изображается полубогом или получеловеком, имеющим тело зверя и воюющим с помощью богов ветра и дождя (об этом см. в кн. Юань Кэ, стр. 117—132).

Современные китайские историки склоняются к мнению, что рассказ о борьбе Хуан-ди и Чи-ю отражает борьбу племени *хуанди* с воинственным племенем *цзюли*, возглавлявшимся Чи-ю, которая завершилась разгромом последнего (труды Фань Вэнь-ланя, Ся Цзэн-ю, Сюй Сюй-шэна и др.).

11. По мнению восточноханьского комментатора Чжэн Сюаня (127—201 гг.), под пятью видами злаков в древности имелись в виду: клейкое просо — *шу* 黍, просо — *цзи* 稷, бобы — *шу* 菽, пшеница — *май* 麥 и рис — *дао* 稻. Вместе с тем цифра «пять» часто употреблялась как обобщающее слово «все»; например, в выражении *у цай* 五材 — «все материалы», что применимо и к данному случаю — «все злаки».

12. По мнению Сыма Чжэня (713—742), перечисленные шесть видов зверей были обучены для использования в бою. Структура предложения дает основание для такого перевода. Однако древние военные трактаты периода Чжоу — *Сунь-цзы* и *У-цзы* умалчивают о таком способе ведения

боя. Цзиньский ученый Го Пу (276—324 гг.) считал, что в данном случае речь идет о кличках воинов или подразделений, которые давались им для устрашения врага (может быть, с использованием шкур этих зверей). Это мнение заслуживает внимания, поскольку такой боевой прием применялся и в средние века.

Наконец, с социально-исторической точки зрения под кличками (названиями хищных животных) можно предполагать тотемы племен, составлявших армию Сюань-юаня. Отголоски тотемистических представлений встречаются в притчах *Цзо чжуань,* в песнях и одах *Ши цзина,* в сказаниях о Нюй-гуа и др. Эти вопросы затрагиваются в китайских (Вэнь И-до, Юй Син-у), западных (А. Масперо, Б. Карлгрен), советских работах (М. В. Крюков, Г. Г. Стратанович, Э. М. Яншина).

13. Баньцюань находился, как определяют комментаторы, в современном уезде Чжолу провинции Хэбэй, к северо-западу от Пекина.

14. Японский ученый Такигава Каметаро считает, что гора Чжолу находилась в уезде Сюаньхуа провинции Хэбэй.

Рассказ о битве под Чжолу встречается во многих книгах чжоуского периода, по-видимому отражая историческое предание о каком-то значительном столкновении. Современные историки (Ян Куань, Ся Цзэн-ю) выделяют это событие как переломный момент, сыгравший значительную роль в формировании народности *хуася,* или *чжуся.*

15. Слово *тянь-цзы* — Сын Неба — появилось, по-видимому, в начале Чжоу. В надписи на сосуде Сянь-гуй 獻簋 впервые встречаются вместе слова *ван* и *тянь-цзы*; затем они повторяются на сосуде *Сяо чэнь цзин ю* 小臣靜卣. Изучение надписей на бронзовых сосудах привело Чэнь Мэн-цзя к выводу, что слово «Сын Неба» появилось в период правления Чэн-вана («Датировка...», стр. 106).

16. Наш перевод исходит из толкования Чжан Шоу-цзе (VIII в.). Иначе перевел Шаванн, который пишет: «Тех же, кто держал себя спокойно, он не тревожил» («Les Memoires Historiques de Se-ma Ts'ien traduis et annotés par Edouard Chavannes», vol. 1, стр. 29; далее — МИС). По-видимому, Шаванн в обоих случаях трактует *чжэ* 者 как субъект действия.

17. Название горы графически варьируется: 丸 и 凡. В связи с наличием нескольких чтений имеются и различные варианты названий горы: Ваньшань (по Сюй Гуану и Пэй Иню), Фаньшань (по Сыма Чжэню), Хуаньшань (по Чжан Шоу-цзе). Гора находится на территории современного уезда Чжусюй провинции Шаньдун.

18. Гора Дайцзун — восточный пик знаменитой горы Тайшань в провинции Шаньдун.

19. Вэй Чжао (193—273) считает, что Кунтун расположен в округе Лун, т. е. в современной провинции Ганьсу.

20. Обе горы соответствуют тем, которые находятся ныне под этими же названиями в уезде Иян провинции Хунань.

21. По мнению Сыма Чжэня, племена, которые в эпоху правления

Тана и Юя назывались *шаньжун* или *сюньюй*, в эпоху Ся стали именоваться *чуньвэй*, в эпоху Инь — *гуйфан*, в эпоху Чжоу — *яньюн*, а к эпохе Хань стали известны под общим именем *сюнну*. Вопрос о северо-западных племенах и их наименованиях исследован в работе Ван Го-вэя (1877—1937) «Исследование названий *гуйфан*, *куньи* и *яньюн*» (Ван Го-вэй, *Гуаньтан цзи-линь*, т. 2, гл. 13, стр. 538—633).

22. *Фу* или *фуцзе* — верительные знаки. В широком смысле — регалии власти, даваемые императором местным правителям и вождям зависимых племен. В эпоху Чжоу существовала целая система верительных знаков различного назначения, изготовляемых из бамбука и металла. В *Чжоу ли* называются шесть таких знаков (*лю цзе*, 六節): для горных владений — регалии с изображением тигра 虎節; для равнинных владений — с изображением человека 人節; для ворот и застав использовались *фуцзе* 符節— бамбуковые дщицы и др. (см. *Ши сань цзин*, «Тринадцать классических книг», т. 14 (далее—ШСЦ); *Чжоу ли чжу-шу*, кн. 4, гл. 37, стр. 1345—1346).

Эти знаки или бирки обычно состояли из двух складывающихся половин, одна из которых хранилась у правителя, другая — у назначенного на пост или посланного с поручением лица. Соединением двух половинок подтверждалась подлинность приказа или полномочий.

23. Частые переезды Хуан-ди свидетельствуют о полуоседлом образе жизни людей той далекой эпохи — низкий уровень развития производительных сил, примитивность орудий труда и способов обработки земли не давали возможности древним племенам длительное время оставаться на одном месте. Это подтверждается упоминанием лагеря, охраняемого воинами.

24. Как сообщает Ин Шао, в древности начальник приказа церемоний назывался *цинъюнь* 青雲 («Синее облако»), начальник военного приказа — *цзиньюнь* 絳雲 («Красное облако»), начальник уголовного приказа — *байюнь* 白雲 («Белое облако»), начальник приказа общественных работ — *хэйюнь* 黑雲 («Черное облако»), начальник земельного приказа — *хуанъюнь* 黃雲 («Желтое облако»). В *Цзо чжуань* по этому поводу сообщается: «На вопрос Чжао-цзи о причинах появления таких наименований Тань-ци объясняет: „...В прошлом, так как Хуан-ди имел облачное знамение, он, использовав в названии должностей слово „облако", назначал „облачных управителей"; Янь-ди имел огненное знамение, поэтому он, использовав слово „огонь", назначил „огненных управителей". Гун-гун имел водное знамение, поэтому он, использовав слово „вода", назначил „водных управителей". Да-хао имел знамение в виде дракона и поэтому он, использовав слово „дракон", назначил „драконовых управителей"».

25. Пантеон богов и духов у китайцев в древности был весьма обширен, различаясь по племенам и районам. Три главные силы мироздания — Небо, Земля, Человек составляли высшую триаду божественных сил (позднее воплотившихся в образах «трех владык»—*сань хуан*). К ним присоеди-

нились божества, олицетворявшие силы природы (светила, ветер, дождь, гром и т. д.), духи рек, гор, морей, а также множество других добрых и злых духов. Большую роль играла вера в духов умерших людей — *гуй*. Богам и духам приносились различные жертвы, у них испрашивали советов. Самые ранние письменные памятники — надписи на иньских костях, датируемые 1300—1200 гг. до н. э., содержат сведения о жертвоприношениях духу Неба (или Великого предка) — *Тянь-шэнь*, Верховному владыке — *Шан-ди*, светилам, ветру и дождю, горам и рекам, четырем сторонам света, духам предков и первых правителей.

Упоминание о жертвах, принесенных Хуан-ди, в известной степени отражает древние верования. Систему жертвоприношений во времена Чжоу и Хань Сыма Цянь подробно описывает в 12 гл. «Основных записей» и в 28 гл.

26. Драгоценный треножник — символ верховной власти. Как повествуют древние предания, Тай-хао изготовил один треножник, символизирующий единство мира. Хуан-ди создал три треножника, символизирующие небо, землю и человека, а Юй, собрав металл со всех областей, отлил девять треножников, символизирующих все области страны. Подробнее это описывается в 28 гл.

Тысячелистник *цэ* 筮 или *ши* 蓍 в древности служил для гаданий. Использование бронзовых треножников, как и гадание по тысячелистнику, в свете современных представлений — более поздний этап исторического развития Китая. Лишь вторую половину Иньской эпохи относят к развитому бронзовому веку, когда создавались, как показали археологические раскопки, изящные бронзовые сосуды и треножники. Гадание же по тысячелистнику, связанное с развитием земледелия, утвердилось после гадания на костях, которое господствовало при Инь. Вполне обоснован вывод Юй Юн-ляна (в книге «Время и автор надписей к гаданиям *Ицзина*») о том, что шанцы выработали анималистический оракул, ибо они были преимущественно охотниками и постоянно имели под руками кости животных. А чжоусцы, в основном земледельцы, выработали растительный оракул, ибо они всегда могли достать стебли тысячелистника. Японский ученый Нариюки Хонда подсчитал, что в *Цзо чжуань*, при описании периода Чжоу, встречается 16 упоминаний о гадании на тысячелистнике и только одно о гадании на панцирях (см.: Ю. К. Шуцкий, *Китайская классическая «Книга перемен»*, стр. 71 и 76). Таким образом, упоминание о треножнике и тысячелистнике в I гл. связано с разными эпохами.

27. По преданиям, указанные персонажи были ближайшими помощниками Хуан-ди. О первых двух существует легенда, помещенная в сочинении *Ди ван ши цзи* («Записи о правителях из поколения в поколение»), составленном Хуанфу Ми (215—282). О Чан-сяне китайская мифология ничего не сообщает.

Не следует смешивать эти имена с более поздними, принадлежавшими

по-видимому, реально существовавшим людям. Так, Да-хун упоминается Сыма Цянем в 12 гл. под именем Гуйюй Цюя. Кроме того, в библиографической главе *И вэнь чжи* в *Хань шу* перечисляются: военный трактат *Гуйюй Цюй бин-фа,* приписываемый Да-хуну, военный трактат *Фэн-хоу бин-фа,* принадлежащий якобы перу Фэн-хоу, и военный трактат *Ли-му бин-фа,* приписываемый Ли-му (см. *Хань шу бу-чжу* — «История первой Ханьской династии с дополнительными комментариями Ван Сянь-цяня, т. 5, стр. 3192—3193; далее — ХШБЧ). Трактаты не сохранились.

28. В перечислении парных понятий (антитезах): неба и земли, темного и светлого, жизни и смерти, существования и гибели — нашли свое отражение стихийно понимаемые законы борьбы противоположностей, которые были сформулированы в китайской философии в чжоуский период.

29. Перевод слова *чэнь* исходит из определения, данного в *Цзо чжуань. Чэнь* — «место встречи солнца и луны» (ШСЦ, т. 31, *Чунь-цю Цзо чжуань чжэн и,* кн. 5, стр. 1783), т. е. зодиакальные созвездия. При таком толковании все четыре знака 日,月,星,辰 *жи, юэ, син, чэнь* переводятся отдельными понятиями, как и в остальных частях фразы.

30. Перевод всего отрывка со слова «своевременно» представляет определенные трудности. Ранее в традиционных китайских комментариях две фразы о светилах и богатствах земли объединялись в одну. В соответствии с этим Сыма Чжэнь в *Со инь* толковал *пан-ло* 旁羅 — «широко распространять во все стороны», имея в виду добродетели Хуан-ди. Шаванн, следуя традиционному членению фразы, дал перевод словосочетания *пан-ло* — «установить, навести порядок» (МИС, т. I, стр. 33). Более убедительное, на наш взгляд, толкование предложено японским комментатором Такигава Каметаро, который считает, что поскольку выражения: злаки, травы и деревья; птицы, звери, черви и бабочки; солнце луна, звезды и места встреч солнца и луны; земля, камни, металлы и яшма; способности, сила, уши и глаза; вода, огонь, лес и другие богатства — состоят только из существительных и выполняют функции объектов в предложениях, то парные выражения *ши-бо, чунь-хуа, пан-ло, шуй-бо, лао-цинь, цзе-юн* должны выполнять функции глагольных групп. Добавим, что при таком анализе сохраняется единый ритмический рисунок фразы, состоящей из равных частей по шести знаков в каждом (*Ши цзи хуй-чжу као-чжэн* — «Свод комментариев и критическое исследование „Исторических записок"», т. I; далее — ХЧКЧ). В предлагаемом переводе есть одно слабое место — словосочетание *шуй-бо* 水波, которое само по себе не имеет глагольного значения и труднообъяснимо. Поэтому, собственно, комментаторами и были объединены две фразы. Соглашаясь с мнением Такигава, мы условно приняли для *шуй-бо* перевод «добывал», предполагая, что вместо *шуй-бо* должны были стоять какие-то иные знаки.

31. Об этом упоминается в *Го юй.* Цзиньский сановник Сюй-чэнь (Цзю-цзи) утверждает, что: «У Хуан-ди было двадцать пять сыновей, среди них с общей фамилией только двое: Цин-ян и И-гу, носившие фами-

лию Цзи... Все сыновья Хуан-ди составили 25 кланов, из них 14 человек *получили* [отдельные] *фамилии, которых было* всего 12...» (ГЮ, гл. 10, *Цзинь юй*).

Термин *син* 姓 в настоящее время переводится словами «фамилия», «семья». Древняя форма *син* лишена детерминатива. На иньских костях и на чжоуской бронзе вместо 姓 употреблялся 生, по-видимому в том же значении — «семья», «род». Нередко понятие *син* связывают с материнской линией, а *ши* 氏 — с отцовской (сунская энциклопедия *Тун чжи*). Если следовать этому пониманию, то сыновья легендарного Хуан-ди получали свои имена по материнскому роду, что могло отражать продолжающееся господство матриархата. Отделяясь от какого-то общего большого рода, они образовывали новые родственные друг другу роды, постепенно расселяясь по территории Китая.

Однако вопрос о *син* и *ши* сложен и до конца не решен в науке. В последующих главах Сыма Цянь нередко употребляет оба термина как синонимы (см. гл. 3 и др.), что, по-видимому, отражает их понимание в эпоху Хань.

32. Слово *цю* 丘 в ряде древних текстов означает «селение». На иньских костях упоминается должность управителя малого *цю* — *сяоцю чэнь* 小丘臣 , относящаяся к периоду правления У-дина (см. Чэнь Мэн-цзя, *Инь-сюй бу-цы цзун-шу*, стр. 507). В трактате *Чжуан-цзы* встречается термин *цюли* 丘里 как объединение десяти фамилий и ста (имен) человек (ЧЦЦЧ, т. 3 *Чжуан-цзы*, стр. 173). Фань Вэнь-лань понимает *цю* как сельскую общину («Древняя история», стр. 141). Шаванн использовал исходное значение иероглифа *цю* — «холм» и перевел «на холме Сюаньюань» (МИС, т. I, стр. 34). Нами избран первый вариант.

33. Как отметили Такигава и Мидзусава Тоситада, в ряде древних ксилографов к названию *Силин* добавлен иероглиф *ши* «род» (Мидзусава Тоситада, *Шицзи хуй-чжу као-чжэн цзяо-бу* — «Исправления и дополнения к своду комментариев и критическому исследованию „Исторических записок“», кн. I, гл. I, стр. 17; далее — КЧЦБ). Следует отметить, что, по преданиям, все правители, начиная с Хуан-ди и вплоть до иньских ванов, брали в жены девушек из других родов. Судя по гадательным надписям, более 80 жен иньских ванов принадлежали к другим родам. Это говорит о запрещении браков внутри рода. К китайскому роду, описанному Сыма Цянем в 1, 2 и 3 гл., полностью относится положение Энгельса об экзогамии римского рода: «Из огромной массы римских супружеских пар, имена которых сохранились до нас, ни одна не имеет одинакового имени для мужа и жены» (Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, стр. 125).

34. Сюань-сяо, — по некоторым преданиям, дед императора Ку — не был на престоле, в то время как Цин-ян известен в китайской истории под именем императора Шао-хао 少昊 , правившего сразу после Хуан-ди. Однако в тексте *Ши цзи* Шао-хао совсем не упоминается, а Сюань-сяо

и Цин-ян выступают как одно лицо. Ханьский комментатор Сун Чжун объясняет это противоречие тем, что Сыма Цянь решил умышленно исключить имя Шао-хао как находившегося под покровительством стихии металла, поскольку включение его в число императоров нарушило бы «кругооборот пяти стихий». Сюй Сюй-шэн присоединяется к этому мнению и считает, что и в последующем: «...конфуцианцы в большинстве своем включали Фу-си и Шэнь-нуна в число трех владык, а из числа шести императоров либо исключали Шао-хао, чтобы привести систему в соответствие с пятью императорами в *Ши цзи,* либо относили Хуан-ди к трем владыкам, чтобы таким путем уменьшить число императоров до пяти (**«Легендарный период в древней истории Китая»**, стр. 215).

35. Цзяншуй и Жошуй — названия рек, находившихся, как полагают исследователи, в области Шу, на территории современной провинции Сычуань.

36. Могила Хуан-ди, по преданиям, находилась на горе Цяошань, в современном уезде Хуанлин провинции Шэньси.

37. Чжуань-сюй — легендарный персонаж, упоминаемый в ряде древних сочинений: *Мо-цзы, Ли сао, Шань хай цзин, Цзо чжуань* и др. Он занимал важное место в перечне героев далекого прошлого. Мнение Ян Куаня о том, что легенды о Чжуань-сюе и Яо — модификации одного и того же мифа (см. *Гу ши бянь,* т. 7, ч. I, стр. 210—223) не получило пока подтверждения и не соответствует схеме, принятой в *Ши цзи.*

38. Словом «богатства» переведен иероглиф *цай.* Основанием для такого толкования служит выражение из *Чунь-цю:* «Небо породило пять богатств, которые в равной степени используются народом и ни без одного из них нельзя обойтись» (см. ШСЦ, т. 30, стр. 1519). Предполагается, что Чжуань-сюй использовал эти богатства, «сообразуясь с особенностями земли», т. е. там, где они имелись.

39. Древние приписывали духам ум и чувство справедливости, считали необходимым беззаветно служить им в соответствии с их рангом, оставляя за духами право определять отношения между людьми на земле.

40. Упоминаемые в древних книгах названия пустынь, морей, крупных гор и рек в большинстве случаев могут быть относительно точно отнесены к определенным районам современного Китая, так как они связаны с чжоуским периодом и хорошо изучены. Что же касается названий древних пунктов, то в этом случае отождествление затруднительно, так как некоторые поселения исчезали или меняли названия, одни и те же названия фиксировались различными иероглифами в диалектном чтении и т. д. Несмотря на это, для определенной части географических названий мы дадим в примечаниях современные эквиваленты в представлении китайской науки, оговаривая их относительность.

Координаты названных в абзаце мест примерно таковы: Юлян — район на севере Китая, на месте будущей области Ючжоу; Цзяочжи — в области Цзяочжоу, однако не в самых южных границах ее; Люша — «текущие

пески», под которыми подразумевается район пустыни Гоби; Паньму — на востоке страны. В *Шань хай цзине*, например, имеется легенда о горе в Восточном море, на которой растет гигантское дерево Паньму.

41. К «большим духам» относились духи пяти почитаемых гор: Суншань, Тайшань, Хуашань, Хэншань и Хошань — и духи четырех крупных рек: Янцзы, Хуанхэ, Хуайхэ и Цзишуй. К «малым духам» относились духи холмов и низин.

42. По тексту книги *Ши бэнь*, частично восстановленному после эпохи Тан, сына Чжуань-сюя звали Цюн-си (*Ши бэнь ба чжун* — «Восемь списков основ генеалогического древа правителей», гл. 3, стр. 23; далее — ШБ). Ханьский Сун Чжун считает последнее его посмертным именем.

43. По поводу имени легендарного Ку в китайской историографии развернулась полемика. Ван Го-вэй на основе надписей на костях показал, что Ку был известен под именем Цзюня (*Гуань тан цзи линь*, т. 2, стр. 411, 438). Го Мо-жо пришел к выводу, что: «...Цзюнь, Шунь, Ку и высокий предок Куй, по сути дела, одно лицо» (Го Мо-жо, *Бронзовый век*, стр. 11). Но в стройной схеме Сыма Цяня император Ку занимает свое точное место, и его имя нельзя соединить ни с Шунем, ни с другими персонажами легенд.

44. Слово *цзу-цзы* означает «дети кровных, родных братьев». Но поскольку Чжуань-сюй и Цзяо-цзи, отец Гао-синя, были двоюродными братьями, дан перевод «двоюродный племянник». Это обстоятельство отмечено Шаванном (МИС, т. I, стр. 39) и японскими переводчиками *Ши цзи* Отаке (*Гэндай гояку Сики*, ч. I, стр. 3; далее — ГГС).

45. *Ваньминь* — десять тысяч людей; массы народа; весь народ. Шаванн переводит: «десять тысяч племен» *dix milles tribes* (МИС, т. I, стр. 40). Сам по себе термин *ваньминь*, как и *байсин*, имеет для различных эпох неодинаковое социально-политическое значение. В данном случае нами оставлен общий перевод «народ».

46. Мы присоединились к толкованию Сыма Чжэня, который считает, что Ку был умерен в одежде и одевался, как обыкновенный чиновник — *ши*. В последующем не раз прославляется простота и умеренность идеальных правителей древности в одежде, жилье, пище, что отражает конфуцианскую идеологию «восхваления старины».

47. В *Ши бэнь* упоминаются не две, а четыре жены Ку, сыновья которых правили Поднебесной: старшая жена Цзян-юань, родившая Хоуцзи, вторая жена Цзянь-ди, родившая Се, третья жена Цин-ду, родившая Яо, и четвертая жена Чан-и, родившая Чжи (*Ши бэнь ба чжун*, список Ван Мо, стр. 6).

48. Правление Чжи не занимает постоянного места в традиционной хронологии Китая, варьируется и его имя, поэтому он и не включен в число основных пяти правителей. В *Чжу-шу цзи-нянь*, например, Чжи — имя правителя Шао-хао. По мнению ханьского ученого Вэй Хуна (I в.),

Чжи правил девять лет, но потом уступил трон более добродетельному брату — Фан-сюню.

49. По толкованию Кун Ань-го, последняя фраза означает, что Яо сумел выявить и использовать достойных мужей, отличавшихся высокими добродетелями. Такое расширительное толкование нашло свое отражение и в переводе Шаванна (МИС, т. I, стр. 43). На наш взгляд, точка зрения Кун Ань-го и Шаванна ошибочна, так как весь абзац говорит о добродетелях самого Яо.

Под девятью поколениями имеются в виду девять колен родства от прапрадеда — *гао-цзу* до праправнука — *сюань-суня*.

50. Выражение *бянь чжан байсин* переведено нами «навел порядок среди *байсинов* и просветил их». Далее слово *бянь* 便 встречается в значении «регулировать» в выражениях «регулировать ход весенних работ», «регулировать ход летних работ» и т. д. В *Шан шу* во всех перечисленных случаях вместо *бянь* стоит *пин* 平 — «уравнивать», т. е., по существу, то же — «регулировать, наводить порядок». Такое сопоставление текстов позволило Сюй Гуану (352—425) объяснить значение *бянь* через *пин* — «уравнивать, регулировать» и дало основание нашему переводу.

51. Весь отрывок, начинающийся со слов «[Яо] сумел проявить добродетели», представляет определенный интерес для выяснения конфуцианской концепции укрепления государства.

Одно из первых изложений этой концепции дано в *Шан шу*, но наиболее отчетливо она отражена в *Ли цзи:* «В древности тот, кто хотел проявить свои светлые добродетели [на всю] Поднебесную, приводил сначала в порядок свое владение; тот, кто хотел привести в порядок свое владение, приводил сначала в порядок свою семью; тот, кто хотел привести в порядок свою семью, совершенствовал сначала себя» (ШСЦ, т. 26, *Ли цзи чжэн-и,* кн. 8, цз. 60, стр. 2343). О том же говорится в *Мэн-цзы* (ЧЦЦЧ, т. I, *Мэн-цзы чжэн-и,* гл. 7, стр. 290). Если с этой точки зрения подойти к рассматриваемому отрывку, то в его тексте мы найдем все указанные этапы.

Наведя порядок в семье, Яо приступил к наведению порядка во всем государстве, «навел порядок среди *байсинов* и просветил их». Кого следует здесь понимать под *байсинами?* Облегчает понимание термина сравнение с текстом *Шан шу,* где мы встречаем слова *шумин* 庶明 и *шувань* 庶頑 (ШСЦ, т. 3, стр. 143, 163), которые буквально означают: «все просвещенные» и «все неразумные». У Сыма Цяня соответственно противопоставлены друг другу «все знатные» — *байсин* и «простой народ» — *чжучжун* 諸衆.

52. В древних мифах Сихэ выступает в роли духа солнца и луны и изображается в виде женщины (иногда сравниваемой с богиней Нюй-ва). При Хань толкователи древних текстов превратили Си и Хэ в чиновников, ведавших делами Неба и Земли, а их четверых братьев или сыновей — в «руководителей четырех сезонов». Их родословная ведется от первых леген-

дарных астрологов, Чуна и Ли, служивших императору Ку (в 27 и 130 гл. *Ши цзи* вновь упоминаются эти астрологи).

Основываясь на *Хань шу* (см. ХШБЧ, т. 10, стр. 318; т. 2, стр. 1098—1099), некоторые ученые высказывают предположение, что в рассказе об этих астрологах фигурируют всего четыре человека, а не шесть, как принято считать, и что вначале говорится обо всех, а потом раздельно о каждом (см.: Ху Хоу-сюань, *Мольбы иньцев об урожае с помощью жертв странам света и ветрам,* стр. 58—59). Однако против такого мнения говорит употребление иероглифов *чжун* 仲 и *шу* 叔, указывающих на второго и третьего по старшинству братьев. Поэтому нами принято традиционное толкование.

53. По древним представлениям, небо делилось на четыре части (по странам света), символами которых были животные и птицы. Восточную часть неба символизировал синий дракон (*цан-лун*), западную — белый тигр (*бай-ху*), северную — черная черепаха (*сюань-у*), а южную — красная птица (*чжу-няо*). В каждой части неба насчитывалось по семь созвездий. Каждая часть неба и страна света соотносилась с определенным временем года: восток — с весной, юг — с летом, запад — с осенью и север — с зимой. В соответствии с подобными представлениями в тексте главы распределены обязанности четырех помощников главных астрологов по странам света и сезонам.

Звезда Няо в VIII в. астрономом Чжан И-сином была отождествлена со звездой Чунь-хо 鶉火, которая в западной астрономии корреспондируется со звездой Cor Hydrae (Дж. Легг, *Китайские классики,* т. 3, стр. 19).

54. По комментарию Кун Ань-го, это значит, что с наступлением периода весенних работ молодые шли в поле, а старые оставались дома.

55. Комментаторы связывают Наньцзяо с упоминавшимся ранее пунктом Цзяочжи на юге.

56. Звезда Хо («Огонь») считается, по китайским астрономическим понятиям, центральной звездой в созвездии Синь 心, пятым из семи восточных созвездий. Легг отождествляет ее с центральной звездой в созвездии Скорпиона.

57. *Е-чжун* или, как в *Шан шу, сяо-чжун* 宵中 означает день осеннего равноденствия, когда день и ночь состоят из пятидесяти *кэ* 刻. Звезда Сюй находится в центре семи северных созвездий. По Легту (т. 3, стр. 20), она соответствует звезде *β* в созвездии Водолея.

58. «В это время народ успокаивался...» — так переведены четыре иероглифа *ци минь и и* 其民夷易. В *Шан шу* отсутствует последний знак *и*. Такигава высказывает предположение, что Сыма Цянь изменил в свое время иероглиф 夷 на 易, позднее для объяснения измененного иероглифа сбоку стали писать прежний иероглиф, который переписчики ошибочно оставили в тексте (см. *Као чжэн,* т. I, стр. 26). Объясняя значение *и* через *пин* — «одинаковый», Кун Ань-го понимает фразу так: люди также продолжали оставаться на полях, как и летом. Представляется, что спад сезонных работ

земледельцев более правильно отражает толкование сунского комментатора *Шан шу* Цай Шэня, который говорит — «Жара спадала, и народ успокаивался». С этим толкованием согласуются переводы Шаванна (МИС, т. I, стр. 47) и Легга (т. 3, ч. I, стр. 20).

59. Четыре названия мест, куда якобы были посланы братья Си и Хэ, скорее всего — образные названия земель в каждой части света. Шаванн и Легг передали эти названия описательно, по значению составляющих их иероглифов: Янгу — Долина света или солнца, Bright Valley, Мэйгу — Долина мрака, Dark Valley, Юду — *Обитель мрачности*, Sombre Capital.

Однако после Наньцзяо название места поселения в тексте «Основных записей» отсутствует. Легг, ссылаясь на мнение Чжэн Кан-чэна, считает, что здесь утеряны три знака 曰明都 — «[в месте], называемом Минду („Столица света")». В этом случае нарушенная симметрия всего периода была бы восстановлена.

60. Мао — две звезды западной части неба, где насчитывалось тоже семь созвездий. Легг относит Мао к созвездию Плеяды.

61. Заключительный абзац подводит как бы своеобразный итог деятельности помощников Яо по наблюдению за связью небесных светил и природных явлений с жизнью людей на земле и отражает, несомненно, первые успехи древнего человека в изучении природы. Здесь историк кратко пересказывает слова Яо, приведенные в *Шан шу* (см. ШСЦ, т. 3, стр. 50). Все эти астрономические данные появились не ранее эпохи Чжоу.

В древнем Китае применялись как солнечный, так и лунный календарь. Уже в период Чуньцю китайские астрологи подсчитали, что через 19 солнечных лет, или 235 лунных месяцев, наступают новолуния, совпадающие с днями зимнего солнцестояния. Весь этот период разбивался на 12 лунных лет по 12 месяцев и 7 лунных лет по 13 месяцев, т. е. с добавочным високосным месяцем (который и упоминается в тексте главы). Так достигалось согласование лунного и солнечного календарей и приведение календаря в соответствие с действительной величиной астрономического года.

62. В трактате *Хань Фэй-цзы* сообщается, что Дань-чжу был казнен Яо, причем его имя ставится в один ряд с именами Шан-цзюня — сына Шуня, У-гуаня и других казненных правителей. Тем самым философ подчеркивает беспристрастность идеальных правителей древности Яо, Шуня, иньского Ци и др. (см. ЧЦЦЧ, т. 5, *Хань Фэй цзи цзе*, гл. 17, стр. 310). В кругу ученых, группировавшихся вокруг издания *Гу ши бянь*, выдвигалась также гипотеза о том, что Дань-чжу был не сыном Яо, а представителем южных племен *мань* (см. *Гу ши бянь*, ч. 7, гл. I, стр. 302—310), но она не была в достаточной мере подтверждена источниками.

63. *Гун-гун* — название должности, что ясно видно из дальнейшего изложения событий, связанных с назначением Чуя. Позднее *гун-гун* стал именоваться *сыкуном* 司空 . В то же время Гун-гун совершенно отчетливо выступает и как имя древнего персонажа. Такой переход должности в фамилию для ранних периодов — явление обычное.

Следует отметить противоречивое отношение китайских источников к фигуре и роли Гун-гуна. Если в *Шан шу, Го юй* и *Ши цзи* он представлен порочным и злым, лишенным хороших качеств, то в *И чжоу шу* (гл. *Ши цзи цзе*) говорится о его выступлении против «больших чиновников», а в *Хань Фэй-цзы* есть сведения о выступлении Гун-гуна против Шуня (см. ЧЦЦЧ, т. 5, *Хан Фэй-цзы* гл. 24, стр. 243). Таким образом, Гун-гун вместе с Гунем и Хуань-доу порой предстают как сурово наказанные политические противники Шуня.

Одновременно в литературе Гун-гун выступает как мифический герой, сражающийся со многими древними правителями и богами. Изображается его борьба с Фу-си, Нюй-ва, Шэнь-нуном, Хуан-ди, Чжуань-сюем, Яо и Шунем (*Хуайнань-цзы, Ле-цзы, Сюнь-цзы, Чжаньго цэ, Шань хай цзин*). Сыма Цянь принял первую, ортодоксальную версию *Шан шу*.

64. В характеристике Гун-гуна, данной Яо, имеются слова *сы гун мань тянь* 似恭漫天 , в *Шан шу* соответственно: *сян гун тао тянь* 象恭滔天. Существует две трактовки этой фразы. Первая: хотя «Гун-гун и кажется старательным, но воды разлились до небес», т. е. стихия оказалась сильнее его (*так понял Легг*: см. т. 3, стр. 24). Вторая: характер Гун-гуна осуждается — «кажется почтительным, но пренебрегает Небом» (это отражено в переводе Шаванна — МИС, т. I, стр. 50). Нами принят второй вариант, так как в этом случае характеристика Гун-гуна выражена более четко.

65. *Юэ* 嶽 — досл. «высокая гора» и, следовательно, *сы юэ* — «четыре высоких горы, пика», под которыми часто имели в виду четыре священные горы по странам света. Но уже в *Шан шу* под *сыюэ* подразумевается должностное лицо или лица. Цай Шэнь и сунский ученый Чжу Си (1130—1200) так называют чиновника, который ведал делами всех *чжухоу*, живших в районах четырех гор. Шаванн передал этот термин множественным числом: «управители четырех гор» (МИС, т. I, стр. 50). Исходя из текста *Го юй*, Вэй Чжао приравнивает *сыюэ* к *сыбо* 四伯 четырем князьям и называет их «ответственными за жертвоприношения у четырех вершин» (см. *Го юй*, гл. 3, стр. 35—36). Если учесть, что в *Шан шу*, как и в *Ши цзи* в дальнейших фразах, *сыюэ* употребляется с показателем множественности *цянь* 僉 или *цзе* 皆, точка зрения Цай Шэня, Чжу Си и Легга, утверждавших, что это был один человек, не имеет достаточных оснований. Несомненно, что в тексте речь идет о нескольких знатных лицах, помощниках главного правителя.

Современные историки делают попытку вскрыть социальное значение термина *сыюэ*, понимая под ним вождей племен или старейшин. Обращение главного вождя (*ди*) к *сыюэ* за советом рассматривается как отражение форм первобытной демократии.

66. *Сяминь* может быть истолковано как «простой народ». Но, имея в виду то, что во 2 гл. народ после победы над наводнением «спустился с холмов [в долины]» 下丘 *ся цю*, мы взяли значение «народ, живущий в низинах».

В работе Э. М. Яншиной «Богоборческие мотивы в древнекитайской мифологии» при переводе этого же мифа о потопе из *Шан шу* словосочетание *сямынь* переводится «люди внизу», т. е. люди, живущие внизу (на земле), в противоположность богам, живущим наверху (на небе). Автор критикует вариант «люди, живущие в низинах» или «простой народ» у Легга и Карлгрена как «рационалистический». Не оспаривая значения данного словосочетания в мифах, переводчики для текста Сыма Цяня, базирующегося на обработанной и демифологизированной традиции, считают возможным оставить именно «рационалистическое» понимание этих слов.

67. Слова Яо даются переводчиками в форме вопроса. В западных переводах находим утвердительные предложения, которые меняют смысл фразы. Легг в переводе *Шан шу*, исходя из своего понимания *сыюэ*, пишет: «Вы [т. е. руководитель четырех гор], сумеете завершить мои предназначения. Я уступлю трон вам» (т. 3, ч. I, стр. 25). Шаванн, придавая фразе тот же смысл, переводит уже множественным лицом: «Вы [т. е. четверо управителей гор], сможете исполнить волю Неба; наследуйте мой трон» (МИС, т. I, стр. 51), что совсем непонятно, так как одновременная передача власти четырем лицам маловероятна.

68. В книге *Ши бэнь* и других источниках названы имена дочерей Яо, выданных замуж за Шуня: Э-хуан и Нюй-ин. Это бракосочетание отражает широко известный у древних народов обычай сорората, характерный для эпохи разложения первобытнообщинного строя общества. Имеется работа французского ученого Гранэ о сорорате в Китае (M. Granet, *La polygamie sororale et sororat dans la Chine feodale*).

69. Гуйжуй понимается нами как название реки. В древности эта река брала начало в горах Лишань, текла на запад и впадала в Хуанхэ. Некоторые комментаторы (Кун Ань-го, Хуанфу Ми) понимают иероглиф *жуй* 汭 в его прямом значении — «излучина реки», считая, что Шунь поселил своих жен «в излучине реки Гуй». Шаванн перевел это сочетание как названия двух рек — Гуй и Жуй, упомянув в примечании, что Жуй, по мнению комментаторов, небольшой приток реки Гуй (МИС, т. I, стр. 54).

70. Пять отношений (*у дянь* 五典) или близкие к ним пять поведений (*у цзяо* 五教), которые Шуню надлежало распространить в обществе,— непременный элемент древней этики и, по мнению древних философов, главное оружие в борьбе за гармонию общественных отношений. Эти пять отношений или моральных законов по каноническим книгам понимались так: 1. Справедливость отца 父義. 2. Любовь матери 母慈. 3. Дружественное отношение старших братьев к младшим 兄友. 4. Уважительное отношение младших братьев к старшим 弟恭. 5. Почтительность сыновей к родителям 子孝. Существовал и другой вариант этих «пяти отношений»: 1. Любовь между отцом и сыном (родителями и детьми) 父子有親. 2. Справедливость в отношениях правителей и подданных 君臣有義. 3. Различия между супругами (мужчинами и женщинами)

夫婦有別. 4. Порядок в отношениях между старшими и младшими 長幼有序. 5. Доверие между друзьями 朋友有信.

71. Распространив «пять отношений» в семье и роде, Шунь ввел эти моральные нормы в среду чиновников, и все дела стали успешно выполняться. По-видимому, в данной грамматической конструкции прямым дополнением к глаголу *жу* служат те же «пять отношений». Иначе толкует это место Шаванн: «Затем он [Шунь] стал надзирать за чиновниками, и все чиновники назначались на свое место в свое время» (МИС, т. I, стр. 55).

72. «Четверо ворот», по Ма Юну (79—166), обращены на четыре стороны света, через них въезжали являвшиеся ко двору местные правители. Изучение развалин древних городов II—I тысячелетий до н. э. и археологические раскопки подтверждают, что в высоких стенах, окружавших эти города, были четыре главных входа по странам света.

73. Нами принято толкование Цай Шэня, предложенное им для аналогичного выражения в *Шан шу — жан юй дэ* 讓于德 — «уступал [более] добродетельным». Внутренний смысл такого отказа связан с преуменьшением Шунем своих возможностей.

74. Комментаторам не совсем ясно, какое место занимал Вэнь-цзу в общей системе легендарных персонажей древности. Шаванн внес в перевод уточнение: «Вэнь-цзу был предком Яо в пятом поколении» (МИС, т. I, стр. 56), исходя из позднейшей системы пяти поколений предков (禰 *ни* — отец, 祖 *цзу* — дед, 曾祖 *цзэн-цзу* — прадед, 高祖 *гао-цзу* — прапрадед и 大祖 *да-цзу* — предок в пятом поколении), однако такая детализация Шаванном не аргументирована.

75. Последней фразы в совпадающем тексте *Шан шу* не имеется. Она еще ярче подчеркивает конфуцианскую идею верховной власти Неба, без повеления которого не мог быть назначен правитель Поднебесной. В законченном виде эта концепция изложена в главе *Вань Чжан* трактата *Мэн-цзы*. Философ утверждает в своем ответе, что император — Сын Неба не имеет права передавать Поднебесную кому-либо, это может делать только само Небо. Когда Вань Чжан допытывается, каким же образом Небо осуществляет подобный акт, Мэн-цзы поясняет: «Сын Неба может представить человека Небу, но не может вынудить Небо отдать тому Поднебесную... Яо рекомендовал Шуня Небу, и Небо приняло его» (ШСЦ т. 40, *Мэн-цзы чжу шу*, кн. I, стр. 403). Трудно определить, принадлежит ли редакция данной фразы самому Сыма Цяню или же конфуцианцам позднейших эпох, внесшим это дополнение в текст «Исторических записок».

76. Название прибора *сюань-цзи юй-хэн* 璇璣玉衡, переведенное нами словом «астролябия», упоминается в сходном контексте в 27 гл. *Ши цзи* (т. 3, стр. 1291). По мнению китайских комментаторов, слова *сюань* и *юй* указывают на материал — яшму, из которой были сделаны отдельные части прибора, или на его цвет, а слова *цзи* и *хэн* — на механизм

прибора, служившего для наблюдения за светилами. Хотя Шунь и получил от Яо приказ управлять Поднебесной от имени Сына Неба, но он не смел выполнить его без совета с Небом. Тогда он решил при помощи астрономического прибора проверить расположение семи главных светил, т. е. Солнца, Луны, Венеры, Меркурия, Марса, Юпитера и Сатурна. Благоприятное их расположение означало, что Небо не возражает против принятия Шунем власти.

Как показывают работы китайских ученых, подобные, даже самые простые, приборы могли появиться только в конце эпохи Чжоу, когда был достигнут определенный уровень развития науки и техники. Сошлемся, в частности, на мнение Чэнь Цзунь-гуя в его «Краткой истории астрономии в древнем Китае» (стр. 129). Можно предполагать, что Сыма Цянь имел в виду какой-то прототип армиллярной сферы *хунь-тянь-и* 渾天儀, существовавшей к эпохе Хань.

77. Эти жертвы — лишь часть большого перечня ритуальных служб и жертвоприношений эпохи Чжоу, переносимых Сыма Цянем в далекую древность. Тщательно разработанный ритуал жертв находим в *Чжоу ли.* Так, жертва *лэй* 類, предназначенная Верховному владыке, приносилась при смене правителя или династии. Такую жертву принес У-ван после победы над царством Инь (см. ШСЦ, т. 13; *Чжоу ли,* т. 3, стр. 921). Жертва *инь* 禋 относится к большим очистительным жертвам и жертвам Небу (*Чжоу ли,* раздел *Чунь гуань,* гл. *Да цзунбо*). Термин «шесть почитаемых» менее определенен и имеет многочисленные толкования. Чжэнь Сюань, например, включает в это понятие: 1. Пять планет: Венеру, Меркурий, Марс, Юпитер и Сатурн; 2. Двенадцать зодиакальных созвездий; 3. Звезду Сычжун 司中; 4. Звезду Сымин 司命 (Сычжун и Сымин — четвертая и пятая звезды из китайского созвездия Вэньчан, находящегося возле звезд альфа и бэта Большой Медведицы); 5. Китайское зодиакальное созвездие Би 畢, состоящее из восьми звезд (соответствует созвездию Тельца); 6. Созвездие Ци 箕, состоящее из четырех звезд (соответствующее четырем звездам созвездия Стрельца).

Сложность точного определения «шести почитаемых» становится еще более очевидной из исторической справки Чжан Шоу-цзе, в которой отмечается, что ханьский император Ань-ди (107—126 гг. н. э.) приносил жертвы «шести почитаемым» к северо-западу от Лояна с такими же церемониями, как и при жертвоприношениях духам земли. Эти жертвы были отменены лишь в начале династии Цзинь, когда сановник Сюнь И, учитывая неясность понятия «шесть почитаемых», предложил установить новые жертвоприношения.

Жертвы *ван* 望 приносились на расстоянии, в сторону почитаемого объекта — духов известных гор и больших рек. О жертвах *бянь* 辯 точных сведений в источниках нет. Под различными духами, по мнению Чжэн Сюаня, понимаются духи холмов и долин.

78. *У жуй* означали пять видов жезлов, вручавшихся в качестве внеш-

них символов власти знатным людям, носившим титулы *гун*а, *хоу*, *бо*, *цзы* и *нань*. Разработанная система подобных регалий зафиксирована в каноне *Чжоу ли* (ШСЦ, т. 12, *Чжоу ли чжу шу*, кн. 2, стр. 663). Танский комментатор Чжан Шоу-цзе приводит свидетельство некоего Кун Вэнь-сяна о том, что в V в. при перестройке храма Юя на горе Куайцзи в земле было обнаружено множество жезлов и регалий, соответствующих описанным в *Чжоу ли*.

79. Наш перевод исходит из традиционного комментария к *Шан шу* (как и перевод Шаванна). Возможен и иной вариант: «Шунь собрал пять знаков власти, выбрал благоприятный месяц и день, принял всех правителей земель у четырех гор и возвратил им знаки власти». В этом случае иероглифы *сыюэ* выступают как географическое понятие. Учитывая, что Шунь постоянно советуется с *сыюэ* как со своими ближайшими помощниками и поручает им сложные дела, есть все основания принять традиционное толкование.

80. Чжан Шоу-цзе считает, что была введена единая для страны система исчисления сезонов, месяцев и обозначения дней. Применительно к эпохе легендарных правителей таких заключений, конечно, делать нельзя. И все же современные исследования говорят о раннем (начало Шан) обозначении дней циклическими знаками. Таков вывод Чжан Хун-чжао в книге «Разрешение спорных мест древнего календаря Китая» (стр. 14). Слова «выправил названия дней», возможно, связаны именно с широким использованием циклических знаков.

81. Под пятью ритуалами обычно имеют в виду пять обрядных разделов всего древнекитайского ритуала: церемонии жертвенные (*цзи ли* 吉礼), церемонии печальные (*ай ли* 哀礼), церемонии гостевые (*бинь ли* 賓礼), церемонии военные (*цзюнь ли* 軍礼), церемонии радостные (*цзя ли* 嘉礼).

В *Чжоу ли* относительно этих обрядов сообщается следующее: «С помощью жертвенных церемоний служат всем духам в государстве... с помощью печальных церемоний скорбят о несчастьях, постигших государство... с помощью гостевых церемоний сближаются владения... с помощью военных церемоний объединяются владения... с помощью радостных церемоний сближается весь народ» (ШСЦ, т. 12, *Чжоу ли чжу шу*, кн. 2, стр. 639—656).

82. В *Чжоу ли* все дары строго расписаны, князья подносили куски шелка, обернутые в шкуры, сановники — ягнят, высшие чиновники — диких гусей, рядовые чиновники — фазанов, простолюдины — домашних уток, а ремесленники и торговцы — петухов (см. ШСЦ, т. 12, *Чжоу ли чжу шу*, кн. 2, стр. 664).

Комментаторы полагают, что под «двумя живыми тварями» имеются в виду ягненок и дикий гусь. Ягненок, никогда не отбивающийся от стада, считался символом преданности чиновника повелителю; дикий перелетный гусь — символом подчинения государю. Как ягненок, так и гусь быстро

привыкают к человеку, фазан медленно приручается, но зато до смерти не изменяет своим привычкам, его стойкость использовалась как пример для чиновников. Домашняя утка, не улетающая от дома,— символ постоянства и привязанности к родным местам. Петух должен напоминать ремесленникам и купцам о необходимости своевременно выполнять свои обязанности.

83. По мнению Ма Юна и Кун Ин-да, после представления у государя «пять изделий» возвращались князьям и местным правителям, тогда как другие дары оставались при дворе. Но Цай Шэнь считает, что фраза о подношениях ошибочно поставлена после пяти ритуалов и должна быть перенесена в начало абзаца после слов «принял вождей восточных земель». Тогда смысл текста таков: Шунь, приняв дары, урегулировав ритуалы, унифицировав сосуды, завершал торжество и возвращался (направлялся в следующий район). Представляется, что убедительное толкование Цай Шэня удачно ликвидирует трудности, связанные с переводом так называемого «возвращения [яшмы]»,— тогда пойдет речь о возвращении из восточной поездки самого Шуня. Однако необходимость считаться с существующим текстом *Ши цзи* не дает права менять структуру абзаца и последовать мнению комментатора.

84. Выражение *бянь гао и янь* 徧告以言 переведено на основании текста *Ли цзи* (см. ШСЦ, т. 20, *Ли цзи чжэн и,* кн. 2, гл. II, стр. 534), из которого явствует, что Сын Неба при объезде владений требовал представления ему стихов. Знакомство со стихами и песнями, как утверждает чжоуский канон, давало правителю возможность узнать образ мыслей и жизнь народа и судить, как осуществляется правление. Поэтому мы перевели указанное выражение «подробно докладывали... по разговорам», понимая под «разговорами» мнения и речи населения, которые включались в донесения местных правителей. Такое толкование оправдано и грамматически, так как позволяет служебное слово *и* 以 во всех трех случаях рассматривать в одной функции: «по разговорам...», «по заслугам...», «по успехам...».

Возможно, однако, и другое толкование, отмеченное в комментарии *Чжэн и. Бянь гао и янь* в этом случае следует понимать так: владетельные князья подробно докладывали Сыну Неба о делах управления и настроениях народа не письменно, а устно, на словах. Это нашло отражение в переводе Шаванна (МИС, т. I, стр. 65), в переводе Легга (т. 3, ч. I, стр. 37) и Аллена (Herbert Allen, *Historical Record, ch. 1, Original record of the Five gods,* стр. 285).

85. Вопрос о времени разделения древнего Китая на области и о числе этих областей давно дискутируется в китайской историографии, так как в древних книгах и у Сыма Цяня сообщается об этом много противоречивых данных. В традиционной литературе считается, что Юй создал области, а Шунь увеличил их число с 9 до 12, Бань Гу приписывает Яо создание 12 областей, которые Юй, покоритель наводнения, преобразовал в 9 (*Хань шу,* гл. 28, ч. I, стр. 1а).

В этой главе одновременно говорится о 12 правителях и 9 областях, что свидетельствует о противоречивости дошедших до Сыма Цяня преданий. Фактически деление на какие-либо области могло возникнуть лишь в чжоуском государстве.

Цуй Ши (XX в.) считает, что фраза относительно областей и рек выпадает из контекста, нарушая логику изложения, так как до этого говорится о поощрениях, а после — о наказаниях и откупах. Семь знаков об областях и реках, по его мнению, вставлены позднее (Цуй Ши, *Исследование истоков Ши цзи*, гл. 2, стр. 4). Мысль Цуй Ши логична, но тогда следует признать существование такой же интерполяции и в тексте *Шан шу*.

86. Пять тяжелых наказаний в древности: клеймение, отрезание носа, отрубание ног, кастрация и смертная казнь.

87. Существует несколько толкований последних абзацев. Все сказанное может рассматриваться как описание деяний Шуня, а заключительные слова как похвала ему и его политике со стороны летописца. Такому пониманию (принятому и нами) соответствует пунктуация нового издания *Ши цзи* под редакцией Гу Цзе-гана. Шаванн весь период со слов «ссылкой смягчались...» превращает в прямую речь Шуня, завершающуюся словами, обращенными к помощникам: «Будьте осторожны! Будьте осторожны! Ведь только наказаниями вы поддерживаете спокойствие» (МИС, т. I, стр. 66). В переводе аналогичного текста из *Шан шу* Легг выделил как прямую речь лишь последние слова, обращенные, по мнению переводчика, к самому Шуню, с чем нельзя согласиться (Легг, *Китайские классики*, т. 3, ч. I, стр. 39).

88. Древняя область Цзинчжоу (см. гл. 2) лежала западнее междуречья Хуайхэ — Янцзы, а племена *саньмяо* проживали в междуречье и в Цзинчжоу, вот почему в тексте говорится о двух районах восстаний.

89. Юлин — упоминался в прим. 40. Гора Чуншань в трактате *Хуайнань-цзы* названа крайней южной горной вершиной. По танским и сунским источникам *(Тун дянь, Тайпин юй лань)*, гора Чуншань находилась в уезде Лиян (современная провинция Хунань). Саньвэй — название гор на территории современного уезда Дуньхуан в провинции Ганьсу. Гора Юйшань находилась на территории современного уезда Линьи в провинции Шаньдун.

Слово *бянь* 变 переведено по-русски «повлиять на...», так как Шунь, очевидно, стремился не только наказать непокорных и виновных, но и обезопасить свои рубежи и повлиять на соседние племена. Сыма Чжэнь предлагает иную трактовку, считая, что сосланные должны были сами изменить свой облик, одежду, привычки и, превратившись в варваров, повлиять на них. Вряд ли можно принять толкование Сыма Чжэня. Во-первых, ниже Сыма Цянь ясно говорит, что их «переселили для отражения горных и лесных демонов». Иероглиф *юй* 御 — «отражать» служит как бы ключом к пониманию иероглифа *бянь*. Во-вторых, иероглиф *бянь* встреча-

ется в аналогичном значении в трактате Мэн-цзы: «Я слышал о влиянии на варваров с помощью церемоний и установлений Ся, но не слышал о людях, изменившихся под влиянием варваров» (ЧЦЦЧ, т. I, *Мэн-цзы чжэн и*, гл. 5, стр. 230).

Встречается несколько вариантов рассказов о Гуне. В *Шан шу*, послужившей источником для Сыма Цяня, Юй ссылает своего отца Гуня на гору Юйшань. В *Люй-ши чунь-цю* Гунь выступает как противник Яо и Шуня (ЧЦЦЧ, т. VI, стр. 267), то же самое — у Хань Фэй-цзы (ЧЦЦЧ, т. V, стр. 243). В противоречивых данных о Гуне, по мнению Э. М. Яншиной, сказалось соединение героев разных мифов, проявились наслоения разных периодов. Она пишет: «Имя Гуня было объединено с именами мудрых правителей Яо и Шуня сравнительно поздно, в период историзации мифологии в классовом обществе и циклизации в конфуцианской традиции вокруг трех фигур идеальных правителей — Яо, Шуня и Юя — мифологических сказаний, ранее не имевших к ним никакого отношения» («Богоборческие мотивы...», стр. 81).

90. Этой фразой Сыма Цянь подводит известный итог политике Шуня, направленной на укрепление страны. Сослав Гун-гуна, Хуаньдоу, племя *саньмяо* и Гуня на окраины для борьбы с иноплеменниками, Шунь, во-первых, избавился от неугодных ему вождей и племен, которые не раз поднимали восстания, и, во-вторых, создал некий барьер между собой и иноплеменниками. Когда Шунь таким путем обезопасил себя с внутренней и внешней стороны, вся Поднебесная, по преданию, признала его власть.

91. Если исходить из дат, приведенных в тексте главы, Яо дожил до 116—117 лет. В сочинении *Хуан лань* местом погребения Яо назван Чэнъян в уезде Цзинь (современная провинция Шаньдун).

92. Текст в этом месте почти точно совпадает с аналогичным отрывком трактата *Мэн-цзы* (гл. *Вань-чжан*,— ЧЦЦЧ, т. I, стр. 380). Реку Нань ханьский ученый Лю Си связывал с самой южной из так называемых девяти рек — Лицзинь. В число девяти рек *цзю хэ*, по данным древнего словаря *Эр-я*, входили: Тусе, Тайши, Мацзя, Фуфу, Хусу, Цзянь, Цзе, Гоупань и Лицзинь (ШСЦ, т. 38, *Эр-я чжу-шу*, цз. 7, стр. 289).

93. Юй — название места, где, по преданиям, Шунь жил или которым владел. Поэтому и говорят: юйский Шунь.

Прозвище Чун-хуа в «Бамбуковых анналах» объясняется так: «Поскольку глаза Шуня имели двойные зрачки, его прозвали Чун-хуа —«двойной блеск» (*Чжу шу цзи-нянь*, цз. 2, стр. 12). Кун Ань-го связывает это прозвище с мудростью Шуня, как бы повторяющей блестящие качества Яо. Отсюда смысл: «Вновь блистающий».

94. Слово *шужэнь* передано нейтральным «простолюдины», ибо социальное положение этой группы остается предметом спора в науке.

На иньских костях простых людей называют *чжунжэнь* 衆人. На ранних бронзовых сосудах уже появляется упоминание *шужэнь*. Например,

в надписи на треножнике Да-юй дин 大盂鼎, относимом к периоду Кан-вана (1004—967 гг. до н. э.), говорится, что в дар жалуются «*жэньли,* начиная от *юя* и до *шужэнь,* всего 659 человек...». В более поздних чжоуских сочинениях термин *шужэнь* встречается чаще. В *Цзо чжуань* сказано: «*Шужэнь* занимаются хлебопашеством» (ШСЦ, т. 29, *Чунь-цю Цзо чжуань чжэн и,* кн. 3, стр. 1237). Такую характеристику подтверждает и трактат *Гуань-цзы,* в котором сообщается, что «*шужэни* пашут землю и взращивают злаки» (ЧЦЦЧ, т. 5, *Гуань-цзы цзяо чжэн,* гл. 3, стр. 49). Таким образом, в эпоху Чжоу под словом *шужэнь* понимались преимущественно земледельцы. Называя предков Шуня *шужэнями,* Сыма Цянь скорее всего имеет в виду понятие, встречающееся в чжоуских книгах.

Современные историки Китая, в зависимости от своих взглядов на характер общества в эпоху Чжоу, по-разному характеризуют социальное положение *шужэнь.* Фан Вэнь-лань пишет: «В Шан была категория людей, называемая *сяожэнь* 小人 или *шужэнь* 庶人, *шуминь* 庶民, *сяожэнь* — это бедняки из числа *байсин; сяожэнь* были лично свободными, они получали клочок земли, на котором и занимались хлебопашеством» («Древняя история Китая», стр. 54). Го Мо-жо приходит к выводу, что «...во времена Инь и Чжоу земледельцы [нунфу], то есть так называемые „*чжунжэнь*“ *или* „*шужэнь*“, *фактически являлись обрабатывавшими землю* рабами» («Эпоха рабовладельческого строя», стр. 32).

95. Гора Лишань, озеро Лэйцзэ, пункты Шоуцю и Фуся по традиции относятся к юго-западной части провинции Шаньдун (уезды Пусянь, Хэцзэ, Цюйфу и др.).

Сыма Цянь, передавая легенды о Шуне, по-видимому, использовал сведения, содержащиеся в философских трактатах Мэн-цзы (ЧЦЦЧ, т. I, *Мэн-цзы чжэн и,* кн. 3, стр. 143), Хань Фэй-цзы и Мо-цзы (ЧЦЦЧ, т. 4, *Мо-цзы цзянь гу,* гл. 2, стр. 34).

96. В переводе отражена точка зрения японского комментатора Такигава, который высказывает предположение, что вместо знака *сюн* 兄 должен стоять знак *ю* 友 — «дружественно относиться».

97. Цинский ученый и комментатор Лян Юй-шэн (1745—1819) в своем многотомном исследовании *Ши цзи чжи и* («Сомнительные места в „Исторических записках“»; далее — ЛЮШ) отмечает известную нелогичность текста, повторение одного и того же рассказа о занятиях Шуня. Цуй Ши считает, что отрывок из 46 иероглифов, начинающийся со слов: «Когда Шунь обрабатывал землю у гор Лишань...» и кончающийся словами: «...через три года образовывался городок», вложен Сыма Цянем в уста старейшин, которые рекомендовали Шуня, а поэтому этот отрывок следует перенести несколько выше и поставить после слов: «*Сыюэ* рекомендовали юйского Шуня, сказав, что он подходит». Мнение Цуй Ши представляется логичным.

98. В литературе имеются разногласия в трактовке словосочетания *юйтао* 鬱陶. Оно может быть понято как «заботы, печальные думы» и

диаметрально противоположно: «радость, радостные чувства» (см. словарь *Эр-я*,— ШСЦ, т. 38, стр. 64). Нам кажется, что в ситуации, описанной Сыма Цянем, когда Сян уже занимает дом Шуня, считая его погибшим, слова о думах и печали более естественны. При таком переводе ответ Шуня звучит иронически: «В самом деле тебе близки такие чувства!» — и согласуется с выражением притворной печали Сяна. Трактовка Шаванна исходит из второго значения *юйтао* — «радоваться» (МИС, т. I, стр. 75—76).

Этот же эпизод встречается у Мэн-цзы. Конфуцианская проповедь сыновнего долга и всепрощения звучит в ответе на вопрос Вань-чжана: «Разве Шунь не знал, что Сян собирался убить его?» Мэн-цзы ответил: «Как не знал! Но когда Сян скорбел, скорбел и он; когда Сян радовался, радовался и он...» (см. ЧЦЦЧ, т. I, *Мэн-цзы чжэн и,* гл. 9, стр. 366—369).

99. В *Цзо чжуань* под 18-м годом правления Вэнь-гуна более подробно излагается легенда о 16 потомках. Оттуда ее мог заимствовать и Сыма Цянь. Там приводятся имена восьми талантливых потомков рода Гао-ян: Цан-шу, Туй-ай, Тао-янь, Да-линь, Ман-цзян, Тин-цзянь, Чжун-юн и Шу-да — и имена потомков рода Гао-синь: Бо-фэн, Чжун-кань, Шу-сянь, Цзи-чжун, Бо-ху, Чжун-сюн, Шу-бао и Цзи-ли (ШСЦ, т. 28, *Цзо чжуань чжэн и,* гл. 20, стр. 833—837).

100. Мы присоединились к толкованию Такигава, который считает, что под *нэй* 內 следует понимать дом, семью, а под *вай* 外 — общество, односельчан, мир (*Као чжэн*, т. I, стр. 51). Ду Юй (династия Цзинь) толкует это шире: *нэй* — все внутренние области Китая, а *вай* — внешние территории, населенные инородческими племенами. Однако подобное расширение смысла фразы в данном контексте не оправдано.

101. Последние четыре знака переводятся нами как действия, направленные против честных людей, в поддержку преступников. Возможно и другое толкование (у Шаванна) — «пренебрегал долгом и втайне разбойничал».

102. Ду Юй поясняет это прозвище выражением *бу кайтун чжи мао* 不開通之貌 — «человек, который не понимает разницы между добром и злом».

103. По мнению историка Фу Цяня (125—195), Цюн-ци следует отождествить с упоминавшимся выше Гун-гуном. В мифах Цюн-ци считался потомком Шао-хао и изображался свирепым зверем (Юань Кэ, *Мифы древнего Китая,* стр. 83).

104. Тао-у и Гунь в некоторых мифах отождествляются. По утверждению Сюй Сюй-шэна, Тао-у скорее всего был одним из вождей племени *саньмяо* и имел тесные отношения с южными племенами *мяоманьо* («Легендарный период...», стр. 61).

105. Под первыми тремя злодеями имеются в виду Хунь-дунь, Цюн-ци и Тао-у. Текст мифа о четырех злодеях почти целиком совпадает с изло-

жением его в *Цзо чжуань* (ШСЦ, т. 28, *Чунь-цю Цзо чжуань чжэн и*, стр. 836—838).

106. *Чи мэй* 魑魅 — горные и лесные демоны, иногда изображавшиеся в легендах существами с лицом человека и телом животного.

Кун Ин-да в комментарии к *Цзо чжуань* понимает эти слова буквально: сосланные злодеи якобы должны были принимать на себя все напасти, посылаемые духами гор и лесов. Если же вспомнить судьбу Гун-гуна, Гуня и *саньмяо*, то правильнее считать, что под демонами гор и лесов историк понимал иноплеменников, которые тревожили своими набегами Китай.

107. Из упомянутых десяти помощников Яо и Шуня девять человек перечислены далее в тексте. Одно имя, Пэн-цзу, при распределении работ в дальнейшем не встречается. Такигава отмечает, что Пэн-цзу не упомянут и в аналогичном тексте *Шан шу*. Имя Пэн-цзу встречается у Цюй Юаня и в других литературных произведениях. Пэн-цзу в мифах называется праправнуком Чжуань-сюя. По преданиям, ему к концу эпохи Инь было уже 760 лет, но он не выглядел стариком. Пэн-цзу изображается простым, добрым, щедрым и умным (см., например, *Тайпин гуан-цзи*, т. 1, гл. 2, стр. 8—11). Превращение Пэн-цзу в помощника правителя Яо и Шуня, по-видимому, одна из вариаций легенды о нем.

Чжан Шоу-цзе, исходя из понятий своего времени, так объясняет слова *фэнь чжи* 分職: «наделение территориями и титулами». По нашему мнению, мысль Сыма Цяня заключается в том, что у Яо было много помощников, выполнявших различные его приказы, однако между ними не существовало строгого распределения функций. С приходом к власти Шуня каждый из них получил свой участок работы и более точно очерченные обязанности, что указывает на какой-то процесс роста аппарата управления.

108. Мы придерживаемся толкования, предложенного комментатором Кун Ин-да для подобного абзаца в *Шан шу*. Такигава считает последние 14 знаков прямой речью Шуня или текстом его приказа. Смысл от этого существенно не меняется.

109. Исходя из предыдущих слов Шуня, обещающего поставить чиновниками достойных людей, мы перевели ответ *сыюэ* условным предложением: «Если Юя... поставить начальником земляных работ...», Шаванн, относя деятельность Юя еще к периоду правления Яо и оговаривая это в примечании, считает, что Юй уже занимал эту должность: «Граф Юй является управителем общественных работ; он способен прославить деяния императора» (МИС, т. 1, стр. 81).

110. В тексте первой главы не раз встречаются слова *минь* 民 (стр. 6, 13, 16, 17, 20, 43 китайского текста), *ваньминь* 万民 (стр. 3,13) и *лиминь* 黎民 (стр. 39), которые во всех случаях переданы нами в самом широком смысле — «народ», «простой народ». Насколько известно из исследований последних десятилетий, в иньских гадательных надписях на костях

иероглиф *минь* еще не обнаружен, он появляется лишь в надписях на сосудах и в письменных памятниках эпохи Чжоу. Так, иньскому термину *сяожэнь* 小人 — «простые, низкие люди», встречающемуся на иньских костях, эквивалентен чжоуский термин *сяоминь* 小民. Следовательно, рассказывая о далекой древности, Сыма Цянь везде пользовался лексикой сравнительно близкого к нему прошлого.

По мнению Го Мо-жо, иероглиф *минь* первоначально означал «раб». Присоединяясь к этому мнению, Фань Вэнь-лань замечает: «...наряду с „минь" употребляли слова: „лиминь", „цюньли", „мяоминь", „чжунжэнь", „шужэнь", „шуминь", „чжун", „шу". Общим же названием являлось „шуминь" [простой народ]. С разделением общества на классы значение слова „минь" еще более расширилось, охватывая вообще всех, кто трудится» («Древняя история Китая», стр. 84).

111. *Цзи* 稷 — название должности чиновника, ведавшего земледелием. Иероглиф *хоу* традиционные китайские комментарии приравнивают к знаку *цзюнь* 君 — государь, правитель, господин и рассматривают его как почтительную приставку к *цзи*. Отсюда появился и русский перевод слова *хоу цзи* как «Государь-просо» (*Ши цзин*, пер. А. А. Штукина, стр. 422). Некоторые исследователи полагают, что почтительная приставка к должности добавлена чжоусцами, поскольку Ци считается родоначальником династий Чжоу.

112. Правомерность употребления слова Ся в значении «весь Китай» для столь раннего периода вызывает серьезное сомнение. Можно думать, что историк употребил здесь это наименование, имея в виду земли будущей династии Ся, которую он описал в 2 гл. Фань Вэнь-лань пишет: «В книгах, появившихся до периода Чжаньго, Юя никогда не называют Юй из Ся, а просто Юй, или Великий Юй, или император Юй, а его сына Ци уже называют Ци из Ся или сяский Хоу-ци» («Древняя история Китая», стр. 41), что подтверждает высказанные соображения.

113. Четыре знака 寇賊姦軌 можно перевести четырьмя существительными: «грабители, разбойники, враги и смутьяны» (так поняли Легг и Шаванн), но в таком случае нужно добавить какой-то глагол — например, «бесчинствуют». Однако, как объясняют Цай Шэнь и Чжэн Сюань, *цзянь* 姦 означает бесчинствовать на внутренних землях, а *гуй* 軌 — на внешних территориях. Поэтому нами эти два иероглифа переданы в глагольном значении.

114. Для рассматриваемого периода нами принят перевод иероглифа *ши* 士 как «старший судья». Ниже встречается синоним этого термина *да-ли* 大理.

115. Весь этот абзац представляет значительные трудности для понимания, главным образом в связи со значениями слов *фу* 服 и *ду* 度, которые встречаются сначала с глаголом *ю* 有, а потом с числительным *у* (пять). По словарю *Кан-си цзыдянь*, *фу* означает «подчиняться, смириться», т. е. наказания ясны и народ им подчиняется, что и принято в на-

шем переводе. В *Го юй* сказано, что «пять наказаний» осуществлялись в трех местах: в поле, в присутственных местах и на базарных площадях (*Го юй*, кн. 4, *Лу юй*, стр. 54). Предусматривалось пять видов ссылки взамен пяти тяжелых телесных наказаний. Устанавливались три зоны ссылки в зависимости от тяжести преступления: за наиболее тяжкие преступления ссылали на край света, т. е. на далекие окраины, где жили варварские племена; за менее тяжелые провинности ссылали за пределы девяти областей, и за легкие — высылали за тысячу *ли* от ставки правителя.

Вполне понятно, что подобная строго разработанная система является продуктом более позднего времени.

116. Мы относим последнее высказывание к основной теме о наказаниях и существе законов. Однако возможен и другой вариант, относящий все это к Гао-яо, назначаемому судьей. В таком случае перевод должен быть: «Исполни свой долг ясно, и ты сможешь завоевать доверие!» Именно так трактуют заключительнный абзац Легг (т. 3, стр. 45) и Шаванн (МИС, т. I, стр. 84).

117. В аналогичном тексте в *Шан шу* находим прямую речь Шуня: «И! Ты будешь моим *юем!*» При этом употреблен знак *чжэнь* 朕 в качестве притяжательного местоимения первого лица. В тексте «Исторических записок» прямая речь отсутствует, но иероглиф *чжэнь* сохранился, благодаря чему слово *чжэнь юй* воспринимается как название должности чиновника. В *Хань шу* повторен такой же текст. Лян Юй-шэн, на наш взгляд, вполне обоснованно полагает, что в обоих случаях иероглиф *чжэнь* оставлен в тексте ошибочно, так как имело место механическое заимствование из *Шан шу* (ЛЮШ, кн. I, цз. I, стр. 23). Соглашаясь с таким соображением, мы в переводе *чжэнь* опустили.

118. В современном издании *Ши цзи* с пунктуацией выделены имена двух чиновников — Чжу-ху и Сюн-пи. Однако Цай Шэнь в комментарии к *Шан шу* называет четырех чиновников — Чжу, Ху, Сюн, Пи. Западные переводчики следовали второму толкованию (переводы Шаванна и Легга).

119. Под тремя ритуалами обычно разумеют: служение духам неба *тянь-шэнь* 天神, духам земли *ди-чжи* 地祇 и духам людей *жэнь-гуй* 人鬼.

120. *Чжицзун* 秩宗 отвечал за жертвоприношения в храме предков, церемонии при дворе правителя, следил за их порядком и последовательностью. В *Чжоу ли* он называется также *цзунбо* 宗伯 — одним из шести высших сановников в период Чжоу. Позднее, в империи Цинь, он назван *тайчан* 太常.

121. Влиянию музыки на всех людей, на правителей и на положение государства в древней китайской литературе уделено значительное внимание. В свое время Платон говорил о серьезном влиянии музыки на государство и отводил ей большое место в предлагаемом им государственном воспитании детей и граждан. К подобным выводам пришли и древнекитайские мыслители. В приписываемых Шуню словах намечены лишь пер-

вые мысли о значении музыки в государстве, в последующем мы встретимся с этой темой у Сыма Цяня не раз.

В переводе данной фразы, построенной на параллелях и противопоставлениях, использован текст *Чжоу ли,* в котором сказано, что в обязанности чиновника, ведающего музыкой, входит: «...с помощью музыки и добродетелей обучать детей знатных преданности и гармонии, твердости, сочетающейся с мягкостью, почтительности и достоянству, сыновнему долгу и любви к братьям» (ШСЦ, *Чжоу ли чжу шу,* т. 3, гл. 23, стр. 799).

122. В этом отрывке продолжается изложение мыслей о связи музыки с устройством жизни, с гармонией в обществе.

В основе древней музыкальной системы Китая лежит двенадцатиступенный хроматический ряд, носящий название *люй* или *люй-люй* и *шиэр-люй* 十二律. Эти 12 хроматических полутонов образуют основную диатоническую гамму, определяющую звуковую шкалу всех китайских инструментов. Каждая ступень звукоряда, каждый музыкальный звук, в соответствии с древними религиозно-философскими представлениями, соотнесен с определенным месяцем года, часом суток, положением солнца и луны, с различными животными и птицами, со стихиями, господствующими в мире.

Ба инь — восемь звуков, издаваемых восемью классами древних музыкальных инструментов, различающихся по материалу изготовления. К этим восьми классам относятся: 1. Инструменты из камня *цин* — каменные била; 2. Инструменты из металла *чжун, бо, ло* 鐘, 鎛, 鑼 — колокола и гонги; 3. Инструменты из глины *сюань* 壎 — окарины; 4. Инструменты из дерева *чжу юй* 柷 — цимбалы, деревянные колотушки; 5. Инструменты из кожи *гу* 鼓 — барабаны; 6. Инструменты из тыквы-горлянки *шэн* 笙 — свирели, флейты; 7. Инструменты из бамбука *гуань, сяо* 管, 簫 — дудки, флейты; 8. Инструменты со струнами из шелка *цинь, сэ* 琴, 瑟 — гусли, лютни.

Значительная часть этих инструментов древнего происхождения, тысячелетиями они использовались народом, а также в дворцах и храмах. Музыке посвящена и 24 гл. «Исторических записок».

123. Чтобы подтвердить, что у легендарного Шуня было 22 помощника, китайские комментаторы применяют различные комбинации. Наиболее распространен такой подсчет: к упомянутым выше 10 именам (Юй, Гао-яо, Се, Ци, Бо-и, Куй, Лун, Чуй, И и Пэн-цзу) *добавляются* 12 *начальников или управителей областей ши-эр му.*

124. Такигава считает, что племена *саньмяо* делились на «покорных» и «непокорных», первые признавали власть центральных племен *хуася,* а вторые восставали и боролись с ними. В связи с этим Шунь, по мнению комментатора, отделил от высланных ранее *саньмяо* непокорных и переселил их в другое место. При таком понимании слово *бэй* 北 приравнивается к *бэй* 背 — «нарушить, восстать».

125. Перевод основывается на отнесении слова *пин* 平 к характеристике качеств Гао-яо. Если же соединить *пин* со следующим словом *минь* 民, то перевод изменится: «Гао-яо, являвшийся старшим судьей, успокоил народ, и каждый с покорностью принимал то, что заслужил». Подобная трактовка также вполне допустима.

126. Сыма Цянь здесь, повторяя чжоуские источники, относит деление на области к древнейшему периоду.

127. У Сыма Цяня, как мы видим, Юй — вполне реальный образ помощника Шуня, героя-труженика, олицетворяющего героические усилия многих поколений жителей древнего Китая, боровшихся со стихийными бедствиями. Подробнее о нем см. в гл. 2.

128. О категории земель *хуанфу* — самых дальних, заселенных дикими племенами и несших неопределенные повинности, подробнее см. гл. 2.

129. Сыма Чжэнь находит некоторые ошибки в приведенных названиях: перед иероглифом *жун* 戎, по его мнению, должен стоять еще один знак — *си* 西, так как речь идет о племенах *сижун* — западных *жунов*; вместо одного *фа* — должно быть *бэйфа* 北发 — название одного из северных племен; после иероглифа *чан* 長 отсутствует необходимое *и* 夷, так как речь идет о племенах *чанъи* на восточном направлении, вместо упомянутого названия царства Бэйфа следовало бы поставить Бэйху 北戶, так как Бэйфа находилось на севере, а на юге существовало только Бэйху. При большом разнообразии племенного состава и существовании сотен мелких племенных образований в Китае вплоть до середины I тысячелетия до н. э. подобная путаница в тексте не вызывает удивления.

130. По представлению древних обитателей Китая, вокруг их земель лежали моря, поэтому и появился термин *сы-хай* — четыре моря или *сы-хай чжи нэй* — в пределах четырех морей, означавший Китай с окружающими его землями в самом широком смысле. Иногда под этим термином понимались народы и племена, жившие по четырем странам света вокруг Китая; так, словарь *Эр-я* объясняет: «Девять племен *и*, восемь племен *ди*, семь племен *жун* и шесть племен *ман* назывались сы-хай"— четырьмя морями» (ШСЦ, т. 38, *Эр-я чжу-шу*, стр. 297).

131. В текст «Исторических записок», судя по всему, вкралась ошибка: вместо Юя должен быть упомянут Куй, который заведовал музыкой. Это подтверждается текстом гл. 2 (стр. 161 настоящего тома).

Цзю чжао 九招 — букв. «девять призывов». Однако в *Шан шу*, а также в гл. 2 *Ши цзи* сказано: «Когда на флейте исполнили мелодию *шао* 韶 девять раз, фениксы явились на церемонию». Поэтому *чжао* 招 в данном случае заменяет *шао* 韶. Поскольку эта мелодия исполнялась в вариациях, повторявшихся девять раз, она и была названа *цзю чжао*.

132. В древних сочинениях указаны два пункта, претендующих на право считаться могилой легендарного Шуня. Первый — упомянутое Сыма Цянем Цанъу (современная провинция Хунань), второй — Минтяо, названное философом Мэн-цзы (современная провинция Шаньси).

133. Достаточно сопоставить по различным преданиям генеалогию легендарных древних правителей (вождей), как сразу же бросаются в глаза очевидные противоречия. По версии данной главы, Хуан-ди, Ку, Яо, Шунь и Юй *преемствовали* друг другу, а по более поздней летописи *Чжу шу цзи нянь*, от Хуан-ди до Юя прошло 30 поколений, т. е. около тысячи лет. По другим источникам, Шунь оказывается седьмым потомком Чжуань-сюя, а его преемник Юй — лишь пятым потомком, и т. д.

В этом абзаце нашли отражение сложные процессы общественного развития древнего общества в Китае. Сыма Цянь передает дошедшую до него многослойную систему имен древних правителей, пытаясь как-то объяснить ее. Здесь и сложное переплетение древних имен с топонимикой, с названиями территорий проживания тех или иных племен, вожди которых фигурируют в мифах (Юй, Шан и др.), и связь имен с тотемистическими представлениями (Ю-сюн и др.), и взаимоотношения материнских родов с отцовскими, и т. д. (Подробнее об этих связях см.: Л. С. Васильев, *Аграрные отношения и община в Древнем Китае;* М. В. Крюков, *Род и государство в иньском Китае.*)

134. Вопрос о титуле Сыма Цяня подробно разобран в научной литературе (см. вводную статью).

135. Словосочетание *бай цзя* 百家 нами переведено как «ученые ста школ». Китайский ученый Цзинь Дэ-цзянь сравнительно недавно высказал предположение, что *Бай цзя* — это название книги, как *Шан шу, Цзя юй* и другие упомянутые в тексте сочинения. Действительно, в *Хань шу* упоминается книга под таким заглавием, позднее утраченная (Цзинь Дэ-цзянь, *Исследование о книгах, которые читал Сыма Цянь,* стр. 15). Тогда возможен перевод: «В книге *Бай цзя* говорится о Хуан-ди, но это сочинение не может служить образцом и поучением...» (О нашем отношении к такой трактовке см. вводную статью.)

Термин *цзяньшэнь* 簪紳 или *цзиньшэнь* 搢紳 произошел от выражения *цзинь ху юй шэнь* 搢笏於紳, т. е. «затыкающие табличку за пояс». Речь идет о придворных чиновниках, носивших такую табличку во дворце и на службе. В данном случае прибавление слова *сяньшэн* — «господа» вносит иронический оттенок и выражает, по-видимому, критическое отношение историка к части императорского окружения.

136. Указанные сочинения — главы из двух книг *Да Дай ли* и *Кунцзы цзя юй.* Поскольку эти книги не входили в число официальной классики и не считались ортодоксальными, ханьские конфуцианцы их не пропагандировали. Но Сыма Цянь построил первую главу на материалах сочинений, упомянутых им в послесловии, в том числе и этих глав. Текст книги *Цзя юй* 家語, на который ссылается Сыма Цянь, был создан, вероятно, в период Чжаньго и в форме бесед Конфуция с учениками излагал основы древней морали. До нас этот текст не дошел. Позднее старый текст *Цзя юй* не раз «восстанавливался», одна из таких поделок припи-

сывается Ван Су (195—256 гг.). См.: Я. Б. Радуль-Затуловский, *Конфуцианство и его распространение в Японии,* стр. 68.

Академик В. М. Алексеев перевел *Си (цзи)* названием рода («Китайская классическая проза», стр. 133), с чем нельзя согласиться, так как *ди си* означает родословную императоров.

137. Кунтун — название горы в уезде Пингао, в современной провинции Ганьсу. Чаще пишется 崆.

Чжолу, по мнению Чжан Шоу-цзе, название горы в области Гуйчжоу (современная провинция Хэбэй), где, по преданиям, находились ставки Хуан-ди, Яо и Шуня.

138. Наш перевод отличается от некоторых имеющихся толкований. Традиционное понимание фразы исходит из грамматической связи слов *чэн* 称 — «говорить» и *чу* 处 — «место». Так понял В. М. Алексеев: «Все старики из более почтенных мне постоянно называли там места, где были Желтый, Яо, Шунь» («Китайская классическая проза», стр. 133), так же перевели Шаванн (МИС, т. I, стр. 95) и Бартон Уотсон («Сыма Цянь — великий историк Китая», стр. 183). Слово *чжи* — «доходить» связывается, таким образом, со словом «старики», что, на наш взгляд, не совсем оправдано. Правда, как отмечает японский ученый Мидзусава Тоситада, в одном юаньском издании *Мэйсянь* 梅仙 и японском издании 狩野亨吉 иероглиф *чжи* отсутствует, но для большинства древних копий такой оговорки не делается, следовательно, имеющийся текст сомнению не подвергается (КЧЦБ, стр. 58—59). Мы предлагаем связать грамматически слова *чжи* 至 и *чу* 处 как глагол и дополнение: «бывал в местах... доходил до мест...». Смысловое обоснование такой структуры фразы очевидно: во-первых, рассказы о Хуан-ди, Яо и Шуне не ограничиваются местами их пребывания, а понимаются шире, как легенды, которые имели в древние времена повсеместное хождение. Во-вторых, последующее изложение тесно связывается с этими легендами о правителях древности. Не случайно Гу Цзе-ган ставит точку только через 14 знаков. На этом основании и мы переводим: «...хотя поверья и поучения о них...» При других толкованиях внутренней связи не ощущается (например, В. М. Алексеев начинает новое предложение так: «Выходит так, что местные поверья и предания не одинаковы везде»; Шаванн: «их традиции и понятия»).

139. В новом издании *Ши цзи* словосочетания *у ди дэ* 五帝德 и *ди си син* 帝繫姓 подчеркнуты как названия упомянутых глав сочинений *Да Дай ли* и *Кун-цзы цзя юй* (ШЦ, т. I, стр. 46), в этом случае получается, что в *Чунь-цю* и *Го юй* раскрывается то, что было в этих утраченных главах. Нам представляется, что здесь идет речь не о названиях глав, а о добродетелях и родословной пяти правителей древности, т. е. о реальном содержании понятий.

140. Перевод этого предложения зависит от понимания слова *ди* 弟. Пэй Инь приравнивает его значение к *дань* — «однако», Чжан Шоу-цзе — к *цзе*且 — «притом». Таким образом, в обоих случаях *ди* выступает в

роли наречия. Переводы данной фразы, имеющиеся на французском, английском и русском языках, в основном совпадают. Различие лишь в том, от чьего имени излагается мысль. В. М. Алексеев от себя вводит в текст слово «люди»: «Пожалуй, дело только в том, что люди неглубоко вникали в суть». Следующую фразу он строит так: «А то, что засвидетельствовано в писаньях классиков, цитированных мною, не вздорно вообще» (стр. 134). Уотсон добавляет в текст сочетание «многие ученые» и вторую часть фразы понимает соответственно: «Однако многие ученые не способны изучить сущность дела достаточно глубоко и не могут увидеть, что в представленных текстах не фальшиво». Шаванн строит безличное предложение.

Несмотря на существование традиционных толкований слова *ди,* нами предложен несколько отличный вариант его понимания. Мы полагаем, что историк употребил здесь вежливую форму, желая показать, что хотя он и недостаточно глубоко изучил эти источники, но рассказанные в них истории отнюдь не пустая выдумка. Тогда сохраняется для двух этих предложений единая логическая нить. Таким образом, слово *ди* предлагается трактовать как позднейшее *юй-ди* 愚弟 — «я, ваш покорный слуга», хотя мы сознаем спорность этого суждения.

141. В тексте стоит *шу* 書 — книга, летописи. В новом издании *Ши цзи* это слово не подчеркнуто как название определенной книги. Полагая, что историк пользовался многими источниками, мы даем общий перевод: «летописи». В комментариях *Чжэн и, Као чжэн* и у Шаванна это толкуется как упоминание о *Шан шу,* что тоже вполне допустимо, ибо в главе встречаются целые пассажи из этого канона.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. Дом (или династия) Ся — период, датируемый в феодальной историографии XXI—XVI вв. до н. э. Каких-либо точно установленных памятников материальной культуры Ся еще не найдено. Однако в ряде классических книг эпохи Чжоу, как и в настоящей главе *Ши цзи,* рассказывается о событиях эпохи Ся. Несомненно, что в этих записях нашли свое отражение предания, мифы, легенды, которые донесли до чжоусцев отзвуки событий отдаленного прошлого.

Уже в книге *Лунь юй* (V—IV вв. до н. э.) подтверждается отсутствие достоверных данных об обществе Ся следующими словами Конфуция: «Об установлениях Ся я бы мог рассказать, но в княжестве Сы нет достаточных подтверждений этому...» (ЧЦЦЧ, т. I. *Лунь юй чжэн и,* гл. 3, стр. 49).

Современные историки относят период, условно связанный с «династией Ся», к эпохе разложения первобытнообщинного строя и зарождения первого классового общества в Китае. В этом понимании время Ся явля-

ется закономерным продолжением легендарного периода «пяти императоров», о котором Сыма Цянь рассказал в 1 гл.

Учитывая, что основные данные 3 гл. «Исторических записок» об иньском обществе подтверждены археологическими раскопками, некоторые историки высказывают предположение, что и данные 2 гл. имеют определенные исторические обоснования (Ху Хоу-сюань, *Некоторые итоги китайской эпиграфики*).

2. Юя именуют обычно сяский по названию местности. По данным средневековых сочинений (например, *Ди ван ши цзи*), Ся находилось в области Юйчжоу, т. е. в пределах современной провинции Хэнань.

3. О большом разливе упоминается в большинстве чжоуских и ханьских книг (*Мэн-цзы, Люй-ши чунь-цю, Хуайнань-цзы* и др.). История потопа, связываемая с именами легендарных Гуня и Юя, отражает первые успехи человека в борьбе со стихией вод, с природой.

4. В *Цзо чжуань, Хань Фэй-цзы* и *Хуайнань-цзы* героем, покаравшим Гуня, считается Яо, в *Мэн-цзы, Люй-ши чунь-цю* и *Ши цзи* — Шунь, а в *Го юй* и в «Вопросах Небу» Цюй Юаня наказание осуществляет *ди* 帝 — «владыка», т. е. само Небо.

Цзи 殛 может означать «казнь» или «сослать пожизненно». Согласно *Люй-ши чунь-цю,* Гуня разрубают уским мечом (уская сталь оказалась перенесенной назад за тысячи лет — в Ся!), а по Цюй Юаню, Гунь долго томился на горе Юйшань. Переводчики и ученые присоединяются соответственно либо к первому толкованию (Ван Бо-сян в хрестоматии *Чунь-цю Цзо чжуань дубэнь*, стр. 168; Карлгрен в переводе *Шан шу*, стр. 30), либо ко второму (Легг в «Китайских классиках», т. III, ч. II, стр. 40; Шаванн в переводе *Ши цзи*, т. I, стр. 99; Кобаяси в *Кейсо тайко,* стр. 61).

5. В китайской мифологии Юй и Гунь не всегда выступали как отец и сын и не всегда Гунь изображался только как отрицательный герой. В стихах Цюй Юаня заслуги Гуня ставятся очень высоко, поэт вопрошает Небо о причинах немилости к Гуню (*Чу-цы цзи-чжу,* кн. 2, гл. 3, стр. 6). В *Люй-ши чунь-цю* описан бунт Гуня как *чжухоу* против назначения Юя и его казнь (ЧЦЦЧ, т. VI, *Люй-ши чунь-цю,* гл. 8, стр. 267). В настоящей главе передана уже конфуцианская традиция, отраженная во многих древних книгах второй половины I тысячелетия до н. э.

6. Понятие *жэнь* 仁 в *Ши цзи* может восприниматься в узком смысле — «человеколюбие, милосердие, любовь» и в более широком морально-этическом — основное начало человеческих взаимоотношений, диктуемых конфуцианским учением. В применении к Юю следует выбрать конкретное значение.

7. Все качества Юя и даже его физические данные являлись как бы неким стандартом, мерилом: им следовало подражать, из них исходить. Танский Сыма Чжэнь сообщает, например, что еще в его время шаманы во время камлания ходили особым шагом, называемым «походкой Юя» 禹步.

При переводе знаков *чэн и чу* 称以出 мы исходили из логического единства всех частей фразы и понимания слова *чэн* как «вес», согласившись в этом с Сыма Чжэнем. Такигава объясняет *чэн* иначе: «действие в соответствии с обстановкой».

8. Слово *жэньту* 人徒 нами понимается как «все работоспособное население», которое собиралось на работы по ликвидации последствий наводнения. Для перевода его условно взято слово «тягловый» (несущий повинности за тягло-семью).

В *Шан шу* (ШСЦ, т. 3, стр. 188) и у Мэн-цзы (ЧЦЦЧ, т. 1, стр. 219—220) вместо *фу* 傅 стоит другой иероглиф *фу* 敷, который толкуется комментаторами, в частности Ма Юном, как «делить [землю] после ее устройства».

9. Иероглифу *син* 行 — «объезжать», «ездить» соответствует в *Шан шу канъ* 刊 — «рубить», что можно понять как прокладку дорог путем вырубки просек. В *Мэн-цзы* рассказывается о том, как по приказу Юя выжигались леса на склонах гор, т. е. применялся древний метод расширения пашен с помощью огня.

10. Ма Юн и другие комментаторы связывают определение горных вершин и больших рек с необходимостью установления системы жертвоприношений (из *Ли цзи* известен чжоуский ритуал таких приношений пяти священным вершинам и четырем большим рекам, см. ШСЦ, т. 20, *Ли цзи чжэн и*, кн. 2, гл. 12, стр. 572—573). Процесс обживания территории у первобытных обитателей страны сопровождался формированием их религиозных представлений и всего культа богов, что и нашло свое отражение в легенде о Юе.

11. Версия о 13-летнем отсутствии Юя в родном доме могла быть взята Сыма Цянем у Мэн-цзы (ЧЦЦЧ, т. I, стр. 221).

12. 溝洫 *гоу сюй* — оросительные канавы, арыки могли появиться, по-видимому, на рубеже II и I тысячелетий до н. э., так как иньские раскопки не дали точного подтверждения существования системы ирригации.

13. *Цуй* 橇 (или *цяо*) — простые деревянные дощечки, либо лоткообразная обувь, в которой перебирались через топкие, грязные места. Отталкиваясь то одной ногой, то другой, человек скользил в таких мокроступах по топи. Еще в танское время, как отметил Чжан Шоу-цзе, такие приспособления для ходьбы по грязи (грязевые лыжи) встречались в прибрежных районах Китая — близ Ханчжоу и Вэньчжоу.

14. Возможно тройное истолкование выражения *цзай сы-ши* 載四時. Если переводить *цзай* в значении «записывать, регистрировать», то получается традиционное понимание текста, отраженное и в нашем переводе. Если выбрать для *цзай* значение «нагружать, перевозить», то, как толкуют Яо Най (1731—1815) и Чжан Вэнь-ху (1808—1885), Юй возил с собой один или несколько приборов для наблюдения за небом и погодой. Наконец, если принять во внимание, что в древних текстах иероглиф *ши* 時 нередко употреблялся вместо другого — *ши* 是, то все выражение *цзай сы*

ши примет вид 戴四是 или 戴是四. Тогда перевод окажется иным: «...Юй передвигался с помощью указанных четырех средств».

15. Число «девять» в данном контексте, по-видимому, может рассматриваться как выражение множественности и переводиться «все».

16. В гл. 1 говорилось, что И был назначен Шунем на должность смотрителя лугов и лесов. В *Шан шу* уточняются его действия: «[Юй]... вместе с И предоставлял народу мясо диких птиц и животных» (ШСЦ, *Шан шу чжэн и*, т. I, стр. 159). Наконец, согласно трактату *Мэн-цзы*, И должен был выжечь леса и низины, чтобы предоставить народу земли для обработки и избавить его от нападений диких зверей (ЧЦЦЧ, *Мэн-цзы чжэн и*, стр. 200).

17. *Нань дэ чжи ши* — образное выражение. Имеются в виду рис и зерновые культуры, для получения урожая которых требуется большой труд.

18. Весь отрывок описывает действия Юя по ликвидации последствий большого наводнения. Коль скоро он повелел князьям и *байсинам* «поднять народ», нужно было подумать об обеспечении всех районов продовольствием, особенно в местах, наиболее пострадавших, и в тех, где находилось на работах большое число людей. Сыма Цянь реалистично описывает борьбу с наводнением и ликвидацию трудностей, отводя большую роль помощникам Юя и, самое главное, народу.

19. Считается, что область Цзичжоу занимала территорию современной провинции Шаньси, северо-западной части провинции Хэбэй, северную часть провинции Хэнань и западную часть провинции Ляонин (современные географические координаты даются нами по комментариям Гу Цзегана к *Юй гуну* в книге «Хрестоматия для чтения известных трудов по географии древнего Китая»).

В значительной части 2 гл., содержащей географическое описание Китая, Сыма Цянь почти дословно воспроизводит текст известной главы *Шан шу — Юй гун* («Дары Юя»). Географический и экономический обзор содержит: описание девяти областей по единой форме (физические границы, проведенные работы, качество земель, характер подношений, пути их доставки), описание основных горных и речных систем и, наконец, идеальную схему так называемых вассальных владений по поясам.

Существует большая литература, посвященная этому первому китайскому географическому сочинению. Кроме общих работ по *Шан шу* имеется ряд трудов видных китайских ученых, специально исследовавших главу *Юй гун*: сунских Мао Хуана и Чэн Да-чана, минского Мао Жуй-чжэна, цинских ученых Ху Вэя, Сюй Вэнь-цзина, Ян Шоу-цзина и др. В двух последних работах — Инь Ши-цзи «Собрание толкований к *Юй гуну*» и Гу Цзе-гана «Хрестоматия для чтения известных трудов по географии древнего Китая» — суммированы взгляды на эти вопросы. Считается, что глава *Юй гун* могла быть составлена в первой половине III в. до н. э., примерно за 50—60 лет до объединения Китая Цинь Ши-хуаном,

и что составителем ее был, вероятно, житель царства Цинь, так как циньские земли описаны с наибольшим знанием дела.

20. *Слово цзай* 載 Вэй Чжао *объясняет как синоним ши* — 事 «работа, работать», так же трактуют его современные ученые Китая и западные исследователи. Служебное слово *цзи* 既 указывает на глагольное значение *цзай* и придает ему совершенный вид. Кун Ань-го и за ним Такигава, соединив первые четыре знака 冀州既載 в отдельную фразу, выбрали для слова *цзай* значение «записывать» и получили иной смысл: «Провел запись [податей] в области Цзичжоу». Однако такое толкование, на наш взгляд, не соответствует общей структуре отрывков и последовательности действий Юя.

Хукоу (Горло кувшина) — гора, через которую прорывается река Хуанхэ, находится примерно в 70 *км* от ущелья Лунмэнь в уезде Цзисянь провинции Шаньси.

21. Гора Ляншань находится на границе современных уездов Ханьчэн и Сяян в провинции Шэньси. Упоминается в «Больших одах» *Ши цзина* и в *Чунь-цю*.

Гора Цишань (другое древнее название Тяньчжушань) находится в границах современного уезда Цишань в провинции Шэньси.

22. Тайюань (Великая равнина) — обширная низменность в провинции Шаньси. Одни ученые отождествляют ее с котловиной, где сейчас расположен город Тайюань, другие относят к уезду Вэньси в той же провинции.

Юэшань идентифицируется с горой Тайюэ (или Хотайшань) 霍太山 (*Шуй цзин чжу* — «Канон о водах» с комментариями. Кн. 2, гл. 6, стр. 6; далее — ШуйЦЧ). По современному делению эта гора находится в уезде Хосянь провинции Шаньси.

23. Таньхуай — название равнины, находившейся у южных отрогов хребта Тайханшань, на северном берегу Хуанхэ в современной провинции Хэнань.

24. Нами принята точка зрения Ван Су (к которой присоединился и Шаванн) о существовании двух рек — Хэншуй и Чжаншуй. Однако некоторые комментаторы считают знак *хэн* не названием реки, а словом, означающим «поперечный», и объясняют смысл так: «река Чжан, текущая поперек».

25. Как рассказывается в главе *Юй гун*, существовали подати трех классов, из которых каждый в свою очередь делился на три разряда: 1) 上上 первый разряд высшего класса; 2) 上中 второй разряд высшего класса; 3) 上下 третий разряд высшего класса; 4) 中上 первый разряд среднего класса; 5) 中中 второй разряд среднего класса; 6) 中下 третий разряд среднего класса; 7) 下上 первый разряд низшего класса; 8) 下中 второй разряд низшего класса; 9) 下下 третий разряд низшего класса. В тексте «Исторических записок» встречаются все классы и разряды, за исключением последнего.

26. По тому же принципу подразделялись и поля. Существовало три категории: высшая 上, средняя 中, низшая 下 — и в каждой категории соответственно три разряда. Что служило критерием при определении категорий в этой бесспорно идеализированной схеме? По-видимому, при оценке полей учитывались разные факторы: плодородие, рельеф и др., поэтому обычно категория земли и класс подати не совпадают.

27. В *Шан шу* вместо иероглифа *Чан* 常 в названии реки стоит *Хэн* 恒. Замена в тексте «Исторических записок» произведена потому, что знак *хэн* — входил в имя ханьского императора Вэнь-ди (179—156 гг. до н. э.) и относился к табуированным знакам. Следовательно, под названием Чаншуй имеется в виду река Хэншуй, которая отождествляется ныне с рекой Танхэ в провинции Хэбэй. Река Вэйшуй отождествляется с рекой Хутохэ в той же провинции.

28. Танский Янь Ши-гу указывает на существование в его время озера Далу на севере уезда Цзюйлу (ХШБЧ, т. 4, гл. 28, стр. 2470), что соответствует ныне уезду Жэньсянь в провинции Хэбэй. В различные исторические периоды озеро носило название: Гуанъа, Цзюйлу, Тайлу и др.

Существует толкование слова *да-лу* 大陸 и в значении «обширная равнина» (Кун Ин-да и др.), т. е., «когда реки Чан (Хэн) и Вэй вошли в свои русла от воды освободились обширные площади равнин, пригодные для пахоты».

29. В тексте *Шан шу* вместо иероглифа *няо* стоит *дао* 島. В древности оба знака имели одинаковое чтение *дао* (см. *Кан-си цзыдянь* со ссылкой на словарь *Танъ-юнь);* по-видимому, более правильно было бы читать не *няои,* а *даои.* Янь Ши-гу относит племена *даои (няои)* к северо-восточным варварским племенам, занимавшимся охотой (ХШБЧ, т. 4, стр. 2470).

30. Кун Ань-го не отождествляет Цзеши с какой-либо реальной вершиной, а просто называет ее горой у берега моря.

31. В *Юй гуне* и в *Дили чжи,* географической главе *Хань шу,* везде вместо *хай* стоит *хэ* 河. Поскольку посланцы должны были проследовать с дарами в столицу, вместо слова *хай* — «море» в тексте должно стоять *хэ* — «река» (Хуанхэ), что и учтено в переводе.

Кун Ань-го и Чжэн Сюань относят последнюю фразу не к племенам *няои,* а к самому Юю, который, по их мнению, завершив дела в каждой области, отправлялся с докладом к Шуню. Нам представляется такое истолкование натянутым.

32. Считается, что область Яньчжоу (в *Шан шу* дано написание 兗州) занимала юго-западную часть современной провинции Хэбэй и северо-западную часть провинции Шаньдун. Река Цзишуй — одна из четырех крупных рек древнего Китая, протекавшая по территории современных уездов Динтао и Цзюйе провинции Шаньдун. Гу Цзе-ган отмечает, что древнее русло Хуанхэ лежало много севернее современного и река впадала в море

в районе Тяньцзиня, поэтому она и указана в главе *Юй гун* в качестве северной границы данной области («Хрестоматия для чтения», стр. 11).

33. О девяти реках *цзю хэ* см. прим. 92 к 1 гл.

34. Лэйся — название озера, которое упоминалось в 1 гл. под названием Лэйцзэ (см. прим. 95). В результате наводнения Лэйся утратило прежние очертания, и только после того, как реки были возвращены в свои русла (эта заслуга приписывается Юю), оно вернулось в берега.

35. По толкованию Чжэн Сюаня, обе реки, сливаясь вместе, впадали в озеро Лэйся. Как указывает современный ученый Инь Ши-цзи, озеро и обе реки в период Сун в результате изменения русла Хуанхэ были занесены песками и исчезли («Собрание толкований к главе *Юй гун*», стр. 9).

36. Иероглиф 墳 *фэнь* переведен нами словом «тучный». Близок к этому перевод Легга «rich» («Китайские классики», т. 3, стр. 99). Кун Ань-го воспринимает этот знак как *фэнь ци* 墳起 — «холмистый», по сути дела так же понял его Шаванн «forme des mottes» (МИС, т. I, стр. 110).

37. Справедливость проявилась в том, поясняет Чжэн Сюань, что, поскольку область Яньчжоу более других пострадала от наводнения, подати с нее взимались по низшей, девятой ставке, хотя последняя нигде прямо не названа Сыма Цянем. *Чжэнь* 貞 можно понимать также в значении «одинаковый, единый», т. е. в течение 13 лет взималась неизменная ставка в самом низком размере, только после этого область была уравнена с другими.

38. 篚 *фэй*, по объяснению словаря *Гуан-юнь*,— это квадратные, сплетенные из бамбука корзины со съемной крышкой. Дорогие дары, чтобы не попортить их в пути, упаковывали в такие корзины.

39. Цзишуй и Лошуй — две крупные реки, впадавшие в Хуанхэ. Дары с юго-востока области доставлялись по реке Цзишуй, с северо-запада — по реке Лошуй, а затем и те и другие — по Хуанхэ до ставки правителя.

40. Гора Дай отождествляется с горой Тайшань, известной также под названием Дайцзун или Дунъюэ («Восточный пик») в провинции Шаньдун. По мнению Гу Цзе-гана, под «морем» имеется в виду Бохайский залив. Область Цинчжоу была самой восточной из девяти областей. По современному делению считается, что в нее входили: северная часть провинции Шаньдун, южная часть провинции Ляонин и западная часть Корейского полуострова. Хотя современные китайские исследователи стремятся распространить земли области вплоть до Кореи, однако следует согласиться с высказанным еще Шаванном замечанием (МИС, т. I, стр. 112), что охват культурой Ся территорий Ляонина и Кореи маловероятен.

41. Юйи 嵎夷 — по мнению Ма Юна, название места. Иногда трактуется и как название племен. В обоих случаях связывается с современным уездом Пэнлай в провинции Шаньдун.

Цай Шэнь понимает слово *люэ* 略 как *фэн чжэнь* 封畛 «определить гра-

ницы», считая, что Юй отвел племенам *юйи* определенную территорию. Мы трактуем *люэ* как *чжи* 治 — «устраивать» и грамматически связываем это со словом «местность».

42. Река Вэйшуй отождествляется с современной рекой Вэйхэ, берущей начало в уезде Цзюйсянь провинции Шаньдун. Река Цзышуй, ныне река Цзыхэ, берет начало в уезде Лайфу той же провинции. Обе они впадают в Бохайский залив.

43. Последняя фраза о солончаках на полях отсутствует в тексте *Шан шу*, но, несомненно, более полно характеризует состояние земель области.

44. Иероглиф *лай* 萊 в названии племени на территории Шаньдунского полуострова встречается уже на гадательных надписях эпохи Инь. Земли, населенные племенами *лайи*, занимали значительную часть полуострова, особенно уезды Лайян, Лайси, Лайфу, Пэнлай, в названии которых сохранилось имя аборигенов полуострова.

45. Река Вэньшуй отождествляется с современной рекой Вэньшуй, которая берет начало в горах Лушань в уезде Лайфу провинции Шаньдун. Водный путь, по которому доставляли дары (если принять нашу трактовку последней части описания каждой области), доводится лишь до реки Цзишуй. По-видимому, это связано с тем, что дальнейший маршрут по реке Цзи до Хуанхэ упомянут в описании предыдущей области.

46. Естественными границами области служили: на востоке — побережье Желтого моря, на севере — гора Тайшань, на юге — река Хуайхэ. Западные рубежи не указаны, так как там не было заметных ориентиров. В современном делении в область входили северные части провинций Цзянсу и Аньхуй и южная часть провинции Шаньдун.

47. Река Хуайхэ, как сообщается в *Хань шу*, брала начало в уезде Пинши (современный уезд Тунбо в Хэбэе), текла на юго-восток и впадала в Желтое море в районе Хуайлин (современный Хуайинь в Цзянсу). Река Ишуй брала свое начало в уезде Ишуйсянь в провинции Шаньдун, текла на юг и впадала в реку Сышуй.

48. Гора Мэншань, или Мэнъиньшань, расположена в уезде Мэнъинь и входит в горную цепь Тайшань хребта Иньшань в провинции Шаньдун. Гора Юйшань расположена в уезде Линьи (см. прим. 89 к гл. 1). Туда, по преданиям, был сослан отец Юя — Гунь.

49. Озеро Дае, называемое также Цзюйецзэ, находилось на территории современного уезда Цзюйе провинции Шаньдун. Исчезло к эпохе Мин.

50. Дунъюань — название места или района, находившегося на территории современных уездов Дунпин и Тайань в провинции Шаньдун. После спада вод район стал пригодным для земледелия.

51. По объяснению в *Чжоу шу*, землей пяти цветов насыпался жертвенный холм, возле которого *чжухоу* получали инвеституру из рук Сына Неба. На восточной стороне жертвенника полагалось насыпать зеленую землю, на южной стороне — красную, на западной — белую, на северной стороне — черную, сверху же укладывался слой желтой земли — символ

правителя. Сын Неба, даруя князю владение, вручал ему горсть земли, символизировавшую по цвету ту часть Поднебесной, куда отправлялся князь. Прибыв на место, *чжухоу* закладывал жертвенник в знак неразрывной связи его с Сыном Неба.

52. Комментаторы считают, что речь идет о горных фазанах с длинными хвостами, водившихся в долинах Юйшани. Фазаньи перья предназначались для плюмажей и украшения знамен. Споры вызывает трактовка слова *ся* 翬. Существует три объяснения: *ся* — в значении «большой», «разноцветный» и, наконец, географического названия.

53. Гора Ишань, или Гэишань, находилась в уезде Сяпэй, что соответствует современному уезду Пэйсянь в провинции Цзянсу. Из особого сорта произраставшего там тунга изготовлялись музыкальные инструменты.

54. Камни с реки Сышуй названы в тексте *фу-цин* — «плавающие каменные била». Как пишет Кун Ин-да, воды Сышуй были настолько прозрачными, что камни на дне ее были ясно видны и казались плавающими в воде. Из камней делались древние музыкальные инструменты: цины, била и гонги. В 1950 г. в Угуаньцуне был найден подобный каменный гонг иньской эпохи с высеченным на нем изображением тигра.

Река Сышуй брала начало в горах Пэйвэйшань в уезде Сышуй в Шаньдуне и в провинции Цзянсу впадала в Хуайхэ. В настоящее время впадает в Великий канал.

55. Племена, населявшие бассейн реки Хуайхэ, носили название хуайских *и* (или — *хуайи*).

56. Речь идет о тканях, предназначенных для ритуальных одежд.

57. Область Янчжоу ограничивалась на востоке морским побережьем, на севере — рекой Хуайхэ. Южные и западные пределы области не отмечены в *Юй гуне* естественными ориентирами. Некоторые современные ученые считают, что в область входили полностью нынешние провинции Цзянси, Чжэцзян, Фуцзянь, южные районы провинций Цзянсу, Аньхуй, Хэнань, восточная часть Хубэя и северная часть провинции Гуандун. Однако такое расширительное представление о границах страны в эпоху Ся вызывает законные сомнения.

58. Озеро Пэнли отождествляется с ныне существующим озером Поянху в провинции Цзянси.

59. Определить местоположение этих «трех рек» не представляется возможным. Некоторые китайские ученые считают, что имеются в виду реки Ханьцзян, Янцзыцзян и Ганьцзян, другие называют Янцзыцзян, Усунцзян и Цяньтанцзян. Сыма Цянь дважды упоминает термин «трехречье» — *саньцзян*, относя его к царству У, находившемуся в нижнем течении Янцзы (ШЦ, т. 3, гл. 29, стр. 1407; т. 6, гл. 129, стр. 3267).

60. Озеро Чжэньцзэ — современное озеро Тайху, лежащее на границе провинций Цзянсу и Чжэцзян. В разные периоды называлось также озером Цзюйцюй, Лицзэ и др.

61. Чжэнь Сюань считает, что под тремя видами металлов имеются в виду три сорта меди. В 129 гл. «Исторических записок» действительно говорится о наличии меди в царстве У (ШЦ, т. 6, стр. 3267). Однако существует и другая трактовка этого выражения: серебро, золото и медь (комментарий *Цэи цзе,* ХЧКЧ, гл. 2, стр. 14). Мы приняли второй вариант.

62. Помелоны и апельсины доставлялись с юга по особому приказу правителя в завернутом виде во избежание порчи.

63. Путь подношений был сложным. Люди с дарами, спустившись по Янцзы к морю, следовали вдоль берега до устья Хуайхэ, по ней поднимались в реку Сышуй, откуда уже добирались до Хуанхэ и затем до ставки правителя. Водные связи Юга и Севера оставались такими длительное время, пока в VI в. не был построен Великий канал, соединивший бассейн Янцзы и Хуайхэ.

64. Горы Цзиншань, как сообщает глава *Дили чжи* в *Хань шу,* находились в северо-восточной части уезда Линьцзюй — ныне уезд Наньчжан в провинции Хубэй.

65. Область Цзинчжоу на севере была ограничена горами Цзиншань, на юге — Хэншань, на востоке соприкасалась с областью Янчжоу, что касается западной границы, то она неясна. В современном делении область охватывала всю территорию провинции Хунань, часть территории провинций Хубэй, Сычуань, Гуйчжоу и Гуанси.

66. Кун Ань-го уподобляет реки, стремящиеся к морю, чиновникам, спешащим на аудиенцию к государю, *чао* он понимает как «аудиенция», а *цзун* — как «почитаемый». В *Чжоу ли чао* означает весеннюю аудиенцию, а *цзун* — летнюю аудиенцию у государя. Сыма Цянь скорее всего заимствовал это образное выражение из *Ши цзина.* В «Малых одах» есть строфа (ШСЦ, т. 7, стр. 913), которая в поэтическом переводе А. Штукина звучит так:

> То реки в разливе стремятся к морям,
> И почесть, и дань им воздав, как царям
>
> (*Ши цзин,* стр. 233).

67. О термине «девять рек» — *цзю цзян* 九江 среди китайских ученых возникли споры. В *Хань шу* указывается, что эти девять рукавов Янцзы находились в южной части уезда Сюньян (современная провинция Хубэй), текли на восток, где сливались в общее русло (ХШБЧ, т. 4, стр. 2638).

В послесловии к 29 гл. Сыма Цянь говорит: «Я на юге взошел на гору Лушань и увидел девять рек, которые расчистил Юй» (ШЦ, т. 3, стр. 1415). Гора Лушань находилась в том же уезде Сюньян — тем самым подтверждается версия *Хань шу.* В комментарии *Со инь* приводится один из вариантов названий этих рек: Уцзян, Банцзян, Убоцзян, Цзямицзян, Шацзян, Цюаньцзян, Линьцзян, Тицзян и Цзюньцзян.

68. Река Тоцзян отождествляется китайскими учеными с притоком

реки Миньцзян, известным в настоящее время под названием Пицзян (или Вайцзян), или с рекой Сяшуй в уезде Цзянлин провинции Хубэй. Река Чэньшуй отождествляется с рекой Лунмэньшуй в уезде Гуанюань провинции Сычуань или с рекой Луфухэ, притоком реки Хань в уезде Чэньцзян провинции Хубэй (*Инь Ши-цзи*, стр. 18).

69. По-видимому, в тексте допущена перестановка слова *ту* 土— «земля». В *Хань шу* сказано 雲夢土作乂 (ХШ, гл. 8, ч. I, стр. 3). В некоторых изданиях *Ши цзи* — в четырех сунских, одном минском и одном цинском ксилографе (Мидзусава Тоситада, КЧ ЦБ, т. I, гл. 2, стр. 22) — также сделана перестановка слова *ту* по образцу *Хань шу*. Таким образом, иероглиф *ту* не входит в название, а указывает на земли, окружающие озера Юнь и Мэн.

Существование этих озер подтверждается в *Цзо чжуань* (ШСЦ, т. 32, *Чунь-цю Цзо чжуань чжэн и*, кн. 6). По свидетельству ряда средневековых ученых: Шэнь Ко, Ло Циня, И Фу, Чжэн Цяо, озеро Юнь находилось к северу от реки Янцзы, а Мэн — к югу от нее.

Шаванн тоже перенес слово «земля» в конец фразы, но объединил оба названия в одно, по-видимому исходя из комментария *Со инь*, где утверждается, что близкое расположение двух водоемов давало возможность рассматривать их как одно озеро (МИС, т. I, стр. 122).

70. Камень для изготовления наконечников стрел и упоминаемое ниже дерево *ху* для древка стрел служили предметами подношений правителю от некитайских, диких племен. В *Го юй* рассказывается о том, как чэньский князь Хуй-гун послал спросить Конфуция о происхождении стрелы из дерева *ху* с каменным наконечником, найденной на убитом соколе. Философ ответил: «Сокол прилетел издалека. Это стрела *сушэней*. В прошлом У-ван, победив дом Шан, установил отношения с девятью племенами *и* [на востоке] и сотнями племен *мань* [на юге], повелев каждому из них представлять в дар изделия своей стороны для того, чтобы они не забывали о своем долге. После этого *сушэни* стали подносить стрелы из дерева *ху* и каменные наконечники к ним» (*Го юй*, гл. 5, *Лу юй*, ч. II, стр. 73).

71. Какие три владения имелись в виду — установить трудно. Видимо, речь идет о местностях вблизи озер Юнь и Мэн. Мы связываем фразу о подношениях с упомянутыми ранее бамбуком *цюнь* и *лу*, деревом *ху*. Фан Сяо-юэ считает, что три владения подносили растения *цзин-мао* (*Шан шу цзинь юй*, стр. 68).

Гу Цзе-ган, основываясь на гипотезе сунского ученого Люй Цзу-цяня (1137—1181), выделяет слова о трех владениях в самостоятельную фразу. По его мнению, эти владения представляли дары номинально, передавая лишь списки с наименованиями даров («Хрестоматия для чтения», стр. 22). Такая практика, однако, маловероятна.

72. *Цзин-мао* 菁茅 — тростниковое растение, которое использовалось для фильтрации вина, подносимого духам при жертвоприношениях. Если

тростник почему-либо не представлялся вовремя, это считалось грубым нарушением взаимных обязательств. Например, циский Хуань-гун, обвиняя чуского вана, говорил: «Вы не представляете в свертках тростник *мао*, входящий в число ваших подношений, из-за чего жертвы [духам] ванов не приносятся, так как нечем очищать вино (во время жертв)...» (ШСЦ, т. 28; *Чунь-цю Цзо чжуань чжэн-и*, кн. 2, стр. 484).

73. Археологические раскопки XX в. в Аньяне доказали, что черепашьи панцири широко употреблялись для гаданий в Китае во II тысячелетии до н. э. На гадательных костях из Аньяна встречаются такие записи: «прибыли люди с юга, доставившие черепашьи панцири...», «гадаю, доставят ли с юга черепашьи панцири...». С этим согласуются и чжоуские источники. В «Гимнах князей Лу» в *Шц цзине* говорилось: «Кости слоновой и местных больших черепах... с золотом юга великие будут дары!» (*Шицзин*, стр. 452). В *Го юй* упоминается о том, что в царстве Чу имелись панцири черепах, жемчуг, рога и слоновая кость (*Го юй*, стр. 210); в *Чжу шу цзи нянь* указывается, что: «Чусцы принесли в дар черепашьи панцири и раковины» (*Чжу шу цзи нянь*, гл. 2, стр. 76). Запись в *Ся бэнь цзи* о поднесении больших черепах областью Цзинчжоу основывается, по-видимому, на реальных фактах.

74. Иероглиф *юй* 于 перед названием реки Хань отсутствует в аналогичном тексте *Шан шу* и *Хань шу*. Он является излишней вставкой, не оправданной грамматически. Характерно, что в трех старинных списках 1144 г., 1347 г. и XV—XVI вв. иероглифа *юй также нет* (Мидзусава Тоситада, т. I, гл. 2, стр. 24).

75. Река Лошуй — это современная река того же названия в провинции Хэнань. Так как между реками Ханьшуй и Лошуй водного пути не существовало, на этом участке перебирались волоком. Наньхэ — досл. «Южная река». Такое название имела Хуанхэ, протекавшая на самом юге области Цзичжоу. Даже в период Чуньцю, т. е. намного позднее описываемой в главе эпохи, Хуанхэ на разных участках все еще имела разные названия, ориентированные по ее направлениям: в западном отрезке, где она течет с севера на юг, река называлась Сихэ — «Западная»; в месте поворота в восточном направлении, на юге современной провинции Шаньси,— Наньхэ — «Южная»; там, где Хуанхэ текла на северо-восток, она называлась Дунхэ — «Восточная».

76. Область Юйчжоу занимала центральное положение в древнем Китае и граничила с семью из девяти областей. В современном делении она охватывала примерно территорию провинции Хэнань, западную часть провинции Шаньдун и южную часть провинции Хэбэй.

77. *Из названных четырех рек три были притоками Лошуй*: Ишуй, Чаньшуй и Цзяньшуй. Ишуй брала начало в горах Сюнъэршань в уезде Лушисянь (современный уезд того же названия провинции Хэнань) и текла на северо-восток. Чаньшуй брала начало к северу от уездного города Гучэн, северо-западнее современного Лояна в Хэнани, и текла на юго-

восток. Цзяньшуй протекала к востоку от уездного города Синьань в провинции Хэнань в юго-восточном направлении (*Хань шу,* гл. *Дили чжи,*— ХШБЧ, т. 4, стр. 2524, 2528, 2530, 2569).

78. Ма Юн и Чжэнь Сюань включают иероглиф *бо* в название озера (ШСЦ, т. 3, стр. 206). Однако такое толкование не бесспорно. В *Шан шу* вместо *бо* 播 стоит другое *бо* 波 — «волны». Эти знаки близки по смыслу и означают «распространение вод, разлив», что дало основание ряду комментаторов *Шан шу* и *Ши цзи* не включать второй иероглиф в название. Тогда перевод будет выглядеть так: «Разлившиеся воды озера Син вошли в берега...».

Озеро Син[бо] находилось на территории современного уезда Синъян провинции Хэнань. По свидетельству Чжэн Сюаня, оно исчезло уже при Хань.

79. Как указывается в географическом разделе *Хань шу* (ХШБЧ, т. 4, стр. 2649), озеро Хэцзэ находилось к востоку от уездного города Динтао (ныне территория провинции Шаньдун). Минду — тоже название озера, известного в древности как Мэнчжу и Ванчжу. Оно располагалось к северо-востоку от современного уездного города Шанцю в провинции Хэнань. Как объясняет Янь Ши-гу, излишние воды Хэцзэ были отведены в озеро Минду, поэтому в тексте и стоит иероглиф *бэй* 被 («покрывать»), как бы говорящий о покрытии водами из Хэцзэ озера Минду.

80. Пуэрария (кит. *гэ*, лат. Pueraria hirsuta — волосистая) — листопадная вьющаяся лиана с одревеснеющим в нижней части стеблем. Растет в жарком поясе. Содержит клейкие вещества, лекарственные ингредиенты. Из волокон ее выделывается полотно, вьются веревки («Тропические и субтропические растения», стр. 115; *Гуанчжоу чжиу чжи* — «Описание растений района Гуанчжоу», стр. 368).

81. Горы Хуашань находились на территории современного уезда Хуаинь провинции Шэньси. К северу от этих гор лежала область Юнчжоу, к востоку — Юйчжоу, а к югу — Лянчжоу. Где протекала Хэйшуй («Черная река»), установить не удалось, в комментариях указывается лишь то, что она текла с севера на юг. Хэйшуй в разных источниках отождествляют с реками: Чжанъехэ, Датунхэ и др.

Цюй Юаню (340—278 гг. до н. э.) местоположение реки Хэйшуй, по-видимому, не было известно, что подтверждается строкой из «Вопросов к небу»: «Где же находятся Хэйшуй, Сюаньчжи и Саньвэй?» (*Чу-цы цзичжу,* гл. 3, стр. 9).

Область Лянчжоу, имевшая своими границами горы Хуашань на востоке, реку Чанцзян — на юге, реку Хэйшуй — на западе, приблизительно, по современному делению, занимала провинцию Сычуань, западную часть провинции Хубэй, южные районы провинций Шэньси и Ганьсу.

82. Согласно главе *Дили чжи* в *Хань шу,* горы Вэньшань, названные в *Шан шу* горами Миньшань, находились в современном уезде Сунпань провинции Сычуань (ХШБЧ, т. 4, стр. 2817). В этих горах берет свое нача-

ло река Янцзы. Горы Бошань, или Бочжуншань, находились в уезде Тяньшуй современной провинции Ганьсу. Здесь берет свое начало река Ханьшуй.

83. По данным *Хань шу,* гора Мэншань находилась на территории уезда Цинъи в округе Шу (ХШБЧ, т. 4, стр. 2814), в современном делении — уезда Яань провинции Сычуань. Гора Цайшань, по мнению ряда ученых (Е Мэн-дэ, Ху Вэя и др.), также находилась в провинции Сычуань, но вопрос о ее точном местоположении вызывает разногласия.

84. Комментаторы расходятся в понимании слова *люй* 旅. Кун Ань-го, Кун Ин-да, Янь Ши-гу, а также современный исследователь Инь Ши-цзи трактуют его как «жертвоприношение горам». Действительно, таково одно из значений иероглифа *люй.* В трактате *Лунь юй* говорится о том, что «Цзи-ши приносил жертвы горе Тайшань» (ЧЦЦЧ, т. I, *Лунь юй чжэн и,* гл. 3, стр. 46). Нам представляется более правильным трактовать *люй* как «дорога». В этом значении мы встречаем этот знак в *Ли цзи* (ШСЦ, т. 22, *Ли цзи чжэн и,* кн. 4, стр. 1163).

85. Иероглифы *хэ* 和夷 приняты нами за название места. Но Чжэнь Сюань считает, что речь идет о варварах *и,* живших по реке Хэ, отождествляемой с рекой Хуаньшуй (прим. 89), однако варварские племена на западе обычно именовались иначе.

86. Слово *лоу* 鏤, по словарю *Шо вэнь,* означает «твердое железо». Сохраняя это значение в переводе, следует помнить, что железо получило распространение в древнем Китае лишь в середине I тысячелетия до н. э. Неоднократное упоминание о железе в тексте главы объясняется временем создания главы *Юй гун.*

87. *Чжи-пи* 織皮 переведено нами как «войлок», входивший в число даров. Существует, однако, иное толкование. В этом случае слово *чжи-пи* относится к следующей фразе и является определением к обитателям гор Сицин («одетые в войлок люди с гор Сицин»). При этом исходят из механического сопоставления с описанием следующей области — там встречается подобный оборот.

88. Горы Сицин располагаются в современной провинции Ганьсу.

89. Река Хуань, или Хуаньшуй, отождествляемая в *Хань шу* с рекой Байшуй, ныне Байлунцзян, брала свое начало в Ганьсу в уезде Миньсянь.

90. Мяньшуй, другое название Цзюйшуй, брала начало в современном уезде Люэян провинции Шэньси и впадала в Ханьшуй.

91. *Луань* 乱, по словарю *Эр-я,* означает «переправляться» (ШСЦ, т. 38, стр. 287).

92. Под Западной рекой имеется в виду река Хуанхэ (см. прим. 75).

93. Область Юнчжоу, по мнению Инь Ши-цзи, занимала северную часть современной провинции Шэньси, восточные районы Синьцзяна, Цинхая и Тибета, южные части Внутренней Монголии и Ганьсу. Пределы об-

ласти, однако, явно преувеличены даже для значительно более поздней эпохи.

94. Река Жошуй описывается в географическом разделе *Хань шу* под названием Цянгушуй, и отождествляется с современной рекой Чжанъехэ в провинции Ганьсу.

95. Река Цзиншуй имела два истока в Ганьсу, которые соединялись в уезде Цзинчуань. Река впадала в уезде Гаолин провинции Шэньси в реку Вэйшуй с северной стороны, поэтому в тексте и поставлен знак *жуй* 汭.

96. По данным *Хань шу*, река Цишуй брала начало в уезде Цисянь округа Юфуфын (современный уезд Биньсянь провинции Шэньси). Река Цзюйшуй, или Ицзюньшуй, брала начало в уезде Яосянь провинции Шэньси. Обе реки, сливаясь, впадали в реку Вэйшуй, так же как и река Цзиншуй, поэтому в тексте и сказано «последовали за ней».

97. Река Фэншуй брала начало в уезде Ниншэнь провинции Шэньси и тоже впадала в реку Вэйшуй.

98. По сведениям, почерпнутым из *Хань шу*, упомянутые горы и горные цепи находились: горы Цзиншань (одноименные с горами в области Цзинчжоу) — в уезде Фупин провинции Шэньси; горы Цишань — в уезде Фуфэй той же провинции; горы Чжуннань и горы Дуньу—в уезде Мэйсянь провинции Шэньси; горы Няошу находились в уезде Вэйюань провинции Ганьсу (см. ХШБЧ, т. 4, стр. 2862 — 2863 и словарь географических названий *Чжунго гу-цзинь ди мин да цыдянь;* далее — ДМДЦД).

99. В *Шан шу* вместо Дуе стоит Чжуе. 豬野 В *Хань шу* упоминается озеро Дуе, оно же—Сюту, или Чжуе, располагавшееся в провинции Ганьсу.

100. Горы Саньвэй тянулись на юго-запад от гор Няошушань и соединялись с горами Цишань, упоминавшимися выше.

В гл. 1 сообщалось, что Шунь сослал некоторые племена *саньмяо* в горы Саньвэй. Когда последствия наводнения были ликвидированы, эти племена, по-видимому, пытались вновь восстать. Так можно понять выражение Сыма Цяня об «установлении среди них порядка».

101. Согласно *Хань шу*, гора Цзиши находилась на юго-западе уезда Хэгуань округа Цзиньчэн. Уездный центр Хэгуань располагался к западу от современного города Линьси в провинции Ганьсу. Гора Лунмэнь — на севере уезда Сяян округа Цзофэнъи (современный уезд Ханьчэн в провинции Шэньси).

102. Считается, что в области имелось два пути транспортировки даров: один — от гор Цзиши по реке Хуанхэ вплоть до Лунмэня, другой — по рекам Цзиншуй, Фэншуй до впадения Вэйхэ в Хуанхэ. Здесь посланцы встречались и вместе двигались в ставку правителя.

103. В традиционном толковании фразы, впервые приведенном Цай Шэнем в *Шан шу*, говорится: «...три владения: Куньлунь, Сичжи и Цзюйсоу — все подносили шкуры и шерсть, вот почему в тексте впереди поставлено слово „войлок", а поскольку все эти территории были населены западными *жунами*, слово *сижун* обобщает их...».

В таком толковании есть одно заметное противоречие: все дары уже описаны, указан путь доставки их в столицу, и вдруг вновь появляются дары в виде шкур. При единой схеме описания областей, принятой у Сыма Цяня, подобное нарушение порядка кажется неоправданным.

Мы предпочитаем объяснение Кун Ань-го, в соответствии с которым дальние племена *сижунов* с Куньлуня, из Сичжи и Цзюйсоу признали власть Ся. Слово *чжи-пи* в этой трактовке означает, что кочевники носили одежды из шкур и войлока.

Есть также предположение, что слово «войлок» ошибочно попало в последнее предложение и должно быть перенесено на 14 иероглифов ранее — в перечисление даров. Такой вариант также вполне вероятен и снял бы споры о понимании фразы.

104. Выше упоминались отдельные горы и реки каждой области. Теперь же дано обобщенное описание горных и речных систем в пределах всей известной автору *Юй гуна* страны. Это одно из наиболее ранних систематизированных описаний китайской орографии и гидрографии, отражающее уровень географических знаний китайцев примерно в V—IV вв. до н. э.

Иероглиф *дао* 道 в данном контексте можно толковать двояко. Одно толкование основано на выражении 行山表木 — «объехал горные хребты и обозначил их вехами». В этом случае *дао* приравнивается к *син* — «идти, передвигаться» (так перевели Шаванн и Карлгрен).

Нам представляется возможным сопоставить *дао* не с *син*, а с *дин* 定 — «определить, утвердить». Тем более что *дао* (в *Шан шу* 導 — «вести, направлять») уже встречалось в смысле «направить [реки]». В применении к горным системам это, по нашему мнению, означает у Сыма Цяня определение направления основных горных хребтов, необходимое для борьбы с наводнением и для спуска вод.

Под девятью горами или горными хребтами имеются в виду основные горные цепи, пересекавшие Северный и Центральный Китай (в период *Юй гуна*) с запада на восток. Поскольку в перечне гор встречается 27 названий, нами на основании пунктуации современного издания принята разбивка на девять горных систем (через точку с запятой).

105. Горы Цзяньшань, в *Хан шу* названные Ушань, были расположены в уезде Цяньсянь округа Юфуфын (ХШБЧ, т. 4, стр. 2518—2519) — современный уезд Лунсянь провинции Шэньси.

106. О Цишань см. прим. 98.

107. О Хукоу см. прим. 20. Горы Лэйшоу, по *Хань шу*, находились в уезде Пуфань округа Хэдун (ХШБЧ, стр. 2534) — современный уезд Ючцзи провинции Шаньси. Относительно гор Тайюэ см. прим. 22.

108. Горы Дичжу, или Саньмэньшань, находятся в уезде Пинлу провинции Шаньси.

Горы Сичэн располагаются в современном уезде Янчэн провинции Шаньси на северном берегу Хуанхэ.

Горы Ванъушань, по данным *Хань шу,* находились в уезде Юаньсянь округа Хэдун (ХШБЧ, стр. 2537), по современному делению — в уезде Юаньцюй провинции Шаньси (другое их название Тяньтаньшань). Все три упомянутые здесь горные цепи были расположены на территории области Цзичжоу.

109. Главный хребет горной гряды Тайханшань протянулся в провинции Шаньси. Горы Чаншань, называвшиеся Хэншань, но переименованные из-за табу на знак *хэн,* возвышались северо-восточнее хребта Тайханшань. *Они начинаются в уезде Дайсянь провинции Шаньси и тянутся* до уезда Янъюань провинции Хэбэй.

О горе Цзеши см. прим. 30.

110. О горах Сицин см. прим. 88.

Горы Чжуюй, по *Хань шу,* находились в уезде Цзисянь округа Тяньшуй (ХШБЧ, т. 4, стр. 2873) — современный уезд Ганьгу провинции Ганьсу. Они входили в горную цепь Миньшань.

О горе Няошу см. прим. 98. Горы Тайхуа, по данным *Хань шу,* находились в уезде Хуаинь округа Цзинчжао (ХШБЧ, стр. 2498) — в современном уезде Хуаинь провинции Шэньси.

111. Горы Сюнъэршань тянутся от уезда Лонань в Шэньси до уезда Луши в провинции Хэнань. Горы Вайфан, называемые также Суншань, Сунгао, Чунгао и т. д., расположены в уезде Дэнфэн провинции Хэнань. Горы Тунбо находятся там же, на самой границе с провинцией Хубэй. В горах Тунбо брала начало река Хуайхэ. Горы Фувэй в *Шан шу* называются Пэйвэй; по *Со инь,* они идентичны с горами Хэнвэй. Как сообщает *Хань шу,* эти горы располагались в уезде Аньлу округа Цзянся (ХШБЧ, т. 4, стр. 2631) — в современной провинции Хубэй.

Таким образом, все упомянутые здесь горные цепи находились в областях Юйчжоу и Сюйчжоу.

112. О горах Бочжун и Цзиншань см. прим. 82 и 98.

113. Горы Нэйфан в географической главе *Хань шу* отнесены к уезду Цзинлин округа Цзянся и названы Чжаншань (ХШБЧ, т. 4, стр. 2629) — ныне уезд Чжунсян в провинции Хубэй. Горы Дабешань отождествляются с различными горами, общего мнения на этот счет среди комментаторов нет. В *Хань шу* они отнесены к уезду Аньфэн владения Люань (ХШБЧ, т. 4, стр. 3005), на территории современных провинций Аньхуй и Хубэй.

114. О горах Вэньшань см. прим. 82.

Горы Хэншань Гу Цзе-ган отождествляет с хребтом, расположенным в уезде Наньчжао провинции Хэнань («Хрестоматия для чтения», стр. 35).

115. О девятиречье *цзю-цзян* см. прим. 67.

Горы Фуцяньюань Кун Ань-го отождествляет с горами Фуяншань в округе Юйчжан, уезде Лилин — ныне уезд Дэань провинции Цзянси. Гу Цзе-ган, сопоставляя многочисленные свидетельства источников, приходит к выводу, что горы Фуцяньюань находились не на южном, а на северном

берегу Янцзы и представляли собой западные отроги единой горной цепи Дабешань («Хрестоматия для чтения», стр. 36).

Если сориентировать названные горы по бассейнам крупнейших рек, то получатся четыре большие группы. На северном берегу Хуанхэ — первая группа, от Цяньшань до Цзеши,— 12 гор; на южном берегу Хуанхэ — вторая группа, от Сицин до Фувэй,— 8 гор; в бассейне реки Ханьшуй — третья группа, от Бочжун до Дабешань,— 4 горы; на северном берегу Янцзы (если согласиться с Гу Цзе-ганом) — четвертая группа, от Вэньшань до Фуцяньюань,— 3 горы.

116. О реке Жошуй, см. прим. 94.

Горы Хэли входят в горную систему Иньшаня и расположены в современной провинции Ганьсу. Воды реки, уходившие на запад, терялись в песках пустынь, поэтому в тексте стоят слова *лю-ша* — «текучие, зыбучие пески» (см. прим. 40 к гл. 1).

117. О реке Хэйшуй см. прим. 81. О горах Саньвэй см. прим. 100.

Наньхай — досл. «Южное море», однако с запада в моря, расположенные на востоке, текли известные и до сих пор существующие реки (Хуанхэ, Янцзы и др.), в их числе нет «Черной реки» — Хэйшуй. Гу Цзе-ган замечает, что, *по представлениям древних, все реки впадали в море. Коль скоро* Хэйшуй текла на юг, то они, не обладая необходимыми географическими познаниями, делали вывод о существовании Южного моря. Предположение комментатора достаточно логично. К выводу Гу Цзе-гана близка гипотеза известного цинского ученого Вэй Юаня (1794—1856), который предлагал связать течение реки Хэйшуй с внутренним морем—озером Цинхай, которое находилось на юге от реки и вполне могло получить наименование Южного моря.

118. Значительная часть перечисленных в этом абзаце гор и рек упоминалась ранее. Хуаинь — северные отроги горы Тайхуашань, Мэнцзинь — одна из переправ через Хуанхэ в современном уезде Мэнсянь провинции Хэнань. Слово *жуй* 汭 означает «северный берег реки», река Лошуй впадала в Хуанхэ с юга, в связи с чем буквальный перевод должен был звучать так: «Далее к востоку [Хуанхэ] проходила северный берег реки Лошуй». Для облегчения русского перевода допущена некоторая перефразировка текста, не меняющая смысла.

Горы Дапэй, по мнению Гу Цзе-гана, сопоставившего данные различных источников, *отождествляется с горами Цзюцюйшань в уезде Гунсянь* провинции Хэнань, недалеко от впадения реки Лошуй в Хуанхэ. Реку Цзяншуй Гу Цзе-ган отождествляет с верхним течением Чжаншуй (см. прим. 24). Под девятью рукавами мы понимаем разветвление Хуанхэ в в нижнем течении на протоки, т. е. дельту. Нихэ, по Чжэн Сюаню, означает «сталкивающиеся реки» — воды рукавов, сливаясь, как бы сталкивались друг с другом. Другие ученые считают Нихэ «рекой, текущей в обратном направлении», приписывая это влиянию морского прилива, но такая версия маловероятна.

119. Яншуй — верхнее течение реки Ханьшуй. Цанлан (букв.— «Голубые волны») — название отрезка реки Ханьшуй от уезда Цзюньсянь до Сянъяна в Хубэе. Саньши,— по мнению Цай Шэня и Чжэн Сюаня, название реки в уезде Цзинлин — современный уезд Тяньмэнь в Хубэе.

120. О горах Вэньшань см. прим. 82.

121. Про реку Тоцзян см. прим. 68. Река Лишуй, по *Хань шу,* начиналась в горах Хэншань, уезде Чжисянь округа Наньян (ХШБЧ, т. 4, стр. 2610) — современный уезд Наньчжао провинции Хэнань.

О Цзюцзян — см. прим. 67.

Дунлин отождествляется с упоминаемым в *Хань шу* пунктом Дунлинсян в уезде Цзиньлань округа Луцзян (ХШБЧ, т. 4, стр. 2633) — в современной провинции Хунань (существуют и иные отождествления, предложенные Цай Шэнем, Ло Би и др.).

122. Согласно *Хань шу,* Чжунцзян — это название нижнего течения Янцзы от уезда Уху в округе Даньян до моря (ХШБЧ, т. 5, стр. 2769).

123. Яньшуй, или Цзишуй, брала начало в горах Ванъушань (см. прим. 108) в уезде Юаньсянь округа Хэдун современной провинции Шаньси, текла на юго-восток и впадала в Хуанхэ на территории уезда Удэ (ХШБЧ, т. 4, стр. 2537) — современный уезд Удэ в Хэнани.

124. Таоцю — название местности, находившейся в уезде Динтао округа Цзиинь (ХШБЧ, т. 4, стр. 2650), ныне тот же уезд в провинции Шаньдун.

Относительно озера Хэцзэ см. прим. 79. О реке Вэньшуй см. прим. 45.

125. О горах Тунбо см. прим. 111. О реках Сышуй и Ишуй см. прим. 54 и 47.

126. О горах Няошутунсюэ (сокращенно Няошу) см. прим. 98. О реке Фэншуй — прим. 97; о реке Цзиншуй — прим. 95; о реках Цишуй и Цзюйшуй — прим. 96.

127. О горах Сюнэршань см. прим. 111; о реках Ишуй, Цзяньшуй и Чаньшуй — прим. 77.

Таким образом, выше описаны девять речных систем, охватывающих основные бассейны: 1) Жошуй, 2) Хэйшуй, 3) Хуанхэ, 4) Яншуй (Ханьшуй), 5) Янцзы, 6) Яньшуй (Цзишуй), 7) Хуайхэ, 8) Вэйшуй и 9) Лошуй. В их расположении, как отмечал Цуй Шу, существовала определенная последовательность. Шаг за шагом легендарный Юй регулировал водный баланс страны; сначала отвел западные реки, находившиеся в верховьях речных систем, упорядочил течение наиболее важных водных систем центра, в частности жизненные артерии страны — Хуанхэ и Янцзы, после этого упорядочил группу восточных рек, непосредственно впадавших в море, и напоследок занялся крупнейшими притоками Хуанхэ.

Излагая результаты действий стихий и человека на протяжении миллионов лет, отраженные в рассказе о Юе, Сыма Цянь порой критически оценивает данные использованных им источников. Так, в гл. 128,

разбирая вопрос об истоках Хуанхэ и о географических познаниях вообще, историк заявляет: «Поэтому если *Шан шу* в основном верно излагает расположение гор и рек девяти областей, то о чудесах, упоминаемых в *Юй бэнь цзи* и *Шань хай цзине*, я не решаюсь говорить» (ШЦ, т. 6, гл. 123, стр. 3179).

128. Имеется традиционное толкование слов *хуй тун*, основанное на *Чжоу ли*, где говорится, что внеочередные приезды князей к Сыну Неба назывались *хуй* 会, а обязательные приезды в установленные сроки — *тун* 同 (ШСЦ, т. 12, *Чжоу ли чжу шу*, кн. 2, гл. 18, стр. 652).

При переводе мы исходили из того, что выше уже встречалось точно такое же словосочетание в приложении к рекам Юн и Цзюй, поэтому и в данной фразе, по нашему мнению, речь идет не об аудиенциях, а об общей связи всех частей страны и их объединении.

129. Слово *Чжунго* 中国 в некоторых изданиях относится к предыдущей фразе о взимании податей, однако логичнее относить его к пожалованиям земель и фамилий. Так сделано в ксилографе Хуан Шаньфу, в новом издании *Ши цзи*, в переводах Шаванна (стр. 146) и Карлгрена (стр. 187).

Существуют различные толкования последних восьми знаков. Главное смысловое расхождение состоит в том, к кому относить иероглиф *дэ* — «добродетели». Если взять пояснение Фан Сяо-юэ и перевод Легга (стр. 142): Let me go before the empire with reverent attention to my virtue, то получается, что Юй говорит о себе, а слово *тай* выступает как местоимение первого лица. Чжэнь Сюань первую часть фразы относит к сыну Неба, т. е. к Шуню. Юй в такой трактовке как бы призывает следовать добродетелям Шуня и не препятствовать его, Юя, политике (комментарий *Цзи цзе*). Наконец, в третьем варианте первая часть фразы — это наказ ванам или князьям, получающим земли в управление, а вторая — предупреждение им же, чтобы не вздумали мешать его (Шуня) деятельности. Так толкуют Гу Цзе-ган, Инь Ши-цзи, переводит Шаванн (стр. 146). Мы присоединились к последнему.

130. Перевод пяти терминов со словом *фу* 服 — *дянь-фу, хоу-фу, суй-фу, яо-фу* и *хуан-фу* — представляет определенные трудности (слово *фу* встречалось в гл. 1, см. прим. 115). Исходя из общей схемы разграничения страны на зоны по степени их отдаления от ставки правителя и характеру повинностей, возлагаемых на них, мы нашли возможным применить два варианта перевода этих терминов в зависимости от контекста: а) названия зон; б) названия повинностей.

В данном случае уместнее переводить *фу* названиями повинностей, так как историк детально описывает поставки и обязанности по каждой зоне. Такой подход обоснован и самим значением иероглифа *фу* — «повинности, службы». На этом основании термин *дянь-фу* 甸服 переведен как «полевые повинности», т. е. поставки с обрабатываемых полей первой, наиболее культивированной и освоенной зоны.

131. С первых пятисот *ли* взимались особенно многочисленные подати, так как эта область была основной снабжающей зоной. Поэтому поставки в первой зоне дробились по секторам на каждые сто *ли*.

Стебли с колосьями *(цзун* 總*)* поставлялись на корм для лошадей Сына Неба. Ученый юаньского времени Цзинь Люй-сян полагал, что злаки перевозились в снопах, причем колос обмолачивался, а солома шла на крыши домов, использовалась как топливо. Иероглиф *чжи* 銍, по словарю *Шо вэнь,* означает «короткий серп для срезания колоса». Кун Ин-да толкует *чжи* как синоним слова *хэсуй* 禾穗 — «колос», поскольку колосья отделялись от стебля с помощью серпа *чжи*.

При перечислении тягот третьей сотни *ли* вновь встречается слово *фу,* которое в соответствии с общей трактовкой следует понимать как добавочные к натуральным поставкам повинности, вероятно связанные с перевозками зерна и соломы.

132. Иероглиф *хоу* 侯 - приравнивается обычно к 候 , означающему в данном случае «сторожить, высматривать». Сторожевые повинности заключались в проверке всех проходящих в центральную зону и в слежке за ворами и грабителями.

133. Иероглиф *цай* 采 мы перевели словами «разные повинности», основываясь на тексте *Шан шу* (ШСЦ, *Шан шу чжэн и,* т. 1, гл. 2, стр. 60). Комментаторы считают, что живущие в этой зоне или поясе должны были выполнять не какую-либо одну определенную повинность, а различные повинности по требованию правителя. Выражение *чжу хоу,* если исходить из контекста, означает здесь «все дела, повинности».

134. Иероглифы *суй фу* 綏服 переведены: «повинности умиротворенных подданных». В словаре *Эр-я* слово *суй* объясняется через *ань* или *аньфу* 安撫 — «успокоить, умиротворить». Население и правители этой зоны были умиротворены, признавали власть Сына Неба, несли необходимые повинности и защищали границы.

135. Слово *яо* 要 приравнивается к *яошу* 要束 — «сдерживать, связывать», или к *яоюэ* 要約 — «связывать обязательствами». Речь идет об определенной форме зависимости, опирающейся на какие-то связывающие, ограничивающие условия, так как иные меры, по-видимому, не могли, по данной схеме, распространяться на такие далекие пояса.

Иероглиф *цай* 蔡 приравнивается к *фа* 法 — «закон». Население второй полосы не всегда исполняло указания правителей, поэтому приходилось прибегать к закону, т. е. к принуждению.

136. Слово *хуан* 荒 в данном случае приравнивается к словосочетанию *хуанху* 荒忽 — «неясный, неопределенный», что и отражено в переводе — «неопределенные повинности».

Идеальная схема, заимствованная Сыма Цянем из *Шан шу,* выглядит в целом так.

Страна условно делится на пять огромных квадратов, вписанных друг в друга вокруг центрального владения Сына Неба. Земли простираются

во все четыре стороны на 2500 *ли* от столичного района. Каждая из пяти зон характеризуется разной степенью развития производства, а также различной степенью зависимости от власти дома Ся. Поэтому для первой зоны устанавливаются натуральные повинности зерном, для второй и частично для третьей — оборонные функции, а для остальных — регулярные или эпизодические повинности, сочетающиеся с мерами по умиротворению.

137. Во фразе споры вызывает иероглиф *цзи* 暨. Мы приравниваем его к 及 *цзи* — «достигать [предела]». То обстоятельство, что для Юга и Севера точные пределы не указываются, свидетельствует лишь о подвижности границ.

138. Позднее существовала, кроме того, версия о нефритовом скипетре, дарованном Юю Небом (*Тайпин юй лань*, т. 1, гл. 380; далее — ТПЮЛ). Это связано с развитием представления китайцев о Небе как о высшей силе.

Гуй 圭 — род скипетра из нефрита, который при Чжоуской династии вручался князьям и другим высшим правителям в качестве регалии власти. Имел форму пластины с отверстием в середине или внизу, нередко с закруглением вверху. *Сюань* 玄 — черный цвет, символизировавший цвет воды. Считается, что этим символическим актом император отметил победу Юя над водами.

139. Этой фразой завершается цитирование Сыма Цянем текста главы *Юй гун из Шан шу*. Далее частично используется глава *Гао-яо мо* («Планы Гао-яо»), хотя в тексте *Шан шу* глава о Гао-яо предшествует *Юй гуну*.

Китайские ученые в 20—30-х годах нашего столетия дискутировали о реальности существования Юя как исторического лица (см., в частности, статьи в журнале «Юй гун»; в сборнике *Гу ши бянь*, т. 1; статью Фэн Ю-ланя в журнале «Сяньдай пинлунь», т. 3, № 17, и др.). Уже тогда большинство историков пришло к выводу о собирательности этого образа, отражавшего достижения человека в борьбе с природой.

140. Шунь беседовал о добродетелях Яо в храме в честь Вэнь-цзу со своими помощниками — Юем, Бо-и и Гао-яо. Последний был одним из главных участников беседы, поэтому соответствующая глава в *Шан шу* названа «Планы Гао-яо».

141. В *Шан шу сказано* 允迪厥德, местоимение «его» — *цюэ* стоит перед словом *дэ* — «добродетели», а *ю* 迪 выступает как глагол «следовать». Но в тексте гл. 2 глагол-действие отсутствует. Представляется, что произошла случайная перестановка слов, должно быть: 信道其德 , что и нашло отражение в нашем переводе.

Легг, Шаванн и Карлгрен вообще отнесли фразу к идеальному правителю: «Если он [правитель] искренен в своих добродетелях, то планы будут мудры, а помощники в согласии».

142. Этой сентенцией Гао-яо начинает характеристику путей укрепле-

ния власти, по которым шел Яо и которые он рекомендует Шуню и Юю. По мнению Кун Ань-го, *сы чан* 思長 означает «думать о постоянном», т. е. правитель должен исходить не из интересов момента, а заглядывать далеко вперед.

143. *Чжунмин* 众明 — «просвещенные, знатные». Выше уже встречались обозначения двух классов людей в древней литературе: *шумин* и *шувань, гуйци* и *чжу чжун*, т. е. «знатные» и «простолюдины», «просвещенные» и «неразумные».

144. Намек на то, что Яо, несмотря на свои добродетели, не смог использовать на службе шестнадцать талантливых потомков Гао-яна и Гао-синя (см. 1 гл.) и справиться с четырьмя злодеями — иначе говоря, он не умел подбирать помощников.

145. Чжэнь Сюань считает, что под коварным человеком имеется в виду Гунь. Юй, как почтительный сын, не посмел назвать имени своего отца, однако критический смысл его слов ясен. Сомневался в умении Яо бороться со злом и танский Лю Чжи-цзи, автор критического труда *Ши тун* («Проникновение в историю», кн. 3, гл. 13, *И гу*, стр. 3).

146. Эта мысль отчетливо повторена в «Критических рассуждениях» ханьского философа Ван Чуна (27 — около 97 г. н. э.), который писал: «У мудрых и добродетельных людей их поступки проверяются по девяти добродетелям, а слова — по результатам их деятельности. Если поступки не соответствуют девяти добродетелям, а слова не подтверждаются результатами труда, то такой человек не добродетелен, а коварен» (ЧЦЦЧ, т. 7, *Лунь-хэн*, стр. 115). Затруднения возникают в связи с трактовкой слова *и* 亦. Если судить по трактату Ван Чуна, то *и* соответствует *цзянь* 检 — «проверять», что и дает основание для нашего перевода.

147. *Юань* 愚 означает «застенчивость», которая, как утверждает Кун Ин-да, «сковывая человека, мешает ему проявлять почтительность». Девять качеств в их парном противопоставлении и являются чертами человека, обладающего девятью добродетелями.

148. Под выражением *ю цзя* 有家 (букв. — «иметь дом») следует понимать не дом или семью в узком смысле, а, как вытекает из рассуждения Гао-яо, знатный дом, аристократическую семью, о добродетелях которой так печется советник правителя.

149. Сыма Цянь изменил фразу из главы *Гао-яо мо* в *Шан шу*: исключил слово *юэ* 曰, второе *цзянь* 贳 и заменил *сян* 襄 на *дао* 道. В переводе учтены пояснения комментария *Чжэн и* и современная пунктуация.

150. Слово *сян* 象 нами воспринято в значении «символ», «эмблема», «рисунок». Этот текст в *Шан шу* дан подробнее и ярче и связан с установлением формы одежды для чиновников (*Шан шу*, гл. *И* и *Цзя*).

151. О родах музыкальных инструментов смотри гл. 1, прим. 122.

152. Выражение *лай чжи хуа* 來治滑 — недостаточно ясное. Перевод исходит из текста *Шан шу*, где написано *цзай чжи ху* 在治忽.

По мнению Кун Ань-го, *цзай* равнозначно *ча* 察 — «проверять», *чжи* 治 означает «управлять», а *ху* соответствует сочетанию *ху-дай* 怠忽 — «нерадивость, небрежность». Смысл получается такой: необходимо проверить, как управляется Поднебесная, чтобы устранить нерадивость.

Для выражения *у янь* 五言 (букв. — «пять слов») принят описательный перевод — «слова народа». По нашему мнению, иероглиф *чу* 出 относится к словам, произнесенным императором, а *жу* 入 — к словам народа, которые передаются правителю. Имеется аналогия с текстом *Ли цзи* (см. гл. 1, прим. 84), где говорится о предоставлении Сыну Неба стихов с описанием нравов и настроений народа.

153. В древности у правителя было четыре сопровождающих. Тот, кто шел впереди, назывался *и* 疑, сзади — *чэн* 丞, слева — *фу* 輔 и справа — *би* 弼.

154. По преданиям, Юй женился в день *синь*, а в день *цзя*, т. е. на четвертый день, уже покинул дом и снова вступил в борьбу с водами. Когда у него родился сын Ци, отец якобы даже не сумел навестить семью, и поэтому говорилось, что Юй не растил Ци как сына.

155. *У чжан* 五長 передано нами: «пять старших начальников»; но их функции неясны. Кун Ань-го сообщает, что князья выдвигали мудрых (одного на несколько владений) для совместного, более разумного ведения дел. Такая трактовка представляется сомнительной.

156. Описание игрищ при дворе правителя Ся, связанных с почитанием духов предков, отражает, несомненно, обычаи, верования и ритуалы самого раннего периода истории китайского общества. М. О. Косвен писал: «В развитом родовом строе... складывается сложный культ тех умерших членов рода, которые сыграли известную общественную роль, родовых глав, воинов,— культ предков. Культ этот имеет разнообразные формы, сливаясь с тотемизмом и культом природы» («Очерки истории первобытной культуры», стр. 150). Рассказы о таких верованиях встречаются в *Ши цзине,* в творениях Цюй Юаня и других древних сочинениях. Они восходят еще к II тысячелетию до н. э., о чем свидетельствуют надписи на гадательных костях той эпохи: «В день *и-хай* гадал, принес жертвы духам правителя Да-и, сопровождал их музыкой в память погибших...»; «В день.... Вэй гадал, оказал почести с танцами Ши-жэню...». Все эти предания были известны в народе в эпоху Сыма Цяня, тем более что культ предков, разработанный во всех деталях еще во времена Чжоу, сохранял свою силу.

157. Янчэн — поселение, находившееся, как считают, неподалеку от современного уездного города Дэнфэн в провинции Хэнань.

158. По предположениям китайских ученых, Ин находилось в современном уезде Иншань провинции Хубэй, Лю — в уезде Люань провинции Аньхуй, Сюй — в уезде Сюйчан провинции Хэнань, т. е. в средней полосе страны, сравнительно недалеко друг от друга.

159. По традиционным представлениям, легендарный Юй был похо-

ронен на горе Куайцзи (современный уезд Шаосин провинции Чжэцзян). Название горы, как далее объясняет Сыма Цянь, связывается с ритуалом встречи Юя с *чжухоу* и остальной знатью и подсчетом их заслуг («Гора встреч и подсчетов»).

По другим преданиям, тело Юя покоится на горе Тушань (провинция Аньхуй). Ван Чун считал, что Юй умер во время борьбы с наводнением на востоке страны. Отвергая общепринятое мнение о гибели Юя близ горы Гуйцзи, Ван Чун справедливо говорит о том, что такой отдаленный район, расположенный на неосвоенном юге, никак не мог быть местом какой-то «проверки». Эти места были населены еще дикими племенами (ЧЦЦЧ, т. 7, Ван Чун, *Лунь-хэн,* гл. *Шу сюй,* стр. 36—37). Таково же мнение Лян Юй-шэна (ЛЮШ, кн. 1, гл. 2, стр. 9—10). Сыма Цянь повторил господствовавшую в литературе его времени версию, поскольку им были приняты как достоверные легенды и об остальных древних правителях.

160. Так называемая «добровольная уступка власти» древними правителями говорит об отсутствии еще системы наследования власти. При такой трактовке уход от власти И, а также выдвижение к управлению Ци, сына Юя, можно условно рассматривать как некую веху в закреплении патриархата и новой системы наследования (именно так трактует этот факт Фань Вэнь-лань в «Древней истории Китая», стр. 37).

Версия о «добровольном» уходе И опровергается другими источниками, которые говорят об острой борьбе за установление нового порядка. Так, в *Чжаньго цэ* сообщается, что: «...Ци, со своими единомышленниками напав на И, захватил Поднебесную. Так, Юй по форме передал Поднебесную И, фактически же вынудил Ци самого захватить ее» (*Чжаньго цэ*, кн. 2, стр. 106). *Чжу шу цзи нянь* также сообщает, что «И занял место Ци, и Ци убил И». Однако в *Ши цзи* сохранена мирная версия передачи власти.

161. Предание о сопротивлении рода (скорее всего племени) Ю-ху служит еще одним подтверждением той борьбы, которая сопровождала установление порядка наследования власти от отца к сыну.

Гань — обычно соотносится с современным уездом Хусянь в провинции Шэньси.

162. *Люцин* 六卿 — шесть *цинов,* высших сановников эпохи Чжоу (ШСЦ, т. 13, *Чжоу ли чжу шу,* кн. 3, стр. 1020), командовавших, согласно идеальной схеме, шестью армиями по 12 500 человек в каждой.

163. *Сань чжэн* 三正 — «три начала, три основы», одно из древних философских понятий. Под «тремя началами» понимались законы Неба, земли и людей, т. е. всего сущего.

164. Выступая в поход, правитель брал с собой таблички своих предков и табличку духа земли, перед которыми производились жертвоприношения, вручались награды, исполнялись наказания. Такой обычай был известен в эпоху Чжоу.

Умелое и своевременное поощрение или наказание рассматривалось в древнекитайском обществе I тысячелетия до н. э. как один из важных приемов и стимулов в военной и гражданской службе. Полководец и стратег IV в. до н. э. У-цзы в «Трактате о военном искусстве» писал: «При наступлении надлежит раздавать щедрые награды, при отступлении надлежит налагать тяжелые наказания. Осуществлять то и другое надлежит с беспристрастием» (Н. И. Конрад, *У-цзы*, стр. 34).

165. В *Шан шу* в главе «Клятва в Гань» вместо 帑 (*тан*) употреблен иероглиф 孥 (*ну*), который трактуется комментаторами как «жены и дети». Западные переводчики Легг («Китайские классики», т. 3, ч. 1, стр. 155), Карлгрен (перевод *Шан шу*, стр. 18), Шаванн (МИС, т. 1, стр. 165) приняли это объяснение. Однако в *Хань шу* в биографии Ван Мана этот знак заменен иероглифом 奴 (другое *ну*) — «раб, обращать в рабство». Такая трактовка соответствует грамматической структуре фразы, которая, по нашему мнению, нарушается комментаторами *Шан шу*.

166. Древние предания утверждают, что Ци и особенно его сын Тай-кан вели беспутный образ жизни. Вождь одного из племен по имени Хоу-и использовал возмущение народа Тай-каном и прогнал его.

167. По преданиям, мать Тай-кана вместе с остальными пятью сыновьями, его братьями, ожидала изгнанного Тай-кана на северном берегу реки Лошуй. Скорбя о том, что он не возвращается, они сложили «Песню пяти сыновей», которая отдельной главой входит в *Шан шу* (раздел *Ся шу*). Относительно главы в *Шан шу* и, соответственно, фразы в *Ши цзи*, связанной с «Песней пяти сыновей», ученые высказывают серьезные сомнения. Еще Шаванн заметил, что «текст принадлежит к псевдоантичным сочинениям, и его аутентичность весьма спорна. Замечено, что Сыма Цянь не знал как будто ничего, кроме заглавия его» (МИС, т. 1, стр. 166, прим. 1). Об интерполяции говорит и Цуй Ши в своей работе *Ши цзи тань юань*. Он считает, что эти слова появились в восточноцзиньской редакции *Шан шу* и оттуда попали в *Ши цзи*.

168. Период правления Тай-кана, Чжун-кана, Сяна и, наконец, Шао-кана, по свидетельству чжоуских сочинений, был наполнен острой борьбой за власть и столкновениями племен. Об этом упоминается в главах *Ши цзи*, в *Цзо чжуань* (ШСЦ, т. 29, *Чунь-цю Цзо чжуань чжэн и*, кн. 3, стр. 1190—1192). Вкратце хроника этого периода такова. После того как Хоу-и возвел на престол Чжун-кана, вновь нарушив порядок престолонаследия, он сам был убит своим приближенным Хань Чжо, захватившим власть в стране. В этой борьбе погиб и Чжун-кан. Его сын Сян бежал, но был настигнут и убит сыном Хань Чжо. Жена Сяна успела бежать в дом своей матери Ю-жэн и родить сына Шао-кана. Позднее, объединив сородичей, Шао-кан сумел расправиться с Хань Чжо и взойти на престол. Решающую роль в этом, судя по *Цзо чжуань*, сыграл верный сподвижник Хоу-и по имени Ми из племени Ю-гэ. Возврат власти к Шао-кану после ряда смутных лет в древней истории некоторые ученые называют «воз-

рождением (реставрацией) Шао-кана». Ни Хоу-и, ни Хань Чжо, как узурпаторы, во второй главе *Ши цзи* не упоминаются.

169. По утверждению комментария *Со инь*, 予 читается как *чжу*, что и принято нами. (В *Ши бэнь* пишется 杼, в *Тайпин юй лань* 宁.) Правителю Чжу в книге *Ши бэнь* приписывается изобретение воинских доспехов: лат и копья (*Ши бэнь ба чжун*, гл. 9, стр. 362), усиливших боеспособность войск.

170. Для 芒 нами принято чтение *ван*, указанное в *Со инь*. Этот знак имеет также чтения *ман* и *хуан*.

171. Следует отметить, что Сыма Цянь совсем не упоминает имени Инь-цзя, которое, по данным *Чжу шу цзинянь*, было именем императора Цзиня. Фань Вэнь-лань пишет: «При Инь-цзя династия Ся снова пришла в упадок, и Инь-цзя вернулся на жительство в Сихэ (местность от Лояна в провинции Хэнань до Хуаиня в провинции Шэньси)» — («Древняя история», стр. 41).

172. Такигава полагает, что иероглиф *фан* 方 во фразе *хао фан гуй-шэнь* не нужен и добавлен ошибочно. Это мнение подкрепляется цитатой из гл. 13 *Ши цзи*, где *фан* действительно отсутствует в почти идентичном тексте о Кун-цзя (ШЦ, т. 2, стр. 493). Но если обратить внимание на соответствующую цитату из *Ши цзи* в *Тайпин юй лань*, то вместо одного *фан* мы находим там целое словосочетание *фаншу* 方术 — «ворожба, колдовство, магия» (ТПЮЛ, т. 1, гл. 82, стр. 385). Поэтому мы перевели: «любил ворожбу».

173. По *Ши бэнь*, Фа и Ли-гуй — братья, сыновья императора Гао (*Ши бэнь ба чжун*, гл. 1, стр. 24). В *Ши цзи* — они отец и сын. Шаванн и Карлгрен отмечают ошибку Сыма Цяня в установлении имени императора Цзе. В древних и средневековых сочинениях он назван Ли (МИС, т. 1, стр. 169; Карлгрен, *On the Authenticity*, стр. 338).

174. По *Со инь*, Сятай — название тюрьмы (другое название Цзюньтай 均台). Хуанфу Ми утверждает, что тюрьма находилась в Янди (современный уезд Юйсянь, близ Кайфына в Хэнани).

175. Цзе, последний правитель дома Ся, изображается в древних сочинениях деспотом, уничтожившим многие роды, гулякой и хвастуном. Такие характеристики даны у Гуань-цзы, Мо-цзы, Чжуан-цзы и др. В *Тайпин юй лань* рассказываются подробности поражения Цзе, цитируемые по утерянной ныне книге *Ди ван ши цзи*. Мы узнаем, что в то время, как самоуверенный Цзе пьянствовал без просыпу, Тан напал на его войска в поле у Минтяо, разбил их, поймал Цзе и сослал его в горы Лишань, откуда тот с женами бежал морем в горы Наньчао, где и умер (ТПЮЛ, т. 1, гл. 82, стр. 386). Версия Сыма Цяня изложена более кратко.

176. Ци — название древнего владения, земли которого находились в современном уезде Цисянь провинции Хэнань.

В чжоуских и ханьских книгах о смерти царей и князей говорилось в строго определенных и неизменных выражениях. Как отмечал еще

Иакинф Бичурин в «Преуведомлении» к «Собранию сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», о кончине единодержавного, находившегося у власти правителя писали *пэн* 崩 — «преставился, в бозе почил»; о смерти не сделавшегося еще таким самодержавным правителем — *хун* 薨 — «успокоился»; о смерти правителя, утратившего власть, писали цзу 卒 — «скончался», а о местных правителях и крамольниках — просто *сы* 死 — «умер» («Собрание сведений...», т. 1, стр. 13—14). В данной главе Сыма Цянь везде употребляет слово *пэн* — «преставился», так как рассматривает, по-видимому, правителей Ся в качестве законных императоров, находившихся у власти.

Если руководствоваться данными книги более позднего времени, *Чжу шу цзи нянь*, то правление всех 17 правителей «династии» Ся продолжалось без малого 471 год (по *Ди ван ши цзи* — 432 года). Естественно, что подобного рода цифры не имеют в применении к легендарному периоду какого-либо реального значения.

177. Сыма Цянь, базируясь на дошедших до него мифах, легендах и преданиях, подметил, что родовые фамилии сяцев (как позднее и иньцев) были тесно связаны с названиями родовых территорий («владений»). Отпочкование от большого рода (племени) Сы нескольких родственных родов или племен (историк называет цифру 13), вызванное увеличением населения и поисками средств к существованию, неизбежно приводило к расширению власти главенствующего рода, к постепенному росту производительных сил в Ся, где, судя по известным легендам, существовал общинно-родовой строй.

Историк Юй Син-у прослеживает также связи родовых фамилий эпохи Ся с тотемами рода. На основе легенды о том, что Юй родился после того, как его мать проглотила траву *и-и* 薏苡, а мать Ци превратилась в камень, высказывает предположение, что трава *и-и* и камень были тотемами рода Сы (см. его статью «Об истоках тотемизма и религии и о тотемах Ся и Шан», стр. 63—64).

Как обычно, встречаются в разных списках и источниках разночтения в названиях сяских родов. Укажем на некоторые из них: а) Сюй Гуан считал два иероглифа *Чжэнь* и *Сюнь* названием двух родов, но переводчики, придерживаясь современного членения фразы и пунктуации, оставили один род — Чжэнь-сюнь; б) в *Ши бэнь* в названии рода Ю-нань пишется знак 南 — «юг» (вместо 男 *нань* — «мужчина»); в) род Фэй-ши 費氏 пишется Фо-ши 佛氏 и т. д.

178. Исследованиями календаря *Ся сяо чжэн*, самого раннего из уцелевших календарей, занимались многие китайские и западные ученые. Текст его был помещен в гл. 2 книги *Да дай ли цзи*. Как отметил Чатли в своем исследовании о датировке *Ся сяо чжэн*, астрономические даты, данные в календаре, согласуются с условиями примерно 350 г. до н. э. (H. Chatley, *The date of the Hsia Calendar Hsia Hsiao Cheng*, стр. 529).

Нидэм в своем фундаментальном труде по истории науки и техники

Китая (J. Needham, *Science and Civilisation in China)* также рассматривает вопрос о *Ся сяо чжэн.* Отметив, что календарь не имеет никакого отношения к эпохе Ся, Нидэм далее ссылается на исследование Чатли и высказывает свое суждение о датировке *Ся сяо чжэн.* Он пишет: «При тщательном исследовании его астрономического содержания Чатли пришел к заключению, что наиболее вероятной датой составления календаря будет время около 350 г. до н. э., т.е. время, как мы далее увидим, большой астрономической активности. Однако краткость данных в нем деталей могла бы позволить отнести его датировку назад, например к VII в. до н. э., хотя это и маловероятно. Беспристрастная оценка будет, вероятно, — V в. до н. э.».

Для нас несомненно одно — к эпохе Сыма Цяня календарь *Ся сяо чжэн* существовал, как об этом пишет историк, не одно поколение.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. Не сохранилось древних трудов, связно и полно излагающих историю Иньской эпохи. В книгах чжоуского времени можно найти лишь отдельные упоминания о правителях Инь, посвященные им гимны, описание некоторых обычаев иньцев и институтов иньского общества. На протяжении 2 тысяч лет единственным систематизированным источником сведений об Инь с перечнем всех правителей была гл. 3 *Ши цзи.* Можно было предполагать, что историк описал в ней столь же легендарный период, как и в первых двух главах. Однако в начале XX в. раскопки иньского городища в Хэнани и последующее открытие архива иньского оракула с гадательными надписями на костях полностью подтвердили историческую достоверность большинства записей Сыма Цяня. Таким образом, период Инь — уже вполне историческая эпоха.

2. Се получил владение в Шан, считается, что только с периода Паньгэна его потомки переселились в Инь (в Бо). Несмотря на это, Сыма Цянь называет его иньским, а не шанским, поскольку Се считается, по *преданиям, предком дома Инь. Названия Шан и Инь в древних книгах* встречаются вместе и нередко заменяют друг друга. На иньских гадательных костях встречается только знак Шан, ибо таково было самоназвание иньцев.

3. О женах и сыновьях Ку см. гл. 1, прим. 47.

Легенда о появлении дома Инь-Шан заимствована историком, как он сообщает в послесловии, из *Ши-цзина.* Там говорится:

> *Ласточка, волей небес опустившись с высот,*
> Шанских царей порождает прославленный род.
> (Шицзин, стр. 461).

Ян Юн-го считает, что иньцы поклонялись ласточке, она была их тотемом (Ян Юн-го, *История древнекитайской идеологии,* стр. 22).

4. Упоминания об участии Се в обуздании вод потопа в легендах

отсутствуют. Лян Юй-шэн (ЛЮШ, кн. 1, гл. 2, стр. 19) и Накаи Секитоку (ХЧКЧ, т. 1, гл. 3, стр. 2—3) считают это ошибкой Сыма Цяня. Однако данный эпизод скорее всего связан с легендой об уступке Юем своей должности Се.

5. Историк воспроизвел слова, приведенные уже в 1 гл. Судя по другим изданиям (*Тайпин юйлань*, т. 1, гл. 83, стр. 388; *Цефу юаньгуй*, т. 1, гл. 1, стр. 1; далее — ЦФЮГ), здесь произошла случайная повторная вставка сочетания *у цзяо* — «пять правил поведения».

6. Составитель *Ди-ван ши цзи* Хуанфу Ми (215—282 гг.) отождествляет Шан с Шанло (в современной провинции Шаньси). Иероглиф *цзы* 子 имеет первоначальное значение «яйцо», что связывается комментаторами с обстоятельствами чудесного зачатия и рождения Се из яйца ласточки.

7. В надписях на иньских гадательных костях целая группа имен первых ванов раннего периода отсутствует, так как архив иньского оракула относится ко второй половине эпохи Инь. В надписях на костях имеются отдельные упоминания почитаемых предков иньцев, не всегда совпадающие с генеалогией у Сыма Цяня. Ученые Китая исследовали эти проблемы (Ван Го-вэй, *Гуаньтан цзилинь*, т. 2, стр. 413—414; У Ци-чан, *Гушибянь*, т. 7, ч. 3, стр. 33—360, и др.).

Авторы указанных работ отмечают, что имя Сян-ту встречается в *Ши цзине* (ШСЦ, т. 10, *Мао-ши чжэн и*, кн. 6, стр. 1934—35), в *Ши бэнь* (*Ши бэнь* в редакции Ван Мо, стр. 7), в *Цзо чжуань* (под 9-м годом правления Сян-гуна) и в других памятниках. Однако на гадательных костях имени Сян-ту пока не обнаружено. Имеется лишь упоминание о мольбах и гаданиях, связанных с Ту. У Ци-чан приводит 16 надписей со знаком *Ту*, который вырезался в виде . Ван Го-вэй пришел к выводу, что этот знак и означает имя Сян-ту (*Гуаньтан цзилинь*, стр. 414). Чэнь Мэн-цзя отвергает выводы Ван Го-вэя на следующих основаниях: во-первых, если Сян-ту — имя человека, то сокращением может быть только Сян, а не Ту; во-вторых, на костях есть знаки Боту или Бошэ , откуда ясно, что *ту* означает «алтарь, жертвенник» (*Инь-сюй буцы цзуншу*, стр. 340). Го Мо-жо также не соглашается с выводом Ван Го-вэя (Го Мо-жо, *Инь ци цуй-бянь*). Таким образом, вопрос о происхождении имени Сян-ту еще не решен.

8. Из перечисленных выше имен иньских правителей до сих пор не встретились в надписях на костях также имена Чжао-мина, Чан-жо и Мина. В то же время в надписях о предках иньцев мы находим отсутствующие в *Ши цзи* имена Цзи 季, Хая 亥, или Ван-хая 王亥 (последние упоминаются в «Вопросах небу» Цюй Юаня). Ван Го-вэй выдвинул предположение, что Цзи — отец Ван-хая и что он должен быть отождествлен с Мином в генеалогии Сыма Цяня (*Гуань-тан цзилинь*, стр. 415).

Правитель по имени Цао-юй — отец Мина — в тексте *Ши бэнь* име-

нуется Цзао-юем (версия Ван Мо, стр. 7) или Лян-юем. В комментариях к гл. *Лу юй* в *Го юй* упоминается Гэнь-юй, названный отцом Мина (*Го юй*, кн. 1, стр. 56). Казалось бы, можно заключить, что Цао-юй, Лян-юй, Гэнь-юй — варианты имени одного и того же лица. Но в *Ши бэнь* Мин называется сыном Гэнь-го и внуком Цао(Цзао)-юя, т. е. появляется еще одно поколение, отсутствующее в тексте Сыма Цяня. Это усложняет проблему отождествления имен.

9. Вэй, он же Шан-цзя Вэй. В *Го юй* упоминается иньский правитель Шан-цзя Вэй, которого Вэй Чжао относит к потомкам Се в восьмом поколении (ГЮ, *Лу юй*, кн. 1, стр. 57). В «Вопросах небу» он назван Хунь Вэем. По мнению Ван Го-вэя, имени Вэй соответствует на гадательных костях знак 田 или 亩, так как он следует сразу за иероглифами Шан-цзя. Вэй был одним из почитаемых предков иньцев, получавшим особые жертвоприношения, с него ведется более точная генеалогия Инь.

Важно отметить также то обстоятельство, что, начиная с правления Шан-цзя Вэя и до конца Инь, в именах иньских ванов обязательно употребляются знаки десятиричного цикла 甲, 乙, 丁 и др. (Чэнь Мэн-цзя, *Исследование храмовых имен...*).

10. В *Ши цзи* в именах правивших друг за другом Бао-дина, Бао-и и Бао-бина нарушен обычный порядок циклических знаков: четвертый, второй, третий. Приводя знаки, которыми передаются имена указанных императоров, Ван Го-вэй утверждает, что в гадательных надписях последовательность соблюдена, значит, в гл. 3 нарушена истинная генеалогия.

11. На гадательных костях вместо Чжу-жэня и Чжу-гуя встречаются Ши-жэнь и Ши-гуй. Исследователи надписей Ло Чжэнь-юй, Ван Го-вэй и другие считают, что эти имена идентичны.

12. Чэн-тан, он же Да-и или Тянь-и. В надписях на гадательных костях встречается Да-и и Тан; в надписях на некоторых раннечжоуских сосудах и изделиях — Тянь-и и Чэн-тан (последнее имя, в частности, высечено на копье *Шу-ши цзунь* 叔尸鐘).

Правление Чэн-тана в представлении автора «Исторических записок» было переломным, это отражается и в стиле изложения. К именам первых тринадцати иньских правителей не прибавляется слово *ди* — «император», но после Чэн-тана оно неизменно присутствует. Говоря о смерти 13 правителей, Сыма Цянь употребляет слово *цзу* 卒 («кончиться, помереть»), по ритуалу применимое к человеку любого сословия, а в дальнейшем использует слово *пэн* 崩 — «преставился, почил», полагавшееся только императорам.

13. Как отмечают японские комментаторы Такигава Каметаро (ХЧКЧ, т. 1, гл. 3, стр. 4) и Мидзусава Тоситада (КЧЦБ, гл. 3, стр. 10), в ряде ранних ксилографов в начале фразы нет первых двух знаков с именем Чэн-тана. Лян Юй-шэн справедливо, на наш взгляд, полагает, что эти два иероглифа ошибочно добавлены позднее (ЛЮШ, кн. 2, цз. 2, стр. 20).

14. Неоднократные перемены столиц или ставок правителей Шан отражают полукочевой образ жизни шанцев. Сопоставляя различные источники, Ван Го-вэй пытается проследить эти перемещения: 1) Се жил с отцом, императором Ку, в Бо. Между тем в *Ши бэнь* утверждается, что Се жил в Фань (современный уезд Тэнсянь, провинции Шаньдун). Поэтому переезд Се из Бо в Фань можно считать первым перемещением; 2) по *Ши бэнь*, Чжао-мин жил в Диши (провинция Хэбэй); значит, переезд правителей Инь из Фань в Диши был вторым перемещением; 3) в *Сюнь-цзы* сказано, что в дальнейшем Чжао-мин переехал в Шан (провинция Хэнань) — третье перемещение; 4—5) согласно *Ши бэнь*, Сян-гу переселился в Шанцю (провинция Хэнань). С этим совпадают и данные *Цзо чжуань*, где упоминается восточная столица (Дунду), пожалованная Кан-шу. По мнению Ван Го-вэя, Дунду находилась у гор Тайшань, и Сян-ту вначале отправился туда, а затем возвратился на запад, в Шанцю, что и считается четвертым и пятым перемещениями; 6) В *Чжу шу цзи нянь* под 33 годом правления Ди-мана упоминается о переезде шанского правителя в Инь (уезд Аньян в Хэнани) — шестое перемещение; 7) в том же источнике под 9-м годом правления Кун-цзя сообщается, что правитель вновь вернулся в Шанцю — седьмое перемещение; 8) когда же пришел к власти Чэн-тан, он снова переселился в Бо — восьмое перемещение.

Все эти доказательства, взятые из разнородных по времени и содержанию источников, носят весьма условный характер. Вообще система аргументации Ван Го-вэя и других ученых, строящаяся на идее размещения шанских центров на востоке (в Шаньдуне) и постепенного передвижения шанцев на запад, не подкрепляется накопленными археологическими данными. Наоборот, вырисовывается картина движения этой культуры с запада на восток, ибо следы цивилизации обнаружены в Аньяне, Чжэнчжоу, Шэньси.

15. О местонахождении Бо существуют различные мнения. В *Шан шу* упоминаются три города Бо в качестве прежних столиц времени Чэн-тана. Ван Го-вэй считает, что Бо, в которое переехал Чэн-тан из Шанцю, находилось в районе современного уезда Цаосянь провинции Шаньдун (*Гуаньтан цзилинь*, т. 2, стр. 518). Чэнь Мэн-цзя указывает, что на иньских надписях встречаются географические названия Бошэ и просто Бо, связанные с походами Ди-и и Ди-синя на племена *жэньфан* 人方. Изучая историю этих походов, ученый нашел, что Бо должно было находиться к югу от Шанцю, т. е. к юго-западу от нынешнего пункта Гушуцзи в Хэнани (Чэнь Мэн-цзя, *Сводное исследование по гадательным надписям*..., стр. 259).

16. *Ди гао* — глава *Шан шу*, числящаяся в перечне утерянных. По мнению Кун Ань-го, содержание этой главы сводилось к тому, что Чэн-тан, вернувшись в Бо, где ранее жил император Ку, доложил его духу о своем прибытии и своей деятельности.

17. Подробно повествует об этой истории Мэн-цзы. В соседнем с Бо

владении правитель Гэ-бо не приносил жертв. Гонцам Тана он ответил, что у него нет жертвенного скота, а когда скот был прислан, забил его. Следующим посланным он пожаловался на отсутствие зерна, нужного для жертв. Тогда Тан отправил людей обработать для него поля, снабдив работающих продовольствием. Но Гэ-бо со своими людьми отбирал у босцев пропитание, а тех, кто сопротивлялся, убивал. Он даже убил мальчишку и отобрал принесенные им продукты. Это якобы и послужило причиной выступления Тана в поход (ШСЦ, т. 39, стр. 268—269). Можно предполагать, что Сыма Цянь воспользовался версией Мэн-цзы.

18. Глава *Тан чжэн* («Походы Тана») в *Шан шу* считается утерянной. Существует реконструкция главы, созданная цинским ученым Цзян Шэном (1733—1810).

19. В военном трактате *Сунь-цзы* И-инь упоминается под именем И-чжи, пробравшегося в качестве лазутчика в Ся (*Сунь-цзы цзи цзяо,* стр. 80).

Историческую достоверность личности И-иня подтверждают, как показывает Чэнь Мэн-цзя, надписи на костях. Самая ранняя надпись о нем относится к периоду правления У-дина. В ней его имя стоит вместе с Да-и (Чэн-таном); в других надписях И-инь упоминается в списке почитаемых сановников, которым приносятся жертвы. В гадательных надписях это имя встречается в следующих вариациях: И-инь, И-мо, И-ши (*Иньсюй буцы цзун-шу,* стр. 366). Чэнь Мэн-цзя отрицает принадлежность И-иню имени А-хэн, считая это ошибкой Сыма Цяня.

20. *Инчэнь* 媵臣 — слуга, сопровождающий невесту в дом будущего мужа. Этот эпизод изложен в *Мо-цзы* (гл. *Шан сянь,*— ЧЦЦЧ, т. 4, стр. 34); в *Люй-ши чунь-цю* (гл. *Сяо син лань.* — ЧЦЦЧ, т. 6, стр. 139) и в «Вопросах к небу» Цюй Юаня (*Чу цы цзи чжу,* кн. 2, стр. 16). Таким путем И-инь сумел попасть в дом Чэн-тана, женой которого стала девушка из рода Ю-синь. Выражение «носил на себе сосуды и кухонные доски» означает, что И-инь фактически выполнял в доме Чэн-тана обязанности повара, о чем прямо говорится в тексте *Мо-цзы* (ЧЦЦЧ, т. 4, *Мо-сянь чу,* стр. 35).

21. Термин *чуши* 处士 означал в применении к чжоускому периоду достойного ученого человека, живущего уединенно и не состоящего на службе у князя. Характеристику подобных мужей дал философ Сюнь-цзы: «Те, кого в древности называли *чуши,* обладали добродетелями, в состоянии были проявлять невозмутимость, совершенствоваться в правде, понимать волю [Неба] и быть постоянными и твердыми» (*Сюнь-цзы цзянь ши,* стр. 67).

Мэн-цзы отвергает версию о проникновении И-иня к Чэн-тану в качестве слуги или повара. По его чисто конфуцианской трактовке, И-инь обрабатывал земли во владении рода Ю-синь, отличался необычайными добродетелями, и поэтому Чэн-тан многократно призывал его к себе, пока наконец И-инь не согласился (ЧЦЦЧ, т. 1, *Мэн-цзы чжэн и,*

стр. 385—387). Вполне возможно, что, употребив выражение *хо юэ* 或曰 — «некоторые [другие] говорят», историк имел в виду версию Мэн-цзы.

22. Под *су ван* 素王 — «прекрасными, непорочными ванами» комментарий *Со инь* понимает идеальных правителей прошлого. В главе *Вань-чжан* у Мэн-цзы говорится, что И-инь следовал по пути Яо и Шуня, которых считали идеальными правителями — *су ван*.

Под девятью властителями *цзю-чжу* 九主 также подразумеваются выдающиеся правители древности. В *Со инь* эта цифра расшифровывается так: три владыки, пять императоров, а также сяский Юй.

23. Когда Тану стало ясно, сообщается в *Люй-ши чунь-цю*, что правление Цзе ведет государство к гибели, он послал И-иня ознакомиться с положением в Ся. Опасаясь, что последнему не поверят, «Тан самолично выпустил стрелу в И-иня, и тот [как бы] убежал, спасаясь, в Ся. Прошло три года, и он вернулся с докладом в Бо...» (ЧЦЦЧ, т. 6, *Люй-ши чунь-цю*, стр. 159). Кун Ин-да дает иное, конфуцианское толкование аналогичному тексту *Шан шу*. Он объясняет миссию И-иня желанием Тана помочь Цзе в управлении с помощью советов мудрого сановника. Только когда это не помогло, Тан предпринял военные меры (ШСЦ, т. 3, *Шан шу чжэн и*, стр. 253).

Текст Сыма Цяня не расшифровывает целей и причин поездки И-иня.

24. В *Люй-ши чунь-цю* пересказывается сообщение И-иня о положении в Ся, о бесчинствах Цзе и тяжелых страданиях населения, об увлечении правителя Ся красавицей Мо-си (ЧЦЦЧ, т. 6, стр. 160).

25. Кун Ань-го полагает, что Цзю и Фан — имена двух мудрых советников Тана. По его мнению, в двух ныне утерянных главах *Шан шу* рассказывалось о недовольстве И-иня положением в Ся и о его возвращении.

26. Возможно второе толкование выражения *бу юн мин*, связываемое со словом *мин* 命 — «жизнь». Перевод может быть таким: «...только тот, кто не дорожит жизнью, пусть входит в мои сети». Этот вариант принят Шаванном (МИС, т. 1, стр. 180).

27. История с сетями и заклинаниями детально изложена в *Люй-ши чунь-цю*, где ей придан иносказательный смысл. Под охотником, стремящимся поймать и истребить все живое, имеется в виду правитель Цзе. Автор трактата, сравнивая действия Цзе и Тана, указывает, что умелая политика Тана привела к присоединению 40 владений, между тем как Цзе, расставивший всюду свои силки, ничего не добился (ЧЦЦЧ, ч. 6, стр. 102—103).

28. По генеалогии дома Чу, приведенной в 40 гл. *Ши цзи*, Кунь-у — один из сыновей вождя У-хуя — был покорен Таном (ШЦ, т. 4, стр. 1600).

29. В *Ши цзине*, в гимне *Чанфа дади*, упоминается сначала покорение Таном родов Вэй и Гу и лишь затем — Куньу и сяского Цзе (ШСЦ, т. 10,

Мао ши чжэн и, кн. 6, стр. 1938). Следовательно, мятежных родов было больше.

30. Слово *гэ* 格 означает «приближаться». В существующем тексте *Ши цзи* к тексту *Шан шу* добавлено слово *лай* 来 — «приходить». Существует мнение комментатора Ли Ли (приводимое Такигава) о том, что в первоначальном тексте «Исторических записок» был только знак *лай*, но в последующем, основываясь на *Шан шу*, ошибочно дописали иероглиф *гэ* (ХЧКХ, т. 1, стр. 9, гл. 3).

31. Перевод Э. Шаванна petit enfant и Б. Карлгрена для аналогичного абзаца из *Шан шу* small child представляется малоудачным. Нами взято иное значение *сяо-цзы* 小子, встречающееся в *Ицзине* и других памятниках и объясняемое через *сяо-жэнь*, 小人 — «маленький человек, недостойный» (в уничижительном смысле).

32. Все это обращение заимствовано историком из *Шан шу*. Слово *сэ* 嗇, приравниваемое к *сэ* 穡 в тексте *Шан шу*, означает «хлебопашество, жатва, земледелие». Кун Ань-го трактует выражение *гэчжэн* 割政 как «захват плодов земледельческого труда», что близко к русскому «обирает нас».

В *Шан шу* (ШСЦ, т. 3, стр. 260) и в нескольких древних списках *Ши цзи*, относящихся к южносунскому и юаньскому периодам, после слова *чжэн* поставлено *ся* 夏, что смысла не меняет (КЧЦБ, гл. 3, стр. 14). Цзян Шэн, полагаясь на существующий текст Сыма Цяня, считает, что слово *ся* в данном случае интерполировано в *Ши цзи (Хуан цин цзин цзе*, гл. 393, стр. 3).

33. В *Цзи цзе* приводится ссылка на ханьскую книгу *Шан шу да чжуань* (утерянную и только частично восстановленную Лян Гун-фу и другими учеными в эпоху Цин), где эти слова приписываются Цзе. Как у неба есть солнце, якобы говорил Цзе, так у него есть народ, и он погибнет только тогда, когда исчезнет народ — солнце. В комментарии к *Шан шу* высказана, на наш взгляд, более правильная мысль о том, что эти слова принадлежат людям из народа, которые готовы были погибнуть сами, чтобы только ускорить гибель Цзе (ШСЦ, т. 3, стр. 260). Цинский ученый Юй Юэ (1821—1906), мнение которого приводит Такигава, считает, что эти две строчки рифмуются и, возможно, были словами народной песенки эпохи Ся. Под солнцем в ней понимался Цзе, имя которого не осмеливались упоминать (ХЧЦЧ, гл. 3, стр. 10).

34. Словосочетание *юй-и-жэнь* 余 一 人 (или сокращенно *и-жэнь* — 人) — «я, я — единственный» — древнего происхождения. Как подметил Ху Хоу-сюань, подобное словосочетание встречается в гадательных надписях как самоназвание иньского вана. Это же выражение употреблялось в надписях на бронзе и в письменных памятниках чжоуского периода в применении к чжоускому Сыну Неба. В главе *Пань-гэн* книги *Шан шу* оно встречается шесть раз. Таким образом, либо окружающие величали иньских и чжоуских ванов *юй-и-жэнь* — «единственный (владыка

наш)», либо они сами так себя называли, чтобы подчеркнуть свою исключительность (Ху Хоу-сюань, *Юй-и-жэнь*, стр. 75—78).

35. Когда Чэн-тан говорит о боязни [гнева] верховного владыки, высшего духа, «бога», в тексте употребляется слово *шан ди* 上帝, которое, как и ди 帝, зафиксировано в данном значении на иньских костях и, следовательно, отвечает языку той эпохи. В дальнейшем Сыма Цянь, как в речи самого Чэн-тана, так и в изложении событий иньского государства, заменяет слово *шанди* более поздним термином *тянь* 天 — «небо, «верховное существо», который в подобном значении мог появиться, как считают ученые, только на стыке эпох Инь и Чжоу или позднее (Го Мо-жо, *Бронзовый век*, стр. 21; Ян Юн-го, *История древнекитайской идеологии*, стр. 25; Чэнь Мэн-цзя, *Сводное исследование...*, стр. 562 и др.). На гадательных надписях периода Инь иероглиф *тянь* выступает лишь в значении 大 «большой, великий».

Дали 大理 в глагольной функции означает «разобраться, вникнуть, справедливо отнестись». В *Шан шу* употреблено словосочетание *далай* 大賚 — «щедро одарять», что несколько меняет смысл.

36. Мы вслед за Гу Цзе-ганом последнюю часть предложения исключаем из прямой речи Тана и относим ее к окружающим, прозвавшим своего храброго правителя, как в *Ши цзине*: «Царь наш воинственный...» (*Ши цзин*, стр. 463). Шаванн приписывает эти слова самому Тану: «....мое прозвище будет воинственный ван» (МИС, т. 1, стр. 184).

37. Считается, что Минтяо находилось в современном уезде Аньи провинции Шаньси.

38. Комментарий к *Шан шу* считает Саньцзун названием царства. Цзе бежал туда после поражения. По *Ко ди чжи*, Саньцзун находился в уезде Цзиинь округа Цаочжоу, в современном делении — на северо-западе уезда Цаосянь провинции Шаньдун.

39. По толкованию Кун Ин-да, Цзе захватил с собой драгоценную яшму, которая, по поверьям того времени, спасала от стихийных бедствий. Оставленная в Саньцзуне, она досталась Тану. И-бо и Чжун-бо считаются чиновниками, близкими к Тану, и авторами главы *Дянь бао*, которая числится в перечне утраченных глав *Шан шу*.

40. В Ся поклонялись духу земли Гоу-луну, сыну Гун-гуна. Тан хотел заменить его кем-либо из своих предков, но не нашел достойных и поэтому не смог перенести в свою ставку жертвенник духам земли. Подробнее о духах земли рассказывается в 53 гл. *Цзо чжуань* (ШСЦ, т. 32, *Чунь-цю Цзо чжуань чжэн и*, кн. 6, стр. 2153—2154). Из чжоуских источников известно, что жертвы духам — покровителям земледелия приносились дважды в год, в период весеннего и осеннего равноденствия.

Глава «Жертвенник дома Ся» упоминается в числе утраченных глав *Шан шу*.

41. Такигава Каметаро упоминает о спорах средневековых ученых о том, насколько благородны действия Чэн-тана, и о том, соответствует

ли «воле Неба» свержение «законного» государя *(Као чжэн,* т. 1, гл. 3, стр. 11—12). Конфуцианцы эпох Чжоу и Хань оценивали победу над Ся как необходимую меру искоренения зла, освященную «волей Неба», но уже сунские конфуцианцы, высказывали сомнения в мудрости Чэн-тана, в «законности» принятых мер. Сыма Цянь исходил из известных в его время источников (*Ши цзин, Шан шу*, толкования гексаграмм *Ицзина — Туань цы* и др.), а в них сохранялось апологетическое отношение к Чэн-тану — легендарному основателю Шанской династии.

42. В Шан шу этот пункт назван Да(Тай)цзюн, а не Тайцзюань. Цзоу Дань, ученый периода Наньбэйчао, отождествил Тайцзюань и Тайцзюн. По его мнению, позднее этот пункт именовался Динтао, о чем делалась пометка в тексте в виде надписи сбоку. Потом переписчики по ошибке внесли один из иероглифов *(тао)* в основной текст. Соглашаясь с таким объяснением, мы поставили знак *тао* в скобки.

43. Чжун-лэй — по-видимому, один из помощников вождя шанцев Тана. В *Шан шу* его называют Чжун-хуй. Считается, что, сопровождая Чэн-тана, Чжун-лэй должен был записывать (или запоминать) речи вождя. Затем эти записи оформлялись в виде обращения к сородичам.

44. Придерживаясь сохранившегося текста *Ши цзи,* мы приняли для слова *цзы* 自 перевод «лично» (так же перевел Шаванн — МИС, т. 1, стр. 186). Однако такая интерпретация не совсем обычна, тем более что в аналогичном абзаце *Шан шу* слово *цзы* выступает в роли предлога («Я, ван, вернувшись с покорения Ся, прибыл в Бо»). В такой же позиции это слово стоит и в тексте *Цефу юаньгуй* (ЦФЮГ, т. 1, гл. 62, стр. 689). Можно предположить, что в *Ши цзи* пропущены несколько иероглифов после *цзы;* восстановление текста изменило бы перевод.

45. Такигава верно заметил, что перед второй частью фразы скорее всего имеется пропуск, ибо за усердие не наказывают. Нами вставлено слово «иначе», которое восстанавливает логическую связь в предложении.

46. В словах Чэн-тана отразилась господствовавшая в период раннего Чжоу (а не Инь) идеология правящих классов, которая выражалась в формуле «почитать Небо и заботиться о народе». По этим представлениям, Небо (высшие силы) действовало через народ. Поэтому и полагалось о нем заботиться, чтобы сохранить расположение и милости Неба.

47. Чэнь Жэнь-си (эпоха Мин) считал, что в тексте главы допущена ошибка, правильнее было бы написать: «На востоке река Хуайхэ, на юге река Янцзы...» Лян Юй-шэн цитирует *Чу сюэ цзи* (составленную Цянь Лянь-и в конце Мин), где сказано, что Хуанхэ на севере, а Цзи — на западе (ЛЮШ, гл. 2, стр. 24). Разница в ориентировке, по-видимому, объясняется различным расположением исходных пунктов.

48. Имеются в виду Юй, Гао-яо и Цзи.

49. По комментарию *Со инь, под ди* следует понимать Небо, которое отказало в поддержке Чи-ю. Такова трактовка конфуцианской историо-

графии. На наш взгляд, текст Сыма Цяня позволяет под *ди* понимать непосредственно Хуан-ди, о борьбе которого с Чи-ю рассказывалось в 1 гл.

50. Шаванн несколько меняет пунктуацию и считает последние слова прямой речью прежних правителей, т. е. древние правители наказывали: «Всеми силами старайтесь это выполнить!» (МИС, т. 1, стр. 187).

51. «Доклад Тана», фрагменты которого цитирует Сыма Цянь, текстуально не совпадает с известным ныне «Докладом Тана» в *Шаншу*. Как указывал Янь Жо-цзюй (1636—1704), Сыма Цянь основывался на так называемом старом тексте *Шан шу, найденном якобы* в стене дома Конфуция.

В сочинении И-иня «Для всех одна добродетель» излагались единые моральные нормы для правителей и подданных. В *Шан шу* составление этой главы отнесено к периоду правления Тай-цзя, а не Тана (ШСЦ, т. 3, стр. 285). Гао-шань, по мнению Ма Юна (79—166), был у Тана начальником земляных работ.

Считается, что глава «Разъяснение о жительстве», ныне утерянная, разъясняла правила поселения и жительства людей, что и нашло свое отражение в названии главы. Такое толкование можно связать со словами Тана: «Кто не будет [этому] следовать, тому не быть в государстве».

52. По преданиям, при Ся год начинался с 13-й луны, но шанские правители изменили этот счет и начинали год с 12-й луны.

53. [Чэн-]тан, как указывается в *Цефу юаньгуй* (т. 1, стр. 4), царствовал 13 лет.

Имя Вай-бина встречается на гадательных костях в начертании Бубин 卜丙. Согласно *Мэн цзы* и *Чжу шу цзи нянь*, Вай-бин правил всего два года.

54. Имени Чжун-жэня на гадательных костях пока не найдено.

55. В возвращении власти к сыну Тай-дина можно усмотреть восстановление системы наследования от отца к сыну, а не к братьям и их детям (подробнее см. прим. 75).

56. «Поучения И-иня» — глава книги *Шан шу*. В ней излагаются советы И-иня молодому правителю Тай-цзя. В главе *Шан шу* «Изложение повелений», ныне утерянной, объяснялись предначертания Неба. В Главе «Ушедшие правители», тоже утраченной, рассказывалось о деяниях прежних мудрых государей. Существуют сомнения в аутентичности первой из указанных глав. Шаванн полагает, что эта глава реконструирована Цзян Шэном (МИС, т. 1, стр. 188).

57. Тунгун, по мнению Кун Ань-го,— место погребения Чэн-тана, а по мнению Чжэн Сюаня, — название летнего увеселительного дворца вана.

58. Мэн-цзы дважды рассказывает о добродетельном министре И-ине, выславшем жестокого монарха и правившем за него (ШСЦ, т. 40, *Мэн-цзы чжу шу*, кн. 2, стр. 406, 575). Такая версия соответствует канонам древнего конфуцианства. Существует и другая версия, изложенная, в частности, в *Чжу шу цзи нянь*. Там сказано: «В летописи, кроме того, гово-

рится, что иньский Чжун-жэнь, вступив на престол, жил в Бо, назначив высшим сановником И-иня. Когда Чжун-жэнь скончался, И-инь сослал Тай-цзя в Тун, а сам встал у власти. И-инь занимал престол уже семь лет, когда Тай-цзя тайком бежал из Туна, убил И-иня и после этого поставил его сыновей И-чжи и И-фэна [на должности], повелев вернуть им поместья отца...» (ТПЮЛ, гл. 83; ЧШЦН, гл. 5). В этом варианте И-инь представлен как узурпатор.

59. Имени Во-дина в надписях на гадательных костях до сих пор не обнаружено. Глава *Во-дин* в *Шан шу* числится среди утерянных, но имя его упоминается. В *Ди ван ши цзи* сообщается, что Во-дин похоронил И-иня с почестями (ТПЮЛ, т. 1, стр. 390).

60. Сяо-цзя царствовал 17 лет. В 13 гл. Сяо-цзя назван не сыном Тай-гэна, а его младшим братом (см. ШЦ, т. 2, стр. 496). Это — прямая ошибка, как свидетельствуют надписи на костях.

61. Имя Юн-цзи на костях обозначается знаком . Утверждение Ван Го-вэя (*Гуаньтань цзилинь*, т. 2, стр. 429) о том, что имя Юн-цзи не встречается в надписях, сейчас устарело. Однако надписи на костях дают несколько иную последовательность правителей Иньского государства для рассматриваемого отрезка времени: Сяо-цзя, Тай-у, Юн-цзи, Чжун-дин (Чэнь Мэн-цзя, стр. 377—378).

62. По мнению Кун Ань-го (Комментарий *Цзи-цзе*), И-чжи был сыном И-иня. Однако Такигава, отмечая тот факт, что со времени Чэн-тана, которому служил И-инь, сменилось семь правителей, считает, что И-чжи мог быть лишь внуком либо правнуком И-иня, но не сыном (ХЧКЧ, т. 1, гл. 3, стр. 17). К такому мнению следует присоединиться.

63. В 3 гл. после знака *сан* 桑 — «тутовое дерево» стоит *гу* 穀 — «злаки». Такое сочетание порождает неясность. Очевидно, в тексте описка. Подтверждает такое предположение 28 гл. *Ши цзи*, где в аналогичном контексте имеется иероглиф *гу* 穀, объясняемый как разновидность тута (ШЦ, т. 3, стр. 1356).

64. Такигава считает, что два знака — *эр цюй* 而去 в тексте являются лишними. В изложении этой истории в *Тайпин юйлань* действительно говорится лишь о гибели деревьев, а не об их исчезновении (ТПЮЛ, т. 1, гл. 83, стр. 391). Кроме того, в *Люй-ши чунь-цю* это знамение отнесено к периоду Чэн-тана, а в *Хань шу* — к периоду У-дина, т. е. источники относят такого рода легенды к разному времени и связывают с неодинаковыми обстоятельствами.

65. Опираясь на трактовку Кун Ань-го и современную пунктуацию, мы приняли иероглифы *у* и *сянь* за имя человека. Однако знак *у* 巫 может быть понят и как профессия — «прорицатель, оракул, шаман». В таком случае возможен перевод «оракул Сянь». Так понял это место Шаванн (МИС, т. 1, стр. 191). Это подтверждается и иньскими гадательными надписями. На них встречается одно имя — Сянь. Например: «Гадал. Сянь не поможет вану» (Дун Цзо-бинь, *Инь-сюй вэнь цзы цибянь*).

Глава «Управление Сяня» значится в числе потерянных, а глава *Тай-у* вообще не упоминается в *Шан шу*.

66. Сочинение под таким названием неизвестно. По аналогии с другими главами *Шан шу*, а именно «Приказ Би-гуну» и «Приказ Цзюну», некоторые комментаторы предложили считать знак *юань* именем чиновника (ШСЦ, т. 3, стр. 291). В *Чжэн и* выдвигается иная версия. Поскольку *И-чжи отказался от предложенной чести*, Тай-у *повторил свой приказ*, вот и назвали этот документ *Юань мин*. В этом случае *юань* 原 понимается как *цзай* 再 — «еще, вновь». Мы избрали второе объяснение, так как имя чиновника Юань больше нигде не встречается и выведено комментаторами умозрительно.

67. Ао, по *Ко ди чжи*, находилось в округе Чжэнчжоу, уезде Синцзэ — одноименный уезд современной провинции Хэнань.

68. Сян находился на юго-востоке уезда Нэйхуан провинции Хэнань.

69. Пункт, обозначаемый знаком Син, комментаторы приравнивают к Гэн, имеющемуся в *Шан шу*. Гэн находился в уезде Цзисянь провинции Шаньси.

70. Фраза Сыма Цяня об утрате значительной части записей о Чжун-дине указывает на то, что уже к периоду жизни историка о Чжун-дине *сохранилось мало сведений*. Однако в *надписях на костях* это имя зафиксировано.

Имя Вай-жэня на костях обозначается Бу-жэнь 卜壬.

71. На гадательных костях имени Хэ Тань-цзя не обнаружено. Но после Бу-жэня встречается имя Цзянь-цзя, которого, по-видимому, и следует отождествлять с Хэ Тань-цзя. В *Тайпин юйлань* приводятся сведения об успешных походах Хэ Тань-цзя против племен *ланьи* и *баньфан* (ТПЮЛ, т. 1, стр. 391), что противоречит утверждению Сыма Цяня об упадке в это время власти Инь.

72. Цзу-и, по градации Сыма Цяня, является сыном Хэ Тань-цзя и племянником Чжун-дина и Вай-жэня. По генеалогии 20 гл. *Хань шу*, Цзу-и считается младшим братом Хэ Тань-цзя (ХШ БЧ, т. 2, стр. 1402), и, таким образом, все четверо — Чжун-дин, Вай-жэнь, Хэ Тань-цзя и Цзу-и — оказываются братьями.

Анализируя одну из надписей на иньских костях, Ван Го-вэй *приходит* к выводу, что Цзу-и должен считаться сыном, а не братом Чжун-дина. Следовательно, в *Ши цзи*, как и в *Хань шу*, допущена ошибка (Ван Го-вэй, *Гуаньтан цзилинь*, т. 2, стр. 446—447). Чэнь Мэн-цзя, составляя генеалогическую таблицу иньских ванов по гадательным надписям, тоже считал Цзу-и сыном Чжун-дина (Чэнь Мэн-цзя, стр. 379).

73. В комментариях к *Шан шу* сообщается, что У-сянь 吳賢 — это сын У-сяня 巫咸, упоминавшегося выше советника Тай-у (ШСЦ, т. 4, стр. 588).

74. Вместо имени Во-цзя, упоминаемого в данной главе, на гадатель-

ных костях стоит Цян-цзя, а в *Ши бэнь* он же выступает под именем Кай-цзя (вариант Чэнь Ци-юна, стр. 25). Идентичность их не вызывает сомнений.

75. Проблема престолонаследия при Инь еще не может считаться решенной. Фань Вэнь-лань («Древняя история Китая», стр. 58), Ли Сюэ-цинь («О системе родства в период Инь») и некоторые другие считают, что при Инь переход власти от отцов к сыновьям уже был правилом, а наследование престола младшими братьями — исключением. Ван Го-вэй (*Гуаньтан цзилинь*, кн. 2, гл. 10, стр. 454), а позже Ван Юй-чжэ («К вопросу о системе наследования») полагают, что в основном престол наследовали младшие братья, а в редких случаях — сыновья, т. е. сохранялось материнское право. Наконец, некоторые историки считают, что система наследования престола при Инь еще не сложилась. Чэнь Мэн-цзя пишет: «Система престолонаследия в эпоху Шан не имела твердо установленного правила передачи к младшему брату или сыну. Всякий раз, когда престол передавался тому или иному младшему брату или сыну, должны были существовать особые основания и правила, но, к сожалению, мы не имеем возможности о них судить» (*Инь-сюй буцы цзун-шу*, стр. 371).

Сыма Цянь пишет, что со времени Чжун-дина прямое, законное престолонаследие — *ши* 適 (равное *ди* 嫡) было на время отброшено. Это значит, что историк был убежден в господстве прямого (от отца к сыну) наследования. По-видимому, для него, жившего в развитом классовом обществе, только отцовское право могло иметь «законный» характер.

76. Сыма Цянь обобщает здесь положение в стране для девяти поколений, хотя, по его же словам, два вана из девяти — Цзу-и и Цзу-дин — являлись сыновьями правителей и их прямыми наследниками. Кроме того, при Тай-у и Цзу-и отмечены периоды подъема Иньского государства (на эти исключения обратил внимание и Лян Юй-шэн: кн. 1, гл. 2, стр. 30). Таким образом, не все девять поколений царили смуты и нарушалось престолонаследие.

77. Прибытие вождей ко двору означало признание ими власти Иньского вана. Поэтому ван внимательно следил за своевременным появлением при дворе правителей родов, племен и территорий, называемых в главе более поздним термином *чжухоу*. В записях на щитках встречаются такие вопросы вана: «Действительно ли прибудет [глава] Чжэнь?.. Неужели [правитель] Чжэнь не прибудет?» (цит. по статье М. В. Крюкова, *Род и государство...*, стр. 14, где этот вопрос подробно освещен).

78. Пять переездов относятся к периоду от Чэн-тана до Пань-гэна. Чжан Шоу-цзе называет следующие пункты: Тан из Наньбо переехал в Сибо; Чжун-дин — в Ао; Хэ Тань-цзя — в Сян; Цзу-и — в Гэн; Пань-гэн перешел через Хуанхэ и поселился снова в Сибо. Существуют и иные варианты. Если основываться на записях в *Чжу шу цзи нянь*, то получается, что Вай-бин жил в Бо, Чжун-дин переехал в Сяо, Хэ Тань-цзя — в

Сян, Цзу-и — в Би, Пань-гэн — в Янь. В этом случае переезд Пань-гэна в Инь не включается в указанное число пяти переездов.

Некоторые историки рассматривают частые переселения иньцев как признак большой роли скотоводства в жизни общества того времени (Го Мо-жо, *Философы древнего Китая*, стр. 23).

79. Под Бо на этом этапе следует понимать известную по археологическим раскопкам столицу иньцев близ современной деревни Сяотунь в уезде Аньян провинции Хэнань. Поскольку в *Шан шу* говорится о переводе Пань-гэном столицы в Инь (ШСЦ, т. 3, стр. 303), названия Бо и Инь стали отождествляться, хотя некоторые ученые по-прежнему рассматривают их как два разных пункта (Ван Го-вэй, *Гуаньтан цзилинь*, т. 2, стр. 523).

Следует заметить, что в надписях на костях для наименования иньских столиц позднего времени чаще всего употребляются описательные термины, включающие слово *Шан*: «Великий город (поселение) Шан» 大邑商, «Небесный город (поселение) Шан» 天邑商 или же просто Шан.

80. В хронологии, приведенной в гл. *Гу цзинь жэнь бяо в Хань шу*, Сяо-синь назван сыном Пань-гэна (ХШБЧ, т. 2, стр. 1404), а не его младшим братом, как считал Сыма Цянь.

В конце царствования Сяо-и вождь западных племен Гу-гун Даньфу переселился в Ци и назвал свое царство на новом месте Чжоу. Так на границах Инь появился противник, позднее завоевавший иньское царство. Произошло это событие в последней четверти XIV в. до н. э.

81. Как явствует из чжоуских сочинений (*Шан шу*, гл. *Юэ мин*, ч. 1,— ШСЦ, т. 3, стр. 333—335; *Го юй*, гл. 17, *Чу юй*,— ГЮ, кн. 3, стр. 199—200; *Мэн-цзы*, гл. *Гао-цзы*; *Ди ван ши цзи*,— ТПЮЛ, т. 1, гл. 83, стр. 391), молчание У-дина объяснялось желанием глубоко обдумать пути управления государством и исполнить траурные церемонии по отцу.

Го Мо-жо выдвинул свое объяснение трехлетнему молчанию У-дина. По его мнению, оно было вызвано болезнью, именуемой афазией, т. е. немотой («Бронзовый век», стр. 160—166).

82. *Байгун* или *богун* 百工 в комментаторской литературе обычно расшифровываются как *бай-гуань* или *бо-гуань* 百官, т. е. все чиновники. Более узкое объяснение этому термину дает Фань Вэнь-лань, который считает, что *байгуны* возглавляли ремесленных рабов, подчинялись *чжун-цзаю* и что они владели специальными навыками, которые передавали из поколения в поколение («Древняя история Китая», стр. 53).

83. В *Ди ван ши цзи* рассказывается, что *байгунам приказали нарисовать* портрет мудреца, которого якобы увидел ван во сне, и по этому описанию повсюду искать похожего человека. Кун Ань-го считает Юэ мудрецом, жившим в уединении и за чашку риса помогавшим преступникам на каторжных работах.

84. Чжан Шоу-цзе приводит данные *Дили чжи*, по которым Фусянь находилась в современном уезде Пинлу провинции Шаньси.

85. Слово *сюйми* 胥靡 означает «связанные вместе преступники, колодники», которых посылали на самые тяжелые работы и повинности.

86. Цзу-цзи — персонаж, более нигде не встречающийся. По мнению Кун Ань-го, это имя «мудрого чиновника».

87. В тексте *Шан шу* (гл. *Гао-цзун юн-жи)* вместо одного знака *ся* 下 — «внизу; те, кто внизу» стоит более четкое *ся-минь* 下民 — «народ внизу (на земле)». Иначе говоря, Небо следит за тем, как народ соблюдает свой долг. Выражение «годы длинные и не длинные» — обещание долгой жизни для послушных и скорой смерти для непокорных.

88. Трактовка пяти иероглифов *най юэ цинайхэ* 乃日其奈何 представляет известное затруднение, так как допускает несколько субъектов действия.

Кун Ань-го в комментариях к *Шан шу* и Карлгрен в своем переводе относят эти слова конкретно к Цзу-цзи (ШСЦ, т. 3, стр. 344; Карлгрен, *Книга документов*, стр. 26). Японские переводчики Отаке отнесли их к У-дину (ГГС, стр. 37). В нашем переводе эти слова обращены к народу от имени правителей вообще.

89. Мы придали слову *фэй* 非 глагольный характер — «отвергать», хотя Карлгрен и Шаванн на основании комментария к *Шан шу* перевели два отрицания как категорическое утверждение «нет никого, кто бы не следовал за Небом».

90. Текст *Шан шу* представляется более ясным: «Приносите положенные жертвоприношения, но не роскошествуйте в дарах своим предкам». Исследование жертвоприношений иньцев по гадательным надписям привело ученых к выводу, что в Инь существовал сложный порядок жертвоприношений духам предков — от далекого Ди-ку вплоть до ближайших родичей. Прочно сложившейся системы таких подношений еще не было, они различались по объектам, по периодам. Это показал в своих работах Ван Го-вэй («Об иньских и чжоуских системах [жертвоприношений]», — *Гуаньтан цзилин*, т. 2, стр. 467—468). Поучения Цзу-цзи, помещенные в настоящей главе, отражают чжоускую критику иньских порядков в принесении жертв.

91. В *Ди ван ши цзи* встречается упоминание о том, что У-дин якобы имел другого, более способного сына Сяо-цзи, мать которого рано умерла. По наущению мачехи его сослали, и он погиб, о чем иньцы скорбели (ТПЮЛ, т. 1, стр. 392).

92. Кун Ань-го объясняет слово *юн* 彤 как название жертвы второго дня, которую приносили после первого жертвоприношения богу или предку. Гл. *Гао-цзун юн жи* сохранилась в дошедшем до нас тексте *Шан шу*, а гл. *Сюнь* утеряна.

93. В надписях на костях из Сяотуня вместо имени Гэн-дина встречается имя Кан-дина, а вместо имени его старшего брата Линь-синя стоит Цзи-синь (в некоторых надписях — Сюн-синь, поскольку гадания записывал его младший брат). В *Хань шу* (ХШБЧ, т. 2, стр. 1407) Линь-синь

именуется Фэн (Пэн)-синем. Налицо фонетические и иероглифические модификации одного имени.

94. Смерть У-и от удара молнии в представлении древних являлась наказанием Неба за совершенные им грехи и поношение Верховного владыки.

95. В надписях на гадательных костях имени Тай-дина не встречается, вместо него упоминается Вэнь У-дин. В *Чжу шу цзи нянь* стоит просто Вэнь-дин. Имя Тай-дина по генеалогии *Ши цзи* встречается среди иньских правителей дважды: сначала как преемника Чэн-тана, а вторично — здесь. Можно согласиться с Лян Юй-шэном, что в этом месте Сыма Цянь допустил ошибку.

96. Утверждение Сыма Цяня о деградации Иньского государства в период правления И некоторыми учеными оспаривается. Об этом писал Лян Юй-шэн, ссылаясь на данные *Шан шу:* «Ди-и был мудрым правителем, укрепившим Инь. Почему же считается, что с него Инь одряхлело? Эта запись в данной главе и в гл. *Сань дай ши бяо* ошибочна» (ЛЮШ, кн. 1, гл. 2, стр. 35). Ли Сюэ-цинь пишет: «Ди-и, совершая походы против племен *жэньфанов,* дошел до среднего течения реки Вэйшуй. Это был период наибольшего расцвета государства Шан» («Краткий очерк географии эпохи Инь», стр. 96). Очевидно, в распоряжении историка были источники, по-иному обрисовывавшие период правления Ди-и.

97. Из 3 гл. следует, что у Ци и Синя (или Чжоу) были разные матери, причем мать Ци, по-видимому, занимала положение обыкновенной наложницы. В *Люй-ши чунь-цю* Ци и Чжоу названы сыновьями одной матери. Когда они родились, мать была еще наложницей и лишь к моменту рождения третьего сына, Шоу-дэ (он же Чжоу-синь), стала законной женой правителя. Отец и мать хотели сделать наследником Ци, но этому воспротивился главный астролог, заявивший, что два старших сына рождены от наложницы. Вот почему наследником стал Чжоу (ЧЦЦЧ, т. 6, *Люй-ши чунь-цю,* стр. 111). Обе версии, по-видимому, имели хождение, и едва ли следует, подобно Хун Лян-цзи (1746—1809), отвергать историю, изложенную в *Люй-ши Чунь-цю,* как недостоверную.

Имя Синь было дано по дню рождения и передано, как и у большинства иньских ванов, циклическим знаком. Шоу-дэ — это «имя, данное на счастье» (*цзя-мин* 假名). Чжоу, по-видимому, появилось позднее и в конфуцианской литературе рассматривалось как посмертное имя.

98. Иероглиф *бянь* 辨 приравнивается здесь к иероглифу 辯 (другое *бянь*), что и отражено в переводе.

99. Предания о невиданной физической силе Чжоу встречаются и в других сочинениях. В сохранившихся фрагментах *Ди ван ши цзи* рассказывается, что Чжоу мог перетянуть одной рукой девять быков; пока он поддерживал крышу дома плечом, можно было сменить опорные балки, и т. д. (ТПЮЛ, т. 1, гл. 83, стр. 393).

100. Как сообщается в *Го юй,* Чжоу-синь встретился с Да-цзи во время похода на род Юсу-ши (ГЮ, *Цзинь юй,* кн. 2, стр. 90).

101. В *Хань Фэй-цзы*, в *Шуй цзин чжу* и других книгах вместо Ши-цзюаня стоит имя Ши-яня. По *Хань Фэй-цзи*, Ши-цзюань жил позднее и был советником вэйского Лин-гуна. Во время похода на Цзинь он попал к цзиньскому Пин-гуну, где вместе с советником последнего Ши-куаном «рассуждал насчет мелодий и музыки». Отвечая на вопрос Пин-гуна о музыке в Инь, Ши-куан сказал: «Эти [мелодии] созданы Ши-янем, ой для Чжоу сложил разнузданную музыку. Когда же У-ван покарал Чжоу-синя, Ши-янь сбежал на восток и на реке Пушуй покончил с собой...» (ЧЦЦЧ, т. 5, стр. 43).

Таким образом, в тексте 3 гл. вместо Ши-яня, жившего в Иньскую эпоху, поставлен чжоуский Ши-цзюань. Лян Юй-шэн считает, что в *Инь бэнь цзи*, как и в гл. *Гу цзинь жэнь бяо* в *Хань шу* (ХШБЧ, стр. 1411), допущена ошибка и следует писать Ши-янь.

102. Слово *бэй-ли* 北里 в тексте главы может быть переведено либо общим понятием «северные селения», либо названием конкретного места. В *Хуайнань-цзы* встречаем изложение этой же истории со словом *бэй-би* 北鄙 : «Уши слышали непристойную музыку из Чжаогэ и северных окраин» (ЧЦЦЧ, т. 7, *Хуайнань-цзы*, гл. 1, стр. 14). Слова *бэй-ли* и *бэй-би* употреблены в одном значении. Это доказывает, что нельзя говорить о названии определенного пункта, а следует передавать по смыслу — «северные, окраинные селения». В 28 гл. *Ши цзи* упоминается о продуктах, доставляемых для жертвоприношений из северных селений, что подтверждает избранный вариант.

103. Терраса или возвышенность Лутай, по *Цзи цзе*, была шириной в три *ли*, высотой в тысячу *чи* и находилась в самой столице Чжаогэ — в современном уезде Цзисянь в Хэнани. По всей вероятности, так называлось хранилище царской казны.

104. Шацю относят к северным по отношению к столице землям, где ван охотился и веселился. В современном делении связывается с юго-востоком уезда Цзюйлу в провинции Хэбэй.

105. Пытка огнем, по-китайски *паогэ* 炮格 или *паоло* 炮烙 . В *Ле нюй чжуань* рассказывается, что расположенный горизонтально медный столб намазывали жиром, а под ним разводили огонь, затем обвиненного в преступлении заставляли пройти по столбу, поскользнувшись, он падал на раскаленные угли.

106. *Сань гун* — три высших сановника. При династии Чжоу это были: *тайши* 太师 , *тайфу* 太傅 и *тайбао* 太保 ; при Ханьской династии: *дасыма* 大司馬 , *дасыту* 大司徒 и *дасыкун* 大司空 , ведавшие важнейшими областями деятельности: армией, общественными работами и наблюдением за согражданами. На костях слово *гун* употреблялось по отношению к первым правителям Инь, термин *сань гун* не найден.

107. Цзю-хоу в ряде сочинений (*Люй-ши чунь-цю* и др.) назван Гуихоу, что, по-видимому, объясняется фонетической близостью знаков 九 и 鬼 (см. ссылку на Сюй Гуана в *Цзи цзе* и у Лян Юй-шэна).

108. Этот эпизод упоминается и в гл. 83. (*Ши цзи*, т. 5, стр. 2463).

109. В *Хань шу* нет Э-хоу, он заменен Син-хоу (стр. 1412). В сунской книге *Лу ши*, составленной Ло Цинем, он назван одним из трех *гунов*, убитых Чжоу-синем. Это дало основание Лян Юй-шэну отождествить Э с Син. Если вспомнить, что в *Люй-ши чунь-цю* и *Хуайнань-цзы* появляется еще новый персонаж — Мэй-бо, которого постигает та же участь (*Люй-ши чунь-цю*,— ЧЦЦЧ, т. 6, стр. 276; *Хуайнань-цзы*,— ЧЦЦЧ, т. 7, стр. 32), то станет ясно, что легенды донесли до периода Чжаньго несколько различных описаний этих событий.

110. Юли 麦里 пишется также 牖里 (см. текст 83 гл. *Ши цзи*, стр. 2463). Описание заточения Си-бо встречается с некоторыми вариациями в *Чжаньго цэ*, *Люй-ши чунь-цю* и других трактатах. В книге *Хуайнань-цзы* подробно описываются добродетели и слава Вэнь-вана и озабоченность Чжоу-синя своей растущей изоляцией. Приводится большая речь Чун-хоу Ху, в которой трезво оцениваются способности Си-бо Чана и наследников и предлагается план его устранения (ЧЦЦЧ, т. 7, *Хуайнань-цзы*, стр. 201—202).

111. История с арестом Си-бо и его освобождением также имеет ряд противоречивых версий. Называются разные сроки его заключения: в одном случае сто дней (ШЦ, гл. 83, стр. 2463), в другом — семь лет (ШСЦ, т. 30, *Чунь-цю Цзо-чжуань чжэн и*, стр. 1613).

Сомнительно сообщение о том, что Си-бо после освобождения поднес свои земли Чжоу-синю. В *Люй-ши чунь-цю* эта история излагается иначе: «Чжоу, довольный службой Чана, приказал будущего Вэнь-вана именовать Си-бо и подарил ему земли в тысячу *ли*...» (ЧЦЦЧ, т. 6, стр. 87, гл. *Шунь минь*). Лян Юй-шэн справедливо замечает, что «к западу от реки Ло лежали коренные земли Чжоу-синя, так почему же Вэнь-ван (Си-бо) дарил их?» (ЛЮШ, кн. 1, стр. 39). Следовательно, в тексте *Ши цзи* здесь какая-то ошибка.

112. Э-лай — один из предков правителей Цинь. Он вместе с отцом *служил иньскому Чжоу и был убит Вэнь-ваном, как рассказывается далее*, в 5 гл. (ШЦ, т. 1, стр. 174).

113. Би-гань назван в ряде книг сыном вана, княжичем, но отец его неизвестен, на что обратил внимание еще комментатор *Мэн-цзы* Сунь Ши (ЧЦЦЧ, т. 1, *Мэн-цзы чжи и*, стр. 441). По предположению одних, Би-гань — брат Чжоу-синя и сын Ди-и, по мнению других, Би-гань и Вэй-цзы — младшие братья Ди-и.

114. Царство (или владение) Цзи в дальнейших главах *Ши цзи* названо царством Ши (т. 1, гл. 4, стр. 118) и Ци (т. 4, гл. 38, стр. 1607). В *аналогичном тексте Шан шу говорится о походе на царство Ли. Отождествлять* все названные царства, очевидно, нельзя, ибо в надписях на иньских костях встречаются и Ци и Ли.

115. Известную неясность вызывает употребление историком слова *цзяжэнь* 假人 . По словарю *Кан-си цзыдянь* (стр. 38), может подойти

лишь значение *да* — 大 «великий» и отсюда — «мудрый». В тексте гл. «Си-бо усмиряет Ли» в *Шан шу* употреблено слово *гэжэнь* 格人, для которого также могут быть взяты значения *чжи чжи* 致知 или *чжэн* 正 «мудрый, правильный». Мы исходили также из сочинения Ван Чуна *Лунь-хэн,* в котором сообщается: «...Цзу-и сказал: „Мудрые люди и большая черепаха не осмеливаются давать нам счастливые предзнаменования. Мудрецы не выдвигались, большая черепаха не предсказывала..."» (ЧЦЦЧ, т. 7, *Лунь-хэн,* стр. 236).

116. Выражение *бу ю ань ши* 不有安食 буквально означает «не иметь возможности спокойно питаться». Чжэн Сюань (*Цзи цзе*) относит эту фразу к народу. Так же переводит Шаванн (МИС, т. 1, стр. 205). Этот вариант принят нами. В то же время существует объяснение Кун Ин-да, который относит это выражение к «кормлению духов предков» (ШСЦ, т. 3, *Шан шу чжэн и,* стр. 346).

117. О Мэнцзине см. прим. 118 к гл. 2.

118. В гл. 4, 16, 32 *Ши цзи,* в *Чжу-шу цзи нянь* и в *Хань шу* говорится о двухлетней паузе перед походом на Чжоу-синя, но в сунской литературе утверждалось, что такой большой передышки не было (ЛЮШ, кн. 1, гл. 2, стр. 41).

119. В 4 гл. названы эти чиновники: *тайши* по имени Цы, *шаоши* по имени Цзян (т. 1, стр. 121). Должностей *тайши* и *шаоши* в надписях на костях пока не обнаружено (см. 15 гл. труда Чэнь Мэнь-цзя, стр. 503 — 522). Согласно классификации *Чжоу ли, тайши* и *сяоши* (вероятно, сходно с *шаоши)* руководили музыкой при жертвоприношениях (см. ШСЦ, т. 13, *Чжоу ли чжу шу,* кн. 3, стр. 839—848), т. е. подобные должности относятся к эпохе Чжоу.

120. Муе по современному делению находилось в уезде Цзисянь в провинции Хэнань.

121. Столица позднего Инь располагалась, как показали раскопки, в Хэнани, на берегах реки Хуаньхэ. На южном берегу находился дворец иньского вана, вокруг которого помещались жилища иньцев и мастерские; на северном берегу, в районе Угуаньцунь и Хоуцзячжуан, помещались захоронения ванов, знати, сотен убитых и захороненных с ними рабов. Общая площадь столицы с прилегающими к ней селениями составляла, по данным археологов, до 24 *кв. км* («Отчет о раскопках иньской столицы в 1958—59 гг.»,— «Каогу», 1961, № 2).

Чжоу-синь в «Исторических записках» охарактеризован в целом отрицательно. Историк последовал за чжоускими источниками, которые, вероятно, во имя возвеличивания чжоуских Вэн-вана и У-вана поносили последнего царя Инь. В 60-х годах нашего века в китайской литературе появились работы (Го Мо-жо, Чжу Жэнь-гуй), в которых ставится вопрос о пересмотре исторической роли Чжоу-синя, отмечаются его заслуги в освоении юга Китая и распространении иньской культуры. Но имеются и серьезные возражения ряда историков (Тан Лань, Гу-мин), кото-

рые напоминают о разорительных завоевательных войнах и отрицательных личных качествах Чжоу-синя, отраженных в древних книгах и преданиях.

122. В части списков *Ши цзи* перед словами «белое знамя» поставлено слово *да* 大 — «большой» (Мидзусава Тоситада указывает на самые старые издания *Гаошаньсы цан, Инфан Ши цзи чао,* 1347 г.; *Наньхуабэнь,* 1200 г. и другие,— КЧ ЦБ, т. 1, гл. 3, стр. 34). В следующей главе, четвертой, в аналогичном контексте также имеется знак *да*. В новом издании *Ши цзи* этот иероглиф внесен в текст, но заключен в скобки, что и отражено в нашем переводе.

Характеристику жестокого Чжоу-синя и добродетельного У-вана мы встречаем в *Чжу-шу цзи нянь, Мо-цзы, Сюнь-цзы* и в других книгах. Однако имеются характеристики У-вана, контрастирующие с традиционными. Такигава приводит отрывок из сочинений Ши-цзы, философа эпохи Чжоу, в котором У-ван изображается жестоким и злобным: «У-ван лично выстрелил в рот Э-лаю,— пишет Ши-цзы,— собственноручно размозжил шейные позвонки у иньского Чжоу и с руками, запачканными в крови, не отмывая их, стал кушать» (ХЧКЧ, т. 1, гл. 3, стр. 33). Конечно, для нравов диких племен в конце II тысячелетия до н. э. такая картина может быть вполне реальной, но для классических конфуцианских книг, рисующих лишь добродетели своих первых правителей, подобные описания были необычны.

123. Лу-фу — имя сына Чжоу-синя. У-гэн, по всей вероятности, официальное имя, под которым он должен был править. В новом издании *Ши цзи* между иероглифами У-гэн и Лу-фу поставлена запятая, что заставляет рассматривать эти имена как относящиеся к двум лицам. Однако об этом нет каких-либо сведений в комментаторской литературе.

124. Почему У-ван заботится о возвращении к принципам управления, применявшимся Пань-гэном, а не канонизированным предком иньцев Чэн-таном? Лян Юй-шэн советует искать ответ на этот вопрос в *Люйши чунь-цю,* где действительно имеется интересное описание обстановки тех веков, основанное, вероятно, на очень отдаленных преданиях. Сообщается, что У-ван решил спросить иньских старейшин о причинах гибели Инь: что говорит народ, чего народ хочет? Иньские старейшины на это ответили: «„Народ хочет, чтобы вернулось правление Цань-гэна". И тогда У-ван вновь установил порядок как при Пань-гэне...» (ЧЦЦЧ, т. 6, *Люйши чунь-цю,* гл. *Шэнь да лань,* стр. 160—161).

Этот рассказ может рассматриваться как свидетельство сохранившейся в конце II тысячелетия до н. э. роли старейшин племен, пережитков демократических институтов периода родового строя.

125. Гибель Чжоу-синя, последнего правителя Инь, знаменовала конец так называемой эпохи Шан-Инь и начало эпохи Чжоу.

Хронологические рамки эпохи Шан-Инь до сих пор точно не установлены. Начальный рубеж этой эпохи определяется условно XVIII—XVII вв. до н. э. О конечной же дате правления иньских ванов существуют раз-

личные выкладки. Сыма Цянь, как известно, свои хронологические таблицы начинает лишь с IX в. до н. э. Ханьский ученый Лю Синь (46 г. до н. э.—23 г. н. э.), опираясь на календарь *Сань-тун ли* и другие источники, определил дату покорения Инь чжоусцами, которая соответствует 1122 г. до н. э. Эта дата вошла в большинство традиционных сочинений (в XX в. ее поддержал Дун Цзо-бинь в исследовании иньского календаря *Инь-ли пу*). Обнаруженные в 281 г. н. э. «Бамбуковые анналы» — *Чжу-шу цзи нянь* (споры об их аутентичности продолжаются) дали хронологию более ранних периодов, по которой начало эпохи Чжоу соответствует 1050 г. до н. э. И-син (Чжан Суй), ученый эпохи Тан, базируясь на составленном им календаре *Да-янь ли*, поправил Лю Синя и вывел дату, соответствующую 1111 г. до н. э. Современный японский исследователь Ниики Синдзо (в труде *Сю-сёо нэндай*), вновь изучив все данные, остановился на дате 1066 г. до н. э. Разница определяется главным образом из различного расчета положения звезд пояса зодиака с учетом прецессии. При этом ученые руководствуются записью в *Го юй:* «У-ван нанес поражение Инь в то время, когда Юпитер находился в созвездии Шуньхо» (созвездие Шуньхо соответствует созвездию Гидры).

Современный западный синолог Г. Дабс, составив полный каталог лунных затмений района Аньяна на период 1400—1000 гг. до н. э. и исследовав затем иньские надписи с упоминанием подобных затмений, установил хронологическую границу Инь-Чжоу в 1027 г. до н. э. (H. Dubs, *The date of the Shang period...*).

Хронология, предложенная Дабсом, совпадает в основном и с эмпирическим подсчетом, который можно произвести по древним книгам *Цзо чжуань, Мэн-цзы* и по более поздней *Чжу шу цзи нянь,* так как в них упоминается период в 700 лет, предшествующий событиям Чжаньго. Часть ученых в настоящее время придерживается даты 1027 г. до н. э.

По затронутому вопросу появились работы Чэнь Мэн-цзя, Чжан Хунчжао, Чатли, Бишопа, Карлгрена и др. В советской литературе сводка различных мнений и расчетов приводится в книге Л. С. Васильева «Аграрные отношения и община в Древнем Китае» (стр. 221—230).

126. Как отмечалось в примечаниях к гл. 1, автор *Ши цзи* стремится применить титул «император» ко всем правителям древности, включая и легендарный период. Все иньские правители после Чэн-тана тоже именуются *ди*. Однако известно, что в чжоуских книгах титул *ди* почти не употреблялся. В *Шан шу* и *Ли цзи* для ранних периодов применяется титул *ван, а в Ши цзине* шанские правители называются *хоу* 后. О прежних правителях обычно говорится: *сянь-ван* 先王, *сянь-гун* 先公, *сянь-хоу* 先后.

Это подтверждается и надписями на гадательных костях, где гадание ведется только от имени вана. Иероглиф, расшифровываемый как *ди* 帝 и имеющий начертание , выступает в значении «верховный

владыка, божество» или «жертвы верховному владыке», что убедительно показано в работах Ху Хоу-сюаня «О жертвах четырем странам света», японского ученого Сима Кунио «Изучение гадательных терминов, связанных с жертвоприношениями» и Чэнь Мэн-цзя «Сводное исследование». С «верховным владыкой, высшим духом» иньцы связывали все хорошие и дурные явления. *Ди* повелевал и властвовал, персонифицируясь обычно в образе древнейшего предка иньского племени (Ди-цзюнь, Ди-куй).

Профессор Хоу Вай-лу считает, что «*Ди* в религиозных представлениях иньской эпохи означал дух родоначальника племени» («Общая история китайской мысли», стр. 83).

Таким образом, употребление титула «император» для иньского и более ранних периодов — позднейшая традиция. На несоответствие этой фразы в *Ши цзи* истинному положению дел обратил внимание еще Сыма Гуан (1019—1086), который в книге *Цзи гу лу* писал: «Коль скоро правителей не величали *ди*, каким образом можно порицать этот титул? На каком основании историк так написал?» (цит. по: ЛЮШ, кн. 1, стр. 43).

Представляется, что Сыма Цянь, копируя строй циньского и ханьского периодов, стал именовать «императорами» всех древних правителей, но, дойдя до чжоуского периода, о котором имелись уже неопровержимые источники с именами всех правителей, титулуемых только ванами, был вынужден вставить фразу о порицании императорского титула *ди*.

127. Гуань-шу по имени Сянь и Цай-шу по имени Ду — младшие братья У-вана. Старший брат поставил их, как сообщает историк в 4 гл., помогать Лу-фу управлять иньцами, а фактически контролировать действия сына Чжоу-синя и «упрямых» иньцев. Не случайно в *Цзо чжуань* встречается термин *сань-цзянь* 三監 — «три надзирателя», примененный к трем младшим братьям У-вана (третьим был Хо-шу по имени Чу).

128. «Гимны» — *сун* 頌 составляют четвертый раздел книги песен и гимнов *Ши цзин*. Это торжественные и хвалебные песнопения в честь духов предков и правителей древности. Из 40 гимнов дому Шан посвящено пять.

129. Как и в гл. 2, Сыма Цянь вновь подчеркивает здесь мысль о том, что потомки первых иньцев взяли названия своих владений в качестве фамильных источников. Такое совпадение родовых имен с географическими названиями известно для многих древних обществ и является одним из характерных признаков родо-племенных коллективов. Связь собственных имен и географических названий прослеживается отчетливо и в иньских надписях разных периодов (см. труды Го Мо-жо, Дин Шаня, Юй Син-у и других китайских ученых).

Число иньских родов не ограничивается теми семью названиями, которые приведены в эпилоге главы. Гадательные надписи многократно увеличивают их число. По выкладкам Ли Я-нуна, границы растущего Иньского государства простирались (в современном делении) на востоке

до реки Цзишуй в Шаньдуне, на западе — до провинции Шэньси, на севере — до Ичжоу в провинции Хэбэй и на юге — до Тунчэна в провинции Аньхуй, т. е. примерно на 500 *км* по горизонтали и вертикали (Ли Я-нун, *Жизнь иньского общества,* стр. 5).

130. В *Лунь юе* на вопрос, как управлять страной, Конфуций ответил: нужно пользоваться сяским календарем и ездить на иньских повозках (ЧЦЦЧ, т. 1, стр. 337—338). В *Ли цзи* говорится, что иньцы ставили на первое место белый цвет. Таким образом, в последней фразе, как отмечают комментаторы, Сыма Цянь соединил две реминисценции из разных конфуцианских канонов.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. Эпоха Чжоу (XI—III вв. до н. э.) занимает в истории Китая более семи веков. Гл. 4 Сыма Цянь посвящает истории чжоуского дома, но, как и в других случаях, начинает ее с древнейших времен и описывает постепенный подъем чжоуского племени со II тысячелетия до н. э., передавая предания о нем, существовавшие в эпоху Хань.

2. В легенде о Хоу-цзи, изложенной здесь Сыма Цянем, имеются противоречия, порожденные переплетением различных преданий. Сначала говорится, что у Хоу-цзи, как и у других легендарных персонажей эпохи матриархата, отсутствует отец, появление героя связано с историей о «непорочном зачатии»; но затем Цзян Юань объявляется старшей женой правителя Ку, что соответствует более поздним представлениям периода патриархата.

Считается, что чжоуские племена пришли в речные долины Центрального Китая из западных районов. Исследуя происхождение знака *цзян* 姜, входящего в имя Цзян Юань — прародительницы чжоусцев, современный историк Цзянь Бо-цзянь пришел к выводу, что в далекой древности иероглифы *цзян* 姜 и *цян* 羌 имели одинаковое начертание и означали название племени, занимавшегося скотоводством. На гадательных костях этот знак выглядел или , включая условное изображение барана и человека. Отсюда и вывод Цзянь Бо-цзяня: «Поскольку племя *чжоу* считало своей прародительницей женщину из племени *цян,* следовательно, оно само было ветвью этого племени...» (Цзянь Бо-цзянь, *Очерки истории Китая,* т. I, стр. 25).

3. Выражение *ай сян* 隘巷, переведенное «узкий проулок», означает вообще тропу или дорожку, по которой перегоняли скот (см. комментарий Кун Ин-да к *Ши цзину,*— ШСЦ, т. 9, *Мао-ши чжэн-и,* кн. 5, стр. 1427). А. А. Штукин перевел: «узкий загон для скота» («Шицзин», М., 1957, стр. 354), что несколько меняет смысл.

4. Намек на качества, якобы унаследованные сыном от мифического отца-великана.

5. Об этом говорится и в *Ши цзине:* «...Тай как наследственный дом получил он в удел...» (ШСЦ, т. 9, стр. 1431; русский перевод см.: «Шицзин», стр. 354). Географические словари относят Тай к современному уезду Угун провинции Шэньси.

6. Сообщение историка о принадлежности Хоу-цзи к другой родовой фамилии — Цзи требует объяснения, так как мать происходила из рода Цзян, отец неизвестен. Г. Хэлоун считает, что здесь отразился процесс объединения двух родственных коллективов в результате «династического» союза и канонизации Хоу-цзи в качестве общего предка-героя (J. Haloun, *Contributions to the History of clan cettlement in ancient China).*

Л. С. Васильев выдвинул свою трактовку, которая формулируется так: «...чжоуское племя на ранних ступенях своего развития представляло собой совокупность двух экзогамных родов (Цзи и Цзян), составлявших вместе одно эндогамное целое. Вождем в этом племени был сын женщины из рода Цзян... Позже... вожди чжоусцев, по-прежнему оставаясь сыновьями женщин из рода Цзян и считаясь потомками Хоу Цзи, принадлежали уже к роду своего отца — к Цзи» (Л. С. Васильев, *Аграрные отношения...,* стр. 87—95).

7. Т. е. при Яо. Шуне и Юе.

8. Сыма Цянь стремится известный ему материал легенд представить в виде конкретной картины труда и борьбы, т. е. историзует мифы и легенды. Таков и рассказ о Хоу-цзи, Бу-ку и Гун Лю, отражающий, по-видимому, сложный этап перехода чжоусцев к земледельческому труду Кажущееся правдоподобие, однако, нарушается тем обстоятельством, что Хоу-цзи как конкретная личность не мог служить всем трем легендарным правителям Яо, Шуню и Юю в течение сотен лет. Если Хоу-цзи именовать помощником Шуня, а дела его сына Бу-ку связывать с концом эпохи Ся и началом Шан, то между отцом и сыном окажется период, превышающий тысячелетие. Историк, видимо, не мог избежать подобных ситуаций для легендарных эпох.

В имени Бу-ку, как указывает Мидзусава Тоситада, в ряде списков вместо *ку* 嚳 стоит *чжу* 宮.

9. В *Ши бэнь* (вариант Ван Мо, стр. 8), в *Го юй* и в комментариях к *Ши цзину* сына Бу-ку именуют Цзюй-тао. Но здесь и в 13 гл. *Ши цзи* (т. 2, стр. 490), а также в *Хань шу* (ХШ БЧ, т. 2, стр. 1392) — просто Цзюй. Можно предполагать, что первоначально существовало двойное имя, вторая часть которого могла быть со временем утрачена.

10. Реки Цишуй и Цзюйшуй — притоки Вэйхэ (см. гл. 2, прим. 96). Чжоусцы перешли в это время на юг и, переправившись через реку Вэйхэ, достигли Наньшаньских гор, где росли обширные леса. Имеется в виду использование лесных материалов — *му цай* 木材 .

11. Свидетельством такого прославления служит «Ода князю Лю» в *Ши цзине,* посвященная заслугам Гун-лю в улучшении земледелия и

увеличении богатств народа (*Шицзин*, III, 2, 6, — ШСЦ, т. 9, стр. 1488—1501).

Великодушен князь — преславный Лю!
Он отдыха не знает от работ:
Межи в полях, черты границ ведет,
С полей в амбары жатву соберет...
(«Шицзин», стр. 364).

12. Из упомянутой выше оды мы узнаем, что чжоусцы поселились в Бинь еще при Гун-лю. Бинь находилось в современном уезде Сюньисянь в провинции Шэньси. Этот уезд расположен к северо-западу от Сиани и р. Вэйхэ, на самой границе с Ганьсу. Таким образом, после переправы на юг через Вэйхэ чжоусцы должны были совершить обратный переход через Вэйхэ на север, в район нового центра Бинь.

13. Янь Ши-гу дает чтение иероглифа 差 как *Чи* (ХШ БЧ, т. 2, стр. 1399). Имя Хуй-юя имеет различное написание. В данной главе *Ши цзи*, в 20 гл. *Хань шу* (т. 2, стр. 1400), в *Го юй*, в *Ши бэнь* (вариант Лэй Сюэ-ци, ч. I, стр. 10) стоит знак 隤, в 13 гл. *Ши цзи* (т. 2, стр. 491) — 濞, в *Ши бэнь* (вариант Мао Пань-линя) 撓. Лян Юй-шэн основным считает иероглиф 撓, а остальные знаки неправильными дериватами последнего (ЛЮШ, кн. 2, гл. 3, стр. 3).

14. В текстах *Ши цзи* и *Ши бэнь* при общем совпадении генеалогии чжоуских правителей существуют некоторые различия в именах. К именам Гун-фэя, Гао-юя и Я-юя в *Ши бэнь* (вариант Лэй Сюэ-ци) добавлено по два знака: Гун-фэй Пи-фан 公非 辟方 Гао-юй Хоу-моу 高圉 侯侯 (*или* 夷俟) и Я-юй Юнь-ду 亚圉 雲都. Можно подумать, что это их прозвища, но в 20 гл. *Хань шу* Пи-фан назван сыном Гун-фэя; И-сы (он же Хоу-моу) — сыном Гао-юя, а Юнь-ду — младшим братом Я-юя (ХШ БЧ, т. 2, стр. 1402—1404). По-видимому, в разных районах страны существовало несколько вариантов генеалогий, передававшихся устно и письменно и зафиксированных источниками.

15. Все северо-западные некитайские племена в древних источниках объединяются под общим названием *жун-ди*, различаясь по отдельным ветвям. Одной из этих ветвей были племена *сяньюй* или *сюньюй*, о которых упоминается также в книге *Мэн-цзы* (ЧЦЦЧ, т. I, *Мэн-цзы чжэн и*, стр. 66).

16. Перевод этих слов мы связываем с текстом *Цзо чжуань*, где сказано: «...Небо порождает народ и ставит ему правителя, с тем чтобы он был ему пастырем, и народ не теряет свое естество...» (ШСЦ, т. 30, стр. 1317, 14-й год Сян-гуна; об этом же т. 28, стр. 788, 13-й год Вэнь-гуна). Поэтому слово *ю* 有 в *Ши цзи* по смыслу приравнено к *шэн* 生 — «рождать, появляться» в *Цзо чжуань*.

17. Учитывая крайнюю отдаленность эпохи, мы выбрали нейтральный, лишенный социальной окраски перевод термина *сышу* 私屬. Дословно *сышу* означает «лично подчиненные, принадлежащие» и включает слуг, домочадцев, челядь и рабов. Фань Вэнь-лань понимает этот термин как «семья и личные рабы» («Древняя история Китая», стр. 68).

Переезд Дань-фу и создание на новом месте (примерно в 120—130 *км* к западу от современной Сиани) центра чжоусцев, получившего наименование Чжоуюань, совпадает по времени с правлением иньского вана Сяо-и и условно относится к 1327 г. (см.: Чжан Цинь, *Общая история Китая*, т. I, стр. 224). Этот эпизод освещен также в главе *Жан-ван* в трактате *Чжуан-цзы* (ЧЦЦЧ, т. 3, *Чжуан-цзы цзи цзе*, гл. 8, стр. 188).

18. Пять управлений *у гуань* 五官 следует рассматривать как самое общее указание на расширение функций власти чжоуского дома (вождя). В надписях на ранней бронзе также нельзя обнаружить четкого разграничения обязанностей между помощниками *гуна*. Схема *Ли цзи* с пятью чинами: *сыту, сыма, сыкун, сыкоу, сыши*, приводимая обычно в комментариях, относится уже к более развитому чжоускому государству.

19. Гу-гун Дань-фу считается одним из создателей дома Чжоу, получившим посмертный титул Тай-ван, т. е. Великий ван. Его роль и заслуги воспеты в одах и гимнах *Ши цзина:* «Посещение храма», «Гимн Тай-вану» и др. В «Посещении храма» говорится:

Внука оставил преславный Зерно-государь —
Это Тай-ван был, великий наш предок и царь.
Он поселился на юге от Циской горы,
Шанское царство он стал подрывать в те поры.
Позже Вэнь-ван воцарился, за ним и У-ван,
Подвиг они продолжали, что начал Тай-ван.

(«Шицзин», стр. 453—454).

Археологические исследования, данные письменных источников говорят о том, что на рубеже XIV—XIII вв. до н. э. наступает новый этап в развитии чжоуского племени. Усилившиеся контакты с иньцами, выход чжоусцев в более богатые районы привели к заимствованию ими многих передовых институтов и навыков труда. Это прежде всего коснулось земледелия. Предания о Хоу-цзи, Гун-лю и Дань-фу, связанные с достижениями чжоусцев в земледелии, отражают действительные процессы истории племен *чжоу*.

20. Отсутствие упоминания о матери старших сыновей Гу-гуна и последующая передача ими власти младшему сыну дали основание средневековым китайским историкам высказать предположение о том, что у трех братьев были разные матери (см. комментарий Кун Ин-да к *Цзо чжуань*,— ШСЦ, т. 28, стр. 496).

21. Тай-жэнь была девушкой из знатного иньского рода. В оде *Ши цзина* говорилось:

Князем был Чжи, говорят, его средняя дочь,
Жэнь по прозванью, в Инь-Шан появилась она.
К нам она в Чжоу пришла, чтобы супругою стать,
Жить она стала в столице как Ван-Цзи жена...

(«Шицзин», стр. 332).

Дальновидный вождь чжоусцев Дань-фу понимал необходимость более крепкого союза с могущественным Иньским государством, поэтому и устроил этот брак. Установление династических межплеменных связей с домом Инь сыграло, как полагают, известную роль в росте чжоуского могущества.

22. Всех жителей южных районов называли общим словом *мань* 蠻, не различая их по племенам. Название Цзии 荆 появилось в середине I тысячелетия до н. э. в применении к землям княжеств Чу, У, Юэ. В данном случае употреблено двойное наименование разновременного состава *цзин-мань*, т. е. «южные варвары в цзинских землях».

23. Цзи-ли, он же Ван-цзи и Гун-цзи, правил около тридцати лет. В *Чжу-шу цзи нянь* имеются упоминания о визите Цзи-ли к иньскому вану У-и, о его походах против *жунов* при Вэнь [У]-дине (в 1189, 1187, 1184, 1180 гг. до н. э. по традиционному исчислению). Когда же после победы Цзи-ли прибыл к иньскому вану и принес ему в дар трех пленных предводителей *жунов*, Вэнь-дин убил его (*Чжу-шу цзи нянь*, гл. 6), по-видимому, опасаясь соперничества. Все эти моменты, нашедшие отражение в тексте «Бамбуковых анналов», в *Ши цзи* отсутствуют.

Не до конца решен вопрос о транскрипции имен ранних чжоуских правителей и о семантике их составных частей. В китайские имена, особенно в посмертные титулы вождей и правителей, часто в качестве органических частей входят потерявшие семантическую окраску термины родства (*фу, бо, цзу, чжун, шу* и др.) или звания и титулы — *ди* (Хуан-ди, Ди-ку), *ван* (Вэнь-ван, Ван-цзи), *гун* (Гун-гун, Гун-цзи), *бо* (Тай-бо, Бо-и) и т. д. Второй сын или брат в семье обычно имеет в имени слово *чжун* 仲, третий сын или брат имеет в имени *шу* 叔, а младший — *цзи* 季. Этот порядок отражен в именах сыновей Гу-гуна: Тай-бо, Юй-чжуна, Цзи-ли.

Ввиду трудности выделения звания, титула и термина родства из состава имени нами принят принцип включения в состав имени всех компонентов. В противном случае имя Гун-цзи, например, следовало бы передавать «*гун*, младший в роду».

24. Чан, получивший титул Си-бо — «Повелителя Запада» и посмертно названный Вэнь-ваном — «Просвещенным царем», правил, по

данным летописей, около полувека. Это были годы непрерывного роста влияния Чжоу. Укрепив армию, объединив вокруг Чжоу ряд племен и царств, Вэнь-ван сумел подготовить решающую атаку на ослабленное государство Инь.

Образ Вэнь-вана, его деяния позднее были канонизированы в древней историографии, что нашло свое отражение и в данной главе. Вэнь-вану посвящено много гимнов и од *Ши цзина,* что подтверждает важность роли этого чжоуского вождя в становлении чжоуской государственности.

Этот титул неоднократно упоминается и в раннечжоуских надписях на бронзе, например на сосуде *Да-юй-дин* 大盂鼎 (Го Мо-жо, *Исследование надписей,* стр. 13—14), причем иногда он пишется с ключевым знаком *юй* — нефрит. Гу Цзе-ган, исследуя *Шан шу,* и в частности гл. «Великое обращение», установил, что из-за сходства древних начертаний упоминаемые в *Шан шу* имена Нин-вана, Нин-у должны относиться тоже к Вэнь-вану («Лиши янь-цзю», 1962, № 4, стр. 35).

Упоминание Чана — Вэнь-вана во многих письменных источниках I тысячелетия до н. э. и памятниках материальной культуры позволяет считать, что в образе Вэнь-вана воплощены черты реально действовавшей исторической личности с учетом элементов преувеличения и выдумки.

25. Мы рассматриваем слова *ли* 礼 и *ся* 下 как два глагола «уважать и склоняться» с дополнением *сяньчжэ* (так и у Шаванна,— МИС, т. I, стр. 217). Слово *ся* можно интерпретировать и как прилагательное, т. е. «мудрецы, не занимающие высокого положения».

26. Бо-и и Шу-ци — сыновья правителя царства Гучжу (подробнее см. гл. 61 *Ши цзи,* т. 5, стр. 2123). Царство Гучжу занимало территорию уезда Лулун в Хэбэе и уезда Чаоян в Жэхэ (словарь *Ди-мин да-цыдянь,* стр. 448; далее — ДМДЦД).

27. Хун-яо стал верным помощником Си-бо и позднее способствовал его освобождению из заточения. Юй-цзы, по сообщению Лю Сяна в книге *Бе лу,* владел землями в Чу. Синь-цзя служил иньскому Чжоу-синю, но так как последний не следовал его советам, бежал в Чжоу и был назначен на высокий пост *(Цзи цзе,*— ШЦ, т. I, стр. 116).

28. *Лижуны* — название одного из северо-восточных племен, проживавших рядом с чжоусцами в Шэньси.

29. Юй и Жуй — названия небольших царств, соседствовавших с Чжоу, Юй находилось в современном уезде Пинлу, а Жуй — в современном уезде Жуйчэн провинции Шаньси.

30. История с посланцами царств Юй и Жуй в разных вариациях встречается во многих доханьских конфуцианских сочинениях и в более поздних компиляциях. Идиллически изображая общественный строй Чжоу, они были призваны оправдать завоевание Инь.

31. *Цюаньжуны* — название одного из северо-западных племен. Они назывались также *цюаньи* или *куньи.* Упоминаются в *Хань шу,* в *Чжу-шу цзи нянь* и других древних книгах.

Мисюй или просто Ми находилось на территории уезда Линтай провинции Ганьсу.

32. Царство Юй находилось в современном уезде Циньян провинции Хэнань. В *Шан шу да-чжуань* военные действия против царства Юй отнесены на год ранее похода на Мисюй.

33. Перенос столицы или ставки чжоуского правителя на восток рассматривается как мера подготовки Си-бо к столкновению с иньцами. Как свидетельствуют археологические раскопки и памятники материальной культуры, раннечжоуская столица Фэн находилась в 25—30 *км* к югу от современного города Сиань в провинции Шэньси.

34. У-ван — победитель иньцев, одна из столь же чтимых, как и его предшественник Вэнь-ван, фигур чжоуского пантеона. Правил, по традиционной хронологии, в 1027—1025 гг. до н. э. Его имя тоже пишется нередко с 96-м ключом 玉王 (на упоминавшемся сосуде *Да-юй-дин,* на сосуде *Не-гуй,* обнаруженном в 1954 г. в Цзянсу, и др.).

35. *Ба-гуа* 八卦 — восемь тройственных *гуа,* состоящих из возможных чередований трех цельных и прерванных черт. Из восьми триграмм удвоением рядов линий до шести были составлены 64 *гуа* — гексаграммы, составлявшие полный набор древних гадательных комбинаций. Восемь триграмм — символов — соотносились каждая с каким-либо явлением или понятием (небо, земля, огонь, гром, ветер, вода, горы, страна света, определенное животное, часть человеческого тела и т. д.). На основе сложных взаимосвязей между линиями, гексаграммами и соотнесенными с ними понятиями оракулы предсказывали судьбы людей.

Традиция приписывала создание восьми триграмм легендарному Фу-си, увеличение их до 64 гексаграмм и толкование комбинаций и отдельных линий — Вэнь-вану и Чжоу-гуну, а создание полного толкования к ним, известного под названием «Десяти крыльев» 十翼,— Конфуцию.

Символика триграмм и гексаграмм раскрывается в древней книге *Ицзин* («Книга перемен»).

Сыма Цянь в целом воспринял созданную до него традиционную версию о роли Вэнь-вана и Конфуция в создании *Ицзина* (см. также гл. 47,— ШЦ, т. 4, стр. 1397).

Гадания были распространены в Китае, как и у других народов, в самой далекой древности. Гадания на костях животных в эпоху Инь — самый древний из дошедших до нас обрядов. На рубеже II и I тысячелетий до н. э. появляется обряд гадания с помощью символов — комбинаций черт, который, усложняясь, складывается в определенную систему предсказаний, записанную в период Чуньцю в «Книге Перемен». Конфуций не считал *Ицзин* выражением своих идей, и только в III—II вв. до н. э. она зачисляется конфуцианцами в число *цзинов* — канонов (подробнее см.: Ю. К. Щуцкий, *Китайская классическая «Книга перемен»*).

36. Согласно *Ди-ван ши цзи,* Си-бо стал ваном на 42-м году пребывания у власти. По *Ши цзину,* ему в это время было 89 лет.

Объявление Си-бо ваном при наличии законного государя являлось нарушением установленного порядка и в некоторых комментариях осуждается *(Чжэн и)*. Сыма Цянь, по-видимому, еще не был скован этими догмами.

37. Мидзусава Тоситада отмечает, что в десяти самых старых сунских и юаньских списках *Ши цзи* вместо цифры 10 стоит 7 (КЧЦБ, гл. 4, стр. 19), а в древних текстах цифры 10 и 7 из-за сходства в начертании часто путаются.

38. В конфуцианском каноне *Чжун юн* присвоение посмертных титулов приписывается Чжоу-гуну, т. е. отнесено к более позднему времени.

В переведенном выше абзаце в четырех случаях встречается слово *гай* 蓋. Это выражает, как нам представляется, сомнение Сыма Цяня, его неуверенность в точности описываемых событий.

39. Тай-гун по имени Ван, он же Люй-шан. Подробнее о нем см. гл. 32 (ШЦ, т. 4, стр. 1477).

40. Слово *ши* 师 нами в соответствии с разбивкой фразы у Гу Цзегана взято в глагольном значении «подражать». В японском издании (Такигава, т. I, стр. 248) это слово отнесено к предыдущей фразе, т. е. Чжао-гун и Би-гун помогали в управлении войсками.

41. Существует два объяснения слова *би:* 1. Би — название звезды, которая, по древним верованиям, покровительствовала военным делам и которой перед походом обычно приносили жертвы (畢 — одно из 28 созвездий древней китайской астрономии); пятая звезда созвездия называется Альдебаран — звезда альфа созвездия Тельца, красноватого цвета. Именно она могла служить объектом поклонения. Подтверждает такое толкование 60 гл. *Хоу Хань шу*, где рассказывается о том, как У-ван перед походом на Чжоу[-синя] принес жертвы звезде Би, прося помощи у Неба *(Хоу Хань шу,* гл. 60); 2. Би — это название места, где находилась могила Вэнь-вана (комментарий *Цзи цзе)*.

42. О Мэньцзинь см. прим. 118 к гл. 2.

43. *Мучжу* 木主 *или шэньчжу* 神主 — деревянная табличка в память предка с надписью. Перед ней совершались жертвоприношения.

44. Слово *чжу-цзе* 諸节, по Ма Юну, понимается как все те должностные лица, которым государь вручал верительные бирки, свидетельства и регалии власти, облекая их известными полномочиями (ХЧКЧ, т. I, гл. 4, стр. 19).

45. В ряде древних ксилографов и списков вместо *ли* 立 стоит *ли* 力 (Мидзусава Тотитада указывает 15 самых древних ксилографов с таким написанием. См. КЧЦБ, т. I, гл. 4, стр. 21), что существенно не меняет смысла.

Следуя за разбивкой фраз у Такигава, слово *чэнь* 臣 мы связали с *сяо-жэнь* 小人 — «я, недостойный». Сюй Гуан указывает, что в некоторых текстах вместо *чэнь* стоит *юй* 予, что оправдывает принятый перевод. В новом издании *Ши цзи* слово *чэнь* отнесено к *дэ* — «добродетели»,

что совершенно меняет смысл фразы. В этом случае перевод должен быть: «Я не обладаю знаниями, но потому, что мои предки имели добродетельных чиновников...». Второй вариант представляется менее логичным.

46. Ши Шан-фу — прозвище Люй-шана (Тай-гун Вана), который был наставником У-вана. По объяснению ханьского Лю Сяна, это прозвище возникло в связи с тем, что У-ван считал Люй-шана своим учителем 师, почитал его превыше всех 尚 и относился к нему как к отцу 父 *(Цзи цзе)*.

47. Белый цвет считался символическим цветом иньского дома. Рыба, покрытая чешуей, издавна символизировала армию, одетую в латы. Притча о белой рыбе, неожиданно упавшей к ногам У-вана, по толкованию чжоуских оракулов, должна была предвещать поражение иньской армии.

Красный цвет считался символическим цветом Чжоу, а огонь — стихией, покровительствующей дому Чжоу. Отсюда притча об огне и красном вороне, встречающаяся также в *Чжу-шу цзи нянь*. Лян Юй-шэн и Такигава считают, что эти легенды распространились в народе в начале эпохи Хань.

48. Как явствует из данной главы и из гл. 32, У-ван пошел походом на восток, чтобы заручиться поддержкой со стороны князей и вождей племен в борьбе с Чжоу-синем (т. 4, стр. 1479). Более 800 *чжухоу,* не дожидаясь призыва, собрались у Мэньцзиня, выразив тем самым недовольство господством Инь. После этой военной демонстрации, не считая себя еще готовым к решительному бою, У-ван вернулся обратно. Окончательный удар был нанесен Инь только через два года.

49. Слова «повинуясь [посмертной воле] Вэнь-вана» в современном тексте не включены в прямую речь и начинают новую фразу. Однако их можно отнести и к окончанию речи У-вана (как сделал Шаванн).

50. *Хубэнь* 虎賁 — храбрецы, удальцы, букв. «отважные, как тигры». По *Чжоу ли,* это была своеобразная гвардия царя, охранявшая самого вана и его дворец (ШСЦ, т. 13, *Чжоу ли чжу-шу,* кн. 3, стр. 1124).

51. В древних книгах и у самого Сыма Цяня называется различная численность армии У-вана. Здесь упоминаются 3000 удальцов, в *Шан-шу* их только 300 (ШСЦ, т. 3, стр. 375). Здесь — 45 тыс. латников, в 69 гл. *Ши цзи* вся армия насчитывает 30 тыс. (ШЦ, т. 5, стр. 2247).

Из «Диалогов» Ли Вэй-гуна и других военно-исторических сочинений известно, что легкой боевой колеснице придавалось 75 человек, а тяжелой «оборонительной» колеснице — 25 человек. В комментариях к переводу трактата Сунь-цзы Н. И. Конрад пишет: «Каждой легкой колеснице придавалась тяжелая, так что основное соединение древней китайской армии состояло из двух колесниц — легкой и тяжелой — и 100 человек строевого и нестроевого состава. По этому принципу происходило все формирование армии» (Н. И. Конрад, *Сунь-цзы,* стр. 83). Таким образом, триста колесниц, если исходить из более поздних классических норм, требовали три-

дцатитысячной армии. Однако условность таких подсчетов для раннечжоуского времени очевидна.

52. Предлагаемый перевод основан на современной пунктуации, выделяющей четыре знака, следующие за словом *юэ*, в качестве речи самих *чжухоу*. В комментарии *Чжэн и* отмечается, что иероглиф *юэ* 曰 — «говорить» может рассматриваться и как ошибочная запись *жи* 日, тогда смысл фразы меняется и перевод должен быть: «все владетельные князья собрались и ежедневно являлись к У-вану без лености».

53. *Сань чжэн* 三正 в данном контексте — три основы бытия. По комментарию к *Шан шу*, это верные пути развития трех основ: Неба, Земли, Человека. Другое часто встречающееся значение — три системы отсчета начала года: с 11-й луны под знаком *цзы* 子, принятой при династии Чжоу; с 12-й луны под знаком *чоу* 丑, принятой при династии Шан; с 13-й луны под знаком *инь* 寅, принятой в эпоху Ся.

54. В тексте стоят слова *мэй-шуан* 昧爽 — «перед рассветом» и затем *чжао* 朝 — «утро». Вполне возможно, что в текстах *Ши цзи* и *Шан шу* пропущено слово «выступил, выехал» — *чу* 出, т. е. выступив перед рассветом, У-ван с войсками ранним утром достиг Муе.

Относительно Муе см. прим. 120 к гл. 3.

55. *Хуан-юэ* 黃鉞 переведено нами «желтая секира». Слово *юэ* писалось 戉 и означало, по *Шо-вэнь*, боевой топор на длинной рукояти (см. также: Чжоу Вэй, *Очерки истории боевого оружия Китая*, стр. 106). Кун Ань-го считает, что секира была отделана золотом. Но, учитывая сравнительную бедность чжоусцев к этому времени, можно предполагать, что на ней было не золото, а желтая краска — символ стихии земли.

56. После *сыту, сыма* и *сыкуна* — троицы высших сановников (*сань цин*) — в тексте *Ши цзи* и *Шан шу* следуют *люйя* 旅亚 и *ши-ши* 师氏. По толкованию Кун Ань-го, *люйя* — множество второстепенных чиновников, следующих по рангам за *цинами*.

Однако уже в иньских гадательных надписях встречается чиновничья должность *я*, а в западночжоуский период — чины *хоу-я, хоу-люй* 侯亚, 侯旅. Коль скоро термины *я* и *люй* упомянуты отдельно от слова *хоу*, есть основание предположить, что вначале эти два слова обозначали две должности, и только позднее *я* и *люй* стали употребляться вместе для обозначения чиновников средних рангов.

Ши-ши, судя по классификации *Чжоу ли*, чины, руководившие охраной дворца.

57. Указанные восемь царств — союзники У-вана, помогавшие Чжоу в разгроме Инь. Все они находились южнее и юго-западнее основных земель чжоусцев: Юн — южнее р. Хань в Хубэе, Шу — в Сычуани, Цян — в западной Сычуани, Моу и Вэй — в восточной Сычуани, Лу и Пэн — на землях Хубэя, Ганьсу и Шэньси, Пу — южнее Янцзы. Союз с этими племенами свидетельствовал об умелой политике чжоуского вана, сумевшего использовать всех недовольных иньским правлением.

58. Нами взято для *со* 棗 значение «конец, гибель». Однако в комментариях к *Шан шу* Ян Цзюнь-жу считает, что *со* может равняться *си* 膝 , ибо в *Ицзине* в толкованиях *Чжэнь-яо цы* приводятся одинаковые по смыслу иероглифов пары: *си-си* 膝膝 , *су-су* 蔌蔌 , *со-со* 棗棗, которые означают беспокойство, тревогу, ошибку (Ян Цзюнь-жу, *Исследование и комментарий к Шан шу*, стр. 134). Приняв это, мы должны были бы изменить перевод пословицы: «...жди неприятности дому».

59. *Хуань хуань* 桓桓 означает «воинственный, грозный», отсюда и перевод фразы, по смыслу которой У-ван для устрашения противника призывает воинов продемонстрировать внешнюю воинственность, игравшую в древних битвах немалую роль.

60. Слово *ли* 離 приравнивается к *чи* 螭 — «дракон желтого цвета» (в *Хоу Хань шу* в аналогичной цитате употреблен знак *чи*).

Три иероглифа 于商郊 *юй Шан цзяо* — «...в окрестностях [столицы] Шан» (имеется в виду Чаогэ) — могут быть равным образом отнесены как к предыдущей, так и к последующей фразе, в зависимости от логического ударения. Шаванн (т. I, стр. 232) и Карлгрен в аналогичном месте *Шан шу* (стр. 29) остановились на втором варианте.

61. Ранее говорилось о трехстах колесницах и 48 тыс. воинов, с которыми У-ван выступил против Инь. Если учесть 4 тыс. колесниц союзных племен, вся армия У-вана могла составить 500 тыс. воинов. Таким образом, армия Чжоу-синя превышала армию У-вана на 200 тыс. человек. Разумеется, следует критически подходить к указанным цифрам, на что указали еще Лян Юй-шэн (кн. 2, гл. 3, стр. 14), Легг в переводе *Шан шу* (т. 3, ч. 2, стр. 315) и др.

62. Словосочетание *чжи ши* 致师 (равнозначное современному *тяо чжань*) означает «вызывать на бой, завязывать бой». Согласно *Чжоу ли*, этими действиями руководил *хуаньжэнь* 環人 (ШСЦ, т. 13, *Чжоу ли чжу шу*, кн. 3, стр. 1091). Аналогичный эпизод встречается и в *Цзо чжуань* (ШСЦ, т. 29, стр. 932). Подобные приемы ведения боя известны из древней истории многих народов.

63. *Да-цзу* 大卒 нами передано в самой общей форме — «главные, основные силы». По *Чжэн и, да-цзу* — соединение в составе 350 боевых колесниц и 26 250 воинов. Но это либо более позднее структурное построение, либо вообще умозрительный подсчет.

64. Судя по несколько отличающемуся тексту главы *У чэн* в *Шан шу*, передние ряды иньских воинов повернули оружие против своего же второго эшелона и вынудили тех бежать (ШСЦ, т. 3, *Шан шу чжэн и*, кн. I, стр. 386). Поэтому победа У-вана была быстрой и легкой.

В современных трудах высказывается мнение, что в армии Чжоу-синя были собраны рабы и пленные, которые восстали (см. Шан Юэ, стр. 33 и др.).

65. О Лутае см. прим. 103 к гл. 3.

66. Перевод последней фразы зависит от избранной пунктуации.

Если поставить точку после слова *цун* 从 — «следовать», как это сделано в новом издании *Ши цзи* (стр. 124), то получится: «...и *чжухоу* все [покорились] ему, после чего У-ван направился в столицу...» Однако представляется более обоснованным рассматривать имя У-вана как дополнение к глаголу *цун*, а точку поставить после слов *Шанго* 商國, что и нашло свое отражение в переводе. Так же разделен абзац у Такигавы (гл. 4, стр. 26) и у Шаванна (т. I, стр. 234).

67. Сыма Чжэнь высказал сомнение в правдивости свидетельства *Ши цзи* о поклоне У-вана в ответ на земные поклоны шанцев. Комментатора смутило то обстоятельство, что У-ван, ответивший князьям лишь легким поклоном, низко склонился перед побежденным народом. Поэтому Сыма Чжэнь, а за ним Лян Юй-шэн (ЛЮШ, кн. 2, гл. 3, стр. 14) считают это ошибкой историка.

На наш взгляд, такое внешнее почтение У-вана к старейшинам иньцев могло быть рассчитано на привлечение широких масс иньцев.

68. Как показали раскопки и исследования новейшего времени, мечи, о которых здесь говорится, могли реально появиться много позднее, только во второй половине эпохи Чжоу (Чжоу Вэй, *Очерки по истории боевого оружия Китая*, стр. 63).

69. В цитате из утраченной книги *Ди-ван ши цзи*, с которой знакомит энциклопедия *Тайпин юй-лань* (ТПЮЛ, т. I, гл. 84, стр. 398), говорится, что головы у трупов рубил не сам У-ван, а его *гуны*. Лян Юй-шэн приводит любопытное описание тех же событий философом Цзя-цзы, который в главе *Лянь-юй* рассказывает, что народ догнал и растерзал бежавшего Чжоу-синя, а У-ван с почетом похоронил его останки.

70. В современных текстах *Ши цзи* после наречия *цзе*, вероятно, ошибочно стоит знак *цзин* 經. В ряде списков XII—XIV вв. в этом месте пишется иероглиф *дяо* 絞 — «повеситься», что отвечает ходу событий и принято в переводе (см.: Мидзусава Тоситада, кн. I, гл. 4, стр. 29. Иероглиф *дяо* имеется в списках Ин-фан 1347 г., Нань-хуа 1195 г. и др.).

71. *Хань ци* 罕旗 — одно из знамен, которые несли впереди шествовавшего куда-либо правителя.

72. В 35 гл. *Ши цзи* он назван Цао-шу Чжэнь-до (т. 4, стр. 1563).

73. *Чан-чэ* 常車, по комментарию к *И Чжоу шу*, равноценно *вэйи-чэ* 威仪車 — «церемониальная колесница».

74. В 33 гл. *Лу ши цзя* малую секиру держит Чжао-гун (т. 4, стр. 1515).

75. Предлагаемый перевод основан на традиционном членении фраз, принятом и Такигава.

Гу Цзе-ган предложил иную пунктуацию и был вынужден внести в текст дополнительно иероглиф *цзо* 左, что дает следующий смысл: «Прибыв на место, они встали влево от главных сил армии к югу от жертвенника, а его помощники все последовали за ним». На наш взгляд, целесообразно сохранить прежнее понимание.

76. Чистая «лунная», вода собиралась ночью при свете луны с отполированной стороны металлического зеркала. Ей приписывались чудесные свойства, поэтому она употреблялась при жертвоприношениях. Как сообщается в *Чжоу ли*, собирание такой воды входило в обязанности чиновника — *сысюаньши* 司烜氏 (ШСЦ, т. 14, *Чжоу ли чжу шу*, кн. 4, стр. 1304).

77. О вэйском Кан-шу — родном брате У-вана — см. также 37 гл. (т. 4, стр. 1589—1590). О Чжао-гун Ши говорится в гл. 34, посвященной дому Янь (т. 4, стр. 1549).

78. В 32 гл. *Ши цзи* (т. 4, стр. 1480) и в десяти ранних ксилографах в 4 гл. вместо имени чиновника Инь-и пишется Ши-и. Очевидно, в современном издании описка (о сунских и более поздних списках см. КЧЦБ, т. I, гл. 4, стр. 31).

79. Слово *ин* 膺 в данном контексте однозначно *ин* 应 — «отвечать, приводить в соответствие». Это подтверждает и текст 32 гл., где поясняется, что Ши-и доложил духам об исполнении определенного Небом наказания. Трактовка Шаванна, относящая кару Инь к будущему, на наш взгляд, неточна.

Религиозные представления и идеология чжоусцев в период победы над иньцами основывались на двух духовных началах: 1. вере в Небо и культе первых святых владык *ди*; представлявших волю Неба на земле (существовал ряд терминов: *Тянь* 天 — Небо, *Хуантянь* 皇天 — Великое Небо, *Хуаньтянь-ван* 皇天王 — Ван Великого Неба, *Ди* 帝 — Император, Владыка, *Шан-ди* 上帝 — Верховный владыка, *Хуан-ди* 皇帝 — Великий владыка, 皇上帝 — *Хуаншан-ди* — Великий верховный владыка); 2. вере в духов предков — глав родов.

У чжоусцев одновременно существовали алтари духов *шэцзи* 社稷 и храмы предков *цзун-мяо* 宗庙.

Понятие «Небо», в представлении ранних чжоусцев, было модификацией понятия «владыка» — *ди*. В рассказе об У-ване в *Ши-цзи* ярко проявляется вера в Верховного владыку, в Небо, которое посылает свою «волю», от которой зависит существование власти и государства («История китайской мысли», т. I, стр. 86—87; сочинения Го Мо-жо, Цзянь Бо-цзаня и других историков).

80. В данной главе и в гл. 35 Сыма Цянь говорит о двух братьях У-вана, которым было поручено надзирать за побежденными иньцами и У-гэном, сыном Чжоу-синя (ШЦ, т. 4, стр. 1564). Но в средневековой литературе встречается сообщение о разделе иньских территорий на три части: Пэй 邶, Юн 鄘 и Вэй 衛, вверенные «трем надзирателям» — *сань цзянь* 三监. По одной версии, третьим управителем был У-гэн, по другой — еще один брат У-вана по имени Хо-шу Чу (*Ди-ван ши цзи*).

81. В древних источниках встречается несколько вариантов имени Нань-гуна: Ко (в 4 гл. *Ши цзи*), Гуа (в *Лунь юе* и *Хань шу*), Бо-да (в *Чжоу шу*).

82. Цзюйцяо — название местности недалеко от столицы, где находились в иньское время склады для зерна.

83. Словосочетание *мэнли* 萌隸 следует отождествлять с *манли* 氓隸 употребленное в *Хань шу* в значении «простой народ, люди».

В *Люй-ши чунь-цю* акт раздачи зерна из Цзюйцяо и денег из Лутая мотивируется желанием продемонстрировать народу бескорыстие нового правителя У-вана (ЧЦЦЧ, т. 6, *Люй-ши чунь-цю,* гл. 15, стр. 161).

84. В качестве глагола в тексте стоит слово *чжань* 展. Шаванн переводит его в распространенном значении «выставлять» — d'exposer. Однако в гл. 32 в аналогичном месте Сыма Цянь употребляет слово *цянь* 迁 — «переносить, переместить» (оно же употреблено в *Чжоу шу* и *Ди-ван ши цзи,*— см. ТПЮЛ, т. I, гл. 84, стр. 398). Таким образом, речь идет о переносе в Чжоу треножников — символов власти. Одно из значений иероглифа *чжань* также совпадает с *и* 移 — «передвигать», «перевозить» (см. комментарии Чжэнь Сюаня к *Ши цзину,* цит. по словарю Морохаси, т. 4), что подтверждает правильность принятого перевода.

85. Слово *цзунчжу* 宗祝 может быть именем или названием должности. В перечне чиновников в *Чжоу ли* такой должности нет, но имеется *сычжу* 司祝 — «управляющий молениями». По значению *цзунчжу* и *сычжу* могут рассматриваться как сходные.

Возможно, однако, что в тексте *Ши цзи* здесь ошибка. В *Цзо чжуань* под 4-м годом Дин-гуна находим слова *чжу цзун бу ши* 祝宗卜史. Часть комментаторов объясняет их как названия четырех чиновничьих должностей. Кун Ин-да слово *чжуцзун* трактует как чиновничью должность, связанную со службой духам (ШСЦ, т. 32, *Цзо чжуань чжу шу,* кн. 6, стр. 2203). В таком случае в тексте 4 гл. произошла случайная перестановка знаков *цзун* и *чжу,* следует писать *чжуцзун* 祝宗.

86. Речь идет о том, что У-ван отпустил воинов союзных племен и примкнувших к нему князей. Основные силы чжоуской армии оставались, по всей вероятности, с У-ваном.

87. *У чэн* — глава под таким названием имеется в *Шан шу* (ШСЦ, т. 3, стр. 380—389). Часть ее воспроизведена в *Ши цзи.* В этой главе подведены итоги успешных военных действий против Чжоу-синя.

88. Раздача правителям царств и владений жертвенных сосудов, захваченных у иньского царя, представляла, по-видимому, одну из форм вручения инвеституры чжоуским ваном.

Под *и* 彝 или *цзун-и* 宗彝 понимались ритуальные сосуды, которых насчитывалось несколько типов: *и* 彝, *ю* 卣 *лэй* 罍 и др.

Сочинение *Фэнь Инь чжи цию* числится в числе утерянных глав *Шан шу* под более кратким названием *Фэнь ци* — «Распределение утвари». В сохранившейся главе *Хун фань* также встречается упоминание об этом событии (ШСЦ, т. 4, *Шан шу чжэн и,* стр. 429).

89. Современные эквиваленты указанных здесь территорий, по данным китайских справочников, таковы:

Цзяо находилось на юге уезда Шэньсян провинции Хэнань, т. е. недалеко от основных иньских поселений.

Чжу, по *Ди-мин да цыдянь* (стр. 741), то же, что Чжуэ в уезде Чанцин провинции Шаньдун. По мнению современного комментатора *Ганцзянь ичжилу* Чжу, это Чжуци, которое находилось в уезде Ганьюй провинции Цзянсу.

Цзи находилась в районе современного Пекина в провинции Хэбэй.

Чэнь — в уезде Хуайян провинции Хэнань к востоку от Кайфына (по данным *Ко ди чжи* — уезд Ваньцю).

Ци приравнивается к Юнцю в нынешнем уезде Цисянь провинции Хэнань.

Китайские комментаторы давно подметили ряд расхождений данных гл. 4 о пожалованиях с другими древними книгами. Эти расхождения сводятся к следующему:

1) в *Ли цзи* говорится, что Цзи было пожаловано потомкам Хуан-ди, а не потомкам Яо; Чжу — потомкам Яо, а не потомкам Хуан-ди (ШСЦ, т. 24, *Ли цзи чжу шу*, кн. 6, гл. 39, стр. 166). Лян Юй-шэн считает более правильным вариант *Ли цзи* (ЛЮШ, кн. 2, гл. 3, стр. 18).

2) по преданиям, приведенным в *Люй-ши чунь-цю*, потомкам Яо земли были пожалованы в Ли, а не в Цзи (как указано в *Ши цзи* и *Ли цзи*). Ли располагалось близ Чанчжи на юго-востоке провинции Шаньси, о походе У-вана против Ли упоминалось ранее.

Лян Юй-шэн считает, что из-за близости чтений *ли* и *цзи* в «Исторических записках» допущена ошибка. При этом выдвигаются два аргумента: а) район современного Пекина, где находилось Цзи, по существу, еще не мог быть освоен чжоусцами и войти в состав подчиненных им земель. Зато предгорные земли в Шаньси, где находилось Ли, располагались ближе и были завоеваны Чжоу; б) если даже предположить, что часть северных территорий находилась номинально в подчинении иньских и чжоуских ванов, тогда трудно объяснить одновременное пожалование Цзи потомкам Яо, а земель Янь — Чжао-гуну (см. ниже), что сталкивало их на общих территориях. Таким образом, текст *Люй ши чунь-цю* представляется более точным.

90. Указанные владения соотносятся с современными границами следующим образом: Инцю находилась в юго-восточной части уезда Чанлэ провинции Шаньдун; Цюйфу отождествляется с восточной частью современного уезда того же названия на юго-западе провинции Шаньдун; Гуань находилось в районе Чжэнчжоу провинции Хэнань; Цай — в уезде Шанцай провинции Хэнань.

Циньский комментатор Цуй Шу (1740—1816) правильно, на наш взгляд, подметил стремление древних авторов все пожалования приписать одному У-вану или Чжоу-гуну, хотя в действительности процесс этот был более длительным и был осуществлен рядом правителей Чжоу (ХЧКЧ, т. I, гл. 4, стр. 32). К такому же выводу пришел и Фань Вэнь-лань.

91. Выражение *цзю му* 九牧 может указывать на вождей племен и в более традиционном смысле — на управителей подвластных земель.

92. Лян Юй-шэн, основываясь на тексте *Чжоу шу*, считает, что вместо *бинь* 豳 должен стоять иероглиф *фэнь* 汾, который отождествляется им с Фэньцю 汾丘 (в уезде Сянчэн в провинции Хэнань), поскольку Фэнь[цю] находилось вблизи иньской столицы Чаогэ, оттуда только и можно было обозреть шанскую столицу — Шанъи. Бинь — центр чжоуских владений находился далеко на западе, близ Сиани, увидеть оттуда иньские земли было невозможно.

93. Под Чжоу имеется в виду чжоуская столица Хао или Фэн (*Чжу шу цзи нянь*, гл. 7).

94. Цифра «шестьдесят лет» противоречит данным других источников о возрасте У-вана. Считается, что У-ван умер в возрасте 94 лет, через шесть лет после победы над Инь, следовательно, в момент разговора ему должно было быть более 80 лет (*Чжу шу цзи нянь*, гл. 7). На это противоречие указал, в частности, Цуй Ши (*Ши цзи тань юань*, гл. 3, стр. 3). Однако точность цифр по отношению к периоду У-вана не может быть предметом научного спора из-за полулегендарности самого сюжета.

В *Чжоу шу, Го юй, Хуайнань-цзы* вместо слов *милу* — «лоси» встречаем *иян* 夷羊 — «дикие козлы, бараны»; вместо *фэйхун* — «дикие гуси» — *фэйхуан* 飞蝗 — «саранча». Существуют два толкования этих фраз, включенных Сыма Цянем в речь У-вана: а) дикие животные, птицы и насекомые наполняли поля и луга, что свидетельствовало о запустении в Инь и небрежении к хозяйству. Такое объяснение представляется весьма вероятным; б) под лосями подразумевают подлых льстецов при дворе, а под гусями — отстраненных от дел преданных мудрецов (комментарий Чжан Шоу-цзе).

95. В *Ши цзи хуй чжу каочжэн* слово *ме* 蔑 отделено от *бинь* 賓 разделительным знаком и, таким образом, противопоставлено первой части фразы. Такой вариант, на наш взгляд, соответствует смыслу рассказа о Чжоу-сине, который уничтожал и устранял всех выдающихся советников вплоть до последних дней своей власти.

Однако в современном издании *Ши цзи* слово *ме* соединено с *бинь*. Такая пунктуация основывается на трактовке Сыма Чжэня, который приравнивает иероглиф 賓 к 擯 *бинь* — «разжаловать, отбросить». Приняв такую интерпретацию, следовало перевести: «Дом Инь не достиг большой славы, но и не был уничтожен, и так продолжалось до нынешних времен».

96. Словосочетание *тянь-бао* 天保 — «покровительство Неба» встречается в этом значении в *Ши цзине* (ШСЦ, т. 7, *Мао-ши чжэн и*, кн. 3, стр. 800).

97. *Тянь-ши* 天宅 — «небесные чертоги», под которыми имеются в виду дворцы Сына Неба. Это согласуется с трактовкой Окасиро Кома и других комментаторов. Позднее такое аллегорическое название применялось, например, к Лояну.

98. В части древних списков иероглиф *дин* 定 отсутствует, и поэтому слово *лай* 来 связывается с западными землями. Так перевел Шаванн: «Вот то, чем я старательно занимаюсь день и ночь [сейчас], прибыв на западные земли» (МИС, т. I, стр. 242). Мидзусава Тоситада отмечает, что в восьми ксилографах, начиная с сунских, имеется иероглиф *дин* (КЧЦБ, гл. 4, стр. 37), который повторен и в новом издании *Ши цзи*. Мы перевели *лао* и *лай*, основываясь на тексте *Мэн-цзы*. В гл. *Тэн Вэнь-гун* Яо говорит: 谋之来之 «заботьтесь о народе, привлекайте его» (ЧЦЦЧ, т. I, *Мэн-цзы чжэн и*, гл. 5, стр. 228). Но в *Эр-я* и в комментариях к *Мо-цзы лао-лай* трактуется одним понятием *цинь* 勤 — «стараться, усердствовать». В этом случае перевод будет: «Я денно и нощно буду стараться, чтобы утвердить наши западные земли».

99. Саньту — горные хребты Тайханшань в Шаньси.

Весь абзац, начинающийся словами: «У-ван, собрав всех вождей и управителей...», по-видимому, заимствован Сыма Цянем из гл. *Ду-и* в книге *И Чжоу шу*. Синский историк Цуй Шу критически отзывается о данном отрывке, подчеркивая неясность смысла и шероховатость стиля, несвойственные *Ши цзи*. Такигава по ряду признаков считает, что этот отрывок — более поздняя интерполяция в текст «Исторических записок» (ХККЧ, т. I, гл. 4, стр. 36). Мнение его заслуживает внимания.

100. Горы Хуашань или Тайхуашань — см. прим. 81 к гл. 2. Таолинь — район вблизи прохода Тунгуань.

Предание о роспуске войск, собирании оружия и переводе всех боевых лошадей и обозных быков на подножный корм встречается с еще большими подробностями в текстах *Ли цзи* (ШСЦ, т. 24, гл. 30, кн. 6, стр. 1667) и *Люй-ши чунь-цю* (ЧЦЦЧ, т. 6, гл. 15, стр. 161), откуда они и могли быть заимствованы историком. При этом везде говорится о том, что оружие завертывалось в тигровые шкуры и складывалось в хранилища. По-видимому, У-ван распустил часть самой чжоуской армии после завоевания Инь и ухода всех его союзников.

101. Ци-цзы — персонаж, известный по главе *Хун фань* («Великий закон») в *Шан шу*. У-ван, прослышав о его мудрости и составленном им «Великом законе», стал расспрашивать Ци-цзы о путях жизни государства и народа. Цы-цзы якобы пояснил У-вану, что Небо даровало Юю великий закон жизни, состоящий из девяти принципов или частей (*цзю чоу* 九畴), в которые входили принципы пяти стихий — *у син* 五行: пяти чувств и поведений — *у ши* 五事 ; восьми управлений — *ба чжэн* 八政 ; пяти подсчетов времени — *у цзи* 五紀 ; поддержания престола — *хуан цзи* 皇极 ; трех добродетелей — *сань дэ* 三德 ; гаданий — *цзи и* 稽疑 ; природных знамений — *шучжэн* 庶徵 ; пяти хороших и шести плохих качеств — *у фу, лю цзи* 五福六极.

В 38 гл. Сыма Цянь почти целиком воспроизвел гл. *Хун фань*.

В переведенной фразе недостаточно ясна функция слова *и* 宜, которое минским ученым Ван Ао и Лин Юй-шэном приравнивается к *и* 义 —

«долг» (ЛЮШ, гл. 3, стр. 20). Возможно, что в тексте *Ши цзи* какая-то описка.

102. Слово *и* 亦 —«также», в согласии с мнением Го Сун-тао (1819—1891) и контекстом, мы отнесли к глаголу «спрашивать» 問 (Го Сун-тао, *Заметки по «Историческим запискам»*, стр. 26).

103. Подробный ход гадания изложен в главе *Цзинь тэн* или, точнее, *Цзинь тэн чжи гуй* в *Шан шу* (ШСЦ, т. 4, *Шан шу чжэн и*, кн. 2, стр. 445).

Дата смерти У-вана определяется по традиционной шкале 1116 г. или 1115 г. до н. э. (если принять дату победы над иньцами — 1122 г. до н. э.).

104. Сыма Цянь, учитывая характер «Основных записей», сократил описание событий этого периода. Из *Шан шу* и *Цзо чжуань* известно, что в мятеже против Чжоу-гуна приняли участие также царства Янь, Пугу и племена *сюйи* и *хуайи*. Положение Чжоу-гуна было тяжелым, но ему удалось мобилизовать необходимые для отпора силы, заручиться поддержкой Чжао-гуна и других крупных *чжухоу* и разбить армию восставших (35 гл. *Ши цзи*).

105. Сун находилось в районе Шанцю в провинции Хэнань.

В данной главе и в 38 гл. «Исторических записок» (соответственно т. I, стр. 132 и т. 4, стр. 1621) вэйский княжич назван именем Кай, а в предыдущей главе (т. I, стр. 14) и в 35 гл. (т. 4, стр. 1565) он же назван именем Ци. В литературе имеется следующее объяснение: замена Ци на Кай в имени Вэй-цзы произошла из-за табу на иероглиф Ци, входивший в имя ханьского императора Цзин-ди, правившего в 156—141 гг. до н. э. Но почему же в ряде случаев употребляются и Ци и Кай? Современный ученый Чэнь Юань объясняет это недостаточно строгим соблюдением правил о табу в ханьское время (см.: Чэнь Юань, *Примеры табуированных имен в исторических сочинениях*, стр. 129—130).

Судя по гл. 3 *Ши цзи*, Ци (Кай) был старшим сыном иньского императора Ди-и. По Мэн-цзы, Ци — дядя Чжоу-синя и сын Тай-дина (как и Би-гань).

106. «Благовещий колос» — *цзя-гу* или *цзя-хэ* 嘉禾 — считался таковым из-за того, что вырастал на двух сросшихся стеблях (см. также гл. 33,— ШЦ, т. 4, стр. 1518).

107. Слово *лу* 魯 в древних текстах соответствовало *люй* 旅 — «изложить, объявить, сообщить». Их объединяет и общее древнее начертание 𥝱, отмеченное в *Шо вэнь*. В гл. 33 Сыма Цянь на это место поставил глагол *цзя* 嘉 — «прославить». По-видимому, разница между *лу, люй* и *цзя* лишь в оттенках смысла.

108. Все перечисленные здесь сочинения, за исключением двух: *Гуй хэ* («Передача колоса») и *Цзя хэ* («Благовещий колос»), имеются в сохранившемся тексте *Шан шу*.

109. В *Шан шу* отсутствует особый раздел, посвященный Чжоу-гуну,

но есть гл. 13 и 14, которые повествуют о деяниях Чжоу-гуна и входят в общий раздел о доме Чжоу — *Чжоу шу*. Это дало основание Лян Юй-шэну считать, что в гл. 4 ошибка и вместо иероглифа *гун* 公 должен стоять иероглиф *шу* 書 (ЛЮШ, кн. 2, гл. 3, стр. 21). Такигава полагает, что Сыма Цянь мог иметь в виду часть 33 гл. *Ши цзи*, где подробно рассказывается о Чжоу-гуне.

110. Оба сочинения входят в *Шан шу*. В *До ши* Чжоу-гун после переселения иньцев в Чэнчжоу обращается к ним с увещеванием и требованием мирно жить и работать: «...Вы подверглись справедливому наказанию небес. В сущности, вас следовало убить, я же сохраняю вам жизнь, и вы в благодарность за это должны стать послушными мне». В главе *У и* Чжоу-гун, рассказывая о мудрости и усердии иньских ванов и Вэнь-вана, предостерегает молодого Чэн-вана (ШСЦ, т. 4, *Шан шу чжэн и*, кн. 2, стр. 567—585).

По тексту гл. 4 получается, что оба указанных сочинения адресованы иньцам, хотя второе обращено к Чэн-вану. На эту неточность указал еще цзиньский ученый Ван Жо-сюй (см. ЛЮШ, кн. 2, гл. 3, стр. 22).

111. Ма Юн отождествляет должность *бао* с *бао-ши* 保氏, встречающейся в *Чжоу ли*. Функции *бао-ши* состояли в воспитании наследника и предостережении правителя от ошибок. Прослеживая эволюцию термина *бао*, Чэнь Мэн-цзя в своем исследовании надписей на бронзовых сосудах Чжоу выводит его от слова *бао-му* 保母 — «кормилица» (Чэнь Мэн-цзя, *Датировка бронзовых сосудов Западного Чжоу*, стр. 98). В 33 гл. Сыма Цянь употребляет для этой же должности более поздний термин *тай-бао* 太保 — «великий воспитатель» (т. 4, стр. 1519). *Бао* 保 и *ши* 师 в период Чжоу входили в число высших сановников правителя. Надпись на сосуде *Бао-ю* 保卣 периода Чэн-вана, начинающаяся словами «Ван приказал *бао*...», подтверждает наличие должности *бао* (Го Мо-жо, *Вэнь ши лунь-цзи*, стр. 320—321).

112. Царство Янь, будущая территория княжества Лу, находилось на территории современного уезда Цюйфу в Шаньдуне. Богу (в *Цзо чжуань* — Пугу, см. 9-й год Чжао-гуна) находилось в уезде Босин той же провинции.

В *Ди-ван ши цзи* отмечается, что причиной походов послужили новые мятежи хуайских *и*, сюйских *жуков* и царства Янь (ТПЮЛ, т. I, стр. 84, стр. 399).

113. Под названием Цзунчжоу фигурирует исконная столица чжоусцев Хаоцзин близ современной Сиани, она же считалась Западной столицей — Сиду.

Другой столицей, построенной после разгрома Инь, была Чэнчжоу или Лои 洛邑 в районе современного Лояна в Хэнани. Она называлась также Восточной столицей — Дунду. В 25 *км* от нее был создан Ванчэн — Ванский город. Считается, что первые чжоуские ваны постоянно жили в Западной столице, но собирали *чжухоу* в Восточной столице.

Далее в 4 гл. Чжоу-гун не упоминается. В 33 гл. подробно описываются его смерть, похороны, рассказывается, как чтили потомки его память. Имя Чжоу-гуна тесно связано со всей политикой чжоусцев (Го Мо-жо, *Бронзовый век*, стр. 39).

114. *Чжоу гуань* — глава *Шан шу*. В отличие от данной главы в 33 гл. *Ши цзи* авторство *Чжоу гуань* приписывается Чжоу-гуну (т. 4, стр. 1522).

115. *Сишэни* (или *сушэни*) упоминаются в числе древнейших северных соседей китайцев.

116. Глава под таким названием числится в составе утерянных глав *Шан шу*.

Существует несколько толкований последней фразы:

а) «Ван наградил Жун-бо: было составлено сочинение „Пожаловал повеление *сушэням*"». Здесь вводятся два самостоятельных действия (так перевел Шаванн — МИС, т. I, стр. 249). Мы приняли эту трактовку;

б) «Приказал Жун-бо написать: „Пожаловал повеление *сушэням*"». В этом случае слово *сы* 賜 приравнивается к слову *сы-мин* 賜命 (*Чжу шу цзи нянь*, гл. 7);

в) «Ван выделил Жун-бо часть дани, которую привезли *сушэни*» (комментарий к *Шан шу*).

117. *Гу мин* — глава в *Шан шу* (ШСЦ, т. 4, цз. 18, стр. 659—677). Часть фразы, начинающаяся с *и* 以, может быть понята двояко. В нашей интерпретации это продолжение речи *гунов*, которые призывают молодого вана с усердием наблюдать за государственными делами. Слово *линь* 監 истолковывается в значении *цзянь* 监 — «надзирать, наблюдать». Шаванн перевел последнюю фразу иначе: «...с серьезностью и искренностью [они давали ему] последние наставления [короля Чэна]» (МИС, т. I, стр. 246). Такой перевод, видимо, не точен, так как *Гу мин* — явно название главы.

118. Соответствующая глава в *Шан шу* носит более полное название: *Кан-ван чжи гао* (ШСЦ, т. 4, *Шан шу чжэн и*, кн. 2, гл. 19, стр. 691).

119. *Цо* 錯 комментаторами приравнивается к *чжи* 置, имеющему два значения: 1) установить; 2) отбросить, приостановить. В связи с этим возможен перевод: «наказания были установлены, [но] в течение сорока с лишним лет не применялись» либо как в предлагаемом варианте.

Чэн-ван и Кан-ван прославляются в легендах и гимнах *Ши цзина* как умиротворители.

> Только Чэн-ван и Кан-ван — эти оба царя
> Царства четыре приемлют, так ярко горя,
> Светлый их свет разливается, все озаря!
>
> (ШСЦ, т. 10, стр. 1742—1743; русский перевод: «Шицзин», стр. 421).

Это отражено и в *Ши цзи*.

120. Словосочетание *цзо цэ* 作策 в главе *Би-гун* в *Шан шу* передано через *цзо цэ* 作册 — приказ историографу (или *нэйши* 內史) составить запись с повелением Би-гуну (ШСЦ, т. 4, стр. 696). «Разделение поселений» относится комментаторами к иньцам, которых чжоусцы якобы разделяли на покорных и бунтующих. Речь шла, вероятно, главным образом о заселении окрестностей новой столицы за счет привлечения части жителей из других районов.

121. Необычно употребление глагола *цзу* 卒 — «помереть» — по отношению к такому почитаемому мудрому монарху, как Кан-ван. Не случайно в ряде средневековых списков написано *бэн* 崩 — «почил» (Мидзусава Тоситада, кн. I, гл. 4, стр. 42). Возможно, в общепринятом тексте *Ши цзи* — описка.

122. В *Люй-ши чунь-цю* в главе *Инь чу* (ЧЦЦЧ, т. 6, стр. 58) говорится не об объезде владений, а о походе на царство Цзин или Чу. По сведениям *Ди-ван ши цзи,* моральные качества Чжао-вана были низкими и народ не любил его. Когда Чжао-ван достиг р. Хань, лодочники нарочно посадили его в склеенную лодку, которая на середине реки дала течь и развалилась. Ван утонул. Труп его вытащил телохранитель Синь Ю-ми.

Шаванн перевел слова *ци цзу* 其卒 — «его солдаты», по всей вероятности, считая, что охрана скрыла обстоятельства гибели вана.

123. Традиционно считается, что Му-ван правил 55 лет (с 1001 по 947 г. до н. э.), хотя это маловероятно, учитывая его возраст к началу правления.

Знак , употребляемый Сыма Цянем в *Ши цзи* (писался и), соответствует более позднему иероглифу 冏 *цзюн (Кан-си цзыдянь,* стр. 928).

Глава *Цзюн мин* помещена в *Шан шу* (ШСЦ, т. 4, гл. 19, стр. 704). Там сказано, что Му-ван назначил Бо-цзюна на должность *тайпучжэна* 太仆正. Согласно *Чжоу ли, тайпу* (или *тайпучжэн)* по своим обязанностям соответствовал главному церемонимейстеру двора: он следил за одеждой вана, объявлял о его выходе, докладывал о делах, подавал лук и стрелы на охоте и т. д. (ШСЦ, т. 13, *Чжоу ли чжу шу,* кн. 3, стр. 1128—1132).

Смысл фразы недостаточно ясен, так как слово *тайпу* оторвано от имени Бо-цзюна.

124. Цзи-гун Моу-фу, по мнению Вэй Чжао, был одним из потомков Чжоу-гуна, которому принадлежало владение в Цзи (в Хэнани).

125. Слова гимна заимствованы Сыма Цянем из *Ши цзина* — гимн *Ши май* (ШСЦ, т. 10, стр. 1742). Мы воспроизвели русский перевод А. А. Штукина («Шицзин», стр. 420). Вэнь-гун — посмертное имя Чжоу-гуна, которому приписывается составление этой песни.

Слово *ся* 夏 в ряде комментариев объясняется через *да* 大 — «большой, великий». Тогда смысл будет: «Я излагаю славные добродетели и возвеличиваю их здесь».

126. Сравнение с *Шан шу* дает ключ к переводу всего отрывка. В гл. *Да Юй мо* встречаются выражения *чжэн дэ, ли юн, хоу шэн* 正德, 利用, 厚生 . Кун Ин-да в комментарии к этим словам указывает, что «добродетели выправлялись» для того, чтобы руководить низшими; орудия использовались для умножения богатств; а жизнь улучшалась, чтобы можно было кормить народ. В гармоническом сочетании трех действий комментатор видит пример умелого управления (ШСЦ, т. 3, стр. 129). Слово *син* 性 в гл. 4. приравнивается к *шэн* 生 в *Шан шу* в значении «жизнь».

127. Последняя фраза отнесена к одному Бу-ку, как логически вытекает из всего абзаца, хотя выражение *и ши* — ряд поколений, позволяет дать более широкое толкование и отнести добродетели ко многим ванам.

128. Пояс земель *бинь-фу (Го юй,* гл. I) принадлежал пяти рангам знати: *хоу, дянь, нань, цай, вэй* 侯, 甸, 男, 采, 衛 . В гл. 2 Сыма Цянь употребил вместо *бинь-фу* термин *суй-фу* 綏服 . Поскольку в остальных частях схема поясов совпадает, термины *суй-фу* и *бинь-фу* по значению совпадают: «земли, несшие повинности умиротворенных подданных». О поясах см. стр. 157—158.

129. Вся схема построения государства, встречающаяся в *Го юй* и *Чжоу ли,* описана историком в 2 гл. Перевод названий зон объяснен в прим. 130—136 к той же главе.

Полную надуманность схемы пяти поясов *у фу* 五服 показал Цзянь Бо-цзань, который писал: «Когда изучаешь это сказание о „пяти фу", то прежде всего находишь его в главе *Юй гун* в *Шан шу.* Оно, вероятно, является подделкой конфуцианцев периода Чжаньго... Фактически территория в начале эпохи Чжоу не была столь обширной и не могла быть столь упорядоченной и размежеванной. Более того, сказание о „пяти фу" распространяет пояс, населенный *жунами* и *ди,* на территорию в пятьсот *ли* вне пояса, населенного *мань* и *и,* что еще более не сообразуется с действительным положением. Земли вана *цзи* находились у западно-чжоуского правителя в Шэньси, причем в этих владениях жили и *жуны* и *ди,* а племена *мань* и *и* были разбросаны по реке Хуайхэ и в горах Тайшань, а также далеко в южных владениях. Трудно себе представить большее искажение фактического положения...» («Очерки истории Китая», т. I, стр. 306).

130. В аналогичном тексте *Го юй* вместо слова *шунь* 順 стоит *сюнь* 訓 — «поучения» и отсутствует последний иероглиф *сы* 祀 . Это дало основание Лян Юй-шэну (ЛЮШ, кн. 2, гл. 3, стр. 25), а за ним и Такигава считать вторичное употребление *сы* ошибкой или опиской.

Все поименованные в *Ши цзи* жертвы и дары мы находим также в *Хань шу* с более детальным описанием мест принесения жертвоприношений (ХШБЧ, т. 7, гл. 73, стр. 4660—4661).

131. Нетрудно заметить, что описание идеальных ванов Чжоу, якобы не прибегавших к силе, не согласуется с историей. Правы авторы «Всеобщей истории китайской мысли», когда пишут: «Политика эпохи Чжоу отнюдь не сводилась к разговорам о добродетелях, как это представляют их потомки. Фактически чжоусцы с начала и до конца превыше всего ставили покорение с помощью военной силы. С тех пор как чжоуские племена пришли на восточные территории, уничтожили Иньское государство, подмяли царство Янь, вплоть до походов на южные земли и на племена *сяньюев* — это был единый путь, проложенный убийствами» (*Чжунго сысян тун-ши,* стр. 99).

132. По мнению Сюй Гуана, Вэй Хуна и комментатора *Го юй* Вэй Чжао, Да-би и Бо-ши были вождями племен *цюаньжунов.*

133. *Цюаньжуны,* по идеальной схеме *Чжоу ли,* жили на землях *хуанфу* и лишь периодически должны были представлять вану соответствующие подарки. Поэтому обвинение вождей этих племен в отказе предоставлять дары для сезонных жертвоприношений, относящихся к другой зоне, рассматривается мудрым советником как нарушение установленного порядка.

Перевод последней части фразы может быть различным. Для слова *дунь* 頓 мы, как и Вэй Чжао в *Го юй,* выбираем значение «поражение», Юй Юэ приравнивает *дунь* к *пилао* — «ослабеть, утомиться» (ХЧКЧ, т. I, стр. 276). Более далеким от текста представляется перевод Шаванна: «Я опасаюсь, Ваше Величество, что Вы не восстановите ущерба». Современный историк Фу Гэн-шэн в комментариях к избранным главам *Го юй* понимает слово *ван* 王 как название обязанности являться ко двору. В таком случае перевод будет: «И тогда разве не прекратятся представления вану (с дальних земель)?» («Избранное из *Го юй*», стр. 4).

134. Цинский ученый Ван Юань-сунь *(Го юй фа чжэн,* гл. I, стр. 101) считал, что Шу-дунь — имя вождя *цюаньжунов.* Он основывался, в частности, на том, что в *Бэй ши* (гл. 61) и в *Тан шу* (гл. 147) упоминается селение Шудунь в качестве столицы племен *туйюхунь* (к северу от гор Симаньтоу в провинции Ганьсу). В селении ранее располагались племена *цюаньжунов,* которые назвали этот пункт в честь своего вождя Шу-дунь. К суждению Ван Юань-суня присоединились Шаванн, Такигава и другие ученые, оно нашло отражение и в нашем переводе.

135. Японский ученый Камэи Ику высказала мнение, что первая часть предложения содержит мысль о следовании Шу-дуня по пути прежних добродетельных вождей *цюаньжунов* — Да-би и Бо-ши (ХЧКЧ, т. I, стр. 276—277).

136. Вся речь Цзи-гуна Моу-фу с изменениями в отдельных знаках совпадает с текстом речи, помещенной в *Го юй.* В *Го юй* добавлены слова: «Ван не послушался...», которых в *Ши цзи* нет. Поэтому нами в переводе введено слово «все-таки».

137. *У цы* 五辭 — «пять признаков», по которым устанавливают

степень виновности обвиняемого. Комментатор *Шан шу* Сунь Син-янь (1753—1818) в *Шан шу гу-цзинь чжу шу* отождествляет выражение *у цы* с *у шэн* 五声, или *у тин* 五听 в *Чжоу ли* (ШСЦ, т. 14, *Чжоу ли чжу шу*, кн. 4, гл. 35, стр. 1245—1246). Это же выражение, *у тин*, мы встречаем и в главе о наказаниях в *Хань шу* (ХШБЧ, т. III, гл. 23, стр. 1990). По речи обвиняемого 辞听, по его лицу 色听, по его дыханию 气听, по восприятию вопросов 耳听 и по взгляду 目听 судьи делают заключение о его виновности.

138. В соответствии с толкованием Гу Цзе-гана, *у го* 五過 — «пять проступков» отнесены нами к ошибкам и нарушениям закона судейскими должностными лицами. Они заключаются в злоупотреблении властью, искажении показаний, семейственности, в получении взяток и использовании приятельских отношений. Шаванн отнес все это к обвиняемым (МИС, т. I, стр. 262), но такая трактовка нарушает, на наш взгляд, весь ход поучений.

139. По мнению Сюй Гуана, знак 率 читается *шуа* и равнозначен *хуань* 鍰. Кун Ань-го разъясняет, что *хуань* — слиток из меди весом в шесть *лян*.

140. В соответствующем абзаце *Шан шу* иероглиф 酒 *си* (или — *шай*) после *пэй* 倍 отсутствует, в некоторых ксилографах *Ши цзи* его также нет. По-видимому, имеет место случайная вставка, так как от наказания к наказанию откуп равномерно увеличивается.

141. В *Шан шу* в этом месте — 600 *шуа*.

142. Эпизод, связанный с составлением законов при Му-ване (правившем, по традиционной хронологии, в 947—928 гг. до н. э.), в доханьских источниках относится к деятельности либо Люй-хоу 呂侯, либо Фу-хоу 甫侯. Глава в *Шан шу* называется *Люй син* — «Кодекс наказаний Люй-хоу» (ШСЦ, т. 4, *Шан шу чжэн и*, кн. 2, стр. 707 и далее). Так же именует наказания *Мо-цзы* (ЧЦЦЧ, т. 4, *Мо-цзы сянь гу*, гл. 2, стр. 41). В *Сяо цзин* указанный кодекс именуется *Фу син* и приписан Фу-хоу (ШСЦ, т. 37, *Сяо цзин чжу шу*, гл. 1, стр. 47).

Обычно в комментариях эти два персонажа идентифицируются. Цуй Шу считает, что иероглифы *люй* и *фу* в древнее время взаимозаменялись и появление двух знаков — вольность переписчиков.

Раннечжоуский период, естественно, не мог располагать столь развитой системой законодательства, как об этом сообщает гл. 4. Лишь постепенно разрабатывались соответствующие уложения, вводилась система наказаний и откупов от них. Возможность откупов за крупные суммы появилась с развитием денежного обмена, сосредоточением богатств у знати. Го Мо-жо считает, что глава *Люй син* «представляет собой уголовный кодекс, составленный в период Чуньцю каким-нибудь ваном из царства Люй и позднее литературно обработанный конфуцианцами. То, что в царстве Люй были ваны, подтверждается наличием среди ритуальной утвари „Чайника Люй-вана для наложниц"...» (Го Мо-жо, *Философы*

Древнего Китая, стр. 7). Лишь в книгах периода Чжаньго встречаются подробные описания истории создания законодательства *(Цзо чжуань,*— ШСЦ, т. 31, стр. 1744—1747), перечисления видов наказаний и статей законов *(Чжоу ли,*— ШСЦ, т. 14, *Чжоу ли чжу шу,* кн. 4, гл. 36, стр. 1279—1280). Это говорит о том, что Сыма Цянь скорее всего рассказал в гл. 4 о законодательстве периода Чжаньго (это предположил и Хулсве. См.: Remnants, стр. 6).

143. Ранее Сыма Цянь сообщил, что Му-ван пришел к власти в возрасте 50 лет. Получается, что прожил он 105 лет. Те же мало правдоподобные цифры приведены в *Шан шу* (ШСЦ, т. 4, стр. 709).

В ряде источников *(Го юй* и *Ши бэнь)* Гун пишется не 共, а 恭, а вместо *и* 繄 в имени стоит *и* 伊.

144. Под словом *бэнь* 奔, если исходить из описания бракосочетаний в *Чжоу ли* (ШСЦ, т. 14, *Чжоу ли чжу шу,* кн. 2, гл. 14, стр. 514), имеются в виду браки, заключаемые весной, без свах и общепринятых церемоний (см. также перевод Бийо, *Le Tcheou-li,* т. 1, стр. 307). В *Го юй* Вэй Чжао отмечает, что эти три девушки были из одного рода. Последующие слова матери: «Народ дал тебе красавиц», — позволяют предположить, что три девушки были присланы Кан-гуну в дар в качестве наложниц, в этом случае не требовалось каких-либо церемоний.

145. Для слова *юй* 御 в данном случае, по аналогии с *тянь* 田 и *син* 行, выбрано глагольное значение: «использовать, принять [прислужниц или наложниц]».

146. И в титуле И-вана в *Ши-цзи* пишется 懿, в надписях на сосудах 敦 (см. надпись на сосуде *Гэ-бо-гуй* 格伯簋, приведенную в работах Ло Чжэнь-юя «Собрание надписей на древних сосудах трех эпох», гл. 9, и Го Мо-жо «Исследование и анализ системы надписей и рисунков на бронзовых сосудах обоих чжоуских государств», кн. 2).

Цзянь 囏 в имени И-вана в *Ши-бэнь* и других источниках пишется обычно как 坚.

147. Лян Юй-шэн предполагает здесь ошибку, указывая, что один из предков чжоуских правителей, Гун-фэй, тоже носил имя Би-фан.

Слово *фу* 復, по нашему мнению, подчеркивает стремление *чжухоу* быстро исправить нарушение установившейся системы престолонаследия от отца к сыну, что и передано по-русски словами «как и следовало».

148. Жуйский сановник Лян-фу принадлежал к чжоускому роду Цзи. Земли Жуй находились на территории современного уезда Жуйчэн провинции Шаньси.

149. По традиционным конфуцианским толкованиям, *шан* 上 понимается как «небесные духи» 天神, а *ся* 下 — как «народ», *байсины.* Представляется, что здесь нужно толковать *шан* как власть имущих, а *ся* как

простых людей, ибо богатства использовались как первыми, так и вторыми, хотя и в разной пропорции.

150. Здесь приведен отрывок из «Гимна Государю-зерно» (*Ши цзин*, IV, 1, 10).

Перевод Штукина таков:

О, просвещенный Зерно — Государь!
Смогший быть небу подобным,
Зерном одарил ты народ наш,
Такого, чего не достиг бы ты, — нет ничего.

(«Шицзин», стр. 422).

151. Последняя строфа взята из «Оды Вэнь-вану» (*Ши цзин*, III, 1, 1). Перевод дан в согласии с трактовкой Вэй Чжао соответствующего отрывка из *Го юй* (раздел *Чжоу юй*, гл. 1, стр. 50). Стихотворный вариант Штукина передает иной смысл: «Небо свои ниспослало на Чжоу дары» (стр. 329), с которым мы не согласились.

152. Для самого раннего периода Чжоу с его неразвитой системой общественных отношений слово *гожэнь* 国人 может быть с полным правом истолковано как «население страны» (так, например, передает и Шаванн: les gens du royaume,— МИС, т. I, стр. 271). В современной науке уже сделаны попытки более точно раскрыть социальное значение этого термина в эпоху Чжоу. Значительное число китайских историков (Фань Вэньлань, Ян Куань, Шан Юэ и др.) под *гожэнь* понимают жителей городов или столицы, в основном ремесленников и торговцев. *Гожэнь* считаются относительно свободными и играющими определенную роль в делах царств. Другие ученые (Сы Вэй-чжи, Гране и др.), наоборот, полагают, что *гожэнь* — это свободные земледельцы или что это высшая и средняя прослойка знати (Ван Юй-цюань, *Интерпретация Юань-тянь*,— «Лишиянъцзю», 1957, № 4). Эту же проблему исследуют некоторые японские синологи.

153. Датировка событий эпохи Чжоу в *Ши цзи* дается с периода Гунхэ, т. е. с 841 г. до н. э. (см. гл. 14, стр. 512). Однако, как замечает Лян Юй-шэн, в *Го юй*, откуда заимствован данный текст, даты не указаны. Таким образом, не ясно, откуда взяты некоторые факты: «пробыл на престоле 30 лет», «на 34-м году правления». В *Чжу-шу цзи нянь* дается иная датировка, по которой Ли-ван приблизил И-гуна в первый год своего правления, запретил разговоры на 8-м, бежал в Чжи на 12-м, а умер на 26-м году правления. По традиционному исчислению, Ли-ван пришел к власти в 857 г., а сменил его Сюань-ван в 827 г. до н. э., т. е. насчитывается всего 30 лет его номинального правления. Может быть, цифры 30 и 34 в 4 гл.— позднейшая интерполяция.

154. *Леши* 列士 — в период Чжоу общее название чиновников трех

больших разрядов: высшего — *шан-ши* 上士, второго *чжун-ши* 中士 и третьего — *ся-ши* 下士.

155. Здесь, как и в предыдущих главах, проводится мысль о необходимости собирать в стихах и песнях мнения народа о правителе и о недостатках управления. Ясно, что реально существовавшие правители Чжоу на самом деле были далеки от такого идеала.

Гу 瞽 — слепцы, которые собирали и должны были исполнять перед ваном песни, отражавшие в какой-то мере оценку правления и власти. В некоторых ксилографах вместо *цюй* — «песня» стоит иероглиф *дянь* 典 — «правила», что комментаторами признается ошибкой (ЛЮШ, кн. 2, гл. 3, стр. 28; Мидзусава Тоситада, кн. 1, гл. 4, стр. 51).

156. Слово *соу* 瞍 буквально означает «слепец, слепой». По объяснению комментатора *Го юй* Дун Цзэн-лина *(Го юй чжэн и)* речь идет о почтенных старых людях, которые, однако, еще не потеряли полностью зрения. Отсюда и наш перевод «подслеповатые почтенные старцы».

157. Поскольку уже шла речь о слепцах и старцах, логично рассматривать последние восемь иероглифов как некое обобщение сказанного. Следуя в этом толкованию Фу Гэн-шэна («Избранное из *Го юй*», стр. 7), мы добавили слова «таким образом».

158. Существуют две интерпретации последней фразы: одна толкует *юй* 与 как *цун* 从 — «следовать», другая — как служебное слово, а выражение *нэн цзи хэ* 能几何 передает «как долго?». В первом случае перевод таков: «Как много людей смогут последовать за Вами?» У Шаванна, как и у нас, принят второй вариант: «Долго ли все это может продолжаться?» («Comment cela pourrait-il durer longtemps?»,— МИС, т. 1, стр. 274).

159. Чжи 彘 —по одним данным, местность у гор Хошань в уезде Хундун, по другим — пункт Чжичэн в уезде Хосянь в провинции Шаньси.

Восстание чжоуского населения (в первую очередь *гожэнь)* против жестокого и разорительного правления Ли-вана и его фаворита жунского И-гуна произошло, как считают, в 841 г. до н. э. Оно расценивается современными историками как первое крупное массовое восстание против господствующей власти, отмеченное в китайских источниках.

По *Цзо-чжуань,* не сам Ли-ван бежал, а восставшие сослали его в Чжи (ШСЦ, т. 32, *Чунь-цю Цзо чжуань чжэн и,* кн. 6, стр. 210).

160. Эту фразу можно понять и иначе: «Не подумает ли ван, что я ропщу и сержусь на него?». Такой перевод тоже логичен и связывается с последующими фразами.

161. Ли-ван был свергнут в 841 г. до н. э. Большинство китайских ученых считают последующие 14 лет периодом правления двух *гунов.* Но в некоторых источниках говорится о том, что власть была передана Гун-бо Хэ (*Чжу-шу цзи нянь,* цз. 8, стр. 22; *Чжуан-цзы,*— ЧЦЦЧ, т. 3, гл. 8, стр. 193; *Люй-ши чунь-цю,*— ЧЦЦЧ, т. 6, гл. 21, стр. 275). Гун-бо Хэ, правда лишь в качестве местного правителя, упомянут и в *Хань шу* (ХШБЧ,

т. 2, стр. 1438), сообщается, что его земли располагались вблизи княжества Вэй. В этой связи ряд историков (Янь Ши-гу, Лян- Юй-шэн) высказали сомнения в правдивости рассказа о периоде *Гун-хэ, поскольку само слово Гун-хэ* выглядит как название годов правления — системы, тогда еще не существовавшей.

Современные историки расходятся во мнениях по этому вопросу. Фан Вэнь-лань критикует версию о правлении Гун-бо Хэ: по его мнению, к власти не мог прийти, минуя все промежуточные стадии, сын местного князя («Древняя история Китая», стр. 97). Шан Юэ признает факт правления Гун-бо Хэ («Очерки истории Китая», стр. 37). В *Цзо чжуань* сказано: *«Чжухоу,* освободив место вана, сами в период междувластия стали управлять делами. А когда Сюань-ван стал разумным, передали управление ему» (ШСЦ, т. 32, стр. 2102). Это можно трактовать как указание на коллективное правление знати чжоуского государства — свидетельство живучести ранних коллективных форм управления.

Сыма Цянь принял традиционную схему, первую из рассмотренных выше. История падения Ли-вана, стремившегося усилить эксплуатацию населения (главным образом общинников), а также история последующего 14-летия — периода правления регентов, по мнению современных историков, неоспоримо свидетельствует о росте классовой борьбы в чжоуском обществе.

162. Упоминание о приезде луского *гуна* — правителя крупного княжества, означает, по-видимому, признание власти чжоуского Сюань-вана на востоке. Как повествуют хроники, У-гун прибыл с двумя сыновьями: старшим Ко и младшим Си. Сюань-вану больше понравился младший, и он, не слушая советников, поставил его у власти в Лу после смерти отца. Это привело к междоусобной борьбе в княжестве и падению престижа дома Чжоу (подробно об этом см. 33 гл. *Ши цзи*, т. 4, стр. 1527—1528).

163. 千畝 *цянь-му,* букв. — «поле в тысячу му». По мнениям современных ученых, *цянь-му* было большим общественным полем, доход с которого шел на нужды храмов и жертвоприношения. Ван проводил торжественный обряд начала полевых работ и вспахивал первую борозду (подобные обряды известны и в истории древнего Шумера, Иберии и других стран). Считается, что к периоду Сюань-вана обычай этот утратил свое прежнее значение, как и вся система общественных земель и совместной их обработки.

164. Цзя Куй считает Вэнь-гуна потомком Го-чжуна, младшего брата матери Вэнь-вана, правившего Западным Го. Вэй Чжао называет его потомком Го-шу, другого брата матери Вэнь-вана, правившего Восточным Го (оба они упоминаются в *Цзо чжуань,*— ШСЦ, т. 28, стр. 496). Отказ от традиционных работ «на поле в тысячу му» рассматривался как нарушение древних патриархальных обычаев.

165. Цяньму — в данном случае название пункта в современной про-

винции Шаньси на юге уезда Цзесю (*Цзо чжуань*,— ШСЦ, т. 27, стр. 231; см. также ДМДЦД).

166. По толкованию Вэй Чжао, под южными царствами понимаются территории между реками Хань и Янцзы, где Сюань-ван набрал войско после потерь, понесенных в битве с цянскими *жунами* при Цяньму.

167. Чжун Шань-фу — наставник Сюань-вана, сын луского князя. Ему посвящена ода в *Ши цзине* (Ш, III, 6). В *Го юй* он называется фаньским — видимо, по принадлежащим ему землям.

Попытки подсчитать хотя бы часть населения делались и до Сюань-вана. Однако, как свидетельствуют древние источники (*Лунь юй*, гл. *Сян дан*, *Чжоу ли*, раздел *Ди-гуань сыту*), о численности населения судили обычно по записям на дощечках, по явке на общее поле и по войскам, выставляемым местными правителями для походов чжоуского вана. Каждые три года сравнивались полученные данные — и таким образом определялось примерное число взрослых людей в том или ином владении. Все это служило фискальным целям, а также набору солдат, осуществлявшемуся чжоуским доменом. Более точный учет людей на основе переписи был встречен отрицательно представителем чиновничества Чжун Шань-фу. За ним стояли, по всей вероятности, местные правители и вожди племен, не заинтересованные в точном учете числа своих подданных, а также старейшины родов, которые видели в этих «новшествах» ущемление своих прав и нарушение традиций. Однако Сюань-ван осуществил учет населения, сломив сопротивление этих сил.

168. В *Чжу-шу цзи нянь* и *Мо-цзы* приводится легенда о казни Сюань-ваном безвинного чиновника Ду-бо, который через три года на белом коне, в красном одеянии появился во время царской охоты и из лука застрелил вана (гл. *Мин гуй*, часть III,— ЧЦЦЧ, т. 4, стр. 139). Эта же легенда приведена в комментарии *Чжэн и* на основании утраченных ныне летописей *Чжоу чунь-цю*.

В современной исторической литературе на основании данных *Ши цзина* и других древних памятников Сюань-ван (827—781) считается мудрым правителем, осуществившим ряд реформ и успешно воевавшим с инородными племенами (см., например: Фань Вэнь-лань, *Древняя история*, стр. 103). Более того, отдельные историки считают период правления Сюань-вана переломным для всего общественного строя Китая того периода. Так, Ли Я-нун полагает, что Сюань-ван освободил рабов и в результате общество начало совершать переход к феодализму (Ли Я-нун, *Западное и Восточное Чжоу*, стр. 106—115).

По изложению Сыма Цяня можно заключить только, что историк не одобрял некоторых действий Сюань-вана. Общая оценка этого правителя отсутствует.

169. Имя Ю-вана Хуан в различных источниках пишется по-разному (湟, 皇, 湟). Лян Юй-шэн утверждает, что его имя должно писаться

Гун-шэн 宮湦 (кн. 2, гл. 3, стр. 30). Это написание принято в новом издании *Ши цзи*.

170. Трехречье, по Сюй Гуану, охватывало районы рек Цзиншуй, Вэйхэ и Лохэ в центре чжоуских владений.

171. У древних народов, как свидетельствуют данные этнографии, существовали ритуальные праздники, обрядовые (иногда оргиастические) процессии, в которых большую роль играли магико-тотемистические акты. Считалось, что обнаженные женщины обладают магической силой в борьбе со злыми силами и духами. Поверье, согласно которому обнаженная женщина могла противодействовать слюне дракона, представлявшей темные силы, — вероятно, отражение этих далеких ритуалов.

172. В тексте стоит знак *цзи* 笄, означающий шпильку, которой девушки закалывали волосы при достижении зрелого возраста (15 лет).

173. Рассказанная Сыма Цянем легенда о необыкновенном происхождении Бао-сы и о ее влиянии на судьбы царства Чжоу широко распространена в доханьской литературе. Уже в *Ши цзине* говорится: «Не в небесах источник смут, а в женщине причина тут...» (*Ши цзин*, ода «Царю Ю-вану», III, III, 10, стр. 406). Подробно эта притча изложена в *Го юй* (ГЮ, гл. 16, стр. 187), откуда она и могла быть заимствована историком.

174. Сигнальная вышка — коническое сооружение из камней или кирпича, на котором разжигался огонь. О действиях Ю-вана, связанных с ложными сигналами, подробно рассказывается в *Люй-ши чунь-цю* (ЧЦЦЧ, т. 6, *Люй-ши чунь-цю*, гл. 22, *И-сы*, стр. 289).

В соответствии с данными *Ши цзина* (II, IV, 9), при Ю-ване во время описываемых событий произошло затмение солнца — знамение, предвещающее бедствие. Как показывают современные подсчеты, затмение действительно было на шестом году правления Ю-вана, точнее 29 августа 776 г. до н. э.

175. Цзэн — название царства, располагавшегося на северо-востоке уезда Исянь провинции Шаньдун.

В *Го юй* — говорится только о *сижунах*, т. е. западных *жунах*. В *Ши цзи* — четыре иероглифа *си и цюаньжун*, которые в современном тексте не разделены запятой и могут трактоваться как одно сложное понятие. Тогда иероглиф *и* 夷 можно понимать в общем смысле «варвары», считая его эквивалентом знака *жун*. Однако в тексте Такигава слова *си и* и *цюаньжун* разделены запятой, что делает возможным передачу этого комплекса двумя понятиями «западные *и*» и «*цюаньжуны*» (так перевел Шаванн — МИС, т. 1, стр. 285).

176. Гора Лишань находится вблизи современного Сианя в провинции Шэньси.

177. В изложении событий, связанных с гибелью Ю-вана и воцарением Пин-вана, имеются неясности. Странным представляется сам союз против Ю-вана, в который одновременно входили Шэнь-хоу, владевший землями в Хэнани, Цзэн-хоу, владевший землями в Шаньдуне, и племена *цюань-*

жунов на западе. Такая коалиция требовала очень долгих переходов войск, особенно с востока, и немалых усилий по координации действий разнородных частей, разобщенных другими владениями. С другой стороны, если Ю-ван был свергнут с помощью западных полукочевых племен *цюань-жунов*, то почему его преемник Пин-ван сразу же переместил столицу на восток? Под угрозой бывших союзников? По-видимому, в этих рассказах не все реально.

178. *Фанбо* 方伯 — в широком смысле «местные правители». Уже в надписях на иньских костях встречаются термины *фанбо* 方白 и *банбо* 邦白 , указывавшие обычно на вождей окружавших Инь племен. В надписях на сосудах и в древних книгах чжоуского периода (*Шан шу*, гл. *Чжао гао*, *Цзю гао* и др.) также упоминаются *банбо* и *фанбо*. В *Ли цзи* поясняется, что «за тысячу ли [от столицы] ставили *фанбо...*», т. е. речь идет о правителях дальних земель (ШСЦ, т. 20, *Ли цзи чжэн и*, кн. 2, гл. II, стр. 518).

179. Согласно *Чунь-цю*, являющейся летописью княжества Лу, 722 г.— год прихода к власти Инь-гуна, считается началом нового периода китайской древней истории, известного под названием *Чунь-цю* — «Весны и осени». Конец этого периода относится к 14 году правления Ай-гуна — 481 г. до н. э. Некоторые современные труды относят начало периода Чунь-цю к 770 г. до н. э., т. е. к моменту переселения Пин-вана на восток.

180. Более подробно этот эпизод изложен в *Цзо чжуань* (ШСЦ, т. 27, *Чунь-цю Цзо чжуань чжэн и*, кн. 1, стр. 171). Княжества Чжэн и Цзинь помогли в свое время Пин-вану перебраться на восток, но с приходом Хуань-вана к власти взаимоотношения Чжоу с Чжэн ухудшились. Поэтому приезд Чжэн-бо (он же Чжуан-гун) означал попытку улучшить взаимоотношения. Но чжоуский ван отнесся к чжэнскому князю с пренебрежением, в ответ на что тот пригрозил больше не являться ко двору.

181. В *Цзо чжуань* говорится о просьбе чжэнского князя освободить его от жертв горе Тайшань и разрешить ему приносить жертвы Чжоу-гуну. В связи с этим был послан чиновник по фамилии Юань 宛 с поручением отдать княжеству Лу земли Пэн вблизи Тайшаня, обменяв их на поля в Сюй (ШСЦ, т. 27, *Чунь-цю Цзо чжуань чжэн и*, кн. 1, стр. 177). В тексте *Ши цзи* стоит, однако, другой знак *юань* 怨 , означающий «недовольство, обида». Могут быть два предположения: либо Сыма Цянь связал обмен земель с предыдущей фразой о невнимании к чжэнскому Чжуан-гуну при дворе, либо допущена ошибочная запись иероглифа *юань*, означающего имя человека.

Поля в Сюй находились в современном уезде Линьи провинции Шаньдун.

182. В 33 гл. названо имя убийцы — луского княжича Хуй (т. 4, стр. 1529).

183. По *Цзо чжуань*, в походе на Чжэн вместе с чжоускими силами участвовали воины княжеств Цай, Вэй и Чэнь. Но в бою под Сюйгэ

(уезд Чангэ провинции Хэнань) союзники были разбиты. Во время боя чжэнец Чжу-дань ранил вана (ШСЦ, т. 27, стр. 255).

184. Кэ — младший сын Хуань-вана, известный так же как Цзы-и. Он был младшим братом Чжуан-вана.

Под Янь комментаторы понимают не Северное, а Южное Янь, располагавшееся в уезде Цзисянь провинции Хэнань.

185. Многовековая история Чжоу заполнена острой междоусобной борьбой царств, княжеств и племен. Если к началу эпохи Чжоу насчитывалось до 1800 различных территориальных образований, то к периоду Чуньцю их осталось сто с небольшим, причем заметную роль играли лишь четырнадцать. Период VII—V вв. до н. э. отличается дальнейшим обострением междоусобной борьбы в условиях ослабления власти чжоуского дома. Сильнейшие князья на какой-то период выдвигаются в качестве фактических правителей большинства земель и получают прозвище *ба* 霸 или *бо* 伯 — гегемонов (князей-гегемонов). Самых могущественных гегемонов насчитывается пять, а первым среди них считается циский Хуань-гун (685—644 гг. до н. э.), упомянутый выше в тексте главы.

По версии комментатора трактата *Мэн-цзы* Чжао Ци (II в.), к остальным гегемонам причисляются сунский Сян-гун, цзиньский Вэнь-гун, циньский Му-гун и чуский Чжуан-ван. По более распространенной версии трактата *Сюнь-цзы*, гегемоны: цзиньский Вэнь-гун (635—628 гг.), чуский Чжуан-ван (613—590 гг.), уский Хо-люй (514—496 гг.) и юэский Гоу-цзянь (476—465 гг.). Существуют и другие вариации (Цзянь Бо-цзань, например, называет гегемоном чжэнского У-гуна.— «Очерки истории Китая», т. 1, стр. 346—350). В данной главе Сыма Цянь упоминает не всех гегемонов.

186. Нередко Сыма Цянь прибегает к приему воспоминаний: в ткань повествования вставляется предыстория того или иного события, чтобы сделать более ясными причины, его вызвавшие. В начале такого отступления обычно стоит слово *чу* 初 — «начало, первоначально», которое можно понимать как «в свое время...», «в начале было так...», «некогда случилось следующее...».

187. Указанные события более детально описаны в *Цзо чжуань* (под 19-м годом правления Чжуан-гуна). Из этого описания мы узнаем, что Хуй-ван восстановил против себя многих сановников: он отобрал сад у Вэй-го, занял дом Бянь-бо, отнял поля у Цзы-циня, Чжу-гуя и Дань-фу, лишил ранга Чжань-фу (или Ши-су) и т. д. Обиженные подняли мятеж. Однако дальнейшее изложение в *Ши цзи* и в *Цзо чжуань* различно. По *Цзо чжуань*, мятежники не одолели вана и бежали, некоторые в Вэнь (уезд Вэньсянь провинции Хэнань), а Су-цзы вместе с Туем — в княжество Вэй. Впоследствии с помощью вэйских и южнояньских войск Туй был возведен на престол (ШСЦ, т. 27, стр. 386). Сыма Цянь избрал иной вариант, по-видимому, следуя канве *Го юй*.

188. Ван Нянь-сунь, ссылаясь на *Тайпин юй лань*, полагает, что перед фразой о веселье и танцах должны стоять пять иероглифов

遂享諸大夫 — «Затем Туй устроил угощение сановникам». Это подтверждают тексты *Цзо чжуань* (ШСЦ, т. 27, стр. 386) и *Го юй (Чжоу юй,* гл. 1, стр. 9). Можно предполагать случайный пропуск в тексте 4 гл.

189. Сыма Цянь принял датировку смерти Хуй-вана, указанную в *Чунь-цю.* По *Цзо чжуань,* это произошло на год раньше — в 653 г. до н. э. В *Цзо чжуань* эта разница в год обоснована так. Будущий Сян-ван боялся, что Шу-дай займет его место, и, не объявив траура по умершему отцу, обратился за помощью в Ци. На следующий же год, заручившись поддержкой *чжухоу,* Сян-ван объявил о смерти своего отца Хуй-вана и об установлении траура (ШСЦ, т. 28, *Чунь-цю Цзо чжуань чжэн и,* кн. 2, гл. 13, стр. 518—519).

190. Шу-дай — сын Хуй-вана и младший брат Сян-вана, был ранее пожалован владением в Гань и получил титул Чжао-гуна.

191. Гуань Чжун — имя известного политического деятеля из княжества Ци (VIII—VII вв. до н. э.). Благодаря его хозяйственной политике, осуществленной в период правления Хуань-гуна, княжество Ци окрепло и расширилось.

Традиция приписывала Гуань Чжуну авторство трактата *Гуань-цзы* — известного политико-экономического и философского труда, но современная наука показала, что трактат мог появиться не ранее IV или III в. до н. э., и в нем нашли отражение лишь некоторые идеи Гуань Чжуна.

192. До этого княжество Цзинь помогало дому Чжоу в борьбе с *жунами,* поэтому и потребовались усилия для их примирения.

193. *Чжухоу* именовали себя перед Сыном Неба *чэнь* 臣, а чиновники у вассальных князей — *пэй-чэнь* 陪臣 («вторые слуги», «слуги у слуг»).

194. Подобное обращение объясняется тем, что основатель дома Чжоу — У-ван был женат на дочери Тай-гуна (Люй-шана) в княжестве Ци, и, таким образом, циские *гуны* оказались дядьями чжоуских правителей по материнской линии.

195. Как следует из хронологических таблиц, составленных Сыма Цянем (т. 2, гл. 14, стр. 592), Шу-дай возвратился на два года позднее, в 683 г. до н. э. (на 14-м году правления Сян-вана). О том же свидетельствует текст *Цзо чжуань* (ШСЦ, т. 28, стр. 588). Очевидно, цифра 12 в 4 гл. является ошибочной.

196. Хуа — небольшое княжество, правители которого принадлежали к роду Цзи, из которого вышли и правители Чжоу. Столица княжества помещалась на юге современного уезда Яньши в Хэнани. Хуа находилось между Чжэн и Вэй и периодически завоевывалось то одним из них, то другим. Сыма Цянь, отнеся борьбу за Хуа к 639 г., принял версию *Го юй,* а не *Цзо чжуань,* отчего образовалась разница в датировке событий.

197. По *Цзо чжуань,* Хуй-ван, вернувшись с помощью правителей Чжэн и Го в столицу из изгнания, отправился с визитом во владение Го. Ван подарил правителю Го земли в Цзюцюань и кубок для вина, в то время как чжэнскому правителю Ли-гуну (отцу Вэнь-гуна) пожаловал

только пояс императрицы, украшенный зеркальцами. С этого времени правитель Чжэн затаил обиду (ШСЦ, т. 27, *Чунь-цю Цзо чжуань чжэн и*, кн. 1, стр. 387—388).

198. В *Цзо чжуань* низложение старшей жены вана объясняется ее любовной связью с Шу-даем, сыном Хуй-вана (см. ШСЦ, т. 28, стр. 608).

199. Рассказывая об убийстве чжоуского сановника Тань-бо, Сыма Цянь последовал за версией *Го юй* (гл. 2). В *Цзо чжуань* при описании аналогичных событий имя Тань-бо не упоминается (ШСЦ, т. 28, стр. 609), говорится лишь о взятии в плен чжоуского *гуна* Цзи-фу, Юань-бо, Мао-бо и советника Фу-чэня. В *Цзи цзе* приводится мнение ученого III в. Тан Гу о том, что Тань-бо (правитель владения Тань) и Юань-бо — одно и то же лицо. Такое утверждение встретило возражение Лян Юй-шэна, который указал, что знак *тань* 譚 не может заменяться знаком *юань* 原, вдобавок ко времени описываемых событий владение Тань уже было уничтожено циским Хуань-гуном. На этом основании Лян Юй-шэн приходит к выводу, что текст *Го юй* и *Ши цзи* в этом месте ошибочен и следует руководствоваться данными *Цзо чжуань* (ЛЮШ, кн. 2, гл. 3, стр. 35).

200. Одно значение *чан* 鬯 — «жертвенное вино», которое вручалось при пожаловании инвеституры (ШСЦ, т. 28, стр. 646). В песне царства Чжэн «Шу на охоте» в *Ши цзине* знак *чан* встречается в значении «чехол для стрел». Мы приняли первый вариант, Шаванн — второй (МИС, т. 1, стр. 294).

201. Хэнэй 河內 в широком смысле — территория, лежащая к северу от Хуанхэ, в противоположность Хэвай 河外 — территории, лежащей к югу от Хуанхэ.

После того как в 632 г. до н. э. Вэнь-гун во главе объединенной армии Цзинь, Сун, Ци и Цинь одержал победу над силами Чу, Чэнь и Цай, княжество Цзинь становится одним из гегемонов Китая, оставаясь таковым до 546 г. до н. э. Дары Сян-вана цзиньскому Вэнь-гуну и последующая поездка вана к Вэнь-гуну отражают это положение Цзинь.

По *Цзо чжуань*, Вэнь-гун стал гегемоном на 28-м году Си-гуна, т. е. в 632 г. до н. э. (ШСЦ, т. 28, стр. 645). Отмечая разницу в датировке этого события в *Ши цзи*, равную трем годам, Лян Юй-шэн полагает, что в 4 гл. допущена перестановка текста: фразу о дарах Вэнь-гуну следует поместить после слов об объезде ваном владений в Хэяне (ЛЮШ, кн. 2, гл. 3, стр. 35).

202. Цзяньту — местность в княжестве Чжэн (современный уезд Жунцзэ провинции Хэнань). Хэян — местность в княжестве Цзинь (уезд Мэнсянь провинции Хэнань). Оба эти пункта упоминаются в *Цзо чжуань*: Цзяньту — как место заключения союза семи князей (т. 28, стр. 635), Хэян — как район, объезжаемый ваном (там же, стр. 637).

203. Явка Сына Неба по приглашению или вызову одного из князей рассматривалась с конфуцианской точки зрения как нарушение определенной субординации власти и иерархии. Поэтому в *Чунь-цю* появилась

версия о том, что ван во время объезда владений «неожиданно» встретился с *чжухоу*. Сыма Цянь показывает стремление составителя *Чунь-цю* умолчать об этом событии.

204. Согласно 14 гл. *Ши цзи*, дата смерти Сян-вана приходится на 33-й год его правления, т. е. на 619 г. до н. э. (т. 2, стр. 604). Та же дата и в *Цзо чжуань*. Поэтому в 4 гл. скорее всего описка: вместо 32-го года следует писать 33-й.

205. *Жуны* этого племени в тот период жили на территории уезда Лухунь (современный уезд Сунсянь провинции Хэнань), откуда и получили наименование лухуньских. Целью чуского вана, как явствует из 40 гл. *Ши цзи*, был захват треножников, т. е. власти в Поднебесной.

206. Вансунь Мань сообщил Чжуан-вану историю передачи треножников от одной династии к другой, показав, что это всегда происходило по воле Неба. Коль скоро «небесный мандат» еще не изменился, интересоваться прерогативами власти — треножниками Чжуан-вану не следует. Чуский ван, якобы вняв голосу разума, удалился (ШЦ, т. 4, стр. 1700).

207. Судя по *Цзо чжуань*, Чжэн-бо, выйдя навстречу чускому войску, произнес покаянную речь и просил о милосердии. Чуский ван, учтя его смирение, отошел на 30 ли, оставив столицу Чжэн в покое (ШСЦ, т. 29, *Чунь-цю Цзо чжуань чжэн и*, кн. 3, стр 921—922).

208. Как следует из текста 14 гл. *Ши цзи*, Ли-гуна сначала арестовали, а потом убили его сановники Луань-шу и Чжун-хан Янь, поставившие у власти четырнадцатилетнего Дао-гуна (т. 2, стр. 629).

209. Об убийстве циского гуна сообщается в хронике *Чунь-цю* под 25-м годом правления Сян-гуна (ШСЦ, т. 30, стр. 1445). Более подробно картина гибели гуна и его восьми соратников описана в *Цзо-чжуань*.

210. В последней фразе имеются неясности и, по-видимому, ошибки. В тексте *Цзо чжуань* говорится: «В 6-й луне в день *и-чоу* умер старший сын [Цзин-]вана по имени Шоу, а осенью в 8-й луне в день *моу-инь* скончалась старшая жена вана Му-хоу» (ШСЦ, т. 31, *Чунь-цю Цзо чжуань чжэн и*, кн. 5, гл. 47, стр. 1915). Таким образом, регистрируется почти одновременная смерть матери и сына.

В тексте *Ши цзи* имеется только один знак *хоу* 后 — «старшая жена» без указания имени, а вместо наследника Шоу появилось имя Шэн. Лян Юй-шэн считает, что вместо иероглифов *шэн эр* 聖而 должно стоять Шоу 寿 — имя наследника, что вполне логично (ЛЮШ, кн. 2, гл. 3, стр. 36).

Шаванн, избегая подстановок и придерживаясь значения имеющихся иероглифов, переводит: «Старший сын царицы, который был мудр, преждевременно скончался» (МИС, т. 1, стр. 297).

211. Чжао был старшим побочным сыном, не имевшим права престолонаследия.

212. Цзин-ван, судя по хронологическим таблицам царствований (гл. 14, т. 2, стр. 657), правил 25 лет, следовательно, он умер в 520 г. до н. э. В *Цзо чжуань* также указывается, что Цзин-ван умер на 25-м году правления, что доказывает пропуск цифры «пять» в 4 гл.

213. О борьбе за власть в Чжоу в эти годы подробно рассказывается в *Цзо чжуань*. Мэн был младшим братом рано умершего наследника Шоу и имел законное право на власть, поэтому сановники и князья старались возвести его на престол. По-видимому, он назван в тексте старшим сыном вана ошибочно. Мэн был выдвинут в качестве преемника вана, но не успел занять престол, поэтому его имя не фигурирует в числе официальных правителей Чжоу. Посмертно ему был дан титул Дао-ван. Цзин-ван Гай был дядей Мэна со стороны матери.

214. Цзэ — название места, координаты которого неизвестны. По *Чунь-цю*, ван поселился не в Цзэ, а в Дицюань, вблизи Лояна (ШСЦ, т. 31, стр. 2035).

215. Как сообщается в *Чунь-цю* и в *Цзо чжуань*, Чжао вместе со своими сторонниками Инь-ши, Чжао-бо и Мао-бо бежал в Чу (ШСЦ, т. 32, *Чунь-цю Цзо чжуань чжэн и*, кн. 6, стр. 2095, 2101) и, следовательно, не подчинился Цзин-вану, как утверждает Сыма Цянь.

216. Ду Юй в комментарии к *Чунь-цю* отмечает, что Цзин-ван, опасаясь сторонников княжича Чжао, находившихся в Ванчэне, обосновался в Чэнчжоу. Этот город был невелик и плохо укреплен, поэтому ван попросил цзиньского *гуна* помочь обнести Чэнчжоу стеной (ШСЦ, т. 32, стр. 2167).

217. Согласно *Цзо чжуань*, ликвидация Чэнь относится к 478 г. до н. э., т. е. произошла на год позднее (ШСЦ, т. 32, стр. 2426). В разных главах *Ши цзи* даются обе даты.

218. Кун-цзы (или, как принято в русской литературе, Конфуций) — выдающийся мыслитель и политический деятель древнего Китая (552—479 гг. до н. э.), уроженец города Цюйфу в княжестве Лу. Конфуцию и его роду посвящена в «Исторических записках» 47 гл. *Кун-цзы ши цзя*.

219. Дата смерти Цзин-вана и продолжительность его правления в различных источниках расходятся. В 14 гл. *Ши цзи* говорится, что Цзин-ван умер на 43-м году царствования, т. е. в 477 г. до н. э. (т. 2, стр. 682). По *Цзо чжуань*, смерть Цзин-вана наступила на 44-м году его правления, т. е. в 476 г. до н. э. К последней цифре сводятся данные *Чжу-шу цзи нянь* и *Тун-цзянь ган-му*. Цинский ученый Ван Мин-шэн (1720—1798), подробно разобрав все источники по этому вопросу, высказывается в пользу 43-летнего царствования Цзин-вана, как указано Сыма Цянем в 14 гл. (Ван Мин-шэн, *Суждения о 17 династийных историях*, т. 1, гл. 3, стр. 27—29).

220. *Ши бэнь* дает иную последовательность царствований и имен правителей: после смерти Цзин-вана на престол взошел Чжэнь-ван по

имени Цзе, а затем Юань-ван по имени Чи (*Ши бэнь*, версия Мао Пэнлиня, стр. 18).

221. Сань Цзинь — три влиятельных дома в княжестве Цзинь: Хань, Чжао и Вэй, которые окрепли в ходе борьбы аристократических домов за власть и создали на землях Цзинь свои княжества.

222. В 516 г. до н. э. Цзин-ван перенес столицу в Чэнчжоу (см. прим. 216) и укрепил ее с помощью *чжухоу*. После того как Као-ван пожаловал своему младшему брату (Цзе) земли в Хэнани, тот сделал своей столицей древний город Ванчэн. С этого времени чжоуские земли разделились на восточночжоуские и западночжоуские. В соответствии с этим делением правители обеих частей стали именоваться восточночжоускими и западночжоускими *гунами*.

Земли Гун, где получил владение сын Хуй-гуна, находились в современном уезде Гунсянь провинции Хэнань.

223. 403 г. до н. э. считается началом нового периода в древней китайской истории — периода Чжаньго или «борющихся княжеств [царств]». Период Чжаньго — этап ожесточенной борьбы между правителями княжеств за захват городов и земель, за политическую власть. Ко времени «Борющихся княжеств» чжоуский ван утратил свою силу; его власть, даже номинальная, распространялась лишь на небольшую территорию. Войны периода Чжаньго, продолжавшиеся в общей сложности 182 года, завершились победой княжества Цинь и первым объединением Китая.

224. В китайской комментаторской литературе много внимания уделено анализу цифр, приведенных в предсказании историографа Даня.

Ин Шао считает, что пятьсот лет разъединения начались с момента, когда чжоуский Сяо-ван пожаловал земли потомкам Бо-и, и закончились при Чжао-ване, когда правитель Западного Чжоу поднес Цинь 36 городов. Вэй Чжао считает началом этого периода возвышение Цинь-чжуна, а концом — усиление Сян-гуна, который был объявлен гегемоном. Существуют и другие подсчеты.

Упоминание о новом соединении Чжоу и Цинь, после 500-летнего разрыва, встречается в *Ши цзи* в гл. 4, 5, 28, 63. Однако в 5 гл. вместо 17 приведена цифра 77, а в 63 гл.— 70 лет, что, по-видимому, является опиской, так как число семнадцать укладывается в хронологию событий (либо 343 г.— провозглашение Сяо-гуна гегемоном, либо 238 г.— год расправы Чжэна с заговорщиками).

В 63 гл. Сыма Цянь упоминает о том, что некоторые отождествляют придворного историографа Даня с Лао-цзы, но никто не знает, так ли это (т. 5, стр. 2142). По тексту *Ши цзи* такая версия не согласуется с логикой, ибо Лао-цзы был современником Конфуция. Высказывание же историографа Даня помещено под 374 г., т. е. через сто с лишним лет после смерти Конфуция (479 г. до н. э.).

225. Как явствует из 15 гл. *Ши цзи* (т. 2, стр. 618), Ле-ван процарствовал всего семь, а не десять лет, и уже в 368 г. у власти стоял Сянь-ван.

Если учесть частое смешение при переписке знаков «семь» и «десять», можно предполагать, что и в данном случае мы имеем дело с опиской (на это указывает Лян Юй-шэн).

226. В тексте главы сын Шэнь Цзин-вана назван вначале Нань-ван, а затем ван Нань. Накаи, разбирая этот вопрос, говорит, что если назвать правителя Нань-ваном, то знак Нань выступает как титул и нельзя в дальнейшем писать ван Нань, ибо тогда Нань выступит уже как имя. Следовательно, в одном из написаний допущена ошибка (скорее всего в варианте ван Нань).

227. В тексте *Чжаньго цэ* У-гун именуется восточночжоуским, а не западночжоуским, как в 4 гл. Комментаторы Сюй Гуан, Го Сун-тао, Такигава и другие считают, что в *Ши цзи* в данном месте ошибка: должен стоять иероглиф *дун* 東 вместо *си* 西 .

228. Накаи высказал мнение, что знаки *цин* 請 и *вэй* 為 в конце фразы следует поменять местами в целях соответствия смыслу и грамматике, с чем можно согласиться.

229. Цзо-чэн 左成 — сановник чуского вана.

230. Поскольку в двух случаях в данном абзаце в *Чжаньго цэ* стоит иероглиф *цзы* 資 — «подносить, даровать», Лян Юй-шэн считает иероглиф *хэ* 賀 ошибкой. Гу Цзе-ган, очевидно, разделяет такое мнение — в современном издании даже в основном тексте иероглиф заменен.

Последняя часть абзаца после слов *шу юй ли* 孰欲立 (12 иероглифов) в согласии с текстом *Чжаньго цэ* включена нами в прямую речь Цзо-чэна (это также соответствует новой пунктуации). В переводе Шаванна конец фразы передан как описание происшедших уже событий (т. 1, стр. 305).

231. Иян — главный город княжества Хань, который, по данным *Чжаньго цэ*, имел площадь восемь квадратных *ли* (ок. 2 км^2) и сто тысяч храбрых защитников, был расположен в одноименном уезде провинции Хэнань.

232. Су Дай — известный политический деятель периода Чжаньго. По комментарию *Со инь*, Цинь, желая объединения с Чжоу, всячески демонстрировало свое расположение к Су Даю, поэтому *чжухоу* говорили об альянсе Чжоу-Цинь.

233. Ин — столица княжества Чу, находилась на месте современного города Цзинаньчэн в уезде Цзянлин провинции Хубэй.

234. В тексте *Чжаньго цэ* говорится о посольстве не к ханьскому, а к вэйскому вану, следовательно, Наньян принадлежал Вэй. В комментарии *Цзи цзе* со ссылкой на Сюй Гуана сообщается, что существовало два Наньяна: один, позднее называвшийся Сюу, принадлежал Вэй, другой, в области Цзинчжоу, принадлежал Хань. Если это так, то в *Чжаньго цэ* и в *Ши цзи* речь идет о разных Наньянах.

235. Начало следующей фразы, по-видимому, утеряно, поэтому нами поставлено многоточие.

236. Юнши — ханьский город, находившийся на территории современного уезда Фугоу провинции Хэнань.

237. Гаоду — город княжества Хань, находившийся в уезде Лоян провинции Хэнань.

238. Надо полагать, что ханьский советник заявил Су Даю, что им послан гонец в Чжоу с отказом от просьбы о помощи. Такое толкование логически связывается с его последующими словами: «То, что мы не будем требовать с Чжоу солдат и зерна, уже многое...».

Сыма Чжэнь предложил слово *и* 已 толковать в смысле *чжи* 止 — «остановить, прекратить». Тогда перевод фразы звучит иначе: «Поездка гонца прервана» (так перевел Шаванн — МИС, т. 1, стр. 310).

239. Вэйский военачальник Си-у (он же Ши-у), как свидетельствует *Чжаньго цэ*, был разбит циньской армией в бою под Ицзюэ.

240. Лян Юй-шэн считает, что в изложение этих событий вкрались неточности. Битва при Ицзюэ, в ходе которой циньской армией под водительством Бо-ци были разбиты ханьские и вэйские войска, взят в плен ханьский военачальник Гунсунь Си и убит вэйский военачальник Си-у, произошла в 293 г. до н. э. Захват же Лиши имел место много раньше, на 41-м году правления Сянь-вана (327 г. до н. э.), а захват Линь — на 2-м году правления Нань-вана (312 г. до н. э.). В то время Бо-ци еще не руководил армией (ЛЮШ, кн. 2, гл. 3, стр. 44).

241. Имеется в виду известный проход Лунмэнь в провинции Шэньси, носивший в период Чуньцю название Ицзюэ.

242. Искусный стрелок Ян Ю-цзи, по китайским преданиям, служил военачальником при Гун-ване (590—560 гг. до н. э.), правителе царства Чу.

243. Хуаян, по свидетельству Сыма Бяо, находился в уезде Мисянь, в современном делении — уезд Синьчжэн провинции Хэнань. О захвате Хуаяна упоминается в 5 гл. (т. 1, стр. 213) и в биографии полководца Бо-ци (т. 5, стр. 2331).

О соглашении в Хуаяне в китайских источниках ничего не говорится. Это дало основание Накаи Сикетоку считать, что иероглиф *юэ* 約 вставлен в текст 4 гл. ошибочно. Если принять эту поправку, перевод будет иным: «Цинь разбило [Вэй] под Хуаяном».

244. В *Чжаньго цэ* вместо слова *шэнь* 甚 стоит *юй* 癒 — «поправляться», что и послужило основанием для нашего перевода (вариант Шаванна: «болезнь усилилась», на наш взгляд, логически не увязывается с дальнейшим ходом изложения).

245. Хитроумные маневры Ма Фаня, как и другие выступления и советы сановников и советников при чжоуском дворе, приведенные в главе, отражают сложность обстановки периода Чжаньго, остроту борьбы княжеств, использование как военных, так и дипломатических методов. Стратегия и тактика этого периода нашли свое отражение в основных военных трактатах тех веков (*Сунь-цзы, У-цзы, Вэй Ляо-цзы, Сыма фа*) и

в других сочинениях — *Чжаньго цэ, Го юй*. Сунь-цзы советовал: «Самая лучшая война — это разбить замыслы противника, искусной политикой расстроив его планы» (Н. И. Конрад, *Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве)*.

246. Иероглиф 最 читается *цюй* или *цзюй* (то же, что знак 聚 на стр. 168). Цзюй — княжич из чжоуского дома (*Со инь*). Встречающийся в *Чжаньго цэ* в той же ситуации знак *цзуй* 最 считается ошибочным написанием.

247. Имеется в виду княжич Цзюй.

248. Янчэн — город в Чжоу (см. прим. 157 ко 2 гл.). Фушу — населенный пункт, находившийся вблизи Янчэна. В описываемый период оба пункта входили в состав княжества Хань. Они находились на территории современного уезда Дэнфэн провинции Хэнань.

249. Иероглиф 从 в данном случае однозначен 縱 *цзун* — «вертикальный». Еще в 334 г. до н. э. политический деятель Су Цинь, видя растущую силу княжества Цинь и постепенное поглощение им других княжеств, выдвинул идею о создании союза княжеств — противников Цинь, расположенных по вертикали с севера на юг. Союз этот получил название *хэцзун* 合縱 — «объединение по вертикали». Образовалась сильная коалиция княжеств Янь, Чжао, Хань, Вэй, Ци и Чу. Дипломатия Цинь противопоставила «вертикальному объединению» своих противников «союз по горизонтали» *ляньхэн* 連橫, выражая готовность заключить соглашение с любым из восточных княжеств и тем разрушить единый фронт врагов.

Метко охарактеризовал эти союзы философ Хань Фэй-цзы: «Вертикальный союз — это союз многих слабых для нападения на одного сильного, а горизонтальный союз — это служение одному сильному для нападения на других слабых» (ЧЦЦЧ, т. 5, *Хань Фэй-цзы цзи цзе*, гл. 19, *У ду*, стр. 347).

250. В существующем тексте *Ши цзи* стоят четыре иероглифа: *Чжоу цзюнь ван Нань*, Гу Цзе-ган разделил их запятой, присоединившись тем самым к толкованию Пэй Иня и Сыма Чжэня о смерти обоих чжоуских правителей У-гуна и Нань-вана.

Однако в 15 гл. *Ши цзи* (т. 2, стр. 748), в труде Ван Чуна *Лунь хэн* (гл. *Жу цзэн)* и в *Тайпин юй лань* (т. 1, гл. 85, стр. 405), где использован текст *Ши цзи,* говорится только о смерти чжоуского Нань-вана, а иероглиф *цзюнь* 君 отсутствует. Это позволяет сделать вывод о том, что в подлиннике «Исторических записок» стояло только три знака *Чжоу ван Нань* и знак *цзюнь* — ошибочная вставка. Это подтверждается и сообщением о переселении У-гуна.

251. Даньху, по данным Сюй Гуана, находилось в 150 ли к югу от Лояна.

252. Западное Чжоу было уничтожено раньше, и новое упоминание о

нем считается излишним, а иероглиф *си* 西 («запад») — позднейшей интерполяцией. В 78 гл. *Ши цзи* действительно стоит только *дун*, «восток», что подтверждает это мнение.

253. Би — пункт на севере современного уезда Сяньян провинции Шэньси. Считается местом захоронения первых правителей Чжоу: Вэнь-вана, У-вана и их советника Чжоу-гуна.

254. Янь Ши-гу считает Цзы-нань названием владения, пожалованного потомкам Чжоу. От местности произошел и титул.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ГЛАВА *САНЬ-ХУАН БЭНЬ ЦЗИ*

(«ОСНОВНЫЕ ЗАПИСИ О ТРЕХ ВЛАСТИТЕЛЯХ») [1]

Тай-хао, или Пао-си, носил фамилию Фэн [2]. Сменив род Суй-жэня [3], он принял Поднебесную и стал управлять [ею]. Его мать звали Хуа-сюй, она ступила в след великана у озера Лэйцзэ, после чего родила Пао-си в Чэнцзи. [Пао-си] имел тело змеи и голову человека. [Он] обладал совершенными добродетелями [4].

Глядя вверх, [Пао-си] наблюдал за [движениями] тел на небе, глядя вниз, наблюдал за законами [жизни] на земле, глядя по сторонам, наблюдал за узорами на [перьях] птиц и [шкурах] зверей и за нуждами земли. Вблизи [он] использовал все, что окружало его, вдали использовал все, что шло *от природы, [и на основе этого] впервые нарисовал восемь триграмм* [5], чтобы с их помощью постигнуть благодетельную силу небесных духов и разделить по качествам все сущее.

[Пао-си] создал письмена, чтобы заменить обычай завязывания узлов на веревках [6]. Затем [он] впервые установил правила замужества и женитьбы, [по этим правилам] подарком служила пара шкур. [Он] сплел сети и силки, чтобы научить [людей] охоте и рыболовству, потому его и прозвали Фу-си («Устроивший засаду на жертвенных животных»). [Он] разводил жертвенных животных, чтобы затем их готовили на кухне, потому *его и прозвали Пао-си* (*«Поставляющий на кухню жертвенных животных»*).

Когда появилось благовещее знамение в виде дракона, [Пао-си] использовал [слово] дракон для названия должностей и назвал чиновников «драконовыми управителями» [7]. [Он] создал тридцатипятиструнные гусли *сэ*. [Пао-си] правил под [покровительством] стихии дерева и ведал весенним сезоном, поэтому в «Книге перемен» [о нем] говорится: «Владыка появился под триграммой *чжэнь* [8]», а в [главе] *Юэ-лин* сказано, что владыка первого месяца весны — Тай-хао [9].

Столица [Пао-си] *находилась* в Чэнь [10], *на востоке* [он] *насыпал холм* на горе Тайшань [и принес жертвы Небу] [11]. [Пао-си] скончался, пробыв на престоле сто одиннадцать лет. Среди его потомков в период Чунь-цю были Жэнь-су, Сюй-цзюй и Чжуань-юй, все они являлись продолжателями фамилии Фэн [12].

Нюй-гуа также носила фамилию Фэн. [Она] имела тело змеи и голову человека. [Нюй-гуа] обладала совершенными святыми добродетелями. [Она] вступила на престол, сменив Фу-си. Ее называли [также] Нюй-си. [Она] ничего не изменила и не сотворила вновь, только сделала свирель *шэн-хуан*. Вот почему в «Книге перемен» о ней не пишется, и [царствование] ее не связано с чередованием пяти стихий.

Некоторые говорят, что Нюй-гуа так же [как и Фу-си], правила под [покровительством] стихии дерева. Должно быть после Фу-си прошло уже несколько поколений, когда кругооборот металла, дерева и других стихий закончился и опять начался новый цикл. Тогда особо выдвинули Нюй-гуа. Заслуги ее были высоки, вот ее и включили в число трех властителей (*сань хуан*); получилось [так, что и] она правила под [покровительством] *стихии дерева* [13].

В последние годы [правления] Нюй-гуа среди *чжухоу* появился Гун-гун. Он был назначен ведать наказаниями, но затем усилился и отказался признавать [Нюй-гуа] правителем, ибо [считал, что] стихия воды пришла на смену стихии дерева. Он начал войну с Чжу-юном, но не добился победы, что разгневало его. [В гневе] он ударился головой о гору Бучжоу, которая рухнула. Небесная опора сломалась, а в углах земли появились трещины. Тогда Нюй-гуа выплавила разноцветные камни, чтобы залатать ими небо; отрубила ноги у черепахи, чтобы укрепить четыре угла земли; собрала тростниковую золу, чтобы остановить бушующие воды и тем спасти область Цзичжоу. И тогда земля стала ровной, небо — целым, а прежний порядок вещей не изменился [14].

После смерти Нюй-гуа стал действовать Шэнь-нун. Янь-ди, или Шэнь-нун, *носил фамилию Цзян* [15]. *Его мать звали Нюй-дэн, она была женщиной* из рода Ю-гуа и женой Шао-дяня. Под [влиянием силы] священного дракона она [понесла] и родила Янь-ди. [Янь-ди] имел тело человека, а голову быка. Он вырос на реке Цзяншуй, и поэтому [название реки] стало его фамилией.

[Шэнь-нун] правил под [покровительством] стихии огня, поэтому его и прозвали Янь-ди («Огненный император»). [Он] использовал для названия должностей чиновников слово «огонь». Обтесав дерево, [он] сделал сошник *сы*, согнув дерево, [он] сделал соху *лэй* для вспашки и прополки, и научил этому народ. [За то, что] он впервые научил [людей] пахоте, его прозвали Шэнь-нун — («Святой пахарь»).

Затем [Шэнь-нун] совершил жертвоприношения в двенадцатой луне и бил красной плетью по травам и деревьям [16]. [С этого времени] впервые были опробованы все травы и впервые появились лекарства. Он же создал пятиструнные гусли *сэ*. [Шэнь-нун] научил людей днем устраивать базары, обмениваться [товарами] и возвращаться [домой], получив то, что каждому было нужно. После этого он умножил восемь триграмм, превратив их в шестьдесят четыре гексаграммы [17].

Вначале [Шэнь-нун] имел столицу в Чэнь, а затем поселился в

Цюйфу. Пробыв на престоле сто двадцать лет, [Шэнь-нун] скончался и был похоронен в Чанша. Шэнь-нун собственно возвысился в горах Лешань, поэтому Цзо [Цю-мин] говорит, что потомков рода Лешань звали Чжу, а также Лишань. А в *Ли-цзи* сказано, что род Лишань владел Поднебесной [18].

Шэнь-нун взял девушку из рода Бэншуй по имени Тин-сюань и сделал своей женой. [Она] родила императора Куя, от Куя родился император Чэн, от Чэна родился император Мин, от Мина родился император Чжи, от Чжи родился император Мао, от Мао родился император Ай, от Ая родился император Кэ, от Кэ родился император Юй-ван [19].

Всего прошло восемь поколений и пятьсот тридцать лет, после чего возвысился род Сюань-юаня [20].

Среди его, [Сюань-юаня], потомков были Чжоу, Фу, Гань, Сюй, Си, Лу, Ци, Цзи, И, Сян, Шэнь, Люй, все они вышли из фамилии Цзян и были *чжухоу,* а некоторые входили в число *сыюэ* [21]. Во времена [господства] дома Чжоу Фу, носивший титул *хоу*, и Шэнь, носивший титул *бо,* стали мудрыми советниками вана [22], а Ци и Сюй принадлежали к владетельным князьям и стали гегемонами срединных государств.

Добродетели совершенного человека [Шэнь-нуна] распространились широко, поэтому его потомки процветали длительное время.

Другие утверждают, что тремя властителями были Тянь-хуан, Ди-хуан и Жэнь-хуан. Коль скоро о начале сотворения мира, о появлении правителей и подданных записано в гадательных книгах и [эти сведения] нельзя полностью отбросить, я также излагаю их [23].

Вначале, когда утвердились небо и земля, был Тянь-хуан («Властитель небес»). Он был о двенадцати головах. Пребывая в безмятежном покое, [Тянь-хуан] ничего не делал, но нравы совершенствовались сами собой. Он правил под [покровительством] стихии дерева. Его правление началось в период Шэ-ти. [Тянь-хуан] имел двенадцать братьев, каждый из которых правил по восемнадцати тысяч лет.

Ди-хуан («Властитель земли») был об одиннадцати головах, он правил под [покровительством] стихии огня. В его роду было одиннадцать человек. Они возвысились в Сюнъэршань, Лунмэньшань и других горах. Каждый из них тоже правил по восемнадцати тысяч лет.

У Жэнь-хуана («Властителя людей») было девять голов. Он ездил на облачной колеснице, которой управлял с помощью шести крыльев, и появлялся из ущелий.

Девять братьев Жэнь-хуана управляли девятью областями. Каждый из них основал город. Всего за сто пятьдесят поколений [прошло] в общей сложности 45 600 лет [24].

После Жэнь-хуана были роды У-лун, Суй-жэнь, Да-тин, Бо-хуан, Чжун-ян, Цзюань-сюй, Ли-лу, Ли-лянь, Хэ-сюй, Цзунь-лу, Хунь-чунь, Хао-ин, Ю-чао, Чжу-сян, Гэ-тянь, Инь-кан, У-хуай. Все это, по-видимому, названия родов, владевших Поднебесной со времен трех властителей. Но

о них не записано в книгах, поэтому нельзя узнать имен [правителей], годов правления и местоположения столиц.

Однако в «Книге песен» [в редакции] Хань Ина[25] говорится, что, начиная с древности, более десяти тысяч [правящих] домов приносили жертвы Небу на горе Тайшань и жертвы земле на холме Лянфу. [Уже] Конфуций знал об этом, но не смог до конца узнать, [кто эти правители]. Гуань-цзы тоже говорил: «В древности семьдесят два [правящих] дома приносили жертвы Небу на горе Тайшань, я же, И-у[26], знаю из них только двенадцать, и первым был род У-хуай».

Если это так, то от Тянь-хуана до рода У-хуай прошли долгие годы, и как же тогда возвышались и завершали свой путь императоры и ваны? Из-за того, что древние записи утеряны, нет возможности подробно рассказать об этом. Но разве можно говорить, что [в тот период] не было ни императоров, ни ванов!

В связи с этим в *Чунь-цю вэй* говорится, что от начала мира до поимки *цилиня* всего прошло три миллиона двести семьдесят шесть тысяч лет, делящихся на десять периодов, на протяжении которых всего прожило семьдесят тысяч шестьсот поколений[27].

Первый период назывался Цзю-тоу, второй — У-лун, третий — Шэ-ти, четвертый — Хэ-ло, пятый — Лянь-тун, шестой — Сюй-мин, седьмой — Сю-фэй, восьмой — Хуй-ти, девятый — Чань-тун, десятый назывался Люци. Поскольку период Лю-ци, по-видимому, совпадает со временем жизни Хуан-ди, который правил на грани с девятым периодом, я и написал здесь об этом, чтобы дополнить «Основные записи [о деяниях] пяти императоров».

КОММЕНТАРИЙ

1. Глава о «трех властителях» написана в VIII в. н. э. Сыма Чжэнем (прозвище Сяо Сыма) — одним из танских исследователей «Исторических записок», пояснения которого отнесены к числу трех основных комментариев и называются *Соинь* («Поиски сокровенного»). Необходимость включения такой главы в книгу Сыма Цяня Сыма Чжэнь обосновывал тем, что великий историк начал свой труд с деяний пяти императоров древности, опираясь на данные *Да Дай ли* (гл. *У-ди дэ*) и *Кун-цзы цзя-юй* (гл. *Ди-си*), которые начинают историю с Хуан-ди. Записи о трех властителях (*сань хуан*), предшественниках «пяти императоров», у Сыма Цяня отсутствуют, поэтому Сыма Чжэнь и решил собрать предания о трех властителях, написать главу об их деяниях, чтобы восполнить, как он считал, пробел в *Ши цзи*.

Глава, написанная Сыма Чжэнем, входит во многие издания «Исторических записок». Поскольку работа Сыма Чжэня является интересным сводом древних мифов и легенд, она дается в приложении и нами.

Предания о так называемых древних правителях (властителях) отра-

жают мифы, созданные на ранней стадии развития общества на земле Китая и включающие представления о силах природы, господствующих над человеком. Но эти мифы уже отражают и общественные силы, персонифицированные в образах самих «правителей». Это иллюстрирует известное положение Энгельса: «Фантастические образы, в которых первоначально отражались только таинственные силы природы, приобретают теперь также и общественные атрибуты и становятся представителями исторических сил...» («Анти-Дюринг», стр. 299).

Легенды и мифы Китая, все сведения древних источников о ранних периодах тщательно собраны и изучены учеными. В числе специальных работ, затрагивающих полностью или частично тему о «трех властителях», назовем труды: Ян Куаня, Тун Шу-е, Гу Цзе-гана и Ян Сян-куя *(Гу ши бянь,* т. 7, часть 2); японских ученых Иидзима Тадао, Хосино Ватару. Подробная библиография работ о мифах Китая на всех языках дана Б. Рифтиным в книге: Юань Кэ, *Мифы древнего Китая,* стр. 478—489.

Из большого разнообразия древних мифов, зафиксированных в классической литературе и поэзии, в эпиграфике, постепенно уже в классовом обществе, происходил отбор, появлялись основные генеалогические линии, освященные господствующими взглядами.

Формирование мифа о трех властителях — *сань хуан* ученые относят лишь к концу периода *Чжаньго-Цинь*—началу *Хань,* поскольку первые упоминания о них содержатся в *Чжуан-цзы, Люй-ши чунь-цю, Хуайнань-цзы.*

Существует несколько вариантов триады *хуанов*:

1) Фу-си, Нюй-гуа и Шэнь-нун (вариант, принятый Сыма Чжэнем);

2) Фу-си, Шэнь-нун и Суй-жэнь;

3) Фу-си, Шэнь-нун и Хуан-ди и т. д.

2. Тай-хао — «великий светоч» считался самым важным среди трех *хуанов,* отождествляемым с известным персонажем легенд — Пао-си, или Фу-си. Б. Карлгрен правильно, на наш взгляд, подмечает, что в ханьское время наметилась тенденция к уменьшению числа «правителей», почитаемых в легендах, что и было достигнуто простым приемом идентификации двух или нескольких мифических имен и сведения их к одному герою. Отождествление Тай-хао и Пао-си (Фу-си) произошло в эпоху Хань, о чем можно судить по тексту *Хань шу* (ХШБЧ, т. 3, стр. 1768; Карлгрен, *Легенды и культы древнего Китая,* стр. 221).

3. Суй означает «орудие для добычи огня». Мифический период Суй-жэня 燧人 относится, по-видимому, к ранним эпохам, когда человеческие коллективы только научились добывать и поддерживать огонь. Отголоски этих событий сохранились в преданиях чжоуского и ханьского времени. Хань Фэй-цзы в гл. *У-ду* сообщает, что люди в прошлом «болели от сырой пищи», и тогда появился святой человек, который трением добыл огонь. За это люди поручили ему Поднебесную и прозвали его Суй-жэнь (ЧЦЦЧ, т. 5, *Хань Фэй-цзы цзи-цзе,* стр. 339).

4. По описаниям трактата *Ле-цзы* Пао-си, Нюй-гуа, Шэнь-нун и Ся-

хоу имели тела змей, головы быков, лица людей и пасти тигров. Не имея человеческого образа, они тем не менее обладали добродетелями великих святых (ЧЦЦЧ, т. 3, *Ле-цзы чжу*, стр. 27).

На некоторых рельефах ханьских погребений, найденных за последние десятилетия, встречаются изображения Фу-си (Пао-си), в облике которого сохранены древнейшие представления: голова и верхняя часть туловища — человеческие, а нижняя часть — тело змеи (дракона).

5. О восьми триграммах см. гл. 4, прим. 35.

6. Упоминание о периоде, когда люди пользовались еще мнемоническими средствами для фиксации каких-то общих понятий и, главным образом, счета, весьма интересно (оно встречается, в частности, в *Ицзине*). Предания о таком отдаленном прошлом могли сохраниться потому, что подобные приемы длительное время существовали у окружающих Китай племен. Как сообщает Ч. Лукотка, узлы, шнуры еще и теперь применяются для запоминания у перуанских пастухов, у зуни в Аризоне, у аракуанцев в Чили и у других народов, стоящих на низкой ступени развития (Ч. Лукотка, *Развитие письма*, стр. 19).

7. Версия о благовещих знамениях и включение этих слов в наименования должностей чиновников встречается в *Цзо-чжуань*. О «драконовых управителях» говорится там же под 17-м годом Чжао-гуна (ШСЦ, т. 31, стр. 1945). Мы упоминали об этом в связи с Хуан-ди (см. гл. 1, прим. 24).

8. Триграмма *чжэн* 震 — «молния» в *Ицзине* связана с зарождением жизни в природе, с весной, со стихией дерева и отсюда с востоком как страной света.

9. Глава *Юэ-лин* входит в *Ли цзи* (ШСЦ, т. 21, *Ли-цзи чжэн-и*, кн. 3, гл. 16, стр. 708).

10. Легенды относят столицу Чэнь к району провинции Хэнань, где на берегу реки Цай, притока Хуайхэ, Фу-си якобы и составил свои знаменитые восемь триграмм *ба-гуа*.

11. О жертвах Небу см. гл. 1, прим. 25. В 28 гл. также упоминается Тай-ди в качестве предшественника Хуан-ди в связи с описанием жертв Небу и Земле. Тай-ди, по мнению Кун Вэнь-сяна, и есть Тай-хао (ШЦ, т. 3, стр. 1392).

12. Названные выше роды Жэнь-су, Сюй-цзюй и Чжуань-юй следует рассматривать как ответвления от общего племени с тотемом «ветер» — *фэн* 風. В период Чуньцю (722—481 гг. до н. э.) это уже были небольшие владения или царства, которые старались вести свою генеалогию от самого Фу-си. Правители владений приносили жертву духу Тай-хао.

13. Легенда о Нюй-гуа (иероглиф 媧 — *гуа* читается также *ва*, о чем имеется упоминание в *Кан-си цзы-дянь*, стр. 195) в своем окончательном виде сравнительно позднего происхождения. В доханьской литературе встречаются лишь два упоминания имени Нюй-гуа (причем не в качестве «правителя»): в «Вопросах небу» Цюй Юаня и в *Ли-цзи*.

Только с ханьского периода Нюй-гуа занимает постоянное место в

пантеоне богов и героев древнего Китая. В *Хуайнань-цзы* и *Ле-цзы* описываются легендарные деяния Нюй-гуа. Вначале даже неясен пол Нюй-гуа. В I веке н. э. сообщается, что это женщина: у философа Ван Чуна в *Лунь-хэн* (ЧЦЦЧ, т. 7, стр. 156) и у Сюй Шэня. Примерно во II в. Нюй-гуа возводится в ранг *ди* или *хуана* — «императора» или «властителя» (комментарий Чжэнь Сюаня к *Ли-цзи* и сочинение Ин Шао *Фэнсу тун-и,* от которого сохранились отдельные фрагменты). Архаические черты ее культа, носящие следы тотемистических воззрений и анимистических представлений, проявляются в изображениях Нюй-гуа и Фу-си на погребальных рельефах со змеиными телами (змеи — образ водной стихии, плодородия). Особенно заметно это на рельефах из Сычуани и из храма Улянсы в Шаньдуне, найденных за последние годы и относимых ко II в.

Сюй Сюй-шэн в труде «Мифический период в древней истории Китая» предполагает, что предания о Фу-си и Нюй-гуа возникли первоначально среди племен *мяо,* которые считали их своими предками, причем сначала главная роль отводилась Нюй-гуа, а позднее старшинство перешло к Фу-си. Автор видит в этом отражение процессов перехода от матриархата к патриархату. Вэнь И-до в книге «Мифы и стихи» (стр. 98) связывает культ Нюй-гуа с племенами *ся,* населявшими центр страны до иньцев, у которых она олицетворяла богиню плодородия (подробно вопрос разобран также в трудах Карлгрена — «Легенды и культы в древнем Китае»; Бодде — «Мифы древнего Китая»; в статье Э. М. Яншиной «О некоторых изображениях на рельефах ханьских погребений», стр. 65—77. В книге Юань Кэ приводятся легенды о создании мира, в которых фигурирует и Нюй-гуа).

14. Миф о починке неба усилиями Нюй-гуа в наиболее полном виде встречается в *Ле-цзы* и *Хуайнань-цзы.* Существует также миф, приписывающий Нюй-гуа создание человека. Во фрагменте из *Фэнсу тун-и,* приведенном в энциклопедии сунского времени *Тай-пин юйлань,* рассказывается о том, как Нюй-гуа лепила людей из земли, причем богатые и ученые выделывались из желтозема, а бедные и подлые из простой глины (ТПЮЛ, т. 1, гл. 78, стр. 365). О Гун-гуне, герое древних легенд, см. гл. 1.

15. По изложению Сыма Чжэня, легендарные Шэнь-нун и Янь-ди — два прозвища одного персонажа. Однако в чжоуских текстах имена Шэнь-нуна и Янь-ди еще не отождествлены. В 10 гл. *Го-юй,* например, говорится о том, что женщина из рода Ю-цзяо родила Хуан-ди и Янь-ди, которые, таким образом, оказываются братьями. В этом случае Шэнь-нун — более ранний правитель, предшествовавший Хуан-ди (во фрагментах сочинения *Ши-цзы* есть упоминание о власти рода Шэнь-нуна над Поднебесной в течение 70 поколений).

Сыма Цянь в главе о пяти императорах древности, по существу, придерживается последней версии и говорит сначала о власти рода Шэнь-нуна и потом о Хуан-ди и Янь-ди (1 гл.).

Идентификация Шэнь-нуна и Янь-ди, как можно судить по имеющимся исследованиям и источникам, начинается в раннеханьских и последующих сочинениях: в *Люй-ши чунь-цю, Ле-цзы, Хуайнань-цзы, Чунь-цю фань-лу* и др. Кун Ин-да, комментируя *Цзо чжуань*, говорит: «Прежние конфуцианцы в старых рассуждениях все утверждали, что Янь-ди зовется Шэнь-нуном» (ШСЦ, т. 31, стр. 1955; об этом же сообщается в комментариях к *Ли-цзи*, ШСЦ, т. 21, стр. 725).

16. Жертва *чжа* 蜡 приносилась после окончания земледельческого года, в честь всех духов (*ба-чжа* 八蜡). Чжэнь Сюань в комментарии к *Ли-цзи*, где говорится об участии Конфуция в этой жертве, сообщает, что в период Ся эта жертва носила название *цин-сы* 清祀, в период Инь — *цзя-пин* 嘉平, в период Чжоу — *чжа*, а в период Цинь — *ла* 蠟 (ШСЦ, т. 22, *Ли-цзи чжэн-и*, кн. 4, гл. 21, стр. 983).

Как свидетельствует Гань Бао (IV в. н. э.) в «Записках в поисках духов» (*Соу шэнь цзи*), в легендах говорилось, что Шэнь-нун, ударяя красной плетью по стеблям трав, определял их свойства — есть ли в них яд, приносят ли они холод или жар и т. д.

17. В традиционной китайской литературе существовало несколько версий умножения триграмм: одни приписывали это действие Фу-си (Ван Би), другие — Шэнь-нуну (Чжэн Сюань), третьи — Вэнь-вану (Сыма Цянь, Ян Сюн, Бань Гу, Ван Чун). Ясно, что система гаданий с использованием комбинаций длинных и прерывистых черт в виде 64 гексаграмм (*яо*) создавалась постепенно и сложилась не ранее первой половины I тысячелетия до н. э. Прав исследователь «Книги перемен» Ю. К. Щуцкий, который говорил: «Совершенно несущественно, кому из легендарных героев приписывает тот или иной схоластический комментатор ту или другую часть «Книги перемен» (Ю. К. Щуцкий, *Китайская классическая книга перемен*, стр. 92).

18. Сыма Чжэнь в данном случае опирается на разные источники доханьского периода. В *Го-юй*, приписываемом по традиции Цзо Цю-мину (VI—V вв. до н. э.), но фактически, как считают ученые, созданном позднее, имеется фраза о том, что «род Лешань в древности владел Поднебесной. [Одного из его] потомков звали Чжу» (*Го-юй, Лу-юй*, кн. 1, стр. 56). Вэй Чжао в комментариях к этому тексту утверждает, что Лешань — прозвище Янь-ди, который возвысился в горах Лешань. Однако в *Ли-цзи* сказано: «Род Лишань владел Поднебесной, [одного из их] потомков звали Нун, он сумел насадить все злаки» (ШСЦ, т. 25, *Ли-цзи чжэн и*, кн. 7, стр. 1918). Поскольку Янь-ди и Шэнь-нун были отождествлены, их потомок Чжу стал именоваться также Нун. Таким образом, названия Лешань и Лишань также оказались взаимозаменяемыми.

Горы на севере уезда Суйсянь провинции Хубэй и в настоящее время носят названия Лешань, Лишань, Чжуншань и Суйшань, отражая в первых двух названиях традиционные легендарные сюжеты.

19. Данный перечень базируется на тексте книги *Ди-ван ши цзи*

Хуанфу Ми. (См. современное издание фрагментов этой книги, подготовленное Сюй Цзун-юанем: *Ди-ван ши цзи цзи-цунь*, стр. 11.) В *Тун-цзянь ган-му*, составленном сунским Чжу Си, и в *Тун-цзянь цзи-лань*, составленном минским Ли Дун-яном, фигурирует иной ряд потомков Шэнь-нуна: Линь-куй, Чэн, Мин, И, Лай, Ли и Юй-ван.

20. Сюань-юань — он же Хуан-ди (см. гл. 1).

21. О термине *сыюэ* и его значениях см. гл. 1.

22. Судя по 4 гл., а также по *Ши цзину* («Ода Шэньскому князю», III, III, 5), Фу-хоу и Шэнь-бо были советниками Сюань-вана (827—782 гг. до н. э.).

23. *Ту вэй* 圖緯, в соответствии с толкованием комментаторов, книги с предсказанием судеб и исполнений благовещих знамений. Традиция относит появление таких книг к легендарным письменам на спине черепахи, выходящей из реки, которую якобы увидел Фу-си. Отсюда и их название *хэ-ту* 河圖 (речной чертеж, надписи).

Во времена Хань и Наньбэйчао постепенно создаются систематизированные гадательные книги и толкования, называемые *вэй* 緯, которые строятся на основе канонических книг и *Ицзина*. Таких книг было создано семь: 1. *Ивэй* с комментариями Чжэнь Сюаня (на основе *Ицзина*). 2. *Шу-вэй* (на основе *Шан-шу*). 3. *Ши-вэй* (на основе *Ши цзина*). 4. *Ли-вэй* (на основе *Ли-цзи*). 5. *Юэ-вэй* (на основе *Юэ цзина*). 6. *Чунь-цю вэй* (на основе *Чунь-цю*). 7. *Сяо-цзин вэй* (на основе *Сяо-цзина*).

Большая часть этих книг была утрачена в последующие века, остались лишь выдержки, приведенные в других трудах, а также упоминания в библиографических разделах династийных историй.

На *Чунь-цю вэй* Сыма Чжэнь ссылается далее в тексте главы, что подтверждает ее существование в эпоху Тан.

24. Наряду с вариантом легенды о «трех властителях» — Фуси, Нюйгуа и Шэнь-нуне, Сыма Чжэнь во второй части счел нужным изложить другой вариант легенды, в котором тремя властителями называются Тянь-хуан — «Властитель небес», Ди-хуан — «Властитель земли» и Жэнь-хуан — «Властитель людей». Их правлению отводится астрономическое количество лет, в общей сложности приближающееся к полумиллиону (в этом отражено присущее людям раннего средневековья понимание длительности истории земли).

Понятие о трех главных основах жизни: Небе, Земле и Человеке (*тянь, ди, жэнь*), связанное с формированием мифа о «трех властителях», возникло в Китае в глубокой древности. Оно нашло свое отражение в ранних сочинениях и, в частности в *Дао-дэ цзине* — каноне философского даосизма, созданном, вероятно, в V—IV вв. до н. э. Там, например, говорится: «Человек следует земле, земля следует небу, небо следует *дао*, а *дао* следует естественности» (ЧЦЦЧ, т. 3, *Лао-цзы, Дао-дэ цзин*, гл. 25, стр. 14). Эти три компонента встречаются в значительном числе доханьских и ханьских источников.

Сиратори Куракити в своем исследовании древних мифов Китая, анализируя легенды о Яо и Юе, также пришел к выводу, что они базируются на идее трех основ: Неба, Земли и Человека.

Постепенно все более подчеркивается роль Человека и, следовательно, первостепенное значение «властителей». Так, уже в *Шан-шу* встречается мысль: «Человек — душа всего сущего» (гл. *Тай-ши*). Поэтому, если Сыма Цянь в 4 гл. *Ши цзи* в качестве «трех властителей» еще называет Тянь-хуана, Ди-хуана и Тай-хуана — «Великого властителя», то в начале нашей эры место Тай-хуана занимает Жэнь-хуан 人皇 .

Лишь в I в. н. э. ведущее место в официально принятой хронологии занимают упомянутые в настоящей главе «три властителя», легенды о которых входят в общую систему верований. Китайские исследователи этого вопроса Гу Цзе-ган и Ян Сян-куй пришли к выводу, что влияние «трех властителей» в лице «властителя небес», «властителя земли» и «властителя людей» стало особенно значительным после появления книг типа *вэй-шу* с толкованиями предсказаний и знамений (*Гу ши бянь*, т. 7, часть 2, стр. 120—162).

Тот факт, что вплоть до середины второго тысячелетия н. э. существовали храмы в честь «трех властителей» — *сань хуан мяо* подтверждает это положение (*сань хуанам* приносились жертвы третьего числа третьей луны и девятого числа девятой луны).

Можно отметить, что первый переводчик настоящей главы Э. Шаванн обратил внимание на интересное, хотя скорее всего случайное, совпадение. Число лет правления властителей Неба и Земли, составляющее, по его подсчету, 432 тысячи, совпало с продолжительностью десяти вавилонских династий до потопа и с продолжительностью периода Кали-юга в Индии. Учитывая связи танского Китая с остальным миром, Шаванн высказывает осторожное предположение о возможном заимствовании указанных цифр (МИС, т. 1, стр. 18).

25. *Хань-ши* 韓詩 — один из списков *Ши цзина*, приписываемый ученому Хань Ину, уроженцу княжества Янь, жившему в начале династии Хань. Список *Хань-ши* состоял из 87 глав и, судя по упоминанию Сыма Чжэня, к VIII в. еще существовал. Однако к периоду Северных Сун книга была утрачена; до настоящего времени сохранилась лишь часть пояснений Хань Ина *Хань-ши вай-чжуань* в 10 цзюанях.

26. И-у — имя философа Гуань-цзы.

27. *Чунь-цю вэй* — одна из тех книг, о которых говорилось в прим. 23. О *Чунь-цю вэй* упоминается в библиографической главе 經籍志 *Суй-шу*. Она состояла из 30 цзюаней, с комментариями Сун Цзюня.

Пленение мифического животного *цилиня* по традиции относят к 14 году правления Ай-гуна (481 г. до н. э.). Этим годом кончаются записи по истории княжества Лу, составленные, как считает традиция, Конфуцием в виде летописи *Чунь-цю*.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ — «Вестник Древней истории».
ГГС — «Гэндай гояку сики».
ГЮ — «Го юй».
ДМДЦД — «Чжунго гу-цзинь димин да цыдянь».
«Китайские классики» (или Легг) — J. Legge, *The Chinese Classics*...
КСИНА — «Краткие сообщения Института народов Азии».
КЧЦБ (*или* Мидзусава Тоситада) — «Ши цзи хуй-чжу каочжэн цзяо бу».
ЛШЯЦ — «Лиши яньцзю».
ЛЮШ — Лян Юй-шэн, *Ши цзи чжи-и.*
МИС — Chavannes Ed., *Les memoires Historiques*...
НАА — «Народы Азии и Африки».
СВ — «Советское востоковедение».
ТПЮЛ — «Тайпин юй-лань».
ХЧКЧ (или «Каочжэн») — «Ши цзи хуй-чжу каочжэн».
ХШ — «*Хань шу*».
ХШ БЧ — «Хань шу бу-чжу».
ЦФЮГ — «Це фу юань гуй».
ЧЦЦЧ — «Чжу-цзы цзичэн».
ШБ — «Ши бэнь ба-чжун».
ШСЦ — «Ши сань цзин чжу-шу».
Шуй ЦЧ — «Шуй цзин чжу».
ШЦ — «Ши цзи».
ЭШУШ — «Эр ши у ши».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Маркс К., *Введение (из экономических рукописей 1857—1858 годов)*,— Сочинения, изд. 2, т. 12.

Маркс К., *К критике политической экономии*, Сочинения, изд. 2, т. 13, стр. 5—167.

Маркс К. и Энгельс Ф., *Об античности*, Л., 1932.

Энгельс Ф., *Анти-Дюринг*,— Сочинения, изд. 2, т. 20.

Энгельс Ф., *Происхождение семьи, частной собственности и государства*,— Сочинения, изд. 2, т. 21, стр. 25—178.

Ленин В. И., *О государстве*,— Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 64—84.

Алексеев В. М., *Историк, литератор Сыма Цянь и его культ*,— в кн. «Китайская народная картина», М., 1966, стр. 227—232.

Бичурин Н. Я. (Иакинф), *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, т. I, М.—Л., 1950.

Бузескул В., *Введение в историю Греции*, СПб., 1915.

Быков Ф. С., *Зарождение политической и философской мысли в Китае*, М., 1966.

Васильев В. П., *Материалы по истории китайской литературы* (литогр.).

Васильев К. В., *Планы сражающихся царств* (исследование и переводы), М., 1966.

Васильев Л. С., *Аграрные отношения и община в Древнем Китае*, М., 1961.

Васильев Л. С., *Культы, религии, традиции в Китае*, М., 1970.

«Всемирная история», т. I, М., 1955, т. II, М., 1956.

Георгиевский С., *Мифические воззрения и мифы китайцев*, СПб., 1892.

Го Мо-жо, *Философы Древнего Китая* («Десять критических статей»), М., 1961.

Го Мо-жо, *Эпоха рабовладельческого строя*, М., 1956.

Го Мо-жо, *Бронзовый век*, М., 1959.

Думан Л. И., *К вопросу о социально-экономическом строе Китая в III в. до н. э.*,— «Вопросы истории», 1957, № 2, стр. 46—61.

Думан Л. И., *Система родства и реальные формы брака в эпоху Инь*,— «Краткие сообщения Института народов Азии», 1962, № 53.

Итс Р. Ф., *Социально-экономические отношения в Китае в период династии Инь,*— «Вестник древней истории», 1959, № 2.

«Китай» — история, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость. (Сб. статей под редакцией В. М. Алексеева, Л. И. Думана, А. А. Петрова), М.— Л., 1940.

«Китайская классическая проза в переводах В. М. Алексеева», М., 1958.

Конрад Н. И., *Полибий* и *Сыма Цянь,*— в кн. «Запад и Восток», М., 1966.

Конрад Н. И., *Сунь-цзы.* Трактат о военном искусстве, М., 1950.

Конрад Н. И., *У-цзы.* Трактат о военном искусстве. М., 1958.

Косвен М. О., *Очерки истории первобытной культуры,* М., 1953.

Кроль Ю. Л., *О связи некоторых исторических взглядов Сыма Цяня с его позицией критика современности,*— «Краткие сообщения ИНА», № 61, М., 1963.

Кроль Ю. Л., *«Весна и осень княжеств Чу и Хань» Лу Цзя,*— «Народы Азии и Африки», 1961, № 4, стр. 133—144.

Кроль Ю. Л., *О некоторых особенностях метода использования источников в «Исторических записках» Сыма Цяня,*— в сб. «Дальний Восток», М., 1961.

Кроль Ю. Л., *Сыма Цянь — историк,* М., 1970.

Кроль Ю. Л., *Критическая работа Сыма Цяня над текстом «Весны и осени княжеств Чу и Хань»* Лу Цзя,—в сб. «Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока», М., 1961.

Крюков М. В., *Некоторые вопросы перевода и популяризации «Исторических записок» Сыма Цяня,*— СВ, 1957, № 3, стр. 106—122.

Крюков М. В., *Формы социальной организации древних китайцев,* М., 1967.

Крюков М. В., *Род и государство в Иньском Китае,*— «Вестник древней истории», 1961, № 2.

Кюнер Н. В., *Исторический очерк развития основ китайской материальной и духовной культуры.* Ч. 1. Введение. Обзор источников. Владивосток, 1909 (Литогр.).

Лукотка Ч., *Развитие письма,* М., 1950.

Монастырев Н., *Конфуциева летопись «Чунь-цю»,* СПб., 1876.

Переломов Л. С., *Империя Цинь — первое централизованное государство в Китае* (221—202 г. до н. э.), М., 1962.

Переломов Л. С., *Об органах общинного самоуправления в Китае в V—III вв. до н. э.,*— в сб. «Китай и Япония. История и филология» (к 70-летию акад. Н. И. Конрада), М., 1961.

Петров А. А., *Очерки философии Китая,*— в кн. «Китай», М.—Л., 1940.

Позднеева Л. Д., *К проблеме источниковедческого анализа древнекитайских философских трактатов,* — «Вестник древней истории», 1958, № 3.

Позднеева Л. Д., *Древне-китайская литература,*— в кн. «Литература

Дальнего Востока», под ред. И. С. Брагинского и Н. И. Конрада, М., 1962, стр. 307—438.

Попов П. С., *Изречения Конфуция, учеников его и других лиц.* Перевод с китайского, СПб., 1910.

Радуль-Затуловский Я. Б., *Конфуцианство и его распространение в Японии,* М.—Л., 1947.

Рифтин Б. Л., *Мифология и развитие повествовательной прозы в Древнем Китае,*— в сб. «Литература Древнего Китая», М., 1969.

Степугина Т. В., *О способах порабощения в древнем Китае во времена империй Цинь и Старшей Хань,*— «Сборник статей по истории стран Дальнего Востока», М., 1952.

Сыма Цянь, Избранное. Перевод В. Панасюка. Общая редакция, предисловие и комментарии Л. И. Думана, М., 1955.

«Тропические и субтропические растения», М., 1961.

Фань Вэнь-лань, *Древняя история Китая,* М., 1958.

Федоренко Н. Т., *Китайская литература,* М., 1956.

Федоренко Н. Т., *Тематическое своеобразие китайской мифологии,*—в сб. «Историко-филологические исследования. К 75-летию акад. Н. И. Конрада», М., 1967, стр. 381—390.

Федоренко Н. Т., *«Шуцзин» («Книга истории»),*— в сб. «Литература Древнего Китая», М., 1969.

«Хрестоматия по истории Древнего Востока. Китай», М., 1963, стр. 423—509.

Ху Хоу-сюань, *Некоторые итоги китайской эпиграфики,*— «Проблемы востоковедения», 1959, № 6, стр. 104—114.

Цюй Юань, *Стихи,* М., 1954.

Шан Юэ, *Очерки истории Китая,* М., 1959.

«Шицзин» (издание подготовили А. А. Штукин и Н. Т. Федоренко), М., 1957.

Шнеерсон Г., *Музыкальная культура Китая,* М., 1957.

Штейн В. М., *«Гуань-цзы».* Исследования и перевод, М., 1959.

Шуцкий Ю. К., *Китайская классическая «Книга перемен»,* 1960.

Юань Кэ, *Мифы Древнего Китая,* М., 1965.

Ян Хин-шун, *Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение,* М., 1950.

Яншина Э. М., *О некоторых изображениях на рельефах ханьских погребений,*— «Вестник Древней истории», 1961, № 3, стр. 65—77.

Яншина Э. М., *Богоборческие мотивы в древне-китайской мифологии,*— «Краткие сообщения Института народов Азии», № 61, М., 1963.

Ян Юн-го, *История древне-китайской идеологии,* М., 1957.

НА ЗАПАДНЫХ ЯЗЫКАХ

Allen H., *Historical Record, ch. I Original record of the Five gods,*— «The Journal of the Royal Asiatic Society», 1894, Jan.

Biot E., *Le Tcheou-li ou Rites des Tcheou, 2 v. Paris,* 1851.

Blue R. C., *The Argumentation of the Shih-huo Chih,*— «Harvard Journal of Asiatic Studies», v. II, 1948, № 2.

Bodde D., *Myths of Ancient China,*— «Mythologies of the Ancient World», N. Y., 1961.

Bodde D., *Statesman, patriot, and general in ancient China. Three Shih Chi* Biographies of the Chin Dynasty, Peiping, New Haven, 1940.

Bodde D.. *China's first unifier,* Leiden, 1938.

Chatley H.. *The Date of the Hsia Calendar Hsia Hsiao Cheng,*— «Journal of the Royal Asiatic Society of Gr. Br. and Ireland», Oct. 1938, p. 529.

Chavannes Ed., *Les memoires Historiques de Se-ma Ts'ien, traduits et annotes par Edouard Chavannes,* v. I—5, Paris, 1895 — 1905; v. VI— 1969.

Couvreur S., *Chou King. Texte chinois avec une double traduction en francais et en latin,* Paris, 1935.

Crawford R.. *The Social and Political Philosophy of the Shih chi,* — «The Journal of Asian Studies», v. XXII, 1963, № 4.

Creel H. G., *Bronze Inscription of the western Chou Dynasty as Historical* Document,— «Journal of the Asiatic Society», v. LVI, 33, 1936.

Creel H. G., *The Birth of China,* L., 1936.

Creel H. G., *The Meaning of Hsing-Ming,*— «Studia Serica Bernhard Karlgren Dedicata», Copenhagen, 1959.

Dubs H., *The date of the Shang period,*— «T'oung Pao», v. XL, 1951.

Dubs H., *The History of the Former Han Dynasty by Pan Ku. A critical translation with annotations by Homer Dubs,* Baltimore, 1938, v. I.

Dubs H., *The Land of Humanistic Scholarship,* Oxford, 1949.

Duyvendak, *An illustrated Account,*— «Asia Major», London, 1939.

Franke O.. *Geschichte des Chinesischen Reiches,* v. I, Berlin, 1930.

Gardner, Ch. S., *Chinese Traditional Historiography,* Cambridge, 1961.

Goodrich C. S., *A new Translation of the Shih chi,* — «Journal of the American oriental Society», 1962, v. 82, № 2.

Granet, *La polygamie sorale et sororat dans la Chine feodale,*— Etudes sociologiques sur la Chine, Paris, 1953.

Granes M., *La civilization chinoise. La vie publique et la vie privée,* Paris, 1929.

Granet M., *Danses et legendes de la Chine ancienne,* Paris, 1926, v. I, II.

Eberhard W., *Lokalkulturen in alten China,* v. I, Leiden, 1942, v. II, Peiping, 1943.

Erkes E., *Ist die Hsia — Dynastie geschichtlich?,*—«T'oung Pao», 1937, vol. 33.

Haloun G., *Contributions to the History of clan settlement in ancient China,* — «Asia Major», London, 1924, v. I.

Haloun G., *Die Rekonstruction der chinesischen Urgeschichte durch die Chinesen,*— «Japanisch — Deutsche Zeitschrift für Wissenschaft und Technik», 1925, Heft 7.

Harlez C., *De Koue yü (Discours de Royaumes),*— «Journal Asiatique», 1893—1894, IX ser.

Hulsewe A. F. P., *Remnants of Han Law,* vol. I, Leiden, 1955.

Karlgren B., *Legends and cults in Ancient China,*— «Bulletin of the Museum of the Far East Antiquities», № 8, 1964, Stockholm.

Karlgren B., *The book of documents,* 1950.

Karlgren B., *Analytic Dictionary of Chinese and Sino-Japanese,* Paris, 1923.

Karlgren B., *On the Authenticity and Nature of the Tso Chuan,* Göteborgs, 1926.

Kierman, Fr. Al., Ssu-ma Chien's Historiographical Attitude *as Reflected in Four Late Warring States Biographies,* Wiesbaden, 1962.

Legge J., *The Chinese classics with a Translation, Critical and Exegetical notes, Prolegomena, and Copious Indexes in Seven volumes,* Hongkong, London, Oxford, 1865—1895.

Maspero H., *Les origines de la civilisation chinoise,* Paris, 1926.

Needham J., *Science and civilisation in China.* Cambridge, 1959, v. II.

Pokora T., *The First Interpolation in the Shih chi,*— «Archiv Orientalni», t. 29, 1961.

Pokora T., *The Present State of the translation from the Shih chi,*— «Oriens Extremus», 1962, № 2.

Saburo, Morimiki., *Ancient Chinese myths,* Kyoto, 1944.

Tàng Chün-i, *The Tien Ming (Heavenly Ordinance) in Pre-Chin China,*— «Philosophy East and West», April, 1962, vol. 12, № 1.

Teng S. Y., *Herodotus and Ssu-ma Ch'ien; two Fathers of history,*— «East and West», ISMEO, New Series, v. XII, 1961, № 4.

Tjan Tjoe Som, *Po Hu T'ung.* The Comprehensive Discussions in the White Tiger Hall, vol. I, Leiden, 1949.

Watson B., *Records of the Grand Historian of China translated from the Shih Chi of Ssu-ma Ch'ien by Burton Watson,* v. 1, 2, N. Y.—L., 1961.

Watson B., *Ssu-ma Ch'ien — Grand Historian of China,* N. Y., 1958.

Werner E. T. C., *A Dictionary of Chinese Mythology,* Shanghai, 1932.

ЛИТЕРАТУРА НА КИТАЙСКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ

Библиография трудов Сыма Цяня, материалов по их изучению. Шанхай, 1956 (司馬遷著作及其研究資料書目).

Ван Бо-сян. Хрестоматия по чтению «Чунь-цю» и «Цзо чжуань». Пекин, 1957 (王伯祥. 春秋左傳讀本).

Ван Го-вэй. «Гуаньтан цзи-линь» (собрание сочинений). Т. 1–4. Пекин, 1959 (王國維. 觀堂集林).

Ван Мин-шэн. Суждения о семнадцати династийных историях. Шанхай, 1959 (王鳴盛. 十七史商榷).

Ван Сянь-цянь. «История Ханьской династии» с дополнительным комментарием. Т. 1–8. Пекин, 1959 (王先謙. 漢書補注).

Ван Цзюнь-ту, Ван Цзюнь-гуань. Беспристрастные суждения о старых комментариях к «Историческим запискам». Нанкин, 1936 (王駿圖, 王駿觀. 史記舊註平義).

Ван Чун. «Лунь-хэн» с комментариями. Пекин, 1957 (王充. 論衡集解).

Ван Юань-сунь. «Гоюй» с комментариями. В 4-х кн. 1846, б.м. (王遠孫. 國語校注本三種).

Ван Юй-цюань. Появление и развитие денег в нашей стране. Пекин, 1957 (王毓銓. 我國古代貨幣的起源和發展).

Вэнь И-до. Мифы и стихи. Пекин, 1956 (聞一多. 神話與詩).

Гао Се. Пишу после прочтения «Основных записей о доме Ся». — Чуйваньлоу вэньцзи. Гл. 2. 1936 (高燮.書史記夏本紀后. – 吹萬樓文集).

Го Мо-жо. Исследования надписей на бронзе. Пекин, 1954 (郭沫若. 金文丛考).

Го Мо-жо. «Исследование биографии придворного историографа» содержит сомнительные положения. — Лиши яньцзю. 1955, № 6 (郭沫若. "太史公行年考" 有問題. – 歷史研究).

Го Мо-жо. О смерти Сымя Цяня. — Лиши яньцзю. 1956, № 4 (郭沫若. 關於司馬遷之死. – 歷史研究).

Го Мо-жо. Исследование и анализ системы надписей и рисунков на бронзовых сосудах обоих чжоуских государств. Кн. 2. Пекин, 1958 (郭沫若. 兩周金文辭大系圖錄).

Го Мо-жо. Сборник статей по культуре и истории. Пекин, 1961 (郭沫若. 文史論集).

Го Мо-жо. Собрание иньских надписей на сосудах. Пекин, 1965 (郭沫若. 殷器粹编).

Го Сун-тао. Заметки об «Исторических записках». Шанхай, 1957 (郭嵩燾. 史記札記).

Гу Цзе-ган, Ян Сян-куй. Исследование о трех властелинах. — Гу ши бянь. Т. 7, ч. 2. Пекин, 1941 (顧頡剛,楊向奎. 三皇考. – 古史辨).

Гу ши бянь (Дискуссии по древней истории). Т. 1–7. Пекин, 1926–1941 (古史辨).

Дун Цзо-бинь. Иньский календарь. Шанхай, 1945 (董作賓. 殷曆譜).

Дун Цзо-бинь. Второе издание иньских надписей. Т. 1, 2. Пекин, 1948–1949 (董作賓. 殷墟文字乙編).

Жун Мэн-юань. Историческая хронология Китая. Пекин, 1956 (榮孟源. 中國歷史紀年).

Избранные главы из книги «Гоюй» («Речи царств») с комментариями Фу Гэн-шэна. Пекин, 1959 (國語選. 傅庚生注).

Иидзима Тадао. О трех властелинах и пяти императорах. — Ситё. Т. 1 (飯島忠夫. 三皇五帝說. – 史潮).

Ин Шао. Фынсу туни. — Сыбу бэйяо. Т. 1609. Шанхай, 1936 (應邵. 風俗通義. – 四部丛刊).

Инь Ши-цзи. Собрание толкований к «Юй-гуну». Шанхай, 1957 (尹世積. 禹貢集解).

Исследования о трех властелинах (статьи Ян Куаня, Тун Шу-е, Гу Цзе-гана, Ян Сянкуя). — Гуши бянь. Т. 7, ч. 2. Пекин, 1941 (三帝考. – 古史辨).

Кайдзука Сигэки. Развитие исторической науки в Китае в древности. Токио, 1948 (貝冢茂樹. 中國古代史學の發展).

Кан-си цзыдянь. Пекин, 1958 (康熙字典).

Кан Ши-цзюнь. Пишу после чтения «Чжоу бэнь-цзи». — Даогутан вэнь-цзи. 1777, гл. 8 (抗世俊. 書史記周本紀后. – 道古堂文集).

Кобаяси Итиро. Лекции по китайским классическим книгам. Токио, 1938 (小林一郎. 經書大講).

Кун-цзы цзя-юй. — Сыбу бэйяо. Раздел истории. Т. 1130–1131, цз. 1–10. Шанхай, 1936 (孔子家語. – 四部備要).

Ли Дун-ян. Тун-цзянь цзи-лань. Учан, 1872 (李東陽. 通鑑輯覽).

Ли Куй-яо. Решение спорных вопросов в изучении «Ши-цзи». — Цинхуа сюэбао. Т. 4, № 1. 1927 (李奎耀. 史記決疑. – 清華學報).

Ли Ли. Дополнения к суждениям об «Исторических записках». Пекин, 1931 (李笠. 史記訂補.四卷).

Ли Сюэ-цинь. Краткий очерк географии эпохи Инь. Пекин, 1959 (李學勤. 殷代地理簡論).

Ли Тан. Три властителя и пять императоров. Сянган, 1961 (李唐. 三皇五帝).

Ли Чан-чжи. Сыма Цянь как человек и его стиль. Шанхай, 1948 (李長之. 司馬遷之人格與文格).

Ли Я-нун. Западное и Восточное Чжоу. Шанхай, 1956 (李亞農. 西周與東周).

Ли Я-нун. Жизнь общества иньской эпохи. Шанхай, 1958 (李亞農. 殷代社會生活).

Ло Гэнь-цзэ. Исследование источников «Исторических записок» на основании самих «Ши цзи». — Бюллетень Пекинской библиотеки. Т. 4, № 2. 1930 (羅根澤. 從史記本書考史記本源. – 北京圖書館館刊).

Ло Чжэнь-юй. Послесловие к древним спискам третьей главы «Ши-цзи», находящимся в Японии. — Сюэ-тан цзяо-кань цюньшу сюй лу. Гл. 2 (羅振玉. 日本古寫本史記殷本紀. – 雪堂校刊群書敘錄).

Лу Нань-цяо. О Сыма Цяне и его искусстве исторической компиляции. — Сыма Цянь и «Ши цзи». Пекин, 1958 (盧南喬. – 論司馬遷及其歷史編纂學).

Лю Вэнь-ци. «Чунь-цю» и «Цзо-чжуань» с исследованием прежних комментариев к ним. Пекин, 1959 (劉文淇. 春秋左氏傳舊注疏證).

Лю Чжи-цзи. Проникновение в историю. Кн. 1. Пекин, 1961 (劉知幾. 史通).

Люй Сы-мянь. Исследование о трех властелинах и пяти императорах. — Гуши бянь. Т. 7, ч. 2. Пекин, 1941 (呂思勉. 三皇五帝考. – 古史辨).

Люй Чжэнь-юй. История первобытного общества Китая. Шанхай, 1946 (呂振羽. 中國原始社會史).

Лян Цзин. О главе о пяти императорах в «Ши-цзи». — Труды научно-исслед. ин-та языка и истории при Университете им. Сунь Ят-сена. Т. 2, № 16. 1928 (梁勁. 評史記五帝本紀. – 中山大學語言歷史研究所週刊).

Лян Ци-чао. Методы изучения истории Китая. 1922 (梁啟超. 中國歷史研究法).

Лян Юй-шэн. Записи о сомнительных местах в «Исторических записках». Кн. 1–4. 1886, б.м. (梁玉繩. 史記志疑. 廣雅書局).

Мидзусава Тоситада. Исправления и дополнения свода комментариев и критического исследования «Исторических записок». Т. 1, 2. Токио, 1957 (水澤利忠. 史記會注考證校補).

Морохаси Тэцудзи. Полный словарь китайского литературного языка. Т. 1–15 (諸橋轍次. 大漢和字典).

Найто Торадзиро. История исторической науки Китая. Токио, 1949 (内藤虎次郎. 支那史學史).

Отаке Фумио, Отаке Такэо. «Исторические записки» в переводе на современный японский язык. Т. 1. Токио, 1957 (小竹文夫, 小竹武夫譯. 現代語譯史記).

Сигэдзава Тосиро. Исследование идеологии в эпохи Чжоу и Хань. Токио, 1943 (重澤俊郎. 周漢思想研究).

Сиратори Куракити. Исследование древних легенд и преданий. Токио, 1912 (白鳥庫吉. 中國古傳說之研究).

Собрание сохранившихся отрывков (из сочинения Хуанфу Ми) «Записи о правителях из поколения в поколение». Пекин, 1964 (帝王世紀輯存. 徐宗元輯).

Су Сюнь. Об истории. — Ши лунь чжэн гу. Т. 2. Шанхай, 1901 (蘇洵. 史論. – 史論正鵠).

Сунь Дэ-цянь. Содержание и метод книги Великого историографа. Цз. 1–2. Тайбэй, 1969 (孫德謙. 太史公書義法).

«Сунь-цзы» с толкованиями. Шанхай, 1959 (孫子集校).

Сюй Сюй-шэн. Легендарный период в древней истории Китая. Пекин, 1960 (徐旭生. 中國古代史的傳說時代).

Ся Цзэн-ю. Древняя история Китая. Пекин, 1955 (夏增佑. 中國古代史).

Тай-пин гуан цзи. Пекин, 1959 (太平廣記).

Тай-пин юй-лань (Императорский просмотр годов тай-пин). Сост. Ли Фан и др. Пекин, 1960 (太平御覽. 李昉等編).

Такигава Камэтаро. Свод комментариев и критическое исследование «Исторических записок». Т. 1–10. Пекин, 1956 (瀧川資言. 史記會注考證).

Тан Лань. Дискуссия о характере общества эпохи Шан. — Лиши яньцзю. 1958, № 1 (唐蘭. 關於商代社會性質的討論. – 歷史研究).

Трактат «Сюнь-цзы» с краткими пояснениями. Сост. Лян Ци-сюн. Пекин, 1956 (荀子簡釋. 梁啟雄編).

Тун дянь (Политический свод). Сост. Ду Ю. Шанхай. 1901 (通典. 杜佑).

Фан Сяо-юэ. «Шан-шу» на современном языке. Пекин, 1958 (方孝岳. 尚書今語).

Фань Е. История Поздней Хань. Шанхай, 1906 (范曄. 後漢書).

Фань Цзюнь. Спор о записях (деяниях) пяти императоров. — Сыбу цункань (范浚. 五帝辨. – 四部丛刊).

Хосино Ватару. Исследование о трех властелинах и пяти императорах. — Сигаку дзасси. Т. 20, № 5 (星野恒. 三皇五帝考. – 史學雜誌).

Ху Хоу-сюань. Мольбы иньцев об урожае с помощью жертв странам света и ветрам. — Вестник Фуданьского университета. 1956, № 1 (胡厚宣. 釋殷代求年於四方和四方風的祭祀).

Ху Хоу-сюань. «Я (единственный)». — Лиши яньцзю. 1957, № 1 (胡厚宣. 余一人. – 歷史研究).

Хуан Вэнь-би. Записки об археологических изысканиях в Лобноре. Пекин, 1948 (黃文弼. 羅不淖爾考古記).

Хуан Жу-чэн. Комментарий к «Записям познаваемого ежедневно». Т. 9. 1936 (黃汝成. 日知錄集解).

Хэ Цы-цзюнь. Издания «Исторических записок». Пекин, 1958 (賀次君. 史記書錄).

Цзи Чжэнь-хуай. Сыма Цянь. Шанхай, 1957 (季鎮淮. 司馬遷).

Цзин ши бай-цзя цза-чао (Избранные места из сочинений философов, классических книг и историй). Шанхай, 1935 (經史百家雜抄).

Цзинь Дэ-цзянь. Исследование о книгах, которые читал Сыма Цянь. Шанхай, 1963 (金德建. 司馬遷所見書考).

Цзинь Юй-фу. История исторической науки Китая. Шанхай, 1957 (金毓黻. 中國史學史).

Цзянь Бо-цзань. Очерки истории Китая. Т. 1. Шанхай, 1946 (翦伯贊. 中國史綱).

Цзянь Бо-цзань. О Сыма Цяне как историке. — Сб. статей по истории Китая. Т. 2. Шанхай, 1948 (翦伯贊. 司馬遷的歷史學. – 中國史論集).

Цинь Чжун-мянь. Вопросы общественного строя Западного Чжоу. Шанхай, 1957 (芩仲勉. 西周社會制度問題).

Цуй Ши. Исследование истоков «Исторических записок». Пекин, 1924 (催適. 史記探源).

Цюй Юань. Чуские строфы с комментариями. Пекин, 1958 (屈原. 楚辞集注).

Цянь Вэй-чан. Научные открытия в истории нашей страны. Пекин, 1953 (錢偉長. 我國歷史上的科學發明).

Цянь Му. Исследование географических названий в «Ши цзи». Сянган, 1968 (錢穆. 史記地名考).

Чансунь У-цзи. История династии Суй. Шанхай, 1955 (長孫無忌. 隋書).

Чжан Синь-чэн. Общее исследование поддельных мест в (древних) книгах. Т. 1, 2. Шанхай, 1954 (張心澂. 偽書通考).

Чжан Хун-чжао. Разрешение спорных мест древнего календаря Китая. Пекин, 1958 (章鴻釗. 中國古曆析疑).

Чжан Цинь. Общая история Китая. Шанхай, 1947 (章嶔. 中華通史).

Чжаньго цэ (Планы борющихся царств). Шанхай, 1938 (戰國策).

Чжао Дэн. Исследование ксилографических изданий «Исторических записок». — Шисюэ няньбао. Т. 1, № 3. Бэйпин, 1931 (趙登. 史記板本考. –史學年報).

Чжао И. Записки о 22 историях. Шанхай, 1939 (趙翼. 二十二史札記).

Чжао Пэй-синь. О наказаниях эпохи Шан по надписям на костях. — Каогу. 1961, № 2 (趙佩馨. 甲古文中所見的商代五刑. – 考古).

Чжоу Вэй. Очерки истории боевого оружия Китая. Пекин, 1957 (周緯. 中國兵器史稿).

Чжу Дун-жунь. Исследование «Ши цзи». Шанхай, 1948 (朱東潤. 史記考索).

Чжу И-ши. О главе «Записки о Ся». — Вэй кэ тан чу-цзи. Гл. 1. 1968 (朱一是. 夏本紀論. – 為可堂初集)

Чжу Си-цзу. Суждения о начале «Основных записей» с Хуан-ди. — Ши ди цункань. Июнь 1920. Т. 1, № 1 (朱希祖. 史記本紀起於黃帝說. – 史地丛刊).

Чжу Хао-лин. Читая «Чжоу бэнь-цзи». — Юйянь сяоцзи. Гл. 3 (朱鶴齡. 讀周本紀. – 愚庵小集).

Чжу цзы цзи чэн. — Собрание сочинений древнекитайских философов. Т. 1–8. Пекин, 1958 (諸子集成).

Чжу-шу цзи-нянь (Бамбуковые анналы). — Сыбу бэйяо. Шанхай, 1936 (竹書紀念).

Чжунго гудай дили мин-чжу сюаньду (Хрестоматия для чтения по географии древнего Китая). Пекин, 1959 (中國古代地理名著選讀).

Чжунго сысян тун-ши (Общая история китайской мысли). Под ред. Хоу Вай-лу. Т. 1, 2. Пекин, 1957 (中國思想通史).

Чжунхуа хо-е вэньсюань (Избранные страницы китайской прозы и поэзии). Шанхай, 1962 (中華活葉文選, 張世祿注).

Чжэн Хао-шэн. Жизнь Сыма Цяня год за годом. Шанхай, 1931 (鄭鶴聲. 司馬遷年譜).

Чжэн Хао-шэн. Исследование «Ши цзи» и «Хань шу». Шанхай, 1936 (鄭鶴聲. 史漢研究).

Чжэн Цяо. Тун-чжи (Всеобщий свод). Б.м., 1902 (鄭樵. 通志).

Чэн Цзинь-цзао. Четыре исследования о датах рождения и смерти Сыма Цяня. — Сыма Цянь и «Ши цзи». Пекин, 1957 (程金造. 關於司馬遷生卒年月四考. – 司馬遷與史記).

Чэнь Мэн-цзя. Исследование храмовых имен шанских ванов. — Каогу сюэбао. 1954, № 8 (陳夢家. 商王廟号考. – 考古學報).

Чэнь Мэн-цзя. Датировка бронзовых сосудов Западного Чжоу. — Каогу сюэбао. Т. 10. 1955 (陳夢家. 西周銅器斷代. – 考古學報).

Чэнь Мэн-цзя. Сводное исследование по гадательным надписям из иньского городища. Пекин, 1956 (陳夢家. 殷墟卜辭綜述).

Чэнь Мэн-цзя. Общие сведения о Шан-шу. Шанхай, 1957 (陳夢家. 尚書通論).

Чэнь Цзунь-гуй. Краткая история астрономии в древнем Китае. Шанхай, 1957 (陳遵媯. 中國古代天文學簡史).

Чэнь Чжи. Исследование названия книги Придворного историографа. — Сыма Цянь и «Ши цзи» (陳直. 太史公書名考. – 司馬遷與史記).

Чэнь Чжу. Лекция о главе о пяти императорах в «Исторических записках». — Сюэшу шицзе. Март 1936. Т. 1, № 9 (陳柱. 史記五帝本紀講記. – 學术世界).

Чэнь Юань. Примеры табуированных имен в исторических сочинениях. Пекин, 1958 (陳垣. 諱名舉例).

Шань хай цзин (Книга гор и морей). — Сыбу бэйяо. Шанхай, 1936 (山海經. – 四部備要).

ШИ ЦЗИ

Избранное из «Ши цзи». Коммент. Ван Бо-сяна. Пекин, 1957 (史記選. 王伯祥注).

Избранные главы «Ши цзи» с комментариями. Коммент. Чэнь Эр-дун, Гу Сюэ-цзе, Чжан Ю-луань. Пекин, 1957 (史記選注. 陳爾冬、顧學頡、張友鸞注).

Индекс материалов и статей по исследованию «Исторических записок». Пекин, 1957 (史記研究的資料和論文索引).

Исследование географических названий «Исторических записок». Сянган, 1962 (史記地名考).

«Исторические записки», изданные домом Хуан Шань-фу в Цзяньани при правлении Южных Сун [ксилограф, переиздан в 1936 г. издательством «Шанъу» в Шанхае в 32 кн.] (南宋建安黃善夫本史記).

«Исторические записки» с исследовательскими статьями и совр. пунктуацией Сюй Сяо-тяня. Т. 1. Шанхай, 1926 (史記。許嘯天標点)).

Сводный индекс к тексту «Исторических записок» и [основных] комментариев к ним [Пэй Иня, Сыма Чжэня, Чжан Шоу-цзе и Такигава Камэтаро]. — Серия синологических индексов Гарвард-Яньцзинского института. № 40. Бэйпин, 1947 (史記及注釋綜合引得).

Сыма Цянь. Исторические записки. В 130 гл. Т. 1–6. Пекин, 1959 (司馬遷. 史記).

Ши сань цзин («Тринадцать классических книг» с коммент.). В 40 книгах. Пекин, 1957 (十三經注疏).

Юй Син-у. Об истоках тотемизма и религии и о тотемах эпох Ся и Шан. — Лиши яньцзю. 1959, № 11 (于省吾.略論圖騰與宗教起源和夏商圖騰. – 歷史 研究).

Юй Цзя-си. Исследование об утраченных главах книги Придворного историографа. — Лунь сюэ цза-чжу. Т. 1. Пекин, 1963 (余嘉錫. 太史公書亡篇考. – 論學雜著).

Юй Чжэн-ся. Черновики 1833 года. Шанхай, 1957 (俞正燮. 癸巳類稿).

Юй Юн-лян. Время и автор надписей к гаданиям «Ицзина». 1925 (余永梁. 易卦文辭的時代及其作者).

Юй Юэ и др. Пять работ с примерами из древних книг, смысл которых вызывает сомнения. Шанхай, 1957 (余樾. 古書疑義舉例五種).

Ян Куань. История периода Чжаньго. Шанхай, 1955 (楊寬. 戰國史).

Ян Сян-куй. Исследование географических ареалов юэского вана Гоу Цзяня по «Основным записям о (доме) Ся». — Юй-гун. 1935, т. 3, № 1 (楊向奎. 夏本紀越王句踐世界地理考實. – 禹貢白月刊).

Ян Цзюнь-жу. Исследование и комментарии к «Шан-шу». Сиань, 1959 (楊筠如. 尚書覈詁).

Ян Шу-да. Заметки о «Хань шу». Пекин, 1955 (楊樹達. 漢書窺管).

Ян Шу-да. «Лунь-юй» с комментариями и их исследованием. Пекин, 1955 (楊樹達. 論語疏證).

Янь Кэ-цзюнь (сост.). Полное собрание текстов периодов глубокой древности, трех эпох, династий Цинь и Хань, трех царств и шести династий. Т. 1. Пекин, 1958 (嚴可均校輯. 全上古三代秦漢三國六朝文).

Яо Янь-цюй. Собрание важнейших материалов по периоду Чуньцю. Шанхай, 1956 (姚彥渠. 春秋會要).

УКАЗАТЕЛЬ КИТАЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Бе лу 別錄 Лю Сяна 307
Бо-у чжи 博物志 18
Бэй ши 北史 324

Вэй Ляо-цзы 尉繚子 340
Вэй шу 魏書 76

Ган-цзянь ичжилу 綱鑑易知錄 316
Го Цинь лунь 過秦論 78, 79, 83, 114, 118
Го юй 國語 15, 27, 49, 83, 84, 89, 91, 109, 110, 149, 223, 228, 235, 247, 251, 253, 262, 263, 282, 293, 295, 300, 303, 304, 316, 323, 324, 326–328, 330, 331, 334, 335, 341, 351, 352
Гулян чжуань 穀梁傳 45
Гуан-юнь 廣韻 258
Гуань-цзы 管子 90, 224, 334

Да Дай ли 大戴禮 84, 250, 251, 348
Дао-дэ цзин 道德經 353
Ди-ван ши цзи 帝王世紀 226, 253, 278, 279, 281, 290, 293–295, 308, 313–315, 320, 322, 352, 353
До ши вэй 鐸氏微 90

Ивэй 易緯 352
Ицзин 易經 54, 83, 127, 223, 227, 286, 288, 308, 312, 345, 350, 352
И Чжоу шу 逸周書 88, 235, 313, 318

Кан-си цзыдянь 康熙字典 297, 322, 350
Ко ди чжи 括地志 291, 316
Кун-цзы сань-чао цзи 孔子三朝紀 224
Кун-цзы цзя-юй 孔子家語 84, 250, 251, 348

Ле-нюй чжуань 列女傳 296
Ле-цзы 列子 91, 223, 235, 349, 351, 352
Ли-вэй 禮緯 352
Ли-цзи 禮記 54, 83, 89, 221, 232, 240, 254, 265, 275, 300, 302, 305, 316, 318, 332, 347, 350–352
Лу ши 路史 297
Лунь-хэн 論衡 57, 274, 276, 298, 341, 351
Лунь-юй 論語 83, 99, 222, 252, 265, 302, 314, 330
Люй-ши чунь-цю 呂氏春秋 89, 91, 221, 222, 224, 242, 253, 284, 285, 290, 295–297, 299, 315, 316, 318, 322, 328, 331, 349, 352

Мо-цзы 墨子 91, 222, 223, 230, 284, 299, 318, 325, 330
Мэн-цзы 孟子 43, 84, 99, 222, 232, 237, 242, 253–255, 284, 289, 293, 297, 300, 304, 318, 333

Синь-шу 新書 Цзя И 93
Синь-юй 新語 Хуань Таня 83
Соу шэнь цзи 搜神記 Гань Бао 352
Суй шу 隋書 354
Сунь-цзы 孫子 90, 224, 284, 310, 340, 341
Сыма бин фа 司馬兵法 83, 90, 340
Сюнь-цзы 荀子 235, 283, 284, 299, 333
Сяо цзин 孝經 325, 352
Сяо цзин-вэй 孝經緯 352

Тайпин гуан-цзи 太平廣記 245
Тайпин юй-лань 太平御覽 241, 273, 278, 281, 289–291, 313, 333, 341, 351
Тан шу 唐書 324
Ту вэй 圖緯 353
Тун дянь 通典 241
Тун-цзянь ган-му 通鑑綱目 Чжу Си 337, 353
Тун-цзянь цзи-лань 通鑑輯覽 353

У-цзы 吳子 224, 277, 340

Фэнсу тунъи 風俗通義 Ин Шао 351

Хань Фэй-цзы 韓非子 90, 91, 93, 113, 234, 235, 253, 296, 341, 349
Хань-ши 韓詩 354
Хань-ши вай-чжуань 韓詩外傳 354
Хань шу 漢書 28, 29, 31, 32, 34, 36–39, 59, 67, 77, 228, 233, 240, 250, 257, 259, 261–268, 270, 277, 290, 291, 293, 294, 296–298, 303, 304, 307, 314, 315, 323, 325, 328, 349
Хоу Хань шу 後漢書 309, 312
Хуайнань-цзы 淮南子 91, 93, 235, 241, 253, 296, 297, 317, 349, 351, 352
Хуан-лань 皇覽 242

Це-фу юань-гуй 册府元龜 281, 288, 289
Цзи гу лу 稽古錄 Сыма Гуана 301
Цзинь шу 晉書 36
Цзо чжуань 左傳 15, 38, 45, 49, 83, 87, 91, 110, 225–228, 230, 244, 245, 253, 262, 277, 281, 283, 297, 300, 301, 304, 305, 312, 315, 318, 320, 326, 328–330, 332–337, 350, 352
Цзы чжи тун-цзянь 資治通鑑 56

Чжаньго цэ 戰國策 15, 49, 89, 91, 110, 235, 276, 297, 339–341
Чжоу ли 周禮 223, 226, 238, 239, 247, 248, 271, 276, 298, 310–312, 314, 320, 322–326, 330
Чжоу шу 周書 83, 259, 314, 315, 317
Чжоу чунь-цю 周春秋 330
Чжу-цзы цзи-чэн 諸子集成 221
Чжу-шу цзи-нянь 竹書紀念 100, 231, 242, 250, 263, 276, 278, 279, 283, 289, 292, 295, 298–300, 306, 307, 310, 317, 321, 327, 328, 330, 337
Чжуан-цзы 莊子 90, 91, 93, 305, 328, 349
Чжун-юн 中庸 83, 309
Чу сюэ цзи 初學記 288
Чу Хань чунь-цю 楚漢春秋 33, 49, 69, 95, 96
Чу цы 楚辞 83, 230, 253, 264, 281, 284, 350

Чунь-цю 春秋 13, 15, 49, 54, 56, 83, 84, 89, 92, 99, 149, 230, 251, 256, 332, 334–337, 352, 354
Чунь-цю вэй 春秋緯 348, 352, 354
Чунь-цю фань-лу 春秋繁露 Дун Чжуншу 90, 352

Шан-цзюнь шу 商君書 90
Шан-шу (Шу цзин) 尚書 (書經) 13, 49, 53, 55, 83–89, 91, 99, 102, 106, 109, 148, 178, 221–224, 232–237, 239, 241, 242, 245, 247, 249, 250, 252–257, 259, 260, 263–268, 272–274, 277, 283–286, 288–291, 293–295, 297, 298, 300, 307, 310–312, 315, 318–323, 325, 326, 332, 353, 354
Шан-шу да-чжуань 尚書大傳 286, 307
Шань хай цзин 山海經 55, 222, 230, 231, 235, 271
Ши бэнь 世本 49, 83, 85, 87, 89, 231, 236, 278, 279, 281–283, 292, 303, 304, 326, 337, 338
Ши-вэй 詩緯 353
Ши тун 史通 274
Ши цзин 詩經 49, 54, 83, 86, 89, 91, 178, 222, 224, 225, 246, 256, 261, 263, 275, 280, 281, 285, 288, 300–308, 315, 317, 321, 322, 327, 330, 331, 335, 353, 354
Ши-цзы 尸子 351
Шо вэнь цзе цзы 說文解字 66, 272, 311, 318
Шу-вэй 書緯 353
Шуй цзин чжу 水經注 256, 296

Эр-я 爾雅 242, 244, 249, 265, 272, 318

Юй бэнь цзи 禹本紀 44, 66, 271
Юй гун 禹貢 255, 256, 260, 265, 267, 273
Юй-ши чунь-цю 虞氏春秋 90
Юэ-вэй 樂緯 353
Юэ цзин 樂經 54

Янь те лунь 鹽鐵論 29
Янь-цзы чунь-цю 晏子春秋 91

ТАБЛИЦА ИМЕН ПРАВИТЕЛЕЙ ИНЬ

Имена в порядке их упоминания в гл. *Инь бэнь цзи* в *Ши цзи*	Имена в иероглифическом написании	Имена согласно надписям на иньских костях	Начертания имен на надписях	Традиционно-условные даты — гг. до н.э.
1 Се	契			
2 Чжао-мин	昭明			
3 Сян-ту	相土	на костях		
4 Чан-жо	昌若	не		
5 Цао-юй	曹圉	обнаружены		
6 Мин	冥			
7 Чжэнь	振			
8 Вэй	微	Шан-цзя		
9 Бао-дин	報丁	Бао-и		
10 Бао-и	報乙	Бао-бин		
11 Бао-бин	報丙	Бао-дин		
12 Чжу-жэнь	主壬	Ши-жэнь		
13 Чжу-гуй	主癸	Ши-гуй		
14 Чэн-тан	成湯	Да-и (Тянь-и)		
15 Тай-дин	太丁	Да-дин		
16 Вай-бин	外丙	Бу-бин		
17 Чжун-жэнь	仲壬	Нань-жэнь		
18 Тай-цзя	太甲	Да-цзя		1753–1721
19 Во-дин	沃丁	—		1720–1692
20 Тай-гэн	太庚	Да-гэн		1691–1667
21 Сяо-цзя	小甲	Сяо-цзя		1666–1650
22 Юн-цзи	雍己	Да-у		1649–1638
23 Тай-у	太戊	Юн-цзи		1637–1563
24 Чжун-дин	仲丁	Чжун-ди		1562–1550
25 Вай-жэнь	外壬	Бу-жэнь		1549–1535
26 Хэ Тань-цзя	河亶甲	Цзянь-цзя		1534–1526
27 Цзу-и	祖乙	Цзу-и		1525–1507
28 Цзу-синь	祖辛	Цзу-синь		1506–1491
29 Во-цзя	沃甲	Цян-цзя		1490–1466

Имена в порядке их упоминания в гл. *Инь бэнь цзи* в *Ши цзи*	Имена в иероглифическом написании	Имена согласно надписям на иньских костях	Начертания имен на надписях	Традиционно-условные даты — гг. до н.э.
30 Цзу-дин	祖丁	Цзу-дин		1465–1434
31 Нань-гэн	南庚	Нань-гэн		1433–1409
32 Ян-цзя	陽甲	Ян-цзя		1408–1402
33 Пань-гэн	盤庚	Пань-гэн		1401–1374
34 Сяо-синь	小辛	Сяо-синь		1373–1353
35 Сяо-и	小乙	Сяо-и		1352–1325
36 У-дин	武丁	У-дин		1324–1266
37 —		Цзу-цзи		
37 Цзу-гэн	祖庚	Цзу-гэн		1265–1259
38 Цзу-цзя	祖甲	Цзу-цзя		1258–1226
38 Линь-синь	廩辛	Фу-синь		1225–1220
40 Гэн-дин	庚丁	Кан-дин		1219–1199
41 У-и	武乙	У-и		1198–1194
42 Тай-дин	太丁	Вэнь У-дин		1194–1192
43 Ди-и	帝乙	Фу-и		1191–1155
44 Ди-синь (Чжоу)	帝辛(紂)	—		1154–1122

ТАБЛИЦА ТИТУЛОВ И ИМЕН ПРАВИТЕЛЕЙ ЧЖОУ

Титул	Имя	Годы правления*
Вэнь-ван 文王	Чан 昌	—
У-ван 武王	Фа 發	(1027–1025 гг. до н.э.)
Чэн-ван 成王	Сун 誦	(1024–1005 гг. до н.э.)
Кан-ван 康王	Чжао 釗	
	(в *Ши бэнь* Чуан 創)	(1004–967 гг. до н.э.)
Чжао-ван 昭王	Ся 瑕	(966–948 гг. до н.э.)
Му-ван 穆王	Мань 滿	(947–928 гг. до н.э.)
Гун-ван 恭王	И-ху 伊（繄）扈	(927–908 гг. до н.э.)
И-ван 懿王	Цзянь 囏	
	(в *Ши бэнь* 堅)	(907–898 гг. до н.э.)
Сяо-ван 孝王	Пи-фан 辟方	(897–888 гг. до н.э.)
И-ван 夷王	Се 燮	(887–858 гг. до н.э.)
Ли-ван 厲王	Ху 胡	(857–842 гг. до н.э.)
«Гун-хэ» 共和		
(годы правления двух гунов)		841–828 гг. до н.э.
Сюань-ван 宣王	Цзин 靜	827–782 гг. до н.э.
Ю-ван 幽王	Гун-шэн 宮涅	
	(Гун-не 宮涅)	781–771 гг. до н.э.
Пин-ван 平王	И-цзю 宜臼	770–720 гг. до н.э.
Хуань-ван 桓王	Линь 林	719–697 гг. до н.э.
Чжуан-ван 庄王	То 佗	696–682 гг. до н.э.
Си-ван 釐王	Ху-ци 胡齊	681–677 гг. до н.э.
Хуй-ван 惠王	Лан 閬	
	(в *Ши бэнь* Лян 涼)	676–652 гг. до н.э.
Сян-ван 襄王	Чжэн 鄭	651–619 гг. до н.э.
Цин-ван 頃王	Жэнь-чэнь 壬臣	
	(в *Ши бэнь* Ши-чэнь)	618–613 гг. до н.э.
Куан-ван 匡王	Бань 班	612–607 гг. до н.э.
Дин-ван 定王	Юй 瑜	606–586 гг. до н.э.
Цзянь-ван 簡王	И 夷	585–572 гг. до н.э.

* В скобках традиционно-условные даты, с 841 г. до н.э. — точная датировка.

Титул	Имя	Годы правления
Лин-ван 靈王	Се-синь 泄心	
	(в *Го юй* Да-синь 大心)	571–545 гг. до н.э.
Цзин-ван 景王	Гуй 貴	544–520 гг. до н.э.
Дао-ван 悼王	Мэн 猛	не правил
Цзин-ван 敬王	Гай 丐 (匄)	519–477 гг. до н.э.
Юань-ван 元王	Жэнь 仁	
	(в *Ши бэнь* Чи 赤)	476–469 гг. до н.э.
Дин-ван 定王	Цзе 介	468–441 гг. до н.э.
Ай-ван 哀王	Цюй-цзи 去疾	441 г. до н.э.
Сы-ван 思王	Шу-си 叔襲	441 г. до н.э.
Као-ван 考王	Вэй 嵬	440–426 гг. до н.э.
Вэй-ле-ван 威烈王	У 午	425–402 гг. до н.э.
Ань-ван 安王	Цзяо 驕	401–376 гг. до н.э.
Ле-ван 烈王	Си 喜	375–369 гг. до н.э.
Сянь-ван 顯王	Бянь 扁	368–321 гг. до н.э.
Шэнь-цзин-ван 慎靚王	Дин 定	320–315 гг. до н.э.
Нань-ван 赧王	Янь 延	
	(в *Ди-ван ши цзи* Дань 誕)	314–256 гг. до н.э.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А-хэн 阿衡 106, 167, 284
Ай 哀 347
Ай-ван 哀王 209
Ай-гун 哀公 332, 354
Акацука Киёси 105
Алексеев В.М. 65, 70, 251, 252
Аллен Г. (Allen H.) 70, 240
Ань-ван (Цзяо) 安王 (驕) 209
Ань-ди 安帝 238

Бань Бяо 班彪 76, 85
Бань Гу 班固 27, 28, 30, 31, 34, 36, 37, 49, 54, 56, 59, 75–77, 79, 80, 92, 118, 119, 122, 240, 352
Байли Си 百里傒 91
Бао-бин 報丙 166, 282
Бао-дин 報丁 166, 282
Бао-и 報乙 166, 282
Бао-сы 褒姒 89, 90, 201–203, 331
Би-гань 比干 176–178, 184, 188, 297, 319
Би-гун 畢公 88, 183, 187, 188, 191, 192, 291, 309, 322
Би-фан 辟方 197, 326
Бийо Е. (Biot E.) 326
Бичурин Иакинф 279
Бишоп (Bishop) 300
Блю П. (Blue P.) 41
Бо-и 伯夷 47, 111, 144, 147, 158, 182, 248, 273, 306, 307, 338
Бо-фу 伯服 201–203, 206
Бо-фэн 伯奮 244
Бо-ху 伯虎 244
Бо-ци (Бай-ци) 白起 92, 213, 214, 340
Бо-цзы 伯子 60
Бо-цзюн 伯羽 88, 192, 322
Бо-ши 伯士 58, 195, 324
Бо-юй 伯禹 145, 151
Бо-ян 伯陽 81, 89, 201, 203
Бо Ян-фу 伯陽甫 200
Бодде Д. (Bodde D.) 38, 39, 73, 115, 351
Бу-жэнь 卜壬 291
Бу-ку 不窋 180, 193, 303, 323
Бу-цзян 不降 164
Бузескул В. 14
Быков Ф.С. 17
Бэй-гун 60
Бянь 扁 210
Бянь-бо 邊伯 205, 333

Вай-бин 外丙 170, 292
Вай-жэнь 外壬 171, 291
Ван 望 309
Ван 芒 164
Ван Ао 王鏊 319
Ван Би 王弼 352
Ван Бо-сян 王伯祥 71, 73, 74, 253
Ван Го-вэй 王國維 18, 19, 226, 231, 281–283, 290–294
Ван Жо-сюй 王若虛 320
Ван Ман 王莽 30, 32, 277
Ван Мин-шэн 王鳴盛 72, 76, 79, 337
Ван Мо 王謨 281, 303
Ван Нянь-сунь 王念孫 333
Ван Су 王肅 251, 256
Вансунь Мань 王孫滿 207, 336
Ван Сянь-цянь 王先謙 228
Ван-хай 王亥 87, 281
Ван-хэн 王恒 87
Ван-цзи 王季 87, 183, 306
Ван Цзянь 王翦 92
Ван Чун 王充 57, 81, 274, 276, 298, 341, 351, 352
Ван Юань-сунь 王袁孫 324
Ван Юй-чжэ 王玉哲 292
Вань Чжан 萬章 237, 244
Васильев В.П. 48
Васильев Л.С. 73, 250, 300, 303

Во-дин 沃丁 87, 170, 290
Во-цзя 沃甲 172, 291
Вэй 韋 285
Вэй 鬼 209
Вэй 微 166, 282
Вэй-ван 威王 222
Вэй Го 爲國 333
Вэй-гун 威公 209
Вэй Кан-шу 衛康叔 190
Вэй Ле-ван (У) 威烈王 (午) 209
Вэй Ляо 尉繚 116
Вэй Хун 衛宏 76, 231, 324
Вэй-цзы Кай 衛子開 190, 319
Вэй-цзы Ци 衛子啟 175, 177, 178, 297
Вэй Чжао 韋昭 41, 225, 235, 256, 282, 322, 324, 330, 338, 352, 326, 327, 329
Вэй Юань 魏源 269
Вэнь-ван 文王 89, 106, 107, 128, 182–184, 191, 193, 198, 200, 210, 297, 298, 305–310, 320, 327, 329, 342, 352
Вэнь-гун 文公 92, 111, 192, 200, 206, 207, 244, 304, 322, 329, 333–335
Вэнь-ди 文帝 96, 122, 123, 257
Вэнь-дин 文丁 295, 306
Вэнь И-до 聞一多 225, 351
Вэнь-мин 文命 150
Вэнь У-дин 文武丁 295
Вэнь-цзу 文祖 139, 145, 237, 273

Гай 丐 108, 208
Гань 甘 347
Гань Бао 干寶 352
Гань Мао 甘茂 92
Гао 皋 164, 278
Гао 高 205
Гао-синь 高辛 135, 136, 143, 148, 231, 244, 274
Гао-цзу 高祖 51, 52, 58, 61, 63, 69, 96, 121, 122
Гао-цзун 高宗 106, 174, 294
Гао Чжи-синь 高志辛 74
Гао-шань 犴單 170, 289
Гао Ю 高誘 224
Гао-юй 高圉 180, 304
Гао-ян 高陽 135, 143, 148, 244, 274
Гао-яо 皋陶 85, 103, 144–146, 151, 158–162, 169, 247–249, 273, 274, 288
Георгиевский С. 98, 99
Го 國 205
Го Мо-жо 郭沫若 243, 246, 281, 287, 293, 298, 301, 307, 314, 320, 325, 326
Го Пу 郭璞 225
Го Сун-тао 郭嵩燾 319, 339
Го Цзе 郭解 51
Го-чжун 虢仲 329
Го-шу 虢叔 91, 329
Гоу-ван 句望 141
Гоу-лун 句龍 287
Гоу-цзянь 句踐 61, 333
Гранэ М. (Granet M.) 236, 327
Гу 顧 285
Гу-гун Дань-фу 古公亶父 107, 180–183, 293, 305, 306
Гу-соу 瞽叟 100, 141–143, 148
Гу Сюэ-цзе 顧學頡 71
Гу Цзе-ган 顧頡剛 66, 73, 74, 222, 241, 251, 255, 257, 258, 262, 268, 269, 271, 287, 307, 309, 313, 325, 339, 341, 349, 354
Гу Янь-у 顧炎武 58
Гуань-цзы 管子 278, 348, 354
Гуань Чжун 管仲 205, 334
Гуань-шу 管叔 178, 190
Гуань-шу Сянь 管叔鮮 187, 301
Гуй-хоу 鬼侯 296
Гуй-юй Цюй 鬼臾區 228
Гун 共 210
Гун-бо Хэ 共伯和 328, 329
Гун-ван 共王 196, 197, 340
Гун-гун 共工 137, 138, 140, 226, 234, 235, 242, 244, 245, 287, 306, 346, 351
Гун-лю 公劉 107, 180, 182, 303–305
Гунсунь 公孫 133
Гунсунь Си 公孫喜 340
Гунсунь Цзи-гун 公孫季功 42
Гун-фэй (Би-фан) 公非 (辟方) 180, 304, 326
Гун-цзи 公季 181–183, 306
Гун-шу Цзу-лэй 公叔祖類 180, 211
Гун-шэн 宮涅 200, 331
Гунь 鯀 100, 138, 140, 150, 151, 235, 242, 244, 245, 253, 259, 274
Гэ-бо 葛伯 167, 284
Гэн-дин 庚丁 174, 294
Гэнь-го 根國 282
Гэнь-юй 根圉 282

Да-би 大畢 195, 324
Да-е 大業 110
Да-и 大乙 282, 284
Да-линь 大臨 244
Да-хао 大皞 226
Да-хун 大鴻 134, 228
Да-цзи 妲己 175, 178, 295
Дабс Г. (Dubs H.) 53, 73, 77, 95, 300
Дай-ван 代王 127
Дань 儋 209, 338
Дань-фу 詹父 305, 306, 333
Дань-чжу 丹朱 137, 141, 144, 148, 161, 234
Дао-ван (Мэн) 悼王(猛) 208, 337
Дао-гун (Чжоу) 悼公(周) 207, 336
Ди-и 帝乙 175, 283, 295, 297, 319
Ди-ку (Ку) 帝嚳 99, 135, 136, 148, 166, 179, 221, 229, 231, 233, 250, 280, 283, 294, 306
Ди-ман 帝芒 283
Ди-синь 帝辛 193, 283
Ди-хун 帝鴻 143
Дин 定 210
Дин-ван Цзе 定王介 209
Дин-ван Юй 定王瑜 207
Дин-гун 定公 208, 315
Дин Шань 丁山 301
До Цзяо 鐸椒 90
Ду Бо 杜伯 330
Ду Юй 杜預 244, 337
Думан Л.И. 65, 73, 105
Дунфан Шо 東方朔 41
Дун Цзо-бинь 董作賓 290, 300
Дун Цзэн-лин 董增齡 328
Дун Чжун-шу 董仲舒 60, 90
Дун-шэн 董生 42, 43
Дьювендак Я. (Duyvenduk J.J.) 51
Дэн Тань-чжоу 76
Дэн Тун 鄧通 38

Е Мэн-дэ 葉夢得 265

Жан-хоу 穰侯 92
Жу-фан 女房 167, 285
Жу-цзю 女鳩 167, 285
Жун-бо 榮伯 321
Жун-гун 榮公 198
Жун Гэн 榮庚 94
Жэнь-су 任宿 345, 350
Жэнь-чэнь 壬臣 207
Жэнь Шао-цин 任少卿 19, 24, 25, 35, 38, 41

И 乙 см. Ди-и
И 怡 347
И 益 144, 145, 147, 151, 152, 160, 162, 247, 248, 276
И 宜 353
И-бо 義伯 169, 287
И-ван 懿王 197, 326
И-ван 夷王 197
И-гу 夷鼓 228
И-гун 夷公 197, 327, 328
И-ди 義帝 120
И-инь 伊尹 86, 87, 105, 167–170, 284, 285, 289, 290
И-мо 伊奭 284
И-син 一行 300
И-сы 夷嫉 304
И-у 夷吾 348, 354
И-фу 易祓 262
И-ху 緊扈 196
И-цзю 宜臼 201, 203
И-чжи 伊陟 171, 284, 290, 291
И-ши 伊示 284
Иидзима Тадао 349
Ин 應 77
Ин Шао 應邵 84, 224, 226, 338, 351
Инь (дом) 殷 69, 86, 166, 171–174, 177, 178, 184, 187, 189, 202, 280, 292, 293, 295, 296, 298, 300, 306, 310–312, 324
Инь 胤 163
Инь-гун 隐公 204, 332
Инь-и 尹佚 187, 314
Инь Мэнь-лунь 76
Инь-цзя 胤甲 278
Инь-Шан 殷商 280
Инь-ши 尹氏 337
Инь Ши-цзи 尹世積 255, 258, 265, 271
Итс Р.Ф. 105

Йегер Ф. (Jäger Fr.) 64, 95

Кай 開 см. Вэй-цзы Кай
Кай-цзя 開甲 292
Камэи Ику 亀井昱 324
Кан-ван 康王 88, 191, 192, 200, 243, 321, 322

Кан-гун 康公 197, 326
Кан-шу 康叔 88, 187, 283, 294, 314
Кан Ю-вэй 康有為 32
Као-ван 考王 209, 338
Карлгрен Б. (Karlgren B.) 225, 236, 253, 267, 271, 273, 277, 278, 286, 294, 300, 312, 349, 351
Кирмэн Ф. (Kierman F.) 64
Ко 括 229
Кобаяси 253
Кода Рентаро 公田連太郎 71
Колоколов В.С. 74
Конрад Н.И. 14, 65, 73, 122, 277, 310, 341
Конфуций (Кун-цзы) 孔子 13, 20, 45, 54, 56–59, 81, 99, 123, 148, 165, 178, 208, 222, 250, 262, 302, 308, 337, 338, 348, 352, 354
Косвен М.О. 275
Крил Х. (Creel H.) 76, 83
Кроль Ю.Л. 34, 61, 65, 70, 73, 95, 117
Кроуфорд Р. (Crauford R.) 65
Крюков М.В. 73, 105, 224, 250
Ку 嚳 см. Ди-ку
Куан-ван Бань 匡王班 207
Куй 夔 126, 144, 146, 161, 248, 249
Куй 魁 231, 347
Кун Ань-го 孔安國 54, 231, 233, 236, 242, 256–258, 265, 267, 268, 274, 275, 283, 286, 290, 293, 294, 311, 325
Кун Вэнь-сян 孔文祥 239, 350
Кун Ин-да 孔穎達 224, 240, 245, 257, 260, 265, 272, 274, 285, 287, 298, 302, 305, 315, 323, 351
Кун-цзы 孔子 см. Конфуций
Кун-цзя 孔甲 126, 164, 278, 283
Кун Чао 孔晁 88
Кунь-у 昆吾 285
Кэ 克 204, 333, 347
Кюнер Н.В. 52

Лай 來 353
Лан 閬 204
Лао Ай 嫪毐 115
Лао-цзы 老子 43, 338
Ле-ван (Си) 烈王（喜） 209, 210, 338
Легг Дж. (Legge J.) 233–236, 240, 241, 246, 247, 253, 258, 271, 273, 277, 312
Ли 李 51
Ли 黎 233
Ли 裹 353
Ли-ван 厲王 108, 197–200, 202, 327–329
Ли Вэй-гун 李微公 310
Ли-гуй 履癸 164, 278
Ли-гун 厲公 206, 207, 334, 336
Ли Дун-ян 李東陽 353
Ли Куй-яо 李奎耀 32, 34–36
Ли Ли 李笠 73, 286
Ли Лин 李陵 24, 25, 40, 57
Ли-му 力牧 134, 228
Ли Сы 李斯 38, 42, 92, 115, 117
Ли Сюэ-цинь 李學勤 105, 292, 295
Ли Цзе 李解 43
Ли Цзи 利幾 121
Ли Чан-чжи 李長之 19, 31, 42, 43, 74, 76, 78
Ли Я-нун 李亞農 105, 301, 302, 330
Лин-ван (Се-синь) 靈王(泄心) 91, 208
Лин-гун 靈公 296
Линь 林 204
Линь-куй 臨魁 353
Линь-синь 廩辛 174, 294
Ло Би 羅泌 270
Ло Цинь 羅沁 262, 297
Ло Чжэнь-юй 羅振玉 282, 326
Лу (дом) 魯 222
Лу 露 347
Лу Гоу-цзянь 魯句踐 58
Лу-фу 祿父 178, 187, 299, 301
Лу Цзя 陸賈 34, 95, 96
Лу шэн 盧生 116
Луань-шу 鸞書 336
Лукотка Ч. 350
Лун 龍 144, 146, 147, 248
Лэй Сюэ-ци 雷學淇 304
Лэй-цзу 嫘祖 135
Лю Бан 劉邦 20, 21, 37, 69, 96, 120, 121, 127
Лю Лэй 劉累 164
Лю Си 劉熙 242
Лю Синь 劉歆 15, 32, 300
Лю Сян 劉向 15, 56, 81, 93, 307, 310
Лю Цзы-чжэн 劉子政 81
Лю Чжи-цзи 劉知幾 72, 74, 85, 119, 274

Люй 吕 347
Люй Бу-вэй 吕不韋 92
Люй-ван 吕王 325
Люй-тайхоу 吕太后 96, 122, 123, 325
Люй Цзу-цянь 吕祖謙 76, 262
Люй-шан 吕尚 309, 310, 334
Лян Гун-фу 梁恭甫 286
Лян-фу 良夫 197, 326
Лян Ци-чао 梁啟超 13, 14, 32
Лян Юй 糧圉 282
Лян Юй-шэн 梁玉繩 72, 73, 243, 247, 276, 281, 282, 288, 292, 295–297, 299, 304, 310, 312, 313, 316, 317, 319, 320, 323, 326, 327, 329, 330, 335, 336, 339, 340
Лянь По 廉頗 60

Ма Фань 馬犯 214, 340
Ма Юн 馬融 237, 240, 254, 258, 264, 309, 320
Ман-цзян 龙降 244
Мань 滿 192
Мао 鄚 347
Мао-бо 毛伯 335, 337
Мао Жуй-чэн 茅瑞徵 255
Мао Пань-линь 茆泮林 304
Мао Хуан 毛晃 255
Мао-шу Чжэн 毛叔鄭 187
Маркс К. 97, 98
Масперо А. (Maspero A.) 225
Ми 靡 277
Мидзусава Тоситада 水澤利忠 73, 251, 262, 263, 282, 299, 303, 309, 313, 318, 322, 328
Мин 明 347, 353
Мин 冥 105, 166, 281, 282
Мин-ди 明帝 80
Мо-си 末嬉 285
Мо-цзы 墨子 243, 278
Морохаси Тэцудзи 諸橋轍次 315
Му-ван 穆王 109, 192, 195, 196, 322, 325, 326
Му-гун 穆公 89, 91, 111, 112, 207, 333
Му-хоу 穆后 336
Мэй-бо 梅伯 297
Мэн 猛 108, 208, 337
Мэн Тянь 蒙恬 23, 92
Мэн-цзы 孟子 13, 39, 237, 242, 244, 249, 254, 283–285, 319

Накаи Сэкитоку 中井積德 79, 281, 339, 340
Нань-ван (Янь) 赧王(延) 108, 210–216, 339–341
Нань-гун Бо-да 南宮伯達 314
Нань-гун Гуа 南宮适 314
Нань-гун Ко 南宮括 188, 314
Нань-гэн 南庚 172
Нариюки Хонда 227
Нидэм Дж. (Needham J.) 279, 280
Ниики Синдзо 薪城薪藏 300
Нин-ван 寧王 307
Нин-у 寧武 307
Ногути Садао 野口定男 71
Нун 農 352
Нюй-ва (гуа) 女媧 223, 225, 232, 235, 246, 249–351, 353
Нюй-дэн 女登 346
Нюй-ин 女英 236
Нюй-си 女希 346
Нюй-сю 女脩 110

Окасиро Кома 岡白駒 317
Отаке Такео 小竹武夫 71, 231, 294
Отаке Фумио 小竹文夫 71, 231, 294
Ошанин И.М. 74

Панасюк В.А. 65, 68
Пань-гу 盤古 222
Пань-гэн 盤庚 86, 105, 106, 127, 172, 173, 178, 224, 280, 292, 293, 299
Пао-си 庖犧 223, 345, 349, 350
Переломов Л.С. 65, 70, 73, 115
Петров А.А. 118
Пи-фан 辟方 304
Пин 平 77
Пин-ван 平王 203, 204, 206, 331, 332
Пин-гун 平公 296
Пинъюань-цзюнь 平原君 51
Платон 247
Позднеева Л.Д. 65, 102
Покора Т. (Pokora T.) 41, 65
Полибий 14, 122
Пэй Инь 裴駰 40, 66, 72, 225, 251, 341
Пэн-синь см. Фэн-синь
Пэн-цзу 彭祖 144, 245, 248

Радуль-Затуловский Я.Б. 251
Редер Д.Г. 70
Рифтин Б.Л. 349

Сан Хун-ян 桑弘羊 29, 30
Сань И-шэн 散宜生 182, 187
Се 泄 164
Се 燮 197
Се 契 86, 87, 105, 110, 144, 145, 147, 148, 151, 166, 167, 178, 231, 248, 280–283
Се-синь 泄心 208
Серкина А.А. 73, 105
Се-фу 洩父 204
Си 戲 329, 347
Си 喜 209
Си 羲 137, 163, 232
Си-бо Чан 西伯昌 106, 108, 176, 177, 182, 183, 297, 298, 306–309
Си-ван 釐王 204, 205
Си-гун 僖公 335
Си-пэн 隰朋 205
Си-у 犀武 340
Си-чжун 羲仲 137
Си-шу 羲叔 137
Сигэдзава Тосиро 重澤俊郎 29
Сима Кунио 島拜男 105, 301
Син-хоу 刑侯 297
Синь 辛 121, 175, 295
Синь-бо 辛伯 204
Синь-цзя 辛甲 182, 307
Синь Ю-ми 辛游靡 322
Сиратори Куракити 百鳥庫吉 354
Степугина Т.В. 73, 105
Стратанович Г.Г. 225
Струве В.В. 70
Су Дай 蘇代 211–213, 339, 340
Су Ли 蘇厲 213
Су Сюнь 蘇洵 59–63
Су Цинь 蘇秦 60, 62, 341
Су-цзы 蘇子 333
Су Чэ 蘇轍 50
Суй-жэнь 燧人 98, 345, 349
Сун 誦 190
Сун И 宋義 120
Сун Цзюнь 宋均 354
Сун Чжун 宋衷 230, 231
Сунь Син-янь 孫星衍 325
Сунь-цзы 孫子 27, 341
Сунь Ши 孫奭 297
Сы 姒 104, 148, 162, 165, 279
Сы-ван 思王 209
Сы Вэй-чжи 327
Сыма 司馬 16
Сыма Бяо 司馬彪 340
Сыма Гуан 司馬光 56, 301
Сыма Сян-жу 司馬相如 39
Сыма Тань 司馬談 16, 22, 23, 39, 40, 42, 43, 45, 74, 75, 81, 82, 96, 98
Сыма Цзянь 司馬遷 210, 211
Сыма Чжэнь (Чжэн) 司馬貞 18, 29, 38, 41, 66, 72, 224, 225, 228, 231, 241, 249, 253, 254, 313, 317, 340, 341, 348, 349, 351–354
Сюань-ван 宣王 16, 108, 200, 202, 327, 329, 330, 353
Сюань-ди 宣帝 29
Сюань-сяо 玄囂 135, 229
Сюань-юань 軒轅 43, 67, 133, 134, 224, 225, 347, 353
Сюй Бэй-хун 徐悲鴻 52
Сюй Вэнь-цзин 徐文靖 255
Сюй Гуан 徐廣 72, 225, 232, 279, 296, 309, 324, 325, 339, 341
Сюй Лян-цзи 徐良驥 121
Сюй Сюй-шэн 徐旭生 221, 224, 230, 244, 251
Сюй Цзун-юань 徐宗元 353
Сюй-цзюй 須句 345, 350
Сюй-чэнь 胥臣 228
Сюй Шэнь 徐愼 351
Сюн-пи 熊羆 146, 247
Сюн-синь 兄辛 294
Сюнь И 荀顗 238
Сюнь-цзы 荀子 39, 93
Ся 瑕 192
Ся (дом) 夏 86, 164, 165, 167–169, 180, 193, 201, 202, 226, 252, 273, 278, 279, 285, 288, 311
Ся У-цзюй 夏無且 42, 43
Ся-хоу 夏后 148, 164, 223, 349
Ся Цзэн-ю 夏曾佑 224, 225
Ся Юй 夏禹 22
Сян 向 347
Сян 相 163, 277, 281
Сян 象 141–143, 148, 244
Сян-ван (Чжэн) 襄王 (鄭) 205–207, 334–336
Сян-гун 襄公 79, 111, 304, 333, 336, 338

Сян-ту 相土 86, 105, 166, 281, 283
Сян Юй 項羽 58, 61, 63, 64, 67, 69, 71, 95, 119–121
Сян Янь 項燕 115
Сянь 葴 290, 291
Сянь-ван 顯王 210, 338, 340
Сянь-гун 献公 209, 210
Сяо-ван 孝王 197, 338
Сяо Вэнь-ди 孝文帝 38, 123
Сяо-гун 孝公 113, 210, 338
Сяо-и 小乙 173, 293, 305
Сяо-мин 孝明 79
Сяо-синь 小辛 173, 293
Сяо Сыма 小司马 348
Сяо Хэ 蕭何 20, 21
Сяо-цзи 孝己 294
Сяо-цзин 孝景 83, 124
Сяо-цзя 小甲 171, 290

Тай-бо 太伯 181, 306
Тай-ван 太王 183, 305
Тай-гун 太公 334
Тай-гун Ван 太公望 183, 309, 310
Тай-гэн 太庚 171, 290
Тай-ди 太帝 350
Тай-дин 太丁 170, 175, 295, 319
Тай-дянь 太颠 182, 187
Тай-жэнь 太任 181, 306
Тай-кан 太康 163, 277
Тай-у 太戊 171, 290–292
Тай-хао 太皞 221, 226, 345, 349, 350
Тай-цзун 太宗 170
Тай-цзя 太甲 86, 105, 106, 170, 290
Тай-цзян 太姜 181
Такигава Каметаро (Сигэн) 瀧川龜太郎 73, 225, 228, 229, 233, 243–245, 248, 254, 256, 278, 282, 286–288, 290, 299, 309, 310, 313, 318, 320, 323, 324, 339
Тан (Чэн-тан) 湯 86, 104, 164, 165, 167–170, 172, 278, 284, 285, 287, 288, 292
Тан (он же Яо) 唐 166, 226
Тан Гу 唐固 335
Тан Ду 唐都 23
Тан Лань 唐闌 105, 298
Тан-шу 唐叔 190
Тань-бо 谭伯 206, 335
Тао-тан 陶唐 33, 164, 180
Тао-те 饕餮 144
Тао-у 檮杌 144, 244
Тао-янь 檮戴 244
Тацит 114
Тин-сюань 聽諼 347
Тин-цзянь 庭堅 244
То 佗 204, 205
Ту 土 281
Туй 頹 204–206, 333, 334
Туй-ай 隤皚 244
Тун 通 120
Тун Шу-е 童書業 349
Тэн-гун 腾公 20
Тянь-и 田乙 167, 282
Тянь Фэнь 田蚡 58, 84
Тянь Хэн 田横 51, 52
Тянь Чан 田常 208

У-ван 武王 55, 62, 88, 107, 108, 128, 169, 177, 178, 183–193, 200, 210, 216, 238, 262, 299–301, 305, 308–318, 334, 342
У-гуань 五觀 234
У-гун 武公 111, 200, 210, 229, 333, 339, 341
У-гэн 武庚 178, 190, 299, 314
У-ди 武帝 16, 17, 22, 24, 27, 33–35, 58, 68, 76–78, 115, 122
У-дин 武丁 86, 87, 106, 173, 174, 229, 284, 290, 293, 294
У-и 武乙 174, 295
Уотсон Б. (Watson B.) 29, 46, 61, 64, 65, 68, 70, 71, 73, 76, 79, 117, 251, 252
У-сянь 巫咸 291
У-сянь 巫賢 171, 172, 291
У-хуй 吳回 285
У-цзы 吳子 277
У Ци-чан 吳其昌 281

Фа 發 164, 183, 185, 278
Фан 房 см. Жу-фан
Фан Бао 方苞 72
Фан-сюнь 放勳 136, 232
Фан Сяо-юэ 方孝岳 262, 271
Фан-ци 放齊 137
Фань Вэнь-лань 范文瀾 47, 101, 224, 229, 243, 246, 276, 278, 292, 293, 305, 316, 327, 329, 330
Фань Куай 樊噲 20

Фань Суй 范睢 92
Фань Сюань-цзы 范宣子 109
Фу 甫 347
Фу Гэн-шэн 傅庚生 324, 328
Фу Куань 傅寬 29
Фу-си 伏(宓)犧 98, 99, 230, 235, 308, 345, 346, 349–353
Фу-хоу 甫侯 88, 195, 196, 325, 347, 353
Фу Цянь 服虔 33, 244
Фу-чэнь 富辰 206, 335
Фу Юэ 傅說 106, 173
Фэй-чжун 費中 176, 182
Фэн 風 345, 346
Фэн-синь 馮辛 295
Фэн-хоу 風后 134, 228
Фэн Шан 馮商 32
Фэн Ю-лань 馮友蘭 273

Хай 亥 281
Хань 漢 119, 217, 226, 288, 310
Хань-ван 韓王 212
Хань Ин 韓嬰 348, 354
Хань Тань 韓談 38
Хань Фэй-цзы 韓非子 93, 118, 242, 243, 341, 349
Хань Чжо 寒浞 277, 278
Хо-люй 闔閭 333
Хо-шу Чу 霍叔處 301, 314
Хоу Вай-лу 侯外廬 301
Хоу-и 后羿 277, 278
Хоу-моу 侯侔 304
Хоу-цзи 后稷 107, 110, 144, 151, 152, 169, 179, 180, 182, 198, 222, 231, 302, 303, 305
Хоу-цзы Цзянь 后子鍼 112
Хоу-шэн 侯生 116
Ху 胡 197
Ху Вэй 胡渭 255, 265
Ху Хоу-сюань 胡厚宣 233, 253, 286, 287, 301
Ху Ци 胡齊 204
Хуа-сюй 華胥 345
Хуан 湟, 皇, 湟 330
Хуан Вэнь-би 黃文弼 30
Хуан-ди 黃帝 28, 33, 53, 97–100, 112, 125, 126, 133–135, 148–150, 188, 221–224, 226–230, 235, 250, 251, 306, 316, 348–351, 353
Хуан Жу-чэн 黃汝成 58
Хуан-пу 皇僕 180
Хуанфу Ми 皇傅謐 227, 236, 278, 281, 353
Хуан Шань-фу 黃善夫 66, 271
Хуань-ван 桓王 204, 206, 332, 333
Хуань-гун 桓公 204–206, 209, 262, 334
Хуань-доу 讙兜 137, 140, 159, 235, 242
Хуань Куань 桓寬 29
Хуань Тань 桓譚 41
Хуй 槐 164
Хуй 揮 332
Хуй-бо Тань 惠伯談 38
Хуй-ван 惠王 210, 334, 335
Хуй-ван (Лан) 惠王(閬) 204–207
Хуй-гун 惠公 209, 262, 338
Хуй-ди 惠帝 122
Хуй-хоу 惠后 205
Хуй-юй 毀隃 180, 304
Хулсве А. (Hulsewe A.) 326
Хун Лян-цзи 洪亮吉 295
Хун-яо 閎夭 176, 182, 187, 188, 307
Хунь-вэй 昏微 282
Хунь-дунь 渾沌 144, 244
Хэ 和 137, 163, 232
Хэ Тань-цзя 河亶甲 86, 171, 172, 291, 292
Хэ Цы-цюань 何茲全 121
Хэ-чжун 和仲 137
Хэ-шу 和叔 137
Хэй-цзянь 黑肩 204
Хэлоун Г. (Haloun G.) 53, 303
Хэниш Е. (Haenish E.) 64

Цай-шу 蔡叔 178, 190
Цай-шу Ду 蔡叔度 187
Цай Шэнь 蔡沈 234, 235, 237, 240, 246, 247, 258, 266, 270
Цан-шу 倉舒 244
Цао-шу Чжэнь-до 曹叔振鐸 313
Цао Шэнь 曹參 20, 21
Цао-юй 曹圉 105, 166, 282
Цзан Ту 臧荼 121
Цзао-юй 遭圉 282
Цзе 介 338
Цзе 桀 87, 104, 164, 168, 169, 278, 285–287
Цзи 季 87, 281
Цзи 紀 347
Цзи 姬 148, 180, 303

Цзи 己 229
Цзи (Хоу-цзи) 稷 145, 160, 288
Цзи-гун Моу-фу 祭公謀父 192, 322, 324
Цзи-ли 季歷 181, 306
Цзи-ли 季貍 244
Цзи-фу 己父 335
Цзи-чжун 季仲 244
Цзи Чжэнь-хуай 季鎮淮 54, 63
Цзин 靜 199, 200
Цзин-ван (Гай) 敬王(丐) 208, 337, 338
Цзин-ван (Гуй) 景王(貴) 208, 336, 337
Цзин-ди 景帝 37, 43, 75, 76, 319
Цзин-кан 敬康 141
Цзин Кэ 荊軻 42, 43, 51, 58, 115
Цзинь 廩 164, 278
Цзинь Дэ-цзянь 金德建 82–84, 93, 250
Цзинь Люй-сян 金履祥 272
Цзо Цю-мин 左丘明 27, 347, 352
Цзо-чэн 左成 210, 339
Цзоу Дань 鄒誕 288
Цзоу Янь 鄒衍 39, 85, 221, 222
Цзу-гэн 祖庚 174
Цзу-дин 祖丁 172, 292
Цзу-и 祖乙 171, 172, 291–293, 298
Цзу-и 祖伊 176, 177, 183
Цзу-синь 祖辛 172
Цзу-синь 且辛 294
Цзу-цзи 祖己 173, 294
Цзу-цзя 祖甲 174
Цзы 子 148, 166, 178
Цзы-и 子儀 333
Цзы-ин 子嬰 79, 93, 114
Цзы-нань 子南 217, 342
Цзы-цинь 子禽 333
Цзю 糾 210, 211
Цзю 摎 216
Цзю 鳩 см. Жу-цзю
Цзю-хоу 九侯 176, 296
Цзюй 鞠 180, 303
Цзюй 鼠 215, 216, 341
Цзюй-тао 鞠陶 303
Цзюн 扃 164
Цзюн 冏 291
Цзюнь 俊 231
Цзэн-хоу 繒侯 331
Цзя 甲 см. Цзу-цзя
Цзя 嘉 217
Цзя Вэй 甲微 87
Цзя И 賈誼 78, 79, 93, 94, 114, 116, 118
Цзя Куй 賈逵 329
Цзя-цзы 賈子 313
Цзян 姜 223, 303, 346, 347
Цзян 疆 184, 298
Цзян Шэн 江聲 284, 286
Цзян Юань 姜源 179, 231, 302
Цзянь 翦 211
Цзянь 鰎 197, 326
Цзянь Бо-цзань 翦伯贊 58, 59, 101, 302, 314, 323, 333
Цзянь-ван И 簡王夷 207, 208
Цзянь-гун 簡公 208
Цзянь-ди 簡狄 166, 231
Цзянь-цзя 戔甲 291
Цзяо 驕 209
Цзяо-цзи 蟜極 135, 231
Ци 弃 107, 108, 126, 145, 147, 148, 179, 180, 234, 246, 248
Ци 啓 161–163, 175, 276, 277, 279, 295, 319
Ци 齊 347
Ци-цзы 箕子 177, 178, 184, 188, 189, 318
Цин-ван 頃王 207
Цин-ду 慶度 231
Цин-цзе 慶節 180
Цин-ян 青陽 135, 228–230
Цинь (дом) 秦 90–93, 110, 112, 118
Цинь-ван 秦王 216
Цинь-чжун 秦仲 338
Цинь Ши-хуан 秦始皇 16, 42, 51, 54, 69, 70, 81, 84, 93, 94, 114–117, 255
Цуй-чжу 崔杼 208
Цуй Ши 崔適 32, 35, 72, 76, 241, 243, 277, 317
Цуй Шу 崔述 88, 270, 316, 318, 325
Цы 疵 184, 298
Цюань Цзу-ван 全祖望 72
Цюй-цзи 去疾 209
Цюй Юань 屈原 20, 27, 57, 87, 245, 253, 264, 275
Цюн-си 窮係 231
Цюн-ци 窮奇 144, 244
Цюн-шань 窮蟬 135, 141
Цян-цзя 羌甲 292
Цянь Вэй-чан 錢偉長 23

Цянь Да-синь 錢大昕 72
Цянь Лянь-и 錢謙益 288
Цяо-ню 橋牛 141
Цяо Чжоу 譙周 223

Ча-фу 差弗 180
Ча Цзэ 蔡澤 92
Чан (Си-бо Чан) 昌 176, 181, 182, 297, 306, 307
Чан-жо 昌若 105, 166, 281
Чан-и 常意 135, 141, 150, 231
Чан-пу 昌僕 135
Чан-сянь 常先 134, 227
Чатли Г. (Chatley H.) 279, 280, 300
Чжан Вэнь-ху 張文虎 72, 254
Чжан-ди 章帝 32
Чжан И 張儀 92
Чжан Лян 張良 51, 63, 64
Чжан Суй (И-син) 張遂 233, 300
Чжан Тан 張唐 60
Чжан Хун-чжао 章鴻釗 239, 300
Чжан Цан 張蒼 90
Чжан Цинь 章嶔 305
Чжан Цянь 張騫 21, 55
Чжан Ши-лу 張世祿 94
Чжан Шоу-цзе 張守節 18, 19, 31, 66, 72, 80, 225, 238, 239, 245, 251, 254, 292, 293, 317
Чжан Ю-луань 張友鸞 71
Чжан Янь 張晏 28–31, 33, 75
Чжань-фу 詹父 333
Чжао 朝 208, 336, 337
Чжао 釗 191
Чжао-бо 召伯 337
Чжао-ван 昭王 216
Чжао-ван (Ся) 昭王 192, 322, 338
Чжао-гао 趙高 93, 118
Чжао-гун 召公 183, 187, 190, 191, 198–200, 216, 309, 313, 316, 319, 320, 334, 350
Чжао-гун Ши 昭公奭 187, 188, 314
Чжао И 趙翼 45, 72
Чжао-мин 昭明 105, 166, 281, 283
Чжао Пэй-синь 趙佩馨 105
Чжао Сян-ван 昭襄王 111
Чжао Тань 趙談 38
Чжао Тун 趙同 38
Чжао Ю-вэнь 趙幼文 74
Чжи 摯 136, 231, 232, 306
Чжи 直 347
Чжи-бо 智伯 209
Чжоу (дом) 周 45, 89, 91, 107, 148, 165, 177, 179, 180, 200–203, 205–207, 210, 211, 216, 217, 222, 226, 288, 296, 299, 300, 302, 308, 310, 311, 313, 329, 332, 340, 342
Чжоу 周 208
Чжоу 州 347
Чжоу (Чжоу-синь) 紂 175–178, 182–187, 216, 295–299, 301, 307, 312
Чжоу Бо 周勃 21, 60
Чжоу Вэй 周緯 311, 313
Чжоу-гун 周公 89, 209, 308, 309, 316, 319–322, 332
Чжоу-гун Дань 周公旦 178, 183, 187–191, 200, 217, 342
Чжоу-синь 紂辛 86, 87, 105, 106, 309, 310, 313–315, 317, 319
Чжоу Хэ 周苛 77
Чжоу-цзюнь 周君 212, 214, 215
Чжоу Чан 周昌 77
Чжу 柱 352
Чжу 予(杼, 宁) 164, 278
Чжу-гуй 祝鮀 333
Чжу-гуй 主癸 167, 282
Чжу-дань 祝聃 333
Чжу Дун-жунь 朱東潤 34, 35
Чжу-жэнь 主壬 167, 282
Чжу Си 朱熹 235, 353
Чжу-ху 朱虎 146, 247
Чжу-юн 祝融 346
Чжуан-ван 莊王 204, 206, 207, 333, 336
Чжуан-гун 莊公 204, 208, 332, 333
Чжуан Сян-ван 莊襄王 216
Чжуан-цзы 莊子 278
Чжуань-сюй 顓頊 135, 141, 144, 148, 150, 221, 230, 231, 235, 245, 250
Чжуань-юй 顓臾 345, 350
Чжун-бо 仲伯 169, 287
Чжун-дин 仲丁 87, 171, 290–292
Чжун-жэнь 中壬 170, 290
Чжун-кан 中康 163, 277
Чжун-кань 仲堪 244
Чжун-лэй 中𠂤 169, 288
Чжун-сюн 仲熊 244
Чжунхан Янь 中行偃 336
Чжун-хуй 仲虺 288

Чжун-цзун 中宗 171
Чжун Шань-фу 仲山甫 200, 330
Чжун-юн 仲容 244
Чжун-янь 仲衍 80
Чжэн 鄭 205
Чжэн-бо 鄭伯 332, 336
Чжэн Кан-чэн 鄭康成 234
Чжэн Сюань 鄭玄 88, 224, 238, 246, 257, 258, 260, 264, 269–271, 277, 287, 288, 290, 294, 298, 314, 315, 351, 352
Чжэн Хао-шэн 鄭鶴聲 28
Чжэн Цяо 鄭樵 49, 262
Чжэнь 振 105, 166
Чжэнь-ван Цзе 貞王介 337
Чи-ю 蚩尤 100, 133, 134, 169, 224, 288
Чу-ван 楚王 211
Чу-цзы 楚子 91
Чу Шао-сунь 褚少孫 29, 31, 34, 39, 79
Чуй 垂 145, 147, 234
Чуй 倕 144
Чун 重 233
Чун-хоу Ху 崇侯虎 176, 182, 183, 297
Чун-хуа 重華 141, 242
Чэн 承 347, 353
Чэн-ван 成王 178, 180, 181, 192, 200, 216, 320, 321
Чэн Да-чан 程大昌 255
Чэн-ди 成帝 29
Чэн-тан 成湯 49, 62, 86, 105, 106, 167–170, 172, 173, 178, 282–284, 287, 288, 290, 292, 295, 299, 300
Чэн Цзинь-цзао 程金造 19, 35, 36
Чэн-цзюнь 成君 212
Чэнь Жэнь-си 陳仁錫 288
Чэнь Мэн-цзя 陳夢家 105, 225, 281–284, 287, 290–292, 298, 300, 301, 320
Чэнь Си 陳僖 121
Чэнь Цзунь-гуй 陳遵媯 238
Чэнь Ци-юн 陳其榮 292
Чэнь Чжи 陳直 53
Чэнь Шэ 陳涉 45, 58, 62, 63
Чэнь Эр-дун 陳爾冬 71
Чэнь Юань 陳垣 37, 319

Шаванн Э. (Chavannes Ed.) 51–53, 70, 76, 79, 83, 225, 228, 231, 232, 234–237, 239–241, 244–247, 251, 252, 256, 258, 262, 267, 271, 273, 278, 286, 298, 315, 321, 322, 325, 327, 328, 335, 336, 339, 340, 354
Шань-Инь (дом) 商殷 201, 222, 262, 288, 292, 299, 310–313
Шан-жун 商容 176, 178, 188
Шан-фу см. Ши Шан-фу
Шан-цзюнь 商均 148, 162, 234
Шан-цзя Вэй 上甲微 282
Шан Юэ 尚鉞 312, 327, 329
Шан-ян 商鞅 113
Шао-дянь 少典 223, 346
Шао-кан 少康 87, 164, 277
Шао-хао 少皞 144, 221, 229, 230, 231, 244
Ши-гуй 示癸 282
Ши-жэнь 示壬 275, 282
Ши-и 史佚 188, 314
Ши-куан 師曠 296
Ши-у 師武 213, 214, 340
Ши-фу 石父 203
Ши-хуан см. Цинь Ши-хуан
Ши-цзы 尸子 299
Ши-цзюань 師涓 175, 296
Ши Шан-фу 師尚父 184, 186–188, 310
Ши-янь 史厭 211
Ши-янь 師延 296
Шоу 受 189
Шоу 壽 336, 337
Шоу-дэ 受德 295
Штукин А.А. 302, 322, 327
Шу 叔 209
Шу-бао 叔豹 244
Шу-да 叔達 244
Шу-дай 叔帶 205–207, 334, 335
Шу-ду 叔度 188
Шу-дунь 樹敦 195, 324
Шули Цзи 樗里疾 92
Шусунь Тун 叔孫通 58
Шу-сянь 叔獻 188, 244
Шу-ци 叔齊 182
Шу Чжэнь-до 叔振鐸 187
Шунь 舜 20, 22, 93, 97–99, 107, 138–147, 149–151, 158, 160–162, 165, 166, 180, 188, 221, 222, 224, 231, 234–245, 247, 249–251, 254, 271, 273, 274, 285, 303
Шуньюй Юэ 淳于越 117

Шэн 聖 208, 336
Шэн-ван 声王 209
Шэн-хоу 繩侯 77
Шэнь (бо) 申(伯) 347, 353
Шэнь И-цзи 審食其 60
Шэнь Ко 沈括 262
Шэнь-нун 神農 98, 99, 188, 222, 223, 230, 235, 346, 347, 349, 351–353
Шэнь-хоу 申侯 201, 203, 331
Шэнь-хоу 申后 201, 203
Шэнь Цзин-ван 慎靚王 210, 339

Щуцкий Ю.К. 227, 308, 352

Э-лай 惡來 91, 176, 297, 299
Э-хоу 鄂侯 176, 297
Э-хуан 娥皇 236
Эйхорн В. (Eichhorn W.) 65
Энгельс Ф. 98, 229, 349
Эр Ши-хуан 二世皇 58, 79, 92–94, 114, 127

Ю-ван 幽王 108, 200–203, 217, 330–332
Ю-сунь 游孫 206
Ю-сюн 有熊 148, 222, 250
Ю-ся 有夏 167
Ю-чао 有巢 98
Ю-юй 有虞 91, 112, 113, 148
Юань 原 291
Юань 苑 332
Юань-бо 原伯 335
Юань-ван Жэнь 元王仁 92, 208, 209
Юань-ван Чи 元王赤 338
Юань-ди 元帝 29
Юань Кэ 袁珂 224, 244, 349, 351
Юй 瑜 207
Юй 禹 20, 85, 99–104, 110, 111, 144, 145, 147, 148, 150–152, 156, 158–163, 165, 166, 169, 188, 222, 227, 239, 240, 242, 246, 248–250, 253–255,258, 259, 270, 271, 273–276, 279, 288, 303, 318
Юй (Шунь) 虞 165, 166, 180, 193, 226
Юй-ван 榆罔 347, 353
Юй-лун 御龍 164
Юй Син-у 于省吾 225, 279, 301
Юй-цзы 鬻子 182, 307
Юй Цзя-си 余嘉錫 76
Юй Цин 虞卿 90
Юй-чжун 虞仲 181, 306
Юй Чжэн-ся 俞正燮 41
Юй Юн-лян 余永梁 227
Юй Юэ 俞樾 286, 324
Юн-цзи 雍己 171, 290
Юнь-ду 雲都 304
Юэ 說 173, 293

Я-юй 亞圉 180
Ян Куань 楊寬 115, 221, 222, 225, 230, 327, 349
Ян Сюн 揚雄 34, 39, 56, 352
Ян Сян-куй 楊向奎 349, 354
Ян Хин-шун 113
Ян Хуй 楊惲 29–31, 41
Ян Цзюнь-жу 楊筠如 312
Ян-цзя 陽甲 172
Ян Чжун 楊終 32, 36
Ян Шоу-цзин 楊守敬 255
Ян Шу-да 楊樹達 34
Ян Юн-го 楊勇國 280, 287
Ян Юн-цзи 養由基 213, 340
Яншина Э.М. 73, 225, 236, 242, 351
Янь 延 210
Янь-ван 偃王 91
Янь-ди 炎帝 100, 133, 221, 226, 346, 351, 352
Янь Ши-гу 顏師古 30, 257, 264, 265, 329, 342
Яо 姚 204
Яо 堯 53, 93, 97–101, 107, 136–145, 147–151, 158, 159, 179, 188, 221, 222, 224, 230, 231–238, 240, 242, 245, 250, 251, 253, 273, 274, 285, 303, 316
Яо Най 姚鼐 254
Яо-Тан 陶唐 148

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Аньи 安邑 287
Аньлу 安陸 268
Аньфэн 安豐 268
Аньхуй 安徽 259, 260, 268, 275, 276, 302
Аньян 安陽 263, 283, 293, 300
Ао 隞 105, 171, 291, 292
Аризона 350

Ба 巴 21
Байлунцзян 白龍江 265
Байшуй 白水 265
Банцзян 蚌江 261
Баньцюань 阪泉 133
Бао 褒 202, 225
Би 畢 217, 309, 342
Бинь 豳 180, 181, 304, 317
Биньсянь 邠縣 266
Бо 亳 105, 167, 169–171, 173, 174, 280, 283, 285, 288, 290, 292, 293
Бо[шань] 嶓山 155, 265
Богу 薄姑 191, 320
Босин 博興 320
Бохайский залив 258
Бочжун[шань] 嶓冢山 156, 265, 268, 269
Бошэ 亳社 281, 283
Бучжоу 不周 346
Бэйби 北鄙 296
Бэйли 北里 296
Бэйху 北戶 249
Бэйцзян 北江 156

Вайфан 外方 156, 268
Вайцзян 外江 262
Ваньу[шань] 王屋山 156, 268, 270
Ванчжу 望諸 264
Ванчэн 王城 320, 337, 338
Ваньцю 宛丘 316
Ваньшань 丸山 225
Великая китайская стена 21, 23
Великий канал 260, 261
Внутренняя Монголия 265
Восточное Чжоу 210–212
Вэй 微 185, 311
Вэй 魏 76, 91, 209, 213, 214, 338, 339, 341
Вэй 衛 205, 206, 314, 329, 332–334
Вэйхэ 潍河 259, 266
Вэйшуй 潍水 153, 259
Вэйшуй 衛水 152, 257
Вэйшуй[хэ] 渭水河 103, 155, 157, 174, 180, 266, 270, 295, 303, 304, 331
Вэйюань 渭源 266
Вэнь 溫 205, 207, 333
Вэньси 聞喜 256
Вэньсянь 溫縣 333
Вэньчжоу 溫州 254
Вэньшань 汶山 155, 156, 264, 268–270
Вэньшуй 汶水 153, 157, 259, 270

Гань 甘 85, 163, 276, 334
Ганьгу 甘谷 268
Ганьсу 甘肅 24, 54, 225, 241, 251, 264–266, 268, 269, 304, 308, 311, 324
Ганьцзян 贛江 260
Ганьюй 贛榆 316
Гаоду 高都 212, 213, 340
Гаолин 高陵 266
Го 虢 200, 203, 205, 334
Гоби 231
Гоупань 鉤盤 242
Гучжу 孤竹 182, 307
Гучэн 穀城 263
Гушуцзи 穀熟集 283
Гуанъа 廣阿 257
Гуандун 廣東 260
Гуанси 廣西 261

Гуанчжоу 廣州 264
Гуанъюань 廣元 262
Гуань 管 188, 316
Гуй 媯 236
Гуйжуй 媯汭 142, 236
Гуйсуй 鮭綏 21
Гуйцзи 會稽 165
Гуйчжоу 媯州 251
Гуйчжоу 貴州 261
Гун 鞏 209, 338
Гунсянь 鞏縣 269, 338
Гэишань 葛嶧山 260
Гэн 耿 291, 292

Дабешань 大別山 156, 268, 269
Дае 大野 153, 259
Даишан 大邑商 293
Далу 大陸 152, 156, 257
Дапэй 大邳 156, 269
Дася 大夏 55
Датунхэ 大通河 264
Дацзюн 大坰 288
Дай[шань] 岱山 258
Дайсянь 代縣 268
Дайцзун 岱宗 134, 139, 153, 225, 258
Даньху 黰狐 216, 341
Даньян 丹陽 270
Дицюань 狄泉 337
Дичжу 砥柱 156, 267
Диши 砥石 283
Динтао 定陶 257, 264, 270, 288
Дуе 都野 155, 266
Дучжун 杜中 217
Дунду 東都 283, 320
Дунлин[сян] 東陵鄉 156, 270
Дунпин 東平 259
Дунхэ 東河 263
Дунъюань 東原 153, 259
Дунъюэ 東嶽 258
Дуньу 敦物 155, 266
Дуньхуан 敦煌 30, 241
Дэань 德安 268
Дэнфэн 登封 268, 341

Желтое море 259
Жошуй 若水 135, 230
Жошуй 弱水 103, 155, 156, 266, 269, 270
Жуй 芮 182, 183, 307
Жуй 汭 236
Жуйчэн 芮城 307, 326
Жунцзэ 榮澤 335
Жэхэ 熱河 307
Жэньсянь 任縣 257

Западное Чжоу 210–213, 216

Иберия 329
Исянь 嶧縣 331
Ицзюньшуй 宜君水 266
Ицзюэ 伊闕 216, 340
Ичжоу 易州 302
Ишань 嶧山 153, 260
Ишуй 伊水 154, 157, 189, 201, 263, 270
Ишуй 沂水 153, 157, 259, 270
Ишуйсянь 沂水縣 259
Иян 益陽 225
Иян 宜陽 211, 339
Ин 應 215
Ин 英 162, 275
Ин 鄞 211, 339
Индия 354
Инцю 營丘 188, 316
Иншань 英山 275
Инь 殷 55, 67, 73, 101, 107, 280, 293, 320, 332
Иньшань 陰山 275

Кайфын 開封 278, 316
Корея 46, 258
Куайцзи 會稽 20, 94, 162, 165, 239, 276
Кунтун 空桐 24, 134, 149, 225, 251
Куньлунь 昆侖 55, 156, 266, 267

Лайси 萊西 259
Лайфу 萊無 259
Лайян 萊陽 259
Ланъе[тай] 琅邪台 94, 117, 118
Лешань 烈山 347, 352
Ли 櫟 205
Ли 黎 297, 298, 316
Лилин 歷陵 268
Лицзинь 鬲津 242
Лицзэ 笠澤 260
Лицюань 醴泉 55
Лишань 麗(驪)山 116, 141, 142, 203, 236, 243, 278, 331, 352
Лишань 厲山 352
Лиши 離石 213, 214, 340

Лишуй 醴水 156, 270
Лиян 澧陽 241
Линлин 零陵 147
Линтай 靈台 308
Линь 藺 213, 214, 340
Линьи 臨沂 241, 259, 332
Линься 臨夏 266
Линьцзюй 臨沮 261
Линьцзян 廩江 261
Лобнор 羅布淖爾 30
Лои 洛 (雒) 邑 55, 88, 108, 189–191, 203, 216, 217, 320
Лонань 洛南 268
Лошуй 漯水 153, 258
Лошуй 洛 (雒) 水 154–157, 163, 182, 189, 201, 207, 263, 269, 270, 297, 331
Лоян 洛陽 20, 22, 238, 263, 278, 317, 320, 337, 340, 342
Лу 魯 13, 20, 188, 204, 320, 329, 332, 337, 354
Лу 繡 185, 311
Лулун 廬龍 307
Лулян 陸梁 116
Лутай 鹿臺 175, 177, 186, 296, 312, 315
Лухунь 陸渾 336
Луцзян 廬江 270
Лушань 廬山 224, 259, 261
Лушисянь 廬氏縣 263, 268
Лун 隴 225
Лунмэнь 龍門 17, 19, 155, 156, 256, 266, 340, 347
Лунмэньшуй 龍門水 262
Лунсянь 隴縣 267
Лэйся 雷夏 152, 258
Лэйцзэ 雷澤 141, 142, 243, 258, 345
Лэйшоу 雷首 156, 267
Лю 六 162, 275
Люань 六安 275
Люань (го) 六安 (國) 268
Люша 流沙 135, 156, 230, 269
Люэян 略陽 265
Лян 梁 213, 214
Лянчжоу 梁州 155, 264
Ляншань 梁山 152, 181, 256
Ляонин 遼寧 255, 258

Мацзя 馬頰 242
Маолин 茂陵 18
Ми 密 197, 308
Мило 汨羅 20
Мисюй 密須 183, 308
Мисянь 密縣 340
Минду 明都 154, 234, 264
Минтяо 鳴條 104, 165, 169, 249, 278, 287
Миньсянь 岷縣 265
Миньцзян 岷江 262
Миньшань 岷山 264, 268
Моу 髦 185, 311
Муе 牧野 88, 108, 177, 185, 186, 193, 298, 311
Мэйгу 昧谷 137, 234
Мэйсянь 眉縣 266
Мэн 夢 262
Мэнъинь (сянь) 蒙陰縣 259
Мэнъиньшань 蒙陰山 259
Мэнсянь 孟縣 269, 335
Мэнцзинь 盟津 156, 177, 183–185, 269, 298, 309, 310
Мэнчжу 孟豬 264
Мэншань 蒙山 153, 255, 259, 265
Мяньшуй 沔水 155, 265

Намвьет 46
Наньбо 南亳 292
Наньхай 南海 156, 269
Наньхэ 南河 141, 154, 242, 263
Наньцзяо 南交 137, 233, 234
Наньчжан 南漳 261
Наньчжао 南召 268, 270
Наньшань 南山 303
Наньян 南陽 212, 270, 339
Нихэ 逆河 156, 269
Ниншэнь 寧陝 266
Нэйфан 內方 156, 268
Нэйхуан 內黃 291
Няошу 鳥鼠 155, 156, 266, 268, 270
Няошутунсюэ 鳥鼠同穴 157, 270

Паньму 蟠木 135, 231
Парфия 17
Пекин 225, 316
Пицзян 郫江 262
Пингао 平高 251
Пинлу 平陸 267, 293, 307
Пинши 平氏 259
Поянху 鄱陽湖 260

Пу 濮 185, 311
Пугу 蒲姑 319, 320
Пусянь 蒲縣 243
Пуфань 蒲反 267
Пушуй 濮水 296
Пэй 沛 20
Пэй 郱 314
Пэйвэйшань 倍尾山 260, 268
Пэйсянь 邳縣 260
Пэн 祊 332
Пэн 彭 185, 311
Пэнлай 蓬萊 258, 259
Пэнли 彭蠡 153, 156, 260
Пэнчэн 彭城 20, 120

Рим 17

Саньвэй 三危 155, 156, 241, 264, 266, 269
Саньмэньшань 三門山 267
Саньту 三塗 189, 318
Сань Цзинь 三晉 215, 216, 338
Саньцзун 三嶲 169, 287
Саньцзян 三江 153, 260
Саньчуань 三川 200, 201
Саньши 三澨 156, 270
Сиань 西安 304, 305, 308, 317, 320, 331
Сибо 西亳 292
Сиду 西都 320
Симаньтоу 西曼頭 324
Сихэ 西河 155, 263, 278
Сицин 西傾 155, 156, 265, 268, 269
Сичэн 析城 156, 267
Син (Гэн) 邢 (耿) 171, 291
Син 滎 157, 264
Синбо 滎播 154, 264
Синцзэ 滎澤 291
Синъян 滎陽 264
Синьцзян 新疆 265
Синьчжэн 新鄭 340
Суйшань 隨山 352
Сун 宋 178, 319, 335
Сунгао 嵩高 268
Сунпань 松潘 264
Сунсянь 嵩縣 336
Суншань 嵩山 126, 231, 268
Сы 杞 252
Сычуань 四川 21, 22, 230, 261, 262, 264, 265, 311, 351
Сышуй 泗水 153, 154, 157, 259–261, 270
Сышуй (сянь) 泗水縣 260
Сюту 休屠 266
Сюу 修武 339
Сюаньхуа 宣化 225
Сюаньчжи 玄趾 264
Сюаньюань 軒轅 135
Сюй 許 162, 204, 275, 332
Сюйгэ 繻葛 332
Сюйчан 許昌 275
Сюйчжоу 徐州 20, 153, 268
Сюншань 熊山 134
Сюнъэр 熊耳 156, 157, 263, 268, 270, 347
Сюньисянь 栒邑縣 304
Сюньян 尋陽 261
Ся 夏 67, 68, 101, 102, 145, 267
Сяпэй 下邳 260
Сятай 夏臺 165, 278
Сяхоу 夏后 162
Сяшуй 夏水 262
Сяян 夏陽 266
Сяян 冶陽 256
Сян 相 171, 291, 292
Сянцзян 湘江 20
Сянчэн 襄城 317
Сяншань 湘山 134
Сянъян 襄陽 270
Сяньули 顯武里 18
Сяньян 咸陽 120, 342
Сяо 崤 292
Сяотунь 小屯 104, 293, 294

Тай 邰 180, 303
Тайань 泰安 259
Тайлу 泰陸 257
Тайханшань 太行山 156, 256, 268, 318
Тайху 太湖 260
Тайхуашань 太華山 156, 268, 269, 318
Тайцзюань (тао) 泰卷 (陶) 169, 288
Тайшань 泰 (太) 山 22, 23, 94, 126, 204, 217, 225, 231, 258, 259, 265, 283, 323, 332, 345
Тайши 太史 242
Тайюань 太原 152, 200, 256
Тайюэ 太岳 (嶽) 156, 256, 267
Танхэ 唐河 257

Тань 譚 *335*
Таньхуай 覃懷 152, 256
Таолинь 桃林 189, 318
Таоцю 陶丘 157, 270
Тибет 265
Тицзян 隄江 261
Тоцзян 沱江 154–156, 261
Тусе 徒駭 242
Тушань 塗山 161, 276
Тунбо (сянь) 桐柏縣 259
Тунбо[шань] 桐柏山 156, 157, 268, 270
Тунгуань 桐關 318
Тунгун 桐宮 106, 170, 289
Тунчэн 桐城 302
Туньлю 屯留 115
Тяньишан 天邑商 293
Тяньмэнь 天門 270
Тяньтаньшань 天壇山 268
Тяньцзинь 天津 258
Тяньчжушань 天柱山 256
Тяньшуй (сянь) 天水縣 265
Тяньшуй (цзюнь) 天水郡 268

У 吳 60, 306
Убоцзян 烏白江 261
Увэй 武威 54
Угуаньцунь 260, 298
Угун 武功 303
Удэ 武德 270
Улянсы 351
Усунцзян 260
Уху 蕪湖 270
Уцзян 烏江 261
Ушань 吳山 267

Фань 氾 206
Фань 番 283
Фаньшань 凡山 225
Фувэй 負尾 156, 268, 269
Фугоу 扶溝 340
Фупин 富平 266
Фуся 負夏 142, 243
Фусянь 傅險 173, 293
Фуфу 覆釜 242
Фуфэн 扶風 266
Фуцзянь 福建 260
Фуцяньюань 敷淺原 156, 268, 269
Фушань 釜山 134
Фушу 負黍 216, 341
Фуяншань 傅陽山 268
Фэнъи 豐邑 183, 308
Фэн[цзин] 豐[京] 20, 108, 183, 190, 191, 217, 317
Фэншуй 澧水 155, 157, 266, 270
Фэньцю 汾丘 317

Хай 海 257
Ханчжоу 杭州 *254*
Хань 漢 34, 36, 49, 58, 67, 70, 73, 81, 95
Хань 韓 209, 211–214, 216, 338–341
Ханьцзян[шуй] 漢江水 154, 156, 260, 262, 263, 265, 269, 270, 311, 322, 330
Ханьчэн 韓城 256, 266
Хао[цзин] 鎬[京] 108, 217, 317, 320
Хосянь 霍縣 256, 328
Хотайшань 霍太山 256
Хошань 霍山 126, 231, 328, 339
Хубэй 湖北 24, 260–262, 264, 268, 275, 311
Хукоу 壺口 152, 156, 256, 267
Хунань 湖南 *20*, *225*, *241*, *249*, *261*, *270*
Хусу 胡蘇 242
Хусянь 鄠縣 276
Хутохэ 滹沱河 257
Хуа 滑 206, 334
Хуаинь 華陰 156, 264, 268, 269, 278
Хуашань 華山 126, 155, 189, 231, 264, 318
Хуаян 華陽 214, 340
Хуайинь 淮陰 259
Хуайлин 淮陵 259
Хуайхэ 淮河 *24*, *97*, *103*, *126*, *140*, *149*, 153, 154, 157, 169, 231, 241, 259–261, 268, 270, 288, *292*, 323, *350*
Хуайян 淮陽 316
Хуанлин 黃陵 230
Хуанхэ 黃河 24, 52, 97, 103, 126, 142, 152–157, 169, 172, 174, 184, 185, 189, 201, 212, 231, 236, 256–259, 261, 263, 265–267, 269–271, 288, 335
Хуаньхэ 洹河 298
Хуаньшань 丸山 134, 225
Хуаньшуй 桓水 155, 265
Хундун 洪洞 328
Хэ 河 см. Хуанхэ
Хэбэй 河北 225, 251, 255, 257, 259, 263, 268, 283, 296, 302, 307
Хэвай 河外 335

Хэгуань 河關 266
Хэдун 河東 267, 268, 270
Хэи 和夷 155, 265
Хэли 合黎 156, 269
Хэнань 河南 209, 217, 253, 255, 256, 260, 263, 264, 268–270, 275, 278, 283, 291, 296, 298, 308, 316, 317, 319, 320, 331, 333–336, 338–341, 350
Хэнэй 河內 207, 335
Хэцзэ 荷澤 154, 156, 243, 264, 270
Хэян 河陽 207, 335
Хэйшуй 黑水 103, 155, 156, 264, 269, 270
Хэнвэй 橫尾 268
Хэншань 衡山 126, 154, 156, 231, 270
Хэншань 恆山 261, 268
Хэншуй 衡水 152, 256
Хэншуй 恆水 257

Цай 蔡 188, 316, 332, 335
Цай (шуй) 蔡水 350
Цайшань 蔡山 155, 265
Цанлан 倉浪 156, 270
Цанъу 蒼梧 147, 249
Цаосянь 曹縣 283, 287
Цаочжоу 曹州 287
Цзе 絜 242
Цзесю 介休 330
Цзеши 碣石 80, 94, 117, 152, 156, 257, 268
Цзи 薊 188, 316
Цзи 饑 176, 297
Цзиинь 濟陰 142, 270, 287
Цзинаньчэн 紀南城 339
Цзисянь 吉縣 256, 291, 296
Цзисянь 冀縣 268
Цзисянь 汲縣 298, 333
Цзичжоу 冀州 141, 152, 255, 256, 263, 346
Цзиши 積石 155, 156, 266
Цзишуй 濟水 103, 126, 152, 153, 157, 231, 257–259, 270, 288, 302
Цзин 荊 306, 322
Цзинлин 竟陵 268, 270
Цзинчжао 京兆 268
Цзинчжоу 荊州 140, 154, 241, 263, 266, 339
Цзинчуань 涇川 266
Цзиншань 荊山 154–156, 261, 266, 268
Цзиншуй 涇水 127, 155, 157, 197, 266, 270, 331
Цзинь 晉 13, 16, 109, 112, 203, 205–209, 296, 332, 334, 335, 338
Цзиньлань 金蘭 270
Цзиньчэн 金城 266
Цзиньян 晉陽 115
Цзофэнъи 左馮翊 266
Цзунчжоу 宗周 191, 320
Цзынань 子南 342
Цзыхэ 淄河 259
Цзышуй 淄水 153, 259
Цзэ 澤 208, 337
Цзэн 繒 203, 331
Цзюишань 九疑山 20, 147
Цзюцзян 九江 154, 261, 268, 270
Цзюцюань 酒泉 334
Цзюцюйшань 九曲山 269
Цзючжоу 九州 157
Цзюйе 鉅野 257, 259
Цзюйецзэ 鉅野澤 259
Цзюйлу 鋸鹿 257, 296
Цзюйсоу 渠搜 156, 266, 267
Цзюйсянь 莒縣 259
Цзюйцюй 具區 260
Цзюйцяо 鉅橋 175, 315
Цзюйшуй 沮水 152, 155, 157, 180, 181, 266, 270, 271, 303
Цзюйянь 沮延 18
Цзюньсянь 均縣 270
Цзюньцзян 箘江 261
Цзямицзян 嘉靡江 261
Цзян 江 (см. также Янцзы) 192
Цзянлин 江陵 262, 339
Цзянси 江西 260, 268
Цзянсу 江蘇 259, 260, 316
Цзянся 江夏 268
Цзяншуй 姜水 223, 346
Цзяншуй 江水 135, 230
Цзяншуй 降水 156, 269
Цзянь 簡 242
Цзяньту 踐土 207, 335
Цзяньшань 汧山 267
Цзяньшуй 澗水 263, 264, 270
Цзяо 焦 188, 316
Цзяочжи 交阯 135, 230, 233
Цзяочжоу 交州 230

Ци 齊 20, 120, 188, 203, 205, 208, 215, 216, 221, 222, 334, 335, 341
Ци 岐 293
Ци 阬 297
Ци 杞 165, 188, 278, 316
Ци 耆 183, 297
Цисянь 漆縣 266
Цишань 箕山 162
Цишань 岐山 152, 155, 156, 181, 183, 201, 256, 266, 267
Цишуй 漆水 155, 157, 180, 181, 266, 270, 303
Цинъи 青衣 265
Цинхай 青海 265, 269
Цинчжоу 青州 153, 258
Цинь 秦 16, 49, 58, 67, 69, 73, 80, 81, 91, 102, 112–115, 118, 203, 207, 209–217, 222, 335, 338–341
Циньян 沁陽 308
Цюаньцзян 畎江 261
Цюйфу 曲阜 188, 243, 316, 320, 337, 347
Цян 羌 185, 311
Цянгушуй 羌谷水 266
Цянь 潛 155
Цяньму 千畝 200, 329, 330
Цяньсянь 汧縣 267
Цяньтанцзян 錢塘江 260
Цяньшань 汧山 156
Цяошань 橋山 135, 230

Чанъань 長安 19, 20
Чангэ 長葛 333
Чанлэ 長樂 316
Чанцзян 长江 см. Янцзы[цзян]
Чанцин 長清 316
Чанчжи 長治 316
Чанша 長沙 20, 347
Чаншань 常山 156, 268
Чаншуй 常水 152, 357
Чаньшуй 灤水 154, 157, 263, 270
Чаогэ 朝歌 296, 312, 317
Чаоян 朝陽 307
Чжанъехэ 漳掖河 264, 266
Чжаншань 章山 268
Чжаншуй 漳水 152, 256, 269
Чжао 趙 51, 209, 213, 214, 338, 341
Чжаогэ см. Чаогэ
Чжи 彘 199, 200, 327, 328
Чжисянь 雉縣 270
Чжифу 之罘 94, 117
Чжичэн 彘城 328
Чжолу 涿鹿 24, 134, 149, 225
Чжоу 周 16, 22, 55, 56, 60, 73, 81, 91, 198, 206, 209–217, 293, 307, 332, 334, 338, 339, 341
Чжоуюань 周原 305
Чжу 祝 188, 316
Чжуе 豬野 266
Чжусюй 朱虛 225
Чжуци 祝其 316
Чжуэ 祝阿 316
Чжуюй 朱圉 156, 268
Чжуннань 終南 155, 266
Чжунсян 鍾祥 268
Чжунцзян 中江 156, 270
Чжуншань 重山 352
Чжэцзян 浙江 20, 260, 275
Чжэн 鄭 89, 204–207, 332, 334–336
Чжэнчжоу 鄭州 104, 283, 291, 316
Чжэньцзэ 震澤 153, 260
Чили 350
Чу 楚 13, 34, 70, 95, 115, 203, 207–209, 211–213, 263, 306, 322, 335, 337, 339–341
Чунгао 崇高 268
Чуншань 崇山 140, 241
Чэнцзи 成紀 345
Чэнчжоу 成周 320, 337, 338
Чэнъян 城陽 120, 242
Чэнь 陳 188, 208, 316, 332, 335, 337, 345, 346, 350
Чэньцзян 潛江 262
Чэньшуй 涔水 154, 155, 262

Шацзян 沙江 261
Шацю 沙丘 175, 296
Шан 商 166, 185, 283, 312
Шан[го] 商[國] 186, 281, 293, 313
Шанъи 商邑 317
Шанло 商洛 281
Шанцай 上蔡 316
Шанцю 商邱 283, 319
Шанцю 商丘 105, 264
Шаньдун 山東 21, 23, 225, 241–243, 257, 259, 260, 263, 264, 270, 283, 287, 302, 316, 320, 331, 332, 351

Шаньси 山西 24, 249, 255–268, 270, 287, 291, 293, 307, 316, 318, 326, 328, 330
Шаодянь 少典 222
Шаосин 紹興 20, 275
Ши (Ци) 耆 297
Шивэй 豕韋 164
Шоуцю 寿丘 142, 243
Шу 蜀 21, 185, 230, 265
Шудунь 樹敦 324
Шумер 329
Шэньси 陕西 230, 256, 264–268, 276, 278, 283, 302, 303, 308, 311, 323, 331, 340, 342
Шэньсянь 陕縣 316

Эпангун 阿房宮 94, 116

Юду 幽都 137, 234
Юли 牖(羑) 里 176, 182, 183, 297
Юлин 幽陵 135, 140, 230, 241
Юсюн 有熊 223
Юся 有夏 189
Юфуфэн 右扶風 266, 267
Ючжоу 幽州 230
Юаньсянь 垣縣 268, 270
Юаньцюй 垣曲 268
Южное море см. Наньхай
Юй 虞 182, 183, 242, 307
Юй 邘 183, 308
Юйи 郁夷 137
Юйи 堣夷 153, 258
Юйсянь 禹縣 278
Юйчжан 豫章 268
Юйчжоу 豫州 154, 253, 263, 264, 268
Юйшань 羽山 140, 150, 153, 241, 242, 259, 260
Юн 鄘 314
Юн 庸 185, 311
Юнцзи 永濟 267
Юнцю 雍丘 316
Юнчжоу 雍州 155, 264, 265
Юнши 雍氏 212, 340
Юншуй 雍水 152, 271
Юнь 雲 154, 262
Юэ 粤 60, 306
Юэшань 嶽山 152, 256

Яань 雅安 265
Янгу 暘谷 137, 234
Янди 陽翟 278
Янцзы[цзян] 揚子江 24, 97, 103, 126, 140, 147, 149, 154, 156, 169, 231, 260, 261, 264, 268–270, 288, 311, 330
Янчжоу 揚州 153, 260, 261
Янчэн 陽城 162, 216, 267, 341
Яншуй 漾水 156, 270
Янъюань 陽源 268
Янь 燕 51, 188, 204, 205, 316, 333, 341, 354
Янь 奄 191, 293, 319, 320, 324
Яньчжоу 沇州 152, 257, 258
Яньчжоу 兗州 257
Яньши 偃師 334
Яньшуй 沇水 103, 156, 270
Яосянь 耀縣 266
Яочи 瑤池 55

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ
(ПЛЕМЕНА И РОДЫ)

Баньфан[-ши] 班方氏 291
Бао-ши 鲍氏 165
Бо-хуан[-ши] 柏皇氏 347
бэйди 北狄 140
Бэйинь-ши 北殷氏 178
бэйфа 北發 147, 249
Бэншуй[-ши] 奔水氏 347

гуйфан 鬼方 226
Гэ-тянь[-ши] 葛天氏 347
Гэ-ши 戈氏 165

Да-тин[-ши] 大庭氏 347
датэ 大特 111
дацзы 大梓 111
даои 岛夷 153, 257
ди 狄 107, 180, 181, 193, 249, 323
ди 氐 147
ди 翟 205–207
дунъи (восточные *и*) 東夷 140, 191

жун(ы) 戎 61, 107, 111–113, 147, 180, 181, 193, 194, 200, 203, 205, 207, 249, 266, 306, 323, 336
жун-ди 戎狄 304
жэньфан 人方 283, 295

и 夷 21, 46, 100, 112, 113, 145, 194, 249, 260, 262, 323
Инь-кан[-ши] 陰康氏 347
Инь-ши 殷氏 178, 306

Кунтун-ши 空桐氏 178
куньи 昆夷 106, 226, 307
Куньу[-ши] 昆吾氏 168, 285

лайи 萊夷 153
Лай-ши 來氏 178
ланьи 藍夷 291
Лешань[-ши] 烈山氏 347, 352
лижун 驪戎 182, 307
Ли-лу[-ши] 栗陸氏 347
Ли-лянь[-ши] 驪連氏 347
Лишань[-ши] 厲山氏 347, 352
лухуньские *жуны* 陸渾之戎 207, 336
Люй[-ши] 呂氏 122

мань 蠻 100, 145, 181, 194, 234, 249, 262, 306, 323
Мин-ши 冥氏 165
Муи-ши 目夷氏 178
мяо 苗 161, 351

нань-мань (южные *мани*) 南蠻 140
няои 鳥夷 147, 152, 257

Саньи[-ши] 散宜氏 100
саньмяо 三苗 100, 140, 146, 155, 241, 245, 248, 266
сижун (западные *жуны*) 西戎 140, 156, 249, 266, 331
сии (западные *и*) 西夷 203, 331
Силин[-ши] 西陵氏 100, 135
сичжи 析枝 147
сишэнь (сушэнь) 息慎 147, 191, 321
Синь-ши 辛氏 165
сушэнь 肅慎 262, 321
Суй-жэнь[-ши] 燧人氏 347
Сун-ши 宋氏 178
Сы[-син] 姒(姓) 165, 279
сюйжун 徐戎 319, 320
сюнну 匈奴 21, 25, 46, 123, 124, 226
сюньюй 薰粥 134, 181, 226, 304
Ся-хоу[-ши] 夏后氏 164, 165, 180, 201
сяньюнь (юй) 獫狁 61, 100, 226, 304, 324

Таотан[-ши] 陶唐氏 100

Тушань[-ши] 塗山氏 100, 163
Тун-чэн[-ши] 彤城氏 165

У-лун[-ши] 五龍氏 347
У-хуай[-ши] 無懷氏 347, 348

фа 發 147
Фо-ши 佛氏 279
Фэй-ши 費氏 165, 279
фэн 豐 111

хань 漢 (人) 15
Хао-ин[-ши] 昊英氏 347
хуася 華夏 225, 248
хуайи (хуайские и) 淮夷 153, 191, 260, 319, 320
хуанди 黃帝 222, 224
Хунь-чунь[-ши] 渾沌氏 347
Хэ-сюй[-ши] 赫胥氏 347

Цзи[-ши] 姬氏 303, 326, 334
цзин-мань 荊蠻 306
Цзинь-юнь[-ши] 縉雲氏 144
Цзунь-лу[-ши] 尊盧氏 347
Цзэн-ши 繒氏 165
цзюли 九黎 224
Цзюань-сюй[-ши] 卷須氏 347
цзюйсоу 渠廋 147
Цзюйцзы[-ши] 娵訾氏 136
цзяочжи 交阯 147
Ци-ши 杞氏 165
цюаньжун(ы) 犬戎 89, 183, 192, 195, 203, 217, 307, 324, 331, 332
цюаньи 犬夷 307
цян(ы) 羌 147, 200

чан 長 147
чанъи 長夷 249
Чжи-ши 稚氏 178
чжуся 諸夏 225
Чжу-сян[-ши] 朱襄氏 347
Чжу-ши 柱氏 347
Чжун-ян[-ши] 中央氏 347
Чжэнь-сюнь[-ши] 斟尋氏 165, 279
Чжэнь-ши 斟氏 165, 279
чуньвэй 淳維 226
Чэньфэн[-ши] 陳鋒氏 136

шаньжун(ы) 山戎 147, 226
Шао-дянь[-ши] 少典氏 133, 223
Шушань[-ши] 蜀山氏 135
Шэнь-нун[-ши] 神農氏 133, 134

Ю-гуа[-ши] 有緺氏 346
Ю-гэ[-ши] 有鬲氏 277
юмяо 有苗 159
Ю-нань[-ши] 有男氏 165, 279
Ю-нань[-ши] 有南氏 279
Ю-синь[-ши] 有莘氏 167, 182, 284
Юсу-ши 有蘇氏 295
Ю-сун[-ши] 有娀氏 166, 169
Ю-сюн[-ши] 有熊氏 125, 182
Ю-тай[-ши] 有邰氏 179
Ю-ху[-ши] 有扈氏 163, 165, 276
Ю-цзяо[-ши] 有蟜氏 351
Ю-чао[-ши] 有巢氏 347
юэчжи 月氏 21
юйи 嵎夷 258, 259

УКАЗАТЕЛЬ КИТАЙСКИХ ТЕРМИНОВ

ай-ли 哀禮 печальные церемонии 239
аньфу 安撫 успокоить, умиротворить 272

ба 霸 гегемон (среди князей) 204, 333
ба-ван 霸王 *ван*-деспот 210
ба-гуа 八卦 восемь триграмм, символов 183, 345, 346
ба-инь 八音 звуки восьми классов музыкальных инструментов 161, 248
ба-чжа 八蜡 осенние жертвы духам 352
ба-чжэн 八政 восемь управлений 316
бай-гуань 百官 все чиновники 143, 161, 223, 293
байгун 百工 все дела, все чиновники 161, 173, 199, 293
бай-мао 白旄 белый бунчук 185
байсин(ы) 百姓 народ, старейшины 105, 133, 136, 145, 147, 151, 164, 166, 169, 170, 172, 175, 176, 180, 185–188, 195, 223, 224, 231, 232, 326
бай-у 百物 все сущее 198
бай-фу чжан 百夫長 сотник 185
бай-ху 白虎 белый тигр, западная часть неба 125
бай-цзу 百族 сто родов, все роды 223
бай-цзя 百家 ученые ста школ, все школы 250
бай-юнь 白雲 начальник уголовного приказа 226
банбо 邦伯 управители и вожди 223, 332
бао 保 воспитатель 191, 320
бао-му 保母 кормилица 320
бао-ши 保氏 воспитатель наследника 320
бинь-ли 賓礼 гостевые церемонии 239
бинь-пи 臏辟 наказание отрубанием ног (вырезание коленных чашечек) 196
бинь-фу 賓服 повинности умиротворенных подданных 194, 323
бо 伯 гегемон среди князей, титул 205, 207, 210, 239, 333, 347
бянь 辯 название жертвы духам 139, 238
бяо 表 хронологические таблицы 47, 66

ван 望 жертвы духам гор и рек 139, 238
ван 王 князь, правитель 117, 187, 225, 300
вань-го 萬國 все владения 160
вань-жэнь 萬人 народ 346
вань-минь 萬民 весь народ, массы народа, простой народ 224, 245
вэй 衛 ранг знатности 323
вэйи-чэ 威儀車 церемониальная, парадная колесница 313
вэй-шу 緯書 гадательные книги 354
вэнь 文 внешняя изысканность 122

гао-цзу 高組 прапрадед 237
гожэнь 國人 население страны, население столицы 198, 199, 203, 208, 327
гоусюй 溝洫 оросительные канавы, арыки 254
гуй 鬼 *земной дух людей 126*, суеверность 121, духи умерших 226
гуй-ци 貴戚 знатные 274
гуй-шэнь 鬼神 духи людей и небесные духи 134, 151, 164, 175
гун 公 титул 239
гун 貢 годичные дары 194
гунгун 共工 управитель работ 145, 234
гунлин 功令 приказы о заслугах чиновников 81

гун-пи 宮辟 наказание кастрацией 195, 196
гун-цзы 公子 княжич 210

дали 大理 старший судья 246
да-пи 大辟 наказание смертной казнью 196
дасыкун 大司空 управитель гражданских дел 296
дасыма 大司馬 управитель военными делами 296
дасыту 達司徒 управитель (общественных) дел 296
да-цзу 大卒 главные силы, соединение в составе 350-ти колесниц 312
да-цзу 大祖 предок в пятом поколении 237
да-чэнь 大臣 высшие чиновники, сановники 204
децзи 諜記 родословные записи 84
ди 帝 император, правитель, владыка-небо 87, 98, 178, 222, 253, 282, 300, 301, 314, 351
ди 地 земля (как основа жизни) 353, 354
ди 嫡 престолонаследие (от отца к сыну) 292
Ди-хуан 地皇 «Властитель земли» 347, 353, 354
ди-чжи 地祇 духи земли 126, 247
дянь 甸 ранг знатности 323
дяньфу 甸服 полевые повинности 157, 194, 271
дяньюэ 甸樂 ведающий музыкой 146

е 野 неотесанность 121
ечжун (сяочжун) 夜中 (宵中) день осеннего равноденствия 233

жэнь 人 человек (в триаде 天, 地, 人) 353, 354
жэнь 仁 человеколюбие, милосердие 253
жэнь-гуй 人鬼 духи людей 126, 247
жэньли 人隸 слуги, рабы 243
жэньту 人徒 тягловый, работоспособное население 151, 254
Жэнь-хуан 人皇 «Властитель людей» 347, 353, 354
жэнь-цзе 人節 верительный знак (бирка) с изображением человека 226

и 義 справедливость, долг 236
и 彝 ритуальные сосуды 315
и-пи 劓辟 наказание отрезанием носа 196
инчэнь 媵臣 слуга в свите невесты князя 284
инь 禋 название очистительной жертвы небу и звездам 126, 139, 238
инь 陰 стихия, темное начало 200, 201

кэ 客 пришелец, гость 213

ла 蠟 осенняя жертва духам 352
ланчжун 郎中 чины дворцовой охраны, телохранители 21
лехоу 列侯 титул, удельный князь 217
ле чжуань 列傳 жизнеописания, биографии 29, 45–47, 51, 58, 67, 92, 110, 114
ле ши 列士 чиновники всех рангов 199, 327
лиминь 黎民 простой народ 180, 245, 246
лоу 鏤 твердое железо 265
лун-ши 龍師 «драконовые управители» 345, 350
лэй 類 жертва Верховному владыке 125, 139, 238
лю дэ 六德 шесть добродетелей 159
лю люй 六律 шесть полутонов хроматической гаммы 160
лю фу 六府 шесть управлений 157
лю цзи 六極 шесть плохих качеств 318
лю цзун 六宗 шесть почитаемых 139, 238
лю цин 六卿 шесть высших сановников 163, 276
люй 律 звуковой ряд 146
люй-люй 律呂 двенадцать ступеней хроматического ряда 248
люй-я 旅亞 второстепенные чиновники 311
ляньхэн 連橫 союз княжеств по горизонтали 341

манли 氓隸 простой народ, люди 315

минь 民 народ 152, 167, 169, 174, 177, 179, 181, 191, 193, 198, 200, 245, 246
миньшу 民庶 весь народ 223
мучжу 木主 поминальная дощечка предка 183, 309
мэнли 萌隸 бедный и слабый люд, народ 188, 315

наянь 納言 глашатай 146
нань 男 ранг знатности 239, 323
ни 禰 отец 237
нунфу 農夫 земледельцы 243
нунши 農師 управитель земледелия 107, 179

пань-юй 盤盂 надписи на сосудах 84
паогэ (паоло) 炮格 (烙) пытка огнем 296
пифу 匹夫 простолюдин 198
по 魄 материальная субстанция души человека 126
пэйчэнь 陪臣 слуги у князей 205, 334

сань гун 三公 три *гуна*, три высших сановника 296
сань дэ 三德 три добродетели 159, 318
сань хуан 三皇 три владыки (властителя) древности 226, 345–349, 353, 354
сань цзянь 三監 «три надзирателя», три надсмотрщика 301, 314
сань цин 三卿 три высших сановника 311
сань чжэн 三正 *три основы* 163, 185, 276, 311
син 姓 фамилия, семья, род 229
су-ван 素王 идеальные, непорочные правители 167, 285
суй-фу 綏服 повинности умиротворенных подданных 158, 271, 272, 323
сун 頌 гимны 301
сы 傯 неискренность 121
сы 祀 месячные жертвоприношения 194
сы бо 四伯 четыре князя, ответственные за жертвоприношения у четырех гор 235
сыкоу 司寇 управитель наказаний 305
сыкун 司空 начальник общественных (земельных) работ 151, 184, 185, 234, 305, 311
сыма 司馬 начальник военного приказа 184, 185, 305, 311
сысюаньши 司烜氏 храмовый чин, «собиратель лунной воды» 314
сыту 司徒 блюститель нравов, начальник приказа просвещения 145, 147, 166, 184, 185, 305, 311
сы-фу чэнь 四輔臣 четверо помощников правителя 161
сы-хай 四海 четыре моря, Китай в пределах морей 157, 158, 160, 161, 249
сы-цзи 四極 четыре предела, четыре угла земли 346
сычжу 司祝 управляющий молениями 315
сыши 司士 управитель чиновниками 305
сышу 私屬 домочадцы, челядь, лично зависимые 181, 305
сыюэ 四岳 (嶽) старейшины, помощники правителя, совет вождей 100, 138, 140, 142, 145, 146, 150, 151, 234, 236, 239, 243, 245, 347, 353
сюань 壎 окарина 248
сюань-гуй 玄圭 черный скипетр из нефрита 158, 273
сюаньсунь 玄孫 праправнук 150, 232
сюань-у 玄武 черная черепаха, северная часть неба 126
сюань-цзи юй-хэн 璿璣玉衡 астролябия 237
сюань-юэ 玄鉞 черная секира 187
сюйми 胥靡 колодники, связанные вместе преступники 173, 294
сяминь 下民 простой народ, народ, живущий в низинах 235, 294
сяцин 下卿 младший министр, сановник 205
сяши 下士 низший разряд чиновников 328
сян, сянго 相, 相國 первый советник 173, 200, 212, 213, 215
сян 享 сезонные жертвоприношения 194, 195

сянь 巫 колдун, маг 198
сянь-ван, сянь-гун, сянь-хоу 先王, 先公, 先后 прежние правители 300
сяо-жэнь 小人 простые, низкие люди, бедняки, земледельцы 243, 246, 286
сяоминь 小民 простые, низкие люди, народ 246
сяо-цзы 小子 маленький человек, недостойный 286
сяо-цю чэнь 小丘臣 управитель малого *цю* (поселения) 229, 286
сяо-чоу 小醜 ничтожный, подлый 197
сяоши см. *шаоши*

тайбао 太保 «великий воспитатель», должность 296, 320
тайпу[чжэн] 太僕正 главный церемониймейстер, главный конюший 192, 322
тайфу 太傅 наставник государя 296
тайхоу 太后 мать-государыня 215
Тай-хуан 太皇 «Великий властитель» 354
тай-цзы 太子 наследник (престола), старший сын *вана* 203, 204, 210
тайчан 太常 начальник жертвенного приказа 247
Тай-чу ли 太初曆 «Календарь Великого начинания» 23
тайши 太師 старший чиновник, ведавший музыкой при жертвоприношениях 177, 184, 296, 298
тайши 太史 историограф 201, 203, 209
тайшигун 太史公 придворный историограф 18, 22, 31, 33, 40, 41, 148, 165, 178, 216
тао-те 饕餮 «жадина» 144
тао-у 檮杌 «злой упрямец» 144
тувэй 圖緯 гадательные книги 347
тянь 天 Небо, верховный правитель, великий 120, 125, 126, 160, 164, 168, 173, 174, 176, 185, 188, 189, 191, 196, 198, 201, 235, 237, 287, 294, 295, 314, 345, 348, 350, 353, 354
тянь-бао 天保 покровительство Неба 317
тянь-ди 天地 Небо и Земля (как космические силы) 197, 200
тянь-мин 天命 воля или повеление Неба 177, 187, 213
Тянься 天下 Поднебесная (Китай) 158, 160, 162, 165, 168, 172, 174, 175, 179, 189, 191, 192, 215, 216, 237, 345, 347, 351
тянь-хуан 天皇 Владыка небес, «Властитель небес» 187, 347, 348, 353, 354
тянь-цзы 天子 Сын Неба, правитель Поднебесной 141, 144, 148, 150, 157, 158, 162, 165, 169, 178, 190, 199, 204, 205, 212, 225, 237, 259, 275
тянь-ши 天室 «небесные чертоги», дворцы *вана* 317
тянь-шэнь 天神 духи Неба, небесные духи 126, 174, 226, 247, 327

у го 五過 пять проступков 195, 196, 325
у гуань 五官 пять управлений 181, 305
у дянь 五典 пять отношений 143, 236
у жуй 五瑞 пять видов жезлов (знаков власти) 139, 238
у ли 五禮 пять ритуалов 139
у пинь 五品 пять отношений между людьми 145, 166
у-син 五行 пять первоэлементов или стихий 116, 221, 222, 318; пять отношений между людьми 163
у син 五刑 пять (тяжелых) наказаний 140, 145, 159, 195, 196
у тин 五聽 пять слушаний, пять признаков 325
у фа 五罰 пять легких наказаний 195, 196
у фу 五福 пять хороших качеств 318
у фу 五服 районы пяти повинностей, пяти поясов 161, 323
у цзи 五紀 пять подсчетов времени, эпох 318
у цзяо 五教 пять отношений между людьми, пять правил поведения 143, 145, 166, 236
у цы 五辭 пять признаков (виновности) 195, 324, 325
у чжан 五長 пять старших начальников 275

у ши 五事 пять поведений, пять чувств 318
у шэн 五声 пять основных тонов, пять признаков 160, 325
у юнь 五運 кругооборот пяти стихий 346

фанбо 方白 (伯) местные правители, вожди 203, 223, 332
фаншу 方術 ворожба, колдовство, магия 164, 278
фу 輔 левый помощник правителя (сопровождающий) 275
фу 服 пояс, зона, несущая определенные повинности 103
фу, фуцзе 符, 符節 верительный знак, бирка 226
фу-цзы 父子 доблестные мужи 185, 186
фушуй 賦稅 подати и обложения 175
фэн-хо 烽火 сигнальные огни 203

хань-ци 旱旗 род знамен, выносимых впереди правителя 313
хоу 后 старшая жена *вана*, государыня 201, 202, 206, 336; шанские правители 300
хоу 侯 правители (на местах), ранг знатности 223, 239, 323, 347
хоугун 後宮 заднее дворцовое помещение (для женщин) 202
хоу-му 後母 мачеха 205
хоуфу 侯服 сторожевые повинности 157, 158, 194, 271, 272
хоуцзи 后稷 начальник земледельческих работ 145, 180, 193, 246
хубэнь 虎賁 храбрецы, удальцы, отборные солдаты 184, 310
хуцзе 虎節 верительный знак с изображением тигра 266
хуан 皇 властитель 351
хуанди 皇帝 Великий владыка, император 314
хуан-тянь 皇天 Великое Небо 314
хуантянь-ван 皇天王 *ван* Великого Неба 314
хуанфу 荒服 земли, несшие неопределенные повинности 147, 158, 194, 195, 249, 271, 272, 324
хуанцзи 皇極 правила поддержания престола 318
хуаншан-ди 皇上帝 Великий верховный владыка 314
хуанъюнь 黃雲 начальник земельного приказа 226
хуан-юэ 黃鉞 желтая секира 185, 311
хуаньжэнь 環人 вызывающий на бой 312
хунь 魂 духовная субстанция человека 126
Хуньдунь 渾沌 «Беспорядочный» 144
хунътяньи 渾天儀 армиллярная сфера 238
хэцзун (или *цзун*) 合縱 (合從) союз княжеств с севера на юг по вертикали 216, 341
хэйюнь 黑雲 начальник приказа общественных работ 226

цай 采 ранг знатности 323
цан-лун 蒼龍 синий дракон, восточная часть неба 125
цзи 祭 ежедневные жертвы 194
цзи 季 младший сын 306
цзи 姬 наложница 204
цзи-и 稽疑 правила о гаданиях 318
цзи-ли 吉禮 жертвенные церемонии 239
цзисы 祭祀 жертвоприношения 217
цзин 敬 почтительность 121
цзинмао 菁茅 тростник для жертвоприношений 262
цзиньшэнь 搢紳 придворные чиновники 250
цзиньюнь 縉雲 начальник военного приказа 226
цзу-цзы 族子 дети кровных, родных братьев, племянники 135, 231
цзунбо 宗伯 ведающий обрядами и жертвоприношениями 247
цзуньи 宗彝 ритуальные сосуды 315
цзунмяо 宗廟 храмы предков 314
цзунчжу см. *сычжу*
цзы 子 ранг знатности 239
цзю дин 九鼎 девять треножников (опора престола) 188, 207, 209, 214, 216

цзю дэ 九德 девять добродетелей 159, 274

цзю му 九牧 все вожди, правители 188, 317

цзю цзу 九族 девять поколений 158

цзю чжао 九招 девять напевов, призывов 249

цзю чжу 九主 девять властителей 167, 285

цзю чоу 九疇 девять принципов управления, девять частей «Великого плана» 318

цзюнь 君 местный правитель, государь, повелитель 200, 223

цзюнь-ли 軍禮 военные церемонии 239

цзюнь-чжан 君長 вожди и правители владений 139

цзя-ли 嘉禮 радостные церемонии 239

цзя-мин 假名 имя, данное на счастье 295

цзя-пин 嘉平 осенняя жертва духам 352

цзяньшэнь 薦紳 придворные чиновники 250

цилинь 麒麟 единорог, фантастическое животное 33, 34

ци чжэн 七政 семь главных светил 139

цин, цинши 卿, 卿士 высший сановник 198, 203

цин-сы 情祀 осенняя жертва духам 352

цинъюнь 青雲 начальник приказа церемоний 226

цинь 琴 струнный щипковый музыкальный инструмент, род цитры или гуслей 142, 143

циньци 親戚 родичи 199

цуй 橇 лоткообразная обувь, мокроступы 254

цю 丘 селение, поселение, община 229

цюли 丘里 поселение (объединение 10 семей, 100 человек) 229

Цюн-ци 窮奇 «Странный» 144

цюньли 群黎 масса черноволосых, чернь 224, 246

цюнь-му 群牧 старейшины, вожди 100

цянь-му 千畝 поле в тысячу му, поле *вана* (обрядовое) 200

цянь-фу чжан 千夫長 тысяцкий 185

чанчэ 常車 парадная колесница 187, 313

чжа 蜡 зимняя жертва духам 352

чжицзун 秩宗 ведающий обрядами и жертвоприношениями 146, 247

чжу-няо 朱鳥 красная птица, южная часть неба 125

чжухоу 諸侯 владетельные князья, правители 14, 50, 60, 81, 98, 106, 117, 119, 133, 140, 148, 151, 152, 162, 164, 165, 167–173, 176, 178, 182–186, 188, 190, 191, 197, 198, 200, 203, 207, 209, 210, 215, 216, 223, 235, 253, 259, 260, 276, 292, 310, 311, 313, 320, 326, 329, 334, 336, 346, 347

чжуцзе 諸節 все высшие чины 184, 309

чжуцзун 祝宗 чиновник, служащий духам 315

чжучжун 諸衆 простой народ, простолюдины 232, 274

чжун 忠 прямодушие 121

чжун 仲 второй сын или брат 306

Чжунго 中國 срединные государства, царства, княжества 271, 347

чжунжэнь 衆人 простолюдины 242, 246

чжунмин 衆明 знатные, просвещенные 158, 274

чжунцзай 冢宰 главный министр 173, 293

чжунши 中士 средний разряд чиновников 328

чжуншу 衆庶 народ, население, люди 152, 160, 184

чжэн-фэй 正妃 старшая жена правителя *чимэй* 螭魅 горные и лесные демоны, враги 144, 245

чуши 處士 достойный муж, ученый, не состоящий на службе 167, 284

чэн 丞 задний сопровождающий, помощник правителя 275

чэнсян 丞相 первый советник 17

чэнь 臣 подданные, чиновники 160, 334

Шанди 上帝 Верховный владыка 125, 160, 168, 187, 226, 287, 295, 314
шан-ся 上下 верхи и низы 198
шан-тянь 上天 Верховное небо 186
шанцин 上卿 первый министр 205
шан-ши 上士 *высший разряд чиновников* 328
шаньюй 單于 титул вождя *сюнну* 25
шаоши 少師 младший чиновник, ведавший музыкой при жертвоприношениях 177, 184, 298
ши 史 летописец 199
ши 氏 род 299
ши 師 *наставник, учитель 191, 320*
ши 士 чиновник, муж, служилый 145, 158, 182, 246
шилан 侍郎 придворный чин 31
ши цзя 世家 истории наследственных домов 44, 45, 47, 67, 69, 110
шиши 師氏 начальник дворцовой стражи 185, 311
ши-эр люй 十二呂 двенадцать ступеней хроматического ряда 247
шоу 守 высший инспектор 205
шу 書 трактаты 47, 67, 69; «книга исторических преданий», летописи 149, 252
шу 叔 третий в семье сын или брат 306
шувань 庶頑 все неразумные, чернь 232, 274
шужэнь 庶人 рабы, простолюдины, земледельцы 199, 242, 243, 246
шумин 庶明 все просвещенные, аристократия 232, 274
шуминь 庶民 простой народ, бедняки 243, 246
шу-цзы 庶子 побочные сыновья 210
шучжэн 庶徵 природные знамения *318*
шэ 社 жертвенник духам земли 187, 287
шэцзи 社稷 алтарь духам земли и злаков 314
шэн-ван 聖王 мудрые правители 188
шэнь 神 небесный дух 126, 134, 193
шэньчжу 神主 таблички в память предка 309

юань-цзи 元妃 старшая жена правителя 179
юй 虞 смотритель лугов и лесов 146, 247
юй-и-жэнь 余一人 я — единственный, владыка (личное местоимение правителя) 168, 286
юй-тао 鬱陶 заботы, печаль; радоваться 243, 244
юнь-ши 雲師 «облачные управители» 226

ялюй 亞旅 чиновники средних рангов 185
яофу 要服 повинности по принуждению 158, 194, 271, 272
ян 陽 стихия, светлое начало 200, 201

SUMMARY

The book is a reproduction of the first volume of Ssu-ma Ch'ien's *Shih Chi*, published in 1972 (Moscow, "Nauka" Publishers, Department of Oriental Literature). Several additions have been made to the initial text: two reviews, introduction with a portrait of R. V. Vyatkin; moreover, all the supplements have been re-edited by A. R. Vyatkin and S. V. Kiryukhina.

The work presented to the reader is the first volume in the Russian translation of the "Historical Records" compiled by Ssu-ma Ch'ien, a Chinese historian of the period 135—86 before our era. These chronicles (*Shih Chi*), the earliest comprehensive history of China from antiquity until the first century before our era, are of the utmost importance as a landmark in the development of ancient Chinese historiography. They consist of one hundred-and-thirty chapters and fall into five sections: twelve chapters of "Basic Annals" (*Pen chi*), ten chapters of "Chronological Tables" (*Piao*), eight chapters of "Treatises" (*Shu*), thirty chapters on "Hereditary Houses" (*Shih chia*), and seventy "Biographies" (*Lieh chuan*).

The composite method employed by Ssu-ma Ch'ien in throwing light upon the history of his country results in a many-faceted picture of the epoch; historical personages are presented in high relief, and the lives and struggles of the many peoples inhabiting ancient China can be followed. The vivid imagery and vigour of the language, the colourful descriptive writing in the biographies place the *Shih Chi* among the foremost literary prose works of that time.

The first volume of this edition includes articles by M.V. Kryukov on "Ssu-ma Ch'ien and His 'Historical Records'", by R.V. Vyatkin on "The Basic Annals as an Historical Source" and translations of the first four chapters of the *Shih Chi*, with commentaries. In the Appendix, the reader will find a translation of a chapter from Ssu-ma Chen "Three Rulers", the necessary referential and bibliographical material (indexes of terms, geographical names and persons, and a list of the books that have been used).

M.V. Kryukov's article on Ssu-ma Ch'ien and his "Historical Records" aims at a general description of the Chinese historian's work and the problems arising in the course of its study. Basing his researches on the available data the author describes the historian's life and work.

In the examination of these chronicles, as in researsh on every ancient literary monument, questions of the authenticity of the existent text are of essential importance. It is generally considered that about the middle of the first century before our

era, the historian's grandson, Yang Hui, discovered a manuscript of the "Historical Records", written by his grandfather. Another copy of it apparently was found in the palace archives. In the course of centuries, the "Records" underwent considerable textological alteration. Contemporary historians consider that at least twenty interpolators must have worked on the annals, and as a result, it has proved extremely difficult to establish the original authentic text. This has been further complicated by the fact that no boundaries exist between the text by Ssu-ma T'an (the historian's father) and that of Ssu-ma Ch'ien himself, and also the numerous identical passages that figure both in certain chapters of the "Historical Records" and the "Early Han History" by Pan Ku. The author of the article, M. V. Kryukov, concludes that the successful use of the composite method in determining the authenticity of the text requires not only milute chronological analysis but also the employment of other criteria.

A characteristic feature of Ssu-ma Ch'ien's work is the fusion of different principles—biographical, thematic and chronological—in the presentation of his material. The synthesis of an immense number of sources permitted him to give a very full account of China's history for over a thousand years. The "Historical Records" were founded upon old manuscripts, legends, verbal traditions, folk-tales by different people, personal impressions of travels—all creatively presented by Ssu-ma Ch'ien.

He did not write his history simply to impart information about a bygone age, but to help people to draw conclusions from the past, "to perceive, as in a mirror, their own worth, and their own shortcomings". The forms of historical criticism that Ssu-ma Ch'ien resorts to are varied, as the writer of the introductory article points out; his attitude to the personage described is indicated by the placing of him in some particular chapter, in the remarks made about him by other persons, and, finally, by the historian's own opinions in the summaries to the chapters.

The article entitled " 'Basic Annals' as a Historical Source", by R.V. Vyatkin, is devoted to the chapters in the first and second volumes of the Russian edition. The first division of the "Historical Annals" (*Pen chi*) consisting of twelve chapters, is not merely a chronological account of outstanding events and the genealogy of rulers; a broad historical background is given, a general picture of China's history, in which all the divisions of the "Historical Records" are linked up.

In his examination of the authenticity of the *Pen chi* text, and juxtaposition of various data, the author inclines to the conclusion that the eleventh chapter is genuine, while the contemporary text of the twelfth chapter is not authentic. The "work" of all sorts of commentators and copyists of the "Basic Annals" is best demonstrated by the interpolations they made in the text, although the genuineness of the main text (with the exception of chapter twelve) leaves no room for doubt. Among the sources of the "Basic Annals", mention must be made of the official records in the palace archives; the annals and family genealogical trees of principalities, in the first place those of Ch'in; the unofficial records (speeches by the officcials and materials by the scholars of the "hundred schools"); essays and books written previous to Ssu-ma Ch'ien's time (*Shih ching, Shang shu, Tso-chuan, Shih pen Kuo yü, Ch'u Han ch'un-ch'iu,* and others); notes on the historian's personal impressions; epigraphs.

A detailed exposition of every chapter in the "Basic Annals" is given in R.V. Vyatkin's article. The first chapter describes the period of legend—the rule of

the five "emperors", beginning with Huang-ti (the "Yellow Emperor"). Although legend forms the subject of this, it contains a good deal of indirect information about the early stages of China's history.

In the second chapter devoted to the Hsia period—also legendary—there is an extremely interesting geographical description of the China of antiquity, her mountains, rivers, and lands. This applies to the first millennium before our era. The chapter on the history of Yin describes the earliest genuinely historical stage in the life of the Chinese people and enumerates the forty-four rulers of the Yin period; these have been identified in the main, in the twentieth century, with the names on the oracular bones found in Honan.

The account of the Chou period in the fourth chapter is brief, referring chiefly to the events of the first Chou years, and this brevity creates a certain disproportion in the rescription. Still, the chapter contains information of considerable significance concerning the social history of the Chou epoch, and the ideology of antiquity.

The rise of the Ch'in kingdom forms the subject of the fifth chapter. It recounts the numerous wars fought between the Ch'ins and their neighbours, depicts the social and economic situation in the country, in particular the reforms introduced by Shang Yang, and the process of the unification of China under the aegis of the Ch'ins.

The brief and uneventful periods when Ch'in Shih-huang and his son reigned are presented in the sixth chapter, which, in itself, is one of our few basic sources of information about the first centralized state in the history of China. Its value is further enhanced by the inclusion in the text of the inscriptions on the stelae of Ch'in Shih-huang.

A description of the interregnum in the years 206 to 202 (before our era) and the rise to power of the first ruler of the new Han dynasty, is found in chapters seven and eight. The historian has succeeded in creating vigorously expressive portraits of Hsiang Yü and Liu Pang, has supplied certain facts about events of the time—facts that are lacking in other sources.

The description of the reign of the Han emperors succeeding Kao-tsu down to the time of Wu-ti, in whose reign Ssu-ma Ch'ien lived, is covered by chapters seven to twelve of the *Pen chi*. The political history of the period is given in considerable detail.

It should be pointed out that the "Basic Annals" contain an important collection of facts concerning the beliefs and cults that prevailed among the Chinese of antiquity (the totemistic and animistic beliefs, the worship of Heaven and Earth, magical ritual, sacrificial customs, and ancestor-worship), and also about the ideologies of people of the Chou and Han periods. Taken as a whole, this renders the "Basic Annals", augmented by material from other sections of the *Shih Chi*, an invaluable source of information about ancient Chinese history.

The main purpose of this work is to provide a scientific translation in Russian of Ssu-ma Ch'ien's "Historical Records", opening with a translation of and a commentary on the first section of *Pen chi*. The translation is based on two editions of the "Historical Records", one of them being the twelfth-century South-Sung edition produced by the book-publishing house of Huang shan-fu. This is regarded as one of the earliest and most exact xylographic editions of the *Shih Chi*. It was reproduced in 1936 by the "Shangwu" (Commercial Press) in Shanghai. The other is a new edition with commentaries by P'ei Yin, Ssu-ma Chen, and Chang Shou-chieh, and was pub-

lished in 1959 by the "Chung hua shuchu" Publishing House in Peking. In this last work modern punctuation is used, introduced into the text by a group of scholars presided over by Professor Ku Chieh-kang. The translators have also taken into consideration chapters of the *Pen chi* translated into other languages by Edouard Chavannes, Burton Watson, and Otake, and the numerous commentaries made by their predecessors in the field.

Commentators have endeavoured to advance beyond the confines of traditional interpretations, and to supply not only textological and philological notes but also make certain digressions into the history of terms and conceptions, to provide brief surveys of the social strata and institutions of antiquity. As a result, the commentaries to the chapters have become considerably extended. In the compilation of these, use has been made of both the traditional interpretations of ancient and medieval authors, and likewise those of contemporary scholars of today (among them Takigawa Kametaro, Mizusawa Toshitada, Wang Po-hsiang, Li Li), as well as researches by Soviet and foreign Sinologists.

ADDENDA

РУДОЛЬФ ВСЕВОЛОДОВИЧ ВЯТКИН И «ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ» СЫМА ЦЯНЯ[1]

Одной из отличительных черт традиционной китайской культуры справедливо считают склонность к истории. Эта черта воплощена в океане китайских исторических трудов, среди которых ведущее место занимают «образцовые истории», или «стандартные истории». Особенно важна первая из них — *Ши цзи* («Исторические записки», или «Записки историка») Сыма Цяня (145?–86? гг. до н.э.), от которой, собственно, и пошел жанр «образцовых историй».

Значение *Ши цзи* вполне объяснимо. Как источник сведений по истории и культуре этот труд охватывает время от легендарного Желтого императора до середины династии Западная Хань, повествует обо всем доимперском периоде и о начале империи — иными словами, почти обо всей древности. При этом он сообщает не только факты и предания, но и суждения историка об истории, излагает исторические взгляды и теории, нередко оставлявшие глубокий след в мысли историков позднейших веков. Как произведение историографии этот труд является жанрообразующим. Такими же являются и биографии из разных разделов этого труда — самые ранние дошедшие до нас образцы древнекитайских жизнеописаний, которые оказали мощное влияние на развитие последующей биографической и художественной литературы. Кроме того, Сыма Цянь был не только великим историком, но и талантливым писателем, тонким стилистом, поэтому *Ши цзи* обладают великими литературными достоинствами, которые всегда ценились и продолжают цениться в Китае и во всем регионе его культурного влияния.

По совокупности этих причин *Ши цзи* настолько ценны для познания истории и культуры Китая, для ознакомления с его историографией и литературой, что их изучение и перевод стали рассматриваться как одна из важнейших задач китаеведения других стран, будь то страны китайского или европейского культурного круга. Европейцы еще в XIX в. поняли, что *Ши цзи* стоит иметь в переводе на тот или иной из наиболее употребительных в Европе языков. А так как этот труд обладает как научной, так и художественной ценностью, в Европе и США было выработано два подхода к его переводу. Один из них можно назвать научным, а другой — художественным переводом[2].

---

[1] Печатается с сокращениями по изд.: Юэ Тэ-цзинь ле чжуань (Судьба востоковеда Р.В.Вяткина). М., 1998, с. 63–80.

[2] См.: *Kroll J.* Two Approaches to Shih chi Translations. — Orientalistische Literaturzeitung 60. 1965, с. 118–119; *Кроль Ю.Л.* В.М.Алексеев как переводчик китайской класси-

Научный перевод обращен к коллеге-ученому и имеет целью сообщить ему научную информацию о переведенном тексте. Для этого переводчик пользуется разными приемами, в первую очередь сочетанием филологически точного перевода (куда слова, отсутствующие в оригинале, нередко вводятся в квадратных скобках) с подробным, часто исследовательским по характеру комментарием, оснащенным иероглификой, научными ссылками на разных языках и т.п.; перевод (в идеале удобочитаемый, но на практике порой далекий от этого идеала) даже может быть не вполне понятен без комментария; художественный аспект оригинала (например, его поэтическая организация) обычно не передается в переводе, а описывается в комментарии или введении к переводу.

Художественный перевод обращен к широкому читателю-неспециалисту и имеет задачей создать художественное произведение, более или менее эквивалентное оригиналу, причем по крайней мере отчасти, как выражался академик В.М.Алексеев, «на развалинах оригинала». Такой перевод должен действовать на воображение читателя и восприниматься непосредственно, поэтому чаще всего он снабжен минимальными примечаниями, лишен научного аппарата, не нуждается в иероглифике. Главная забота здесь — форма, слово, а не научный анализ; здесь законный прием — парафраз. Хотя теоретически ошибки недопустимы и здесь, у переводчика при его целях не всегда есть возможность (да и потребность) задерживаться, исследуя какой-нибудь неясный юридический, астрономический или экономический термин, и он менее скрупулезен, чем автор научного перевода.

На Западе масштабная попытка научного перевода *Ши цзи* исторически предшествовала попыткам художественного перевода. Великий синолог Э.Шаванн (1865–1918) в 1895–1905 гг. опубликовал научный перевод 47 глав труда Сыма Цяня на французский язык; в 1969 г. вышли еще пять глав, три — в переводе Э.Шаванна и две — в переводе М.Кальтенмарка, сопровожденные библиографией переводов глав 48–130 *Ши цзи*, составленной Т.Покорой (эта библиография показала, что перевод памятника стал международным делом, куда внесли свою лепту ученые разных стран), и общим указателем к пяти томам перевода Э.Шаванна[3].

После Э.Шаванна наибольший вклад в перевод *Ши цзи* внесли синологи России и США. Путь освоения труда Сыма Цяня в обеих странах был кое в чем схож. Так, и в России, и в США в третьем двадцатилетии XX в. синологи отдали дань литературному (художественному) переводу *Ши цзи*: в 50-е годы увидели свет и блистательные художественные переводы из Сыма Цяня, выполненные еще в 40-х годах В.М.Алексеевым[4], и более объемная, но гораздо менее удачная книга литературных переводов В.А.Панасюка, к сожалению изобилующая ошибками[5]; в конце 50-х — начале 60-х годов были опубликованы великолеп-

---

ческой прозы (на примере переводов из Сыма Цяня). — Традиционная культура Китая. Сб. статей к 100-летию со дня рождения акад. В.М.Алексеева. М., 1983, с. 58–67.

[3] См.: Les Mémoires Historiques de Se-ma Ts'ien, trad. et annotés par Edouard Chavannes. T. 1–5. P., 1895–1905. T. 6. P., 1969.

[4] См.: Китайская классическая проза. В пер. акад. В.М.Алексеева. М., 1958, с. 79–155; ср.: *Кроль Ю.Л.* В.М.Алексеев как переводчик, с. 60–67.

[5] *Сыма Цянь.* Избранное (перевод с китайского). Пер. В.Панасюка, общ. ред., предисл. и коммент. Л.И.Думана. М., 1956.

ные английские художественные переводы Б.Уотсона из Сыма Цяня, в несколько раз превосходившие по объему публикации на русском языке, в сопровождении исследования жизни и творчества древнего историка[6]. Увлеченность художественными переводами из *Ши цзи* оказалась более стойкой в США, чем у нас. В 1969 и 1993 гг. Б.Уотсон издал еще две книги таких переводов[7]. Быть может, именно влиянием его одаренной личности в какой-то мере объясняется то обстоятельство, что задача масштабного научного перевода *Ши цзи* была поставлена в США сравнительно недавно, хотя традиция научного перевода одной или нескольких глав памятника сложилась здесь не позднее 30-х годов[8]. Лишь в 1989–1992 гг. в Висконсинском университете начал работать коллектив ученых — Чжэн Цзайфа, Люй Цзунли, У.Х.Нинхаузер и Р.Рейнолдс — под руководством Нинхаузера, имеющий цель выполнить полный научный перевод *Ши цзи* в 9 томах; в 1994 г. были изданы два подготовленных ими тома — первый и седьмой[9].

В России художественные переводы из *Ши цзи* никогда не имели такого размаха, как в США. Еще в середине 50-х годов двое русских синологов — Рудольф Всеволодович Вяткин и Всеволод Сергеевич Таскин встали на трудный путь полного научного перевода *Ши цзи*, проторенный Э.Шаванном (художественные поиски В.М.Алексеева остались им чужды). Я не знаю точной даты начала их работы, но помню, что Р.В.Вяткин обдумывал ее приблизительно в это время[10].

В основу перевода раздела «Основные записи», или «Основные анналы» (главы 1–12 *Ши цзи*), представляющего собой анналы главных правителей Китая, преимущественно — царей и императоров, с легендарных времен приблизительно по 102 г. до н.э., легли два текста памятника: текст XII в., переиздан-

---

[6] См.: *Watson B.* Ssu-ma Ch'ien Grand Historian of China. New York and London, 1958; Records of the Grand Historian of China. Translated from the Shih chi of Ssu-ma Ch'ien by B.Watson. Vol. 1–2. New York and London, 1961; ср.: *Kroll.* Two Approaches, с. 119–124.

[7] См.: Records of the Grand Historian. Chapters from the Shih chi of Ssu-ma Ch'ien. Tr. by B.Watson. N.Y., 1969; Records of the Grand Historian: Qin Dynasty. Vol. 3. Tr. by B.Watson. Hong Kong and New York, 1993.

[8] См.: *Bodde D.* China's First Unifier. Leiden, 1938; *Bodde D.* Statesman, Patriot, and General in Ancient China. New Haven, 1940; *Nancy Lee Swann.* Food and Money in Ancient China. The Earliest Economic History of China to A.D.25. Han Shu 24 With Related Texts, Han Shu 91 and Shih-chi 129. Princeton, 1950; *Kierman F.A., Jr.* Ssu-ma Ch'ien's Historiographical Attitude as Reflected in Four Late Warring States Biographies. Wiesbaden, 1962; *Francis J. de.* Biography of the Marquis of Huaiyin. — Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 10. 1947, p. 179–215; *Goodrich Ch.S.* Ssu-ma Ch'ien's Biography of Wu Ch'i. — Monumenta Serica. Vol. 35. 1981–1983, с. 197–233.

[9] См.: The Grand Scribe's Records. Vol. 1. The Basic Annals of Pre-Han China by Ssu-ma Ch'ien. Vol. 7. The Memoirs of Pre-Han China by Ssu-ma Ch'ien. W.H.Nienhauser, Jr. (ed.). Tsai-fa Cheng, Zondli Lu, W.H.Nienhauser, Jr., and R.Reynolds (transl.). Bloomington and Indianapolis, 1994.

[10] В своей весьма положительной рецензии на первые два тома русского перевода *Ши цзи* Т.Покора тоже вспоминал, что об идее полного перевода памятника на русский язык было объявлено осенью 1955 г. в Лейпциге; см.: *Pokora T.* Syma Czjan: Istoriceskie Zapiski ("Si czi"). Perevod s kitajskogo i kommentarij R.V.Vjatkina i V.S.Taskina... (a review). — Orientalistische Literaturzeitung 75. 1980, No. 4, с. 192–205.

ный издательством «Шанъу» (Шанхай) в 1936 г., и текст с разметкой, сделанной группой ученых под руководством Гу Цзегана (1893–1980), выпущенный в 1959 г. издательством «Чжунхуа» (Пекин) (см. т. I, с. 66, примеч. 1). Переводчики пользовались научными консультациями Гу Цзегана (с которым у Р.В.Вяткина на долгие годы установились тесные профессиональные и дружеские отношения и труды которого, в частности, из «Гу ши бянь», он внимательно штудировал для своей работы[11]), Ван Босяна, Чжао Ювэня, Гао Чжисиня, а также В.С.Колоколова, И.М.Ошанина и др. Для комментария к главам 1–4 (т. I) они особенно широко пользовались научной литературой на китайском, западных и русском языках, для комментария к главам 5–12 (т. II), кроме того, — книгами и статьями на японском языке, которыми, равно как и достижениями китайской и европейской науки XX в., не пользовался Э.Шаванн. Этот обширный комментарий необычайно информативен: он включает сведения, относящиеся к спектру наук от археологии до исторической географии, анализирует вопросы филологии и текстологии, мифологии, истории, философии и т.д., резюмирует состояние современной науки по той или иной частной проблеме или содержит ее исследование, выполненное Р.В.Вяткиным и В.С.Таскиным. Соотношение перевода и комментария в т. I — 85 на 122 с., в т. II — 271 на 195 с. Оба тома снабжены приложениями: списками сокращений и литературы, указателями китайских источников, имен, географических названий, этнических названий, китайских терминов; таблицами имен правителей Инь, титулов и имен правителей Чжоу (т. I), таблицами правителей дома Цинь и первых императоров династии Хань (т. II) и резюме на английском языке; т. I (по примеру Э.Шаванна) — комментированным переводом главы «Сань-хуан бэнь цзи» (о царствованиях «трех августейших», предшествовавших, по легендам, царствованиям «пяти императоров», с которых начал свою историю Сыма Цянь), написанной комментатором Сыма Чжэном (VIII в.).

После публикации первого и второго томов В.С.Таскин отошел от совместного перевода *Ши цзи*[12], и Р.В.Вяткин продолжал работу один. «Хронологические таблицы» были первым разделом *Ши цзи*, подготовленным ученым без соавтора. В свое время Э.Шаванн уложил содержание этого раздела в 200 страниц французского текста[13], так как опубликовал только переводы введений к «Хронологическим таблицам», а содержание таблиц дал в кратком изложении. Таким образом, Р.В.Вяткин выполнил и опубликовал первый полный перевод «Хронологических таблиц» на один из европейских языков. Соотношение перевода и комментария здесь 747 на 62 с.

«Трактаты», пожалуй, самая трудная для перевода часть *Ши цзи*, ибо посвящены различным государственным установлениям — обрядам, музыке, ка-

[11] Ср.: *Р.В.Вяткин*. Гу Цзе-ган — исследователь древней истории Китая (к 100-летию со дня рождения). — XXIV научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. 1. М., 1993, с. 155–158.

[12] Ранее, в 60-е годы, он отдельно перевел и опубликовал ряд глав *Ши цзи* в кн.: Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Предисл., пер. и примеч. В.С.Таскина. М., 1968.

[13] См.: Les Mémoires Historiques de Se-ma Ts'ien, trad. et annotés par Edouard Chavannes. T. 3. Première partie (chapitres XIII–XXII). P., 1898.

лендарю, официальным жертвоприношениям Небу и Земле, экономическим институтам империи, деятельности государства по обузданию Хуанхэ и других рек, строительству каналов и, наконец, астрологии, поскольку в тот век усматривали параллелизм между структурой Неба и структурой Земли и верили, что Небо реагирует на деятельность людей, особенно правителей, знамениями; это требует от переводчика многообразных знаний, в особенности китайского календаря, музыки и астрономии. Как и Э.Шаванн, Р.В.Вяткин преодолел эти трудности; он открыл русскому читателю доступ к сокровищам «Трактатов». Соотношение перевода и комментария в томе — 165 на 115 с. Том снабжен не только обычными для этого издания приложениями, но и аннотированными указателями терминов, музыкальных терминов и астрономических терминов, названий созвездий и звезд с их европейскими аналогами.

«Наследственные дома», описывающие историю княжеств и царств Китая времен удельной раздробленности при династии Чжоу и владетельных домов знати периода Хань, входят в V и VI тома. Э.Шаванн перевел в общей сложности лишь 20 глав этого раздела. Р.В.Вяткин выполнил и опубликовал перевод всех 30 глав, т.е. сделал первый полный комментированный перевод «Наследственных домов» на один из европейских языков. Т. V включает главы 31–40; соотношение перевода и комментария здесь — 192 на 77 с. Т. VI включает главы 41–60; соотношение перевода и комментария — 264 на 105 с. В приложение к т. V включены таблицы имен правителей из десяти переведенных «Наследственных домов», а к т. VI — таблицы имен правителей других пяти «Наследственных домов».

После смерти Р.В.Вяткина остался выполненный им почти полный комментированный перевод текста *Ши цзи*, опубликованный примерно на $^{2}/_{3}$. Позволю себе напомнить, что Р.В.Вяткин завершил свой VII том (перевод глав 61–85 *Ши цзи*) в 1992 г., примерно в одно время с учеными из группы У.Х.Нинхаузера (их VII том включает переводы чуть большего числа глав — 61–88 главы *Ши цзи*, он вышел в свет в 1994 г.). Видимо, ученый не успел перевести не более тринадцати глав *Ши цзи*[14], т.е. $^{1}/_{10}$ общего числа глав памятника и несколько больше $^{1}/_{12}$ части его текста; при этом ранее он опубликовал переводы фрагментов двух из этих тринадцати глав и большей части текста третьей главы[15].

В свое время, уступив право написать обстоятельную вводную статью к переводу под названием «Сыма Цянь и его „Исторические записки“» М.В.Крюкову, Р.В.Вяткин сосредоточился на изучении конкретных разделов *Ши цзи*. Ему принадлежит подробный анализ «Основных записей» как исторического

---

[14] Р.В.Вяткин также сообщил Д.Бодде в письме от 26 декабря 1994 г., что перевод доведен им до 118-й главы *Ши цзи*, см.: *Bodde D.* The Grand Scribe's Records. Vol. 1 (a review). — Chinese Literature: Essays, Articles, Reviews. Vol. 17. 1995, с. 138.

[15] См.: *Ши цзи*. Глава сто тридцатая «Предисловие придворного историографа». — Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 2. М., 1973, с. 312–316; *Ши цзи*. Сыма Цянь. Глава сто двадцать четвертая «Жизнеописание странствующих героев». Глава сто двадцать девятая «Описание тех, кто умножает богатства». — Древнекитайская философия. Эпоха Хань. М., 1990, с. 97–107. (Ю.Л.Кроль не располагал последней информацией по этому вопросу. Фактически Р.В.Вяткин успел завершить перевод до 123-й главы включительно. — *Примеч. А.Р.Вяткина.*)

источника, рассматривающий их место в труде Сыма Цяня, их переводы и толкования, вопросы об авторстве и аутентичности их глав, их источники, а также дающий характеристики каждой из двенадцати глав раздела (см. т. I, с. 66–129); небольшое исследование «Хронологических таблиц» как исторического источника (см. т. III, с. 8–34); подробный анализ «Трактатов», освещающий вопросы об их названии, прообразах и месте в *Ши цзи*, их переводах и толкованиях, сложную проблему аутентичности трех из восьми трактатов и детально характеризующий их содержание (см. т. IV, с. 9–58)[16]; наконец, небольшая, но емкая статья о «Наследственных домах», обсуждающая их название, критические суждения китайских авторов о разделе, вопросы об аутентичности его материалов, о его переводах и толкованиях, о его месте в структуре *Ши цзи* и его общем значении как исторического источника (см. т. V, с. 7–24)[17].

Ученый занимался также изучением общих и частных проблем, связанных с *Ши цзи*. Будучи широким специалистом по традиционной китайской историографии, он живо интересовался осмыслением вклада Сыма Цяня как историка в контексте ее развития[18]. Как исследователь труда Сыма Цяня он рассмотрел вопросы об интерполяциях в *Ши цзи* (кстати сказать, они переведены в его «Исторических записках»), о названии этого труда; не прошел мимо его внимания и вопрос о художественной стороне *Ши цзи*. Как биограф Сыма Цяня в небольшой статье он сообщил мало у нас известные сведения о мемориале историка в Шэньси, о его детях и родственниках[19]. Как исследователь и переводчик *Ши цзи* он внимательнейшим образом следил за работой над этим памятником других авторов в России, Китае, Японии, на Западе; его исключительная осведомленность придавала дополнительную ценность его комментариям, она также обогатила нашу синологию целой серией информативных статей[20].

---

[16] Исследование снабжено специальной библиографией на 55 названий на русском, западных, китайском и японском языках.

[17] Небольшое предисловие к т. VI дополняет сказанное краткими оценками содержания отдельных глав, а также группы глав, сходных по структуре и тематике (см. т. VI, с. 8–14).

[18] См.: *Vyatkin R.* The Role of Ssuma Chyen in the Development of Historical Science. — Институт востоковедения АН СССР. Доклады на IX конференции синологов, 1957. *Вяткин Р.В.* Некоторые проблемы развития китайской историографии. — Научная конференция «Общество и государство в Китае». Доклады и тезисы. Ч. 2. М., 1971, с. 325–329; *он же.* О традициях в китайской историографии. — Роль традиций в истории и культуре Китая. М., 1972, с. 184–199.

[19] См.: *Вяткин Р.В.* Об интерполяциях в *Ши цзи*. — XVII научная конференция «Общество и государство в Китае». Доклады и тезисы. Ч. 1. М., 1986, с. 139–144; *он же.* О названии труда Сыма Цяня. — XVIII научная конференция «Общество и государство в Китае». Доклады и тезисы. Ч. 1. М., 1987, с. 73–77; *он же.* Художественные аспекты «Исторических записок» Сыма Цяня. — XVI научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 1. М., 1985, с. 182–187; *он же.* О культурном ансамбле Сыма Цяня в Шэньси и потомках историка. — XXV научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1994, с. 41–45.

[20] См.: *Вяткин Р.В.* «Исторические записки» и их изучение. — Народы Азии и Африки. 1964, № 6; *он же.* Мировоззрение и исторический метод Сыма Цяня (обзор литературы). — Вопросы истории и историографии Китая. М., 1968; *он же.* Историки КНР о

Р.В.Вяткин отлично знал, что делают его зарубежные коллеги в этой области, умел и учиться у них, и относиться к ним критически, прекрасно понимал смысл и значение собственного труда. Этот труд был высоко оценен отечественным востоковедением — за него Р.В.Вяткину по совокупности научных заслуг была присвоена ученая степень почетного доктора исторических наук.

То, что после поры сотрудничества с В.С.Таскиным на первом этапе задуманной им грандиозной работы он выполнил ее основной объем один, побуждает пристальнее вглядеться в его личность. Здесь уместно указать на некоторые особенности Р.В.Вяткина, способствовавшие успеху его предприятия. Конечно, он был человеком талантливым и обладал исключительной работоспособностью, но, кроме того, он умел учиться и работать над собой. Идея перевести *Ши цзи* возникла у него лишь во второй половине жизни, когда ему было около сорока пяти, т.е. когда он был уже зрелым, сложившимся специалистом — преподавателем китайского языка и истории Китая, никогда прежде не занимавшимся филологической работой, переводом древних текстов. Как переводчик *Ши цзи* он, что называется, сам себя сделал; возможно, помогло сотрудничество с опытным переводчиком и исследователем древних текстов В.С.Таскиным, но главное — Р.В.Вяткин собственным упорным трудом преобразился как китаист, вырос в одного из ведущих наших переводчиков древних текстов и экспертов по древнему Китаю. Такое в зрелом возрасте дается не многим.

Он оказался также ученым редкой сосредоточенности, целеустремленности и самодисциплины, поэтому ему и удалось перевести из Сыма Цяня так много, больше, чем кому-либо из европейцев. Особую роль сыграло то, что он по-особому относился к своей работе и по-настоящему бескорыстно любил ее. Уже ко второй половине 70-х годов связь его с трудом Сыма Цяня стала неразрывной, он уже не мог жить без работы над ним. В пору холодных отношений с КНР издательство на долгие годы — с 1975-го по 1984-й — перестало печатать его перевод. Упорство, целеустремленность, уверенность Р.В.Вяткина в нужности своей работы натолкнулись то ли на конъюнктурные соображения, то ли на бюрократическое равнодушие. В этой борьбе в конечном счете победил ученый, но это далось дорогой ценой — стрессы не прошли даром. Именно во второй половине 70-х годов здоровье его было подорвано и с тех пор постепенно ухудшалось. До лета 1994 г. он перенес четыре инфаркта и не меньше трех инсультов. Снова и снова он попадал в больницу, где ему спасали жизнь, ставили на ноги, и он «с того света» возвращался к своему переводу. Тяжело больной, он жил, казалось, только ради того, чтобы закончить свой труд, как когда-то жил ради этого его герой Сыма Цянь. «Лао ла бу чжун юн ла („Состарился, уже ни на что не годен“)», — с улыбкой любил он повторять, а сам продолжал работать как одержимый. Невозможно забыть это единоборство силы духа с немощью

Сыма Цяне и *Ши цзи*. — Реферативный журнал «Китаеведение». 1981, № 3; *он же*. Об изучении *Ши цзи* в КНР. — XX научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 1. М., 1989, с. 71–74; *он же*. Сымацяневедение 80-х гг.: публикации КНР. — XXII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. 3. М., 1991, с. 166–171; *он же*. Изучение научного наследия Сыма Цяня на Востоке и Западе (Историко-библиографический обзор). — Вестник древней истории. 1993, № 1, с. 208–212.

плоти, из которого, на удивление, дух так долго выходил победителем. Он продолжал жить своей работой; казалось, отними ее у него — прервется самая главная связь его с жизнью, а этого он не переживет.

О работе над последними томами *Ши цзи* красноречиво говорят его письма ко мне:

12 декабря 1992 года: «Я в основном завершил работу над VII томом (до 85-й главы), осталось напечатать указатели... Однако без указателей передаю через неделю том на обсуждение в Отдел Китая (ИВ РАН), в будущем году, если VII том утвердят, передам, надеюсь, в Издательство».

13 октября 1993 года: «Родилась идея написать для ЖЗЛ (Серия «Жизнь замечательных людей». — *Ю.К.*) жизнеописание Сыма Цяня, но пока не хочу раздваиваться, гоню от себя соблазн, еще надо завершить 19 глав „ле чжуаней" для IX тома „Истзаписок", чтобы выполнить свой жизненный и научный долг».

18 декабря 1993 года: «...Завершил перевод глав VIII тома, 86–111 *Ле чжуань*, сейчас пишу Вступительную статью, предстоит большая работа по перепечатке глав, по составлению указателей, все это знакомые этапы...»

9 мая 1994 года: «В конце года, независимо от всего, намерен приступить к работе над главами последнего, IX тома (112–130 цз.). Таковы мои планы. Хочется добить *Ши цзи*!»

21 июля 1994 года: «Мечтаю еще при жизни завершить все 130 глав *Ши цзи* — осталось еще 18 $^{1}/_{2}$ глав, а издание уж поручу потомкам, так как процесс этот сейчас непредсказуем».

Последнее письмо Р.В.Вяткин написал мне в канун нового, 1995 года: «Приступил к работе над главами IX, последнего, тома, добрался до Сыма Сянжу (117-я глава). С печатью трудности, нужны миллионы, а Тайвань отказался помочь, ищем спонсора. Но все же надеюсь еще при жизни подержать в руках VII том».

Р.В.Вяткин был не только большим ученым, но и мужественным человеком. Жизнь его превратилась в научный подвиг, на который нельзя было смотреть без восхищения и глубокого уважения. Члены его семьи сплотились вокруг него — сын Анатолий помогал редактировать тексты, занимался издательскими хлопотами, хождением по инстанциям, жена Людмила Андреевна Барабаш не только ухаживала за ним, но и перепечатывала его работу. Его перевод *Ши цзи* стал ему прижизненным памятником. Китаеведы России и всего мира — Китая, Европы, США — знают его как автора одного из важнейших проектов перевода *Ши цзи* и чтут его как ученого.

Проект Р.В.Вяткина — едва ли не самый важный в нашей науке, занимающейся древним Китаем. Необходимо издать ту часть работы ученого, которую он подготовил, и завершить перевод последних глав *Ши цзи*, чтобы мечта Рудольфа Всеволодовича исполнилась — весь труд Сыма Цяня был бы напечатан в русском переводе.

Ю.Л. Кроль

SYMA TSYAN
ISTORICHESKIE ZAPISKI ("SHI TSI")*

Syma Tsyan, Istoricheskie Zapiski ("Shi Tsi") (Ssu-ma Ch'ien, Historical Records ("Shih Chi"). Translated from Chinese and commented on by R. V. VYATKIN and V. S. TASKIN. Introductory article by M. V. KRIUKOV. Department of History, Institute of Oriental Studies, Academy of Sciences of the U.S.S.R.: Written Records of the Orient, XXXII, 1. Volume I. Pp. 439. Moscow: NAUKA PUBLISHING HOUSE. 1972. 4,700 copies. Roubles 1.74.

As a major monument of world historiography, Ssu-ma Ch'ien's *Shih chi* or *Historical Records* (China's first "universal" history, extending from the legendary beginnings to approximately 100 B.C.) has understandably stimulated great and continuing attention from Western as well as Chinese and Japanese scholars. The French translation of its first 52 chapters (out of 130) made around the beginning of this century by Edouard Chavannes, remains a masterpiece of Western Sinology. The much more recent (1961) English translation by Burton Watson covers more material (65 chapters) but less ground (only the early part of the Han dynasty, 206—ca. 100 B.C.) and its excellence as a translation is, for the specialist, unfavorably balanced by its paucity of footnotes and other scholarly apparatus.

Now, from members of the (Moscow) Institute of Oriental Studies, comes this first volume of an erudite and ongoing Russian version. Its format, typography and printing are adequate if not distinguished, Chinese characters are inserted wherever needed in footnotes, bibliography and indices, and the price and size of its edition should arouse the envy of scholars elsewhere.

The volume begins with a fifty-page introductory essay by Kriukov, describing Ssu-ma Ch'ien's life and historiography. Then comes Vyatkin's more specialized study of the *Shih chi*'s first four chapters—those translated in this first volume—belonging to the division of the *Shih chi* known as *pen chi* or "basic annals" and covering political developments from legendary times to the end of the Chou dynasty (256 B.C.). The translation itself comes next (about 80 pages), and then a considerably longer section of notes on the translation (about 120 pages). The rest of the book consists of numerous appendices: bibliographies of works in Russian, in other Western languages, and in Chinese and Japanese; chronological tables of the rulers of the Yin and Chou dynasties; and indices separately covering proper names (Japanese and Western as well as Chinese), place names, ethnic names (tribes and clans), and Chi-

* Рецензия опубликована в: Journal of the American Oriental Society. Vol. 95 (1). 1975.

nese terms. At the very end comes a five-page summary description of the volume in English—very helpful for the non-Russian reader.

The second and possibly the third volumes of this work are expected to appear during 1974. It would be very worthwhile for these successive volumes to be compared with their Chavannes and Watson counterparts, not only from the point of view of translation but also to judge the extent to which they succeed in building upon, and moving beyond, their predecessors. Unfortunately, this writer lacks the knowledge of Russian necessary to attempt the task.

Derk Bodde
University of Pennsylvania

Научное издание

Сыма Цянь
ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Том I

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Редакторы *В.В.Кунин, А.В.Зайцева*
Художник *Э.Л.Эрман*
Технический редактор *С.В.Цветкова*
Корректоры *Р.А.Каликштейн, Р.Ш.Чемерис*

ЛР № 020297 от 23.06.97
Подписано к печати 28.11.01
Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная
Усл. п. л. 26,0. Усл. кр.-отт. 26,0. Уч.-изд. л. 25,9
Тираж 1000 экз. Изд. № 8006. Зак. № 4823

Издательская фирма «Восточная литература» РАН
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры